

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции:
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.08.2026 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Развитие стратегического партийного прогнозирования в Российской Федерации (на примере деятельности политических партий «Единая Россия» и ЛДПР). Высокинский Л.А.	5
Медиазависимость формирования гражданской идентичности молодежи: роль цифровой среды в трансформации политического сознания. Кветной В.В.	11
Влияние информационных битов, дипфейков и генеративного ИИ-контента на электоральное поведение молодежи: когнитивные искажения и снижение осознанности. Кветной В.В.	16
Исторические предпосылки, этапы формирования и институциональная структура андского сообщества. Литовченко И.Д.	21
Интеграция и доверие как факторы электоральной поддержки политических партий в новых субъектах Российской Федерации. Маньчев Р.В.	24
Матрица секьюритизационного давления как инструмент количественного анализа политики национальной безопасности: апробация в современном российском политическом процессе (2014–2026). Моисеенко Е.С.	27
Роль центров управления регионом (цур) в стратегическом управлении: опыт Республики Мордовия. Пьянзин А.П.	33
К вопросу о трансформации угроз национальной безопасности в условиях современных миграционных процессов. Шевцов Л.Ф.	37

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Конструирование образов женщин-лидеров правоконсервативных партий Европы. Ерошенко А.А., Нестерчук О.А.	40
--	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Перспективы российско-сирийских отношений после смены власти в Сирии в 2024 году. Мансуров Т.З., Залаев Р.И.	45
Трансформация системы союзов США в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте распределения оборонного бремени. Полысалов Г.Ю.	49

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Технократический нейтралитет: модель поведения России в региональных кризисах и ее издержки для российско-индийского партнерства. Боднар И.И.	52
Гуманитарное сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в свете структурного конструктивизма А. Вендта. Инь Сымэн, Фан Сужань	55
Цифровые платформы как инструмент коммуникации государства и общества: механизмы вовлечения граждан и обратной связи. Павленко Ю.С.	62

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Политические механизмы санкционной адаптации: юрисдикционная заменимость финансовой инфраструктуры в России в 2022–2026 годах. Недорезов З.И.	67
Привлечение иностранных инвестиций в экономику Сербии в 2025 году в рамках механизмов личной и парламентской дипломатии. Фомичев Н.Н.	73

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации: основы и перспективы развития. Базулев М.С.	77
Правовой режим деприватизации в российском законодательстве: нормативно-правовой и правоприменительный аспект. Васиян Р.И.	82
Пределы ограничения конституционного права на судебную защиту. Дегтярев Д.Д., Чечулина А.А.	87
Контрольный мониторинг как новый метод внутреннего государственного финансового контроля (анализ новелл Федерального закона от 28 ноября 2025 г. № 432-ФЗ). Дзущева М.Ф.	91
Процессуально-правовой статус материалов беспилотных авиационных систем в федеральном государственном земельном контроле (надзоре): от вспомогательного средства к надлежащему доказательству. Дитрих Д.К., Афанасьев С.Н.	94
Понятие института репатриации. Кириченко А.О.	97
Перспективы развития правового регулирования института репатриации в Российской Федерации. Кириченко А.О.	101
К вопросу о правовой природе листинга ценных бумаг на примере законодательства России и Гонконга. Максимкин Я.А.	104
Особенности государственного финансового контроля в системе казначейских платежей. Моисеева А.В.	108
История становления правосудия как основной функции судебной власти. Попова В.В.	111
Теоретико-правовые основы публично-правового регулирования виртуальных цифровых пространств. Радченко А.В.	114
Правовое регулирование стейблкоинов в Российской Федерации. Шишова В.Д.	117

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отдельные аспекты правоприменительной практики оформления недвижимого имущества в собственность по приобретательной давности. Айвазян С.А., Степанов А.В.	121
Ответственность за нарушение обязательств при использовании искусственного интеллекта. Балибардина Н.Г.	125
Пределы применения статьи 333 ГК РФ в обязательствах с участием государственных органов. Белкин С.Я.	128
Проблемы применения штрафных санкций за непредоставление расчетно-калькуляционных материалов. Белкин С.Я.	131
Правовой статус резидента территорий опережающего развития: проблемы реализации и прекращения. Горынкин С.Д.	134
Проблемы исполнения договора на выполнение научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы. Еремеева Ю.М., Воронина И.В., Карнатов В.М., Ремизова Ю.А.	136
Дистанционное кредитование: особенности правового регулирования и вопросы практического применения. Кабаева А.А., Пронина М.А.	141
Арбитрабельность потребительских споров как проблема баланса автономии воли и защиты слабой стороны: сравнительно-правовой анализ (США, ЕС, Россия). Калятин М.Д.	145
Злоупотребление правом при регистрации товарных знаков: блокирующие заявки и недобросовестные регистрации. Калятин М.Д.	148
Взыскание кредиторских убытков в делах о банкротстве: проблемы теории и практики. Никитин А.Д.	151
Межкредиторские соглашения в процессе несостоятельности (банкротства): проблемы правового регулирования. Новиков А.В.	157

Компенсация морального вреда в случаях нарушений личных неимущественных прав участников семейных правоотношений. Корнилова Н.В., Орлова И.В.	161
Правовые последствия наследования доли в ООО несколькими наследниками. Сычев А.И.	164
Допустимость использования объектов интеллектуальной собственности при обучении нейросетей. Тамаев А.В.	167
Компенсация за досрочное расторжение трудового договора спортсменом: правовая природа, критерии и пределы. Терейковская А.А.	171
К вопросу о «молчаливом» признании в арбитражном процессе. Тряпочкин Н.А., Кулюшин Е.Н.	175
Возможность применения правового режима аудиовизуального произведения к мультимедийному продукту. Хорошилов К.С.	180
Особенности принудительного выкупа как способа прекращения корпоративных прав и специфика средств защиты миноритарных акционеров. Шелунцова А.О.	183

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВотВОРЧЕСТВА

Форма арбитражного решения как препятствие для признания и приведения в исполнение иностранных решений онлайн-арбитража. Бочарова А.М.	188
---	-----

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общая характеристика института мирового соглашения в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве. Корнилова Н.В., Орлова И.В.	192
Органы МВД, уполномоченные на проведение проверок и процедуры административного регулирования в сфере воспрепятствования работе интернет-сайтов. Радько Д.А.	197
Проблемы взаимодействия прокурорского надзора и ведомственного контроля в контексте обеспечения законности деятельности органов предварительного следствия. Романов Э.А.	200

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Особенности организации антимонопольного регулирования в Евразийском Экономическом Союзе. Беляков А.В.	204
---	-----

Экстерриториальное действие права ЕС: механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) и его совместимость с нормами ВТО. Гаджиева Ф.Г.	209
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Теоретическая концепция юридической техники кодификации уголовного закона. Глушкова Е.М.	212
Совершенствование системы контроля и надзора за соблюдением законности в воинских частях и подразделениях как инструмент предупреждения преступности военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации (в том числе в особые периоды). Григорьев В.Н.	216
Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств. Гусева Т.Н.	219
Криминологическая характеристика ответственности за клевету и оскорбление. Зацепин М.Н., Зацепин А.М.	225
Технологии подмены личности как обстоятельство, отягчающее наказание: где проходит предел. Малютин Е.А.	228
О совершенствовании названия главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации. Мосечкин И.Н.	232
Гибридные угрозы как фактор трансформации современной преступности: уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия. Савельева И.В.	237

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Уголовно-процессуальная медиация в России: пределы институционализации и доказательственные гарантии в сравнении с моделью Республики Казахстан. Герасимова Л.А.	242
Механизмы отказа в исполнении иностранных арбитражных решений. Петровицкая Ю.В., Григорьев А.В.	248
Локализация данных в Китае, Индии и России: модели реализации концепции цифрового суверенитета. Крестинина Е.В.	253
Формирование единого киберпространства ЕАЭС: проблемы и перспективы. Лабоськин М.А.	257
Понятие неопределённого процессуального статуса участников уголовного судопроизводства в контексте структурного анализа процессуального статуса. Лебин В.В.	261

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

The development of strategic party forecasting in the Russian Federation (a case study of the "United Russia" and LDPR political parties). Vysokinsky L.A.	5
Media dependence in the formation of youth civic identity: the role of the digital environment in the transformation of political consciousness. Kvetnoy V.V.	11
The impact of information bits, deepfakes, and generative AI content on youth electoral behavior: cognitive biases and reduced awareness. Kvetnoy V.V.	16
Historical prerequisites, stages of formation, and institutional structure of the Andean Community. Litovchenko I.D.	21
Integration and trust as factors of electoral support for political parties in the new constituent entities of the Russian Federation. Manchev R.V.	24
The securitization pressure matrix as a tool for the quantitative analysis of national security policy: a case study of the contemporary Russian political process (2014–2026). Moiseenko E.S.	27
The role of Regional Management Centers (RMCs) in strategic management: the experience of the Republic of Mordovia. Pyanzin A.P.	33
On the transformation of national security threats amidst contemporary migration processes. Shevtsov L.F.	37

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

Constructing the images of female leaders of right-wing conservative parties in Europe. Eroshenko A.A., Nesterchuk O.A.	40
--	----

POLITICAL ISSUES IN INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Prospects for Russian-Syrian relations following the change of power in Syria in 2024. Mansurov T.Z., Zalyaev R.I.	45
Transformation of the US alliance system in the Indo-Pacific region in the context of defense burden-sharing. Polysalov G.Yu.	49

POLITICAL REGIONAL STUDIES. ETHNOPOLITICS

Technocratic neutrality: Russia's behavioral model in regional crises and its costs for the Russian-Indian partnership. Bodnar I.I.	52
Humanitarian cooperation between China and Central Asian countries in light of A. Wendt's structural constructivism. Yin Simeng, Fang Suran	55
Digital platforms as a tool for state-society communication: mechanisms for citizen engagement and feedback. Pavlenko Yu.S.	62

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

Political mechanisms of adaptation to sanctions: jurisdictional substitutability of financial infrastructure in Russia, 2022–2026. Nedorezov Z.I.	67
Attracting foreign investment to the Serbian economy in 2025 through personal and parliamentary diplomacy mechanisms. Fomichev N.N.	73

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES

Legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation: foundations and development prospects. Bazulev M.S.	77
--	----

The legal regime of de-privatization in Russian legislation: regulatory and law-enforcement aspects. Vasiyan R.I.	82
Limits on restricting the constitutional right to judicial protection. Degtyarev D.D., Chechulina A.A.	87
Follow-up monitoring as a new method of internal state financial control (analysis of new provisions in Federal Law No. 432-FZ of November 28, 2025). Dzutseva M.F.	91
The procedural legal status of materials from unmanned aerial systems in federal state land control (supervision): from an auxiliary tool to admissible evidence. Ditrikh D.K., Afanasyev S.N.	94
The concept of the institution of repatriation. Kirichenko A.O.	97
Prospects for developing the legal regulation of the institution of repatriation in the Russian Federation. Kirichenko A.O.	101
On the legal nature of securities listing: a comparative analysis of Russian and Hong Kong legislation. Maksimkin Ya.A.	104
Specifics of state financial control within the treasury payment system. Moiseeva A.V.	108
The history of the emergence of the administration of justice as the primary function of the judiciary. Popova V.V.	111
Theoretical and legal foundations for the public-law regulation of virtual digital spaces. Radchenko A.V.	114
Legal regulation of stablecoins in the Russian Federation. Shishova V.D.	117

ISSUES OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Selected aspects of law enforcement practice regarding the registration of real estate ownership based on acquisitive prescription. Aivazyan S.A., Stepanov A.V.	121
Liability for breach of obligations involving the use of artificial intelligence. Balibardina N.G.	125
Limits on the application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation in obligations involving state bodies. Belkin S.Y.	128
Issues regarding the application of penalties for failure to submit cost calculation materials. Belkin S.Y.	131
Legal status of a resident of an Advanced Development Territory: issues of implementation and termination. Gorynkin S.D.	134
Issues regarding the performance of contracts for research and development (R&D) work. Ereemeeva Y.M., Voronina I.V., Karnatov V.M., Remizova Y.A.	136
Remote lending: specifics of legal regulation and practical application issues. Kabaeva A.A., Pronina M.A.	141
Arbitrability of consumer disputes as an issue of balancing party autonomy and protection... ..of the weaker party: a comparative legal analysis (USA, EU, Russia). Kalyatin M.D.	145
Abuse of right in trademark registration: blocking applications and bad-faith registrations. Kalyatin M.D.	148
Recovery of creditor losses in bankruptcy proceedings: theoretical and practical issues. Nikitin A.D.	151
Inter-creditor agreements in insolvency (bankruptcy) proceedings: issues of legal regulation. Novikov A.V.	157
Compensation for non-pecuniary damage in cases of violation of personal non-property rights of participants in family legal relations. Kornilova N.V., Orlova I.V.	161
Legal consequences of the inheritance of a share in an LLC by multiple heirs. Sychev A.I.	164
Admissibility of using intellectual property objects for training neural networks. Tamaev A.V.	167
Compensation for early termination of an employment contract by an athlete: legal nature, criteria, and limits. Tereykovskaya A.A.	171
On the issue of "tacit" admission in arbitration proceedings. Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N.	175

Possibility of applying the legal regime of an audiovisual work to a multimedia product. Khoroshilov K.S.	180
Specifics of compulsory buyout as a method of terminating corporate rights and the nature of remedies for minority shareholders. Sheluntsova A.O.	183

CURRENT ISSUES IN MODERN LAW-MAKING

The form of an arbitral award as an obstacle to the recognition and enforcement of foreign online arbitration awards. Bocharova A.M.	188
---	-----

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

General characteristics of the institution of the settlement agreement in civil and arbitrazh procedural law. Kornilova N.V., Orlova I.V.	192
Bodies of the Ministry of Internal Affairs authorized to conduct inspections and administrative regulation procedures regarding the obstruction of website operations. Radko D.A.	197
Issues regarding the interaction between prosecutorial oversight and departmental control in ensuring the legality of preliminary investigation bodies' activities. Romanov E.A.	200

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Specifics of organizing antitrust regulation within the Eurasian Economic Union. Belyakov A.V.	204
Extraterritorial application of EU law: the Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) and its compatibility with WTO rules. Gadzhieva F.G.	209

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. PENAL ENFORCEMENT LAW

Theoretical concept of the legal technique for codifying criminal law. Glushkova E.M.	212
--	-----

Improving the system of control and oversight regarding legality in military units and subunits as a tool for preventing crime among Russian Armed Forces personnel (including during special periods). Grigoriev V.N.	216
Criminal law characteristics of the misappropriation of budget funds (use of funds for purposes other than those intended). Guseva T.N.	219
Criminological characteristics of liability for defamation and insult. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.	225
Identity-swapping technologies as an aggravating circumstance: where is the limit? Malyutin E.A.	228
On Improving the Title of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation. Mosechkin I.N.	232
Hybrid Threats as a Factor in the Transformation of Modern Crime: Criminal Law and Criminological Aspects of Counteraction. Savelyeva I.V.	237

CRIMINAL PROCEDURE

Criminal Procedural Mediation in Russia: Limits of Institutionalization and Evidentiary Guarantees Compared to the Model of the Republic of Kazakhstan. Gerasimova L.A.	242
Mechanisms for Refusing Enforcement of Foreign Arbitral Awards. Petrovicheva Yu.V., Grigoryev A.V.	248
Data Localization in China, India, and Russia: Models for Implementing the Concept of Digital Sovereignty. Krestinina E.V.	253
Formation of a Unified EAEU Cyberspace: Challenges and Prospects. Laboskin M.A.	257
The Concept of the Indeterminate Procedural Status of Participants in Criminal Proceedings within the Context of a Structural Analysis of Procedural Status. Lebin V.V.	261

Развитие стратегического партийного прогнозирования в Российской Федерации (на примере деятельности политических партий «Единая Россия» и ЛДПР)

Высокинский Лев Александрович

к. полит. н., кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, leovisokinskiy@gmail.com

Особенности развития партий «Единая Россия» и ЛДПР требуют выработки собственных ориентиров дальнейшей деятельности. На сегодняшний день подходы двух партий сосредоточены на развитии экономических отношений на территории Российской Федерации. При этом, если «Единая Россия» стремится создать собственную методологию экономического и социального развития, то партия ЛДПР зачастую руководствуется популистскими лозунгами и не стремится вырабатывать отдельные подходы и предложения по экономическому регулированию общественных отношений, направлена исключительно на формирование идей экономической политики и сконцентрирована не на экономикоцентризме, а на комплексном понимании прогнозирования общественного знания. Вопросы экономического регулирования, а также общественные и политические интересы в большей степени становятся сферой деятельности партии власти, чем оппозиционных партий. Политическая партия ЛДПР известна собственными инициативами по выработке и проработке отдельных предложений по экономическому развитию России, но без создания собственной методологии. Методологические проблемы развития отечественной экономики остаются в поле развития политической партии «Единая Россия», являются экономическим ориентиром для дальнейших действий. В этих условиях ЛДПР стремится занять собственное место в российской политической системе, выступая с патристических позиций по ряду вопросов государственной политики.

Ключевые слова: политическая партия, реформа, экономическое и политическое прогнозирование, отрасль, металлургия, политическое развитие, партийная система, экономика транспорта и промышленности, экономика культуры, экономика здравоохранения.

Политическая партия «Единая Россия» и ЛДПР (Либерально-Демократическая Партия России) известны своими инициативами в области экономики, социального развития. Партийная деятельность данных политических структур базируется в том числе на партийном строительстве. Экономическое развитие Свердловской области во многом связано с особенностями деятельности ведущих политических партий. В случае с особенностями экономического и политического развития на территории Свердловской области необходимо отметить, что «партия власти» Единая Россия делает все возможное для комплексного, самодостаточного развития региона. Политические особенности внутреннего развития «Единой России» способствуют тому, что отдельные субъекты политического влияния своевременно воспринимают идеи как партийного, так и государственного строительства на территории Свердловской области. Партийное строительство как «Единой России», так и ЛДПР указывает на то, что политическое развитие России может базироваться на своевременных инициативах в социальной и экономических сферах[1]. Многие инициативы обеих партий направлены на развитие человеческого потенциала и повышение роли человека в экономической и общественной жизни.

Одним из направлений деятельности Единой России, которая реализует свои экономические инициативы через Правительство Свердловской области, является развитие наукоемких технологий в индустрии и промышленности в целом. Любая мощная политическая партия формирует актуальную политическую повестку дня. Одним из актуальных направлений развития региона остается вопрос нового курса на индустриализацию Свердловской области. Создание квалифицированных кадров, наукоемкие технологии в промышленности, новые технологии и индустрии приводят к тому, что на примере конкретного региона можно провести новую индустриализацию. Индустриализация в развитых государствах возможна только за счет наукоемких технологий, которые создаются в специальных условиях. Государство должно быть заинтересовано в создании таких индустрий, так как невозможно представить эффективную экономическую модель без данных наработок. На примере Свердловской области можно рассмотреть данную ситуацию в рамках развития технологии металлургии.

Таким образом, исследовательской целью данной статьи является сравнительный анализ подходов партии «Единая Россия» на примере субъекта федерации и политической партии ЛДПР к вопросам социально-экономического развития, а также изучение особенностей политического регулирования экономики, промышленности и социальной сферы региона.

Свердловская область известна своими запасами полезных ископаемых. Технологии, разработанные на Урале, долгое время имели важное значение для укрепления позиций государства как во внутренней, так и во внешней политике. Государственный интерес, госзаказ и другие направления деятельности государства по наращиванию государственных резервов являются важным государственным направлением в развитии. Очевидно, что общество нуждается в сильном, самостоятельном государстве, которое обладает стратегически выработанным суверенитетом. Новые технологии обеспечивают суверенитет и независимость нации.

На сегодняшний день в экономике Свердловской области стоит вопрос обновления технологий по производству металлургии. Недостаток современных технологий в металлургии привел к тому, что спрос на металл продолжает расти, тогда как производственные возможности отрасли ограничиваются устаревшими технологиями. Только введение новых технологий и формирование новых научных школ в рамках металлургии и металлургической промышленности, в частности позволит решить данную проблему. Проблемы отрасли связаны не только с особенностями производственного процесса, но и с вопросами экологической безопасности. Загрязнение

экологической среды также зависит от того, насколько правильно и своевременно будут применяться «умные технологии» в промышленности. Только целенаправленное развитие «умной металлургии» на территории Свердловской Области даст мощный импульс не только для металлургии как отрасли промышленного производства, но и для промышленного потенциала Области в целом, так как будет решено несколько стратегических задач. На уровне областного правительства развитие «умной экономики» в металлургии может способствовать обновлению промышленного производства, росту импортозамещения и укреплению экономических позиций региона. Одновременно важно учитывать экологический фактор, поскольку внедрение современных технологий может положительно повлиять на экологическое состояние Свердловской области. Одним из своевременных мероприятий политической партии «Единая Россия» является введение в стратегическую программу развития Свердловской Области до 2035 года положений о развитии «умной экономики» и совершенствовании высокотехнологичных индустрий. Эти меры можно рассматривать как важный шаг в развитии региональной политики, однако отсутствие единого подхода к стратегическому планированию пока сдерживает более динамичное развитие Свердловской области.

Методология развития представляет собой сложную и многоплановую систему. Необходимо учитывать фактор того, что общество не может жить и развиваться без методов прогнозирования. Сочетание прогнозирования и планирования позволяет выстраивать развитие отдельных отраслей, регионов и государства в целом. Сегодня при поддержке политической партии «Единая Россия» выстраивается методологическая система на уровне Областного Министерства экономики, инвестиций и территориального развития. Примерами из деятельности разработчиков методологии могут стать следующие результаты.

Свердловская Область обладает большой инвестиционной привлекательностью[2], что способствует макроэкономическому развитию региона. Особенностью развития региона является то обстоятельство, что он находится на пересечении транзитных потоков. В рамках методологии социально-экономического развития Свердловской Области показана дальнейшая перспектива развития всех отраслей народного хозяйства, которые расположены на территории Региона. Созданы отдельные научно-исследовательские предпосылки для того, чтобы выделить отдельные направления экономического развития отраслей социальной сферы, например, экономики культуры или здравоохранения. Сформулированы стратегические выводы о том, что экономика культуры никогда не будет экономически самодостаточной, так как платежеспособный спрос не оправдывает развитие учреждений культуры на практике. С другой стороны, экономика здравоохранения не может основываться исключительно на дотациях бюджета и частном бизнес-инвестировании. При этом развитие современных медицинских технологий необходимо для повышения качества здравоохранения, чтобы государственные больницы могли использовать лучший практический опыт и эффективнее решать задачи сохранения здоровья населения.

Отдельное значение имеет вопрос взаимодействия отраслевого и межотраслевого хозяйства. Одни отрасли могут быть удовлетворены в потребностях только за счет собственных ресурсов, другие отрасли создают межотраслевое планирование и прогнозирование для того, чтобы комплексно развивалось отраслевое хозяйство. Например, вопросы развития образовательной политики региона затрагивают абсолютно все сферы жизни общества. Развитие системы образования напрямую связано с потребностями других сфер общественной и экономической жизни. Если промышленности не хватает новых кадров, то это приводит к кризису производства и управления. Таким образом, спрос на квалифицированные кадры – в первую очередь спрос на достойный уровень образовательных технологий для развития промышленности. Промышленное производство не может развиваться без процесса наукоемких индустрий, когда на каждом из производств формируются собственные научные школы. Данную проблему дополнительно освещает и вопрос развития «Профессионалитета» в нашей стране. На данную программу развития средне-специального образования возлагаются большие надежды в развитии отдельных отраслей.

На современном рынке труда специалисты с высшим образованием зачастую остаются более востребованными, чем выпускники системы «Профессионалитет». Во многом это обусловлено тем, что

кадрам «рабочих специальностей» не хватает культуры высшего образования, с одной стороны, а, с другой стороны, лицам обладающим дипломами о высшем образовании не хватает практики рабочих специализаций. В советской системе образования большое внимание уделялось преемственности подготовки кадров, когда после обучения в техникуме молодежь продолжала образование уже в высших учебных заведениях. Данный образовательный подход можно рассмотреть на примере техников в системе торговли и питания, которые имели свойство направлять своих выпускников в товароведческие ВУЗ-ы. Другим примером является техническое образование, когда отдельные политехникумы были мотивированы направлять своих выпускников в Высшие Технические Университеты. В Свердловской Области данный опыт реализовывался на площадке УГТУ-УПИ, где выпускники Свердловского Политехникума продолжали учебу.

Интересно и другое направление государственной политики, которое тоже тесно связано с образованием и образовательной средой – молодежная политика. Вопрос развития молодежи носит комплексный характер и затрагивает все направления народного хозяйства. Грамотная молодежная политика во многом определяет развитие общества и будущее следующих поколений. Необходимо понимать, что приоритеты развития народного хозяйства связаны с молодым поколением очень тесно. Данная связь проявляется в том, что, с одной стороны, народное хозяйство нуждается в квалифицированных кадрах, а, с другой стороны, именно межотраслевая сфера образования их формирует. Молодежь при этом очень связана с ценностными ориентирами в жизни, которые формируют духовно-нравственный компонент ее существования. На территории Свердловской Области молодежная политика формировалась в рамках образовательной политики. Данный подход был узконаправленным, но обоснованным, так как именно образование формирует личность. Недостатком данного подхода стала его ограниченность, поскольку образовательная политика не всегда учитывала особенности других сфер общественного развития. Новая Методология планирования и прогнозирования социально-экономического развития Свердловской Области учитывает данные особенности и показывает, как молодежная политика формируется под воздействием различных сфер, с одной стороны, и влияет на данные сферы, с другой стороны. При этом и Парламентаризм воздействует на принятие ключевых решений в развитии отраслевого развития субъекта федерации. Одной из таких мер является разработанное на уровне Свердловской Области инициативное бюджетирование, которое используется для развития территорий и решения местных социально-экономических задач. Социум открыто участвует в определении своего будущего. Как отмечает российский ученый-политолог, профессор кафедры политических наук УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина А.А. Керимов: «Власть нельзя рассматривать в отрыве от структуры социума, который на каждом этапе своего развития обладает объективными, свойственными только ему чертами и качествами»[15]. Именно таким образом преобразуется общественная и политическая среда, создаются объективные предпосылки для комплексного социально-экономического развития территорий.

Развитие различных сфер общественной жизни показывает, что продуманная методология помогает государству и регионам более эффективно планировать свое развитие. На примере партийной деятельности ЛДПР можно констатировать, что многие экономические инициативы партии на сегодняшний день коррелируются с идеологическими установками в экономике со стороны «Единой России». Во многом ЛДПР ориентируется на те направления, которые поддерживает «Единая Россия», стараясь сохранить собственное место в политической системе страны. Экономические лозунги партии, которые не касаются совместных идей с «Единой Россией», указывают на то, что популистский характер данных идей успешно коррелируется с известными в Мировом популистскими партиями. «Разумный популизм» ЛДПР делает все возможное для того, чтобы данная политическая структура существовала как можно больше времени и без участия В.В. Жириновского. Политика данной партии существует во многом как дополнение к руководящему уровню «Единой России», ставит во многом своей задачей развитие «патриотических сил» в комбинации с популистским началом. Например, известный лозунг лидера ЛДПР В.В. Жириновского: «Мы за русских, мы за бедных»[5]. Данный лозунг отражает стремление партии обратить

внимание на социальные проблемы, однако не раскрывает конкретных механизмов их решения.

Таким образом, партийная система в Российской Федерации продолжает развиваться и изменяться. При этом одни политические силы стремятся вырабатывать собственные подходы к развитию страны, тогда как другие, в том числе ЛДПР, в большей степени поддерживают уже существующие направления государственной политики. В вопросах экономического развития «Единая Россия» и ЛДПР нередко занимают схожие позиции, однако «Единая Россия» делает акцент на формировании собственной системы развития, тогда как ЛДПР чаще поддерживает данные идеи в более политически яркой форме [10].

Сравнительный анализ показывает, что «Единая Россия» и ЛДПР по-разному подходят к вопросам социально-экономического развития страны и регионов. «Единая Россия» делает основной акцент на стратегическом планировании, развитии промышленности, образования и внедрении современных технологий, тогда как ЛДПР чаще выступает с политическими и социальными инициативами без создания собственной системы экономического развития. На примере Свердловской области видно, что развитие региона сегодня напрямую связано с вопросами индустриализации, подготовки кадров, молодежной политики и внедрения новых технологий в промышленности. Современное развитие экономики и общественной среды требует не только политических лозунгов, но и продуманной методологии, которая позволит комплексно развивать регион и государство в целом.

Одновременно с данными положениями, справедливо отметить, что деятельность и политической партии «Единая Россия», и ЛДПР имеет давние традиции по прогнозированию партийных программ, партийных документов социально-экономического характера, которые непрерывно развиваются во времени, способствуют развитию и стабилизации Парламентаризма в России, формируют концепцию общественного согласия. На практике это выражается в следующих подходах:

1) Документы стратегического прогнозирования и планирования на уровне муниципального образования «город Екатеринбург», Свердловской Области, политических партий ЛДПР и «Единая Россия» являются универсальным способом стабилизации политической системы общества и имеют не только экономический, но и социально-политический характер. Это доказывает взаимосвязь конструкции «государство-общество». Государственные и политические институты должны формироваться из потребностей общества, а, в свою очередь, общество должно помогать данным институтам в развитии. Гарантии взаимного сотрудничества государства и общества должны учитывать взаимосвязи и взаимную специфику друг друга для того, чтобы отдельные государственные положения оставались не только на бумаге, но и были качественно продуманы и восприняты обществом.

2) Конституционный механизм развития общества предполагает и включение в данный процесс документов политических партий, которые имеют стратегический характер, направлены на комплексное развитие общественной среды, народонаселения. Зачастую данные документы являются программно-типа и отражают специфику общественного согласия по созданию конкретной политической силы. Стратегические документы муниципалитетов, регионов и федерации являются примером политического прогнозирования и зачастую коррелируются с программными документами партий ЛДПР и «Единая Россия». Именно таким образом выстраивается баланс государственных и общественных сил в обществе, что способствует развитию Парламентаризма в России. Баланс сил выстраивается на основе взаимного уважения и взаимопроникновения идей и точек зрения в рамках работы системы Парламентаризма.

Политическое прогнозирование ЛДПР зачастую не учитывает политических аспектов экономической политики, но затрагивает все сферы общественного знания. Политическое прогнозирование «Единой России» стремится к экономикоцентризму и подчиняет данному фактору остальные сферы. При этом у двух партий происходит успешное взаимопроникновение идей в рамках Парламентаризма, которые отвечают идеям развития как общественного согласия, так и патриотических сил в нашей стране.

3) Развитие политического плюрализма в России предполагает конкуренцию и одновременно консолидацию различных идей и точек зрения партийного строительства в Российской Федерации, что достигается за счет достижения цели отражения данных позиций на

социальные и общественные институты. В случае с политической партией ЛДПР речь идет о классическом политическом прогнозировании, которое затрагивает все сферы общественного знания за исключением экономики. Отсутствие экономической составляющей политической прогностики ЛДПР заключается в отсутствии детального изучения специфики экономических явлений и воля основателя партии В.В. Жириновского, концентрировавшегося на вопросах «исторического прогнозирования» и сравнительной политологии международных отношений. Политические аспекты стратегического планирования лучше раскрыты в программных документах политической партии «Единая Россия», которая смогла создать политэкономическую модель развития России на многие годы вперед, вобрав в себя актуальные идеи экономики и политики, что выражается в курсе на консолидирование лучших научных отечественных разработок в экономической науке, финансировании, поддержании и взаимодействии с лучшими экономическими школами. При этом, с одной стороны, конкуренция подходов ЛДПР и «Единой России» в прогнозировании создает возможность не только для планового развития партийного строительства в России, но и для развития Парламентаризма в целом. С другой стороны, отсутствие консолидации по направлениям прогнозирования в двух партиях может говорить о том, что таким образом развивается партийная демократия и партии направлены на разноректорное развитие в прогнозировании и не направлены на консолидацию своих отдельных взглядов и предложений. Можно говорить о том, что «партия власти» «Единая Россия» выбирает экономикоцентристские подходы при изучении и политическом прогнозировании всех явлений общественной жизни, политическая партия ЛДПР выбирает стратегию узкопрофильного подхода изучения политического процесса и не стремится позиционировать себя как проправительственную структуру. Данные особенности политического плюрализма объективно говорят о том, что в рамках развития политического прогнозирования каждая из партий стремится найти свою нишу в политическом процессе и таким образом сохранить внутренний и внешний потенциал собственного развития.

4) Технология лидерства подразумевает развитое стратегическое управление, тесно сопряженное с политическими решениями. Формирование актуальной повестки в рамках стратегического управления занимает главное место, когда речь идет о роли политического лидера в управлении социально-экономическими процессами. Невозможно создать приоритетные направления развития государственной политики без активной роли лидеров в данном процессе. При этом каждый из лидеров формирует свою управленческую команду. Различные команды, которые аккумулируют в себе роль лидера, создают предпосылки для того, чтобы создать условия для стратегических направлений развития государственной политики. При этом очень важно сказать о том, что роль лидера в социально-политическом процессе проявляется в стратегическо-прогностическом мышлении и умении правильно контролировать ход действия отдельных работ по развитию стратегий. Учет и контроль отдельных мнений и предложений управленческой команды является главным двигателем прогресса для руководителя и одновременно консолидирующим началом в управлении в целом. Одновременно с данными положениями важным пунктом является механизм реализации управленческого процесса, который проявляется в специфике работы стратегического материала, который отвечает параметрам системности, структурированности, формальности, автоматизации. Активная заинтересованность лидера и его команды в реализации управленческих стратегий отражает способность Органов Местного Самоуправления и Органов Государственной Власти к созданию условий по развитию совместной работы с населением, способность лидера показать результаты своей работы обществу, готовность политических институтов и социальных групп воспринять данные результаты и через механизм общественных советов. Это дает возможность создать предпосылки по формированию новых идей и предложений развития гражданского общества.

5) Социально-политический документ только тогда является стратегическим, когда отражает интересы общественного согласия. Это проявляется в том, что различные социальные группы формируют документы общественного согласия. Реализуется конструкция «Наука-Институты-Бизнес-Руководитель», когда все социальные группы могут проявить свое желание и интерес к тем актуальным направлениям в развитии, которые реализуются в государстве. Та-

ким образом достигается баланс интересов между основными социально-политическими акторами общества в рамках создания документов общественного согласия. Во многом общественное согласие достигается на практике теми политическими силами, которые в данный момент доминируют, приобретают статус групп давления, которые стремятся повлиять на политические процессы. Баланс интересов данных групп и формирует документ общественного согласия, который становится единым консолидирующим актом демократического характера, учитывающий реалии политической солидарности в обществе. Соединение современного политического процесса с спецификой создания документов общественного согласия показывает, что отражение интересов государства может базироваться только на нуждах народонаселения и актуальных проблемах социальных групп. В свою очередь социальные группы должны прорабатывать свои предложения исходя из реалий политической конъюнктуры и здравого смысла политического участия. Это обусловлено тем, что зачастую на практике происходит искажение отдельных позиций и предложений тем, что одни групповые интересы могут доминировать над другими, формируя полярно-конфликтную среду. Во-вторых, необходимо учитывать отсутствие прозрачности интересов в формировании баланса сил между групповыми интересами. В-третьих, искажение результатов управленческих решений как со стороны органов власти, так и со стороны социальных групп, приводит к взаимному недоверию к процессу формирования таких документов, что на практике означает отсутствие единого консенсуса. В четвертых, формирование данных документов стремится к тому, чтобы удовлетворить всех потенциальных «игроков» политического процесса, одновременно и государство и социальные группы, что, зачастую, не реализуется из-за неправильного распределения прав участвующих сторон и отсутствия пропорционального подхода в установлении данных сил. Рациональное соблюдение социокультурных и субкультурных традиций, социально-экономического положения групп, безбарьерной среды способствует формированию развитого механизма документов общественного согласия.

6) Роль общественных групп в политическом прогнозировании может быть как конструктивной, так и конфликтной. С одной стороны, их участие повышает комплексность и многогранность прогнозов, позволяет учитывать разнообразные факторы. С другой — существует риск субъективности оценок, влияния групповых интересов или манипулирования данными в интересах определенных политических сил.

При этом в демократическом обществе взаимодействие общественных групп с властью и другими акторами считается важным элементом политического процесса, а их участие в прогнозировании и обсуждении политических решений — легитимным. Однако при этом важно соблюдать принципы объективности и учитывать возможные последствия для стабильности политической системы.

7) Процессы политического взаимодополнения, взаимообогащения, взаимообучения граждан через общественные советы различного уровня значительно влияют на развитие политической психологии в России. Через психологию развития различных общественных процессов можно увидеть развитие гражданское общество. Гражданское общество ставит перед собой важные стратегические планы общественного характера, которые формируют политическую психологию. Следует сказать о том, что в Российской Федерации политическая психология принятия различных решений через непосредственное или опосредованное участие граждан представляет из себя низкий уровень политического участия в принятии важных вопросов. Это выражается тем, что в России слабо развиты модели политического участия. Зачастую граждане не понимают, как правило ориентироваться в политике, политических процессах. Отдельные группы лоббирования ставят перед собой задачи ориентирования граждан в формате подчинения конкретным политическим силам. На практике не складывается единое направление по комплексному пониманию роли участия в политических процессах у каждого отдельного гражданина не смотря на то, что существуют развитые модели политического участия: стейкхолдерский подход, инклюзивный подход, партисипативный подход. Достоинства данных подходов в теории не исключают на практике недостатки формирования политической психологии у граждан. Политическая психология является исходной предпосылкой для формирования политической воли граждан при принятии важных политических решений стратегического характера. Развитая политическая психология спо-

собствует развитию качественных документов социально-политического характера, в том числе документов общественного согласия, которые являются базисными для гражданского общества.

Таким образом, политический процесс, с учетом деятельности партий «Единая Россия» и ЛДПР показывает, что политическое и экономическое прогнозирование представляют из себя взаимообусловленные явления общественной среды, тесно взаимосвязаны. Политическая партия «Единая Россия» является примером экономического прогнозирования с элементами политического, а политическая партия ЛДПР является примером ярко выраженного политического прогнозирования с элементами экономической политики. Можно говорить о том, что сочетание подходов двух политических партий в рамках политического прогнозирования полезно для ученых-политологов, молодых исследователей, политиков и государственных деятелей именно потому, что представляет из себя универсальную модель политического прогнозирования и управления политическими процессами в Российской Федерации. При этом технология лидерства сильно выражена и развита в обеих партиях, обе партии стремятся к тому, чтобы создавались и сохранялись документы общественного согласия. Политические партии заинтересованы в развитом гражданском обществе на территории Российской Федерации, но при этом и «Единая Россия», и ЛДПР не могут создать оптимальную модель методологии политического процесса на территории государства, зачастую идеи прогнозирования данных партий идут вразрез с экономической методологией, которая существует на основе разработок «партии власти». Развитие партийного прогнозирования в нашей стране позволит решить данную проблему, это одна из первостепенных задач молодых исследователей-политологов.

Литература

1. Жириновский, В. В. Геополитика и политика 1993–1994 / В. В. Жириновский. — М. : ЛДПР, 1997. — 264 с. — Текст : непосредственный.
2. О Концепции развития логистического комплекса Свердловской области на период до 2035 года с целевыми ориентирами до 2040 года. — Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/407261249> (дата обращения: 14.03.2026).
3. Выбрать профессию мечты? Легко! — Текст : электронный // Профессионалитет : [сайт]. — URL: <https://xn--n1abdr5c.xn--p1ai/?ysclid=mmq8ed9xlg836785302> (дата обращения: 14.03.2026).
4. Чарная, И. В. Экономика культуры : учебник и практикум для вузов / И. В. Чарная. — 5-е изд. — М. : Юрайт, 2022. — 269 с. — Текст : непосредственный.
5. Жириновский, В. В. Политическая классика / В. В. Жириновский. — М. : ЛДПР, 1996. — 256 с. — Текст : непосредственный.
6. НАРОДНАЯ ПРОГРАММА «ЕДИНОЙ РОССИИ». — Текст : электронный // Единая Россия : [сайт]. — URL: <https://er.ru/party/program?ysclid=mmq8wd62t739968599> (дата обращения: 14.03.2026).
7. Жириновский, В. В. Война приближается к границам России / В. В. Жириновский. — М. : ЛДПР, 1999. — 248 с. — Текст : непосредственный.
8. ЛДПР, ТВ Историческое и пророческое выступление Жириновского в Крыму. 2014 год / ТВ ЛДПР. — Текст : электронный // [rutube.ru](https://rutube.ru/video/d2d21be80a39c311872c9f708b3e1355/?ysclid=mlw9htzawr993650670) : [сайт]. — URL: <https://rutube.ru/video/d2d21be80a39c311872c9f708b3e1355/?ysclid=mlw9htzawr993650670> (дата обращения: 21.02.2026).
9. Жириновский, В. В. Верьте нашим прогнозам / В. В. Жириновский. — М. : ЛДПР, 2000. — 272 с. — Текст : непосредственный.
10. Мелешкина, Е. ГОСУДАРСТВО, НАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В ПРОГРАММАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ («ЕДИНАЯ РОССИЯ» И ЛДПР) / Е. Мелешкина. — Текст : электронный // CYBERLENINKA : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-natsiya-i-politicheskiy-rezhim-v-programmah-rossijskih-politicheskikh-partiy-edinaya-rossiya-i-l DPR/viewer> (дата обращения: 14.03.2026).
11. Жириновский, В. В. Пусть живет и крепнет Россия / В. В. Жириновский. — М. : ЛДПР, 2000. — 256 с. — Текст : непосредственный.
12. Жириновский, В. В. О судьбах России / В. В. Жириновский. — М. : ЛДПР, 1993. — 256 с. — Текст : непосредственный.

13. Жириновский, В. В. Последний вагон на Север / В. В. Жириновский. — Сост. и общ. ред. А. В. Чурилова. — Нижний Новгород : ЛДПР, 1995. — 240 с. — Текст : непосредственный.

14. Жириновский, В. Вишняков В. Наша цель – единое Российское государство / В. Вишняков В. Жириновский. — М. : ЛДПР, 1995. — 64 с. — Текст : непосредственный.

15. Керимов, А. А. Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы : специальность 23.00.02 « Политические институты, процессы и технологии » : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Керимов Александр Алиевич ; УрФУ им. Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург, 2018. — 343 с. — Текст : непосредственный.

16. Дынкин, А. А. Миловидов В. Д. Наука дальновидности: как преуспеть в стратегическом прогнозировании и планировании / А. А. Миловидов В. Д. Дынкин. — Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. — 2023. — № 3. — С. 6-23.

17. Цыбатов, В. А. Цифровые технологии прогнозирования и стратегического планирования регионального развития: теория и практика / В. А. Цыбатов. — Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2023. — № 1. — С. 69-83.

18. РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОМЕДИЙНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ПОТОКОМ ЛДПР В ЗАКРЕПЛЕНИИ СТАТУСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ВТОРОГО ВЫБОРА» (2023–2024 гг.) / Е. В. Бродовская. — Текст : электронный // cyberleninka : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-upravleniya-sotsialnomediynym-informatsionnym-potokom-ldpr-v-zakreplenii-statusa-politicheskoy-partii-vtorogo-vybora-2023-2024> (дата обращения: 02.08.2026).

19. Сичак, Е. Н. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРАКТИК / Е. Н. Сичак. — Текст : электронный // cyberleninka : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-deyatelnosti-partii-edinaya-rossiya-v-period-pandemii-analiz-osobennostey-organizatsionnyh-praktik> (дата обращения: 02.08.2026).

The development of strategic party forecasting in the Russian Federation (using the example of the activities of the United Russia and LDPR political parties) Vysokinsky L.A.

Ural Institute for the Humanities, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The peculiarities of the development of the United Russia and LDPR parties require the development of their own guidelines for further activities. Today, the approaches of the two parties are focused on the development of economic relations in the territory of the Russian Federation. At the same time, while United Russia seeks to create its own methodology for economic and social development, the LDPR party is often guided by populist slogans and does not seek to develop separate approaches and proposals for economic regulation of public relations, is aimed solely at shaping economic policy ideas and is focused not on economic centrism, but on a comprehensive understanding of forecasting public knowledge. Issues of economic regulation, as well as public and political interests, are becoming more the sphere of activity of the party in power than of opposition parties. The LDPR political party is known for its own initiatives to develop and elaborate individual proposals for Russia's economic development, but without creating its own methodology. Methodological problems of the development of the domestic economy remain in the field of development of the United Russia political party, and are an economic guideline for further actions. In these circumstances, the Liberal Democratic Party seeks to take its own place in the Russian political system, speaking from patriotic positions on a number of public policy issues.

Keywords: political party, reform, economic and political forecasting, industry, metallurgy, political development, party system, economics of transport and industry, economics of culture, economics of healthcare.

References

1. Zhirinovsky, V. V. Geopolitics and Politics 1993-1994 / V. V. Zhirinovsky. Moscow: LDPR, 1997. 264 p.-text: unpublished.
2. On the concept of development of the logistics complex of the Sverdlovsk region for the period up to 2035 with targets up to 2040. -Text: Electronic // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents: [website]. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/407261249> (date of request: 03/14/2026).
3. Choose your dream profession? Easy! - Text: electronic // professionalism: [website]. - URL: <https://xn--n1abdr5c.xn--p1ai/?ysclid=mmq8ed9xlg836785302> (accessed: 03/14/2026).
4. Charnaya, I. V. Economics of culture: textbook and workshop for universities / I. V. Charnaya. -5th ed. - Moscow : Yurait, 2022. - 269 p.-text: unpublished.
5. Zhirinovsky, V. V. Political classics / V. V. Zhirinovsky. - M. : LDPR, 1996. 256 p.-text: unpublished.
6. THE NATIONAL PROGRAM"UNITED RUSSIA". - Text: electronic // United Russia: [Website]. - URL: <https://er.ru/party/program?ysclid=mmq8wd62t739968599> (accessed: 03/14/2026).
7. Zhirinovsky, V. V. The war is approaching the borders of Russia / V. V. Zhirinovsky. - M. : LDPR, 1999. - 248 p.-text: unpublished.
8. The LDPR published on TV Zhirinovsky's historical and prophetic speech in Crimea. 2014 / LDPR TV. - Text : electronic // rutube.ru : [website]. - URL: <https://rutube.ru/video/d2d21be80a39c311872c9f708b3e1355/?ysclid=mlw9hztaur993650670> (accessed: 02/21/2026).
9. Zhirinovsky, V. V. believe our forecasts / V. V. Zhirinovsky. - M. : LDPR, 2000. - 272 p.-text: unpublished.
10. Meleshkina, E. The state, the nation and the POLITICAL regime in the programs of Russian political parties (United Russia and LDPR) / E. Meleshkina. - Text : electronic // cyberleninka : [website]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-natsiya-i-politicheskiy-rezhim-v-programmah-rossijskih-politicheskikh-partiy-edinaya-rossiya-i-ldpr/viewer> (date of request: 03/14/2026).
11. Zhirinovsky, V. V. Let Russia live and grow stronger / V. V. Zhirinovsky. - M. : LDPR, 2000. 256 p.-text: unpublished.
12. Zhirinovsky, V. V. on the fate of Russia / V. V. Zhirinovsky. - M. : LDPR, 1993. 256 p.-text: unpublished.
13. Zhirinovsky, V. V. The last car to the north / V. V. Zhirinovsky. — Comp. and the general editorship of A. V. Churilov. Nizhny Novgorod : LDPR, 1995. 240 P.-Text: unpublished.
14. Zhirinovsky, V. Vishnyakov in our goal-a united Russian state / V. Vishnyakov in Zhirinovsky. - M. : LDPR, 1995. - 64 p.-text: uninitiated.
15. Kerimov, A. A. the institution of parliamentarism in the legitimization of political power in modern Russia: actors, strategies, resources : specialty 23.00.02 "political institutions, processes and technologies" : dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences / Kerimov Alexander Aliovich ; Ural Federal University named after B. N. Yeltsin. Yekaterinburg, 2018. 343 p.-text: unpublished.
16. Dynkin, A. A. Mirovidov in foresight: how to succeed in strategic forecasting and planning / A. A. Mirovidov in dynkin. - Text : unbiased // Problems of forecasting. — 2023. — No. 3. - pp. 6-23.
17. Tsybatov, V. A. Digital technologies of forecasting and strategic planning of regional development: theory and practice / V. A. Tsybatov. - Text : unpublished // Bulletin of Samara State University of Economics. - 2023. — No. 1. - pp. 69-83.
18. The role of managing the social media INFORMATION flow of the Liberal Democratic Party in consolidating the status of a political party in the "second round of elections" (2023-2024) / E. V. Brodovskaya. - Text : electronic // cyberleninka : [website]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-upravleniya-sotsialnomediynym-informatsionnym-potokom-ldpr-v-zakreplenii-statusa-politicheskoy-partii-vtorogo-vybora-2023-2024> (date of request: 08/02/2026).
19. Sichak, E. N. On the activities of the United Russia Party during the pandemic: AN ANALYSIS of organizational practices / E. N. Sichak. - Text : electronic // cyberleninka : [website]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-deyatelnosti-partii-edinaya-rossiya-v-period-pandemii-analiz-osobennostey-organizatsionnyh-praktik> (date of request: 08/02/2026).

Медиазависимость формирования гражданской идентичности молодежи: роль цифровой среды в трансформации политического сознания

Кветной Владимир Владимирович

аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г. В. Плеханова

Актуальность настоящего исследования определяется углубляющимся противоречием между устойчивым количественным присутствием молодежи в электоральном процессе Российской Федерации и качественной неоднородностью ее гражданско-политической вовлеченности. По официальным данным, доля молодых избирателей в структуре электората на выборах 2024 года составила около четверти от общего числа проголосовавших, а число впервые голосующих превысило 1,3 млн человек, однако социологические замеры фиксируют, что лишь незначительная часть молодых людей регулярно интересуется политической повесткой и осознанно в ней участвует. Указанное противоречие обостряется в условиях доминирования цифровой медиасреды, где интенсивное потребление кратких, эмоционально насыщенных информационных форматов, а также распространение дипфейков и генеративного политического контента искусственного интеллекта способствуют формированию упрощенных и неустойчивых политических представлений. Цель статьи - выявить и теоретически обосновать механизмы, посредством которых цифровая медиасреда трансформирует политическое сознание молодежи и определяет уровень сформированности ее гражданской идентичности как фактора электорального поведения. В работе применены системный, институциональный, поведенческий и цифровой (технологический) подходы, а также данные пилотного анкетного опроса студенческой молодежи (n = 100, возраст 18-25 лет) в сопоставлении с материалами всероссийских исследований НАФИ, ВЦИОМ и ФОМ. Результаты показали преобладание декларативного уровня гражданской идентичности при доле интегрированного уровня лишь около 23% респондентов, значительный разрыв между субъективной уверенностью молодежи в собственной медиаграмотности и ее фактической способностью распознавать манипулятивный контент, а также ведущую роль социальных сетей и СМИ (35% ответов) как одновременно основного канала гражданской социализации и главного источника дезинформационных рисков. Полученные данные позволили описать пятизвенную модель трансформации политического сознания «среда - воздействие - когнитивная обработка - идентичность - электоральное поведение» и сформулировать практические рекомендации по развитию медиаграмотности как ключевого условия становления зрелой гражданской идентичности молодежи в цифровую эпоху.

Ключевые слова: гражданская идентичность, политическое сознание, медиазависимость, цифровая медиасреда, молодежь, электоральное поведение, дипфейки, медиаграмотность, когнитивные искажения, политическая социализация.

Введение

Трансформация политической коммуникации, связанная с повсеместным распространением цифровых платформ, социальных сетей и генеративных технологий искусственного интеллекта, кардинально меняет условия политической социализации новых поколений. Молодежь как социальная группа, обладающая наибольшей цифровой активностью и наименьшим запасом сформированных политических установок, оказывается в наибольшей степени восприимчивой к воздействию цифровой медиасреды. Именно поэтому вопрос о том, каким образом цифровые технологии влияют на становление гражданской идентичности молодых людей и их последующее электоральное поведение, приобретает не только теоретическую, но и практическую государственную значимость.

Официальная статистика свидетельствует об устойчивом присутствии молодежи в электоральном процессе: по данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, на выборах 2024 года доля молодых избирателей среди проголосовавших составила около четверти, при этом число впервые принявших участие в голосовании граждан в возрасте 18-35 лет превысило 1,3 млн человек. Вместе с тем результаты опросов Фонда «Общественное мнение» демонстрируют иную сторону этого явления: лишь около пятой части студенческой молодежи регулярно вовлечена в обсуждение политических вопросов, тогда как подавляющее большинство делает это эпизодически. При этом свыше 80% опрошенных признают нормативную значимость политического участия молодежи, что указывает на разрыв между декларируемыми установками и реальной практикой гражданского поведения.

Данное противоречие - между количественной представленностью молодежи в электорате и качественной поверхностностью ее политической вовлеченности - образует центральную проблему настоящей статьи. Автор исходит из гипотезы, согласно которой ключевым фактором, объясняющим указанный разрыв, выступает специфический характер политической социализации в условиях цифровой медиасреды, где традиционные институты - семья, школа, вуз - утрачивают монопольное влияние на формирование гражданских установок, уступая место алгоритмически персонализированным потокам контента, коротким эмоционально насыщенным форматам и синтетическим медиаматериалам.

Понятие медиазависимости применительно к задачам настоящего исследования трактуется не в клиническом, а в социально-политическом смысле - как устойчивая структурная обусловленность процессов гражданской самоидентификации молодежи содержанием, форматом и алгоритмической логикой цифровой информационной среды. В данной трактовке медиазависимость выступает системной характеристикой современной политической социализации, а не индивидуальным поведенческим отклонением.

Целью статьи является выявление и теоретическое обоснование механизмов, посредством которых цифровая медиасреда трансформирует политическое сознание молодежи и определяет уровень сформированности ее гражданской идентичности как фактора электорального поведения. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть теоретические основания понятия гражданской идентичности применительно к условиям цифровой медиасреды; систематизировать современные инструменты политико-коммуникационного воздействия на политическое сознание молодежи; описать эмпирические данные, характеризующие уровень медиаграмотности и гражданской идентичности студенческой молодежи; предложить обобщенную модель трансформации политического сознания под воздействием цифровой среды; сформулировать практические рекомендации по снижению рисков манипулятивного воздействия.

Научная новизна работы состоит во введении медиаграмотностного компонента в структуру гражданской идентичности личности, а также в разработке пятизвенной аналитической модели, связывающей факторы цифровой среды, инструменты политического воздействия, когнитивную обработку информации, уровень сформированности идентичности и тип электорального поведения молодежи.

Обзор литературы

Изучение гражданской идентичности личности имеет длительную научную традицию, сложившуюся на пересечении политической психологии, социологии молодежи и теории политической социализации. Классическое понимание идентичности как интегративного ощущения собственного «Я», вырабатываемого во взаимодействии со значимым социальным окружением, восходит к работам Э. Эриксона и остается методологическим фундаментом для последующих исследований гражданской самосознания. Применительно к политической сфере данная логика означает, что устойчивые установки личности по отношению к государству и гражданскому сообществу формируются постепенно, через накопление опыта социального взаимодействия, а не задаются директивно.

Существенный вклад в осмысление национальной и гражданской идентичности как результата культурного и исторического конструирования внесли Б. Андерсон, предложивший концепцию «воображаемых сообществ» [2], и Э. Геллнер, рассматривавший национальную идентичность в контексте модернизационных процессов [3]. Данные подходы позволяют трактовать гражданскую идентичность не как природную данность, а как продукт целенаправленного и стихийного символического конструирования, в котором средства массовой коммуникации традиционно играли ключевую роль. Идеи социального конструктивизма, развитые П. Бергером и Т. Лукманом, а также концепция «текучей», изменчивой идентичности, предложенная З. Бауманом, расширяют это понимание применительно к условиям высокой социальной и информационной изменчивости, характерной для современного общества.

В отечественной науке основы изучения молодежи как специфического субъекта общественных отношений были заложены в трудах А.Я. Данилюк и др., обративших внимание на особые ценностные ориентации и поведенческие установки данной социальной группы [10]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в исследованиях М.А. Гагариной, эмпирически показавшей неустойчивость идентификационных установок молодых людей [8], а также в работах А.Н. Гладун, посвященных институциональным механизмам формирования государственно-гражданской идентичности [9]. Существенное значение для понимания ценностно-мировоззренческого измерения гражданской идентичности имеют работы М. Вебера [7] и П. Бурдьё [6], акцентирующие роль социального статуса, институтов и символического капитала в формировании политических диспозиций личности.

Проблематика электорального поведения молодежи получила развитие в исследованиях В.В. Касьянова и соавторов, выделивших уровень гражданской зрелости и сформированности идентичности в качестве одного из ключевых факторов политической активности [12], а также в работах З. Баумана [3], К.Г. Устинкиной [16], обративших внимание на риски отчуждения молодежи от электоральных процедур. Институциональные и воспитательные модели формирования гражданской идентичности представлены в трудах Т.Г. Стефаненко [15], а также в концептуальной разработке А. Я. Данилюка, А. М. Кондакова и В. А. Тишкова, заложивших основы государственной политики духовно-нравственного воспитания личности гражданина России [10].

Отдельное направление составляют исследования цифровых рисков информационной среды. Работы М.А. Гагариной [8], а также А.Н. Гладун [9] посвящены анализу манипулятивного воздействия на массовое сознание посредством современных медиатехнологий, включая распространение дезинформации и синтетического контента. Вместе с тем указанные исследования, как правило, рассматривают данную проблематику либо в общем медиакommunikационном ключе, без привязки к механизмам гражданской идентификации молодежи, либо фокусируются на отдельных технологиях (например, дипфейках), не встраивая их в целостную модель политической социализации.

Обобщение рассмотренных источников позволяет зафиксировать три группы противоречий, определяющих актуальность настоящего исследования. Во-первых, сохраняется разрыв между значимостью целенаправленного формирования гражданской идентичности и отсутствием системных исследований ее влияния на электоральное поведение молодежи в условиях цифровизации. Во-вторых, при высокой интенсивности медиапотребления молодежи механизмы воздействия информационных битов, дипфейков и генеративного политического контента искусственного интеллекта на процесс гражданской идентификации остаются малоизученными. В-

третьих, отсутствуют научно обоснованные модели, связывающие цифровую медиасреду, когнитивную обработку политической информации и итоговый уровень сформированности гражданской идентичности как детерминанты электорального выбора.

С учетом выявленных ограничений в настоящей статье гражданская идентичность личности определяется как интегративное социально-политическое образование, включающее осознание индивидом своей принадлежности к гражданскому сообществу, систему ценностных ориентаций и установок, а также готовность к участию в электоральных и иных формах общественно-политической деятельности, формирующееся во взаимодействии социальных институтов, цифровой информационно-коммуникационной среды и субъективного опыта политической социализации личности. Отличительной особенностью предлагаемого определения выступает включение медиаграмотностного измерения в структуру идентичности - способности личности критически воспринимать, верифицировать и осмысленно интерпретировать политическую информацию, распространяемую в цифровой среде.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет комплексный интегративный подход, объединяющий системный, институциональный, социокультурный, поведенческий и цифровой (технологический) методологические ракурсы. Системный подход позволяет рассматривать гражданскую идентичность как целостную совокупность когнитивного, ценностно-смыслового, эмоционально-аффективного, медиаграмотностного, доверительного и поведенческого компонентов, находящихся в отношениях взаимной обусловленности. Институциональный подход применен для анализа роли образовательных структур, государственной молодежной политики и электоральных институтов в формировании гражданских установок. Поведенческий подход обеспечивает операционализацию гражданской идентичности через измеримые индикаторы - факт участия в выборах, устойчивость политических предпочтений, характер медиапотребления. Цифровой (технологический) подход ориентирован на анализ платформенной архитектуры, алгоритмической персонализации и синтетических медиатехнологий как самостоятельных факторов политической социализации [11].

Эмпирическую базу статьи составили два взаимодополняющих источника данных. Первый источник - результаты пилотного анкетного опроса, проведенного среди студенческой молодежи в возрасте 18-25 лет (n = 100) в 2025-2026 учебном году. Выборка формировалась методом случайной стратифицированной выборки, опрос проводился в очном и онлайн-форматах. Инструментарий включал два блока: анкету, направленную на выявление особенностей восприятия видеоконтента и дипфейков, а также анкету «Гражданская идентичность молодежи», позволяющую оценить субъективные характеристики гражданственности, патриотизма, доверия к институтам и представлений о будущем. Исследование носило апробационный характер и было направлено на первичную фиксацию исследуемых эффектов, а не на получение статистически репрезентативных для генеральной совокупности российской молодежи оценок, что учитывается при интерпретации результатов [13, 14].

Второй источник - вторичный анализ данных всероссийских и отраслевых исследований, включая всероссийский опрос Аналитического центра НАФИ (n = 6672) о распознавании дипфейков, материалы ВЦИОМ и ФОМ об электоральной активности и политической вовлеченности молодежи, официальные сообщения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и информационного агентства ТАСС о структуре электората 2024 года, а также данные международных отраслевых наблюдений о динамике использования политических дипфейков в 2017-2025 годах. Сопоставление собственных эмпирических данных с результатами масштабных всероссийских и зарубежных исследований использовано для верификации выявленных закономерностей и повышения их обоснованности.

Дополнительно применен инструментарий когнитивной психологии, в частности логика шкалы когнитивной рефлексии, использованная для сопоставления субъективной уверенности респондентов в собственных аналитических способностях с их фактической результативностью при решении задач на анализ политического медиаконтента. Данный инструмент позволил операционализировать

эффект Даннинга - Крюгера применительно к медиаграмотности молодежи. Обработка количественных данных осуществлялась методами описательной статистики (расчет процентных долей, средних значений и их сопоставление); качественная интерпретация результатов опиралась на методы контент-анализа медиатекстов и дискурс-анализа нарративов, представленных в открытых источниках. Все процедуры сбора данных проводились на условиях добровольного и анонимного участия респондентов, что соответствует этическим требованиям, предъявляемым к социологическим исследованиям с участием молодежи.

Результаты

Первый блок результатов характеризует общий уровень доверия молодежи к видеоконтенту, распространяемому в социальных сетях, и ее способность идентифицировать синтетический (дипфейк) контент. Данные всероссийского опроса Аналитического центра НАФИ (n = 6672) свидетельствуют о том, что 72% россиян сталкивались с дипфейками за последние полгода, при этом лишь 41% респондентов уверены в собственной способности распознать подобный контент, тогда как 43% прямо признают неспособность его идентифицировать. Полученное соотношение указывает на структурное противоречие между высокой степенью вовлеченности аудитории в цифровую медиасреду и ограниченной способностью к критической оценке потребляемого контента [17].

Результаты собственного пилотного опроса студенческой молодежи (n = 100) уточняют данную картину применительно к политически окрашенному контенту. Около половины опрошенных студентов не воспринимают дипфейки с политическим контекстом как правдоподобную информацию, что свидетельствует об определенном базовом уровне медиаграмотности данной аудитории. Вместе с тем каждый седьмой респондент выразил готовность довериться реалистично выглядящему сфабрикованному контенту, а почти треть опрошенных признали затруднения при верификации подобных материалов - показатель, указывающий на системную уязвимость значительной части молодежной аудитории к манипулятивному воздействию.

Второй блок результатов раскрывает субъективное измерение гражданской идентичности молодежи. Анкетирование «Гражданская идентичность молодежи» показало, что доминирующей позицией среди опрошенных является не активная гражданственность, а осознанное безразличие: принадлежность к российскому государству признается респондентами как формальный факт, однако практически не трансформируется в деятельную гражданскую позицию. Данный результат согласуется с представлением о преобладании декларативного уровня гражданской идентичности, при котором самоатрибуция гражданства не сопровождается глубоким ценностным содержанием.

Показательным индикатором состояния гражданской идентичности выступила также субъективная оценка респондентами стабильности собственного будущего: 60% опрошенных студентов прямо указали на отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Отсутствие позитивного горизонта планирования коррелирует со сниженной гражданской вовлеченностью, поскольку человек, не ощущающий связи между собственными действиями и перспективами будущего, реже воспринимает себя в качестве активного участника общественно-политических процессов.

Анализ факторов, оказывающих, по мнению респондентов, наибольшее влияние на формирование их гражданской идентичности, показал лидирующую позицию СМИ и социальных сетей - на этот фактор указали 35% опрошенных. Данный результат имеет принципиальное значение для интерпретации всей совокупности полученных данных: та же информационная среда, в которой распространяются информационные биты, дипфейки и иные формы манипулятивного контента, одновременно выступает основным пространством производства гражданской идентичности молодежи. Иными словами, канал потенциальной манипуляции и канал гражданской социализации структурно совпадают.

Ценностный профиль опрошенной молодежи характеризуется доминированием ценности свободы и прав человека (42% ответов), при этом уровень собственного патриотизма респонденты преимущественно оценивают как средний (52%). Одновременно около трети опрошенных называют государственную пропаганду и патриотическое воспитание в качестве основной меры укрепления гражд-

данской идентичности молодежи, что указывает на внутреннюю неоднородность запросов молодежной аудитории, сочетающей гражданско-либеральные и традиционно-государственнические ориентации.

Особый интерес представляет выявленный разрыв между субъективной уверенностью респондентов в собственных аналитических способностях и их фактической результативностью при оценке политического медиаконтента. Среднее значение субъективной уверенности участников пилотного исследования в собственных аналитических способностях составило 4,4 балла из 5, тогда как объективная оценка их реальной способности анализировать политическую информацию - лишь 3,0 балла из 5. Зафиксированный разрыв в 1,4 балла (28% от максимального значения шкалы) интерпретируется как проявление эффекта Даннинга - Крюгера применительно к медиаграмотности: молодые люди систематически переоценивают собственные возможности критического восприятия информации, что делает их более уязвимыми к манипулятивным воздействиям, чем они сами полагают. Важно, что непосредственное ознакомление участников исследования с образцами манипулятивного контента (дипфейками, примерами алгоритмического таргетирования) снижало их субъективную уверенность и одновременно повышало критичность при последующей оценке аналогичного контента, что указывает на принципиальную возможность целенаправленного развития медиаграмотности.

На основе теоретического анализа и полученных эмпирических данных предложена трехуровневая типология гражданской идентичности молодежи, включающая декларативный, ситуативный и интегрированный уровни. Согласно результатам пилотного исследования, декларативный уровень является преобладающим в исследованной выборке: интегрированную, внутренне принятую гражданскую идентичность продемонстрировали лишь около 23% респондентов, тогда как большинство опрошенных отнесены к декларативному или ситуативному уровню. Сравнительная характеристика уровней представлена в таблице 1.

Таблица 1
Сравнительная характеристика уровней сформированности гражданской идентичности молодежи (по данным пилотного исследования)

Уровень идентичности	Ключевые признаки	Доля в выборке, %
Декларативный	Формальная самоатрибуция гражданства без ценностного содержания; электоральный абсентеизм или ситуативное «голосование по инерции»	≈ 50
Ситуативный	Нестабильные установки, зависящие от информационной повестки и группового давления; высокая подверженность манипуляциям	≈ 27
Интегрированный	Устойчивые ценности и когнитивная база, развитая медиаграмотность, регулярное осознанное участие в выборах	≈ 23

Обобщение результатов теоретического анализа и данных пилотного исследования позволило описать пятизвенную модель трансформации политического сознания молодежи под воздействием цифровой медиасреды: среда - воздействие - когнитивная обработка - формирование идентичности - электоральное поведение. Первое звено модели образуют социально-институциональные, социокультурные, цифровые и психологические факторы, формирующие исходную базу гражданской идентичности. Второе звено составляют конкретные инструменты политико-коммуникационного воздействия - информационные биты, дипфейки, генеративный политический контент искусственного интеллекта, алгоритмы персонализации и инфлюенсер-коммуникации, систематизированные в таблице 2.

Масштаб применения синтетических медиатехнологий в политических целях демонстрирует выраженную положительную динамику: если в период 2017-2022 годов в специализированных базах было зафиксировано лишь 22 случая использования политических дипфейков, то в 2024 году их число достигло 150 случаев, из которых около 76% были непосредственно связаны с политическими целями. Данная динамика подтверждает нарастающую значимость синтетического контента как самостоятельного инструмента воздействия на электоральное поведение и обосновывает необходимость

его учета в аналитических моделях гражданской идентификации молодежи.

Таблица 2

Современные инструменты цифрового политического воздействия на гражданскую идентичность молодежи [составлено автором исследования]

Инструмент воздействия	Механизм влияния на гражданскую идентичность
Информационные биты (микронарративы)	Формируют упрощенные, устойчивые интерпретационные рамки восприятия политических событий по принципу «первичного якоря»
Дипфейки и синтетические медиа	Деформируют эмоционально-идентификационный компонент идентичности, подрывают доверие к государственным и медийным институтам
Генеративный политический ИИ-контент	Создает иллюзию массового консенсуса, масштабируемо адаптируется под особенности целевой аудитории
Алгоритмы персонализации («фильтровые пузыри»)	Формируют селективную информационную среду, подкрепляющую уже имеющиеся установки и ограничивающую доступ к альтернативным точкам зрения
Инфлюенсер-коммуникации	Повышают аффективную составляющую политических сообщений за счет высокого уровня доверия аудитории к «своим» лидерам мнений

Третье звено модели - когнитивная обработка политической информации - включает последовательные процессы восприятия, эмоционального реагирования, интерпретации и формирования итоговых установок, в рамках которых проявляются типичные когнитивные искажения (предвзятость подтверждения, эффект ореола, эффект иллюзии правды). Четвертое звено модели представлено самой гражданской идентичностью как структурным образованием, а пятое - типом электорального поведения (абсентеизм, ситуативное участие, осознанное участие), непосредственно детерминированным уровнем сформированности идентичности.

Обсуждение

Полученные результаты в целом подтверждают исходную гипотезу о структурной обусловленности процессов гражданской самоидентификации молодежи характеристиками цифровой медиасреды. Ведущая роль социальных сетей и СМИ как фактора формирования гражданской идентичности (35% ответов) в сочетании с высокой распространенностью и низкой распознаваемостью дипфейков (72% и 41% по данным НАФИ соответственно) образует замкнутый контур, в котором один и тот же канал коммуникации одновременно выполняет функции социализации и потенциальной манипуляции. Данное наблюдение расширяет представленные в литературе институциональные модели формирования гражданской идентичности, поскольку демонстрирует, что в условиях цифровизации традиционное разделение на «конструктивных» агентов социализации (семья, школа, государственные институты) и «деструктивные» источники дезинформации во многом утрачивает смысл: оба типа влияния конкурируют и переплетаются в рамках одной и той же медиалатформы.

Выявленный разрыв между субъективной уверенностью молодежи в собственной медиаграмотности и ее фактической результативностью (4,4 против 3,0 балла) заслуживает отдельного обсуждения в контексте теории когнитивных искажений. Эффект Даннинга - Крюгера, традиционно описываемый применительно к узкоспециализированным навыкам, в данном случае распространяется на область политической коммуникации, что имеет существенные практические следствия: программы повышения медиаграмотности не могут ограничиваться исключительно информированием о существовании дипфейков и манипулятивных технологий, поскольку сама по себе информированность не устраняет завышенной самооценки аналитических способностей. Более перспективным направлением представляется практико-ориентированный формат обучения, включающий непосредственное взаимодействие с образцами манипулятивного контента, - подход, эмпирически показавший снижение избыточной уверенности участников исследования и одновременное повышение их критичности.

Преобладание декларативного уровня гражданской идентичности в исследованной выборке (около половины респондентов) при одновременно высокой нормативной поддержке идеи политического участия молодежи, зафиксированной в исследованиях ФОМ, указывает на разрыв между ценностным и поведенческим измерениями

идентичности. С теоретической точки зрения данный разрыв согласуется с многокомпонентными моделями идентичности, в которых когнитивный и ценностный компоненты могут формироваться относительно независимо от поведенческого. Применительно к цифровой среде это означает, что демонстративное одобрение гражданских ценностей (например, посредством репостов патриотического контента) не обязательно сопровождается их подлинной интериоризацией и трансформацией в устойчивые электоральные практики.

Зафиксированная динамика применения политических дипфейков (рост числа задокументированных случаев с 22 в 2017-2022 годах до 150 в 2024 году) подтверждает тезис о нарастающей технологизации политического воздействия и позволяет прогнозировать дальнейшее увеличение значимости синтетического контента как фактора трансформации политического сознания в среднесрочной перспективе. В этой связи представляется целесообразным рассматривать медиаграмотность не как факультативный образовательный элемент, а как самостоятельный, системообразующий компонент структуры гражданской идентичности, наравне с традиционно выделяемыми когнитивным, ценностным, эмоциональным и поведенческим компонентами.

Необходимо указать на ограничения проведенного исследования. Пилотный характер собственного эмпирического опроса (n = 100) и его локализация в студенческой среде не позволяют напрямую экстраполировать полученные количественные показатели на всю совокупность российской молодежи; они рассматриваются как индикативные и апробационные, нуждающиеся в проверке на более широких и территориально диверсифицированных выборках. Кроме того, сопоставление собственных данных с материалами НАФИ, ВЦИОМ и ФОМ носит характер вторичной верификации общих тенденций, а не строгого статистического сравнения, что учитывалось при формулировании выводов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на лонгитюдное отслеживание динамики гражданской идентичности отдельных возрастных когорт, а также на сравнительный анализ эффективности различных форматов образовательных программ по развитию медиаграмотности.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, гражданская идентичность современной российской молодежи формируется в условиях медиационной, а не институциональной логики политической социализации: цифровая среда выступает не дополнительным, а первичным пространством конструирования политических установок, что требует пересмотра традиционных представлений о структуре и механизмах данного процесса.

Во-вторых, эмпирические данные фиксируют преобладание декларативного уровня гражданской идентичности молодежи при относительно небольшой доле респондентов, демонстрирующих интегрированный, деятельно реализуемый тип гражданственности, что подтверждает наличие разрыва между количественным электоральным участием и качественной глубиной гражданской вовлеченности молодежи.

В-третьих, выявленный значительный разрыв между субъективной уверенностью молодежи в собственных аналитических способностях и ее фактической результативностью при распознавании манипулятивного контента указывает на системную когнитивную уязвимость данной возрастной группы, требующую целенаправленной коррекции посредством практико-ориентированных образовательных программ.

В-четвертых, СМИ и социальные сети одновременно выступают ведущим фактором формирования гражданской идентичности молодежи и основным каналом распространения дипфейков и иных манипулятивных технологий, что делает задачу развития медиаграмотности не факультативной, а структурно необходимой составляющей государственной молодежной и образовательной политики.

В-пятых, предложенная пятизвенная модель трансформации политического сознания молодежи («среда - воздействие - когнитивная обработка - идентичность - электоральное поведение») позволяет системно описать механизм влияния цифровой медиасреды на гражданскую идентичность и может служить аналитическим инструментом для дальнейших теоретических и прикладных исследований в данной области, а также основой для разработки нормативно-пра-

вовых и образовательных мер защиты политического сознания молодежи от деструктивного воздействия современных цифровых технологий.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при разработке образовательных программ по развитию медиаграмотности, при совершенствовании нормативно-правового регулирования распространения синтетического политического контента, а также при формировании государственных стратегий повышения осознанного электорального участия молодежи в условиях цифровой трансформации политической коммуникации.

Литература

1. Аналитический центр НАФИ. Почти половина россиян считают, что не смогут распознать дипфейк // НАФИ. - 2025. - URL: <https://nafi.ru/polls/pochti-polovina-rossiyan-schitayut-cto-ne-smogut-raspoznat-dipeyfk/> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. - М.: Кучково поле, 2016. - 416 с.
3. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. Ю. Асочакова. - СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
4. Белгарокова Н. М. Проблемы и факторы политической социализации современной российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2013. - Т. 13, № 1. - С. 82-90.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.
6. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1993. - 336 с.
7. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. - М.: Прогресс, 1994. - 808 с.
8. Гагарина М. А. [и др.]. Гражданская идентичность и институциональное доверие как предикторы экономического менталитета россиян // Социальная психология и общество. - 2025. - № 3.
9. Гладун А. Н., Клепикова О. Г. Электоральное поведение российской молодежи цифрового поколения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Политология. - 2023. - № 6. - С. 110-118.
10. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. - М.: Просвещение, 2009. - 24 с.
11. Дипфейки, дезинформация и аватары в политике / Р. Н. Измайлов [и др.] // Молодой ученый. - 2025. - URL: <https://moluch.ru/archive/601/131501> (дата обращения: 30.04.2026).
12. Касьянов В. В. Политическая социализация молодежи в современной России: дис. ... канд. полит. наук. - М., 2009. - 206 с.
13. Манипулирование политическим сознанием молодежи средствами массовой коммуникации // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-politicheskim-soznaniem-molodezhi-sredstvami-massovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 30.04.2026).
14. Методы манипулирования политическим сознанием молодежи в период избирательных кампаний в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. - URL: <https://cheloveknauka.com/metody-manipulirovaniya-politicheskim-soznaniem-molodyozhi-v-period-izbiratelnyh-kampaniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.04.2026).
15. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2009. - 368 с.
16. Устинкина К. Г. Электоральное поведение российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. - 2023. - № 7 (79). - С. 89-93.
17. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в новых субъектах РФ / И. В. Самаркина [и др.] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. - 2024. - № 3.
18. Формирование гражданской идентичности российской молодежи в условиях открытого образования // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi-v-usloviyah-otkrytogo-obrazovaniya> (дата обращения: 30.04.2026).

Media dependence in the development of youth civic identity: the role of the digital environment in the transformation of political consciousness

Kvetnoy V.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The relevance of this study is determined by the deepening contradiction between the stable quantitative presence of young people in the electoral process in the Russian Federation and the qualitative heterogeneity of their civic and political engagement. According to official data, young voters accounted for approximately a quarter of the total number of voters in the 2024 elections, and the number of first-time voters exceeded 1.3 million. However, sociological studies indicate that only a small proportion of young people are regularly interested in the political agenda and consciously participate in it. This contradiction is exacerbated by the dominance of the digital media environment, where the intensive consumption of short, emotionally charged information formats, as well as the spread of deepfakes and generative political content generated by artificial intelligence, contribute to the formation of simplified and unstable political perceptions. The aim of this article is to identify and theoretically substantiate the mechanisms by which the digital media environment transforms the political consciousness of young people and determines the level of development of their civic identity as a factor in electoral behavior. The study applies systemic, institutional, behavioral, and digital (technological) approaches, as well as data from a pilot questionnaire survey of student youth (n = 100, aged 18-25) and compares it with data from nationwide studies by NAFI, VTsIOM, and FOM. The results revealed a predominance of the declarative level of civic identity, with the integrated level accounting for only approximately 23% of respondents. A significant gap existed between young people's subjective confidence in their own media literacy and their actual ability to recognize manipulative content. Social media and mass media (35% of responses) played a leading role, simultaneously serving as the primary channel for civic socialization and the main source of disinformation risks. The data obtained allowed us to describe a five-pronged model of political consciousness transformation: "environment - exposure - cognitive processing - identity - electoral behavior" and formulate practical recommendations for developing media literacy as a key condition for developing a mature civic identity among young people in the digital age.

Keywords: civic identity, political consciousness, media addiction, digital media environment, youth, electoral behavior, deepfakes, media literacy, cognitive biases, political socialization.

References

1. NAFI Analytical Center. Almost half of Russians believe they would not be able to recognize a deepfake // NAFI. - 2025. - URL: <https://nafi.ru/polls/pochti-polovina-rossiyan-schitayut-cto-ne-smogut-raspoznat-dipeyfk/> (accessed: 10.04.2026).
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / trans. from English by V. Nikolaev. - Moscow: Kuchkov Pole, 2016. - 416 p.
3. Bauman Z. Liquid Modernity / trans. from English by Yu. Asochakov. - St. Petersburg: Piter, 2008. - 240 p.
4. Belgarokova N. M. Problems and factors of political socialization of modern Russian youth // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. - 2013. - Vol. 13, No. 1. - P. 82-90.
5. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / trans. from English by E. Rutkevich. - Moscow: Medium, 1995. - 323 p.
6. Bourdieu P. Sociology of Politics / trans. from French by N. A. Shmatko. - Moscow: Socio-Logos, 1993. - 336 p.
7. Weber M. Selected Works / trans. from German. - Moscow: Progress, 1994. - 808 p.
8. Gagarina M. A. [et al.]. Civic identity and institutional trust as predictors of the economic mentality of Russians // Social Psychology and Society. - 2025. - No. 3.
9. Gladun A. N., Klepikova O. G. Electoral behavior of Russian youth of the digital generation // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 11: Political Science. - 2023. - No. 6. - P. 110-118.
10. Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. Concept of spiritual and moral development and upbringing of the Russian citizen's personality. - Moscow: Prosveshcheniye, 2009. - 24 p.
11. Deepfakes, disinformation, and avatars in politics / R. N. Izmaylov [et al.] // Young Scientist. - 2025. - URL: <https://moluch.ru/archive/601/131501> (accessed: 30.04.2026).
12. Kasyanov V. V. Political socialization of youth in modern Russia: Diss. ... Cand. Polit. Sci. - Moscow, 2009. - 206 p.
13. Manipulation of youth political consciousness via mass media // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-politicheskim-soznaniem-molodezhi-sredstvami-massovoy-kommunikatsii> (accessed: 30.04.2026).
14. Methods of manipulating youth political consciousness during election campaigns in modern Russia: Abstract of Diss. ... Cand. Polit. Sci. - URL: <https://cheloveknauka.com/metody-manipulirovaniya-politicheskim-soznaniem-molodyozhi-v-period-izbiratelnyh-kampaniy-v-sovremennoy-rossii> (accessed: 30.04.2026).
15. Stefanenko T. G. Ethnopsychology: A Textbook for Higher Education Institutions. - 4th ed., rev. and exp. - Moscow: Aspekt Press, 2009. - 368 p.
16. Ustinikina K. G. Electoral Behavior of Russian Youth // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. - 2023. - No. 7 (79). - P. 89-93.
17. Formation of Civic Identity within the Educational Policy System in the New Subjects of the Russian Federation / I. V. Samarkina [et al.] // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. - 2024. - No. 3.
18. Formation of Civic Identity Among Russian Youth in the Context of Open Education // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi-v-usloviyah-otkrytogo-obrazovaniya> (accessed: 30.04.2026).

Влияние информационных битов, дипфейков и генеративного ИИ-контента на электоральное поведение молодежи: когнитивные искажения и снижение осознанности

Кветной Владимир Владимирович

аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г. В. Плеханова

В отличие от традиционной политической пропаганды, синтетический контент характеризуется высокой степенью реалистичности, скоростью распространения через социальные сети и способностью обходить традиционные механизмы критической оценки достоверности информации, что делает молодых избирателей - как наиболее активных пользователей цифровых платформ - особенно уязвимой категорией. Существующие исследования электорального поведения преимущественно рассматривают классические факторы политического выбора, оставляя без должного внимания специфические когнитивные механизмы, посредством которых дипфейки и ИИ-генерированный контент искажают восприятие политической реальности и снижают уровень осознанности принятия политических решений. В результате исследования установлено, что интенсивность взаимодействия с фрагментированным и синтетическим контентом статистически значимо связана с усилением эффекта иллюзорной правды, снижением показателей критического медиапотребления и повышением подверженности эвристике доступности при оценке политической информации. Выявлены статистически значимые различия в уровне осознанности электорального выбора между группами молодежи с различным типом медиапотребления, а также построена регрессионная модель, демонстрирующая предикторную роль частоты столкновения с недостоверным ИИ-контентом в отношении показателей когнитивных искажений. Полученные результаты обосновывают необходимость целевых программ цифровой медиаграмотности и институциональных механизмов верификации контента в электоральный период.

Ключевые слова: дипфейк, генеративный искусственный интеллект, электоральное поведение, информационные биты, когнитивные искажения, молодежь, медиаграмотность, дезинформация, политическое сознание, цифровая среда.

Введение

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта в 2020-е годы кардинально изменило характер производства и распространения политического контента, породив принципиально новый класс информационных угроз электоральному процессу - синтетические медиа, включающие дипфейки (сгенерированные аудио- и видеоматериалы, имитирующие реальных политических деятелей), а также феномен «информационных битов» - фрагментированных, эмоционально заряженных и алгоритмически персонализированных единиц контента, оптимизированных для максимального вовлечения пользователя без учета достоверности содержания.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, молодежь как наиболее активная аудитория социальных сетей и видеоплатформ подвергается наибольшей интенсивности воздействия синтетического и фрагментированного контента, что делает данную группу приоритетным объектом изучения. Во-вторых, отмечаемое исследователями снижение электоральной активности и явки молодых избирателей на выборах последних лет актуализирует вопрос о роли информационной среды в формировании электорального поведения и уровня осознанности политического выбора. В-третьих, качественный скачок в реалистичности генеративного ИИ-контента радикально снижает возможности неспециалиста отличить достоверную информацию от синтетической, что создает системный риск для рациональности электорального выбора.

Объектом исследования выступает электоральное поведение молодежи. Предметом исследования являются механизмы влияния дипфейков, информационных битов и генеративного ИИ-контента на когнитивные процессы, опосредующие электоральный выбор молодежи. Цель работы - выявить и эмпирически охарактеризовать когнитивные искажения, возникающие под воздействием синтетического и фрагментированного контента, и оценить их связь со снижением осознанности электорального поведения молодежи.

Задачи исследования включают: анализ теоретических подходов к изучению воздействия дезинформации и синтетических медиа на политическое сознание; систематизацию когнитивных механизмов, лежащих в основе восприятия дипфейков и информационных битов; разработку эмпирического инструментария для измерения когнитивных искажений и осознанности электорального выбора; проведение эмпирического исследования на выборке молодежи; статистическую проверку гипотез о связи медиафакторов с когнитивными искажениями; формулирование практических рекомендаций.

Обзор литературы

Понятие «информационных битов» отражает специфику современного цифрового потребления, при котором политическая информация усваивается не в форме целостных аналитических материалов, а как последовательность коротких, визуально насыщенных и эмоционально окрашенных фрагментов, распространяемых через короткие видео, карточки и посты в социальных сетях. Исследователи медиакоммуникаций отмечают, что подобный формат потребления способствует поверхностной обработке информации, снижению глубины критического анализа и усилению эффекта фрагментированного, мозаичного восприятия политической реальности, что отличается от линейной логики традиционных СМИ [10, 12, 15].

Отдельное направление научной литературы посвящено анализу дипфейков - синтетических аудиовизуальных материалов, созданных методами глубокого обучения и способных реалистично имитировать высказывания и действия реальных политических деятелей [5].

Эвристика доступности (availability heuristic) объясняет, почему яркий, эмоционально насыщенный синтетический контент оказывает большее влияние на суждение, чем статистически более значимая, но менее выразительная информация. Подтверждающее ис-

кажение (confirmation bias) усиливает восприимчивость пользователя к контенту, соответствующему уже сформированным политическим установкам, что в сочетании с алгоритмической персонализацией создает эффект «эхо-камеры», препятствующий критической переоценке политических убеждений [6].

Ряд отечественных исследователей политической социализации отмечают снижение электоральной активности молодых граждан на фоне трансформации каналов получения политической информации [7]: интенсивное потребление контента социальных сетей сопровождается снижением показателей политической грамотности и способности к рациональной оценке предвыборных обещаний и программ кандидатов. Понятие «осознанности электорального выбора» в данном контексте трактуется как способность избирателя формировать политическое решение на основе достоверной информации, критического анализа альтернатив и осознания собственных ценностных приоритетов, в противовес импульсивному или манипулятивно обусловленному выбору [8].

Анализ научной литературы демонстрирует недостаточную эмпирическую изученность специфических механизмов воздействия дипфейков и информационных битов именно на электоральное поведение молодежи в российском контексте, а также отсутствие валидизированного инструментария для измерения связанных с этим когнитивных искажений, что определяет исследовательскую задачу настоящей работы [14].

Методы исследования

Исследование выполнено в рамках количественной корреляционно-регрессионной стратегии с элементами экспериментального сравнения групп, различающихся по интенсивности взаимодействия с синтетическим контентом.

Эмпирическое исследование проведено на выборке молодежи в возрасте 18–35 лет численностью 100 респондентов, сформированной методом целевого отбора. Возрастная структура выборки: 41% - 18–24 года, 32% - 25–29 лет, 27% - 30–35 лет.

Для измерения ключевых переменных использован комплекс шкал: шкала подверженности эффекту иллюзорной правды (оценка достоверности повторно предъявляемых утверждений, включая заведомо ложные политические тезисы); шкала распознавания синтетического контента (способность идентифицировать признаки дипфейков и ИИ-генерированных материалов на предъявленных стимульных примерах); шкала интенсивности потребления информационных битов (частота использования коротких видеоформатов как источника политической информации); шкала осознанности электорального выбора (способность аргументировать электоральное решение на основе анализа программ и достоверных данных) [4].

Респондентам предъявлялись стимульные материалы, включающие подлинные и синтетические (искусственно созданные) политические сообщения, после чего фиксировались показатели оценки достоверности, эмоциональной реакции и готовности поделиться контентом. Дополнительно проводилось анкетирование по шкалам когнитивных искажений и осознанности электорального выбора.

Применялись описательная статистика, корреляционный анализ Пирсона, множественный регрессионный анализ, дисперсионный анализ ANOVA для сравнения групп с различной интенсивностью медиапотребления, а также t-критерий Стьюдента для проверки различий между экспериментальными условиями предъявления подлинного и синтетического контента [1, 3].

Результаты исследования

В условиях цифровой трансформации политической коммуникации формирование гражданской идентичности и электорального поведения российской молодежи осуществляется под воздействием комплекса современных инструментов политического влияния, отличающихся высокой степенью технологичности, медиалосредованности и интеграции в цифровую среду. Данные инструменты формируют новые механизмы конструирования политической реальности, определяя способы восприятия, интерпретации и оценки политической информации молодежной аудиторией [4].

Современные инструменты политического воздействия целесообразно рассматривать как совокупность информационно-коммуникационных, технологических и когнитивных механизмов, направленных на формирование политических установок и моделей электорального поведения.

Согласно данным Аналитического центра НАФИ, полученным в ходе всероссийского опроса (n = 6672), 72% россиян сталкивались с дипфейками за последние полгода, при этом 43% респондентов признают, что не способны распознать подобный контент, тогда как 41% уверены в своей способности его идентификации [1].

Полученные данные демонстрируют структурное противоречие между высокой степенью вовлеченности пользователей в цифровую медиасреду и ограниченной способностью к критической оценке потребляемого контента, что формирует предпосылки для манипулятивного воздействия.

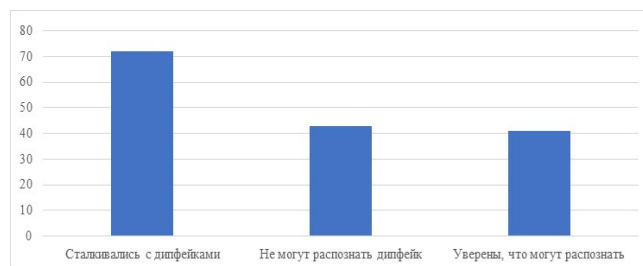

Рисунок 1 - Способность распознавания дипфейков среди населения (по данным НАФИ) [1]

Анализ данных, представленных на рисунке 1, показывает, что при высокой распространенности дипфейков значительная часть аудитории не обладает достаточными навыками их распознавания. При этом сопоставление долей респондентов, уверенных в своей способности идентифицировать дипфейки (41%), и тех, кто признает неспособность их распознать (43%), свидетельствует о наличии неопределенности в восприятии цифрового контента и отсутствии устойчивых стратегий его оценки.

Полученные результаты согласуются с авторской моделью формирования гражданской идентичности, поскольку демонстрируют, что на этапе когнитивной и ценностной обработки информации формируются нестабильные и подверженные внешнему воздействию установки, что в дальнейшем влияет на характер электорального поведения молодежи.

В этих условиях особую роль приобретает система образования, выступающая ключевым институтом формирования гражданской идентичности [3, 4, 7]. Согласно В. Ш. Масленниковой, гражданская компетентность является интегративным качеством личности [9].

Социокультурная среда, включая семью, образование и медиа, оказывает комплексное влияние на формирование идентичности [2, 15].

Формирование гражданской идентичности молодежи в современных условиях приобретает принципиально иной характер по сравнению с предшествующими десятилетиями. Стремительное распространение цифровых технологий, социальных сетей и видеоплатформ создало принципиально новую информационную среду, в которой молодые люди получают, интерпретируют и транслируют политические и гражданские смыслы. Параллельно с этим возникли принципиально новые угрозы информационной безопасности - в частности, технология дипфейков, позволяющая синтезировать реалистичные видеоматериалы с целью манипулирования общественным мнением.

В данном контексте особую актуальность приобретает изучение того, каким образом молодежная аудитория воспринимает видеоконтент, как соотносит его с собственной гражданской позицией и насколько устойчива ее идентичность к внешним манипулятивным воздействиям. Исследование, результаты которого представлены в настоящей работе, было направлено именно на решение этих вопросов.

Эмпирическую базу работы составили два взаимосвязанных инструмента сбора данных. Первый - анкетирование на тему восприятия видеоконтента и дипфейков среди студентов; второй - анкетирование «Гражданская идентичность молодежи», позволяющее оценить субъективные характеристики гражданственности, патриотизма и доверия к институтам. В обоих случаях выборка составила 100 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет - студентов высших учебных заведений. Применялся метод случайной стратифицированной выборки. Анкетирование проводилось в очном и онлайн-форматах.

Таблица 1

Характеристика выборки исследования [составлено автором исследования]

Параметр	Значение
Общий объем выборки	100 человек
Возрастной диапазон	18–25 лет
Социальная категория	Студенты вузов
Метод сбора данных	Анкетирование (очное + онлайн)
Период проведения	2025–2026 уч. год

Одним из ключевых показателей уязвимости молодежной аудитории к информационным манипуляциям является степень доверия к видеоматериалам, распространяемым в социальных сетях. Полученные данные фиксируют неоднородную, но в целом тревожную картину.

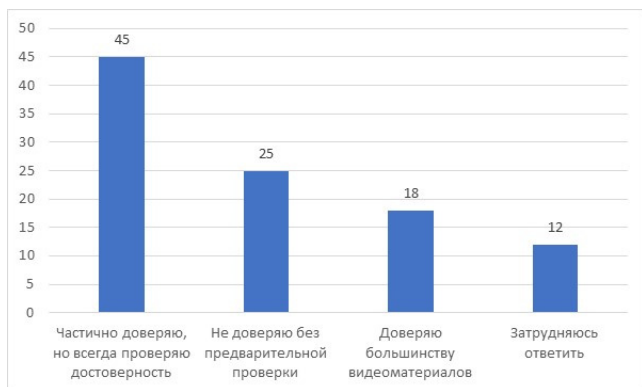

Рисунок 2 - Доверие к видеоконтенту в социальных сетях среди студентов, % [составлено автором исследования]

Несмотря на то что значительная часть молодых людей декларирует критическое отношение к контенту, реальная практика медиапотребления нередко расходится с декларируемыми установками.

Рисунок 3 - Восприятие принадлежности к гражданам Российской Федерации, % [составлено автором исследования]

Полученные данные обнажают тревожную тенденцию: доминирующей позицией среди молодежи оказывается не активная гражданственность, а осознанное безразличие. Принадлежность к государству признается как факт, однако не трансформируется в деятельную гражданскую позицию. Это создает предпосылки к тому, что гражданская идентичность молодежи оказывается слабо укорененной и, следовательно, более восприимчивой к внешним манипулятивным воздействиям.

Одним из косвенных, но показательных индикаторов состояния гражданской идентичности является субъективное ощущение стабильности и уверенности в будущем.

Подавляющее большинство студентов - 60% - прямо указали на отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Это свидетельствует о широко распространенном ощущении социальной нестабильности в молодежной среде. Отсутствие позитивного горизонта планирования, в свою очередь, коррелирует со сниженной гражданской вовлеченностью: человек, не ощущающий связи между своими действиями и будущим, реже идентифицирует себя как активного участника общественных процессов.

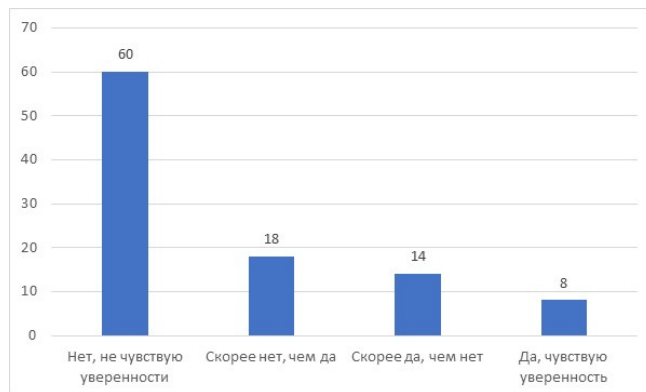

Рисунок 4 - Уверенность в завтрашнем дне среди студентов, % [составлено автором исследования]

Понимание того, какие именно институты и каналы влияют на становление гражданской идентичности, необходимо для разработки целенаправленных мер ее укрепления.

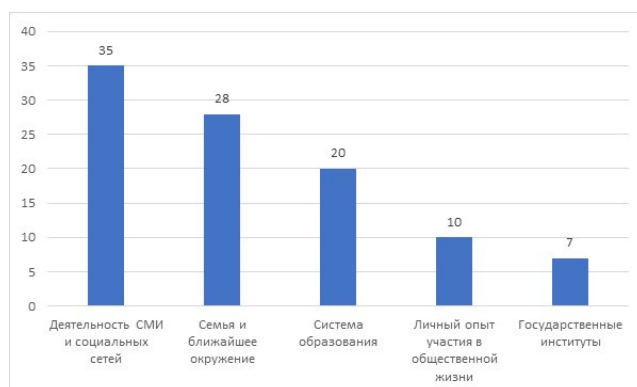

Рисунок 5 - Факторы, оказывающие влияние на формирование гражданской идентичности молодежи, % [составлено автором исследования]

Лидирующая позиция СМИ и социальных сетей (35%) закономерна и одновременно показательна: именно эта среда является основным пространством производства и потребления политически окрашенного контента, в том числе дипфейков [14]. Иными словами, тот же канал, через который осуществляются информационные манипуляции, является и главным агентом гражданской социализации. Это делает задачу повышения медиаграмотности не просто желательной, но структурно необходимой.

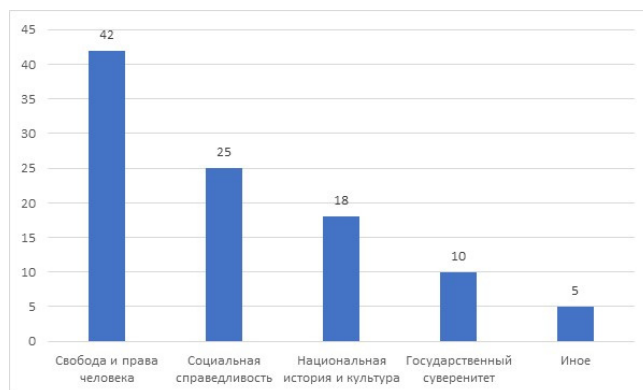

Рисунок 6 - Ценности, оказывающие влияние на формирование гражданской идентичности молодежи, % [составлено автором исследования]

Доминирование ценности свободы и прав человека (42%) указывает на либерально ориентированный ценностный профиль современной студенческой молодежи. При этом уровень патриотизма оценивается преимущественно как средний (52%), что соответствует общей картине умеренной, но не деятельной гражданской вовлеченности. Сочетание этих двух показателей формирует запрос

не на авторитарно-патерналистскую модель гражданственности, а на гражданственность, основанную на правах, диалоге и личном достоинстве.

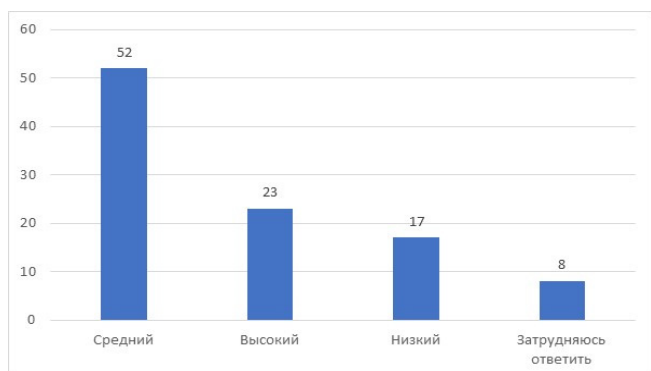

Рисунок 7 - Самооценка уровня патриотизма российской молодежи, % [составлено автором исследования]

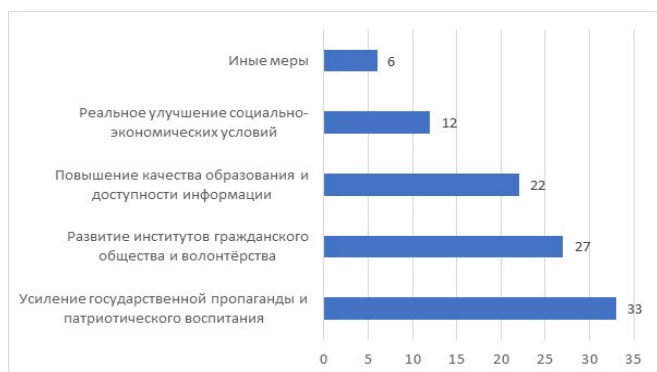

Рисунок 8 - Меры, способствующие укреплению гражданской идентичности молодежи (по мнению респондентов), % [составлено автором исследования]

Примечательно, что, несмотря на либеральный ценностный профиль, треть опрошенных называет государственную пропаганду и патриотическое воспитание основным инструментом укрепления гражданской идентичности. Это может свидетельствовать либо о запросе на ясное символическое оформление национальной принадлежности, либо об ограниченном представлении респондентов об альтернативных механизмах гражданской консолидации. В любом случае полученные данные подчеркивают, что молодежь не является однородной группой: ее запросы включают как традиционно-государственнические, так и гражданско-либеральные ориентации.

Проведенное исследование позволяет зафиксировать несколько взаимосвязанных тенденций. Во-первых, гражданская идентичность современной студенческой молодежи носит декларативный характер: она существует на уровне осознания, но не трансформируется в активную гражданскую практику. Во-вторых, главным агентом гражданской социализации являются СМИ и социальные сети - та же среда, в которой активно распространяются дипфейки и иные формы манипулятивного контента. В-третьих, несмотря на декларируемый скептицизм, значительная доля молодежи остается уязвимой к реалистично оформленной дезинформации.

Заключение

Совокупность этих факторов определяет необходимость комплексного подхода к защите гражданской идентичности молодежи - включающего правовое регулирование дипфейков, технические инструменты верификации контента на платформах и, прежде всего, системное развитие медиаграмотности как неотъемлемой части гражданского образования.

На основе проведенного теоретического и эмпирического анализа установлено, что современные инструменты политического воздействия - информационные биты, дипфейки и генеративный политический ИИ-контент - оказывают комплексное влияние на процесс формирования гражданской идентичности личности российской молодежи, реализуемое через взаимосвязанные когнитивные и поведенческие механизмы.

Выявлено, что воздействие указанных инструментов не носит линейного характера, а представляет собой **многоэтапный процесс трансформации внешнего информационного воздействия во внутренние политические установки**, опосредованный особенностями восприятия, интерпретации и оценки информации молодежной аудиторией.

Ключевую роль в данном процессе играет этап когнитивной обработки информации, в рамках которого происходит соотнесение поступающих медиасообщений с уже имеющимися установками, ценностями и когнитивными схемами личности. Именно на данном уровне формируется уязвимость к манипулятивному воздействию, обусловленная действием когнитивных искажений (эффект подтверждения, эффект авторитета, эффект «иллюзии правды»), а также недостаточным уровнем медиаграмотности и критического мышления.

В результате воздействия и последующей когнитивной обработки формируются политические и ценностные установки, определяющие отношение молодежи к государственным институтам, политическим процессам и формам участия в общественно-политической жизни. Данные установки, в свою очередь, выступают основой формирования гражданской идентичности, которая приобретает либо устойчивый, либо фрагментированный и ситуативный характер.

Таким образом, проведенный анализ позволяет установить, что гражданская идентичность формируется как результат опосредованного воздействия цифровой медиасреды, в котором ключевую роль играют не только сами информационные технологии, но и механизмы их когнитивной интерпретации.

Литература

1. Аналитический центр НАФИ. Почти половина россиян считают, что не смогут распознать дипфейк // НАФИ. 2025. URL: <https://naf.ru/polls/pochti-pоловина-rossiyan-schitayut-cto-ne-smogut-raspoznat-dipfeyk/> (дата обращения 10.04.2026)
2. Антонова Е. В. Влияние социокультурной среды на развитие личности ребенка / Е. В. Антонова, Е. А. Литвинова // Молодой ученый. - 2021. - № 12 (354). - С. 231-233
3. Бабаян А. В. Формирование нравственности в трудах отечественных мыслителей второй половины XIX - начала XX века. - Петитгорск: ПГЛУ, 2004. - 163 с.
4. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. - М.: Просвещение, 2009. - 366 с
5. Дипфейки, дезинформация и аватары в политике / Р. Н. Измайлов [и др.] // Молодой ученый. - 2025. - URL: <https://moluch.ru/archive/601/131501/> (дата обращения: 30.04.2026).
6. Касьянов В. В. Политическая социализация молодежи в современной России: дис. ... канд. полит. наук. - М., 2009. - 206 с.
7. Кузнецова Л. В. Развитие содержания понятий «гражданственность» и «гражданское воспитание» в педагогике XX века // Преподавание истории и обществознания в школе. - 2006. - № 9. - С. 10-18.
8. Манипулирование политическим сознанием молодежи средствами массовой коммуникации // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-politicheskimi-soznaniem-molodezhi-v-period-izbiratelnyh-kampaniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.04.2026).
9. Масленникова В. Ш. Формирование социально-ориентированной личности специалиста в процессе профессиональной подготовки / В. Ш. Масленникова. - Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2010. - 429 с
10. Методы манипулирования политическим сознанием молодежи в период избирательных кампаний в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. - URL: <https://cheloveknauka.com/metody-manipulirovaniya-politicheskimi-soznaniem-molodyozhi-v-period-izbiratelnyh-kampaniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.04.2026).
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2009. - 368 с.
12. Устинкина К. Г. Электоральное поведение российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. - 2023. - № 7 (79). - С. 89-93.
13. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в новых субъектах РФ / И. В. Самаркина [и

др.] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. - 2024. - № 3.

14. Формирование гражданской идентичности российской молодежи в условиях открытого образования // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi-v-usloviyah-otkrytogo-obrazovaniya> (дата обращения: 30.04.2026).

15. Черник Б. П. Эффективное участие в образовательных выставках / Б. П. Черник. – Новосибирск, 2001. – 132 с.

The Impact of Information Bits, Deepfakes, and Generative AI Content on Youth Voting Behavior: Cognitive Biases and Reduced Consciousness Kvetnoy V.V.

Plekhanov Russian University of Economics

Unlike traditional political propaganda, synthetic content is characterized by a high degree of realism, rapid dissemination through social media, and the ability to bypass traditional mechanisms for critically assessing information credibility. This makes young voters as the most active users of digital platforms a particularly vulnerable category. Existing studies of electoral behavior primarily examine classical factors of political choice, neglecting the specific cognitive mechanisms through which deepfakes and AI-generated content distort the perception of political reality and reduce the level of awareness of electoral choice. The aim of this study is to identify and empirically characterize the mechanisms by which information bits, deepfakes, and generative AI content influence the voting behavior of young people through the lens of cognitive biases and a decrease in the awareness of political decision-making. The study found that the intensity of interaction with fragmented and synthetic content is statistically significantly associated with an increased illusory truth effect, a decrease in critical media consumption, and an increased susceptibility to the availability heuristic when evaluating political information. Statistically significant differences in the level of awareness of electoral choice were identified between youth groups with different types of media consumption, and a regression model was constructed demonstrating the predictive role of the frequency of exposure to unreliable AI content in relation to indicators of cognitive biases. The obtained results substantiate the need for targeted digital media literacy programs and institutional mechanisms for content verification during the electoral period.

Keywords: deepfake, generative artificial intelligence, voting behavior, information bits, cognitive biases, youth, media literacy, disinformation, political consciousness, digital environment.

References

1. NAFI Analytical Center. Almost half of Russians believe they would not be able to recognize a deepfake // NAFI. 2025. URL: <https://nafi.ru/polls/pochti-polovina-rossiyan-schitayut-cto-ne-smogut-raspoznat-dipfeyk/> (accessed April 10, 2026)
2. Antonova E. V. The influence of the sociocultural environment on a child's personality development / E. V. Antonova, E. A. Litvinova // *Molodoy Ucheny [Young Scientist]*. – 2021. – No. 12 (354). – P. 231-233
3. Babayan A. V. The formation of morality in the works of Russian thinkers of the second half of the 19th and early 20th centuries. – Pyatigorsk: PGLU, 2004. – 163 p.
4. Danilyuk A. Ya. The concept of spiritual and moral development and upbringing of the Russian citizen's personality / A. Ya. Danilyuk, A. M. Kondakov, V. A. Tishkov. – Moscow: Prosveshcheniye, 2009. – 366 p.
5. Deepfakes, disinformation, and avatars in politics / R. N. Izmaylov [et al.] // *Molodoy Ucheny [Young Scientist]*. – 2025. – URL: <https://moluch.ru/archive/601/131501> (accessed April 30, 2026).
6. Kasyanov V. V. Political socialization of youth in modern Russia: Dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. – Moscow, 2009. – 206 p. 7. Kuznetsova L. V. Development of the content of the concepts "civic-mindedness" and "civic education" in 20th-century pedagogy // *Teaching History and Social Studies at School*. – 2006. – No. 9. – P. 10–18.
8. Manipulation of the political consciousness of youth via mass media // *CyberLeninka*. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-politicheskimi-soznaniem-molodezhi-sredstvami-massovoy-kommunikatsii> (accessed: 30.04.2026).
9. Maslennikova V. Sh. Formation of a socially oriented specialist personality during professional training / V. Sh. Maslennikova. – Kazan: Pechat-Servis-XXI vek, 2010. – 429 p.
10. Methods of manipulating the political consciousness of youth during election campaigns in modern Russia: abstract of thesis ... Candidate of Political Sciences. - URL: <https://cheloveknauka.com/metody-manipulirovaniya-politicheskimi-soznaniem-molodyozhi-v-period-izbiratelnyh-kampaniy-v-sovremennoy-rossii> (accessed: 30.04.2026).
11. Stefanenko T. G. Ethnopsychology: textbook for higher education institutions. - 4th ed., rev. and exp. - Moscow: Aspekt Press, 2009. - 368 p.
12. Ustinkina K. G. Electoral behavior of Russian youth // *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. - 2023. - No. 7 (79). - P. 89-93. 13. Formation of civic identity within the educational policy system of the new constituent entities of the Russian Federation / I. V. Samarkina [et al.] // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. – 2024. – No. 3.
14. Formation of civic identity among Russian youth in the context of open education // *CyberLeninka*. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi-v-usloviyah-otkrytogo-obrazovaniya> (accessed: 30.04.2026).
15. Chernik B. P. Effective participation in educational exhibitions / B. P. Chernik. – Novosibirsk, 2001. – 132 p.

Исторические предпосылки, этапы формирования и институциональная структура андского сообщества

Литовченко Илья Денисович

магистрант, Российский государственный гуманитарный университет

Основанное более полувека назад Андское Сообщество на сегодняшний день является одной из наиболее устойчивых интеграционных структур Латинской Америки. Привлекательное для стран субрегиона и внешних игроков, оно вместе с тем продолжает находиться в поиске собственной идентичности и оптимальных векторов развития, внедряя новые механизмы взаимодействия и подстраивая институциональную систему под изменчивую международную обстановку. Особенно отчетливо этот процесс проявляется на фоне текущих геополитических сдвигов – нарастания противостояния великих держав, размывания глобального экономического пространства и усиления давления на незападные государства. В данной статье автором предпринята попытка выявить ключевые направления эволюции Андского Сообщества, к которым отнесены: исторические предпосылки интеграции, этапы институционального оформления (от Картахенского соглашения 1969 года до реформы 1996 года), а также современная институциональная архитектура организации. В статье также анализируются вызовы и перспективы дальнейшего развития Андского Сообщества в условиях трансформации мирового порядка. На основе анализа деятельности организации автор приходит к выводу о том, что Андское Сообщество обладает значительным потенциалом на рассмотренных направлениях, а в области институционального строительства достигло определенных успехов, сформировав наднациональную правовую систему с прямым действием норм и приоритетом над национальным законодательством. В то же время организации не хватает качественной реализации принятых документов и определенной слаженности в совместном исполнении решений, что обусловлено сохраняющимися экономическими асимметриями и политическими разногласиями между странами-участницами. Несмотря на это, по мнению автора, Андское Сообщество уже смогло стать важным инструментом не только взаимодействия между государствами-членами, но и поддержания региональной стабильности и укрепления коллективных позиций на международной арене.

Ключевые слова: Андское Сообщество, Картахенское соглашение, Протокол Трухильо, региональная интеграция, наднациональность, институциональная структура, Латинская Америка, экономическая асимметрия, геополитические вызовы.

Введение

Интеграционные процессы на американском континенте издавна привлекают внимание исследователей как показательный пример поиска развивающимися странами эффективных форм коллективного ответа на вызовы глобализации. Общеизвестным стало то обстоятельство, что региональная интеграция выступает не только инструментом экономического сближения, но и механизмом укрепления политической субъектности государств в условиях доминирования внешних акторов. Однако далеко не все интеграционные объединения Латинской Америки продемонстрировали способность к устойчивому развитию и институциональной адаптации. В этом контексте Андское Сообщество представляет собой пример организации, история которой охватывает более полувека непрерывной эволюции [1]. Неудивительно поэтому, что обращение к опыту данной организации позволяет выявить закономерности и противоречия, сопровождающие интеграционные процессы в регионе.

Методология исследования опирается на сочетание историко-генетического, сравнительно-правового и институционального подходов. Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию интеграционной модели в хронологической последовательности, выявив причинно-следственные связи между изменением внешних условий и трансформацией институциональной структуры. Сравнительно-правовой подход применяется при анализе учредительных документов и их последующих модификаций для определения степени преемственности и новизны в правовом регулировании интеграционных процессов. Институциональный метод направлен на изучение функций и полномочий органов Андского Сообщества в их системной взаимосвязи, что позволяет оценить эффективность управленческой модели.

Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении Андского Сообщества как динамичной институциональной системы, сочетающей наднациональные механизмы с учетом региональной специфики. В отличие от работ, фокусирующихся на отдельных аспектах интеграции, предлагаемый анализ охватывает как исторические предпосылки, так и современную институциональную архитектуру, что позволяет представить целостную картину эволюции организации. Кроме того, в статье предпринимается попытка оценить адаптационный потенциал Андского Сообщества в контексте новых глобальных вызовов, что придает исследованию практическую значимость.

Исторические предпосылки, этапы формирования и институциональная структура Андского Сообщества

Становление интеграционных процессов в Андском регионе было обусловлено совокупностью объективных исторических, культурных и экономических факторов, подготавливавших почву для коллективных форм взаимодействия на протяжении длительного времени [2]. Данные предпосылки уходят корнями в общую историческую, культурную и экономическую судьбу стран Анд – Эквадора, Колумбии, Перу, Боливии, Венесуэлы и Чили (в ранний период). Несмотря на колониальное наследие, разделявшее территории по административным границам Испанской империи, народы региона объединяли схожие языковые, религиозные и социальные традиции, а также зависимость от экспорта сырья и уязвимость перед внешними экономическими потрясениями. В XX веке усиление национальных элит, стремившихся к экономическому суверенитету, и рост социальной напряженности стали катализаторами поиска коллективных решений. Вполне естественным поэтому выросло обращение к идее региональной интеграции как средству преодоления структурных ограничений национальных экономик.

Кризисы 1970-х годов – рост внешнего долга, падение цен на сырье, инфляция – показали ограниченность национальных моделей развития. В этих условиях идея региональной интеграции перестала быть чем-то аморфным и стала стратегической необходимостью: объединение ресурсов, расширение внутреннего рынка и координация политики позволяли противостоять доминированию

внешних акторов – в первую очередь США и Европы. Отсюда следовал вывод, что только коллективными усилиями можно обеспечить устойчивое развитие и снизить внешнюю уязвимость. Появление идей «антропоцентричной» интеграции, ориентированной на социальную справедливость и устойчивое развитие, нашло отклик в интеллектуальных и политических кругах [2].

Очевидна также проблема геополитического контекста, в котором формировалась интеграционная инициатива. Во второй половине XX века происходил расцвет холодной войны, в силу чего страны Андского региона опасались расширения сферы влияния США. Поэтому будущие страны-участницы старались как можно скорее начать интеграцию для усиления своего влияния на международной арене, что нашло отражение в Декларации Кито 1969 года, положившей начало Андскому Сообществу.

Картахенское Соглашение от 1969 года стало первым и самым главным учредительным документом организации. Его целью провозглашалось обеспечение сбалансированного и гармоничного развития стран-участниц через углубление экономической и социальной интеграции, с целью повышения их конкурентоспособности в глобальной экономике и сокращения внутрирегиональных асимметрий. Для достижения этих целей предусматривались следующие ключевые механизмы: гармонизация экономической и социальной политики и приведение национального законодательства в соответствие; формирование общего внешнего тарифа и ускорение либерализации торговли, превышающей обязательства по Монтевидейскому договору; развитие субрегиональной индустриализации и агропромышленного сектора; продвижение физической интеграции (транспорт, энергетика) и либерализация торговли услугами; финансирование интеграционных проектов за счет внутренних и внешних ресурсов; предоставление преференциального режима Боливии и Эквадору в связи с их геополитической уязвимостью. При этом парадокс состоял в том, что, декларируя приверженность равноправному сотрудничеству, соглашение изначально закрепляло асимметричные обязательства для менее развитых участников, что впоследствии порождало постоянные противоречия внутри организации [3].

Первоначальная институциональная структура Андского Сообщества включала Президентский совет как высший политический орган, Совет министров иностранных дел, Комиссию Андского сообщества в качестве основного нормотворческого органа, Генеральный секретариат, Суд Андского сообщества, Парламент Андского Сообщества, Консультативные советы по предпринимательству и труду, а также финансовые учреждения – Андскую корпорацию развития и Латиноамериканский резервный фонд [4]. Мировая практика доказала, что эффективность наднациональных структур напрямую зависит от четкости распределения полномочий и механизмов правоприменения, и в этом отношении первоначальная модель Картахенского соглашения содержала как сильные стороны, так и очевидные институциональные недостатки.

К середине 1990-х годов стало очевидно, что первоначальная модель требует кардинального обновления. Институциональная структура Андского Сообщества была реформирована в 1996 году с принятием Протокола Трухильо, который заменил первоначальную модель Картахенского соглашения 1969 года и создал более централизованную и многоуровневую систему управления, основанную на принципах наднациональности и четкого разделения полномочий между институтами. В обновленную структуру были включены специализированные учреждения: Суд правосудия Андского Сообщества, Андский Парламент, Консультативные Советы по предпринимательству и труду. Для обеспечения координации между всеми элементами системы был создан механизм Совещания представителей институтов. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Протокол Трухильо преобразовал Андское сообщество в целостную многоуровневую систему, способную эффективно реагировать на современные вызовы региональной интеграции [5].

Однако, как было многократно заявлено, институциональные реформы сами по себе не гарантируют успеха интеграции. Андское Сообщество сталкивается с комплексом серьезных вызовов, включая глубокую экономическую асимметрию между странами-участницами, сохраняющиеся политические разногласия и различия во внешнеполитических ориентирах, а также последствия выхода Венесуэлы и Чили из организации. Глобальные процессы деглобализации, внешние угрозы, выражающиеся в виде вмешательства во

внутренние дела Сообщества, заставляют страны-участниц искать выходы в сложившейся обстановке.

Стратегические цели деятельности Сообщества ориентированы на создание единого экономического пространства и общего рынка, сближение национальных правовых и экономических рамок, введение единого внешнеторгового тарифа и выработку согласованной торговой политики. При этом особое внимание уделяется справедливому распределению преимуществ интеграции в отношении менее развитых членов. В числе приоритетов также остаются укрепление региональной безопасности и устойчивости, развитие человеческого капитала и инновационного потенциала, а также усиление коллективных переговорных позиций на международной арене.

Перспективы дальнейшего развития Андского Сообщества связаны с углублением экономической интеграции посредством формирования региональных цепочек добавленной стоимости и внедрения концепции «умной» регионализации с формами сотрудничества, включающими институциональный подход. Ключевыми направлениями являются развитие цифровой инфраструктуры и кибербезопасности, укрепление коллективных механизмов безопасности и расширение торговых связей с крупными экономическими блоками, что создает дополнительные возможности для экономического роста региона. Приоритетами также остаются формирование устойчивой модели развития и «зеленой» экономики, а также усиление роли Сообщества в процессе создания многополярной структуры международных отношений.

Основные итоги и современное состояние

За более чем полувековую историю Андское Сообщество прошло путь от субрегионального экономического объединения до сложной наднациональной системы, доказавшей свою жизнеспособность даже в условиях кардинальных изменений глобального ландшафта. Общепризнанным стало то обстоятельство, что основной вклад организации заключается в формировании устойчивого интеграционного правового порядка, базирующегося на прямом действии норм андского законодательства и их приоритете над национальными правовыми актами. Мировая практика доказала, что наличие эффективной системы разрешения споров – в данном случае Андского Суда, расположенного в Кито, – является критическим условием для успешного функционирования любого интеграционного объединения, и в этом отношении Андское Сообщество демонстрирует показательные результаты.

Ключевыми достижениями организации следует признать: во-первых, создание зоны свободной торговли с постепенной либерализацией взаимного товарооборота; во-вторых, формирование общего внешнего тарифа, который, хотя и не достиг полной унификации, тем не менее обеспечивает определенный уровень координации торговой политики; в-третьих, развитие институциональной инфраструктуры, включающей как политические органы (Президентский совет, Совет министров), так и исполнительные (Комиссия, Генеральный секретариат), судебные (Суд) и консультативные структуры.

При этом парадокс состоял в том, что, несмотря на впечатляющие институциональные достижения, реальный уровень экономической интеграции оказался ниже изначально запланированного. Глубинные экономические асимметрии между странами-участницами, различия в темпах экономического развития и сохраняющиеся разногласия по ключевым вопросам торговой политики препятствовали полноценной реализации амбициозных целей Картахенского соглашения [6].

Неудивительно поэтому, что на протяжении 2000-х годов организация столкнулась с серьезными вызовами, связанными с выходом Венесуэлы (2006 год) и фактической изоляцией Боливии на отдельных этапах. Эти процессы продемонстрировали уязвимость интеграционной модели перед политическими факторами и сменой внешнеполитических ориентиров национальных правительств. Отсюда следовал вывод, что устойчивость интеграционного объединения зависит не только от институционального дизайна, но и от совпадения долгосрочных политических интересов государств-участников.

В то же время вполне естественным поэтому явилось усиление внимания к социальному измерению интеграции и развитию механизмов участия гражданского общества. Консультативные советы по предпринимательству и труду, созданные в рамках реформы

1996 года, стали каналами обратной связи между институтами Сообщества и заинтересованными группами, что повысило легитимность принимаемых решений. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что Андское Сообщество постепенно трансформировалось из узкоэкономического проекта в многофункциональную платформу сотрудничества, охватывающую социальные, экологические и культурные аспекты регионального взаимодействия.

Современное состояние Андского Сообщества характеризуется сочетанием институциональной стабильности и сохраняющихся структурных проблем. Институциональная архитектура, сформированная Протоколом Трухильо и дополненная последующими решениями (включая Протокол Сукре 2003 года и Андскую стратегическую повестку 2010 года), в целом сохраняет свою функциональность. Генеральный секретариат, расположенный в Лиме, продолжает обеспечивать техническую и административную поддержку интеграционным процессам, а Суд Андского сообщества – поддерживать правовую определенность в толковании и применении андского законодательства [7].

Однако, как было многократно заявлено, формальное наличие институтов не гарантирует автоматически их эффективного функционирования. Политические разногласия между странами-участницами, различия в подходах к внешнеэкономической политике и сохраняющаяся экономическая асимметрия остаются серьезными препятствиями на пути к углубленной интеграции. Очевидна также проблема недостаточной диверсификации экономик государств-членов, что сохраняет их высокую зависимость от экспорта сырьевых товаров и, следовательно, от внешней конъюнктуры.

В условиях глобальных процессов деглобализации и нарастающего великодержавного соперничества способность Андского Сообщества адаптироваться к новым реалиям становится определяющим фактором его выживания. Когда традиционные центры силы демонстрируют снижение заинтересованности в многосторонних форматах, а региональные объединения сталкиваются с давлением как извне, так и изнутри, именно институциональная гибкость и политическая воля участников приобретают решающее значение.

К числу приоритетных направлений дальнейшего развития можно отнести: формирование региональных цепочек добавленной стоимости как альтернативы экспорту сырья; внедрение концепции «умной» регионализации с гибкими формами сотрудничества; развитие цифровой инфраструктуры и кибербезопасности; расширение торговых связей с крупными экономическими блоками (включая ЕС, Азиатско-Тихоокеанский регион и Евразийский союз). Особое значение приобретает также формирование устойчивой модели развития и «зеленой» экономики, что соответствует как глобальным трендам, так и национальным интересам стран региона [8].

Таким образом, анализ эволюции Андского Сообщества позволяет сделать вывод о том, что данная интеграционная группировка, несмотря на все объективные сложности и субъективные разногласия, продемонстрировала высокий уровень институциональной устойчивости и адаптационного потенциала [9]. Опыт организации подтверждает, что успешная региональная интеграция в условиях глобальной турбулентности требует не только формальных механизмов координации, но и постоянного учета национальных интересов, готовности к компромиссам и способности институциональной системы реагировать на меняющиеся внешние условия [10]. Сохранит ли Андское Сообщество свою актуальность в новом десятилетии – зависит от политической воли его участников и их способности преодолевать внутренние противоречия ради достижения общих стратегических целей.

Литература

- Березина Е.К. Андское сообщество – Евразийский экономический союз: есть ли перспективы? // Латинская Америка. 2023. № 3. С. 90–103. DOI: 10.31857/S0044748X0017753-7
- Яковлев П.П. Европа и Латинская Америка: неоднозначное прошлое, проблемное настоящее, неясное будущее // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3 (115). С. 15–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropa-i-latinskaya-amerika-neodnoznachnoe-proshloe-problemnoe-nastoyashee-neyasnoe-budushee>
- Косевич Е. ЕС – Латинская Америка: институты сотрудничества и доверие к ним латиноамериканцев // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 2. С. 114–129. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2023/2-t>

67/latin-america-in-search-of-own-way/eu-latin-america-institutions-for-cooperation-and-latin-americans-trust-in-them

- Яковлева Н.М. Латинская Америка во внешнеэкономической стратегии Португалии // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3 (115). С. 158–183. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49384488>
- Tokarev A. Economic Integration in South America: The Case of CAN // Latin American Journal of International Affairs. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 45–58.
- Rueda-Junquera F. La integración económica de Europa y América Latina en perspectiva comparada // Nueva Sociedad. 2009. URL: <https://nuso.org/articulo/la-integracion-economica-de-europa-y-america-latina-en-perspectiva-comparada/>
- ECLAC. Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean. Santiago: Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 2023. URL: <https://www.cepal.org/en/publications>
- Lora E. Industrial Development in the Andean Region: Successes and Failures. Washington D.C.: Inter-American Development Bank, 2022. URL: <https://publications.iadb.org/en>
- Vaidya A. The Andean Community: Institutional Challenges and Future Prospects // Regional Integration in the Global South / под ред. ... London: Routledge, 2017.
- UNESCO. Global Education Monitoring Report 2024. Paris: UNESCO Publishing, 2024. URL: <https://unesdoc.unesco.org/>

Historical background, stages of formation and institutional structure of the andean community

Litovchenko I.D.

Russian State University for the Humanities

Founded over half a century ago, the Andean Community is today one of the most stable integration structures in Latin America. Attractive to countries in the subregion and external players, it continues to search for its own identity and optimal development vectors, introducing new mechanisms of interaction and adapting its institutional system to the changing international environment. This process is particularly evident against the backdrop of current geopolitical shifts—the growing confrontation between great powers, the erosion of global economic space, and increasing pressure on non-Western states.

In this article, the author attempts to identify key areas in the evolution of the Andean Community, including the historical preconditions for integration, the stages of institutional development (from the 1969 Cartagena Agreement to the 1996 reform), and the organization's contemporary institutional architecture. The article also analyzes the challenges and prospects for the further development of the Andean Community amidst the transformation of the global order. Based on an analysis of the organization's activities, the author concludes that the Andean Community possesses significant potential in the areas discussed and has achieved some success in institution-building, establishing a supranational legal system with direct application of norms and priority over national legislation. At the same time, the organization lacks high-quality implementation of adopted documents and a certain degree of coherence in the joint execution of decisions, due to persistent economic asymmetries and political disagreements between member countries. Despite this, the author believes that the Andean Community has already become an important instrument not only for interaction between member states but also for maintaining regional stability and strengthening collective positions in the international arena.

Keywords: Andean Community, Cartagena Agreement, Trujillo Protocol, regional integration, supranationality, institutional structure, Latin America, economic asymmetry, geopolitical challenges.

References

- Berezina E.K. Andean Community – Eurasian Economic Union: Are There Prospects? // Latin America. 2023. No. 3. P. 90–103. DOI: 10.31857/S0044748X0017753-7
- Yakovlev P.P. Europe and Latin America: An Ambiguous Past, a Problematic Present, and an Unclear Future // Current Problems of Europe. 2022. No. 3 (115). P. 15–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropa-i-latinskaya-amerika-neodnoznachnoe-proshloe-problemnoe-nastoyashee-neyasnoe-budushee>
- Kosevich E. EU – Latin America: Cooperation Institutions and Latin American Trust in Them // World Economy and International Relations. 2023. No. 2. P. 114–129. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2023/2-t/67/latin-america-in-search-of-own-way/eu-latin-america-institutions-for-cooperation-and-latin-americans-trust-in-them>
- Yakovleva N.M. Latin America in Portugal's Foreign Economic Strategy // Current Problems of Europe. 2022. No. 3 (115). P. 158–183. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49384488>
- Tokarev A. Economic Integration in South America: The Case of CAN // Latin American Journal of International Affairs. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 45–58.
- Rueda-Junquera F. La integración económica de Europa y América Latina en perspectiva comparada // Nueva Sociedad. 2009. URL: <https://nuso.org/articulo/la-integracion-economica-de-europa-y-america-latina-en-perspectiva-comparada/>
- ECLAC. Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean. Santiago: Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 2023. URL: <https://www.cepal.org/en/publications>
- Lora E. Industrial Development in the Andean Region: Successes and Failures. Washington D.C.: Inter-American Development Bank, 2022. URL: <https://publications.iadb.org/en>
- Vaidya A. The Andean Community: Institutional Challenges and Future Prospects // Regional Integration in the Global South / ed. ... London: Routledge, 2017.
- UNESCO. Global Education Monitoring Report 2024. Paris: UNESCO Publishing, 2024. URL: <https://unesdoc.unesco.org/>

Интеграция и доверие как факторы электоральной поддержки политических партий в новых субъектах Российской Федерации

Маньчев Роман Владимирович

аспирант, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

В статье рассматривается трансформация роли политических партий в современной России в условиях геополитической напряженности и проведения специальной военной операции. Автор анализирует институциональные и функциональные особенности партийной системы, уделяя особое внимание феномену консолидации всех парламентских партий вокруг общенационального курса. В работе детально исследуется деятельность политических партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») по интеграции новых субъектов Федерации в российское правовое и социальное поле, а также их гуманитарные и социальные миссии. Отдельный блок посвящен региональной практике (на примере Республики Мордовия), демонстрирующей механизмы взаимодействия партийных структур с участниками СВО и их семьями. В заключении делается вывод о переходе политической поддержки из утилитарной в ценностную плоскость и усилении мобилизационной функции партий как связующего звена между государством и гражданским обществом.

Ключевые слова: Российская Федерация, политические партии, специальная военная операция, боевые действия, Единая Россия, кпрф, лдпр, Справедливая Россия.

Наличие политических партий и политических движений в современном демократическом государстве, является одним из связующих компонентов развития демократического общества.

Одним из важнейших институтов государства являются политические партии, они служат для выражения интересов определённых социальных слоёв, своих единомышленников. Так же основной функцией политической партии в любом государстве, в том числе и в Российской Федерации, является борьба за власть в государстве и влияние на политику государства, а так же отстаивание интересов различных социальных общественных групп.

Помимо институциональных особенностей политическая партия является структурой гражданского общества, так как любая политическая партия осуществляет агрегацию и артикуляцию общественных интересов, и мобилизацию осуществляемого государства курса.

Одним из важнейших элементов современной политической системы Российской Федерации является деятельность политических партий. Например, по мнению В.Е. Сафонова, политические партии представляют собой звено, «винтик», связывающий государственные структуры и гражданское общество. Данный исследователь считает, что политические партии в России находятся в эпицентре борьбы, их баталии в политических идеях в их историческом развитии [1]. По его мнению, политические партии во время неопределённости, политической напряженности и потрясений осуществляют уникальную для них функцию – мобилизации граждан, ради достижения общих целей, поставленных государству.

Отметим, исходя из классификации политических партий Дж. Сартори, современную партийную систему в Российской Федерации определим как многопартийную с одной доминирующей партией. [1] Мы считаем уникальным явлением то, что абсолютно все партии нижней палаты парламента поддержали решение российского командования о начале боевых действий на территории Украины.

В 2022 году, с началом процесса воссоединения, ключевой функцией парламентских политических партий стало сопровождение интеграционных процессов, направленное на поэтапное внедрение российских законодательных стандартов в новых субъектах. Всеми партиями в короткий срок были открыты региональные и местные отделения. Наиболее активной партией в данном вопросе являлась «Единая Россия». Данная политическая сила выступает ведущим интеграционным институтом, благодаря своим проектам и «Народной программе». Данная программа является ключевым ориентиром в деятельности «Единой России». Она обновляется каждые 5 лет. В обновлённую версию на 2026-2031 годов включен раздел о «новых регионах». Новые положения расширяют программу капитального ремонта социальных учреждений (больниц, школ, детских садов).

Отметим, что в 2023 году по данным ВЦИОМ рейтинг «Единой России» составлял в ДНР – 83 %, в ЛНР – 73-80%, в Запорожской области от 80 до 89%, в Херсонской области от 68 – до 80% [4]. По мнению Руководителя департамента ВЦИОМ Михаила Мамонова, высокий рейтинг партии связан с тем, что она ассоциируется с президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным и федеральным центром [4]. Отметим, что такой рейтинг связан с высоким рейтингом одобрения деятельности Владимира Путина, ВЦИОМ отмечает, что рейтинг приближается к 90%. Феномен высокого доверия к партии «Единая Россия» в новых регионах прежде всего связан с несколькими факторами.

Считаем, что граждане в сложных жизненных условиях, в период нестабильности склонны максимально делегировать власть харизматическому лидеру, так как в их глазах он является единственным гарантом их существования. Данный эффект в политической социологии называется Эффектом «сплочения вокруг флага» (rally 'round the flag effect) [3]. Исследователи отмечают, что такой эффект длится от нескольких месяцев до нескольких лет, так же они отмечают, что данный механизм приводит к схлопыванию альтернативных политических сил, так как граждане поддерживают только одну политическую силу, которая действует наиболее агрессивно.

Можно сделать акцент на том, что в российских регионах рейтинг партии «Единая Россия» имеет смешанный характер, в свою

очередь, в новых регионах легитимность партии связана с харизматическими лидерами ассоциируемые с данными территориями (Денис Пушилин, Артём Жога). Образ партии мифологизируется через нарративы «возвращения в родную гавань» и «противостояния с западом». По итогу проведённого анализа можно понять, что политическая поддержка переходит из утилитарной плоскости в ценностную плоскость.

Например, исследовательский центр «Русское поле» провел исследование на тему «Поддержка партий и отношение к военной операции на территории Украины».

В рамках проведённого исследования респонденты, поддерживающие СВО - наибольшая доля приходится на сторонников «Единой России», такая доля составляет 89%. На вопрос об отмене СВО 74% респондентов заявили, что не стали бы её отменять, а 17% отменили бы её. Отметим, что в рамках исследования заявляется, что среди сторонников «Единой России» наиболее высокая доля затруднившихся ответить. Схожие результаты наблюдаются среди сторонников «ЛДПР». 85% респондентов сторонников взглядов «ЛДПР» поддерживают СВО. Однако среди сторонников «ЛДПР» выше доля тех, кто не стал бы отменять СВО, она составляет 76, а те же 17% отменили бы её [4].

Например, с первых дней после начала СВО Всероссийская политическая партия «Единая Россия» одной из первых зашла в новые регионы путём создания гуманитарных центров. Они необходимы были для помощи военнослужащих и гражданских лиц, проживающих на новых территориях. На май 2023 года было открыто 25 гуманитарных центров в 4 областях (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), в которые доставлялись со всех регионов страны медикаменты, бытовая химия, предметы гигиены, одежда и продукты питания [4].

Как отмечается на официальном сайте партии «Единая Россия» помощь в распределении гуманитарной помощи оказывают волонтеры «Молодой Гвардии Единой России» и «Волонтерской Роты». Помимо этого, «МГЕР» оказывают как гражданскому, так и военным юридическую, военную и технологическую поддержку. Одним из проектов «Молодой Гвардии Единой России» является «Волонтерская рота». Ещё участники принимают реальное участие в боевых действиях на территории ЛНР и ДНР. Председатель политической партии Дмитрий Медведев отметил, что ежемесячно в гуманитарных миссиях от МГЕР принимают участие более 5 тыс. активистов [4].

Второй по величине и силе партией является КПРФ. Лидеры политической партии оказали максимальную поддержку действиям Российской Федерации. Например, в эфире на телеканале Россия 1 от 24.02.2022 года лидер коммунистической Партии Геннадий Зюганов, заявил о поддержке курса Президента Российской Федерации о начале проведения СВО [4].

01 мая 2022 года Геннадий Зюганов заявил, что в рамках специальной военной операции Российским командованием решаются несколько ключевых задач. По его мнению, ключевой задачей является, сохранение многополюсного мира, так как, как он считает, основным противником является руководство США, готовое стереть Россию с лица Земли, главной целью глобального запада является нанести Российской Федерации стратегическое поражение, вторым, немаловажным компонентом является сохранение и укрепление «Русского мира». Он считает, что решение данной задачи является ключевым элементом боевого столкновения России и Украины, как он считает, что Украине была навязана нацистская идеология, благодаря которой «стратегические противники» пытаются нанести России стратегическое поражение [2].

Так, например, 27 июня 2024 года Зюганов утверждает, что с началом СВО партий КПРФ было направлено в «новые регионы» более 120 конвоев с гуманитарной помощью (предметы первой необходимости, бытовая техника, обувь, одежда, медикаменты и так далее) [4]. Лидеры данной политической партии в работе с «новыми регионами» делают акцент на оказание гуманитарной помощи и патриотической работе, по мнению Афонина, является первым заместителем ЦК Партии, партия КПРФ считает, что им необходимо усилить работу в данном направлении, потому что жители на данной территории, подвергались пропаганде «Киевского режима» [2].

Другая парламентская партия «ЛДПР», в своих стратегических документах заявляет о полной поддержке курса Президента Российской Федерации, и своим приоритетом считает поддержку участников СВО и их семей. Одним из важнейших законопроектов

партии, по мнению Леонида Слуцкого, лидера партии «ЛДПР», является установления памятной даты 30 сентября – Дня воссоединения новых регионов с Российской Федерацией [2]. Зампред фракции «ЛДПР» в Государственной Думе Станислав Наумов в интервью Газете «Коммерсант» сообщил, что все партии должны действовать «плечом к плечу в данном вопросе», так же приглушить соперничество и сотрудничать в опросах, связанных с достижением победы [2].

Ещё одной парламентской партией, поддерживающей курс государства Справедливая Россия. Как заявляет Сергей Миронов, лидер данной политической партии: «Специальная военная - это единственный способ защитить суверенитет России, наших граждан, наши ценности Русский мир» [2]. Партия «Справедливая Россия» помогает бойцам СВО, их семьям, детям, отправляет гуманитарные конвои в зону проведения СВО.

Повсеместную поддержку оказывают и региональные отделения политических партий. Для полной картины необходимо проанализировать деятельность региональных отделений одного из субъектов Российской Федерации. Например, Мордовское региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия» оказывает повсеместную поддержку проведению СВО. Региональным отделением с 2022 года было направлено более 50 конвоев гуманитарной помощи (одежда, бытовая химия, канцелярские товары, строительные материалы) на общую сумму более 30 миллионов рублей. На постоянной основе активисты регионального отделения Партии «Единая Россия» осуществляют выезды в приграничные регионы с гуманитарной миссией. Например, с 26 октября по 30 октября 2024 года делегация от Мордовского регионального отделения Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» осуществила выезд с социально-гуманитарной миссией в зону проведения специальной военной операции на территорию Донецкой и Луганской Народных Республик. Был собран гуманитарный груз общим весом более 3 тонн, как бойцам, так и мирным жителям данных территорий.

Мордовским региональным отделением организуются бесплатные путёвки в детские оздоровительные лагеря на территории Республики Мордовия для детей участников СВО. Обратим внимание, что в 2024 году Мордовским региональным отделением была организована акция «Ромашка желаний», её основной целью являлось помочь многодетным семьям бойцов СВО, суть акции заключалась в том, что благотворители (предприниматели) организовывали путешествие для семьи бойцов СВО на какой-либо культурный объект, на территории Республики Мордовия для проведения семейного досуга.

Отметим, что от партии Единая Россия несколько участников СВО являются депутатами органов местного самоуправления, например, Евгений Пиглицев, являющийся депутатом Совета Депутатов Zubovo-Полянского муниципального района, активно участвует в повестке, помогает гражданам, проводит приёмы, участвует в партийных десантах сноски. Отметим, что 10-12 кандидатов будут участвовать в предстоящих выборах 2026 года, как в Государственное Собрание Республики Мордовия, так и в органы местного самоуправления. Среди них как ветераны боевых действий, так и действующие бойцы, находящиеся на передовой сноски.

Ещё одним региональным отделением, принимающим активное участие в помощи участников СВО является партия «ЛДПР». Её лидер, Евгений Тюрин, на постоянной основе осуществляет выезды в зону проведения СВО. От фракции «ЛДПР» в Государственном Собрании Республики Мордовия регулярно осуществляются сборы гуманитарных грузов, которые отправляются в зону проведения СВО. Например, в 2024-2025 гг. с помощью регионального отделения было направлено несколько автомобилей УАЗ, ВАЗ, ГАЗ.

Отметим, что помимо партий «ЛДПР» и «Единая Россия» осуществляют помощь региональные отделения партий «КПРФ» и «Справедливая Россия». Партийный актив данных партий также занимается сбором и отправкой гуманитарной помощи в зону проведения специальной военной операции, вовлечением участников СВО, к партийной повестке, участию в выборах сноски.

Таким образом, анализ деятельности современных политических партий в Российской Федерации, особенно в контексте событий, связанных с проведением специальной военной операции и интеграцией новых регионов, позволяет сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, современная российская партийная система демонстрирует высокий уровень консолидации вокруг общенациональных

целей. Преодолевая традиционную конкурентную борьбу, парламентские партии выступили единым фронтом в вопросах поддержки курса Президента и обеспечения суверенитета страны. Это подтверждает тезис о том, что в период внешних вызовов политические институты трансформируются из площадок для дискуссий в механизмы мобилизации и национального единства.

Во-вторых, феномен высокого доверия к партии «Единая Россия» в новых субъектах Федерации наглядно иллюстрирует действие эффекта «сплочения вокруг флага», который в данном случае накладывается на процесс ценностной и идентификационной интеграции. Поддержка здесь выходит за рамки рационального выбора, превращаясь в символический акт солидарности с федеральным центром и его лидером. В то же время, деятельность всех парламентских партий по оказанию гуманитарной помощи, юридической поддержки и социальной адаптации участников СВО демонстрирует, что партийная система успешно адаптируется к новым реалиям, выполняя важнейшую социальную функцию, а не только политическую.

В-третьих, пример региональных отделений, в частности Мордовского, показывает, что эффективность партийной работы сегодня напрямую зависит от способности выстраивать прямую коммуникацию с гражданами на местах, решать их насущные проблемы и вовлекать самих участников СВО в политическую и общественную жизнь. Участие ветеранов боевых действий в выборах и их работа в органах местного самоуправления становятся важным трендом, формирующим новый социальный капитал и укрепляющим связь между властью и обществом.

Подводя итог, можно констатировать, что политические партии в современной России не только сохраняют свою роль как связующего звена между государством и гражданским обществом, но и значительно расширяют свою функциональность в условиях геополитической трансформации. Они выступают не просто как инструменты борьбы за власть, а как полноценные институты интеграции, социальной стабильности и идеологической мобилизации. Дальнейшее развитие партийной системы будет определяться тем, насколько успешно она сможет совмещать задачи стратегического развития страны с запросами конкретных граждан, сохраняя при этом достигнутое единство и высокий уровень общественного доверия.

Литература

1. Сафонов В. Е. Зачем и для чего нужны политические партии в современной России? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2010. №4 (47).
2. Малинин А. Ю. Особенности деятельности российских политических партий в контексте Специальной Военной Операции в 2022 году // Наука. Культура. Общество. 2023. №2.
3. Барамидзе С. М. Понятия и признаки политических партий в российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2009. №2.
4. Сичак Е. Н. Технологии партийного строительства «Единой России» на территории Запорожской области в контексте политической интеграции // Общество: политика, экономика, право. 2023. №4 (117).

The Research Field of the Teacher: Hypotheses, Methods, Results Manchev R.V.

State Public Institution of the Republic of Mordovia "Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia"

The article examines the transformation of the role of political parties in modern Russia amid geopolitical tensions and the ongoing special military operation. The author analyzes the institutional and functional features of the party system, with particular attention to the phenomenon of consolidation of all parliamentary parties around the national policy agenda. The study explores in detail the activities of political parties ("United Russia", CPRF, LDPR, "A Just Russia") in integrating new subjects of the Russian Federation into the Russian legal and social framework, as well as their humanitarian and social missions. A separate section is devoted to regional practices (using the example of the Republic of Mordovia), demonstrating the mechanisms of interaction between party structures with combatants and their families. The conclusion highlights the shift of political support from the utilitarian to the value-based plane and the strengthening of the mobilizing function of parties as a link between the state and civil society.

Keywords: Russian Federation, political parties, special military operation, military operations, united Russia, communist party, liberal democratic party, fair Russia.

References

1. Safonov V. E. Why Are Political Parties Needed in Modern Russia? // Bulletin of the Russian State University for the Humanities (RGGU). Series: Political Science. History. International Relations. 2010. No. 4 (47).
2. Malinin A. Yu. Specifics of the Activities of Russian Political Parties in the Context of the Special Military Operation in 2022 // Science. Culture. Society. 2023. No. 2.
3. Baramidze S. M. Concepts and Characteristics of Political Parties in the Russian Federation // Bulletin of Udmurt State University. Series "Economics and Law". 2009. No. 2.
4. Sichak E. N. Party-Building Technologies of "United Russia" in the Zaporozhye Region in the Context of Political Integration // Society: Politics, Economics, Law. 2023. No. 4 (117).

Матрица секьюритизационного давления как инструмент количественного анализа политики национальной безопасности: апробация в современном российском политическом процессе (2014–2026)

Моисеенко Егор Сергеевич

аспирант, кафедра политических процессов и технологий, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, sumscumych@yandex.ru

В статье представлен и апробирован авторский прикладной инструмент количественного анализа политики национальной безопасности — матрица секьюритизационного давления. Обосновывается методологическая возможность количественной операционализации конструктивистской теории секьюритизации: объектом измерения выступает не «объективная угроза», а степень институционализации секьюритизирующего речевого акта, что отличает предлагаемый инструмент от существующих индексов (Глобальный индекс миролюбия, Рейтинг недееспособности государств). Матрица имеет двумерную структуру «семь секторов × восемь типов акторов»; каждая ячейка оценивается по четырём индикаторам (нормативная, речевая, институциональная и ресурсная активность) с применением формул расчёта и весовых коэффициентов. Апробация по пяти реперным точкам показала устойчивый рост сводного индекса интенсивности секьюритизации. По итогам апробации уточнена исследовательская гипотеза: негосударственные акторы (РПЦ, политические партии, медиа, экспертные сообщества) концептуализируются не как самостоятельные секьюритизирующие акторы, а как принципиально значимые амплификаторы и легитимирующие агенты секьюритизирующей рамки, оформляемой государственными акторами. На основе методологии Хойера построен прогноз: наиболее вероятным сценарием развития российской политики национальной безопасности на горизонте трёх–пяти лет является институциональная стабилизация с элементами гибридной конфигурации.

Ключевые слова: секьюритизация, национальная безопасность, матрица секьюритизационного давления, копенгагенская школа, количественная операционализация, индекс интенсивности секьюритизации, негосударственные акторы, речевой акт, политические институты, сценарное прогнозирование.

Теория секьюритизации, разработанная копенгагенской школой исследований безопасности, за три десятилетия превратилась в один из наиболее влиятельных аналитических каркасов политической науки. Понимание безопасности как результата интерсубъективного конструирования — речевого акта, в котором актор объявляет нечто экзистенциальной угрозой референтному объекту и добивается от аудитории санкции на экстраординарные меры, — позволило вывести исследования безопасности за пределы военно-стратегической проблематики и включить в анализ экономические, социальные, информационные и культурно-цивилизационные измерения [9].

Однако теоретическая зрелость конструктивистской программы контрастирует с дефицитом прикладного инструментария. Подавляющее большинство работ по секьюритизации выполнено в качественной, интерпретативной традиции: исследователь реконструирует дискурс, фиксирует секьюритизирующие ходы, оценивает реакцию аудитории — но делает это средствами, слабо поддающимися воспроизведению и межстрановому либо межсекторному сопоставлению. Возникает методологический разрыв: теория утверждает, что секьюритизация имеет разную интенсивность, разную глубину институционализации и разную динамику по секторам, однако не предлагает способа эти различия измерить. Как следствие, ключевые сравнительные суждения («информационный сектор секьюритизирован сильнее экономического», «после 2022 года интенсивность секьюритизации возросла») остаются экспертными оценками, не опирающимися на формализованную шкалу.

Отсюда исследовательский вопрос настоящей статьи: можно ли измерить интенсивность секьюритизации, не редуцируя её к «объективным угрозам»? Вопрос нетривиален, поскольку любая попытка квантификации в исследованиях безопасности исторически тяготеет к позитивистской логике — подсчёту инцидентов, военных расходов, террористических атак, то есть именно того, что конструктивизм принципиально отказывается считать безопасностью «самой по себе». Задача, таким образом, состоит в том, чтобы квантифицировать не угрозу, а социальный факт секьюритизации — наблюдаемые следы речевых актов и их институционального закрепления.

Классическая формулировка копенгагенской школы задаёт секьюритизацию как иллюкутивный акт: произнесение «безопасности» само по себе есть действие, конституирующее угрозу [9]. Такая трактовка методологически элегантна, но эмпирически трудноуловима: речевой акт дискретен, контекстуален и не оставляет стандартизированного следа, пригодного для счёта. Попытка «считать речевые акты» напрямую наталкивается на проблему единицы наблюдения (что считать одним актом — высказывание, документ, кампанию?) и проблему веса (равнозначны ли заявление депутата, пресс-релиз и положение Стратегии национальной безопасности?).

Выход подсказывает второе поколение исследований секьюритизации, оформившееся как социологический поворот. Т. Балзак предложил рассматривать секьюритизацию не как самодостаточный перформатив, а как стратегическую практику, укоренённую в контексте, диспозициях аудитории и властных ресурсах актора [12]; Х. Штритель сместил фокус с отдельного высказывания на дискурсивную и институциональную встроенность секьюритизирующего хода — его способность закрепляться в правилах, процедурах и организационных структурах [19]. Параллельно парижская школа (Д. Биго) показала, что секьюритизация осуществляется не только словами, но и рутинными практиками профессионалов в сфере безопасности — реестрами, проверками, техническими блокировками [17].

Из этого следует принципиальное для нашего инструмента решение: измерять следует не речевой акт как таковой и тем более не «объективную угрозу», а институционализацию речевого акта — совокупность его наблюдаемых, документированных следствий. Институционализация оставляет верифицируемые следы: принятые нормативные акты, созданные органы и реестры, бюджетные ассиг-

нования, правоприменительные решения, устойчивые дискурсивные формулы в доктринальных документах. Каждый такой след датирован, атрибутирован конкретному актору и отнесён к сектору безопасности, то есть удовлетворяет базовым требованиям к единице количественного наблюдения. Тем самым конструктивистская онтология сохраняется в полном объёме: матрица не утверждает, что угроза «реальна» или «выросла», — она фиксирует, что социальный процесс конструирования угрозы достиг определённой стадии закрепления. Интенсивность секьюритизации операционализируется как давление — кумулятивная плотность секьюритизирующих ходов на данный сектор за данный период.

Соблазн заимствовать готовый количественный аппарат из существующих индексов безопасности следует отклонить по содержательным основаниям. Глобальный индекс миролюбия (Global Peace Index) агрегирует индикаторы трёх доменов — уровня внутренних и международных конфликтов, социетальной безопасности и милитаризации [16]. Это качественный позитивистский инструмент, но измеряет он именно то, от чего конструктивизм дистанцируется: наблюдаемое состояние насилия и военных приготовлений, трактуемое как объективная характеристика среды. Индекс не различает ситуации, когда рост «небезопасности» отражает реальную динамику инцидентов, и когда он является продуктом секьюритизирующей политики; сам процесс конструирования угроз остаётся за пределами измерения.

Рейтинг недееспособности государств (Failed States Index) оценивает уязвимость государств по двенадцати индикаторам когезии, экономики, политики и социальной сферы [13]. Его аналитическая оптика — государство как объект риска, а не как актор конструирования безопасности. Более того, рейтинг методологически инвертирован относительно нашей задачи: высокая интенсивность секьюритизации может сопровождаться как ростом, так и снижением «хрупкости» в терминах рейтинга, поскольку консолидирующие эффекты секьюритизации индексом не улавливаются.

Оба инструмента измеряют состояние (мир/хрупкость) как зависимую переменную объективных условий, в то время как нам требуется измерять процесс секьюритизации как самостоятельную политическую практику. Кроме того, оба индекса построены в страновой логике «одно государство — одно значение», что исключает межсекторное и межакторное разрешение, критически важное для проверки гипотезы о роли негосударственных акторов.

Таким образом, искомым инструментом измерения секьюритизации определяется трём различиями: процесс вместо состояния, конструирование вместо «объективной» угрозы, секторально-акторная матрица вместо страновой скалярной оценки. Отсюда вытекают следующие требования к матрице секьюритизационного давления.

Воспроизводимость. Каждое значение матрицы должно быть выводимо из открытого, документированного корпуса источников по эксплицитной кодировочной инструкции, допускающей независимую перепроверку.

Чувствительность к качественным скачкам. Секьюритизация нелинейна: длительные периоды дискурсивного накопления сменяются точками нормативного прорыва, когда экстраординарная мера получает правовое закрепление. Линейная аддитивная шкала «размазывала» бы такие скачки; поэтому матрица использует ступенчатое взвешивание стадий институционализации — от дискурсивной фиксации через доктринальное закрепление к правоприменительной экстраординарной мере.

Применимость к негосударственным акторам. Поскольку существенную роль в процессе секьюритизации играют негосударственные акторы (политические партии, медиа, экспертные сообщества, религиозные институты), инструмент обязан раздельно кодировать вклад каждого типа акторов, включая специфические для них формы институционального следа — резолюции и соборные документы, партийные законодательные инициативы, устойчивые медиафреймы, экспертные доклады, конвертированные в нормативные решения. Матричная (а не скалярная) архитектура инструмента — сектора по строкам, типы акторов по столбцам — является прямым следствием этого требования.

Сформулированные требования позволяют нам перейти к формулировке характеристик матрицы секьюритизационного давления.

Предлагаемый инструмент представляет собой двумерную матрицу размерностью 8×7 , строки которой образованы типами акторов секьюритизации, а столбцы — секторами безопасности. Секто-

ральное измерение опирается на расширенную автором семисекторную схему копенгагенской школы (военный, политический, экономический, социетальный, экологический, информационный и культурно-цивилизационный сектора).

Акторное измерение матрицы включает восемь типов секьюритизирующих акторов: (1) глава государства и его администрация; (2) Совет безопасности РФ; (3) правительство и профильные органы исполнительной власти; (4) силовые ведомства и органы координации политики безопасности; (5) политические партии и парламентские структуры; (6) Русская православная церковь; (7) медиа; (8) экспертные сообщества. Первые три типа образуют государственный контур секьюритизации, последние четыре — негосударственный и квазигосударственный контур, включение которого отражает социологический поворот во втором поколении исследований секьюритизации, настаивающем на распределённом характере секьюритизирующей агентности. Тем самым матрица операционализирует центральную гипотезу исследования: если негосударственные акторы действительно играют существенную роль в секьюритизации, их вклад должен быть эмпирически различим на уровне отдельных ячеек, а не поглощаться агрегированным «государственным» сигналом.

Единицей анализа выступает ячейка матрицы — пересечение сектора и актора, фиксирующее интенсивность секьюритизирующей активности данного типа актора в данном секторе на момент реперного среза. Таким образом, каждый временной срез даёт 56 наблюдений, что обеспечивает достаточную дробность для декомпозиции динамики сводного индекса.

Ключевая методологическая трудность операционализации теории секьюритизации состоит в том, что её базовая единица — речевой акт — принципиально событийна и дискретна, тогда как измерению должна подлежать устойчивая, институционализированная практика [17]. Для преодоления этой трудности интенсивность секьюритизации в каждой ячейке раскладывается на четыре индикатора, охватывающих последовательные стадии «жизненного цикла» секьюритизирующего хода — от высказывания до материального закрепления.

Индикатор 1. Речевая активность (R) — частота и модальность секьюритизирующих высказываний актора в данном секторе: публичных заявлений, в которых проблема артикулируется через грамматику экзистенциальной угрозы и необходимости экстраординарных мер. Источники данных: официальные порталы органов власти, стенограммы, программные документы партий, публичные заявления иерархов РПЦ, материалы федеральных СМИ, публикации аналитических центров. Кодировка осуществляется по ординальной шкале от 0 (секьюритизирующая риторика отсутствует) до 3 (систематическая риторика экзистенциальной угрозы с требованием чрезвычайных мер).

Индикатор 2. Нормативная активность (N) — степень закрепления секьюритизирующей рамки в нормативных и доктринальных документах, к принятию которых актор причастен: от упоминания угрозы в документах стратегического планирования до принятия ограничительного законодательства, легитимирующего экстраординарные меры. Данный индикатор фиксирует переход от секьюритизирующего хода (securitizing move) к успешной секьюритизации в строгом смысле — принятию аудиторией и правовой институционализацией. Шкала: 0 (нормативное закрепление отсутствует) — 3 (принято специальное законодательство чрезвычайного характера).

Индикатор 3. Институциональная активность (I) — создание, реорганизация или расширение полномочий организационных структур, специализированных на противодействии секьюритизированной угрозе: новых органов, координационных советов, профильных подразделений, а для негосударственных акторов — специализированных отделов, комиссий, экспертных советов. Шкала: 0 (институциональные изменения отсутствуют) — 3 (создан специализированный орган с самостоятельными полномочиями).

Индикатор 4. Ресурсная активность (Res) — динамика материального обеспечения противодействия угрозе: бюджетные ассигнования, кадровое наполнение, гранты и целевое финансирование. Ресурсный индикатор выполняет функцию верификатора: он позволяет отличить риторическую секьюритизацию, остающуюся на уровне дискурса, от полной, доведённой до перераспределения ресурсов. Шкала: 0 (ресурсное подкрепление отсутствует) — 3 (устойчивый рост ассигнований, опережающий динамику бюджета в це-

лом). [Последовательность индикаторов $R \rightarrow N \rightarrow I \rightarrow Res$ воспроизводит логику углубления секьюритизации: от речевого акта через нормативное закрепление и институционализацию к ресурсному обеспечению. Это позволяет матрице фиксировать не только интенсивность, но и глубину секьюритизации в каждой ячейке — характеристики, недоступную инструментам, работающим с агрегированными страновыми показателями [14]. Значение ячейки рассчитывается как взвешенная сумма четырёх индикаторов:

$$S(i,j) = w_1 \cdot R(i,j) + w_2 \cdot N(i,j) + w_3 \cdot I(i,j) + w_4 \cdot Res(i,j), \text{ где } \sum w_k = 1,$$

где i — индекс сектора, j — индекс актора. Итоговое распределение весов — [$w_1 = \dots, w_2 = \dots, w_3 = \dots, w_4 = \dots$] — отражает представление о том, что нормативное и ресурсное закрепление свидетельствуют о более глубокой секьюритизации, нежели риторическая активность *per se*.

Секторальный индекс рассчитывается как взвешенное среднее значений ячеек по столбцам с учётом акторных весов v_j , отражающих различие мобилизационных возможностей акторов. Сводный индекс интенсивности секьюритизации для временного среза t определяется как:

$$IS(t) = (10/3) \cdot \sum_i \sum_j u_i \cdot v_j \cdot S(i,j,t),$$

где u_i — секторальные веса, а нормирующий множитель приводит индекс к шкале от 0 до 10, обеспечивая интерпретируемость и сопоставимость срезов.

Важно отметить, что процедура сохраняет полную декомпозируемость: любое изменение сводного индекса может быть разложено до уровня конкретной ячейки и конкретного индикатора, что исключает эффект «чёрного ящика», свойственный композитным индексам с непрозрачной методологией.

Корректное применение матрицы требует эксплицитной фиксации её ограничений. Во-первых, ординальные шкалы индикаторов предполагают качественную экспертную кодировку первичных данных, что вносит элемент субъективности; данный риск минимизируется формализованным кодировочным протоколом и процедурой перекрёстного кодирования, однако не устраняется полностью. Во-вторых, матрица фиксирует наблюдаемую, публичную секьюритизацию; латентные практики, не оставляющие дискурсивного и нормативного следа, остаются за пределами измерения. В-третьих, асимметрия доступности данных по государственным и негосударственным акторам (детальная бюджетная статистика против фрагментарных данных о ресурсах экспертных сообществ) может систематически занижать оценки ресурсного индикатора негосударственного контура — это обстоятельство учитывается при интерпретации результатов при подведении итогов. В-четвёртых, весовые коэффициенты откалиброваны на российском материале и отражают консенсус экспертов, работающих в российском политическом контексте; кросс-национальный перенос матрицы потребует повторной калибровки. Наконец, инструмент измеряет интенсивность секьюритизации, но не её нормативную оправданность: матрица принципиально нейтральна к вопросу о том, является ли фиксируемая динамика адекватным ответом на среду или самоподдерживающимся процессом — этот вопрос выносится в плоскость содержательной интерпретации [20].

Апробация инструмента проведена на трёх временных периодах: 2014–2017, 2018–2021 и 2022–2026 гг. Периодизация подчинена не формальной равномерности интервалов, а логике узловых моментов трансформации российской политики безопасности, каждый из которых сопровождался качественным сдвигом доктринально-нормативной базы: первый период фиксирует посткризисную консолидацию, второй — конституционно-доктринальное закрепление секьюритизированных категорий, третий — тотализацию секьюритизации после февраля 2022 г.

Период 2014–2017 гг. охватывает состояние системы от украинского кризиса и начала санкционной конфронтации до завершения первого цикла доктринального обновления; его нормативными маркерами выступают новая редакция Военной доктрины Российской Федерации [8], Стратегия национальной безопасности 2015 г. [3], Доктрина информационной безопасности 2016 г. и Стратегия экономической безопасности до 2030 г. [5]. Период 2018–2021 гг. маркирован конституционной реформой 2020 г., закрепившей ряд секьюри-

тизированных категорий (защита исторической правды, традиционные ценности) на высшем правовом уровне, пандемией коронавируса, давшей импульс секьюритизации в социальном секторе, и Стратегией национальной безопасности 2021 года, впервые выделившей защиту традиционных ценностей в самостоятельный стратегический национальный приоритет. Период 2022–2026 гг. фиксирует фазу максимальной интенсификации секьюритизирующей активности после начала специальной военной операции и кодификации института иностранных агентов в едином законе и доводит наблюдение до верхней границы хронологических рамок исследования, позволяя оценить, стабилизировалось ли секьюритизационное давление на достигнутом плато или сохраняет восходящую динамику.

Результаты кодировки визуализированы тепловыми картами (рис. 1–3), в которых интенсивность заливки соответствует баллу ячейки по четырёхступенчатой шкале: от 0 (актор не осуществляет секьюритизирующих ходов в секторе) до 3 (сектор находится в ядре дискурса актора: доктринальное закрепление, чрезвычайные меры).

Рис. 1. Тепловая карта секьюритизационного давления «акторы × сектора», период 1 (2014–2017 гг.), баллы 0–3

Рис. 2. Тепловая карта секьюритизационного давления «акторы × сектора», период 2 (2018–2021 гг.), баллы 0–3

Рис. 3. Тепловая карта секьюритизационного давления «акторы × сектора», период 3 (2022–2026 гг.), баллы 0–3

Расчёт по формуле, приведённой при описании матрицы, в базовой спецификации с равными акторными весами даёт следующий динамический ряд сводного индекса $IS(t)$: период 2014–2017 гг. — 4,5; период 2018–2021 гг. — 5,8; период 2022–2026 гг. — 6,7. Таким образом, за исследуемое время интенсивность секьюритизационного давления возросла в 1,5 раза, причём траектория роста носит монотонный ступенчатый характер: прирост первого шага (+1,3

пункта) несколько превышает прирост второго (+1,0), что свидетельствует о кумулятивном, а не взрывном режиме нарастания давления.

Содержательно значимы не только абсолютные значения, но и структура приростов между периодами (рис. 1–3). Прирост +1,3 пункта на шаге от первого периода ко второму обеспечен преимущественно «гражданскими» секторами: социальным (с 0,9 до 1,8 балла в среднесекторном выражении), информационным и культурно-цивилизационным (в обоих — с 1,4 до 2,1) — при одновременном снижении давления в военно-политическом секторе (с 2,4 до 1,8). Это период доктринального «оформления» секьюритизирующих рамок, заданных риторически ещё в 2014 г., — что эмпирически подтверждает известную закономерность запаздывания институционализации относительно речевой активности. Шаг от второго периода к третьему, напротив, демонстрирует резкий возврат военно-политического сектора в ядро давления (с 1,8 до 2,9 — максимальное среднесекторное значение всей матрицы) при продолжающемся росте экономического (с 1,4 до 2,1), информационного и культурно-цивилизационного секторов, что характеризует режим форсированной секьюритизации, при котором стадии жизненного цикла секьюритизирующего хода сжимаются во времени. Гипотеза о плато на третьем периоде не подтверждается: рост продолжается, однако меняется его качество. Число ячеек с максимальным баллом 3 увеличивается с четырёх в каждом из первых двух периодов до двадцати двух в третьем, тогда как число ячеек с баллом не ниже 2 почти стабилизируется (40 против 41): давление не столько расширяется на новые ячейки, сколько уплотняется в уже секьюритизированных.

Декомпозиция сводного индекса по семи секторам выявляет выраженный неравномерность динамики, недоступную наблюдению на агрегированном уровне; карта приростов $\Delta(\text{ПЗ} - \text{П1})$ по всем 56 ячейкам приведена на рис. 4.

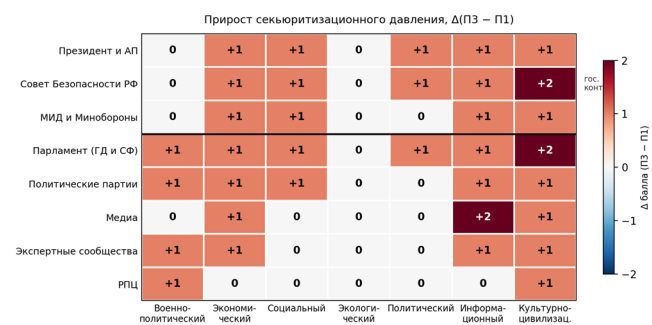

Рис. 4. Карта приростов секьюритизационного давления по ячейкам матрицы, $\Delta(\text{ПЗ} - \text{П1})$. Составлено автором

Наибольший абсолютный прирост за период демонстрируют культурно-цивилизационный и информационный сектора: с 1,4 до 2,6 и с 1,4 до 2,4 балла соответственно (здесь и далее — средние по сектору значения). Примечательно, что именно два сектора, введенные в матрицу авторским расширением, оказываются драйверами общей динамики — это апостериорно подтверждает методологическую оправданность их выделения из социетального сектора: при работе в классической пятисекторной схеме данный сигнал был бы усреднен и ослаблен. Нормативными вехами секьюритизации культурно-цивилизационного сектора выступают Указ Президента РФ об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹⁶ и предшествовавшие ему доктринальные новации Стратегии национальной безопасности 2021 года, впервые выделившей защиту традиционных ценностей в самостоятельный стратегический национальный приоритет.

Военно-политический сектор демонстрирует высокие исходные значения (2,4) при U-образной траектории: снижение до 1,8 во втором периоде сменяется скачком до 2,9 в третьем. Секьюритизация здесь была институционализирована ещё до начала исследуемого периода, поэтому фиксируемый прирост отражает главным образом ресурсную (Res) и правоприменительную компоненты, а сам сектор в третьем периоде оказывается единственным, где балл 3 присвоен шести из восьми акторов. Экономический сектор показывает специфическую траекторию: после пика нормативной активности 2017 г. среднесекторное значение почти не меняется (1,25 → 1,4), а скачок до 2,1 приходится на третий период, когда секьюритизационная

рамка смещается от контрсанкционной защиты к дискурсу технологического суверенитета — содержательная трансформация, которую матрица улавливает через перекодировку речевого индикатора (R) при стабильном нормативном (N). Политический сектор эволюционирует плавно (1,9 → 1,9 → 2,25), что отражает устойчивость рамки защиты суверенитета политической системы при её правоприменительном уплотнении после 2022 г. Социальный сектор даёт немонологичную траекторию: пандемический пик второго периода (рост с 0,9 до 1,8) сменяется частичной демобилизацией (1,5), что подтверждает чувствительность матрицы не только к кумулятивным, но и к ситуативным секьюритизациям.

Особую методологическую функцию выполняет экологический сектор: его среднесекторные значения минимальны и немонологичны (0,4 → 1,1 → 0,4), причём локальный подъём второго периода, связанный с климатическо-экологической повесткой 2019–2021 гг., полностью демобилизуется после 2022 г. Сектор выступает де-факто контрольным сектором апробации. Низкая динамика в секторе, где секьюритизирующая активность объективно ограничена, работает на валидность инструмента: матрица не «раздувает» давление там, где его нет, и, следовательно, фиксируемый рост в информационном и культурно-цивилизационном секторах не является артефактом методики кодировки.

Ключевой аналитический результат апробации связан с декомпозицией индекса по акторному измерению. Центральная гипотеза исследования предполагает, что негосударственные акторы (партии, РПЦ, медиа, экспертные сообщества) вносят существенный, эмпирически различимый вклад в секьюритизационное давление, не сводимый к трансляции государственного сигнала.

Данные матрицы позволяют подвергнуть гипотезу двухступенчатой проверке. Первая ступень — оценка доли негосударственного контура в сводном индексе: она составляет 57 % в первом периоде, 61 % во втором и 57 % в третьем. Доля, таким образом, устойчиво превышает половину сводного индекса, однако не растёт монотонно: локальный пик второго периода сменяется частичным «огосударствлением» давления после 2022 г., когда государственный контур наращивает средний балл быстрее негосударственного (с 1,8 до 2,3 против 1,7 → 1,9). Стабильно высокая, но не растущая доля переносит основной вес проверки на вторую ступень — темпоральный анализ: если негосударственные акторы лишь ретранслируют государственную рамку, их активность должна систематически запаздывать относительно государственной.

Сопоставление периодов показывает обратное. В 9 ячейках первого периода, 17 ячейках второго и 13 ячейках третьего негосударственные акторы демонстрируют активность на уровне устойчивой рамки (балл ≥ 2), не уступающую максимальной оценке государственного контура в том же секторе, то есть синхронную либо опережающую. Наиболее показательны три кейса. Первый: в культурно-цивилизационном секторе активность РПЦ по секьюритизации традиционных ценностей фиксируется матрицей уже в первом периоде (балл 2 при 1 у Совета Безопасности) и выходит на максимум (3) во втором — до нормативного закрепления соответствующей рамки в Указе № 809; здесь негосударственный актор выступает фактическим «поставщиком» секьюритизирующего словаря, впоследствии инкорпорированного государством. Второй: в экономическом секторе экспертные сообщества уже в первом периоде демонстрируют устойчивую рамку (балл 2 — на уровне главы государства и Совета Безопасности и выше профильных ведомств, партий и медиа), формируя проблематизацию экономической безопасности и технологического суверенитета до её доктринальной фиксации 2017 г. Третий: медиа в информационном секторе показывают монотонное восхождение 1 → 2 → 3, выходя в третьем периоде на максимальный балл синхронно с парламентом, а политические партии на том же шаге демонстрируют синхронную с государством, по ряду законодательных инициатив — опережающую активность (скачок с 1 до 3 в военно-политическом секторе).

Апробация позволяет сформулировать три промежуточных вывода. Во-первых, матрица подтвердила работоспособность как измерительный инструмент: она фиксирует рост секьюритизационного давления с 4,5 до 6,7 и обеспечивает полную декомпозируемость этой динамики до уровня ячейки. Во-вторых, секторальная декомпозиция показала, что драйверами роста выступают информационный и культурно-цивилизационный сектора, что валидирует авторское расширение секторальной схемы. В-третьих, акторная декомпози-

ция дала эмпирическое подтверждение центральной гипотезы о существовании и, в ряде ячеек, опережающей роли негосударственных акторов.

На инструментальном уровне подтверждена измеримость секьюритизационного давления: категория, традиционно рассматриваемая в качественной парадигме, операционализирована без утраты содержательной специфики, а декомпозируемость индекса до уровня ячейки обеспечивает проверяемость каждого кодировочного решения. На эмпирическом уровне реконструирована траектория давления за десятилетие: рост с 4,5 до 6,7 при опережающей динамике информационного и культурно-цивилизационного секторов и устойчиво преобладающем вкладе негосударственного контура. На теоретическом уровне — и это главный интерпретационный результат — совокупность полученных данных позволяет поставить вопрос о качественном изменении самого статуса секьюритизации в российской политической системе, к обоснованию которого мы переходим.

Заявленный ранее тезис о самоподдерживающемся характере секьюритизационной динамики получает в данных матрицы три независимых подтверждения.

Первое — темпоральное. В классической модели копенгагенской школы секьюритизация представляет собой завершаемый акт: экзистенциальная угроза артикулируется, аудитория санкционирует чрезвычайные меры, после чего проблема либо решается, либо десекуритизируется⁹. Данные матрицы фиксируют иную картину: ни в одном из семи секторов на протяжении исследуемого периода не зафиксировано устойчивого снижения значений ниже исходного уровня (частичные откаты в социальном и экологическом секторах носят ситуативный характер и не опускаются ниже значений первого периода) — обратного движения, которое соответствовало бы десекуритизации. Секьюритизированные рамки не закрываются, а наслаиваются: рамка 2014 г. (военно-политическая) не демонтируется с появлением рамки 2020 г. (историко-ценностной), а рамка 2022 г. надстраивается над обеими. Матрица, таким образом, фиксирует кумулятивный, а не циклический режим.

Второе — структурное. Межсекторальный анализ выявляет эффект, который можно обозначить как секьюритизационный перелив (spillover): рост давления в одном секторе статистически и хронологически предшествует росту в смежных. Наиболее отчётлива последовательность «военный → информационный → культурно-цивилизационный»: секьюритизация внешней угрозы (2014) создаёт дискурсивные условия для секьюритизации информационного пространства (2016–2017), которая, в свою очередь, подготавливает секьюритизацию ценностной сферы (2020–2022). Каждая последующая рамка использует предыдущую как легитимационный ресурс, что снижает издержки секьюритизирующего хода: аудитория, принявшая рамку n , с большей вероятностью принимает рамку $n+1$. Этот механизм соответствует концепту макросекьюритизации Бузана и Вейвера — упаковке частных секьюритизаций в единую рамку высшего порядка, — однако данные матрицы позволяют показать его не как готовую конструкцию, а как процесс постепенной сборки.

Третье — акторное. Опережающая активность негосударственных акторов означает, что система располагает распределённым множеством точек инициации секьюритизации: даже при гипотетическом ослаблении государственного сигнала негосударственный контур продолжает генерировать секьюритизирующие ходы, которые государство может селективно инкорпорировать. Возникает контур положительной обратной связи: государственная секьюритизация легитимирует негосударственных акторов соответствующего профиля, а те расширяют репертуар угроз, доступных для последующей государственной кодификации.

Совокупность трёх механизмов позволяет квалифицировать секьюритизацию в исследуемый период не как инструмент, ситуативно применяемый политической системой, а как режим её функционирования — устойчивое состояние, воспроизводящееся без необходимости внешнего триггера для каждого нового цикла.

Полученные результаты имеют три следствия для теории секьюритизации. Во-первых, подтверждается ограниченность бинарной логики «секьюритизировано / не секьюритизировано»: континуальная шкала матрицы фиксирует содержательно значимые различия интенсивности внутри секьюритизированного состояния, невидимые для классической модели. Во-вторых, кейс опережающей негосударственной секьюритизации требует пересмотра допущения о государстве как привилегированном секьюритизирующем акторе: в

российском случае функциональная роль «автора» рамки и роль её «кодификатора» распределены между разными типами акторов, что развивает положения второго поколения теории⁹ на материале, существенно отличном от западноевропейского. В-третьих, зафиксированное отсутствие десекуритизации на десятилетнем горизонте проблематизирует нормативный тезис Вейвера о десекуритизации как предпочтительной долгосрочной стратегии¹⁰: применительно к системам с кумулятивным режимом секьюритизации сам вопрос должен ставиться иначе — не «почему не происходит десекуритизация», а «какие структурные условия делают её системно невыгодной ни одному из значимых акторов». Развёрнутый ответ на этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и образует перспективу дальнейшего исследования.

Таким образом, разработана и апробирована матрица секьюритизационного давления «7 секторов × 8 акторов × 4 индикатора», обеспечивающая переход от качественной констатации секьюритизации к её измерению с полной декомпозируемостью результата.

Эмпирически зафиксирован рост сводного индекса с 4,5 (2014–2017 гг.) до 6,7 (2022–2026 гг.) с опережающей динамикой информационного и культурно-цивилизационного секторов, что валидирует авторское расширение секторальной схемы копенгагенской школы.

Подтверждена центральная гипотеза о существенной роли негосударственных акторов: их вклад в секьюритизационное давление эмпирически различим, а в ряде ячеек — хронологически опережает государственную активность.

Обоснована квалификация секьюритизации в России 2014–2026 гг. как самоподдерживающегося режима функционирования политической системы, воспроизводящегося через кумулятивное наложение рамок, межсекторальный перелив и распределённую акторную инициацию.

Инструмент открыт для развития: сравнительное применение к иным страновым кейсам, каузальная идентификация перелива и экспертно-взвешенная спецификация индекса образуют программу дальнейших исследований.

Литература

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием : Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29 (ч. II). — Ст. 5222.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 1 (ч. II). — Ст. 212.
4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074.
5. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2902.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.
7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 46. — Ст. 7977.
8. Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. — 2014. — 30 декабря. (сноска 10)
9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. — Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.
10. Buzan B., Wæver O. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory // Review of International Studies. — 2009. — Vol. 35, № 2. — P. 253–276.
11. Balzacq T. (ed.). Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. — London ; New York : Routledge, 2011. — 258 p.

12. Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // *European Journal of International Relations*. — 2005. — Vol. 11, № 2. — P. 171–201;

13. Failed States Index; URL: <https://fragilestatesindex.org/> (Reported: 04.08.2026)

14. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. — 620 p.

15. The morality of security: A theory of just securitisation: Symposium. *European Journal of International Security*. 2022;7(2):248–282. doi:10.1017/eis.2022.3

16. Global Peace Index 2026 Report; URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2026/06/Global-Peace-Index-2026-Report.pdf> (дата обращения: 05.08.2026)

17. McDonald M. Securitization and the Construction of Security // *European Journal of International Relations*. — 2008. — Vol. 14, № 4. — P. 563–587.

18. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. — 620 p.

19. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // *European Journal of International Relations*. — 2007. — Vol. 13, № 3. — P. 357–383.

20. Vuori J.A. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders // *European Journal of International Relations*. — 2008. — Vol. 14, № 1. — P. 65–99.

21. Wæver O. Securitization and Desecuritization // *On Security* / ed. by R. D. Lipschutz. — New York : Columbia University Press, 1995. — P. 46–86.

The Securitization Pressure Matrix as a Tool for Quantitative Analysis of National Security Policy: Testing on modern Russian Politics (2014–2026)

Moiseenko E.S.

Postgraduate student, Department of Political Processes and Technologies Zhirinovskiy University of World Civilizations

The article presents and tests an original applied tool for the quantitative analysis of national security policy — the securitization pressure matrix. The author substantiates the methodological feasibility of quantitatively operationalizing the constructivist theory of securitization: what is measured is not an "objective threat" but the degree of institutionalization of the securitizing speech act, which distinguishes the proposed tool from existing indices (Global Peace Index, Fragile States Index). The matrix has a two-dimensional structure of "seven sectors × seven types of actors"; each cell is assessed through four indicators (normative, discursive, institutional, and resource-related activity) using calculation formulas and weighting coefficients. Testing at five reference points revealed a steady increase in the composite securitization intensity index. Based on the results, the research hypothesis is refined: non-state actors (the Russian Orthodox Church, political parties, media, and expert communities) are conceptualized not as independent securitizing actors but as essential amplifiers and legitimizing agents of the securitizing frame shaped by state actors. Drawing on Heuer's methodology, a forecast is proposed: the most likely scenario for the development of Russian national security policy over a three-to-five-year horizon is institutional stabilization with elements of a hybrid configuration.

Keywords: securitization, national security, securitization pressure matrix, Copenhagen School, quantitative operationalization, securitization intensity index, non-state actors, speech act, political institutions, scenario forecasting.

References

1. Law of the Russian Federation on Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2020. — No. 11. — Art. 1416. (
2. On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence: Federal Law of July 14, 2022, No. 255-FZ // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2022. — No. 29 (Part II). — Art. 5222.
3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015, No. 683 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2016. — No. 1 (Part II). — Art. 212.
4. On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2016. — No. 50. — Art. 7074.
5. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030: Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2017. — No. 20. — Art. 2902.
6. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2021. — No. 27 (Part II). — Art. 5351.
7. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2022. — No. 46. — Art. 7977.
8. Military Doctrine of the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on 25.12.2014 No. Pr-2976 // *Rossiyskaya Gazeta*. — 2014. — December 30.
9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. — Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.
10. Buzan B., Wæver O. Macrosecritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory // *Review of International Studies*. — 2009. — Vol. 35, No. 2. — P. 253–276.
11. Balzacq T. (ed.). *Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve*. — London ; New York: Routledge, 2011. — 258 p.
12. Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // *European Journal of International Relations*. - 2005. - Vol. 11, No. 2. - P. 171–201;
13. Failed States Index; URL: <https://fragilestatesindex.org/> (Reported: 04.08.2026)
14. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. - Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. - 620 p.
15. The morality of security: A theory of just securitisation: Symposium. *European Journal of International Security*. 2022;7(2):248–282. doi:10.1017/eis.2022.3
16. Global Peace Index 2026 Report; URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2026/06/Global-Peace-Index-2026-Report.pdf> (Reported: 05.08.2026)
17. McDonald M. Securitization and the Construction of Security // *European Journal of International Relations*. - 2008. - Vol. 14, No. 4. - P. 563–587.
18. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. - Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. - 620 p.
19. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // *European Journal of International Relations*. - 2007. - Vol. 13, No. 3. - P. 357–383.
20. Vuori J.A. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders // *European Journal of International Relations*. - 2008. - Vol. 14, No. 1. - P. 65–99.
21. Wæver O. Securitization and Desecuritization // *On Security* / ed. by R. D. Lipschutz. - New York: Columbia University Press, 1995. - P. 46–86.

Роль центров управления регионом (ЦУР) в стратегическом управлении: опыт Республики Мордовия

Пьянзин Артём Павлович

студент, ГКУ РМ «НИИГН», artiom.pyanzin@yandex.ru

В статье на основе эмпирических данных о деятельности Центра управления регионом Республики Мордовия в период с 2020 по 2026 год анализируется трансформация данного института от инструмента оперативного реагирования до элемента системы стратегического управления субъектом Российской Федерации. Рассматриваются механизмы сбора и обработки обращений через системы «Инцидент Менеджмент» и Платформу обратной связи, раскрывается роль «тепловых карт» проблем в визуализации социального напряжения и обосновании управленческих решений. На конкретных кейсах, включая адресное планирование дорожных ремонтов и ликвидацию последствий урагана, демонстрируется влияние ЦУР на корректировку региональных программ. Делается вывод об эффективности ЦУР Мордовии как стратегического аналитического центра, интегрирующего обратную связь от населения в процесс планирования социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: Центр управления регионом, Республика Мордовия, стратегическое управление, цифровая трансформация, обратная связь, «Инцидент Менеджмент», Платформа обратной связи, государственное управление.

Внедрение цифровых технологий в деятельность органов государственной власти является одним из приоритетных направлений развития системы управления в Российской Федерации. Создание в 2020 году во всех субъектах страны Центров управления регионом (ЦУР) стало ключевым шагом на пути к построению эффективной модели взаимодействия власти и общества, основанной на принципах открытости, оперативности и объективности. Данная структура, по замыслу разработчиков, призвана не просто выступать в роли «цифровой приемной», но и стать стратегическим аналитическим центром, способным на основе больших данных определять «болевые точки» региона и предлагать пути их системного решения. В настоящей работе предпринята попытка проанализировать, насколько успешно ЦУР Республики Мордовия реализует данную стратегическую функцию, и оценить его вклад в систему управления регионом[1, 2].

Объектом исследования выступает Центр управления регионом Республики Мордовия, созданный в рамках исполнения поручения Президента Российской Федерации. Предметом исследования является его деятельность по сбору, анализу и внедрению в практику государственного управления данных, полученных из открытых источников и систем обратной связи. Теоретическую основу исследования составили нормативно-правовые акты и методические рекомендации по созданию и функционированию ЦУР, а также публичные отчеты о деятельности центра, опубликованные в официальных средствах массовой информации и ведомственных источниках Республики Мордовия.

ЦУР Мордовии функционирует с 2020 года. За четыре года его работы сформировалась устойчивая система мониторинга общественных настроений и проблематики, которая базируется на анализе двух основных потоков данных. Во-первых, это обработка инцидентов — сообщений, публикуемых в социальных сетях и мессенджерах, которые фиксируются с помощью систем «Инцидент Менеджмент». Во-вторых, это работа с обращениями граждан, поступающими через официальную Платформу обратной связи (ПОС) на портале «Госуслуги», а также через виджеты на сайтах органов власти. Такой подход позволяет получить всестороннюю картину проблем, волнующих жителей республики, в режиме реального времени.

За прошедший период работы ЦУР Мордовии были достигнуты существенные результаты. По данным, озвученным в ходе встречи Главы Республики Артёма Здунова с коллективом центра, за четыре года специалистами было отработано около 200 рисков и 30 фейков, а также более 150 тысяч инцидентов в интернет-пространстве. Данная работа свидетельствует не только о высокой нагрузке, но и о важной функции центра в противодействии информационным угрозам и деструктивному контенту, что приобретает особое значение в современных условиях. На постоянной основе ведется мониторинг более 1700 официальных государственных пабликов и 300 популярных сообществ Мордовии, что позволяет с высокой степенью точности отслеживать общественный резонанс по ключевым вопросам жизнедеятельности региона[3, 4].

Однако, как показывает практика, ЦУР превратился из инструмента исключительно «быстрого реагирования» в важнейший элемент системы стратегического планирования. Ключевым механизмом, обеспечивающим этот переход, является «тепловая карта» проблем региона. Этот инструмент, интегрирующий данные из различных источников, включая социальные сети, ПОС и другие информационные системы, позволяет визуализировать проблемные зоны в разрезе муниципальных образований и отраслей. Карта, окрашенная в цвета светофора (красный, желтый, зеленый), наглядно демонстрирует динамику обращений по таким сферам, как дорожное хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование и благоустройство. Анализ данной карты, регулярно представляемый руководству республики, становится основой для принятия управленческих решений на уровне правительства региона, позволяя перераспределять ресурсы и корректировать региональные программы с учетом реальной обстановки на местах.

В Республике Мордовия данная функция реализуется через тесное взаимодействие ЦУР с министерствами и ведомствами. Показательным является опыт оперативного создания интерактивной карты контейнеров для сбора стекла, который отражает способность центра быстро реагировать на конкретные запросы граждан и переводить их в практическую плоскость. Более масштабным примером влияния на стратегическое управление может служить работа по анализу обращений в сфере дорожного строительства. В феврале 2026 года тема состояния дорожного фонда стала ключевой, составив более 66% от всех поступивших обращений (8 469 из 12 723). Подобная статистика, подкрепленная конкретными жалобами и предложениями, поступающими из разных районов, дает региональному правительству возможность выстраивать приоритеты при планировании дорожных работ на ближайшие сезоны, что является элементом стратегического, а не тактического управления.

Важнейшим аспектом деятельности ЦУР Мордовии является работа по повышению качества и скорости взаимодействия власти с населением. Оперативность ответов в социальных сетях за четыре года работы была значительно повышена и на октябрь 2024 года составила 2 часа 42 минуты, что свидетельствует о высокой дисциплине исполнителей и налаженной системе межведомственного взаимодействия. При этом ЦУР выполняет функцию контроля за качеством этих ответов. Система ПОС предусматривает оценку гражданами качества решения проблемы. Если ответ признается неудовлетворительным, обращение автоматически направляется на доработку. Это создает обратную связь не только для граждан, но и для самих органов власти, стимулируя их к более качественной и глубокой проработке возникающих вопросов. За период с начала работы ЦУР на Платформе обратной связи было обработано более 40 тысяч обращений, что иллюстрирует масштаб этой работы [5, 6].

Стратегическое значение ЦУР проявляется и в его роли как площадки для общественного диалога. За четыре года было проведено 93 прямых эфира с представителями органов власти в социальных сетях, которые стали эффективным инструментом разъяснения государственной политики и сбора обратной связи. Эти мероприятия позволяют не только транслировать информацию, но и получать от граждан запросы на изменение или корректировку тех или иных решений. Кроме того, ЦУР участвует в социологических исследованиях, результаты которых, по словам Главы Мордовии, важны именно в системном ключе, для сравнительной аналитики и отслеживания долгосрочных тенденций.

Изучение количественных показателей деятельности ЦУР Мордовии позволяет составить объективное представление о масштабах выполняемой работы и зонах наибольшего социального напряжения в регионе. На основе статистических данных, обнародованных в отчётах за 2025–2026 годы, можно проследить чёткую отраслевую дифференциацию обращений. По состоянию на начало 2026 года лидирующей темой по числу инцидентов остаётся дорожное хозяйство и транспортная инфраструктура. В частности, за один из отчётных месяцев, февраль 2026 года, из 12 723 зафиксированных обращений на тему дорог пришлось 8 469, что эквивалентно 66,5% от общего объёма. Такая концентрация проблем в одной сфере является не случайной: состояние региональных и муниципальных трасс, ямочный ремонт, снегозадержание в зимний период и организация дорожного движения традиционно входят в число наиболее острых вопросов для любого субъекта России, и Мордовия не является исключением. Однако именно данные ЦУР позволяют перевести эту общую проблему в конкретную плоскость, привязав жалобы к определённым улицам, населённым пунктам и даже участкам дорог, что даёт возможность профильному Министерству транспорта и дорожного хозяйства составлять не абстрактные, а адресные планы ремонтных работ на ближайшие годы.

Вторым по значимости блоком обращений традиционно выступает жилищно-коммунальное хозяйство. Сюда входят вопросы несвоевременной уборки придомовых территорий, перебоев с водоснабжением и отоплением, а также жалобы на работу управляющих компаний. Хотя в процентном выражении доля таких обращений заметно уступает дорожной тематике, в абсолютных цифрах она исчисляется тысячами ежегодно. Интерес представляет тот факт, что благодаря активной позиции ЦУР Мордовии в части автоматического информирования граждан о ходе решения их проблем, вторичные обращения по вопросам ЖКХ в 2025 году сократились на 15–18% по сравнению с 2023 годом, что свидетельствует о повышении качества первичной отработки и снижении уровня бюрократизации

процесса. Третью позицию занимает здравоохранение, где преобладают вопросы доступности узких специалистов, записи на приём и обеспечения лекарственными препаратами. Здесь ЦУР выполняет мониторинговую функцию, позволяющую Министерству здравоохранения оперативно корректировать маршрутизацию пациентов [7, 8].

Рассматривая ЦУР Мордовии в контексте стратегического управления, нельзя не отметить его связь с более широкой политической цифровизацией, реализуемой в рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Мордовия активно участвует в этом процессе, переводя государственные услуги в электронный вид. К началу 2026 года все массовые социально значимые услуги (86 видов) были переведены на Единый портал государственных услуг, а доля онлайн-обращений достигла 98,4%. Именно ЦУР выступает тем органом, который интегрирует результаты этой цифровизации с реальными потребностями граждан, превращая потоки данных из пассивных информационных архивов в активные ресурсы для управления. Развитие таких систем, как «Карта жителя Республики Мордовия», предполагает дальнейшее расширение возможностей персонализированного предоставления мер поддержки, что также требует высокоточного анализа данных, который обеспечивает ЦУР.

Практическая значимость деятельности Центра управления регионом Республики Мордовия наиболее наглядно проявляется в его способности напрямую влиять на корректировку региональных программ и бюджетных расходов. Ярким примером такого влияния служит работа в сфере дорожного хозяйства, которая, по данным мониторинга, устойчиво занимает лидирующую позицию в структуре обращений граждан. Так, в феврале 2026 года на тему состояния дорожного фонда поступило более 8,4 тысячи жалоб, что составило свыше 66 процентов от общего числа инцидентов. Эта аналитика, агрегированная ЦУР и переданная руководству республики, легла в основу управленческих решений: Глава Мордовии Артём Здунов поручил профильным ведомствам разработать адресные графики ремонта для конкретных проблемных участков, выделив наиболее критичные точки в населённых пунктах Левжа, Лопатино, Берсенева и Потьма. Более того, данные о сбоях в работе общественного транспорта в Саранске, зафиксированные ЦУР по маршрутам № 9 и № 11, стали прямым основанием для принятия решения о пополнении автопарка города двенадцатью большими автобусами и запуске производственной площадки по сборке новых троллейбусов. Это иллюстрирует, как обратная связь от населения через ЦУР превращается в реальные инвестиционные проекты и позволяет властям оперативно перераспределять ресурсы на наиболее острые зоны [9].

Особого внимания заслуживает роль ЦУР в координации действий органов власти в условиях чрезвычайных ситуаций, где оперативность получения информации напрямую влияет на сохранение жизни и имущества граждан. В июле 2021 года после урагана, прошедшего в Старошайговском районе, специалисты центра оперативно зафиксировали многочисленные обращения жителей о повреждении кровель домов и нарушениях электроснабжения. Данные мониторинга были незамедлительно переданы в администрацию Главы Республики и в ответственные ведомства. Это позволило провести адресную оценку ущерба и в кратчайшие сроки инициировать процедуру выплаты компенсаций. На основе сигналов ЦУР из резервного фонда Главы Республики Мордовия была выделена материальная помощь пострадавшим семьям, причём общая сумма поддержки жителей района достигла 10,6 миллиона рублей. Данный кейс демонстрирует, что ЦУР выполняет функцию критически важного информационного моста, обеспечивая органы власти точными данными о масштабах бедствия для оперативного принятия решений и предотвращения социальной напряжённости.

В повседневной практике ЦУР Мордовии также успешно реализует механизм оперативного реагирования на локальные коммунальные проблемы, позволяя предотвращать их перерастание в системные сбои. Анализ обращений, поступающих через Платформу обратной связи и социальные сети, показывает, что мелкие проблемы, такие как перебои с водоснабжением или задержки с запуском отопления, при своевременной фиксации решаются в течение нескольких часов. Так, благодаря обращению жителей Торбеевского района, зафиксированному через систему мониторинга, удалось оперативно восстановить теплоснабжение в нескольких насе-

лённых пунктах, не допустив длительного периода холода и аварийных ситуаций. Этот пример подтверждает, что оперативная работа центра не только повышает комфорт проживания, но и снижает нагрузку на аварийные службы за счёт раннего выявления инцидентов и их адресации в ресурсоснабжающие организации [10, 11].

Вместе с тем, анализ текущей деятельности ЦУР позволяет определить вектор дальнейшего развития. Несмотря на достигнутые успехи, включая сокращение времени ответа до 2 часов 42 минут и обработку более 150 тысяч инцидентов за четыре года, перед центром стоят задачи качественного роста. Ключевым вызовом остаётся переход от точечного решения отдельных проблем к формированию устойчивой и прогнозируемой повестки развития региона на основе постоянного диалога с жителями. Требуется дальнейшее расширение каналов взаимодействия, в частности, с бизнес-сообществом и ресурсоснабжающими организациями, а также углубление аналитической работы для выявления глубинных причин повторяющихся жалоб. Как подчеркнул Глава Республики, данные ЦУР важны не столько как моментальный срез, сколько в системном ключе — для сравнительной аналитики и отслеживания долгосрочных трендов, что позволит перейти от реактивного управления к проактивному планированию социально-экономического развития Мордовии [12].

Таким образом, опыт Республики Мордовия демонстрирует эволюционное развитие Центра управления регионом. Созданный как инструмент оперативного реагирования на обращения и мониторинга социальных сетей, за четыре года ЦУР стал полноценным аналитическим центром, интегрированным в процесс принятия стратегических решений. Используя технологии сбора и анализа больших данных, в частности, «тепловые карты» и постоянный мониторинг отраслевых проблем, ЦУР обеспечивает руководство республики актуальной и достоверной информацией о состоянии дел в муниципалитетах и различных сферах жизни.

Данная структура выполняет триединую функцию: во-первых, обеспечивает быструю обратную связь и решение локальных проблем жителей; во-вторых, аккумулирует данные для глубокого анализа и прогнозирования социально-экономической ситуации; в-третьих, служит действенным механизмом контроля за работой органов исполнительной власти, повышая их ответственность перед населением. Результаты работы ЦУР Мордовии, выражающиеся в росте оперативности ответов, снижении числа повторных жалоб и активном использовании аналитических данных для корректировки региональных программ, свидетельствуют о высокой эффективности данной модели в контексте стратегического управления регионом. Дальнейшее развитие Центров управления регионом, вероятно, будет связано с углублением аналитической работы, расширением спектра подключаемых источников данных и более тесной интеграцией с процессами цифровой трансформации, что позволит окончательно закрепить их статус в качестве одного из ключевых звеньев современной государственной системы управления.

Литература

1. Тырса, К. А. Перспективы развития центров управления регионами / К. А. Тырса. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 19 (466). — С. 198-200.
2. Конищев Е. С. Анализ деятельности центров управления регионом в рамках системы регионального управления // Креативная экономика. - 2022. - Том 16. - № 12. - С. 4637-4654.
3. О создании и функционировании центра управления региона в Республике Мордовия : проект постановления Правительства Республики Мордовия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/normativnye-akty/teksty-proektov/administratsiya-glavy-rm/proekt-postanovleniya-predsedatelya-pravitelstva-rm-o-sozdanii-i-funktsionirovani-tsentra-upravleni/> (дата обращения: 22.08.2026).
4. Положение о центре управления региона в Республике Мордовия : утв. постановлением Председателя Правительства Республики Мордовия от 21 декабря 2021 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.e-mordovia.ru/upload/iblock/810/y0hfr2yckqafd29jy37gp3tdm3uv57nm/Polozenie-o-TSUR-Respubliki-Mordoviya-21.12.2021.docx> (дата обращения: 22.08.2026).
5. Центр управления регионом Республики Мордовия оперативно обрабатывает проблемные вопросы жителей по всем направ-

лениям : официальный сайт Администрации Пижанского муниципального округа, 14.04.2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://xn--80aaqhmrk.xn--p1ai/news/14416/?type=original> (дата обращения: 22.08.2026).

6. ЦУР Мордовии исполнилось четыре года : ГТРК Мордовия, 27.10.2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://mordoviatv.ru/czur-mordovii-ispolnilos-chetyre-goda/> (дата обращения: 22.08.2026).

7. ЦУР Республики Мордовия рассказал о результатах работы за два года : Рузгасета, 09.12.2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruzgazeta.ru/2022/12/09/%d1%86%d1%83%d1%80-%d1%80%d0%b5%d1%81%d0%bf%d1%83%d0%b1%d0%bb%d0%b8-%d0%ba%d0%b8-%d0%bc%d0%be%d1%80%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b8%d1%8f-%d1%80%d0%b0%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b0%d0%b7%d0%b0%d0%bb-%d0%be-%d1%80/> (дата обращения: 22.08.2026).

8. В феврале ЦУР Мордовии отреагировал на более чем 12 тысяч обращений граждан : Про Город Саранск, 04.03.2026 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pg13.ru/news/83399> (дата обращения: 22.08.2026).

9. Система «ЦУР Бизнес» помогает предпринимателям Мордовии : Инвестиционный портал Республики Мордовия, 29.01.2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://investrm.ru/pressroom/news/sistema_tsur_biznes_pomogaet_pr edprinimatelyam_mordovii/ (дата обращения: 22.08.2026).

10. О востребованности этих площадок и высоком уровне взаимодействия жителей и органов публичной власти свидетельствует тенденция пр... : Официальный сайт Законодательного Собрания Нижегородской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.zsno.ru/upload/medialibrary/e00/prwaloy188h0jkrvru39m3hi5pwgv14/Opyt-subektov-PFO-po-1-voprosu-72.docx> (дата обращения: 22.08.2026).

11. Центр управления регионом отметил свой первый день рождения : ГТРК Мордовия, 29.11.2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://mordoviatv.ru/czentr-upravleniya-regionom-otmetil-svoj-pervyj-den-rozhdeniya/> (дата обращения: 22.08.2026).

12. В рамках выполнения работ по модернизации АИС «МФЦ» в настоящее время завершаются работы... : Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://e-mordovia.ru/upload/iblock/a9b/_-_-_-2020_.docx (дата обращения: 22.08.2026).

The role of regional management centers (rmc) in strategic management: the experience of the Republic of Mordovia

Pyanzin A.P.

State Educational Institution of the Republic of Moldova "NIIGN"

Based on empirical data about the activities of the Regional Management Center of the Republic of Mordovia between 2020 and 2026, the article analyses the transformation of this institution from a tool for rapid response to an element of the strategic management system of a constituent entity of the Russian Federation. The mechanisms for collecting and processing requests via the "Incident Management" system and the Feedback Platform are examined; the role of "heat maps" of problems in visualising social tension and substantiating management decisions is revealed. The impact of the RMC on adjusting regional programmes is demonstrated through specific cases, including targeted planning of road repairs and the elimination of the consequences of a hurricane. The conclusion is drawn about the effectiveness of the Mordovia Regional Management Center as a strategic analytical center that integrates feedback from the population into the process of planning the socio-economic development of the region.

Keywords: Regional Management Center, Republic of Mordovia, strategic management, digital transformation, feedback, "Incident Management", Feedback Platform, public administration.

References

1. Tyrsa, K. A. Prospects for the development of regional management centers / K. A. Tyrsa. — Text: direct // Young Scientist. — 2023. — No. 19 (466). — Pp. 198-200.
2. Konishchev E. S. Analysis of the activities of regional management centers within the framework of the regional management system // Creative Economy. - 2022. - Volume 16. - No. 12. - Pp. 4637-4654.
3. On the establishment and operation of the regional management center in the Republic of Mordovia: draft resolution of the Chairman of the Government of the Republic of Mordovia [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/normativnye-akty/teksty-proektov/administratsiya-glavy-rm/proekt-postanovleniya-predsedatelya-pravitelstva-rm-o-sozdanii-i-funktsionirovani-tsentra-upravleni/> (date of access: 08/22/2026).
4. Regulations on the regional management Center in the Republic of Mordovia : approved by the decree of the Chairman of the Government of the Republic of Mordovia dated December 21, 2021 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.e-mordovia.ru/upload/iblock/810/y0hfr2yckqafd29jy37gp3tdm3uv57nm/Polozenie-o-TSUR-Respubliki-Mordoviya-21.12.2021.docx> (date of access: 08/22/2026).

- mordovia.ru/upload/iblock/810/y0hfr2yckqafd29jy37gp3tdm3uv57nm/Polozhenie-o-TSUR-Respubliki-Mordoviya-21.12.2021.docx (date of reference: 08/22/2026).
5. The Regional Management Center of the Republic of Mordovia promptly works out the problematic issues of residents in all areas : the official website of the Administration of the Pizhansky Municipal District, 04/14/2021 [Electronic resource]. – Access mode: <http://xn--80aaqhmrk.xn--p1ai/news/14416/?type=original> (access date: 22.08.2026).
 6. The Mordovia CSO is four years old: GTRK Mordovia, 27.10.2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://mordoviatv.ru/czur-mordovii-ispolnilos-chetyre-goda/> (accessed: 22.08.2026).
 7. The Central Administrative Office of the Republic of Mordovia reported on the results of its work over two years: Ruzgazeta, 09.12.2022 [electronic resource]. – Access mode : <https://ruzgazeta.ru/2022/12/09/%d1%86%d1%83%d1%80-%d1%80%d0%b5%d1%81%d0%bf%d1%83%d0%b1%d0%bb%d0%b8%d0%ba%d0%b8-%d0%bc%d0%be%d1%80%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b8%d1%8f-%d1%80%d0%b0%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b0%d0%b7%d0%b0%d0%bb-%d0%be-%d1%80/> / (date of appeal: 08/22/2026).
 8. In February, the SDG of Mordovia responded to more than 12 thousand appeals from citizens : About the City of Saransk, 03/04/2026 [Electronic resource]. – Access mode: <https://pg13.ru/news/83399> (accessed: 22.08.2026).
 9. The "TSUR Business" system helps entrepreneurs in Mordovia: Investment Portal of the Republic of Mordovia, 29.01.2024 [electronic resource]. – Access mode: https://investrm.ru/pressroom/news/sistema_tsur_biznes_pomogaet_predprinimat_elyam_mordovii/ (accessed: 22.08.2026).
 10. The demand for these platforms and the high level of interaction between residents and public authorities is evidenced by the trend...: Official website of the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region [electronic resource]. – Access mode: <https://www.zsno.ru/upload/medialibrary/e00/prwaloy188h0jikrvru39m3hi5pwgv14/Opyt-subektov-PFO-po-1-voprosu-72.docx> (accessed: 22.08.2026).
 11. The Regional Management Center celebrated its first birthday: GTRK Mordovia, 29.11.2021 [Electronic resource]. – Access mode: <https://mordoviatv.ru/czentr-upravleniya-regionom-otmetil-svoj-pervyj-den-rozhdeniya/> (accessed: 22.08.2026).
 12. As part of the work to modernize the AIS "MFC", the work is currently being completed...: Official portal of the state authorities of the Republic of Mordovia [Electronic resource]. – Access mode: http://e-mordovia.ru/upload/iblock/a9b/_-_--2020-_.docx (accessed: 22.08.2026).

К вопросу о трансформации угроз национальной безопасности в условиях современных миграционных процессов

Шевцов Лев Фёдорович

аспирант, кафедра политических процессов и технологий, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, lev_shevtsov@mail.ru

В статье рассматривается трансформация угроз национальной безопасности под влиянием современных миграционных процессов. Показано, что традиционное восприятие миграции как преимущественно социально-экономического или демографического явления уступает место более сложному пониманию миграции как фактора политической нестабильности, способного влиять на суверенитет, территориальную целостность, социокультурную идентичность и внутриполитическую стабильность государств. Анализируются изменения в характере угроз: от прямых военных к гибридным, асимметричным, включающим использование миграционных потоков в качестве инструмента политического давления (миграционное оружие), а также риски, связанные с потерей контроля над государственными границами, ростом этнической и религиозной напряженности, возникновением зон гуманитарных катастроф. Особое внимание уделяется взаимосвязи миграции с международным терроризмом, организованной преступностью, экстремизмом. На основе анализа современных тенденций делается вывод о необходимости пересмотра концептуальных основ обеспечения национальной безопасности с учетом многомерного влияния миграционных процессов. Автором предлагаются перспективные направления совершенствования государственной миграционной политики, включая усиление международного сотрудничества, развитие интеграционных механизмов, создание систем раннего предупреждения рисков, использование цифровых технологий контроля и управления миграционными потоками, а также укрепление социокультурной адаптации мигрантов как фактора предотвращения конфликтов.

Ключевые слова: национальная безопасность, миграционные процессы, трансформация угроз, гибридные угрозы, миграционная политика, государственный суверенитет, политическая стабильность, интеграция, международное сотрудничество.

Введение

Современный мир сталкивается с беспрецедентными по масштабам и динамике миграционными процессами. По данным Международной организации по миграции (МОМ), число международных мигрантов в мире достигло 281 миллиона человек в 2020 году, а к 2026 году эта цифра продолжает расти, составляя около 3,6% населения планеты. Массовые перемещения населения вызваны комплексом причин: вооруженными конфликтами, политической нестабильностью, экономическим неравенством, экологическими изменениями, демографическими дисбалансами. Вместе с тем миграция перестала быть исключительно гуманитарной или социально-экономической проблемой. Она все более отчетливо приобретает политическое измерение, превращаясь в фактор, способный существенно влиять на национальную безопасность государств.

Актуальность темы обусловлена тем, что традиционные подходы к обеспечению национальной безопасности, сформировавшиеся в эпоху доминирования военных угроз, оказываются недостаточно эффективными перед лицом новых вызовов, связанных с миграцией. Миграционные потоки могут использоваться как инструмент гибридной войны, средство дестабилизации внутриполитической обстановки, размывания культурной идентичности и подрыва социального согласия. В этих условиях государства вынуждены пересматривать свои политические стратегии, разрабатывать новые механизмы защиты своих интересов, сочетая жесткие меры пограничного контроля с гибкими интеграционными политиками.

1. Современные подходы к вопросу соотношения миграционных процессов и национальной безопасности

Проблематика взаимосвязи миграции и безопасности не является принципиально новой для политической науки. Еще в начале XX века вопросы переселения народов и контроля над границами рассматривались в контексте государственного суверенитета. Однако до конца XX века миграция преимущественно трактовалась как социально-экономическое явление, а ее политические последствия оставались на периферии исследовательского внимания. Ситуация радикально изменилась после окончания холодной войны. Крах bipolarной системы привел к росту числа региональных конфликтов, этнических чисток, что стимулировало массовые перемещения населения. Одновременно процессы глобализации интенсифицировали трансграничные потоки, включая человеческие. Именно в этот период в западной политологии сформировалось направление, получившее название «секьюритизация миграции».

Н. Стейлер утверждает, что безопасность – это не только объективное состояние, но и социальный конструкт [6, с. 5]. Вопросы, которые ранее не считались угрозами безопасности (такие как миграция), могут быть представлены в политическом дискурсе как экзистенциальные угрозы, требующие чрезвычайных мер. Миграция в этом контексте начинает восприниматься как угроза не только экономической стабильности или общественному порядку, но и национальной идентичности, культурной однородности, а иногда и территориальной целостности. Секьюритизация миграции ведет к усилению пограничного контроля, ужесточению визовых режимов, росту ксенофобских настроений, а также к оправданию военных и полицейских мер в отношении мигрантов.

В российской политической науке проблема секьюритизации миграции стала активно разрабатываться в 2000-е годы. Исследователи (И.А. Умнова-Конюхова, Д.К. Бекашев) обратили внимание на то, что миграция может как укреплять, так и подрывать национальную безопасность в зависимости от ее масштабов, структуры, направленности и способности государства к управлению ею [2; 5]. Особую значимость в условиях многонационального государства имеет вопрос о сохранении межэтнического мира и согласия.

Неконтролируемые миграционные потоки способны нарушить сложившийся этнокультурный баланс, спровоцировать напряженность между приезжим и местным населением, что создает благоприятную среду для распространения экстремизма и радикализма. Современные теоретические подходы акцентируют внимание на многомерности взаимосвязи миграции и безопасности. Миграция

рассматривается одновременно как фактор экономического развития, демографического восполнения, культурного обмена и как источник потенциальных угроз – политических, социальных, криминальных, эпидемиологических, экологических. Это требует комплексного междисциплинарного подхода, выходящего за рамки традиционной политологии и включающего элементы социологии, права, экономики, демографии.

2. Направления трансформации угроз национальной безопасности в контексте миграции

Трансформация угроз означает изменение их характера, масштабов, источников и механизмов воздействия. Применительно к миграционным процессам можно выделить несколько ключевых направлений этой трансформации.

Во-первых, произошел переход от преимущественно «жестких» угроз к «мягким» и гибридным. Классические угрозы, такие как вооруженное вторжение или прямая агрессия, уступают место асимметричным вызовам, связанным с потерей контроля над миграционными потоками. Государства все чаще сталкиваются с ситуацией, когда миграция используется в качестве инструмента политического давления. Так называемое «миграционное оружие» предполагает сознательное создание кризисной ситуации путем направления больших масс людей к границам другого государства с целью ослабить его экономику, дестабилизировать политическую обстановку, вызвать гуманитарный коллапс. Подобные действия наблюдались, например, в 2021 году на границе Беларуси и стран Европейского союза, когда в ответ на санкции белорусские власти организовали переправку мигрантов из стран Ближнего Востока к польской границе [1, с. 10]. Этот инцидент продемонстрировал, что миграция превратилась в инструмент межгосударственного противоборства, позволяющий оказывать давление без применения традиционных военных средств.

Во-вторых, миграционные процессы стали тесным образом сопряжены с международным терроризмом и организованной преступностью. Незаконная миграция часто осуществляется по каналам, контролируемым преступными группировками, которые извлекают прибыль из переправки людей, торговли людьми, рабства и эксплуатации. Мигранты, особенно не имеющие легального статуса, могут становиться жертвами вербовки в террористические организации или использоваться как «спящие ячейки». Выезд значительного числа иностранных боевиков в зоны конфликтов (например, в Ирак и Сирию) и их последующее возвращение создают угрозу резекспорта террористической активности в страны происхождения и транзита [2, с. 86]. Особую тревогу вызывает миграция из стран с активной деятельностью террористических организаций, так как в потоках беженцев могут скрываться члены этих организаций, стремящиеся получить убежище и затем использовать его как базу для дальнейшей деятельности.

В-третьих, миграция оказывает глубокое влияние на социокультурную идентичность принимающих обществ. Массовые потоки мигрантов из стран с иной культурно-религиозной традицией (например, из мусульманских стран в Европу) порождают опасения размывания национальной идентичности, эрозии традиционных ценностей, усиления этнической сегрегации. Это создает почву для роста популярности праворадикальных и националистических движений, которые строят свою программу на антимигрантской риторике. Подобные движения, в свою очередь, провоцируют ответную радикализацию части мигрантских сообществ, замыкающихся в культурных анклавах. Возникает порочный круг: фобии ведут к дискриминации, дискриминация – к маргинализации, маргинализация – к экстремизму, что еще больше усиливает негативное восприятие мигрантов. В результате миграция становится фактором поляризации общества и подрыва социального единства, что представляет прямую угрозу национальной безопасности любого государства.

В-четвертых, миграция способна оказывать негативное влияние на экономическую безопасность. Приток неквалифицированной рабочей силы может приводить к снижению заработной платы в отдельных секторах, росту безработицы среди местного населения, увеличению нагрузки на социальную инфраструктуру (здравоохранение, образование, жилищный фонд). С другой стороны, значительная часть мигрантов занята в теневой экономике, не платит налоги, переводит заработанные средства на родину (денежные переводы), сокращая объем внутреннего потребления [4, с. 150]. Дис-

баланс на рынке труда, особенно в условиях экономического кризиса, обостряет социальное недовольство и может стать причиной массовых беспорядков и политической дестабилизации.

В-пятых, миграция создает угрозы в экологической сфере. Рост населения в регионах с ограниченными природными ресурсами, неконтролируемая урбанизация, образование стихийных поселений в приграничных зонах приводят к деградации окружающей среды, истощению ресурсов, возникновению санитарно-эпидемиологических рисков. Экологические мигранты, вынужденные покидать свои дома из-за изменения климата, природных катастроф или хозяйственной деятельности, образуют новую категорию лиц, не подпадающих под существующие международно-правовые определения беженцев, что создает правовые коллизии и дополнительные вызовы для принимающих государств.

Иными словами, современные миграционные процессы трансформируют не только количественные параметры угроз, но и их качественное содержание. Угрозы становятся диффузными, пересекающими национальные границы, трудно прогнозируемыми и обладающими способностью быстро переходить из латентной стадии в острую фазу.

В ответ на трансформацию миграционных угроз государства разрабатывают различные стратегии реагирования. Условно их можно разделить на репрессивные, интеграционные и кооперативные. Репрессивная стратегия предполагает ужесточение пограничного контроля, создание физических барьеров (заборы, стены), расширение практики депортаций, ограничение предоставления убежища. Примером может служить политика Австралии по сдерживанию миграции с использованием изоляции просителей убежища на специальных центрах, а также проект стены на границе США с Мексикой [6, с. 5]. Такая стратегия способна снизить количество нелегальных мигрантов, однако она не решает коренных причин миграции, провоцирует нарушения прав человека и неэффективна на длительную перспективу.

Интеграционная стратегия ориентирована на включение мигрантов в социально-экономическую и культурную жизнь принимающего общества. Она включает программы языковой подготовки, трудовой адаптации, предоставление жилья, образовательных возможностей, борьбу с дискриминацией. Наиболее последовательно эта стратегия реализуется в Канаде и Швеции (до недавнего времени), где созданы разветвленные механизмы интеграции. Однако избыточная открытость без адекватного учета ресурсных возможностей и реакции местного населения может вызывать социальное напряжение, что демонстрирует кризис шведской модели миграционной политики, связанный с ростом числа мигрантов в 2015–2016 годах [3, с. 99]. Кооперативная стратегия подразумевает международное сотрудничество в управлении миграционными потоками, заключение двусторонних соглашений о реадмиссии, участие в работе международных организаций, выработку общих стандартов обращения с мигрантами. Примером является Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, принятый под эгидой ООН в 2018 году. Подобная стратегия представляется наиболее адекватной глобальному характеру современных миграций, однако ее практическая реализация сталкивается с противоречиями национальных интересов государств и нежеланием поступиться суверенитетом.

Россия занимает особое положение в миграционной системе, будучи одновременно принимающей страной (в основном для трудовых мигрантов из постсоветского пространства) и страной происхождения мигрантов. Геополитическое положение, безвизовый режим с рядом государств СНГ, значительные экономические диспропорции с соседями создают постоянный приток мигрантов. Основные риски для национальной безопасности России связаны с нелегальной миграцией, формированием замкнутых этнических анклавов, возможным проникновением членов террористических организаций, а также с использованием миграционной карты как инструмента политического давления. В то же время миграция рассматривается как источник восполнения демографических потерь и рабочей силы. Поэтому российская политика стремится сочетать ужесточение административного контроля с развитием миграционной привлекательности для граждан стран ЕАЭС.

3. Перспективные направления совершенствования политики по противодействию миграционным угрозам

Трансформация угроз требует адекватного пересмотра концептуальных основ политики национальной безопасности. Представляется возможным сформулировать следующие перспективные направления.

Во-первых, необходимо преодолеть узкую трактовку безопасности и перейти к комплексному анализу миграционных рисков с учетом их взаимосвязи с другими факторами – демографическими, экономическими, экологическими, культурными. Это возможно только на основе междисциплинарного подхода, интегрирующего знания политологии, социологии, экономики, права.

Во-вторых, следует развивать механизмы раннего предупреждения миграционных кризисов. Для этого необходимо создание систем мониторинга миграционной ситуации на национальном и глобальном уровнях, включающих анализ социально-экономической и политической нестабильности в странах происхождения и транзита, а также прогнозирование потоков на основе математических моделей. Такие системы позволят выявлять потенциальные точки напряженности и принимать превентивные меры.

В-третьих, важно совершенствовать интеграционные политики, избегая двух крайностей – ассимиляции и мультикультурализма. Необходима сбалансированная политика, стимулирующая мигрантов к принятию правовых и культурных норм принимающего общества при одновременном сохранении их права на культурную самобытность. Ключевым фактором является предотвращение образования изолированных этнических анклавов, что достигается через языковые курсы, участие мигрантов в общественной жизни, регулирование пространственного расселения.

В-четвертых, усиление международного сотрудничества следует направлять не только на обмен информацией и координацию пограничного контроля, но и на устранение коренных причин миграции. Страны происхождения мигрантов нуждаются в экономической помощи, содействии в развитии институтов, разрешении конфликтов. Только комплексный подход, включающий меры в странах происхождения, транзита и назначения, может привести к долгосрочному урегулированию миграционных проблем.

В-пятых, необходимо активнее использовать возможности цифровых технологий для обеспечения миграционного контроля и управления потоками. Биометрическая идентификация, автоматизированные системы пограничного контроля, блокчейн-платформы для верификации документов об образовании и трудовом стаже мигрантов, электронные реестры мигрантов – все это способно повысить эффективность контроля за миграцией, снизить коррупционную составляющую и уменьшить риски нелегальной миграции.

В-шестых, важным направлением является формирование позитивного информационного фона вокруг миграции. Это предполагает противодействие стереотипам и ксенофобии, разъяснение экономических и культурных выгод миграции, формирование образа мигранта как человека, вносящего вклад в развитие общества. Роль СМИ и образования здесь трудно переоценить.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что современные миграционные процессы являются не просто социально-экономическим явлением, а мощным политическим фактором, способным трансформировать систему угроз национальной безопасности. Происходит эволюция от традиционных военных угроз к гибридным, асимметричным, приобретающим характер инструмента межгосударственной борьбы. Миграция может использоваться для дестабилизации обстановки, подрыва экономики, культурной эрозии, создавая плодородную почву для экстремизма и терроризма.

Следует отметить, что национальная безопасность в условиях глобальной миграции не может быть достигнута исключительно силовыми методами; необходимо сочетание контрольных мер с интеграционными политиками и международным сотрудничеством. Кроме того, миграционные угрозы не являются неизбежным следствием миграции как таковой; их возникновение связано с дефицитом управленческих процессами, непрозрачностью политической элиты, отсутствием эффективных механизмов адаптации. При этом вызовы, связанные с миграцией, несут в себе и возможности: при грамотной политике миграция способствует демографическому и экономическому росту, культурному разнообразию, международному сотрудничеству. Обеспечение безопасности требует от государства способности к гибкому реагированию и стратегическому прогнозированию.

Перспективным направлением дальнейших исследований является моделирование сценариев развития миграционной ситуации в различных регионах мира, разработка методологии оценки миграционных рисков, а также изучение взаимосвязи миграционных процессов и политических трансформаций в странах транзита и назначения. Также важным является анализ миграционного фактора в контексте новых технологических изменений (цифровизация экономики, развитие дистанционной занятости), которые могут радикально изменить характер миграции в ближайшие десятилетия. Исследователям и политикам необходимо быть готовыми к этим изменениям, формируя научно обоснованные, гибкие и инновационные стратегии обеспечения национальной безопасности в эпоху глобальных миграций.

Литература

1. Бааль Н.Б., Машковцев А.А. Некоторые аспекты состояния национальной безопасности России в общественно-политической сфере // Вестник Университета мировых цивилизация. – 2025. – № 4 (49). – С. 7-15.
2. Бекяшев Д.К. Современные правовые формы участия государств в деятельности международных организаций // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 5. – С. 86-94.
3. Волох О.В., Карапетян А.А. Монополия власти на насилие как ключевой элемент безопасности государства // Вестник Омского университета. – 2025. – № 2 (46). – С. 96-101.
4. Лешенюк О.Н. Укрепление региональной системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ // Современная Европа. – 2022. – № 3. – С. 145-156.
5. Умнова-Конюхова И.А. Федерализм как инструмент решения современных задач мироустройства, совершенствования государственности и межгосударственных отношений // Социальные и гуманитарные науки. Серия 4. Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 7-22.
6. Steytler N. How Federations Combat COVID-19 // Comparative Federalism and COVID-19 Combating the Pandemic / ed. by Nico Steytler. – 2022. – P. 1-10.

On the issue of transformation of threats to national security in the context of modern migration processes Shevtsov L.F.

V. V. Zhirinsky University of World Civilizations

This article examines the transformation of national security threats under the influence of modern migration processes. It demonstrates that the traditional perception of migration as a primarily socioeconomic or demographic phenomenon is giving way to a more complex understanding of migration as a factor of political instability capable of influencing the sovereignty, territorial integrity, sociocultural identity, and domestic political stability of states. The article analyzes the changing nature of threats: from direct military ones to hybrid and asymmetric ones, including the use of migration flows as an instrument of political pressure (migration weapons), as well as the risks associated with the loss of control over state borders, rising ethnic and religious tensions, and the emergence of humanitarian disaster zones. Particular attention is paid to the relationship between migration and international terrorism, organized crime, and extremism. Based on an analysis of current trends, it is concluded that it is necessary to revise the conceptual foundations of national security, taking into account the multidimensional influence of migration processes. The author proposes promising areas for improving state migration policy, including strengthening international cooperation, developing integration mechanisms, creating early-warning systems for risks, using digital technologies to monitor and manage migration flows, and strengthening the sociocultural adaptation of migrants as a factor in conflict prevention.

Keywords: national security, migration processes, threat transformation, hybrid threats, migration policy, state sovereignty, political stability, integration, international cooperation.

References

1. Baal N.B., Mashkovtsev A.A. Some Aspects of the State of National Security of Russia in the Socio-Political Sphere // Bulletin of the University of World Civilizations. – 2025. – No. 4 (49). – P. 7-15.
2. Bekyashev D.K. Modern Legal Forms of State Participation in the Activities of International Organizations // Lex Russica. – 2023. – Vol. 76, No. 5. – P. 86-94.
3. Volokh O.V., Karapetyan A.A. Monopoly of Power on Violence as a Key Element of State Security // Bulletin of Omsk University. – 2025. – No. 2 (46). – P. 96-101.
4. Leshenyuk O.N. Strengthening the Regional Collective Security System within the CSTO // Modern Europe. – 2022. – No. 3. – P. 145-156.
5. Umnova-Konyukhova I.A. Federalism as a Tool for Solving Modern Problems of World Order, Improving Statehood and Interstate Relations // Social and Humanitarian Sciences. Series 4. State and Law. – 2024. – No. 3. – P. 7-22.
6. Steytler N. How Federations Combat COVID-19 // Comparative Federalism and COVID-19 Combating the Pandemic / ed. by Nico Steytler. – 2022. – P. 1-10.

Конструирование образов женщин-лидеров правоконсервативных партий Европы

Ерошенко Андрей Андреевич

магистр права, Независимый исследователь, eaa1314@mail.ru,

Нестерчук Ольга Алексеевна

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, nesterchuk_oa@ranepa.ru

В статье исследуются технологии конструирования образов женщин-лидеров правоконсервативных партий Европы на примере Марин Ле Пен («Национальное объединение»), Алис Вайдель («Альтернатива для Германии») и Джорджи Мелони («Братья Италии»). Автор анализирует, как биографические нарративы, дискурсивные стратегии и медийные технологии используются для формирования электорально эффективного образа, сочетающего гендерную репрезентацию с партийной повесткой. Выявлены четыре ключевые технологии: персонализация через биографию, инструментализация гендерного фактора для «смягчения» имиджа партии, конструирование «правильной» гендерной повестки через критику «гендерной идеологии» и апроприация либеральных нарративов о равенстве. Показано, что, несмотря на традиционалистскую риторику, женский образ лидеров часто выполняет инструментальную функцию, хотя степень его соответствия личной биографии варьируется. Из троих лидеров только образ Мелони целенаправленно конструируется в традиционалистском ключе. Образ Ле Пен использует женские символы для мобилизации через ассоциации с Родиной-матерью, а в образе Алис Вайдель женственность не играет значимой ценностной роли. В этих образах каждая партия находит свой ответ потребности в расширении электоральной базы.

Ключевые слова: европейские правые, Марин Ле Пен, Алис Вайдель, Джорджа Мелони, политический образ.

Введение

Такие партии, как французское «Национальное объединение», немецкая «Альтернатива для Германии» и итальянские «Братья Италии» привлекают внимание академического сообщества не только растущей популярностью и стремлением изменить политический ландшафт Европы. Интерес для рассмотрения вызывает специфика их политических технологий.

Правоконсервативные партии Европы противопоставляют «гендерной идеологии» защиту семьи, материнства и интересов «обычных женщин», нередко связывая гендерную проблематику с антимиграционной повесткой. Защита «обычных» женщин связывается с восстановлением естественной иерархии социальных групп и акцентом на расовой повестке, в которой эксплуатируется страх коренных женщин перед мигрантской преступностью [12, С. 54] или радикализируется для полноценного культурного противостояния [7, С. 16]. Одновременно женское лидерство служит технологией нормализации: оно позволяет смягчить публичный образ партии, снизить ассоциации с агрессивным радикализмом и расширить электоральную базу. Из-за этого, стоит внимательнее рассмотреть, как женское лидерство встраивается в структуру партий, которым свойственен достаточно традиционалистский образ.

Отдельным вопросом является выбор самой дефиниции – как уместнее называть партии, выбранные для рассмотрения. В данной работе термин «право-консервативные» используется как емкое обозначение феномена таких партий, отражающее одновременно их националистически-протестный уклон и ориентированность на традиционные ценности и устойчивость самой политической системы.

Цель данного исследования – выявить специфические технологии, формирующие образ женщин, возглавляющих правоконсервативные партии, а также определить, каким образом эти технологии способствуют созданию электорально эффективного образа партии и отражают ее повестку.

Методология

Следует также обозначить отличие понятия «образ» от близкого к нему «имиджа». Здесь автор придерживается подхода Е.Б. Шестопал: «под образом мы будем понимать отражение личности лидера в массовом и индивидуальном сознании граждан. Между тем, как под имиджем (или брендом), мы будем понимать специально сконструированное и растражированное отражение личности политика» [6, С. 13].

Определенным стыком между восприятием политического лидера и его имиджем является медийный образ – результат действия политических технологий с учетом личностных качеств, а также ценностей, которые несет образ лидера.

Исследование опирается на дискурс- и нарративный анализ публичных выступлений лидеров и партийных программ, дополненный биографическим анализом. Сравниваются: (1) способы включения личной биографии в политическую самопрезентацию; (2) дискурсивное поведение в гендерной и семейной повестке; (3) соотношение образа лидера с партийной повесткой; (4) внутрипартийный и внутриполитический контекст.

Образ Марин Ле Пен – Жанна Д'Арк и защитница Франции

Женский образ Марин Ле Пен, безусловно, складывается через ее семейную биографию. Она является матерью троих детей, которых воспитывает в одиночку. Ле Пен нередко целенаправленно освещает свою личную историю и включает семейный дискурс в собственный политический имидж через личный опыт.

Автобиография Ле Пен «Сквозь враждебные волны» (2006) включает опыт материнства, развода и самостоятельного воспитания троих детей в её политическую самопрезентацию [4, с. 144–145]. Ее биография прямо связывается с тем, как формировался взгляд на Францию, какие ценности и потребности она впитывала с жизнью. Личный опыт воспитания детей и проживания чувствительных для матерей проблем делает лидера ближе к образу «обычной француженки» и работает как популистская технология демократизации.

С одной стороны, показывается, что материнство является важной социальной темой, значимой не только для становления личности, но и для будущего страны (через связь с тем, каким будет будущее детей). Образ матери, воспитывающей детей репрезентует обычную француженку. С другой стороны, это инструментализирует образ матери, сводит его к упрощенным моделям восприятия, используемым в политических технологиях (эмпатичный политик понимает проблемы простых женщин), что может способствовать его десакрализации. В дополнение, обычная француженка, к которой обращается Ле Пен в своем образе, далека от традиционалистского понимания. Она разведена и сталкивается с чувством вины из-за того, какие осложнения вносит карьера в воспитание детей. Но, безусловно, такой неидеальный образ действительно делает политика более «живым» и признает имеющиеся в обществе проблемы.

В биографическом плане ее лидерство опирается на фигуру приемницы и дочери основателя «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пен, что дает своеобразную «семейную» легитимацию. Но в целом же ее лидерский образ изначально формировался под задачу преобразования имиджа партии. И ключевой чертой здесь стала самостоятельность и дистанцирование от отца как в собственном, так и в партийном имидже. Обновление партии проводилось для успешного удержания на политическом плацдарме: перехода от протестности к управлению, что требовало расширения электоральной базы [13]. Поэтому Марин стала символом новой эпохи, которую олицетворял женский образ как менее агрессивный.

Однако Ле Пен остается в радикальной, маскулинной повестке, что требует от нее сильного лидерства настолько, что исследователи и наблюдатели отмечают, что аудитория «даже стала забывать, что она женщина» [4, С. 145]. Особенно сильно смешение ролей происходило в рамках кампании в Твиттере перед выборами президента в 2022 году [11, 924].

Впрочем, такая оценка не всегда была свойственна образу Ле Пен. До 2017 года наряду с портретом «дочери своего отца», предполагавшим «мужской» публичный стиль, лидер партии описывалась через стереотипно женские черты: внешность, эмоциональность и т.д. [11, 908]. То есть, Ле Пен своим образом сломала «стереотипное» восприятие женщины.

Так или иначе, развитие женской тематики в повестке НФ позволило нарастить популярность партии и ее лидера перед выборами 2017 года [5, С. 29]. В кампании 2022 года Ле Пен утверждала, что женщины утрачивают «особое место в обществе» и сталкиваются с агрессией и ущемлением прав, призывая акцентировать на этом полицию [5, с. 29]. Темы, близкие феминистской повестке, включались ею в логику «войны цивилизаций»: защита женщин связывалась с критикой миграции и противопоставлением французской культуры внешней угрозе [12, с. 67].

Материнский образ Ле Пен не используется в традиционалистском ключе. Как отмечает Д. Гева, гендерный символизм соединяет в её образе популистскую апелляцию к «простому народу» с маскулинными лидерскими качествами [8, с. 14]. Ле Пен совмещает фигуры матери, «командира», «воина» и Жанны д'Арк [8, с. 17]. Поэтому её женственность приобретает прежде всего национально-популистское значение: образ Родины-матери служит мобилизации и антимиграционной риторике, тогда как классический традиционалистский образ матери остаётся второстепенным. Кроме биографических черт, ее позиционирование включает много маскулинных черт и образ выстраивается на основе сильного лидерства, в котором роль женщины играет меньшую роль, чем роль «воина» и «командира».

Образ Алис Вайдель – нетрадиционная повестка и рациональное лидерство

До начала политической карьеры Алис Вайдель занималась банковской и инвестиционной сферой, благодаря чему зарекомендовала себя как профессионала и компетентного специалиста, технократа. Вайдель открыто живет в однополых отношениях со швейцарским режиссером Сарой Боссар, вместе с которой воспитывает двух сыновей. Свою семейную жизнь они стараются не предавать публике. И на первый взгляд биографический профиль противоречит представлению о правом политике (особенно если учесть миграционное прошлое ее партнерши).

Партия АДГ характеризуется внутренней неоднородностью, которая проявляется и в гендерной тематике. Как во многих других партиях, привлечение женщин как в состав партии, так и в ряды

электората служит нормализации и формированию более популярного имиджа правых партий с агрессивной повесткой. И даже привлекаемый с женской стороны женский радикальный активизм приходится вводить в баланс с «нормальным» официальным треком [3, С. 716].

В дискурсе АДГ связь гендерной и антимиграционной темы проявляется еще сильнее. В своей программе они прямо указывают, что в современном мире «феминизм» понимается неправильно, жертвами его становятся обычные девушки и домохозяйки, притесняемые не только радикальными феминистками, но и мигрантами, которые нетерпимы к любой инаковости [3, С. 711]. Эта инаковость, конечно, включает и ЛГБТ-сообщество. В этом плане Вайдель является лидером, который в себе репрезентует такую позицию. Как уже указано, ни она ни ее партнерша не опубликовывают семейную жизнь, однако одно из редких публичных высказываний последней касалось именно того, что такие люди желают вовсе не того, к чему приводит ЛГБТ-пропаганда*. Дистанцировалась от квир-радикализма и сама Вайдель, назвав себя «нормальной женщиной-гомосексуалкой». [14]

Позиция лидера иногда вступают в открытое противоречие с действиями других членов партии их программой. Так, в манифесте партии в Саксонии-Анхальт указывалось что традиционная семья – «лучший фундамент для здорового развития ребенка». Вайдель на это ответила: «Они могут писать все, что угодно. Я живу по-другому» [15], и что ее дети «получили лучшее воспитание и лучшие возможности», и однополые семейные отношения* должны рассматриваться как равные традиционной семье. При этом Вайдель указывает на отсутствие каких-либо противоречий между ее фигурой и традиционалистской повесткой: «Когда я как политик говорю об идеале общества – а это традиционная семья — я могу его защищать, и в этом нет противоречия» [15].

Дискурсивно, лидер партии АДГ признает реальность, в которой сексуальные меньшинства равны с остальным обществом, и ее собственная персона закрепляет уважение такой реальности. И в то же время, ценностью для общества признается именно традиционная семья. Такой идеологический симбиоз – часть стратегии «нормализации» партии и ее соответствия запросам больших социальных слоев через корректировку повестки. АДГ может выставлять «нетрадиционных» лидеров, показывая, что они успешно вкладываются в повестку партии, направленную против «гендерной идеологии».

Как итог, образ Вайдель строится не вокруг материнства, семейности или традиционалистской женственности, а вокруг компетентности, рациональности и управленческой пригодности. Если у Ле Пен гендерный компонент используется для символической репрезентации «материнской защиты» нации, то у Вайдель женственность выступает исключительно как контраст к содержанию партийной повестки и как средство ее смягчения в глазах более широкой аудитории.

Подход АДГ показывает, что женское лидерство может служить для вовлечения большего числа женщин в политическую жизнь Германии через нетрадиционные для партии ценности, которые потом направят их в правоконсервативное русло. Тем не менее, это ведет к заметному изменению повестки партии и, кроме прочего, включению в него не традиционалистского образа женщины.

Образ Джорджи Мелони - защитница традиционной семьи

Ключевым элементом биографического профиля Мелони является статус матери: в 2016 году у нее родилась дочь Джиневра от телеведущего Андреа Джамбруно, с которым она не состоит в официальном браке. Факт воспитания дочери систематически встраивается в публичный образ политика как подтверждение «нормальной» жизненной траектории.

В ее самопрезентации семья и материнство выступают не просто как частные обстоятельства, а как символический центр политической идентичности. Крайне показателен ее манифест «Я Джорджа, я женщина, я мать, я христианка», который стал вирусным в сети. [16] Эта фраза была произнесена в 2019 году на митинге в Риме. В 2022, еще до становления Премьер-министром, Джорджа произнесла еще одну программную фразу: «Да естественной семье! Нет ЛГБТ-лобби!» [17].

Исследования показывают, что среди заявлений, сделанных Мелони в рамках предвыборной кампании 18% имели гендерную тематику (содержательно это было представлено темой беременности, материнства, традиционной семьи и некоторыми угрозами для

утверждения семейных ценностей) [1, С. 66]. Такой уровень вовлеченности в гендерную тематику (как это называют авторы) значительно больше, чем у лидеров партий-оппонентов и показывает, что Мелони активно использует традиционалистскую женскую тематику в самопозиционировании и складывает из них повестку партии.

«Гендерная идеология» в риторике «Братьев Италии» также считается угрозой западной цивилизации и европейской культуре, чьи фундаментальные ценности подвергаются атаке [10, С. 25]. Но ценность, которую итальянские правоконсерваторы не так охотно могут приписать западной цивилизации – это гендерное разнообразие. Партия Мелони заметно категоричнее и радикальнее в отношении защиты традиционной семьи.

В предвыборной программе Мелони первым пунктом идет «поддержание рождаемости и семьи» [10, С. 25]. Вокруг этого ядра образуются вся программа, последующие пункты идут по принципу исполнения данной задачи: совершенствование программы страхования, здравоохранения и т.д.

Партия очень последовательна в своей позиции. В 2024 году был усилен уголовный запрет на суррогатное материнство. Оно переводилось в разряд «универсальных преступлений», то есть за которое граждане Италии могут преследоваться даже при совершении его за рубежом. В первую очередь это было направлено на ограничение родительских прав ЛГБТ-персон*. А на выборах в Европарламент в 2019 году БИ были единственной Итальянской партией, выступившей с социальными мерами по защите материнства: общеевропейский материнский капитал, льготы при найме молодых матерей и женщин детородного возраста [1, С. 67].

История с законодательной защитой традиционной семьи длится с 2019 года, когда Матео Сальвини занимал должность Министра внутренних дел (правая партия «Лига Севера»), было издано требование указывать в удостоверениях личности детей «мать» и «отец» вместо «родители». Тогда «Братья Италии» поддержали изменение. Уже при правительстве Мелони в 2022 году муниципальные органы регистрации стали прекращать практику автоматического признания второго родителя однополых семьях, зачавших путем донорского оплодотворения [10, С. 33].

Мелони публично защищала эти реформы. Она заявила, что суррогатное материнство – это «позорная практика», которая не является актом любви. [18] Да и к однополым парам Мелони относится категорично: в дискуссии о правах на родительство она указывала, что «ребенок заслуживает только самого лучшего: матери и отца» (при том что ее ребенок растет без отца). [19]

Если же вернуться к противоречию между статусом матери-одиночки и защитой «традиционной семьи», то стоит сказать, что Мелони нивелирует конфликт между личным и политическим. Личным примером она показывает, что возможно быть приверженным своим ценностям и активно защищать их. При этом несоответствие ее самой традиционалистскому идеалу может действовать как смягчение риторики – не обязательно быть идеальным, чтобы придерживаться такой идеологии.

Образ Мелони успешно воплощает в себе программу партии, ориентированной на защиту традиционных ценностей и семейных отношений. Ее женское лидерство обретает не рациональную, а харизматическую легитимацию: не через факторы высокого профессионализма и компетенции, а через ценности и образ защитницы Италии, европейской культуры и традиционной семьи. Сама Мелони ценностно соответствует тому идеалу, который выстраивается в повестке партии. Единственное, что делает ее образ неидеально традиционалистским – отсутствие официального брака и статус матери-одиночки. В остальном же, позиционирование Мелони в публичном дискурсе идет через формулу «я женщина, я мать, я христианка», что укрепляет и ее имидж и имидж ее партии как традиционалистов, не делающих уступок «современным реалиям» в виде гендерного разнообразия и «гендерной идеологии».

Общие технологии конструирования образа женщины-лидера

Одной из ключевых технологий формирования женского образа выступает персонализация через биографию. Женщина-лидер представляется как фигура с «сильной историей» – это мать, выходец из «простых» слоев, самостоятельная женщина, добившаяся успеха собственным трудом, что усиливает аутентичность образа и облегчает идентификацию с широким электоратом. Такой лидер ближе к народу, разделяет тот же опыт и сталкивается с теми же

проблемами (наиболее это использовала Ле Пен, наименее – Вайдель), отделяя женственность от «феминистической пропаганды». Похожим же образом Вайдель может репрезентовать позицию сексуального меньшинства, уставшего от гендерной пропаганды. Хотя здесь образ Вайдель как женщины не играет столь значимую роль, в комплексе может использоваться для «смягчения» позиции и прививания более толерантного отношения к меньшинствам в традиционалистской среде.

Стоит полагать, что биографическая составляющая является важным ресурсом доверия, позволяющим связывать частную жизнь (семья, дети, трудовой путь, ориентация) с публичными политическими ценностями.

Однако исследователи указывают на сохраняющийся дисбаланс между феминностью лидеров и маскулинностью повестки партий. Итогом попыток исправления имиджа партии становится изменение восприятия традиционалистского женского образа: Ле Пен больше воспринимается как сильный политик, нежели мать, несмотря на работу политтехнологов [2, С. 28]; в легитимации женского лидерства заметен уклон на профессионализм и компетентность. Все из-за того, что женщины по-разному вписываются в гендерную повестку партий для лучшего соответствия запросам избирателей.

В исследовательском сообществе можно встретить разноразличные заключения относительно использования гендерной тематики в повестке правоконсерваторов. С одной стороны, их повестка, остается патриархальной и несет в себе традиционные ценности, сохранение иерархии социальных групп и ценность традиционной семьи [9, С. 567]. С другой – гендер используется как мета-язык для установления связи с более широкой электоральной базой и оппонирования радикальной либеральной повестке [7, С. 16]. В этом случае происходит фрейминг гендерного равенства как ценности, присущей западной цивилизации, а мигрантов-мусульман – как угрозы, несущей архаичные взгляды на сексуальные меньшинства и женщин. Такое противоречие внутри правоконсервативной повестки объективно существует, однако, как показал анализ, каждая партия решает его по-разному. Где-то это не вызывает сильных конфликтов (Национальное объединение), где-то противоречие замаскировано (АДГ), где-то происходит успешное утверждение традиционалистской повестки (БИ). И это сказывается на том, насколько образ женщины, стоящей во главе партии, будет традиционалистическим.

Отсюда можно вывести и обозначить две технологии. Первая – инструментализация гендерного фактора, использование его для смягчения имиджа партии и нормализации ее через женскую фигуру. Тем самым образ женщины – это репрезентация социальной группы, которой следует привить правоконсервативную повестку. Вторая – конструирование «правильной» гендерной повестки через критику идеологии гендерного радикализма. Образ женщины здесь – образ жертвы данной идеологии, которая на самом деле не защищает ее права, а лидер партии – рупор «обычной» женщины, указывающей на реальные проблемы.

Позиция руководителя политической организации требует умения развивать разные темы политической повестки и представлять программу партии, что не позволяет возглавляющим их женщинам остановиться только на теме семьи и материнства – они вынуждены быть профессиональными политиками. Поэтому среди всех технологий конструирования образа в медиа и имидж-стратегиях основное внимание уделяется именно внегендерным, профессиональным характеристикам политика. В меньшей степени это применимо к Мелони, для которой образ матери столь же существенен, как и образ профессионала.

В этой связи появляется еще одна технология – апроприация либеральных нарративов о равенстве и правах женщин для борьбы с ним изнутри. Образ женщины-лидера здесь выступает как норма, показатель того, что партия не архаична, что она движется в ногу с социальным прогрессом, но осаждает радикализм, который может разрушить баланс.

Заключение

Каждая из рассмотренных партий использует разные технологии выстраивания образа женщины-лидера. Бывшая глава Национального объединения Ле Пен – это женщина-воин. Изначально ее образ мог использоваться для перемены имиджа партии и ее дерадикализации, но с 2011 года Ле Пен уже сформировала себя как

опытный политик и плотно продолжила ассоциироваться с агрессивной повесткой партии, которую она сама активно представляла, участвуя в избирательных кампаниях. Поэтому в ее образе сохраняются маскулинные черты для формирования имиджа сильного лидера. Женские же черты, можно сказать, сугубо инструментальны. Основная технология здесь – это составление образа Родины-матери через прямую ассоциацию с Жанной Д'Арк, а также через использование отдельных биографических черт для создания образа демократичного и близкого к народу политика.

Похожим является и случай Алис Вайдель. Ее фигура имеет целенаправленное воздействие как на имидж, так и на выстраивание повестки Альтернативы для Германии. Через нее устанавливается баланс между радикальными тенденциями среди сторонников и членов партии и необходимостью поддерживать «нормальный» имидж, способный привлечь большее число избирателей. С этой целью Вайдель делает уступку, интегрируя не только женщин, но и сексуальные меньшинства в правоконсервативную повестку. В то же время, в политической деятельности Вайдель ее образ как женщины никак не используется. Единственная его функция – это, снова, визуальный эффект «смягчения» агрессивной повестки и расширения электората за счет репрезентации большего числа социальных групп. Образ Вайдель складывается, в основном, как образ компетентного политика, а также как представителя сексуального меньшинства, утратившего от «гендерной пропаганды».

Совсем иной случай – Джорджа Мелони, Премьер-министр Италии и лидер партии «Братья Италии». Во время электоральной борьбы она активно позиционировала себя как мать, как женщину, как приверженца традиционных ценностей. Именно это является основными технологиями, через которые партия составляет образ женщины: материнство как главное достижение женщины, воспитание детей как приоритет. Мелони сама разделяет эти ценности и биографически им соответствует. В ее образе предстает лидер, защищающий традиционную семью. Она репрезентует итальянскую женщину, которая становится объектом защиты не только партии, но государства. Поэтому, если у Ле Пен женский образ используется скорее для визуальной и символической репрезентации, в образе Вайдель женский фактор играет слабо выраженную роль в позиционировании лидера, то образ Мелони как женщины-лидера – это единственный из рассмотренных случаев пример живого соответствия личной истории и декларируемой повестки. Для партии же это способ утверждения и донесения собственных ценностей не просто риторически, но и посредством персонификации.

Несмотря на традиционалистскую повестку, женский образ лидеров правоконсервативных партий часто используется как инструментальное дополнение к их имиджу, направленному на «смягчение» радикализма и агрессивности их партий, расширение и обновление электоральной базы. Воспроизводится скорее секуляризированный образ «обычной женщины», где тема материнства и семейности становятся стратегиями «понимания» и демократичности, сближая политика с его электоратом, акцентируя схожие моменты биографии и понимание общих проблем. Однако и такая стратегия не является столь приоритетной внутри правоконсервативной повестки, как показывает случай Вайдель. Вместе с секуляризацией образ матери может использоваться ситуативно в качестве политтехнологии (Ле Пен) или составлять основу самопрезентации лидера (Мелони).

Литература

- Березкина Е. Ю. Гендерная тема в избирательных кампаниях итальянских популистских партий на выборах в Европарламент в 2019 г.: дискурс в СМИ и социальных сетях // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 58–68. <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.5>
- Бурмистрова, Е. С. От маргиналов к мейнстриму: смена имиджа лидеров западноевропейских праворадикальных популистов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. №4. С. 22–31. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-22-31>.
- Бурмистрова Е. С. Трансформация партийной идентичности немецких правых радикалов: в поисках «женской поддержки» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 4. С. 706–718. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-706-718>
- Бурмистрова, Е. С. Трансформация правых популистских партий Западной Европы: женщины в политической повестке и лидерстве: дис. ... канд. полит. наук / Е. С. Бурмистрова. - Пермь, 2024. 180 с.
- Жидкова А. В. Национальный фронт во время и после выборов 2017 г.: внутрипартийный кризис и перспективы развития // Исторические исследования. 2018. № 10. С. 20–33.
- Шестопал, Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е. Б. Шестопал. Аспект Пресс, 2008. – С. 8 – 25.
- Dietze G., Roth J. Right-Wing Populism and Gender: A Preliminary Cartography of an Emergent Field of Research // Right-Wing Populism and Gender: European Perspectives and Beyond / eds. G. Dietze, J. Roth. Bielefeld: transcript, 2020. P. 7–21. <https://doi.org/10.14361/9783839449806-001>.
- Geva D. Daughter, Mother, Captain: Marine Le Pen, Gender, and Populism in the French National Front // Social Politics. 2018. Vol. 25, no. 3. P. 1–26. <https://doi.org/10.1093/sp/jxy039>.
- Kantola J., Lombardo E. Strategies of right populists in opposing gender equality in a polarized European Parliament // International Political Science Review. 2020. Vol. 42, № 5. P. 565–579. <https://doi.org/10.1177/0192512120963953>.
- Palazzo, N. Meloni's Mark: The Revival of the Traditional Family in Italian Law and Politics / Nausica Palazzo // The Journal of Illiberalism Studies. – 2025. – Vol. 5, no. 2. – P. 21–36. <https://doi.org/10.53483/ZCQU3601>.
- Pettersson, K, Payotte, S & Sakki, I 2023, 'Harsh punisher or loving mother? a critical discursive psychological analysis of Marine Le Pen's presidential Twitter campaign', *Ethnicities*, vol. 23, no. 6, pp. 905–930. <https://doi.org/10.1177/14687968221148574>.
- Scrinzi, F. Populist Radical Right Frames of Gender and Sexuality in France and Italy: Targeting Feminists and Other Enemies of the People // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2026. Т. 33, № 1. С. 52–76. <https://doi.org/10.1093/SP/JXAF056>.
- De Leeuw, Sijfra "Marine Le Pen's Woman Card: The realignment of female voters in a traditionally masculine game" // London School of Economics, 07.08.2017. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/gender/2017/08/07/marine-le-pens-woman-card-the-re-alignment-of-female-voters-in-a-traditionally-masculine-game/> (дата обращения: 20.07.2026).
- Sikora-Tarnowska M., Schopp F., Paulsen L. "Married, Not Queer": AfD's Weidel Resolves Her Paradox" // Unit | n-ost. 07.05.2025. URL: <https://unit.n-ost.org/en/queer-fronts/> (дата обращения: 20.07.2026).
- Алиса Вайдель дистанцировалась от формулировок АдГ о традиционной семье // Berliner Telegraph. 2026. 6 июля. URL: <https://berliner-telegraph.de/alice-weidel/алиса-вайдель-дистанцировалась-от-формулировок-адг-о-традиционной-семье/> (дата обращения: 20.07.2026).
- «Я Джорджа, я женщина, я мать, я итальянка, я христианка» // Ведомости. 19.10.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2022/10/19/946229-dzhordzha-italyanka> (дата обращения: 20.07.2026).
- "Meloni in Andalusia per Sostenere Vox, Dal Palco Arringa la Folla in Spagnolo", Corriere Tv, June 13, 2022, <https://video.corriere.it/politica/meloni-andalusia-sostenere-vox-palco-arringa-folla-spagnolo/8ce5509eeb15-11ec-b89b-6b199698064a>. (дата обращения: 20.07.2026).
- Ugo Milano, "L'Attacco di Meloni alla Maternità Surrogata: 'Una Pratica Vergognosa, Non È Un Atto d'Amore' – Il video", Open (April 28, 2024). URL: <https://www.open.online/2024/04/28/giorgia-meloni-gpareato-universalepescara-video/> (дата обращения: 20.07.2026).
- Italy's LGBTQ community decries government's attacks on same-sex parental rights // Euronews. 2023. 17 марта. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2023/03/17/italys-lgbtq-community-decries-governments-attacks-on-same-sex-parental-rights> (дата обращения: 20.07.2026).

Constructing of the image of women, leading European right conservative parties Eroshenko A.A., Nesterchuk O.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the technologies used to construct the images of women leaders of right-conservative parties in Europe, focusing on Marine Le Pen (National Rally), Alice Weidel (Alternative for Germany), and Giorgia Meloni (Brothers of Italy). The author analyzes how biographical narratives, discursive strategies, and media technologies are employed to create electorally effective images that combine gender representation with party agendas. Four key technologies are identified: personalization through biography, instrumentalization of the gender factor to "soften" the party's image, construction of a "correct" gender agenda through criticism of "gender ideology," and appropriation of liberal narratives on equality. The study shows that, despite traditionalist rhetoric, the female image of leaders often serves an instrumental function, although the degree of its alignment with personal biography varies. Among the three leaders, only Meloni's image is deliberately constructed in a traditionalist key. Le Pen's image employs female symbols for mobilization through associations with the Motherland-Mother, while femininity plays no significant value-based role in Alice Weidel's image. In these images, each party finds its own response to the need for expanding its electoral base.

Keywords: European right, Marine Le Pen, Alice Weidel, Giorgia Meloni, political image.

References

1. Berezkina E. Y. The gender theme in the election campaigns of Italian populist parties in the European Parliament elections in 2019: discourse in the media and social networks. *Culture. Society.* 2021. Vol. 27, No. 1. pp. 58-68. <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.5>
2. Burmistrova, E. S. From marginals to the mainstream: changing the image of the leaders of Western European right-wing populists // *Bulletin of Perm University. Series: Political Science.* 2023. No. 4. pp. 22-31. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-22-31>.
3. Burmistrova E. S. Transformation of the party identity of German right-wing radicals: in search of "female support" // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science.* 2021. Vol. 23, No. 4. pp. 706-718. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-706-718>
4. Burmistrova, E. S. The transformation of right-wing populist parties in Western Europe: women in the political agenda and leadership: dis. ... Candidate of Political Sciences. *Sciences / E.S. Burmistrova.* - Perm, 2024. 180 p.
5. Zhidkova A.V. The National Front during and after the 2017 elections: the internal party crisis and development prospects // *Historical research.* 2018. No. 10. pp. 20-33.
6. Estopal, E. B. Image and image in the political community: actual research problems // *Images of states, ours and leaders / Edited by E. B. Astopal. He groaned. Aspect Press.* 2008. pp. 8-25.
7. Dietze G., Roth J. Right-wing populism and gender: a preliminary cartography of a new field of research // *Right-wing populism and gender: European perspectives and beyond / edited by G. Dietze, J. Roth. Bilegeld: kinogramma,* 2020. pp. 7-21. <https://doi.org/10.14361/9783839449806-001>.
8. Geva D. Daughter, mother, Captain: Marine Le Pen, gender and populism in the French National Front // *Social Policy.* 2018. Volume 25, No. 3. pp. 1-26. <https://doi.org/10.1093/sp/jxy039>.
9. Cantola J., Lombardo E. Strategies of right-wing populists in opposing gender equality in the polarized European Parliament // *International Political Science Review.* 2020. Volume 42, No. 5. pp. 565-579. <https://doi.org/10.1177/0192512120963953>
10. Palazzo, Mark N. Meloni: The Rebirth of the Traditional Family in Italian Law and Politics / *Nausica Palazzo // Journal of Anti-Liberalism Studies.* - 2025. - Volume 5, No. 2. - pp. 21-36. <https://doi.org/10.53483/ZCQU3601>.
11. Peterson, K., Piott, S. and Sacchi, I. 2023, "Harsh punishment or a loving mother? A critical discursive and psychological analysis of Marine Le Pen's presidential campaign on Twitter", *Ethnic Groups*, vol. 23, No. 6, pp. 905-930. <https://doi.org/10.1177/14687968221148574>
12. Skrinzi, F. Right-wing Populist ideas about gender and sexuality in France and Italy: the persecution of feminists and other enemies of the people // *Social Policy: International Studies in the field of gender, the state and society.* 2026. Vol. 33, No. 1. pp. 52-76. <https://doi.org/10.1093/SP/JXAF056>.
13. De Leeuw, CIPHER "Marine Le Pen's Women's Card: the redistribution of women's votes in the traditionally male game" // *London School of Economics*, 08/07/2017. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/gender/2017/08/07/marine-le-pens-woman-card-the-re-alignment-of-female-voters-in-a-traditionally-masculine-game/> (date of access: 07/20/2026).
14. Sikora-Tarnovskaya M., Opel P., Paulsen L. "Women, but not a man": Weidel from "AFD cuts its parade" // *Unit | n-ost.* 05/07/2025. URL: <https://unit.n-ost.org/en/queer-fronts/> (date of access: 07/20/2026).
15. Alice Weidel distanced herself from the modulator in the traditional family // *Berlin Telegraph.* 2026. July 6. URL: <https://berliner-telegraph.de/alice-weidel/алиса-вай-дель-дистанцировалась-от-формулировок-афд-о-традиционной-семье/> (date of address: 07/20/2026).
16. "I am Giorgia, I am a woman, I am a mother, I am Italian, I am a Christian" // *Vedomosti.* 19.10.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2022/10/19/946229-dzhordzha-italyanka> (date of request: 07/20/2026).
17. "Meloni in Andalusia performed by the Sostenere vox band, together in Spain," *Corriere Tv*, June 13, 2022, <https://video.corriere.it/politica/meloni-andalusia-sostenere-vox-palco-arringa-folla-spagnolo/8ce5509eeb15-11ec-b89b-6b199698064a>. (date of access: 07/20/2026).
18. Hugo Milano, "Caring for Meloni during surrogate pregnancy: "The right practice, without love" - Video", *Open* (April 28, 2024). URL: <https://www.open.online/2024/04/28/giorgia-meloni-gpa-reato-universalepescara-video/> (date of access: 07/20/2026).
19. The LGBT community and the authorities expect the state to take over the Unipolar world // *Euronews.* 2023. March 17th. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2023/03/17/italys-lgbtq-community-decries-governments-attacks-on-same-sex-parental-rights> (date of request: 07/20/2026).

Перспективы российско-сирийских отношений после смены власти в Сирии в 2024 году

Мансуров Тимур Зуфарович

кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, timur-man333@mail.ru,

Залаяев Рамиль Ильхамович

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ramzalayev@mail.ru

Стремительное крушение прежней вертикали власти в Дамаске в конце 2024 г. перекроило архитектуру региональной безопасности. Актуальность исследования продиктована острой необходимостью концептуального осмысления геополитического сдвига на Ближнем Востоке. Многолетняя модель стратегического патронажа уступила место институциональному вакууму. По сути, это потребовало от Москвы форсированной адаптации внешнеполитического курса. Основная цель работы заключается в анализе текущего состояния, а также среднесрочных перспектив межгосударственного диалога с переходной сирийской администрацией. Особый фокус направлен на изменение юридического статуса российской оборонной инфраструктуры. Между тем, в профильной научной среде имеют место существенные противоречия относительно устойчивости российских позиций. В сопоставлении с более ранними оценками, где часть экспертов констатирует неминуемый закат влияния из-за потери экстерриториальности, другие авторы настойчиво доказывают возможность сохранения присутствия через новые торгово-сырьевые схемы. Как представляется, истина лежит в плоскости ситуативной дипломатии. По итогам проведенного анализа автор пришел к выводам, что двусторонние контакты благополучно преодолели шоковую фазу, преобразовавшись в сугубо транзакционный диалог. Подписание августовского Меморандума 2026 г. юридически зафиксировало вынужденный отказ от монопольного контроля над прибрежными объектами в пользу совместных центров. Резюмировано, что сохранение активов сегодня напрямую зависит от маневренности и готовности к болезненным компромиссам. Изложенные результаты будут полезны экспертам-политологам, специалистам-конфликтологам, сотрудникам профильных ведомств при разработке превентивных стратегий в нестабильной среде макрорегиона.

Ключевые слова: Ближний Восток, внешняя политика, дипломатический транзит, логистический прагматизм, российско-сирийские отношения, сирийский кризис, Тартус, Хмеймим, экстерриториальность.

Введение

В декабре 2024 года была переписана политическая карта Ближнего Востока. Многолетнее правление Башара Асада внезапно рухнуло. Смена руководства и переход контроля к переходной администрации Ахмеда аш-Шараа весомо изменили локальную архитектуру безопасности. Данный сдвиг ознаменовал крушение сложной системы патронажных связей. В рамках прежней парадигмы Москва относительно долго выступала в роли ключевого гаранта выживаемости дамаскского режима. Разумно предположить, что стремительный коллапс старой вертикали застал многих международных акторов врасплох. Возник правовой и институциональный вакуум.

Между тем, вопреки алармистским прогнозам о неминуемом уходе российской стороны из Леванта, двусторонние контакты постепенно перешли в фазу прагматичной адаптации. По существу, наблюдается политический транзит. От геополитического альянса, который базировался на тесной координации силовых структур, стороны переходят к сугубо транзакционной модели взаимодействия [2, 7, 8].

В научном дискурсе феномен сохранения зарубежных оборонных баз при серьезной трансформации внутривнутриполитического курса изучен фрагментарно. Зачастую авторы опираются на исторические прецеденты периода деколонизации. В сопоставлении с более ранними подходами, сирийский кейс 2024-2026 гг. демонстрирует совершенно иную, нетипичную динамику. Новые лидеры в Дамаске не стали форсировать окончательный разрыв. Видимо, потребности в восстановлении разрушенной инфраструктуры и обеспечении внутренней стабильности взяли верх над идеологическими разногласиями.

Особый фокус в статье направлен на изменение статуса стратегических активов. К ним традиционно относятся авиагруппировка в Хмеймиме и пункт материально-технического обеспечения флота в Тартусе. Одновременно с этим изучено формирование обновленного дипломатического модуса вивенди между двумя столицами.

Исследование механизмов адаптации внешней политики к утрате лояльного правительства имеет высокую научную ценность. Важно рассмотреть новейшие межправительственные договоренности, в частности, резонансный Меморандум от 9 августа 2026 года. Представленный материал позволяет проследить эволюцию доктрин государственного влияния в реалиях нестабильной среды. На основе проведенного анализа будут выработаны конкретные шаги для смягчения рисков на ближневосточном направлении. И это очень важно для будущих политологических исследований.

Материалы и методы исследования

Изучение историографической базы помогает высветить заметную дифференциацию исследовательских подходов к анализу трансформации сирийского узла. Историко-ретроспективный и генетический методы преобладают в трудах В. М. Ахмедова [2] и М. Х. Аль-Ахмар Загера [1]. Они рассматривают преемственность ближневосточной стратегии Москвы от советского периода до кризисных событий середины 2020-х гг. Структурно-функциональный и внешнеполитический анализы применяют Д. А. Семенова [7] и Ю. С. Филаретова [8]. Авторы акцентируют внимание на роли сирийского направления в глобальном позиционировании РФ и пределах устойчивости ее союзнических обязательств. В свою очередь, военно-стратегический и конфликтологический ракурсы последовательно развивает А. Г. Мардасов [4]. Автор исследует уязвимость зарубежной инфраструктуры на фоне резкого демонтажа правящего режима. Вместе с тем, Л. И. Егорова и Х. Ахмад [3] задействуют институциональный и политэкономический подходы с целью оценки рисков внешнеэкономической безопасности, а также судьбы хозяйственных концессий. Эмпирическую основу источниковой базы формируют оперативные аналитические публикации А. Новикова [6], профильные документальные обзоры [5], равно как и материалы международной прессы [9, 10]. В них фиксируется ход прямых переговоров между Москвой и переходным руководством САР в 2025-2026 гг. Выбор представленного пула публикаций обоснован. Он

продиктован необходимостью синтеза ретроспективного опыта, прикладного военно-политического мониторинга, актуальных правовых реалий.

Впрочем, в имеющейся исследовательской литературе прослеживаются очевидные содержательные пробелы, концептуальные противоречия. Существенная часть профильных работ [2, 7, 8] была завершена непосредственно на этапе смены власти. Из-за этого в них слабо отражены конкретные механизмы последующей юридической адаптации военных объектов, которые закреплены Меморандумом 2026 г. В дополнение к обозначенному, практически отсутствуют детальные экономические расчеты последствий вероятного пересмотра ресурсных лицензий. Основное научное противоречие в источниках сводится к оценке устойчивости присутствия РФ. Одни исследователи констатируют неизбежную утрату влияния из-за демонтажа экстерриториального статуса баз в Тартусе и Хмеймиме [4]. Другие специалисты доказывают возможность сохранения позиций. Как представляется, это достижимо через прагматичную модель совместного управления и торгово-сырьевой диалог с новой администрацией [1, 3, 6].

В статье используется совокупность взаимодополняющих научных методов. Базовым инструментарием послужило сочетание сравнительно-политологического и сравнительно-правового подходов. Данная оптика задействуется для того, чтобы сопоставить исходное двустороннее соглашение 2017 г. и Меморандум от 9 августа 2026 г. Именно такой ракурс дает возможность четко выявить параметры трансформации юрисдикции и имущественного статуса российских объектов. Между тем, хронологическая фиксация и структурирование дипломатических контактов, телефонных переговоров, официальных встреч высшего руководства на протяжении 2025-2026 гг. осуществлялась посредством инвент-оценки [6, 9, 10]. Одновременно с этим задействован метод институционального анализа. Разумно предположить, что он очень важен при определении устойчивости межправительственных каналов коммуникации, торговых договоренностей, механизмов функционирования совместных учебно-тренировочных центров. Наконец, исследование опирается на сценарное прогнозирование. Видимо, без него разработка прикладных рекомендаций лишена практического смысла.

Результаты и обсуждение

Свержение кабинета Б. Асада и его последующая эвакуация создали серьезный вызов для российской дипломатии. Рухнул фундамент, который выстраивался с 2015 г. На протяжении почти всего 2025 г. взаимодействие носило зондирующий характер. Впрочем, инициатива нормализации часто исходила от новых хозяев Дамаска. В октябре 2025 г., а затем в январе 2026 г. А. аш-Шараа посетил Москву с официальными визитами [9]. Как представляется, новая элита осознала острую потребность в диверсификации внешних опор. Полная зависимость от региональных соседей несла угрозу их собственному суверенитету.

МИД России продемонстрировал примечательную гибкость. Выбор был сделан в пользу признания сложившихся реалий. Это решение продиктовано необходимостью сохранить выход к Восточному Средиземноморью. Диалог продвигается тяжело. Правительство Сирии регулярно педалирует вопрос экстрадиции бывшего президента. Дамаск также требует ревизии накопленных задолженностей и возврата замороженных государственных активов. По-видимому, присутствие прежнего лидера на территории РФ используется как один из рычагов негласного торга. Ценность этого актива неуклонно падает.

Формируется новая реальность. Ранее Москва выступала в качестве донора безопасности, диктуй условия. Теперь она вынуждена быть в роли рядового переговорщика, чьи позиции ограничены новыми внутрисирийскими раскладами.

Самым болезненным аспектом двусторонней повестки стала судьба оборонной инфраструктуры. Базовое соглашение 2017 г. давало российской группировке исключительные права. Срок действия составлял 49 лет. Персонал обладал полным судебным иммунитетом. Использование земель и акваторий осуществлялось на безвозмездной основе. Смена властных элит сделала этот договор юридически уязвимым. Стремясь доказать населению свою легитимность, переходная администрация потребовала существенного пересмотра условий [6]. Как отмечает А. Г. Мардасов, «...предпринимаемые Москвой меры по переконфигурации военного присутствия, включая оптимизированное размещение военных сил и

средств и акцент на гуманитарных миссиях, позволили смягчить последствия кризисной ситуации и продолжить российско-сирийское сотрудничество» [4].

Итогом восемнадцати месяцев кулуарных консультаций стало подписание Меморандума о взаимопонимании 9 августа 2026 года. В указанном документе официально зафиксирован отказ от экстерриториальности. По сути, монопольный контроль над прибрежными форпостами утрачен.

Гражданские сектора возвращаются в национальную юрисдикцию. Четвертый коммерческий причал Тартуса и часть терминалов аэропорта Хмеймим уже в середине августа были переданы профильным ведомствам республики. Порт оперативно начал принимать суда с пшеницей и строительными материалами под эгидой местных операторов [5]. Военные же сегменты преобразуются в совместные учебно-тренировочные центры. На осуществление переходных процедур отведен жесткий лимит – не более трех месяцев.

В связи с этим отметим, что логистические возможности существенно сжимаются. Раньше сирийский хаб свободно задействовался для транзита грузов и персонала в государства Африки (Сахель, Ливия). Теперь подобные операции, вероятно, потребуют предварительного одобрения со стороны принимающего государства. Свобода маневра снижается (см. таблицу 1).

Таблица 1
Сравнительный анализ статуса российских объектов в Сирии (2017 и 2026 гг.) (составлено автором)

Критерий	Соглашение 2017 г. (эпоха Б. Асада)	Меморандум 2026 г. (администрация А. аш-Шараа)
Форма контроля	Исключительный контроль со стороны РФ	Совместное управление, разделение зон
Статус инфраструктуры	Полная экстерриториальность объектов	Создание совместных учебно-тренировочных центров
Коммерческие зоны	Использование без таможенных сборов	Передача портовых терминалов гражданским властям Сирии
Логистика в Африку	Суверенное использование базы для транзита	Зависимость от согласований с сирийской стороной
Правовой режим	Абсолютный иммунитет персонала на 49 лет	Условия иммунитета пересматриваются в переходный период

Экономический базис диалога также претерпевает ревизию. В период с 2015 по 2024 гг. отечественные корпорации заключили десятки контрактов. Сферы варьировались (от добычи фосфатов до углеводородной разведки). На сегодняшний день эти соглашения проходят жесткий аудит. Дамаск ищет признаки коррупционной составляющей, которая осталась от рухнувшего строя. Как отмечают Л. И. Егорова, Х. Ахмад, «...российские компании, несмотря на переворот, в настоящее время присутствуют в Сирии в области транспорта, технологий, ирригации и водных ресурсов, а также активно обучают сирийский персонал. Текущие объемы двусторонней торговли оцениваются примерно в 1 млрд дол. США, при этом около 65% этого объема приходится на российский экспорт» [3].

Инвестиционная привлекательность региона остается спорной. В отличие от предыдущих подходов, когда экономика субсидировалась в обмен на геополитическую лояльность, сегодня требуется реальная рентабельность. В сопоставлении с турецкими или арабскими фондами, готовыми «заливать» рынок капиталом ради влияния, предложения Москвы объективно скромнее.

Таблица 2
Ключевые интересы и переговорные позиции сторон на этапе 2025-2026 гг. (составлено автором)

Сфера взаимодействия	Позиция Российской Федерации	Позиция переходного правительства Сирии	Возможная зона компромисса
Статус бывших лидеров	Отказ от безусловной экстрадиции Б. Асада	Требование выдачи старой элиты под суд	Негласный обмен «персон нон грата» на уступки в бизнесе
Судьба госдолга	Сохранение долговых обязательств, реструктуризация	Требование полного списания задолженности	Конвертация части долга в долевое участие в проектах
Присутствие флота	Сохранение автономной базы в Средиземноморье	Демонтаж символов иностранного контроля	Совместные тренировочные базы под флагом принимающей стороны
Природные ресурсы	Подтверждение лицензий на добычу фосфатов и газа	Ревизия и возможная национализация активов	Пересмотр налоговых ставок при сохранении лицензий

Впрочем, полный разрыв невыгоден никому. В конце августа 2026 года состоялись телефонные переговоры на высшем уровне. Стороны подтвердили готовность развивать торгово-экономические связи и подчеркнули важность августовского меморандума [10]. Сирия остро нуждается в энергоресурсах и технологиях базового восстановления. Предположительно, именно сырьевой экспорт станет новой точкой опоры для двусторонних контактов, заменив собой фактор военной защиты (см. таблицу 2).

Как отмечает М. Х. Аль-Ахмар Загер, «...дальнейшее развитие российско-сирийских отношений будет определяться сочетанием исторически сложившегося потенциала сотрудничества и актуальных геополитических вызовов» [1].

Далее с опорой на проводимый анализ сформулируем прикладные рекомендации. Их основное назначение – концептуальная адаптация российской дипломатии к условиям утраты абсолютного политического контроля в Леванте. Новизна предлагаемого ниже подхода состоит в полном смещении фокуса (от попыток «реставрации» былого военно-стратегического доминирования к ситуативному логистическому прагматизму). Излагаемые шаги призваны решить острую проблему правовой и операционной уязвимости присутствия на нестабильных территориях (рис. 1).

Рис. 1. Направления адаптации дипломатии РФ к реалиям утраты абсолютного политического контроля в Леванте (составлено автором)

Рассмотрим перечисленные на представленной выше схеме меры более подробно.

Так, перевод аэродрома Хмеймим в статус объекта совместного ведения резко повышает риски случайного либо преднамеренного блокирования военных рейсов. Необходимо срочное развитие альтернативных авиационных коридоров. Разумно предположить использование воздушных гаваней лояльных государств Северной Африки (к примеру, Алжира). Это купирует зависимость от настроений в Дамаске.

В свою очередь, проблема «старых долгов» сдерживает переговорный фон. Целесообразным видится учредить двустороннюю торгово-инвестиционную комиссию по конвертации сирийских государственных обязательств в товарные квоты. Рассматриваемый механизм поможет легально обойти требования о прямом списании долга и защитит имущественные права отечественного бизнеса, который работает в добывающем секторе.

Многолетняя практика доказала ошибочность ставки исключительно на одного конкретного лидера или узкий клан. По-видимому, МИД РФ должен форсировать институционализацию связей. Требуется расширение прямых контактов с профильными министерствами, торгово-промышленными палатами, региональными советами Сирии. Это важно, чтобы исключить эффект «внезапного обрушения» при очередном витке политического кризиса.

Заключение

Смена политической реальности в Сирийской Арабской Республике, которая случилась в декабре 2024 года, не означала автоматического завершения двустороннего диалога. Впрочем, она закрыла историческую эпоху одностороннего патронажа. Полученные в ходе анализа результаты демонстрируют, что переходная администрация действует в высшей степени прагматично. Она последовательно стремится максимизировать свои суверенные права и экономические выгоды, грамотно избегая при этом жесткой, разрушительной конфронтации.

Подписание Меморандума о взаимопонимании 9 августа 2026 года послужило юридическим закреплением сформировавшегося хрупкого равновесия. В документе закрепляется вынужденное от-

ступление от жестких принципов экстерриториальности. Инфраструктура Хмеймима и Тартуса неотвратно трансформируется в объекты совместного управления, где гражданские терминалы возвращаются в национальный экономический оборот.

Научное значение статьи состоит в концептуализации транзакционной модели взаимодействия крупной державы с государством, только что пережившим слом правящего режима. Показано, что сохранение стратегических позиций в подобных условиях напрямую зависит от дипломатической маневренности.

В отличие от предыдущих подходов, при которых ближневосточная политика привычно рассматривалась сквозь призму глобального блокового противостояния, современная конъюнктура требует скрупулезного микроанализа локальных запросов новых элит. На основании отмеченного подчеркнем, что выявленные тенденции несут в себе высокую практическую ценность. Изложенные выводы могут быть напрямую применены в аналитической работе профильных министерств при формировании гибких стратегий работы в макрорегионе MENA. В частности, результаты будут полезны для разработки превентивных дипломатических мер в странах с повышенными рисками политической турбулентности.

Дальнейшие научные изыскания уместно сориентировать на детальное изучение логистических последствий указанных сирийских преобразований. Реорганизация средиземноморского узла непременно повлияет на проекцию силы на всем Африканском континенте. Подытожим, что вся архитектура безопасности на южном фланге нуждается в инновационных механизмах страховки. Выстроенная в 2026 г. система коммуникаций пока остается уязвимой. Она, несомненно, потребует непрерывного переговорного сопровождения, чуткого мониторинга в сочетании с постоянной готовностью к болезненным, но необходимым компромиссам.

Литература

- Аль-Ахмар Загер, М. Х. Генезис и современное состояние российско-сирийских отношений / М. Х. Аль-Ахмар Загер // Вопросы политологии. – 2026. – Т. 16, № 1(125). – С. 276-289. – DOI 10.35775/PSI.2025.125.1.032. – EDN KTWYYJ.
- Ахмедов, В. М. Сирийский вектор ближневосточной политики СССР и России / В. М. Ахмедов // Исторический вестник. – 2025. – Т. 55. – С. 162-203. – DOI 10.35549/HR.2025.2025.55.001. – EDN WWPQSW.
- Егорова, Л. И. Проблемы и перспективы экономической безопасности взаимодействия России и Сирии в современных условиях трансформации сирийской власти / Л. И. Егорова, Х. Ахмад // Экономика: теория и практика. – 2025. – № 1(77). – С. 51-54. – DOI 10.31429/2224042X_2025_77_51. – EDN UOLFUX.
- Мардасов, А. Г. Российские военные базы в Сирии в условиях смены власти / А. Г. Мардасов // Конфликтология / Nota Bene. – 2026. – № 1. – С. 181-195. – DOI 10.7256/2454-0617.2026.1.77980. – EDN AEXMFH.
- Меморандум о базах России в Сирии // URL: <https://mosregdata.ru/article/memorandum-russian-bases-syria> (дата обращения: 28.08.2026).
- Новиков, А. Сирия и РФ подписали меморандум о реорганизации российских баз в Хмеймиме и Тартусе / А. Новиков // URL: <https://expert.ru/news/siriya-i-rf-podpisali-memorandum-o-reorganizatsii-rossiyskikh-baz-v-hmeymime-i-tartuse> (дата обращения: 28.08.2026).
- Семенова, Д. А. Динамика вовлеченности России в урегулирование сирийского кризиса и перспективы сохранения российского присутствия в САП / Д. А. Семенова // Вестник Брянского государственного университета. – 2025. – № 1(63). – С. 109-123. – DOI 10.22281/2413-9912-2023-09-01-109-123. – EDN FGEXOX.
- Филаретова, Ю. С. Сирийское урегулирование как одно из ключевых направлений внешнеполитической стратегии России в XXI веке / Ю. С. Филаретова // Россия и современный мир. – 2025. – № 1(126). – С. 100-119. – DOI 10.31249/rsm/2025.01.06. – EDN NXXGWK.
- Putin, Sharaa discuss plans to reorganize Hmeimim, Tartus military bases // URL: <https://www.turkiyetoday.com/region/putin-sharaa-discuss-plans-to-reorganize-hmeimim-tartus-military-bases-3226854?s=1> (дата обращения: 28.08.2026).
- Russian, Syrian presidents discuss plans to reorganize Khmeimim, Tartus military bases // URL:

Prospects for Russian-Syrian relations after the change of power in Syria in 2024
Mansurov T.Z., Zalyaev R.I.

Kazan (Volga Region) Federal University

The rapid collapse of the former power vertical in Damascus at the end of 2024 reshaped the architecture of regional security. The relevance of the study is dictated by the urgent need for conceptual understanding of the geopolitical shift in the Middle East. The long-standing model of strategic patronage has given way to an institutional vacuum. In essence, this required Moscow to rapidly adapt its foreign policy course. The main aim of the work is to analyze the current state and medium-term prospects of interstate dialogue with the transitional Syrian administration. Special focus is directed at the change in the legal status of Russian defense infrastructure. Meanwhile, in the relevant scientific community, there are significant contradictions regarding the stability of Russian positions. In comparison with earlier assessments, where some experts state the inevitable decline of influence due to the loss of extraterritoriality, other authors persistently argue for the possibility of maintaining presence through new trade and commodity schemes. It seems that the truth lies in the realm of situational diplomacy. Based on the results of the analysis, the author came to the conclusion that bilateral contacts have successfully overcome the shock phase, transforming into a purely transactional dialogue. The signing of the August 2026 Memorandum legally recorded the forced abandonment of monopoly control over coastal facilities in favor of joint centers. It is summarized that the preservation of assets today directly depends on maneuverability and readiness for painful compromises. The presented results will be useful to political scientists, conflictologists, and employees of relevant agencies in developing preventive strategies in the unstable environment of the macro-region.

Keywords: Middle East, foreign policy, diplomatic transit, logistical pragmatism, Russian-Syrian relations, Syrian crisis, Tartus, Khmeimim, extraterritoriality.

References

1. Al-Akhmad Zager, M.Kh. Genesis and current state of Russian-Syrian relations / M.Kh. Al-Akhmad Zager // *Political Science Issues*. – 2026. – Vol. 16, No. 1(125). – Pp. 276-289. – DOI 10.35775/PSI.2025.125.1.032. – EDN KTWYYJ.
2. Akhmedov, V.M. The Syrian vector of the Middle East policy of the USSR and Russia / V.M. Akhmedov // *Historical Bulletin*. – 2025. – Vol. 55. – Pp. 162-203. – DOI 10.35549/HR.2025.2025.55.001. – EDN WWPQSW.
3. Egorova, L.I. Problems and prospects of economic security of interaction between Russia and Syria in the current conditions of transformation of Syrian power / L.I. Egorova, H. Ahmad // *Economics: Theory and Practice*. – 2025. – No. 1(77). – Pp. 51-54. – DOI 10.31429/2224042X_2025_77_51. – EDN UOLFUX.
4. Mardasov, A.G. Russian military bases in Syria amid the change of power / A.G. Mardasov // *Conflictology / Nota Bene*. – 2026. – No. 1. – Pp. 181-195. – DOI 10.7256/2454-0617.2026.1.77980. – EDN AEXMFH.
5. Memorandum on Russian bases in Syria // URL: <https://mosregdata.ru/article/memorandum-russian-bases-syria> (accessed: 08/28/2026).
6. Novikov, A. Syria and the Russian Federation signed a memorandum on the reorganization of Russian bases in Khmeimim and Tartus / A. Novikov // URL: <https://expert.ru/news/siriya-i-rf-podpisali-memorandum-o-reorganizatsii-rossiyskikh-baz-v-hmeymime-i-tartuse> (accessed: 08/28/2026).
7. Semenova, D.A. Dynamics of Russia's involvement in the settlement of the Syrian crisis and prospects for maintaining Russian presence in the SAR / D.A. Semenova // *Bulletin of Bryansk State University*. – 2025. – No. 1(63). – Pp. 109-123. – DOI 10.22281/2413-9912-2023-09-01-109-123. – EDN FGEROX.
8. Filaretova, Yu.S. Syrian settlement as one of the key directions of Russia's foreign policy strategy in the 21st century / Yu.S. Filaretova // *Russia and the Modern World*. – 2025. – No. 1(126). – Pp. 100-119. – DOI 10.31249/rsm/2025.01.06. – EDN NXXGWK.
9. Putin, Sharaa discuss plans to reorganize Hmeimim, Tartus military bases // URL: <https://www.turkiyetoday.com/region/putin-sharaa-discuss-plans-to-reorganize-hmeimim-tartus-military-bases-3226854?s=1> (accessed: 08/28/2026).
10. Russian, Syrian presidents discuss plans to reorganize Khmeimim, Tartus military bases // URL: <https://armenpress.am/en/article/1258922> (accessed: 08/28/2026).

Трансформация системы союзов США в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте распределения оборонного бремени

Полысалов Герман Юрьевич

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
german.german.1.1.1@mail.ru

США адаптируют подходы к сдерживанию КНР на фоне стремительного наращивания военного потенциала Пекина. Помимо трансформации традиционной для Вашингтона модели «ступицы и спиц» и ее постепенного замещения сетевой архитектурой регионального взаимодействия, в американских стратегических документах закрепляется распределение оборонного бремени с ключевыми партнерами и союзниками. Цель исследования заключается в выявлении закономерностей и этапов практического распределения оборонной нагрузки США в Азии, предшествовавшего его концептуализации в Стратегии национальной безопасности (2025 г.) и Национальной оборонной стратегии США (2026 г.). Эмпирическую базу исследования составили Стратегия национальной безопасности Японии (2022 г.), Национальная оборонная стратегия Австралии (2024 г.), австралийская оборонно-инвестиционная программа, а также официальные соглашения, пресс-релизы и заявления министерств обороны и иностранных дел стран ИТР, предприятий военно-промышленного, судостроительного и судоремонтного секторов. Методологическую базу исследования составили системный и сравнительный анализ, а также методы кейс-стади, контент-анализа и синтеза. В ходе работы были выявлены ключевые этапы и механизмы практического распределения оборонной нагрузки в ИТР. Доказано, что процесс переноса оборонного бремени Вашингтона на региональных союзников перешел в фазу активной практической реализации за несколько лет до его официальной концептуализации в американских стратегических документах середины 2020-х годов. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов и фактологического материала в экспертно-аналитической деятельности и академической среде для прогнозирования рисков и сценариев трансформации системы безопасности в ИТР.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, система союзов США, модель «ступицы и спиц», распределение оборонного бремени, сетевая безопасность, военно-техническое сотрудничество, военно-промышленный комплекс.

Введение

Архитектура безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), сформировавшаяся в эпоху холодной войны, традиционно опиралась на американскую систему «ступицы и спиц» [7]. В рамках данной модели, заложившей основу Сан-Францисского порядка в Азии, Вашингтон выступал в качестве центрального узла («ступицы»), замкнувшего на себя сеть обособленных двусторонних военно-политических альянсов с Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Австралией и Таиландом («спицами») [2]. Двусторонняя изоляция «спиц» друг от друга исключала возможность формирования автономных региональных коалиций, превращая их взаимодействие в замкнутую асимметричную структуру. Подобная конфигурация гарантировала Соединенным Штатам исключительный контроль над региональной повесткой и позволяла определять ключевые направления внешнеполитических курсов своих младших партнеров [5], обеспечивая Вашингтону статус безальтернативного гаранта безопасности.

Однако постепенное качественное изменение баланса сил в регионе, вызванное масштабной и долгосрочной модернизацией оборонного потенциала КНР, сделало удержание этой классической вертикали стратегически неподъемным для Вашингтона. Нарастающий рост военно-морских и ракетных возможностей НОАК лишил США прежнего абсолютного доминирования в регионе [4].

Именно смещение фокуса геополитического соперничества привело к последующей концептуализации пространства Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). В этих условиях Вашингтон инициировал глубокую перестройку региональной архитектуры союзов. Этот процесс направлен на внедрение «сетевого» принципа организации межгосударственного взаимодействия внутри ИТР и распределение оборонного бремени США путем делегирования части военных функций региональным партнерам [3]. Практическим выражением данной стратегии стало форсированное создание многосторонних и минилатеральных форматов взаимодействия, в частности, трехстороннего оборонного партнерства AUKUS и четырехстороннего диалога по безопасности QUAD.

Несмотря на членство в QUAD, отечественные исследователи зачастую характеризуют Индию как ограничивающий фактор для американских военных инициатив, указывая на ее приверженность стратегической автономии [1]. Согласно выводам ряда авторов, Индия, сохраняя приверженность традиционному курсу неприсоединения со времен холодной войны, стремится сохранить независимость и не пойдет на создание военно-политического союза, который будет накладывать на нее обязательства, проводя прагматичную и ориентированную на результат внешнюю политику, но и не выступит на стороне КНР [6].

Однако подобная оценка Индии, равно как и роли других государств региона в системе стратегического соперничества США с Китаем, представляется неполной и требует концептуального переосмысления.

Практические механизмы и этапы распределения оборонной нагрузки в Индо-Тихоокеанском регионе

Несмотря на отсутствие взаимных оборонных обязательств между Вашингтоном и Нью-Дели и подчеркнутую невоенный формат объединения QUAD, Индия не выступает «ограничивающим фактором» для американских инициатив в области безопасности ИТР, вопреки устоявшемуся в академических исследованиях мнению. Напротив, в условиях сетевой трансформации вовлечение Нью-Дели в архитектуру сдерживания КНР реализуется не через союзы и блоки, а на военно-техническом и инфраструктурном уровнях.

Практическим подтверждением этого сдвига стал период 2023–2024 гг., когда Индия открыла свои верфи для обслуживания американского военно-морского флота, де-факто приняв на себя часть функций его тылового обеспечения. В 2023 г. были заключены соглашения с компаниями Larsen & Toubro [10] и Mazagon Dock Shipbuilders. Годом позже право ремонтировать корабли ВМС США получила крупнейшая государственная верфь Cochin Shipyard Limited (CSL) в Кочи [13].

Продолжая логику сетевого взаимодействия, направленного на выстраивание горизонтальных связей между партнерами в обход классической модели «ступицы и спиц», необходимо рассмотреть траекторию военно-технического сотрудничества Индии и Филиппин [9]. В данном контексте береговую оборону филиппинского архипелага и развернутых на его территории американских военных объектов существенно усиливает закупка Манилой индийских сверхзвуковых противокорабельных ракетных комплексов BrahMos. Способность данной ракеты развивать маршевую скорость до 2,5-2,8 чисел Маха при дальности пуска до 300 км делает её перехват современными системами ПВО КНР крайне сложной задачей.

Подобная внешняя кооперация активно поощряется Вашингтоном, поскольку США стратегически выгодно появление в регионе автономного центра силы, способного насыщать ИТР современным ракетным вооружением без прямого задействования мощностей американского ВПК. Это не только высвобождает мощности американской промышленности на восполнение собственных ракетных запасов, но и лишает Пекин возможности напрямую обвинять Соединенные Штаты в эскалации регионального кризиса. На текущий момент первая батарея комплексов BrahMos развернута в провинции Замбалес на специально возведенном под эти задачи военном объекте.

Другим примером выстраивания горизонтальных связей между «спицами» и одновременного принятия региональными игроками ответственности за собственную безопасность выступает траектория взаимодействия Филиппин и Японии. Данное сближение не носит конъюнктурного характера, а представляет собой последовательный процесс сетевой интеграции.

Ключевым элементом этой архитектуры стал запуск Токио в апреле 2023 г. принципиально нового механизма внешней политики - программы официальной помощи в области безопасности (Official Security Assistance - OSA) [12]. В перечень первых приоритетных получателей данной поддержки на начальном этапе были включены Филиппины, Малайзия, Бангладеш и Фиджи. В рамках практической реализации OSA Япония осуществила поставку Маниле береговых РЛС, усилив оборонительный потенциал государства, вовлеченного в острые территориальные споры с КНР в акватории Южно-Китайского моря.

Развитием двусторонних отношений стало подписание в конце 2023 г. меморандума о сотрудничестве береговых охран Японии и Филиппин, заложившего основу для заключения Соглашения о взаимном доступе (Reciprocal Access Agreement - RAA). Оно закрепило возможность взаимного размещения воинских контингентов на территории обеих стран. Филиппинский Сенат ратифицировал этот документ в декабре 2024 г., а в июне 2025 г. процедуру одобрения полностью завершил японский парламент, что обеспечило официальное вступление оборонного пакта в силу 11 сентября 2025 года [14].

Наконец, последовательный демонтаж экспортных ограничений Японии, начатый в декабре 2023 г., привел к исторической отмене в апреле 2026 г. многолетнего запрета на экспорт летального вооружения.

Данное обстоятельство меняет потенциал программы OSA и закладывает юридическую основу для перехода к принципиально новому этапу сотрудничества. Отныне Токио может поставлять партнерам не только средства мониторинга и логистики, но и полноценные ударные комплексы, что окончательно превращает формат ограниченного технического содействия в инструмент масштабного военного оснащения дружественных государств региона.

Особенно актуальным это становится на фоне модернизации национальных систем вооружения Японии. В частности, речь идет о принятии на вооружение берегового ракетного комплекса на базе модернизированной противокорабельной ракеты «Тип-12» (Type 12), чья дальность стрельбы была увеличена до 1000 км (против 200 км у базовой версии). Кроме того, фактором качественного усиления японского потенциала выступает начало развертывания гиперзвукового планирующего снаряда (HVGP - Hyper Velocity Gliding Projectile), как он классифицируется в официальных документах Сил самообороны Японии. Однако на деле данный комплекс является полноценной баллистической ракетой с гиперзвуковым боевым блоком. Подобные шаги знаменуют собой принятие Японией прямой ответственности за собственную безопасность, что впервые зафиксировано в Стратегии национальной безопасности 2022 года. В данном документе Токио официально закрепил за собой право на обладание «потенциалом контрудара».

Все перечисленное приобретает особое значение в контексте официальной позиции японской стороны, согласно которой территориальные притязания Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях рассматриваются как взаимосвязанные угрозы, требующие формирования единой сетевой архитектуры сдерживания.

Другим примером участия в распределении оборонного бремени выступает позиция Австралии. Согласно Национальной оборонной стратегии 2024 года (National Defence Strategy), официальная Канберра закрепила за собой статус стратегического тыла и одновременно передового плацдарма США и их партнеров в долгосрочном противостоянии с КНР [15]. В рамках реализации данного курса руководство страны запустило «Комплексную инвестиционную программу» (Integrated Investment Program), предусматривающую выделение десятков миллиардов долларов на модернизацию инфраструктуры своих северных регионов. Создаваемые там военные объекты по своим масштабам существенно превышают операционные потребности национальной армии и изначально ориентированы на обеспечение коалиционных сил, в частности, на размещение американских контингентов.

За четыре года до официального объявления «Комплексной инвестиционной программы» на военно-морской базе «Кунавара» (г. Дарвин) было начато строительство причала «Куру», завершенное в 2024 г. Его габариты позволяют принимать крупнейшие корабли ВМС Австралии наравне с тяжелыми авианосцами союзных государств. Практическим подтверждением данных возможностей стали визиты итальянского авианосца ITS Cavour в 2024 г. и британского HMS Prince of Wales в 2025 г.

В дополнение к развитию военной инфраструктуры, важнейшим измерением участия в распределении оборонного бремени стала суверенизация оборонно-промышленного потенциала Австралии. Этот процесс реализуется через государственную программу Sovereign Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise (GWEO) [8], о создании которой было впервые объявлено в марте 2021 г. Направленная на локализацию выпуска управляемого оружия и создание независимых цепочек поставок в условиях региональной нестабильности, данная инициатива уже дала осязаемые результаты.

Так, в сентябре 2024 г. состоялось открытие первого завода компании Kongsberg Defence Australia в Аделаиде по выпуску пусковых установок. К маю 2025 г. предприятие Aerobond успешно выпустило партию транспортно-пусковых контейнеров для противокорабельных ракет NSM. Дополнением этой инфраструктуры выступает создание в Австралии мощностей по финальной сборке и обслуживанию ракетного вооружения: 6 декабря 2024 года состоялась торжественная церемония закладки фундамента специализированного завода Kongsberg в Ньюкасле. Также ключевым шагом в реализации данной стратегии стало открытие 5 декабря 2025 года завода корпорации Lockheed Martin в Порт-Уэйкфилде - единственного за пределами США мирового центра сборки управляемых реактивных снарядов GMLRS и транспортно-пусковых контейнеров к ним [11].

Параллельно с созданием производственной базы вооружений логика распределения оборонного бремени охватила и сферу передового технического обслуживания коалиционных морских сил. На западном побережье континента правительство Австралии осуществляет развитие промышленного комплекса «Хендерсон» как центра технического обслуживания и крупнейшего в регионе комплекса сухих доков. Данный объект предназначен для капитального ремонта американских и британских субмарин, действующих в акватории Индийского океана. Проект оборонного кластера был анонсирован в октябре 2024 г., а в сентябре 2025 г. на его модернизацию из национального бюджета было официально выделено до 12 млрд австралийских долларов (около 8 млрд долларов США).

Заключение

Проведенный анализ доказывает, что ключевые союзники Вашингтона, такие как Индия, Япония и Австралия, активно участвуют в распределении оборонного бремени США. Этот процесс реализуется не через создание классических военных блоков, а на инфраструктурном и военно-промышленном уровнях.

Практические шаги, включая открытие индийских верфей для обслуживания американского военно-морского флота, экспорт ракетных комплексов на Филиппины, развитие ракетных технологий Сил самообороны Японии и модернизацию австралийского ВПК, пе-

решили в фазу активной реализации за несколько лет до их официального закрепления в таких стратегических документах Вашингтона, как Стратегия национальной безопасности (2025 г.) и Национальная оборонная стратегия США (2026 г.).

Литература

1. Бабаев К. В. Вся «Индо-Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16, № 1. С. 107-127.
2. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). М. : Конверт- МОНФ, 1997. 352 с.
3. Богданов А. Н. Механизмы вовлеченности США в Индо-Тихоокеанском регионе: альянсы, партнёрства и мультилатерализм // Россия и АТР. 2025. № 2. С. 27-49.
4. Наварро П., Отри Г. Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом - Глобальный призыв к действию. М. : Синосфера, 2017. 372 с.
5. Стрельцов Д. В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М. : Наука - Вост. лит., 2015. 279 с.
6. Эпштейн В. А., Коротченко А. А. Америкоцентричная система «оси и спиц» как реакция на усиление позиций КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Современные востоковедческие исследования. 2025. Т. 7, № 1. С. 166-178.
7. Cha V. D. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia. Princeton : Princeton University Press, 2016. 248 p.
8. Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise [Электронный ресурс] // Australian Government Department of Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/business-industry/industry-capability-programs/guided-weapons-explosive-ordnance-enterprise> (дата обращения: 09.06.2026).
9. India delivers first batch of BRAHMOS missiles to Philippines [Электронный ресурс] // BrahMos Aerospace. URL: <https://www.brahmos.com/bramos-in-media/114> (дата обращения: 20.05.2026).
10. L&T Signs Master Ship Repair Agreement with U.S. Navy [Электронный ресурс] // Larsen & Toubro. URL: <https://www.larsentoubro.com/pressreleases/2023/2023-07-11-lt-signs-master-ship-repair-agreement-with-us-navy> (дата обращения: 20.05.2026).
11. Lockheed Martin Commences Missile Assembly at Port Wakefield Facility [Электронный ресурс] // Lockheed Martin Australia. 2025. URL: <https://lockheedmartinau.mediaroom.com/index.php?s=2429&item=122714> (дата обращения: 05.06.2026).
12. Official Security Assistance (OSA) [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page4e_001366.html (дата обращения: 17.05.2026).
13. Peri D. Cochin Shipyard signs ship repair agreement with U.S. Navy [Электронный ресурс] // The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/cochin-shipyard-signs-ship-repair-agreement-with-us-navy/article68044085.ece> (дата обращения: 20.05.2026).
14. PH-Japan military access pact enters into force [Электронный ресурс] // Philippine News Agency. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1258490> (дата обращения: 17.05.2026).
15. 2024 National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program [Электронный ресурс] // Australian Government Department of Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (дата обращения: 05.06.2026).

Transformation of the US Alliance System in the Indo-Pacific in the Context of Defense Burden-Sharing

Polisalov G.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The United States is adapting its approaches to deterring the PRC against the backdrop of Beijing's rapid military build-up. In addition to transforming Washington's traditional hub-and-spoke model and gradually replacing it with a networked architecture of regional interaction, US strategic documents formalize the defense burden-sharing with key partners and allies. The purpose of the study is to identify the patterns and stages of the practical distribution of the US defense workload in Asia, which preceded its conceptualization in the National Security Strategy (2025) and the National Defense Strategy of the United States (2026). The empirical baseline of the research comprises the National Security Strategy of Japan (2022), the National Defence Strategy of Australia (2024) and its Integrated Investment Program (IIP), as well as official agreements, press releases, and statements by ministries of defense and foreign affairs of the Indo-Pacific nations, alongside military-industrial, shipbuilding, and ship-repair enterprises, documenting practical steps toward redistributing Washington's defense load. The methodological framework consists of systemic and comparative analysis, along with case study, content analysis, and synthesis methods. The study identifies key stages and mechanisms for the practical distribution of the defense workload in the Indo-Pacific. It is demonstrated that the process of transferring Washington's defense burden onto regional allies entered the phase of active practical implementation several years before its official conceptualization in the US strategic documents of the mid-2020s. The practical significance of the study lies in the utility of its findings and factual material for expert analytical activities and the academic community to forecast risks and scenarios regarding the transformation of the Indo-Pacific networked security architecture.

Keywords: Indo-Pacific region, US alliance system, hub-and-spoke model, defense burden-sharing, networked security, military-technical cooperation, military-industrial complex.

References

1. Babaev K. V. The Whole "Indo-Pacific" Host: The US System of Military-Political Alliances in the Indian and Pacific Oceans // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2023. Vol. 16, no. 1. P. 107-127.
2. Bogaturov A. D. Great Powers in the Pacific: History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995). Moscow : Konvert- MONF, 1997. 352 p.
3. Bogdanov A. N. Mechanisms of US Engagement in the Indo-Pacific Region: Alliances, Partnerships and Multilateralism // Rossiya i ATR. 2025. No. 2. P. 27-49.
4. Navarro P., Autry G. Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action. Moscow : Sinosphera, 2017. 372 p.
5. Streltsov D. V. Japan's Foreign Policy Priorities in the Asia-Pacific Region. Moscow : Nauka - Vost. lit., 2015. 279 p.
6. Epstein V. A., Korotchenko A. A. The American-Centric "Hub and Spokes" System as a Reaction to the Strengthening of the PRC's Positions in the Indo-Pacific Region // Modern Oriental Studies. 2025. Vol. 7, no. 1. P. 166-178.
7. Cha V. D. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia. Princeton : Princeton University Press, 2016. 248 p.
8. Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise [Electronic resource] // Australian Government Department of Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/business-industry/industry-capability-programs/guided-weapons-explosive-ordnance-enterprise> (date of access: 09.06.2026).
9. India delivers first batch of BRAHMOS missiles to Philippines [Electronic resource] // BrahMos Aerospace. URL: <https://www.brahmos.com/bramos-in-media/114> (date of access: 20.05.2026).
10. L&T Signs Master Ship Repair Agreement with U.S. Navy [Electronic resource] // Larsen & Toubro. URL: <https://www.larsentoubro.com/pressreleases/2023/2023-07-11-lt-signs-master-ship-repair-agreement-with-us-navy> (date of access: 20.05.2026).
11. Lockheed Martin Commences Missile Assembly at Port Wakefield Facility [Electronic resource] // Lockheed Martin Australia. URL: <https://lockheedmartinau.mediaroom.com/index.php?s=2429&item=122714> (date of access: 05.06.2026).
12. Official Security Assistance (OSA) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page4e_001366.html (date of access: 17.05.2026).
13. Peri D. Cochin Shipyard signs ship repair agreement with U.S. Navy [Electronic resource] // The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/cochin-shipyard-signs-ship-repair-agreement-with-us-navy/article68044085.ece> (date of access: 20.05.2026).
14. PH-Japan military access pact enters into force [Electronic resource] // Philippine News Agency. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1258490> (date of access: 17.05.2026).
15. 2024 National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program [Electronic resource] // Australian Government Department of Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (date of access: 05.06.2026).

Технократический нейтралитет: модель поведения России в региональных кризисах и ее издержки для российско-индийского партнерства

Боднар Игорь Игоревич

аспирант, кафедра государственного и муниципального управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, igorbodnar2013@yandex.ru

В статье проанализирована модель поведения России в региональных кризисах, затрагивающих проекты длительного цикла, обозначенная как технократический нейтралитет: отказ от поддержки сторон внутривнутриполитического конфликта в пользу сохранения проектных обязательств перед государством безотносительно к характеру правящего режима. Модель проверена на двух случаях: политическом кризисе в Бангладеш 2024 года и взаимодействии России с Мьянмой. Показано, что российское поведение в обоих случаях идентично, тогда как последствия для отношений с Индией различаются. Установлено, что источником расхождения выступает не сама модель, а асимметрия интерпретационных рамок: расхождение возникает тогда, когда одна сторона рассматривает ситуацию через проектные обязательства, а другая через призму национальной безопасности. Предложен формат «2+1» как механизм выявления такой асимметрии до наступления кризиса.

Ключевые слова: технократический нейтралитет, управляемая дивергенция, российско-индийские отношения, Бангладеш, Мьянма, формат «2+1»

Введение

Внешиполитическое присутствие России в Южной и Юго-Восточной Азии опирается преимущественно на проекты длительного цикла: сооружение объектов атомной энергетики, поставки и обслуживание вооружений, транспортную инфраструктуру. Обязательства по таким проектам принимаются на сроки, многократно превышающие срок деятельности правительств в странах-партнерах. Отсюда возникает практическая задача, регулярно встающая перед российской дипломатией: как действовать, когда в стране, где реализуется проект, меняется власть или оспаривается ее легитимность.

Задача осложняется присутствием третьей стороны. Значительная часть российских проектов в Южной Азии реализуется в государствах, которые Индия рассматривает как зону своих приоритетных интересов национальной безопасности. Решение российской стороны в такой ситуации оказывается адресовано не только стране реализации проекта, но и партнеру по стратегическому взаимодействию [2].

В настоящей статье выявляется модель, посредством которой российская сторона разрешает указанную задачу, и определяются условия, при которых применение этой модели порождает расхождения с Индией.

Цель исследования – выявление модели, посредством которой российская сторона разрешает задачу сохранения проектных обязательств в условиях внутривнутриполитического кризиса в стране реализации проекта, и определение условий, при которых применение этой модели порождает расхождения с Индией.

Материалы и методы исследования. Сравнительный анализ двух случаев по методу контролируемого сравнения, анализ документов, институциональный анализ. Эмпирическую базу составили межправительственные соглашения, сообщения профильных отраслевых источников, материалы индийских аналитических центров и официальные заявления должностных лиц.

Результаты исследования. Статья содержит в себе несколько разделов. В первом разделе формулируется модель и проводится ее ограничение от смежных понятий. Во втором рассматривается политический кризис в Бангладеш 2024 года. В третьем рассматривается взаимодействие России с Мьянмой, выступающее контрольным случаем. В четвертом объясняется различие последствий двух случаев. В пятом предлагается механизм снижения выявленных издержек.

Модель технократического нейтралитета

Технократический нейтралитет определяется как модель поведения внешнего актора в ситуации внутривнутриполитического кризиса в государстве, где этот актор реализует проект длительного цикла. Содержание модели составляют три элемента: продолжение исполнения проектных обязательств независимо от смены власти, поддержание рабочего контакта со всеми политическими силами, имеющими отношение к управлению страной и отказ от публичной оценки легитимности происходящего.

Модель следует ограничить от трех смежных понятий. От нейтралитета в международно-правовом смысле она отличается тем, что не предполагает воздержания от участия в конфликте между государствами: речь идет о внутривнутриполитическом конфликте и о позиции внешнего экономического оператора. От невмешательства как принципа она отличается наличием положительного содержания: сторона не просто воздерживается от действий, а продолжает исполнять обязательства, что само по себе является формой присутствия. От внешнеполитического прагматизма как общей установки она отличается конкретностью основания: приоритет отдается не выгоде вообще, а сохранению актива с длительным сроком окупаемости.

Последнее различие требует пояснения, поскольку именно оно объясняет воспроизводимость модели. Проект с горизонтом в полтора-два десятилетия создает для внешнего актора набор интересов, в котором издержки приостановки работ превышают выигрыш

от любой политической позиции. Приостановка означает не отсрочку, а утрату вложенных средств, потерю позиции на рынке и репутационный ущерб, распространяющийся на другие проекты в других странах. Из такой структуры интересов следует предпочтение работать с государством как таковым, а не с конкретным правительством [13].

Существенно, что модель не является исключительно российской. Она характерна для любого актора, чье присутствие в стране опирается на активы длительного цикла, и далее будет показано, что индийская сторона также применяет ее в сходных обстоятельствах. Российской спецификой выступает не сама модель, а доля таких активов в структуре внешнеполитического инструментария: атомная энергетика и военно-техническое сотрудничество составляют основу российского присутствия в регионе, тогда как инструменты с коротким циклом развиты слабее [5].

Из данного определения становится возможным предположить, что, если модель воспроизводима, поведение российской стороны в разных кризисах указанного типа должно быть одинаковым независимо от характера режима, приходящего к власти, и от отношения к нему третьих сторон. Проверка данного утверждения проводится на двух случаях.

Бангладеш 2024: применение модели и возникновение расхождения

Политический кризис в Бангладеш 2024 года создал для России ситуацию, точно соответствующую описанным условиям. В стране реализуется сооружение атомной электростанции «Руппур» с двумя энергоблоками ВВЭР-1200 суммарной мощностью 2400 МВт, генеральный контракт по которому был подписан в 2015 году [1]. Смена власти в Дакке привела к приходу политических сил, отношения которых с Нью-Дели складывались конфликтно.

Российское поведение соответствовало модели по всем трем элементам. Работы на площадке не приостанавливались: к концу 2025 года станция готовилась к получению разрешения регулятора на пуск первого энергоблока, а в апреле 2026 года состоялся его запуск [1; 4]. Рабочий контакт с новым правительством был сохранен, включая согласование финансовых и временных рамок проекта. Публичная оценка смены власти российской стороной не давалась.

Индийская сторона исходила из иной постановки вопроса. Бангладеш рассматривается в Нью-Дели через категории национальной безопасности: протяженная сухопутная граница, приграничные штаты с собственными проблемами стабильности, вопросы миграции и трансграничной активности вооруженных групп. В такой рамке смена власти в Дакке представляет собой изменение параметров безопасности, а не изменение политического контекста реализуемого проекта [3; 5].

Расхождение возникло не из-за различия оценок событий, а из-за различия оснований, по которым эти оценки строились. Российская сторона решала задачу сохранения актива, индийская – задачу сохранения безопасности на границе. Обе задачи были решены каждой стороной успешно и независимо друг от друга, однако с индийской точки зрения российское поведение воспринималось как отказ от солидарности в ситуации, где такая солидарность ожидалась.

Отметим, что ожидание солидарности не имело под собой формального основания. Между Россией и Индией отсутствуют обязательства по безопасности, и ни один действующий документ не предусматривает согласования позиций по третьим странам. Ожидание опиралось на характер отношений, а не на их юридическое содержание, и именно поэтому его неисполнение не повлекло формальных последствий, но повлекло издержки в восприятии.

Дальнейшее развитие ситуации подтверждает результативность модели с точки зрения ее собственных задач. После парламентских выборов в Бангладеш в начале 2026 года период политической турбулентности завершился, а условия для продолжения двустороннего взаимодействия с Россией сохранились [4]. Актив, ради сохранения которого модель применялась, был сохранен.

Мьянма: контрольный случай

Взаимодействие России с Мьянмой предоставляет случай, в котором действуют те же условия, но отсутствует один элемент бангладешской конфигурации.

Условия совпадают. В Мьянме у власти находится правительство, легитимность которого оспаривается значительной частью

международного сообщества. Россия имеет с этим правительством долгосрочные обязательства: 4 марта 2025 года в ходе государственного визита руководства Мьянмы в Москву было подписано межправительственное соглашение о принципах сотрудничества в области сооружения атомной электростанции малой мощности [6]. Проект предусматривает мощность станции 110 МВт с возможностью последующего расширения. Публичной оценки внутривнутриполитического устройства страны российской сторона при этом не давала.

Модель применена в полном объеме и в конфигурации, более выраженной, чем в бангладешском случае: если в Бангладеш речь шла о продолжении ранее начатого проекта, то в Мьянме договоренности заключались заново, в отношении правительства с оспариваемой легитимностью.

Отличие состоит в позиции Индии. Индийская сторона в Мьянме руководствуется той же логикой, что и Россия. Мьянма представляет собой сухопутный коридор, связывающий индийские северо-восточные штаты с Юго-Восточной Азией, и через ее территорию проходят проекты, составляющие экономическое содержание индийской политики «Действуй на Востоке»: транспортно-транзитный проект Каладан и трехсторонняя автомагистраль Индия – Мьянма – Таиланд [7]. Индия поддерживала контакт как с военной администрацией, так и с оппозиционными структурами, воздерживаясь от резкой публичной критики, при том что ее приоритетами оставались управление границей, пресечение контрабанды оружия и наркотиков и продвижение проекта Каладан [9].

В конце мая – начале июня 2026 года состоялся государственный визит в Нью-Дели главы правительства Мьянмы, ставший его первой зарубежной поездкой после вступления в должность, и 1 июня прошли переговоры с индийской стороной [7; 10]. Обоснование индийского выбора формулировалось в тех же категориях, что и российское: транзитные маршруты проходят по территории, номинально подконтрольной центральному правительству, и отказ от взаимодействия означал бы приостановку стратегии региональной интеграции на неопределенный срок [10].

Расхождение между Россией и Индией по мьянманскому направлению не зафиксировано. Позиция российской стороны при этом не отличалась от бангладешского сценария ни по одному из трех элементов модели.

Объяснение различия: асимметрия интерпретационных рамок

Сопоставление двух случаев организовано как контролируемое сравнение. Российское поведение выступает постоянной величиной: в обоих случаях применена одна модель. Варьируется индийская позиция: в первом случае ситуация рассматривалась через категории национальной безопасности, во втором через категории проектных обязательств. Варьируется и результат: в первом случае возникло расхождение, во втором нет.

Отсюда следует вывод, уточняющий первоначальное предположение. Технократический нейтралитет сам по себе не является источником расхождений между Россией и Индией. Источником выступает асимметрия интерпретационных рамок: расхождение возникает тогда, когда одна сторона рассматривает ситуацию в третьей стране через проектные обязательства, а другая через категории национальной безопасности. При совпадении рамок применение той же модели последствий для двусторонних отношений не имеет.

Вывод объясняет наблюдаемое распределение расхождений в российско-индийских отношениях. Проблемные стороны сосредоточены не там, где российская политика наиболее активна, а там, где индийская сторона руководствуется вопросами безопасности: в непосредственном сухопутном окружении Индии и в вопросах, связанных с Пакистаном. Юго-Восточная Азия, где российское присутствие сопоставимо по интенсивности, источником расхождений не является [8; 11].

Вывод имеет и практическое следствие. Издержки применения модели возникают не из содержания российской позиции, которое остается неизменным, а из несовпадения рамок, о котором стороны узнают в момент кризиса. Ни одна из сторон при этом не меняет своего поведения: Россия не может приостановить проект, Индия не может отказаться от вопросов безопасности применительно к сопредельному государству. Управляемым является не выбор позиции, а момент выявления расхождения.

Указанное следствие определяет направление, в котором может быть найден механизм снижения издержек. Механизм должен

обеспечивать выявление асимметрии рамок до наступления кризиса, а не согласование позиций в ходе него.

Формат «2+1» как механизм выявления асимметрии

Формат «2+1» предполагает регулярные трехсторонние консультации с участием России, Индии и третьего государства, на территории которого обе стороны имеют интересы. Предлагаемое назначение формата отличается от назначения, обычно приписываемого трехсторонним площадкам: он предназначен не для выработки согласованной позиции, а для установления того, в какой рамке каждая из сторон рассматривает данное государство.

Различие существенно. Согласование позиций по третьим странам между Россией и Индией маловероятно и, по-видимому, не является достижимой целью: рамки сторон определяются их положением в региональной подсистеме, которое не подлежит согласованию. Достижимой целью выступает предсказуемость. Если обеим сторонам заранее известно, что данное государство рассматривается партнером в иной рамке, поведение партнера в кризисной ситуации перестает быть неожиданным и не интерпретируется как отступление от партнерства.

Условия работоспособности формата вытекают из его назначения. Первое: ограничение повестки проектным и экономическим измерением. Вынесение на обсуждение вопросов внутриполитической легитимности сделало бы формат неработоспособным, поскольку именно по ним позиции несомнимы. Второе: регулярность вне зависимости от наличия кризиса, поскольку назначение формата состоит в предварительном выявлении расхождений, а не в их урегулировании. Третье: отсутствие обязывающих решений по итогам, поскольку принятие обязательств по третьим странам противоречило бы принципу стратегической автономии, на который опирается индийская сторона [12].

Стоит отметить ограничения данного формата. Он не устраняет расхождений и не предотвращает их возникновения, а меняет условия, в которых расхождение становится известным сторонам. Кроме того, его учреждение требует согласия третьего государства, для которого участие в трехстороннем механизме с участием двух внешних держав может быть политически затруднительным. Реализуемость предложения тем самым зависит от обстоятельств, находящихся вне двусторонних отношений.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет сформулировать три основных положения.

Во-первых, в региональных кризисах, затрагивающих проекты длительного цикла, Россия воспроизводит модель технократического нейтралитета, содержание которой составляют продолжение исполнения обязательств, сохранение контакта со всеми политическими силами и отказ от публичной оценки легитимности власти. Модель подтверждена на двух случаях, различающихся по характеру конфигурации, и следует из структуры интересов, задаваемой длительностью принятых обязательств.

Во-вторых, модель не является исключительно российской и применяется индийской стороной в похожих условиях, что подтверждается ее позицией в Мьянме. Это опровергает предположение о том, что технократический нейтралитет представляет собой особенность российского внешнеполитического поведения.

Наконец, источником расхождений между Россией и Индией выступает не применение модели, а асимметрия интерпретационных рамок. При совпадении рамок последствий для двусторонних отношений не возникает, при несовпадении расхождение возникает независимо от содержания российской позиции. Управляемому при этом является не выбор позиции, а момент выявления расхождения, что определяет назначение предлагаемого формата «2+1».

Литература

1. АЭС «Руппур»: материалы о ходе сооружения // Атомная энергия 2.0. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/Ruppur> (дата обращения: 18.08.2026).
2. Боднар И. И. Участие России в региональном сотрудничестве в Южной Азии / И. И. Боднар // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 8. – С. 314-325.
3. Захаров А. И. Региональные аспекты российско-индийских отношений / А. И. Захаров // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 6. – С. 109-115.

4. «Росатом» произвел пуск первой атомной электростанции в Бангладеш // Инжиниринговый дивизион госкорпорации «Росатом». – 2026. – 28 апреля. – URL: <https://ase-ec.ru/for-journalists/news/2026/ap/rosatom-proizvel-pusk-pervoy-atomnoy-elektrostantsii-v-bangladesh/> (дата обращения: 18.08.2026).

5. Российско-индийские отношения в широком геополитическом контексте: доклад № 92/2024 / А. В. Кортунов, Т. Саймон и др.; под ред. Ю. Ю. Мельниковой, С. М. Гавриловой. – М.: НП РСМД, 2024. – 52 с.

6. Россия и Мьянма подписали межправительственное соглашение о строительстве атомной станции малой мощности // Атоммедиа. – 2025. – 4 марта. – URL: <https://atommedia.online> (дата обращения: 18.08.2026).

7. Beyond Naypyidaw: India's Myanmar Policy at a Strategic Crossroads // Observer Research Foundation. Expert Speak. – 2026. – 17 June. – URL: <https://www.orfonline.org> (дата обращения: 18.08.2026).

8. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 596 p.

9. EAM Dr S. Jaishankar Says Myanmar Lies at Confluence of India's Three Key Foreign Policy Priorities // News on AIR. – 2026. – 4 March. – URL: <https://www.newsonair.gov.in> (дата обращения: 18.08.2026).

10. Gottschlich P. New Developments in India-Myanmar Bilateral Relations? / P. Gottschlich // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2015. – Vol. 34, no. 2. – P. 139-163.

11. Hall I. Multialignment and Indian Foreign Policy under Narendra Modi / I. Hall // The Round Table. – 2016. – Vol. 105, no. 3. – P. 271-286.

12. O'Donnell F. India's Multi-Alignment Management and the Russia-India-China (RIC) Triangle / F. O'Donnell, M. Papa // International Affairs. – 2021. – Vol. 97, no. 3. – P. 801-822.

13. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose // World Politics. – 1998. – Vol. 51, no. 1. – P. 144-172.

Technocratic neutrality: russia's behavioural model in regional crises and its costs for the russian-indian partnership

Bodnar I. I.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article identifies a model of Russian behaviour in regional crises affecting long-cycle projects, designated as technocratic neutrality: refusal to support any side of a domestic political conflict in favour of preserving project commitments to the state irrespective of the character of the ruling regime. The model is tested against two cases: the political crisis in Bangladesh in 2024 and Russia's engagement with Myanmar. Russian conduct in both cases is shown to be identical, whereas the consequences for relations with India differ. The source of divergence is found to lie not in the model itself but in an asymmetry of interpretive frames: divergence arises when one party views a situation through project commitments while the other views it through categories of national security. The «2+1» format is proposed as a mechanism for identifying such asymmetry before a crisis occurs.

Keywords: technocratic neutrality, managed divergence, Russian-Indian relations, Bangladesh, Myanmar, «2+1» format.

References

1. Rooppur NPP: Materials on the Progress of Construction // Atomic Energy 2.0. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/Ruppur> (date of access: 18.08.2026).
2. Bodnar I. I. Russia's Participation in Regional Cooperation in South Asia / I. I. Bodnar // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – No. 8. – P. 314-325.
3. Zakharov A. I. Regional Aspects of Russian-Indian Relations / A. I. Zakharov // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – No. 6. – P. 109-115.
4. Rosatom Launched the First Nuclear Power Plant in Bangladesh // Engineering Division of Rosatom State Corporation. – 2026. – 28 April. – URL: <https://ase-ec.ru/for-journalists/news/2026/ap/rosatom-proizvel-pusk-pervoy-atomnoy-elektrostantsii-v-bangladesh/> (date of access: 18.08.2026).
5. Russian-Indian Relations in a Broad Geopolitical Context: Report No. 92/2024 / A. V. Kortunov, T. Simon et al.; eds. Yu. Yu. Melnikova, S. M. Gavrilova. – Moscow: RIAC, 2024. – 52 p.
6. Russia and Myanmar Signed an Intergovernmental Agreement on the Construction of a Small Nuclear Power Plant // Atommedia. – 2025. – 4 March. – URL: <https://atommedia.online> (date of access: 18.08.2026).
7. Beyond Naypyidaw: India's Myanmar Policy at a Strategic Crossroads // Observer Research Foundation. Expert Speak. – 2026. – 17 June. – URL: <https://www.orfonline.org> (date of access: 18.08.2026).
8. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 596 p.
9. EAM Dr S. Jaishankar Says Myanmar Lies at Confluence of India's Three Key Foreign Policy Priorities // News on AIR. – 2026. – 4 March. – URL: <https://www.newsonair.gov.in> (дата обращения: 18.08.2026).
10. Gottschlich P. New Developments in India-Myanmar Bilateral Relations? / P. Gottschlich // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2015. – Vol. 34, no. 2. – P. 139-163.
11. Hall I. Multialignment and Indian Foreign Policy under Narendra Modi / I. Hall // The Round Table. – 2016. – Vol. 105, no. 3. – P. 271-286.

Гуманитарное сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в свете структурного конструктивизма А. Вендта

Инь Сымэн

канд. полит. наук, доцент факультета международных отношений, исследователь Института исследований Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков, yansimeng@dlufl.edu.cn,

Фан Сужань

магистр, факультет международных отношений, Даляньский университет иностранных языков, f15764918432@163.com

В статье на основе структурного конструктивизма А. Вендта рассматриваются механизмы и результаты гуманитарного сотрудничества Китая с пятью странами Центральной Азии через формирование общих представлений и идентичности. Показано, что сотрудничество в сфере образования, охраны культурного наследия и СМИ формирует общую систему представлений, ядром которой выступают «дух Шанхая», «дух Шелкового пути» и «сознание сообщества общей судьбы», и способствует изменению идентичности центральноазиатских стран по отношению к Китаю: от «соседних стран» к «стратегическим партнёрам» и «членам сообщества общей судьбы». Сущность сотрудничества заключается в конструировании нормативной структуры, которая через изменение представлений и идентичности переопределяет национальные интересы и логику взаимодействия. Вместе с тем процесс сталкивается с культурным влиянием России, конкуренцией западного дискурса и «дерусификацией». В дальнейшем необходимо развивать институциональные механизмы, молодёжные обмены и дискурсивные инновации для укрепления общих представлений и идентичности.

Ключевые слова: конструктивизм А. Вендта; сотрудничество Китай–Центральная Азия; общие представления; идентичность; сообщество общей судьбы

Введение

В мае 2023 года в Сиане состоялся первый саммит «Китай—Средняя Азия», на котором шесть стран объявили о намерении совместно создавать более тесное сообщество общих интересов «Китай—Средняя Азия»[1]. В июне 2025 года в Астане состоялся второй саммит, в ходе которого главы государств Китая и пяти стран Центральной Азии подписали «Договор о постоянном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан»[2]. Это знаменует собой исторический скачок в отношениях между Китаем и пятью странами Центральной Азии — от добрососедства и дружбы к стратегическому партнерству и далее к сообществу общих судеб[3]. Какую роль в этом процессе играет сотрудничество в области гуманитарных наук? Как оно способствует постоянному углублению отношений между сторонами?

Гуманитарное сотрудничество является относительно новой, но быстро развивающейся областью в исследованиях отношений между Китаем и Центральной Азией. Существующие исследования, посвящённые гуманитарному сотрудничеству между Китаем и пятью странами Центральной Азии, в большинстве своём начинаются с описания политики или анализа интересов, рассматривая гуманитарное сотрудничество как инструмент, способствующий «взаимопониманию народов»[4, с. 145–153.; 5, 1-23; 6, 123–136]. При этом отсутствуют исследования, посвящённые анализу гуманитарного сотрудничества между Китаем и Центральной Азией с точки зрения конструктивистской теории, а также недостаточно теоретических разъяснений таких ключевых конструктивистских механизмов, как конструирование представлений, формирование идентичности и усвоение норм.

Исходя из этого, в данной статье на основе конструктивистской теории Александра Вендта (Alexander Wendt) рассматривается, как сотрудничество в области гуманитарных наук способствует глубокой эволюции отношений между Китаем и пятью странами Центральной Азии от «добрососедства» к «сообществу общих судеб» посредством «конструирования общих представлений» и «формирования идентичности».

Основные положения конструктивизма Александра Вендта

Теория конструктивизма в области международных отношений зародилась в конце 1980-х годов и представляет собой переосмысление и преодоление двух основных рационалистических теорий — неореализма и неолиберализма. «Конструктивисты... уделяют внимание роли в международных отношениях таких слабоматериальных или нематериальных факторов, как «идентичность», «нормы», «представления», «культура и язык»[7, с. 152]. По мнению «структурных конструктивистов», представленных Александром Вендтом, «основой структуры международной системы является распределение представлений (т.е. культура системы), а не распределение материальной силы»[8, с. 113]. Материальные факторы обретают смысл только через общие представления акторов.

Ключевая логика теории Вендта состоит в следующем: взаимодействие акторов формирует нормативную структуру, нормативная структура формирует идентичность акторов, идентичность определяет интересы, а интересы, в свою очередь, определяют поведение государства. Таким образом, сущность международной политики заключается в распределении общих представлений (shared ideas), а не материальной силы. Это открывает новую теоретическую перспективу для исследования гуманитарного сотрудничества: глубинный смысл гуманитарного сотрудничества состоит не в том, сколько иностранных студентов оно привлекает или сколько культурных мероприятий проводится, а в том, что оно изменяет структуру представлений и самоидентификацию акторов, тем самым переопределяя содержание национальных интересов и логику сотрудничества.

Основными переменными конструктивизма Вендта являются общее знание (или культура, shared knowledge), нормативная структура и идентичность. «Так называемое общее знание представляет собой социальное соглашение, включающее правила, стандарты,

Данная статья является результатом исследования молодежного проекта Фонда планирования социальных наук провинции Ляонин 2023 г. «Исследование геополитической игры между Соединенными Штатами и Россией в Центральной Азии и ее влияния на Китай» (Номер проекта: L23CGJ001).

институты, привычки и обычаи; конструктивизм определяет его как общие для акторов в определённой социальной среде понимания и ожидания»[7, с.173]. Оно формируется в процессе длительного взаимодействия и влияет на восприятие сторонами намерений и интересов друг друга. «В определённой степени, чем выше степень обмена знаниями между акторами и чем больше общего знания, тем сильнее их взаимная зависимость»[9, с.141].

Нормативная структура представляет собой социальную структуру, образованную общим знанием; она регулирует поведение государств через процессы социализации, даже если её нормы не имеют юридически обязательного характера. «Взаимодействие между акторами формирует социальную структуру»[10, с.244]. Идентичность (или коллективная идентичность) — это представление актора о том, «кто он есть»; она конструируется в процессе социального взаимодействия и определяет интересы актора и соответствующие им действия.

Гуманитарное сотрудничество как пространство формирования представлений и идентичности

Применив вышеупомянутую теоретическую логику к совместным исследованиям в области гуманитарных наук, можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, сотрудничество в гуманитарной сфере является механизмом формирования общего знания. Такие мероприятия, как обмен в сфере образования, культурное взаимодействие и обмен специалистами, позволяют населению и элите разных стран напрямую общаться и лучше понимать друг друга. В ходе этого процесса формируются, распространяются и накапливаются знания об истории, культуре, обществе и пути развития другой страны, что постепенно приводит к формированию общей системы понимания. Го Хунвэй отмечает: «Взаимопонимание народов — это процесс, в ходе которого страны и народы, расположенные вдоль маршрутов инициативы «Один пояс, один путь», посредством взаимного обмена и сотрудничества, на основе самодисциплины и взаимного доверия, постоянно укрепляют коллективную идентичность друг друга, тем самым создавая сообщество общей судьбы человечества. С конструктивистской точки зрения, взаимопонимание народов представляет собой социальную конструкцию, основанную на представлениях, а также результат практической деятельности стран, расположенных вдоль маршрутов инициативы «Один пояс, один путь»[4, с.145].

Во-вторых, сотрудничество в области культуры является движущей силой изменения нормативно-правовой структуры. Когда культурные обмены становятся достаточно глубокими и устойчивыми, они изменяют нормативно-правовую структуру международной системы — устанавливаются новые нормы сотрудничества, а старые конфронтационные представления утрачивают свою силу. «Шанхайский дух», сформировавшийся в отношениях между Китаем и странами Центральной Азии — «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации, уважение к разнообразию цивилизаций, стремление к общему развитию», — является именно такой региональной нормой, сформированной в результате длительного взаимодействия. Гуманитарные контакты способствуют постепенному проникновению этой нормы с официального уровня в общество, укрепляя её социальную основу.

В-третьих, сотрудничество в области гуманитарных наук является каналом формирования идентичности. Вентер отмечает: «Коллективная идентичность приводит отношения между «я» и «другим» к логическому выводу, а именно к идентификации (identification). Идентификация — это когнитивный процесс, в ходе которого граница между «я» и «другим» стирается, а на стыке возникает полное преодоление. «Я» «включается» в «другого»[9, с.224]. Сотрудничество в области гуманитарных наук как раз и воздействует на этот процесс познания: посредством культурных выставок, образовательных обменов и распространения информации в СМИ оно изменяет представления населения Центральной Азии о Китае, превращая страну из далекого «другого» в близкого «партнера». Когда такое изменение восприятия достигнет определённого уровня, станет возможным сформировать то, что Винтер называет статусом «друга», то есть модель отношений, основанную на взаимном доверии, которая делает ненужными самостоятельные действия в сфере безопасности, а сотрудничество становится естественным выбором.

Таким образом, конструктивизм предоставляет мощный теоретический инструмент для понимания глубинных механизмов гуманитарного сотрудничества. Он не сводит гуманитарное сотрудничество к инструментальным политическим средствам, а рассматривает его как глубокий процесс социального конструирования — посредством изменения представлений, переосмысления идентичности и перестройки интересов гуманитарное сотрудничество коренным образом изменяет характер межгосударственных отношений.

Практические достижения в области гуманитарного сотрудничества между Китаем и пятью странами Центральной Азии. Сотрудничество в сфере образования: от институтов Конфуция до мастерских Лубана

Сотрудничество в сфере образования является наиболее зрелой и заметной областью гуманитарного обмена между Китаем и странами Центральной Азии. Начиная с 1990-х годов Китай последовательно подписывал соглашения о сотрудничестве в сфере образования с пятью странами Центральной Азии, что обеспечило институциональные гарантии двустороннего сотрудничества.

Институты Конфуция являются знаковым достижением в области сотрудничества в сфере образования. Центральная Азия — один из первых регионов, где были открыты Институты Конфуция. В 2004 году в Ташкенте (Узбекистан) при Ташкентском государственном университете востоковедения был открыт первый в мире Институт Конфуция[11]. В настоящее время в Центральной Азии насчитывается 13 институтов Конфуция: 5 в Казахстане, 4 в Кыргызстане, по 2 в Узбекистане и Таджикистане. За более чем двадцать лет институты Конфуция в странах Центральной Азии провели в общей сложности более 17 тысяч курсов различного профиля, обучив в общей сложности свыше 300 тысяч человек, а экзамены HSK сдали более 134 тысяч человек[12]. Институты Конфуция стали важной платформой для обмена в области образования и гуманитарного сотрудничества между Китаем и зарубежными странами и имеют далеко идущее значение для построения более тесного сообщества общих интересов Китая и стран Центральной Азии. «По случаю 30-летия установления дипломатических отношений между Китаем и странами Центральной Азии... китайская сторона также планирует предоставить пяти странам Центральной Азии 1200 мест по стипендиальной программе правительства Китая и уделить приоритетное внимание открытию новых Институтов Конфуция и классов Конфуция в Центральной Азии»[13, с.10].

Мастерские Лубана стали новой яркой чертой сотрудничества в сфере образования в последние годы. В настоящее время в Центральной Азии насчитывается 4 мастерские Лубана: в 2022 году в Таджикистане была введена в эксплуатацию мастерская Лубана, в которой совместно обучают по специальностям «Технологии использования тепловой энергии в городах» и «Инженерная геодезия»[14]; В 2023 году в Казахстане начал работу «Мастерская Лубана», в которой основное внимание уделяется обучению по специальностям, связанным с автомобилестроением[15]; В 2024 году в Узбекистане и Кыргызстане были торжественно открыты мастерские «Лубан»[16]. «Китайская сторона содействует созданию Центра сотрудничества и обмена в сфере образования между Китаем и Центральной Азией, а также платформы профессионального образования, продвигает локализацию проектов «Мастерские Лубана» и способствует интеграции промышленности и образования, а также обмену профессиональными навыками»[17, с.28]. Проект «Мастерская Лубана», взяв за отправную точку профессиональное образование, внедрил китайские технические стандарты и образовательные концепции в Центральной Азии, что обогатило содержание сотрудничества в сфере образования.

Масштабы обмена иностранными студентами продолжают расширяться. Китай стал одним из основных направлений обучения для студентов из стран Центральной Азии. Например, для Казахстана Китай является вторым по популярности направлением для обучения за рубежом. Согласно официальным данным за 2019 год, число казахстанских студентов, обучающихся в Китае, достигло 14 тысяч человек[18]. Тенденция к переходу студентов из Центральной Азии, обучающихся в Китае, от изучения языка к получению профессионального образования становится всё более заметной: всё больше студентов из Центральной Азии изучают в Китае такие специальности, как инженерные технологии, медицина, экономика и менеджмент.

Сотрудничество в области культурного наследия: от совместных заявок на включение в список Всемирного наследия до совместных археологических раскопок

Сотрудничество в области культурного наследия является ещё одной важной сферой гуманитарного обмена между Китаем и странами Центральной Азии, основной чертой которой является «совместное изучение исторической памяти». В 2014 году совместная заявка Китая, Казахстана и Кыргызстана «Шёлковый путь: сеть дорог коридора Чанъань—Тянь-Шань» была успешно включена в «Список всемирного наследия», в который вошли 22 объекта в Китае, 8 в Казахстане и 3 в Кыргызстане[19]. Это первый в Китае проект по совместной транснациональной заявке на включение в список Всемирного наследия, который положил начало институционализированному процессу совместного сохранения исторической памяти о Великом шелковом пути тремя странами.

Ещё одной важной формой сотрудничества являются совместные археологические раскопки и реставрация культурных ценностей. С 2012 года археологи из Китая и Узбекистана, объединившись в совместную археологическую экспедицию, проводят систематические полевые раскопки в Ферганской котловине и уже провели 8 археологических раскопок на территории древнего города Миндипе, расположенного на территории Узбекистана[20]. Самым известным примером в области реставрации культурных ценностей, безусловно, является участие Китая в реставрации древнего города Шива в Узбекистане — это первый проект сотрудничества Китая в области охраны и реставрации культурного наследия в Центральной Азии в рамках оказания внешней помощи[21]. В 2013 году Узбекистан обратился к Китаю с просьбой об оказании помощи, и китайская сторона взяла на себя основную ответственность за реставрацию Исламского института имени Амира Туры и мечети имени Хасана Мурадодкушбеги[22]. В 2021 году в рамках ШОС Китай подписал с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном «Межправительственное соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области охраны культурного наследия»[23]. В апреле 2023 года в рамках итогов встречи министров иностранных дел «Китай + пять стран Центральной Азии» под руководством Государственного управления по охране культурного наследия Китая был создан Центр сотрудничества в области археологических исследований «Шелкового пути», целью которого является содействие охране культурного наследия и развитию гуманитарного сотрудничества между странами, расположенными вдоль «Шелкового пути», включая пять стран Центральной Азии[24].

Сотрудничество между СМИ и туристической отраслью: от распространения информации до обмена людьми

В сфере сотрудничества со СМИ Китая и страны Центральной Азии добились значительного прогресса в таких областях, как распространение новостей, сотрудничество в сфере кино и телевидения, а также взаимодействие в сфере новых медиа. «В последние годы СМИ обеих сторон укрепили взаимодействие и сотрудничество, расширив обмен информацией и её распространение посредством взаимного обмена журналистами, совместных репортажей и совместного освещения событий»[17, с.28]. Рост числа «виртуальных диалогов» в период пандемии COVID-19 создал новые возможности для укрепления сотрудничества между СМИ обеих сторон.

16 мая 2023 года успешно прошло мероприятие «Высокоуровневый диалог и обмен опытом между СМИ Китая и Центральной Азии», организованное Центральной телерадиовещательной станцией Китая при участии ведущих СМИ пяти стран Центральной Азии, которое открыло новые возможности для обмена и сотрудничества между СМИ Китая и стран Центральной Азии. Кроме того, в рамках мероприятия был представлен проморолик «Связь с Центральной Азией — показ китайских кино- и телепрограмм», который получил широкое освещение в ведущих СМИ стран Центральной Азии и привлёк внимание представителей различных кругов[25]. 17-го числа Центральной телерадиовещательная корпорация и ведущие СМИ пяти стран Центральной Азии официально запустили проект новостного сотрудничества «Прямой путь в Центральную Азию», направленный на укрепление сотрудничества в области обмена новостным контентом, совместного создания сетевой платформы «Новостная горячая линия» и обмена специалистами, что придаст новый импульс и новую динамику процессу построения сообщества общих интересов Китай—Центральная Азия[26].

В июне 2025 года Председатель КНР Си Цзиньпин принял участие во втором саммите «Китай—Средняя Азия» и выступил с программной речью, в которой отметил: «Годы туризма и культуры стран Средней Азии, а также фестивали искусств пользуются большой популярностью в Китае; китайские кино- и телевизионные произведения, такие как «Любовь к горам и морю» и «Мой Алтай», стали хитами в Средней Азии; успешно запущены гуманитарно-туристические поезда «Китай—Средняя Азия»[27]. Ведущие китайские СМИ готовят программы на национальных языках стран Центральной Азии, способствуя их трансляции в регионе. Государственное управление по делам радио, кино и телевидения Китая уделяет особое внимание развитию аудиовизуального обмена с такими странами Центральной Азии, как Казахстан и Таджикистан. Более 90 произведений, в том числе сериал «Любовь к горам и морю», были показаны в странах Центральной Азии, что способствовало культурному обмену между народами Китая и пяти стран Центральной Азии и изменило сложившуюся на протяжении долгого времени структуру информационного пространства, в которой доминировал русский язык[27].

Сотрудничество в сфере туризма между Китаем и пятью странами Центральной Азии продолжает набирать обороты. Проблема упрощения визового режима — одна из «давних проблем» в отношениях между Китаем и странами Центральной Азии — решается все быстрее: такие страны Центральной Азии, как Казахстан и Узбекистан, уже ввели взаимный безвизовый режим с Китаем, что делает обмен визитами между гражданами обеих сторон все более удобным[28, с.28]. После вступления в силу в ноябре 2023 года соглашения о взаимном отмене виз между Китаем и Казахстаном количество пассажиров, прошедших через пограничный пункт Хоргос за год, достигло 1,32 млн человек, что на 123 % больше, чем в предыдущем году, а Китай стал вторым по величине источником туристов для Казахстана. В ходе «Года туризма в Казахстане» в 2024 году страну посетили 655 тыс. китайских туристов. После вступления в силу в июне 2025 года соглашения о взаимном отмене виз между Китаем и Узбекистаном количество рейсов в первый же день резко возросло[29]. Запуск международного гуманитарно-туристического поезда «Китай—Средняя Азия» объединил наследие Великого шелкового пути и культурные впечатления, став новой связью для диалога цивилизаций.

Создание институциональных механизмов сотрудничества в области гуманитарных наук

Постоянное углубление сотрудничества в области культуры между Китаем и пятью странами Центральной Азии невозможно без институциональных гарантий. «С 2020 года механизмы взаимодействия между Китаем и Центральной Азией постепенно совершенствуются, что закладывает прочную основу для построения более тесного сообщества общих интересов Китая и Центральной Азии»[17, с.24]. В июле 2020 года в ходе видеоконференции министров иностранных дел Китая и стран Центральной Азии было объявлено о создании механизма регулярных встреч. На первом саммите Китай—Центральная Азия в 2023 году был утвержден институциональный порядок проведения саммитов раз в два года. На втором саммите в 2025 году был дополнительно сформулирован «дух Китай—Центральная Азия», заключающийся в «взаимном уважении, взаимном доверии, взаимной выгоде и взаимной помощи, а также продвижении общей модернизации посредством качественного развития»[30]. По состоянию на июнь 2025 года Китай и пять стран Центральной Азии создали 13 платформ сотрудничества на министерском уровне, охватывающих такие области, как дипломатия, экономика и торговля, транспорт, сельское хозяйство, таможенное дело, образование и управление чрезвычайными ситуациями. Культурно-гуманитарные обмены вступили в «фазу институционализированного развития». «Участие в культурно-гуманитарных обменах между Китаем и странами Центральной Азии принимают все более разнообразные субъекты, а формы обмена становятся все более разнообразными, что способствует углублению взаимного понимания и постоянному укреплению социальной и информационной основы многолетней дружбы между сторонами»[13, с.10].

Формирование общих представлений: выработка норм в рамках гуманитарного сотрудничества. От «Шанхайского духа» к «Духу Шелкового пути»: формирование и усвоение норм сотрудничества

Согласно конструктивизму, нормы не существуют сами по себе, а конструируются в процессе взаимодействия субъектов. «Структурный конструктивизм», представителем которого является Александр Вендт (Alexander Wendt), утверждает, что «взаимодействие между субъектами формирует нормативную структуру, нормативная структура формирует идентичность субъектов, а идентичность определяет их интересы, что, в свою очередь, заставляет субъектов выбирать соответствующие модели взаимодействия»[31, с.123]. За более чем тридцатилетний период взаимодействия между Китаем и странами Центральной Азии постепенно сформировалась система норм сотрудничества, отражающая региональные особенности.

«Шанхайский дух» представляет собой наиболее раннюю из сформировавшихся региональных норм. При создании Шанхайской организации сотрудничества в 2001 году в качестве основополагающих принципов были закреплены «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации, уважение многообразия цивилизаций и стремление к совместному развитию»[32]. Эта норма восходит к успешному опыту урегулирования пограничных вопросов в период «Шанхайской пятёрки» и представляет собой общее знание, сложившееся в ходе длительного взаимодействия сторон. Её ключевая ценность состоит в акценте на «неприсоединение, неконфронтацию, ненаправленность против третьих сторон, а также на консенсус и уважение многообразия»[33].

«Дух Шелкового пути» — это новая система норм, сформировавшаяся в процессе совместного строительства инициативы «Один пояс, один путь». Шестнадцать иероглифов — «мир и сотрудничество, открытость и инклюзивность, взаимное обучение и обмен опытом, взаимная выгода и общий успех» — представляют собой как обобщение исторического опыта древнего Шелкового пути, так и резюме современной практики сотрудничества[34].

«Дух Китай—Средняя Азия» — это недавно сформировавшееся нормативное определение. На втором саммите в 2025 году Председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал «Дух Китай—Средняя Азия» как «взаимное уважение, взаимное доверие, взаимная выгода, взаимная помощь и продвижение общей модернизации посредством качественного развития»[35]. Это еще больше обогатило содержание норм регионального сотрудничества, включив «совместную модернизацию» в качестве новой ценностной цели в систему норм. Формирование и усвоение этих норм — именно та ключевая сфера, в которой гуманитарные обмены играют важную роль. Обмены в сфере образования позволяют новому поколению элиты Центральной Азии ознакомиться с этими нормами и принять их; средства массовой информации способствуют постепенному принятию широкими массами ценностных идеалов, лежащих в основе этих норм; а культурные мероприятия, действуя незаметно и постепенно, обеспечивают нормам эмоциональную поддержку. Распространение норм — это процесс социализации: субъекты, постоянно взаимодействуя с системой норм, постепенно усваивают внешние нормы и превращают их в собственные принципы поведения. Когда «Шанхайский дух» и «Дух Шелкового пути» перестают быть лишь дипломатическими формулировками и становятся реальными факторами, учитываемыми странами при выработке политики, нормы завершают свой переход от «внешних ограничений» к «внутреннему признанию».

Совместное сохранение исторической памяти и накопление общего знания

Конструктивизм подчеркивает, что общее знание — это не абстрактная концепция, а нечто, укорененное в конкретном историческом опыте и практическом взаимодействии. Уникальное преимущество гуманитарного сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии заключается в том, что обе стороны разделяют общие глубокие исторические воспоминания — «Шелковый путь».

Более двух тысяч лет назад Чжан Цян, «проложив путь» в Западные регионы, положил начало официальным отношениям между Центральным Китаем и Центральной Азией. С тех пор «Шелковый путь» стал не только торговым путем, но и связующим звеном между цивилизациями — через него на Восток проникли буддизм, ислам и мандеизм, а также бесчисленные идеи и культурные традиции, циркулирующие между различными цивилизациями. Этот общий исторический опыт составляет самый глубокий запас «общего знания» между Китаем и странами Центральной Азии.

Сотрудничество в области гуманитарных наук как раз и заключается в создании новых общих знаний путём активизации и реконструкции этой исторической памяти. Совместная заявка на включение в Список всемирного наследия превратила «Шёлковый путь» из расплывчатого исторического понятия в конкретное, осязаемое культурное наследие. «Китай и страны Центральной Азии создали совместную археологическую экспедицию, чтобы продолжить раскрытие общей исторической памяти и исторического наследия вдоль древнего Шёлкового пути»[36]. Это постоянно обогащает конкретное понимание общей истории обеими сторонами; в свою очередь, музейный обмен способствует распространению этих исторических знаний среди широкой общественности, расширяя социальную базу общего знания.

Ещё более важно то, что такое совместное восприятие истории играет важную роль в формировании идентичности. Когда Китай и страны Центральной Азии единодушно признают «Шёлковый путь» «нашим» общим наследием, незаметно формируется коллективное чувство идентичности, выходящее за пределы национальных границ. Хотя это чувство идентичности и слабо выражено, оно служит глубочайшим эмоциональным стимулом для углубления сотрудничества в области культуры и гуманитарных наук.

Двусторонний обмен культурными продуктами и совместное осмысление их значения

Обмен культурной продукцией является ещё одним важным каналом создания общего знания. В последние годы китайские кино- и телепроизведения вызвали в Центральной Азии настоящий бум популярности: совместный китайско-казахстанский фильм «Музыкант» получил широкое признание и был удостоен четырёх наград премии «Золотой экран», а такие китайские сериалы и фильмы, как «Всё хорошо», вошли в дома тысяч казахстанцев. «Китайское кино и телевидение сможет благодаря этому (имеется в виду сотрудничество между Китаем и Центральной Азией в области кино и телевидения) расширить свои повествовательные горизонты и повысить уровень интернационализации; в свою очередь, кино и телевидение Центральной Азии получают ресурсную поддержку и смогут продемонстрировать миру свои уникальные культурные ценности через призму восточной перспективы»[37]. В то же время культура стран Центральной Азии получает всё больше возможностей для представления в Китае — всё чаще проводятся такие мероприятия, как взаимные «Годы культуры» и культурные фестивали.

С точки зрения конструктивизма обмен культурными продуктами — это не просто передача информации, а, прежде всего, совместное осмысление смыслов. Когда казахстанские зрители через сериал «Всё хорошо» узнают о радостях и печалях современной китайской семьи, а китайские зрители через фильмы из Центральной Азии ощущают уникальное очарование кочевой культуры, обе стороны формируют конкретное представление об обществе друг друга. Такое представление отличается от абстрактных политических заявлений или сообщений в СМИ: оно наполнено эмоциональной теплотой и жизненной реальностью, что позволяет ему легче превратиться в прочное общее знание.

Формирование идентичности в рамках гуманитарного сотрудничества между Китаем и пятью странами Центральной Азии. «Хорошие соседи — хорошие партнеры — хорошие братья»: ступенчатая эволюция идентичности

Согласно конструктивизму, идентичность не является чем-то неизменным, а постоянно реконструируется в процессе социального взаимодействия. Нарратив об идентичности в отношениях между Китаем и странами Центральной Азии прошел четкую ступенчатую эволюцию.

Первый этап — «хорошие соседи». На начальном этапе установления дипломатических отношений доминировала модель добрососедства и мирного сосуществования, обусловленная географической близостью. Культурные обмены носили ограниченный характер, а взаимные представления формировались преимущественно на основе косвенной информации, а не непосредственного опыта.

Второй этап — «хорошие партнёры». С созданием Шанхайской организации сотрудничества и установлением стратегического партнёрства акцент сместился с географической близости на взаимосвязь интересов и координацию действий. Расширение образова-

тельных и культурных обменов, включая создание институтов Конфуция и рост числа иностранных студентов, обеспечило возможности непосредственного взаимодействия между обществами.

Третий этап — «хорошие братья». На первом саммите «Китай — Центральная Азия» в 2023 году было предложено формирование более тесного сообщества общей судьбы, что ознаменовало переход отношений на новый этап. Статус «хороших братьев» предполагает не только общность интересов, но и эмоциональную близость и общность судьбы.

Эволюция идентичности на каждом из этапов непосредственно обусловлена гуманитарным сотрудничеством. Без образовательных обменов, формирующих значительный круг людей, знакомых с Китаем и дружелюбно к нему настроенных, статус «хороших партнёров» утратил бы социальную основу; без общей исторической памяти, складывающейся в результате сотрудничества в сфере культурного наследия, эмоциональная связь «хороших братьев» лишилась бы исторической глубины. Формирование идентичности представляет собой кумулятивный процесс: культурно-образовательные обмены постепенно трансформируют взаимное восприятие, и накопление этих изменений приводит к качественному сдвигу.

Молодёжный обмен и межпоколенческая социализация

Конструктивизм уделяет особое внимание механизмам социализации — тому, как субъекты постепенно принимают и усваивают новые нормы и идентичность посредством взаимодействия с другими людьми. В рамках сотрудничества в области гуманитарных наук обмен молодёжью является наиболее перспективным каналом социализации.

Молодёжь находится в ключевом периоде формирования самоидентичности, и их опыт учебы и жизни в чужой стране представляет собой глубокую «межкультурную социализацию». Благодаря изучению языка, знакомству с культурой и межличностному общению иностранные студенты, обучающиеся в Китае, формируют непосредственный опыт и положительное восприятие Китая. Такое восприятие отличается от информации, полученной опосредованно через СМИ, и отличается большей достоверностью и устойчивостью.

Еще более важно то, что после возвращения на родину эти иностранные студенты будут работать в сферах политики, экономики, образования и СМИ стран Центральной Азии, становясь «узлами передачи представлений от поколения к поколению». Они будут нести положительное восприятие Китая в круги принятия решений и в сферу общественного мнения своих стран, способствуя распространению прокитайских настроений с индивидуального уровня на общественный и передаче их от одного поколения к следующему. Именно в этом и заключается воплощение идеи «межпоколенческой передачи представлений», на которой делает акцент конструктивизм: благодаря механизмам социализации новая идентичность выходит за рамки жизненного цикла отдельного человека и обретает институциональное и межпоколенческое продолжение.

Напряженность и пределы конструирования идентичности

Процесс конструирования идентичности не является линейным и сталкивается с рядом противоречий.

Во-первых, в Центральной Азии сохраняется значительное культурное влияние России, обусловленное многолетним историко-культурными связями и распространённостью русского языка. Присутствие России в сфере образования, СМИ и культуры составляет серьёзную конкурентную силу для китайского гуманитарного сотрудничества.

Во-вторых, продвижение США и Западом своих ценностей и антикитайских нарративов через НПО, СМИ и иные каналы создаёт вызовы для формирования позитивной идентичности по отношению к Китаю. Конкурентные дискурсы, такие как «китайская угроза» и «долговая ловушка», находят отклик у части элит и населения, оказывая давление на идентификационное сближение.

Наконец, в странах Центральной Азии параллельно идут процессы «дерусификации» и «ренициализации», усилившиеся после 2022 года. Эти процессы, с одной стороны, открывают определённое пространство для китайской культуры, с другой — делают общества более чувствительными к любому внешнему культурному влиянию. Поэтому продвижение гуманитарного сотрудничества требует постоянного баланса между культурным взаимодействием и уважением культурной автономии стран региона.

Таким образом, формирование идентичности — длительный и многофакторный процесс, требующий устойчивых вложений в гуманитарные обмены, гибкой корректировки стратегий и значительного терпения.

Заключение

В данной статье на основе структурного конструктивизма А. Вендта проанализированы глубинные механизмы гуманитарного сотрудничества Китая с пятью странами Центральной Азии. Показано, что сущность такого сотрудничества состоит в социальном конструировании: оно формирует общую систему представлений, ядром которой выступают «дух Шанхая», «дух Шелкового пути» и «сознание сообщества общей судьбы», и способствует трансформации идентичности стран Центральной Азии по отношению к Китаю — от «соседних стран» к «стратегическим партнёрам» и «членам сообщества общей судьбы». Эффективность гуманитарного сотрудничества следует оценивать не только количественными показателями (число иностранных студентов, культурных мероприятий), но прежде всего изменением представлений и эволюцией идентичности.

Для дальнейшего углубления сотрудничества необходимо: во-первых, укреплять институциональные механизмы, включая специализированные платформы культурно-гуманитарного взаимодействия и молодёжных обменов; во-вторых, расширять молодёжные обмены как ключевой канал межпоколенческой социализации; в-третьих, обновлять дискурсивную систему, углубляя усвоение общих представлений через совместные археологические исследования, охрану культурного наследия и музейные обмены; в-четвёртых, адекватно отвечать на конкурентные дискурсы, сохраняя открытость и уважение к культурной автономии стран Центральной Азии.

Гуманитарное сотрудничество Китая и Центральной Азии переходит от «институционализации» к «интернализации». С конструктивистской точки зрения конечная цель этого процесса — формирование чувства «мы», основанного на общих представлениях и коллективной идентичности. Когда такое чувство станет достаточно глубоким, «сообщество общей судьбы» превратится из идеи в устойчивую практику регионального взаимодействия.

Литература

1. Си Цзиньпин возглавил первый саммит «Китай—Средняя Азия» и выступил с программной речью, URL.: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6874947.htm (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
2. Договор о постоянном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tyjt_674911/tyfg_674913/202506/t20250618_11652097.shtml (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
3. Си Цзиньпин принял участие во втором саммите «Китай—Средняя Азия» и выступил с программной речью https://www.mofcom.gov.cn/sywxwb/art/2025/art_288b35b6eff742739d29e6feba19478c.html (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
4. Го Хунвэй. «Теоретическая конструкция и выбор путей укрепления взаимопонимания между народами в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Научное принятие решений. 2021 (08), с. 145–153. (на кит. яз.)
5. Чжу Юнбао, Ли Хуэй. «От конструктивных действий к активному продвижению: прогресс и перспективы народной дипломатии Китая в Центральной Азии», «Мир и развитие». 2025 (03): 1–23+185–186. (на кит. яз.)
6. Хань Лу, Ли Тяньи. Гуманитарное сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в новую эпоху: возможности и пути. «Российский вестник», 2023, 13 (04): 123–136. (на кит. яз.)
7. Ван Фан, Цю Бо. Теория международных отношений: идеи, парадигмы и положения [М]. Пекин: Издательство «Мировые знания», 2013. 386 с. (на кит. яз.)
8. Цинь Яцин. Власть, институты, культура: Сборник статей по теории и методологии международных отношений [М]. 2-е изд. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2016. 415 с. (на кит. яз.)

9. Вэндт А. (Wendt, A.). Социальная теория международной политики [М] / Пер. Цинь Яцин. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2014. 397 с. (на кит. яз.)
10. Бай Юньчжэн, Ли Кайшэн. Введение в теоретические течения в международных отношениях [М]. Ханчжоу: Издательство «Народ Чжэцзяна», 2009. 428 с. (на кит. яз.)
11. Институты Конфуция способствуют тому, что «увлечение китайским языком» в Центральной Азии постепенно становится массовым явлением https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyfh/bjzl/202305/t20230516_11078279.shtml (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
12. Институты Конфуция в Центральной Азии: обмен культур делает их разнообразными <https://www.ci.cn/xwzx/kuxw/8461a063-6514-41c4-a1d9-5b0f558f46f0> (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
13. Сунь Цзуаньчжи. Суть и пути построения сообщества общей судьбы Китай—Средняя Азия // Современный мир. 2024. № 07. С. 7–12. (на кит. яз.)
14. Посетите первую в Центральной Азии мастерскую «Лубан» https://www.news.cn/world/2023-05/11/c_1129605864.htm (дата посещения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
15. Успешно прошла церемония запуска в пробную эксплуатацию мастерской «Лубан» в Казахстане https://almaty.china-consulate.gov.cn/zlgdt/202312/t20231210_11199070.htm (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
16. Состоялась церемония открытия мастерской «Лубан» в Узбекистане и круглый стол по вопросам сотрудничества в сфере образования между Китаем (Тяньцзинь) и Узбекистаном (Ташкент) https://www.tj.gov.cn/sy/tjxw/202409/t20240908_6720687.html (Дата обращения: 25 июня 2026 г.)
17. Цзэн Сянхун. Механизмы, сущность и пути построения сообщества общих судеб Китая и Центральной Азии // Современный мир. 2025. № 09. С. 24–30. (на кит. яз.)
18. Число казахстанских студентов, обучающихся в Китае, достигло 14 тысяч; изучение китайского языка в Казахстане стало настоящей модой <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/77348.html> (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
19. «Шелковый путь: сеть дорог Чаньань — Тянь-Шань» успешно включена в список Всемирного наследия; в него вошло 33 объекта <https://www.chinanews.com.cn/sh/2014/06-23/6308181.shtml> (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
20. Совместные археологические раскопки Китая и Узбекистана — в духе «Шелкового пути»: в поисках жемчужин «Шелкового пути», Институт истории Китая при Китайской академии социальных наук, URL: http://www.cass.cn/xueshuchengguo/xscg_lsyjy/202303/t20230303_5600978.shtml (дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
21. Мастерство реставрации, возрождение былого великолепия — Посещение древнего города Шива в Узбекистане, Xinhua, URL: https://www.news.cn/world/2023-05/12/c_1129610577.htm (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
22. Китай помогает Узбекистану в реставрации историко-культурных памятников Хварасмодской области, Департамент внешней помощи Министерства торговли Китайской Народной Республики, URL: https://yws.mofcom.gov.cn/article/zt_obor/subjecte/201508/20150801089735.shtml (Дата обращения: 25 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
23. В области обмена и сотрудничества в сфере культурного наследия между нашей страной и пятью странами Центральной Азии достигнуты новые результаты. Государственное управление по охране культурного наследия, URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2023/5/23/art_722_181773.html (Дата обращения: 25 июня 2026 г.)
24. Состоялось торжественное открытие Центра археологического сотрудничества «Шелковый путь», Государственное управление по охране культурного наследия, URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2023/4/25/art_2710_181428.html (Дата посещения: 14 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
25. Успешно прошел диалог на высоком уровне между СМИ Китая и Центральной Азии, Tencent.com, URL: <https://news.qq.com/rain/a/20230517A0407B00> (Дата посещения: 14 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
26. Центральная телерадиовещательная корпорация и ведущие СМИ пяти стран Центральной Азии начали новостное сотрудничество в рамках проекта «Прямой путь в Центральную Азию». Центральная телерадиовещательная корпорация, URL: <https://www.cctv.com/2023/05/17/ARTIAZh7CLf1zg8x9GYmLfpb230517.shtml> (Дата посещения: 14 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
27. Си Цзиньпин: Китайские кино- и телепроизведения, такие как «Горная и морская любовь» и «Мой Алтай», стали популярными в Центральной Азии, Государственное управление по радио, телевидению и кино, URL: https://www.nrta.gov.cn/art/2025/6/18/art_2009_70960.html (Дата обращения: 29 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
28. Тан Чжунчао. Построение сообщества общих судеб Китая и Центральной Азии: сущность, прогресс и пути оптимизации // Исследования международных проблем. 2025. № 03. С. 19–37+138–139. (на кит. яз.)
29. Сближение стран, дружба народов, взаимопонимание — Китай и страны Центральной Азии укрепляют сеть сотрудничества в сфере культуры и человеческих связей http://www.rmhb.com.cn/zt/ydy/202509/t20250905_800414232.html (Дата обращения: 29 июня 2026 г.) (на кит. яз.)
30. Механизм «Китай—Средняя Азия», официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики, URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zjzg_673183/dozys_673577/dqzzyos_673581/zgzyjz/gk_688934/ (Дата посещения: 17 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
31. Тан Дунчэнь, Ян Сямин. Принципы публичной дипломатии: анализ конструктивистской теории Венда // Квартальный журнал по публичной дипломатии. 2018. № 01. С. 121–129+149–150. (на кит. яз.)
32. Пропагандировать «Шанхайский дух» и создавать более тесное сообщество общих интересов Шанхайской организации сотрудничества, Газета Политического консультативного совета Китая, URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2024/07/17/ART11721180038092140.shtml> (Дата посещения: 18 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
33. Оставаясь верными своим первоначальным идеалам и неизменно высоко держа знамя «Шанхайского духа», сайт «Qiushi», URL: <https://www.qstheory.net/20250830/04e364d1272c466d855deeda1f06de00/c.html> (Дата посещения: 18 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
34. Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Международного форума по сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь», сайт «Коммунистическая партия Китая», URL: <https://news.12371.cn/2017/05/14/ART11494741664934792.shtml> (Дата посещения: 19 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
35. Си Цзиньпин изложил «дух Китай—Средняя Азия», официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики, URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202506/content_7028472.htm (Дата посещения: 19 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
36. Гу Вэй. Почему отношения между Китаем и пятью странами Центральной Азии напоминают «посещение родственников»? Китайская новостная сеть, URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2024/07-03/10245352.shtml> (Дата обращения: 29 июля 2026 г.) (на кит. яз.)
37. Китай и страны Центральной Азии вступают в «золотой век» сотрудничества в сфере кино и телевидения, China Daily Online, URL: <https://caijing.chinadaily.com.cn/a/202510/16/WS68f0a4dca310c4deea5eca6a.html> (Дата обращения: 29 июля 2026 г.) (на кит. яз.)

Humanitarian Cooperation between China and Central Asian Countries in Light of Alexander Wendt's Structural Constructivism

Yin Simeng, Fan Suran

Dalian University of Foreign Studies

Drawing on Alexander Wendt's structural constructivism, this article examines the mechanisms and outcomes of humanitarian cooperation between China and the five Central Asian countries through the formation of shared perceptions and identity. The study shows that cooperation in education, cultural heritage protection, and the media fosters a common system of perceptions centered on the "Shanghai Spirit" the "Silk Road Spirit" and the "awareness of a community with a shared future" and promotes a shift in Central Asian countries' identity through China: from "neighboring countries" to "strategic partners" and "members of a community with a shared future". The essence of this cooperation lies in the construction of a normative structure that, by reshaping perceptions and identities, redefines national interests and the logic of interaction. At the same time, this process faces challenges such as Russia's cultural influence, competition from Western

discourse, and "de-Russification". In the future, it is necessary to develop institutional mechanisms, deepen youth exchanges, and innovate discursive systems in order to further strengthen shared perceptions and identity.

Keywords: Wendtian constructivism; China–Central Asia cooperation; shared ideas; identity; community with a shared future

References

- Xi Jinping presided over the first Central Asia Summit and delivered a keynote speech. [EB/OL]. [2026-06-25]. https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6874947.htm (Date of access: June 25, 2026) (in Chinese)
- Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Treaty on Permanent Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan [EB/OL]. [2026-06-25]. https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/202506/t20250618_11652097.shtml (in Chinese).
- Xi Jinping attended the second China-Central Asia Summit and delivered a keynote speech. [EB/OL]. [2026-06-25]. https://www.mofcom.gov.cn/sywxwfb/art/2025/art_288b35b6eff742739d29e6feba19478c.html (in Chinese)
- Guo Hongwei. Theoretical construction and path selection for strengthening people-to-people bonds under the Belt and Road Initiative [J]. *Scientific Decision Making*, 2021(8): 145–153. (in Chinese)
- Zhu Yongbiao, Li Hui. From constructive actions to active promotion: progress and prospects of China's people-to-people diplomacy in Central Asia [J]. *Peace and Development*, 2025(3): 1–23+185–186. (in Chinese)
- Han Lu, Li Tianyi. Humanitarian cooperation between China and Central Asian countries in the new era: opportunities and paths [J]. *Russian Herald*, 2023, 13(4): 123–136. (in Chinese)
- Wang Fang, Qiu Bo. International relations theory: ideas, paradigms and propositions [M]. Beijing: World Affairs Press, 2013. 386 p. (in Chinese)
- Qin Yaqing. Power, institutions, and culture: essays on international relations theory and methodology [M]. 2nd ed. Beijing: Peking University Press, 2016. 415 p. (in Chinese)
- Wendt A. Social theory of international politics [M]. Trans. Qin Yaqing. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2014. 397 p. (in Chinese)
- Bai Yunzhen, Li Kaisheng. Introduction to theoretical schools in international relations [M]. Hangzhou: Zhejiang People's Publishing House, 2009. 428 p. (in Chinese)
- Confucius Institutes help the "Chinese language fever" in Central Asia gradually become a popular phenomenon [EB/OL]. (2023-05-16)[2026-06-25]. https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zl_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyf/h/bjzl/202305/t20230516_11078279.shtml (in Chinese)
- Confucius Institutes in Central Asia: cultural exchange makes them diverse [EB/OL]. [2026-06-25]. <https://www.ci.cn/xwzx/kyxw/8461a063-6514-41c4-a1d9-5b0f558f46f0>. (in Chinese)
- Sun Zhuangzhi. The essence and paths of building a China–Central Asia community with a shared future [J]. *Contemporary World*, 2024(7): 7–12. (in Chinese)
- Visit the first Luban Workshop in Central Asia [EB/OL]. (2023-05-11)[2026-06-25]. https://www.news.cn/world/2023-05/11/c_1129605864.htm. (in Chinese)
- The trial operation ceremony of the Luban Workshop in Kazakhstan was successfully held [EB/OL]. (2023-12-10)[2026-06-25]. https://almaty.china-consulate.gov.cn/zlgdt/202312/t20231210_11199070.htm. (in Chinese)
- The opening ceremony of the Luban Workshop in Uzbekistan and the roundtable on education cooperation between China (Tianjin) and Uzbekistan (Tashkent) was held [EB/OL]. (2024-09-08)[2026-06-25]. https://www.tj.gov.cn/sy/tjxw/202409/t20240908_6720687.html. (in Chinese)
- Zeng Xianghong. Mechanisms, essence and paths of building a community with a shared future for China and Central Asia [J]. *Contemporary World*, 2025(9): 24–30. (in Chinese)
- The number of Kazakhstani students studying in China reaches 14,000; learning Chinese has become a real trend in Kazakhstan [EB/OL]. [2026-06-25]. <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/77348.html>. (in Chinese)
- The "Silk Roads: the Routes Network of Chang'an–Tianshan Corridor" was successfully inscribed on the World Heritage List; 33 sites were included [EB/OL]. (2014-06-23)[2026-06-25]. <https://www.chinanews.com.cn/sh/2014/06-23/6308181.shtml>. (in Chinese)
- China–Uzbekistan joint archaeological excavations in the spirit of the Silk Road: searching for the pearls of the Silk Road [EB/OL]. Institute of History, Chinese Academy of Social Sciences. (2023-03-03)[2026-06-25]. http://www.cass.cn/xueshuchengguo/xscg_lsyyj/202303/t20230303_5600978.shtm ml. (in Chinese)
- Restoration craftsmanship revives former splendor—a visit to the ancient city of Khiva in Uzbekistan [EB/OL]. Xinhua. (2023-05-12)[2026-06-25]. https://www.news.cn/world/2023-05/12/c_1129610577.htm. (in Chinese)
- China assists Uzbekistan in restoring historical and cultural monuments in the Khorezm region [EB/OL]. Department of Foreign Aid, Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (2015-08-01)[2026-06-25]. https://yw.mofcom.gov.cn/article/zt_obor/subjecte/201508/20150801089735.shtm l. (in Chinese)
- New achievements have been made in cultural heritage exchange and cooperation between China and the five Central Asian countries [EB/OL]. National Cultural Heritage Administration. (2023-05-23)[2026-06-25]. http://www.ncha.gov.cn/art/2023/5/23/art_722_181773.html (in Chinese)
- The inauguration ceremony of the Silk Road Archaeological Cooperation Center was held [EB/OL]. National Cultural Heritage Administration. [2026-07-14]. http://www.ncha.gov.cn/art/2023/4/25/art_2710_181428.html. (in Chinese)
- The China–Central Asia Media High-Level Dialogue was successfully held [EB/OL]. [2026-07-14]. <https://news.qq.com/rain/a/20230517A0407B00>. (in Chinese)
- China Media Group and leading media of the five Central Asian countries launched news cooperation under the "Direct Route to Central Asia" project [EB/OL]. China Media Group. [2026-07-14]. <https://www.cctv.com/2023/05/17/ARTIAZHzCLf1zg8x9GYmLfpb230517.shtml>. (in Chinese)
- Xi Jinping: Chinese films and television programs such as "Mountain and Sea Love" and "My Altai" have gained popularity in Central Asia. State Administration of Radio, Television and Film, [EB/OL]. [2026-06-29]. https://www.nrta.gov.cn/art/2025/6/18/art_2009_70960.html (in Chinese)
- Tang Zhongchao. Building a China–Central Asia community with a shared future: essence, progress and optimization paths [J]. *International Studies*, 2025(3): 19–37+138–139. (in Chinese)
- Closer countries, friendship among peoples, mutual understanding: China and Central Asian countries strengthen the cooperation network in culture and people-to-people ties [EB/OL]. (2025-09-05)[2026-06-29]. http://www.rmhb.com.cn/zt/ydyf/202509/t20250905_800414232.html. (in Chinese)
- Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. China–Central Asia Mechanism [EB/OL]. [2026-07-17]. https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zjzg_673183/dozys_673577/dqzzyos_673581/zgzyjz/gk_688934/. (in Chinese)
- Tang Dongchen, Yang Xiaming. Principles of public diplomacy: an analysis of Wendt's constructivist theory [J]. *Public Diplomacy Quarterly*, 2018(1): 121–129+149–150. (in Chinese)
- Promote the "Shanghai Spirit" and build a closer community of common interests of the Shanghai Cooperation Organization [EB/OL]. CPPCC News. (2024-07-17)[2026-07-18]. <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2024/07/17/ARTI1721180038092140.shtml>. (in Chinese)
- Qiushi. Staying true to our original aspirations and holding high the banner of the "Shanghai Spirit" [EB/OL]. (2025-08-30) [2026-07-18]. <https://www.qstheory.net/20250830/04e364d1272c466d855deeda1f06de00/c.html>. (in Chinese)
- Xi Jinping's speech at the opening ceremony of the International Forum on Cooperation under the "One Belt, One Road" initiative. Website: "Communist Party of China", URL: <https://news.12371.cn/2017/05/14/ARTI1494741664934792.html> (Accessed: July 19, 2026) (in Chinese)
- Xi Jinping presented the "Spirit of China-Central Asia," official website of the Central People's Government of the People's Republic of China, URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202506/content_7028472.htm (Accessed on: July 19, 2026) (in Chinese)
- Gu Wei. Why do the relations between China and the five Central Asian countries resemble a "visit to relatives"? Chinese news network, URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2024/07-03/10245352.shtml> (Accessed on July 29, 2026) (in Chinese)
- China and Central Asian countries are entering a "golden age" of cooperation in the field of film and television, China Daily Online, URL: <https://caijing.chinadaily.com.cn/a/202510/16/WS68f0a4dca310c4deea5eca6a.html> (Accessed: July 29, 2026) (in Chinese)

Цифровые платформы как инструмент коммуникации государства и общества: механизмы вовлечения граждан и обратной связи

Павленко Юлия Сергеевна

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС), i_julia48@mail.ru

Рассматриваются эволюция и современное состояние цифровых каналов коммуникации между государством и обществом в России. На основе модели множественных потоков и историко-институционального подхода показано, что архитектура электронного участия была задана в период «окна возможностей» 2009–2012 годов и закрепились в административно-сервисной логике. Предложена типология цифровых каналов по критериям институционализации и уровня власти: официальные платформы (платформа обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе», «Российская общественная инициатива», «Добродел», «Наш Санкт-Петербург», «Активный гражданин», муниципальные чат-боты) противопоставлены квазиофициальным (петиционные сервисы, социальные сети), различающимся по обязательности реакции власти. На материалах общероссийского опроса (САТИ, n = 1630, апрель 2025 г.) проанализировано восприятие гражданами эффектов и рисков цифровизации: при высокой оценке сервисных эффектов фиксируются дефицит доверия и слабо ощущаемая связь участия с управленческими решениями. Предложена система критериев эффективности цифрового взаимодействия (доступность и охват, качество, политическая эффективность) и обоснованы балансирующие показатели для оценки деятельности региональных органов власти. Делается вывод, что цифровые платформы укрепляют управляемость и качество услуг, однако пока не становятся инструментом перераспределения влияния граждан на публичные решения.

Ключевые слова: цифровые платформы, электронное участие, обратная связь, гражданское участие, государство как платформа, цифровое государственное управление, цифровое доверие.

Введение

Цифровые каналы связи между государством и гражданами развиваются в России уже более полутора десятилетий, однако их назначение и устройство за это время заметно изменились. Если на рубеже 2010-х годов в официальном дискурсе доминировала категория «электронной демократии», то десять лет спустя на первый план вышло «электронное», а затем и «цифровое управление» – с характерным смещением акцента с обсуждения и совместной выработки решений на скорость, измеримость и качество государственных услуг. Эмпирическая картина остается двойственной. Охват населения цифровыми сервисами растет устойчиво, тогда как позиции России в Индексе электронного участия ООН в последние годы не улучшаются, а снижаются: в 2024 году страна заняла в нем 66-е место, потеряв девять позиций по сравнению с 2022 годом [1]. Это расхождение и определяет исследовательский вопрос: какие механизмы вовлечения граждан и обратной связи реально встроены в российские цифровые платформы и в какой мере они делают коммуникацию государства и общества двусторонней.

Цель статьи – реконструировать архитектуру российских цифровых каналов участия, оценить их функциональность, политическую роль и границы. Для этого последовательно решаются четыре задачи: предлагается типология каналов по критериям степени институционализации и положения в иерархии уровней власти; характеризуются механизмы юридически обязательной и факультативной обратной связи; рассматриваются региональные и муниципальные практики; на материалах общероссийского опроса 2025 года анализируется, как сами граждане оценивают эффекты и риски цифрового взаимодействия с органами власти.

Методологическую основу работы составляют модель множественных потоков Н. Захариадиса [9, 10] и историко-институциональный подход, позволяющий связать проектирование цифровых платформ с конкретными политическими решениями. Эмпирическую базу образуют нормативные акты и программные документы [4, 7, 8, 13], десять полуструктурированных интервью с федеральными и региональными государственными служащими, разработчиками систем электронного правительства и общественными активистами (2023–2024 гг.; далее – И-1 ... И-10), а также телефонный опрос взрослого населения России по методике САТИ, проведенный 2–15 апреля 2025 года в 50 субъектах Российской Федерации (n = 1630).

«Окно возможностей» 2009–2012 годов и генезис модели

Базовая архитектура российского электронного участия сложилась в сравнительно короткий период между 2009 и 2012 годами. К этому моменту завершалась федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», решавшая прежде всего задачу компьютеризации государственных учреждений [5], и потребовался новый стратегический документ. По воспоминаниям участников тех событий, акцент сознательно переносился с количества установленной техники на качество организационных и социальных изменений (И-2, И-10). Внешним импульсом служили и международные рейтинги: недовольство политического руководства позициями страны в индексах ООН придавало цифровой повестке стратегический вес (И-4).

Совпадение этих обстоятельств образовало то, что в модели множественных потоков называется окном возможностей: поток проблем (фрагментарность обращений граждан, отставание в рейтингах), поток решений (наработанный инструментарий электронного правительства) и политический поток (модеризационный курс конца 2000-х годов) соединились, и «политические предприниматели» получили возможность продвинуть собственные проекты [6]. Итогом стала государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», закрепившая задачу создания единой коммуникационной платформы для вопросов, предложений и голосований граждан [2], а затем – проект концепции развития электронной демократии, подготовленный Министерством связи и массовых коммуникаций.

Показательно, что уже в этом раннем документе просматриваются все черты будущей модели. Во-первых, каналы электронной демократии проектировались как инструменты управленческой обратной связи: агрегированные оценки работы ведомств предполагалось использовать при оценке эффективности подведомственных организаций. Во-вторых, система изначально мыслилась единой для всех уровней власти, и к предполагавшемуся Единому portalу успели подключиться многие регионы и муниципалитеты (И-5). В-третьих, ее функциональное ядро составляли жалобы, обращения и опросы – репертуар, который позднее воспроизводился на региональном уровне. Критики уже тогда указывали, что под флагом цифровой модернизации повышается эффективность администрации без реального включения граждан в выработку решений; сторонники проекта отвечали ссылками на техническую реализуемость и экономическую целесообразность выбранных инструментов.

Институциональное закрепление модель получила в 2012–2013 годах, когда был создан Совет при Президенте Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии, а указом Президента учреждена платформа «Российская общественная инициатива» (РОИ) [4]. Портал, задуманный как инструмент «прямой электоральной демократии», на практике ограничился подачей петиций без механизмов обсуждения и совместного конструирования политики, и общественный интерес к нему постепенно снижался. Тем не менее его роль в генезисе системы трудно переоценить: именно вокруг РОИ в 2017 году была выстроена централизованная процедура мониторинга и анализа обращений граждан, обязательная для федеральных ведомств (И-2). Параллельно в 2013–2015 годах регионы тиражировали ту же логику иерархического управления – электронные приемные губернаторов, порталы жалоб, площадки голосований. Наиболее заметным продуктом этой волны стал подмосковный «Добродел» (2015), опыт которого после 2020 года был масштабирован на федеральный уровень в виде платформы обратной связи (ПОС) «Госуслуги. Решаем вместе».

Новый этап связан с принятием в 2019 году проекта «Цифровое государственное управление» и последующим запуском национальной программы «Цифровая экономика». Концептуальный сдвиг этого этапа хорошо передает смена оправдательной рамки: если раньше каналы участия обосновывались идеей демократии, то теперь – категориями цифрового суверенитета и соображениями оптимизации решений. С 2025 года эта линия продолжена национальным проектом «Экономика данных и цифровая трансформация государства», в рамках которого данные рассматриваются уже не как вспомогательный ресурс, а как ключевой актив публичного управления [13].

Типология цифровых каналов взаимодействия

Многообразие действующих каналов удобно упорядочить по двум пересекающимся критериям – степени институционализации и положению в иерархии уровней власти (таблица 1). Первый критерий разделяет каналы на основные (официальные), созданные по инициативе государства и встроенные в архитектуру цифрового администрирования, и квазиофициальные (парапубличные), выросшие из инициатив гражданского общества или частных операторов, но частично подключенные к государственным системам обработки обращений. Характерно, что все официальные каналы созданы «сверху»: ПОС – по поручению Президента в рамках национальной программы, РОИ – президентским указом [7], «Добродел» и «Активный гражданин» – решениями региональных властей. Инициатива «снизу» представлена лишь во второй группе (Change.org, социальные сети, мессенджеры).

Второе различие касается обязательности ответа. Обращения через электронные приемные и ПОС подпадают под действие Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ и должны быть рассмотрены в тридцатидневный срок, а для ускоренных категорий ПОС – в десятидневный [7]. Региональные порталы устанавливают собственные, более короткие регламенты: восемь рабочих дней у «Добродела», от двух до тридцати рабочих дней – у «Нашего Санкт-Петербурга» в зависимости от классификатора обращений. РОИ обязателен к рассмотрению лишь условно – при достижении порога в 100 тысяч подписей на федеральном уровне (5% – на региональном и муниципальном), причем реализация инициативы не гарантируется. Решения голосований «Активного гражданина» исполняются мэрией, но сохраняют консультативный статус. Наконец, частные

петиции и публикации в социальных сетях юридической обязанности отвечать не порождают, хотя де-факто отслеживаются региональными центрами управления в рамках «Инцидент-менеджмента».

Таблица 1
Иерархическая типология цифровых каналов взаимодействия между гражданами и государством в России

Группа	Уровень	Канал (год за- пуска)	Инициатор	Обязанность властей реа- гировать
А. Основные (официальные) каналы	Федеральный	Платформа об- ратной связи «Госуслуги. Ре- шаем вместе» (2020)	Государство (федераль- ные органы власти)	Да: обязатель- ный ответ в те- чение 30 кален- дарных дней, 10 дней для ускорен- ных категорий
		«Российская об- щественная ини- циатива» (РОИ, 2013)	Государство (федераль- ные органы власти)	Условная: обя- зательное рас- смотрение свыше 100 000 подписей (5% на региональ- ном и муници- пальном уров- нях), без гаран- тии реализа- ции
		Электронные приемные и офи- циальные сайты органов власти	Государство (федераль- ные органы власти)	Да: Федераль- ный закон № 59-ФЗ, срок 30 дней
		Партиципативные сервисы портала «Госуслуги» (кон- сультации, опросы, оценки)	Государство (федераль- ные органы власти)	Нет: консуль- тативные фор- маты, нерегу- лируемая реак- ция
		Национальная платформа МАХ (2025), интегри- рованная с «Гос- услугами»	Государство (федераль- ные органы власти)	Да, для запро- сов, направ- ленных через «Госуслуги» и платформу об- ратной связи
	Региональный	«Добродел» (Московская об- ласть, 2015)	Государство (региональ- ные органы власти)	Да: региональ- ные регла- менты, ответ в течение 8 ра- бочих дней
		«Наш Санкт-Пе- тербург» (2014)	Государство (региональ- ные органы власти)	Да: обязатель- ные сроки по классифика- тору (от 2 до 30 рабочих дней)
		«Активный граж- данин» (Москва, 2014)	Государство (региональ- ные органы власти)	Частичная: ре- шения испол- няются в пре- делах регио- нальных пол- номочий; кон- сультативный статус
	Муниципаль- ный	Муниципальные порталы и чат- боты («Умный Саров», цифро- вая экосистема МО Урицк)	Государство (органы мест- ного само- управления)	Да, если за- прос формали- зован в смысле Закона № 59-ФЗ; иначе по мест- ным регламен- там
	В. Квазиофици- альные (пара- публичные) ка- налы	Националь- ный	Change.org и частные петици- онные плат- формы	Гражданское общество / частные опе- раторы
	Все уровни	Социальные сети и мессенджеры (ВКонтакте, Telegram)	Гражданское общество	Юридически нет; де-факто мониторинг со стороны ЦУР «(Инцидент- менеджмент)»
	Региональный	Петиционные платформы, ин- тегрированные с публичными пор- талами	Смешанный	Зависит от ста- туса: при офи- циальной реги- страции за- проса приме- няется Закон № 59-ФЗ

Из таблицы видно: чем выше степень институционализации канала, тем жестче регламентирована обязанность власти отвечать, и наоборот – наиболее спонтанные формы выражения мнений остаются наименее защищенными процедурно. Партисипативное пространство оказывается жестко очерчено государством, что подтверждается и функциональным профилем самой крупной федеральной платформы (таблица 2).

Таблица 2

Ключевые партисипативные функции платформы обратной связи

Функция	Содержание	Политическое значение
Обращения граждан	Агрегирование запросов и предпочтений	Легитимация административных решений
Сигналы о проблемах	Устранение неисправностей	Улучшение услуг, мониторинг
Онлайн-консультации	Обсуждение проектов нормативных актов	Опосредованное административное участие
Рейтинги сервисов	Оценка качества публичных услуг	Управление по индикаторам

Каждая из четырех функций ПОС работает на управленческую повестку: обращения легитимируют административные решения, сигналы о неисправностях улучшают услуги, консультации обеспечивают опосредованное участие в нормотворчестве, а рейтинги встраиваются в управление по индикаторам. Государство здесь остается центральным и доминирующим игроком, а платформа выполняет роль инструмента цифровой управляемости.

Региональный и муниципальный уровни

На региональном уровне наблюдается заметная партисипативная изобретательность. Москва, Московская область, Санкт-Петербург и ряд других субъектов развивают активные локальные устройства – голосования по вопросам благоустройства, тематические консультации, ускоренное рассмотрение жалоб, механики геймификации. «Активный гражданин» превратил городское участие в рутинную, индивидуализированную и малоконфликтную практику: система баллов и вознаграждений стабилизирует вовлеченность, а сама площадка работает как постоянный консультативный механизм, встроенный в цифровую экосистему столицы. Единая карта петербуржца иллюстрирует иную логику – функциональную интеграцию услуг вокруг цифровой идентичности жителя, при которой участие носит преимущественно косвенный характер.

Отдельного внимания заслуживает муниципальный уровень, традиционно считающийся самым ресурсно слабым. Опыт проекта «Цифровая экосистема муниципалитета», реализованного в Урицком муниципальном округе Санкт-Петербурга, показывает, что и здесь возможна устойчивая инфраструктура коммуникации. Чат-боты округа построены на отечественном конструкторе Digital Intellectual Assistant Builder (ISAAC), программируемом на языке Golang; в отличие от решений на внешних облачных мощностях, данные хранятся в региональном центре обработки данных, что снимает часть рисков, связанных с цифровым суверенитетом и защитой персональной информации. Видеокommunikация обеспечивается сервисом «Яндекс Телемост», автоматизация регистрации мероприятий и аналитические панели – «Яндекс Таблицами».

Проект не потребовал от муниципалитета прямых бюджетных затрат на проектирование и сопровождение. Техническое администрирование взяли на себя специалисты профильного центра, избавив муниципальных служащих от необходимости осваивать сложные цифровые навыки. Наконец, содержание сценариев ботов уточнялось по результатам социологического исследования запросов молодежи, проведенного студентами Политологической клиники СПбГУ, – то есть обратная связь была встроена уже в проектирование инструмента. Дальнейшему развитию подобных практик мешает нормативный пробел: содействие цифровизации муниципального самоуправления целесообразно не было включено в перечень вопросов местного значения.

Эффекты и риски цифрового взаимодействия

Социологические данные позволяют взглянуть на систему с противоположной стороны – со стороны пользователя. За восемь лет формы взаимодействия населения с органами власти изменились радикально (таблица 3); если в 2017 году с властью так или иначе контактировали 56,1% жителей страны, то в 2024-м – уже 84,8%, а доля использующих для этого интернет выросла с 28,8 до 74,6%.

Личные визиты при этом не исчезают (около 20%), а многофункциональные центры наращивают присутствие – складывается гибридная модель, в которой цифровой и очный каналы дополняют друг друга.

Таблица 3

Формы взаимодействия населения и органов государственной власти (% населения в возрасте 15–72 лет)

Индикатор	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Взаимодействие (всего)	56,1	65,7	72,9	74,0	72,5	80,1	81,9	84,8
Через интернет (официальные сайты, порталы)	28,8	42,3	54,5	57,5	58,7	68,2	71,0	74,6
Многофункциональные центры (МФЦ)	11,8	18,9	19,6	22,5	19,6	23,0	24,4	26,8
С личным визитом	22,5	24,0	21,5	21,8	18,1	20,4	22,4	20,5
Не взаимодействовал	43,9	34,3	27,1	26,0	27,5	19,9	18,1	15,2

Высок и оцениваемый пользователями практический эффект. Среди тех, кто реально пользовался соответствующими сервисами, 94,7% согласны, что цифровизация упрощает оплату налогов, сборов и государственных услуг; 89,7% отмечают рост доступности и качества административных услуг; 89,4% – ускорение обмена информацией с ведомствами; 85,5% связывают цифровые технологии с более полной реализацией гражданских прав и обязанностей (рисунок 1). Показательна динамика отношения к дистанционному обучению: доля считающих, что оно повышает качество образовательного процесса, выросла с 24,2% в 2022 году до 56,8% в 2025-м. Антикоррупционный эффект цифровизации признают 47,8% доверяющих институтам респондентов против 20,0% скептиков.

Рисунок 1 – Динамика удовлетворенности пользователей возможностями цифровых технологий по отдельным направлениям взаимодействия с органами власти, 2022–2025 гг., % от числа пользователей соответствующими сервисами

Одновременно граждане отчетливо видят риски. В опросе 2025 года перечень угроз был расширен за счет мошенничества с использованием технологий искусственного интеллекта, и по большинству позиций преобладает доля оценивающих уровень риска как высокий. Отсюда вытекает набор практических мер: усиление киберзащиты и правовой ответственности нарушителей, развитие средств защиты паролей и банковских счетов, подготовка кадров по информационной безопасности и планомерное повышение цифровой грамотности населения. Методологически оправданно построить регулярные замеры гражданских оценок в мониторинг национальной цели развития «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы», установленной Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 [13].

Критерии эффективности цифрового взаимодействия
Сопоставление международных рамок (Digital Government Index ОЭСР [8], E-Government Survey ООН [9]) с системой показателей национального проекта «Цифровая экономика» позволяет предложить трехгруппную систему критериев эффективности цифровизации взаимодействия государства и населения (таблица 4). Ее принципиальная особенность – отказ сводить оценку к количественному охвату: наряду с результативностью измеряются качество взаимодействия и его политическая ценность.

Таблица 4
Критерии оценки эффективности цифровизации государственного управления

Группа критериев	Критерий	Индикатор (измеримый показатель)	Целевое значение / бенчмарк
1. Доступность и охват (результативность)	Цифровой охват населения	Доля граждан, использующих хотя бы 1 государственный цифровой сервис в год, %	≥ 70% к 2030 г. (нацпроект «ЦЭ»)
	Территориальная доступность	Разрыв в проникновении цифровых услуг между городом и сельской местностью, п.п.	< 15 п.п. к 2030 г.
	Инклюзивность	Доля граждан 65+ лет, пользующихся «Госуслугами», %	≥ 40% к 2030 г.
2. Качество взаимодействия (эффективность)	Удовлетворенность гражданина	Индекс удовлетворенности цифровым сервисом (0–10), опрос	≥ 7,5 балла
	Снижение административных издержек	Среднее время на получение госуслуги: цифровой / офлайн-канал	Снижение на ≥ 40% относительно офлайн
	Стоимость транзакции	Удельные затраты бюджета на одно цифровое обращение, руб.	Снижение год к году на ≥ 10%
3. Политическая эффективность (гражданское участие)	Реальное влияние на решения	Доля обращений граждан через цифровые платформы, получивших официальный ответ и повлекших управленческое действие, %	≥ 60%
	Доверие к цифровым механизмам	Доля граждан, оценивающих цифровые инструменты участия как надежные и защищенные, %	≥ 70% (данные опроса – 52,3%)
	Политическая социализация через цифру	Доля граждан, изменивших восприятие своей роли в госуправлении после использования цифровых платформ, %	≥ 50% (данные опроса – 42,2%)

Сопоставление целевых ориентиров с фактическими значениями, полученными в исследовании, обнажает характерные разрывы. Разница в проникновении цифровых услуг между городом и селом составляет 18,5% при целевом пороге менее 15; вероятность

активного использования «Госуслуг» монотонно снижается с возрастом, и без адресных мер поддержки ориентир по группе 65+ выглядит труднодостижимым. Еще показательнее разрыв между охватом и качеством: цифровыми инструментами регулярно пользуются 75,5% респондентов, однако эффективными с точки зрения гражданского влияния их считают лишь 59,4%. Самый глубокий дефицит – в измерении доверия: цифровые механизмы участия надежными и защищенными называют 27,9% опрошенных, а причинно-следственную связь между своим участием и управленческими решениями ощущают 24,6%. Формальный охват, иными словами, сам по себе не конвертируется ни в качество взаимодействия, ни в политическую эффективность.

Своя проблематика связана с включением цифровых показателей в систему оценки эффективности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, введенную Указом Президента от 4 февраля 2021 г. № 193 [7]. Ориентация на KPI создает у региональных команд мощный стимул к цифровой трансформации, но одновременно порождает риски имитации: достижение доли пользователей «Госуслуг» через обязательную регистрацию без реального спроса, накрутку статистики обращений, формальный перевод услуг в цифровой формат через страницы-«заглушки». Каждый такой показатель разумно балансировать парным измерителем качества – долей граждан, добровольно выбирающих цифровой канал, долей обращений, получивших содержательный ответ в срок, независимым аудитом удобства цифровых сервисов.

Обсуждение

Пространство коммуникации между государством и гражданами в России бесспорно расширилось: каналов стало больше, они быстрее и удобнее прежних. Однако критическая автономия этого пространства остается ограниченной: цифровое участие чаще принимает форму консультации или обратной связи, нежели соучастия в выработке политики.

Второй структурный барьер – цифровое неравенство. При 43-м месте России в индексе развития электронного правительства EGD (0,8532 в 2024 году [1]) и среднем индексе цифровой грамотности населения 6,65 балла из 10 минимальное значение последнего показателя парадоксальным образом зафиксировано у молодежи 18–25 лет – потенциально самой активной группы [2]. Наконец, в условиях накопления государством массивов данных о гражданах ключевым ресурсом становится цифровое доверие, которое, как показывают Е. Карагулян и соавторы, определяется не только защищенностью каналов, но и ощущаемой результативностью взаимодействия [3]. Вопрос технологического суверенитета при этом приобретает отчетливо политическое измерение.

В политическом отношении российские цифровые каналы воспроизводят три логики. Логика процедурного участия направляет активность граждан на повышение качества управления, а не на перераспределение власти. Логика легитимации снабжает государство статистикой удовлетворенности и институционализированной обратной связью, демонстрирующей административную современность. Логика асимметрии сохраняет стратегические решения централизованными: обратная связь не меняет политическую повестку. Вместе эти логики объясняют, почему цифровые каналы скорее укрепляют существующую модель, чем преобразуют ее.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что цифровые платформы коммуникации государства и общества в России сформировались по административно-сервисной модели. Их архитектура – типология каналов, иерархическая централизация, управленческое назначение обратной связи – была заложена в «окно возможностей» 2009–2012 годов и с тех пор последовательно воспроизводилась на всех уровнях власти. Как инфраструктура услуг и источник управленческой информации система доказала высокую эффективность: охват, скорость и удобство взаимодействия подтверждаются и статистикой, и оценками самих граждан. Вместе с тем механизмы вовлечения остаются преимущественно функциональными, индивидуализированными и мало конфликтными: они улучшают управляемость, но не перераспределяют влияние на решения.

Перспективы развития связаны, на наш взгляд, с тремя направлениями: преодолением территориального и возрастного цифрового неравенства; выстраиванием цифрового доверия через про-

зачастую и демонстрацию реальных последствий обращений; совершенствованием системы оценки – от показателей охвата к показателям качества и политической эффективности. Цифровизация становится фактором подлинной трансформации отношений власти и общества лишь тогда, когда технические инновации сопровождаются институциональной и культурной эволюцией этих отношений.

Литература

1. Kabanov Y., Chugunov A., Panfilov G. Drivers of E-participation performance from a supply-side perspective: the case of the Russian regions // *Proceedings of the 16th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*. – 2023. – С. 191-196.
2. Панфилов Г.О., Волкова О.И., Чугунов А.В. Мониторинг каналов электронного участия в Российской Федерации: результаты исследований 2020–2023 гг. // *Государство и граждане в электронной среде*. Вып. 7. Труды XXVI Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2023, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2023 г.) / под ред. И.И. Толстиковой, А.Ю. Федосовой, А.В. Чугунова. – СПб.: Университет ИТМО, 2024. – С. 34–46. – DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-253-264>
3. Karagulyan E. A., Batyreva M. V. Socio-political participation using digital services: Empty ritual or genuine participation? *Vestnik of St. Petersburg University // Sociology*. – 2024. – Т. 17. – №. 1. – С. 65-83.
4. О рассмотрении общественных инициатив граждан Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2013. – № 10. – Ст. 1019.
5. Добрынин Н.М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и дальнейшая эволюция муниципального управления в России: на пути от субсидиарности к «демократическому централизму»? // *Государство и право*. – 2022. – № 5. – С. 33–46. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019745-0>
6. Косоруков А.А. Политический инцидент-менеджмент // *Политология*. Новый лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2023. – С. 41–50.
7. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
8. OECD. Digital Government Index: 2019 results. – Paris: OECD Publishing, 2020. – URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/digital-government-index-2019-results.htm> (дата обращения: 25.08.2026).
9. United Nations. United Nations E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government. – New York: United Nations, 2022. – URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/reports/un-e-government-survey-2022> (дата обращения: 25.08.2026).
10. United Nations. UN E-Government Survey: Methodology. – URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/Methodology> (дата обращения: 25.08.2026).
11. ISAAK – интуитивно понятный конструктор чат-ботов // ISAAK. – URL: <https://isaak.iac.spb.ru/> (дата обращения: 25.08.2026).
12. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2023. – № 2. – С. 33–73. – DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73
13. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2024. – № 20. – Ст. 2612.

Digital platforms as a tool of communication between the state and society: mechanisms of citizen engagement and feedback

Pavlenko Yu.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article examines the evolution and current state of digital communication channels between the state and society in Russia. Drawing on the multiple streams framework and the historical-institutional approach, it is shown that the architecture

of e-participation was set during the "window of opportunity" of 2009–2012 and became locked into an administrative-service logic. A typology of digital channels is proposed based on the degree of institutionalization and the level of government: official platforms (the Gosuslugi "Reshaem vmeste" feedback platform, the Russian Public Initiative, Dobrodel, Nash Sankt-Peterburg, Active Citizen, municipal chatbots) are contrasted with quasi-official ones (petition services, social networks), which differ in the obligation of authorities to respond. A nationwide survey (CATI, n = 1630, April 2025) shows that, despite high ratings of service-related effects, there is a trust deficit and a weak perceived link between participation and managerial decisions. A system of effectiveness criteria (accessibility and coverage, quality, political effectiveness) is proposed. It is concluded that digital platforms strengthen governability and service quality but do not yet redistribute citizens influence over public decisions.

Keywords: digital platforms, e-participation, feedback, civic engagement, state as a platform, digital public administration, digital trust.

References

1. Chugunov A., Panfilov G., Kabanov Y. Centralization of the electronic participation system in Russia: a view from the regions. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2024, vol. 18, no. 2, pp. 25–35. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-25-35> (In English).
2. Panfilov G.O., Volkova O.I., Chugunov A.V. Monitoring kanalov elektronnoy uchastiya v Rossiiskoi Federatsii: rezul'taty issledovaniy 2020–2023 gg. [Monitoring e-participation channels in the Russian Federation: results of studies 2020–2023]. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede* [State and Citizens in the Electronic Environment]. Iss. 7. Proceedings of the XXVI International United Scientific Conference "Internet and Modern Society" (IMS-2023, St. Petersburg, June 26–28, 2023). Saint Petersburg, ITMO University Publ., 2024, pp. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-253-264> (In Russian).
3. Karagulyan E., Batyreva M. Social and political participation using digital services: An empty ritual or a genuine participation? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 2024, vol. 17, no. 1, pp. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105> (In English).
4. O rassmotrenii obshchestvennykh initsiativ grazhdan Rossiiskoi Federatsii s ispol'zovaniem internet-resursa "Rossiiskaya obshchestvennaya initsiativa" [On the Consideration of Public Initiatives of Citizens of the Russian Federation Using the Internet Resource "Russian Public Initiative"]: Decree of the President of the Russian Federation No. 183 of March 4, 2013. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 10, art. 1019. (In Russian).
5. Dobrynin N.M. Konstitutsionnyi printsip edinstva sistemy publichnoy vlasti i dal'neishaya evolyutsiya munitsipalnogo upravleniya v Rossii: na puti ot subsidiarnosti k "demokraticeskomu tsentralizmu"? [The constitutional principle of the unity of the public power system and the further evolution of municipal administration in Russia: on the way from subsidiarity to "democratic centralism"?]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 5, pp. 33–46. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019745-0> (In Russian).
6. Kosorukov A.A. Politicheskii intsident-menedzhment [Political incident management]. In: Solov'yev A.I. (ed.) *Politologiya. Novyi leksikon* [Political Science. New Lexicon]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2023, pp. 41–50. (In Russian).
7. O poryadke rassmotreniya obrashchenii grazhdan Rossiiskoi Federatsii [On the Procedure for Considering Applications of Citizens of the Russian Federation]: Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 19, art. 2060. (In Russian).
8. OECD. *Digital Government Index: 2019 Results*. Paris, OECD Publishing, 2020. Available at: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/digital-government-index-2019-results.htm> (accessed 25.08.2026). (In English).
9. United Nations. *United Nations E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government*. New York, United Nations, 2022. Available at: <https://desa.un.org/publications/un-e-government-survey-2022> (accessed 25.08.2026). (In English).
10. United Nations. UN E-Government Survey: Methodology. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/Methodology> (accessed 25.08.2026). (In English).
11. ISAAK – intuitivnyy konstruktor chat-botov [ISAAK – an Intuitive Chatbot Builder]. ISAAK. Available at: <https://isaak.iac.spb.ru/> (accessed 25.08.2026). (In Russian).
12. Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Starostina A.N. Tsifrovizatsiya vzaimodeistviya grazhdan i gosudarstva: otsenki grazhdanami effektivov, riskov i perspektiv [Digitalization of interaction between citizens and the state: citizens' assessment of effects, risks and prospects]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2023, no. 2, pp. 33–73. DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73> (In Russian).
13. O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda [On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030 and for the Prospect until 2036]: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2024, no. 20, art. 2612. (In Russian).

Политические механизмы санкционной адаптации: юрисдикционная заменимость финансовой инфраструктуры в России в 2022–2026 годах

Недорезов Захар Игоревич

МГИМО МИД России, za.i.nedorezov@my.mgimo.ru

Статья посвящена политическим механизмам адаптации российского рынка ценных бумаг к блокировке международной депозитарной инфраструктуры в 2022–2026 гг. Исследование отвечает на вопрос, почему часть новых процедур была закреплена во внутреннем контуре, а обмен заблокированных активов сохранил ограниченный характер. Эмпирическую основу составили нормативные документы, решения государственных органов и материалы участников рынка. Методика объединяет процессуальное прослеживание и структурированное сопоставление институциональных механизмов. Установлено, что устойчивость решений определялась возможностью завершить операцию в российской юрисдикции. Сохранение обязательного иностранного участника ограничивало воспроизводимость процедур. Полученные результаты показывают, что санкционная адаптация привела к перераспределению полномочий по признанию и осуществлению прав собственности в пользу национальных институтов. Предложенный подход уточняет политологическое объяснение институциональных изменений, вызванных инфраструктурными санкциями.

Ключевые слова: санкционная адаптация, юрисдикционная заменимость, политические институты, права собственности, инфраструктурная власть, Euroclear, Национальный расчетный депозитарий, счета типа «С», Россия.

Постановка проблемы

К началу 2022 г. осуществление прав на российские ценные бумаги зависело от согласованной работы национальных реестров, российских депозитариев, Национального расчетного депозитария (НРД), международных депозитариев Euroclear и Clearstream, иностранных брокеров и управляющих компаний. Каждый участник подтверждал отдельный элемент одной операции: принадлежность инструмента, наличие денежного требования, допустимость перехода права или перечисления дохода. Такая организация рынка снижала транзакционные издержки, одновременно связывая осуществимость права собственности с решениями инфраструктурных центров, находившихся под юрисдикцией разных государств.

Санкционное воздействие состояло из ограничений с разными функциями. 24 февраля 2022 г. Соединенные Штаты ввели полную блокировку ВТБ и ограничения на корреспондентские счета Сбербанка; 6 апреля режим полной блокировки был распространен на Сбербанк. В начале марта Euroclear и Clearstream заблокировали активы на счетах НРД; 3 июня Европейский союз включил НРД в санкционный перечень и отключил Сбербанк от SWIFT. Эти меры ограничивали разные операции: банковские расчеты, платежные сообщения, депозитарный учет и расчеты по ценным бумагам. Статья исследует последний канал, поскольку он определяет возможность осуществления прав на ценные бумаги.

Масштаб этой зависимости иллюстрирует структура капитала Сбера. На конец 2021 г. Российская Федерация владела 50% плюс одной акцией, юридические лица-нерезиденты – 44,37%, российские физические лица – 3,71%, российские юридические лица – 1,92%. Часть иностранного владения учитывалась через депозитарные расписки и цепочки номинальных держателей. После прекращения нормального трансграничного обращения отдельные иностранные фонды продолжали отражать российские бумаги в отчетности. BlackRock Emerging Markets Fund указывал 6 788 060 акций Сбера на 30 апреля 2024 г. с совокупной учетной стоимостью 726 долл. США. Сочетание сохранившейся позиции, символической оценки и невозможности обычного распоряжения фиксирует расхождение между записью о владении, рыночной ценой и фактической доступностью правомочий.

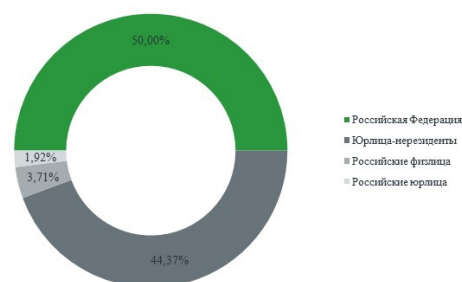

Рисунок 1. Государственный контроль и иностранное владение в капитале Сбера, конец 2021 г.

Источник: составлено автором по материалам Сбера.

Блокировка депозитарной цепочки создала двусторонний разрыв. Российские владельцы иностранных бумаг утратили доступ к операциям и выплатам по цепочке НРД – международный депозитарий. Иностранные владельцы российских бумаг столкнулись с ограничениями распоряжения активами и доходами внутри России. Для сопоставления рыночных условий использованы индекс акций IMOEX и индекс государственных облигаций RGBI. На 22 февраля 2022 г. их значения составляли 3084,74 и 121,46 пункта соответственно. К 14 августа 2026 г. IMOEX снизился до 2136,35 пункта: абсолютное изменение составило 948,39 пункта, относительное –

30,7%. RGI снизился до 114,24 пункта: абсолютное изменение составило 7,22 пункта, относительное – 5,9%. Минимум IMOEX за период был зафиксирован 10 октября 2022 г., минимум RGI – 31 октября 2024 г. Перенос российских бумаг, обмен по Указу № 844 и последующие процедуры проходили в разные фазы рынка акций и

государственного долга. Эти ряды показывают рыночный контекст решений; причинность отдельных изменений цен в статье не оценивается.

IMOEX и RGI в период санкций и российских решений, 2022–2026 гг. (22.02.2022 = 100)

Как читать: оба индекса приведены к 100 на 22.02.2022. Значение 80 означает снижение на 20%.

Роль в статье: график показывает рыночные условия, в которых принимались решения о переносе и обмене прав.

Источник: расчеты автора по дневным данным Московской биржи; последнее наблюдение – 14.08.2026.

Рисунок 2. Динамика IMOEX и RGI в период санкций и российских механизмов адаптации, февраль 2022 г. – август 2026 г.

Примечание: значение 100 соответствует уровню индекса 22 февраля 2022 г. Вертикальными линиями отмечены перенос российских бумаг и конвертация расписок 14 июля 2022 г., начало обмена по Указу № 844, повторная конвертация расписок и частное предложение обмена. Последнее наблюдение – 14 августа 2026 г.

Источник: расчеты автора по данным Московской биржи.

Исследования санкций объясняют условия уступок государства-цели, экономические издержки и распределительные последствия ограничений. Концепция «вооруженной взаимозависимости» связывает способность к принуждению с контролем центральных узлов глобальной сети. Новейшие работы описывают ответ государства-цели как движение от разовых способов обхода к институционализированным альтернативным правилам и инфраструктурам. Работы о российской политической экономии раскрывают изменение роли государства и каналов внешнеэкономического взаимодействия. В этой литературе сохраняется промежуточная аналитическая проблема. Утратив доступ к международному депозитарию, государство не может односторонне воспроизвести его глобальную сеть контрагентов и лицензий. Российский случай одновременно показывает устойчивое восстановление ряда функций внутри страны. Зависимость от одного внешнего узла, следовательно, не предопределяет единообразный результат для всех операций.

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: **почему после блокировки одного внешнего инфраструктурного узла одни функции рынка ценных бумаг были институционализированы во внутреннем контуре, а другие сохранили разрешительный и эпизодический характер?** Ответ позволяет разграничить внутреннюю адаптацию, сохраняющую внешнюю зависимость по части операций, и создание альтернативной трансграничной инфраструктуры. Научный вклад статьи состоит в выделении юрисдикционной заменимости функции как условия выбора между этими траекториями.

В политологическом отношении исследование показывает, как государство преобразует юрисдикционный контроль над инфраструктурой в полномочия классифицировать участников, признавать права и определять допуск к операциям.

Объект исследования – российский режим осуществления прав на ценные бумаги в условиях инфраструктурных санкций. Предмет исследования – изменение полномочий государства по классификации владельцев, признанию учетных записей, разрешению опера-

ций и контролю посредников. Объясняемый результат – закрепление функции в повторяемой внутренней процедуре либо ее сохранение в форме отдельного разрешенного обмена.

Теоретическая рамка и гипотеза

Политологический анализ требует разграничить экономический результат операции и властное полномочие, делающее ее возможной. Инфраструктурная власть государства проявляется в способности устанавливать обязательные категории участников, поддерживать юридически значимые записи и обеспечивать исполнение решений на контролируемой территории. Применительно к рынку ценных бумаг объектом контроля выступают место признания права, допустимый способ распоряжения активом, порядок выплаты дохода и доступ посредника к операции.

Блокировка разделила осуществление права собственности между несколькими юрисдикциями. Запись о владельце могла сохраняться, хотя получение дохода и продажа бумаги стали недоступны. В статье это состояние обозначено как *юрисдикционное расщепление осуществления права собственности*. Для каждой операции отдельно устанавливается, какой орган признает запись, кто проводит расчет и чье решение требуется для перехода права. Российское государство может назначить депозитарий или регистратора и определить порядок выплаты на своей территории. Переход иностранной бумаги к новому владельцу и получение средств из внешнего контура требуют действия иностранного участника.

В статье *юрисдикционная заменимость* означает возможность завершить конкретную операцию на основании российского акта, российской учетной записи и действий подконтрольного исполнителя. Высокая заменимость существует, когда решение иностранного депозитария или регулятора для этой операции уже не требуется. Повторное применение специального счета или реестра закрепляет первоначально чрезвычайное решение. Низкая заменимость сохраняется, если результат зависит от иностранной лицен-

зии, покупателя или признания перехода права. Российский акт в таком случае разрешает операцию внутри страны, но не обеспечивает ее завершение за рубежом.

Причинный механизм состоит из четырех последовательных действий. Государство разделяет заблокированную операцию на отдельные функции, определяет юридически завершаемую внутри страны функцию, назначает исполнителя и закрепляет процедуру повторным применением. Если для результата необходимо решение иностранного участника, российская сторона может организовать сбор заявок и внутренние расчеты. Завершение операции остается зависимым от внешнего действия. Передача технической работы частному оператору также создает информационное преимущество агента перед государственным органом.

Основная гипотеза сформулирована следующим образом: **процедура получает устойчивое институциональное закрепление, если соответствующая операция может быть завершена на основании российского решения и действий подконтрольного исполнителя без обязательного согласования с иностранным депозитарием, регулятором или покупателем.** Для проверки ожидаются три признака: достаточность российской учетной записи, наличие подконтрольного исполнителя и повторное применение процедуры. Для обменных операций проверяется сохранение обязательного иностранного действия. Гипотеза получает опровержение, если внутренне завершаемые функции остаются разовыми, зависимые от иностранных участников операции регулярно воспроизводятся без их согласия либо результат точнее объясняется размером активов и датой решения.

Данные и метод

Период наблюдения охватывает время с 5 марта 2022 г. по 17 августа 2026 г. Единицей анализа является институциональный механизм, который меняет место юридически значимого учета, создает специальную категорию владельца или счета, замещает внешний инструмент внутренним либо организует переход взаимно заблокированных прав. По этим правилам сформирован реестр 13 механизмов, выявленных в опубликованных нормативных и официальных материалах. Решения о ставке, ликвидности и режиме торгов исключены, поскольку они не меняют порядок признания права. Уголовное дело 2026 г. рассматривается отдельно как эпизод контроля посредника и не включается в число механизмов адаптации.

Аудит источников выявил 21 314 записей в агрегате X-Compliance на 16 августа 2026 г. В десяти нормализованных публичных списках на 17 августа учтено 25 787 строк включения и 11 628 уникальных объектов после межсписочной дедупликации. Разница обусловлена методикой и единицей учета. Запись агрегата, строка «объект × список» и уникальный объект описывают разные совокупности. Эти показатели задают контекст масштаба; причинный анализ опирается на датированные внешние решения и 13 российских механизмов ответа.

Код	Начало	Механизм	Политико-институциональная функция
M01	05.03.2022	Счета типа «С»	сегрегация владельцев и выплат
M02	30.05.2022	Обособление заблокированных иностранных бумаг	разделение доступного и заблокированного контуров
M06	05.07.2022	Выплаты по еврооблигациям через российскую инфраструктуру	внутреннее исполнение внешнего долгового требования
M04	14.07.2022	Принудительная конвертация расписок по заявлению	признание права вне стандартного поручения иностранного депозитария
M07	14.07.2022	Замещающие облигации	замещение иностранного инструмента российским
M05	14.07.2022	Перенос российских бумаг из иностранных номинальных цепочек	приоритет внутренней учетной записи
M08	14.07.2022	Обособление заблокированных активов ПИФ	защита доступной части коллективных инвестиций
M03	15.08.2022	Автоматическая конвертация депозитарных расписок	массовое восстановление внутреннего учета
M09	08.11.2023	Выкуп иностранных бумаг за средства со счетов типа «С»	регулируемый канал встречного обмена
M10	02.10.2024	Лицевой счет типа «С» номинального держателя	закрепление специального режима в реестре эмитента
M11	09.06.2025	Повторная автоматическая конвертация расписок	повторное применение внутреннего признания
M12	31.07.2025	Счета типа «Ин» для новых иностранных инвестиций	отделение нового капитала от заблокированного наследия
M13	08.12.2025	Предложение частного обмена заблокированных бумаг	попытка делегированного пролонгирования встречного обмена

Для каждого механизма закодированы правовое основание, исполнитель, изменение положения актива, достаточность российской записи, обязательность иностранного действия и состояние процедуры к 2026 г. Заменяемость определяется по составу юридически необходимых действий, установленному на дату принятия решения. Факт повторного применения в эту кодировку не входит. Высокая заменяемость фиксируется, если российский акт и подконтрольный исполнитель могут завершить функцию внутри страны. Закрепление процедуры устанавливается отдельно по ее повторному применению, бессрочному действию или включению в последующие правила. Источниками служат федеральные законы, указы Президента России, решения и отчеты Банка России, документы Правительственной комиссии и сообщения назначенного организатора. Процессуальное прослеживание связывает блокировку, правовое решение, исполнение и последующее закрепление. Структурированное сопоставление проверяет ожидаемые признаки по всем механизмам. Механизмы относятся к одному процессу, поэтому частоты не интерпретируются как независимые статистические наблюдения. Денежные оценки имеют разные знаменатели и сопоставляются только в пределах соответствующей процедуры.

Результаты: функции с высокой юрисдикционной заменяемостью

Первоначальная реакция состояла в разграничении владельцев и активов. Указ Президента России № 95 от 5 марта 2022 г. ввел счета типа «С» для исполнения обязательств перед иностранными кредиторами из государств, совершающих недружественные действия. 30 мая 2022 г. Банк России ограничил биржевые операции с иностранными бумагами, учитывавшимися через заблокированные счета НРД, и потребовал отделить их от доступных активов. Правовой режим стал определяться сочетанием резидентства, страны контрагента, места учета и времени поступления актива.

Следующая группа решений перенесла осуществление права во внутреннюю инфраструктуру. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 319-ФЗ и акты Банка России предусмотрели перевод российских акций, облигаций и паев из цепочки иностранных номинальных держателей в НРД или реестр эмитента. Объем российских бумаг, переведенных на первом этапе, составил около 1,36 трлн руб. Параллельно была проведена автоматическая конвертация депозитарных расписок: к концу сентября 2022 г. владельцам зачислили российские акции стоимостью около 188 млрд руб. Для бумаг, оставшихся во внешнем контуре, действовала конвертация по заявлению владельца; в июне 2025 г. автоматическая процедура была применена повторно.

Сходная институциональная конструкция распространилась на долговые требования и паевые фонды. Указ № 430 и решение Банка России от 8 июля 2022 г. установили выплаты российским держателям еврооблигаций через НРД. Замещающие облигации переводили требование по иностранному выпуску в российский инструмент. Заблокированные активы паевых фондов получили отдельный учетный контур; потенциальный круг затронутых инвесторов оценивался Банком России в 3,3 млн человек. Общим результатом стало создание внутренней записи, достаточной для осуществления прав в России без стандартного поручения международного депозитария. Орган власти контролировал юридическую норму, запись и исполнителя одной функции, что соответствует первому наблюдаемому следствию гипотезы.

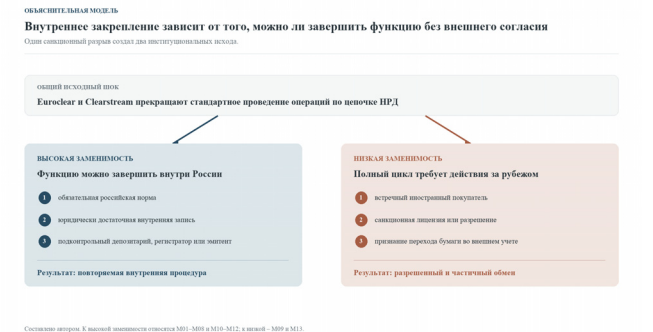

Рисунок 3. Юрисдикционная заменяемость и два исхода санкционной адаптации
Источник: составлено автором по результатам кодировки механизмов M01–M13.

Результаты: пределы внутреннего замещения

Внутренний перенос записей не восстанавливал ликвидность иностранных бумаг российских инвесторов. Указ Президента России № 844 от 8 ноября 2023 г. связал два обособленных массива: иностранные ценные бумаги российских физических лиц и рублевые средства иностранных владельцев на счетах типа «С». Нерезидент приобретал иностранную бумагу за заблокированные рубли, российский инвестор получал денежную выплату. Процедура сохраняла зависимость от встречного волеизъявления иностранного покупателя.

Правительственная комиссия назначила организатором торгов ООО «Инвестиционная палата». Компания принимала и сопоставляла заявки через брокеров и управляющие организации, обеспечивала документооборот и расчеты. К выкупу были предъявлены активы на 35,3 млрд руб.; по итогам первого этапа реализовано 8,1 млрд руб., или 22,9% заявленного объема. Второй этап и расчеты завершились в октябре 2024 г. Разница между заявленным и выкупленным объемом показывает ограничение двустороннего механизма: государственное разрешение создало канал обмена, его фактический охват определялся структурой иностранного спроса и санкционными разрешениями. Юридическая возможность внутри России не делала переход иностранной бумаги завершающим во внешней учетной системе.

В октябре 2025 г. организатор сообщил о нескольких сделках по Указу № 844 на 10,6 млрд руб. и прекращении функции координатора общерыночного обмена. В декабре компания предложила частную мену иностранных бумаг российских клиентов на российские бумаги иностранных владельцев со счетов типа «С». Подтверждение завершения этой процедуры к 17 августа 2026 г. отсутствовало, вследствие чего она кодируется как невоспроизведенное предложение.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

Российская норма восстановила внутреннее признание права, но не внешнюю обращаемость актива

Схема показывает, кто принимает решение, где возникает запись и где сохраняется иностранная точка сопоставления.

Составил автор. ИРЭ - Национальный расчетный депозитарий.

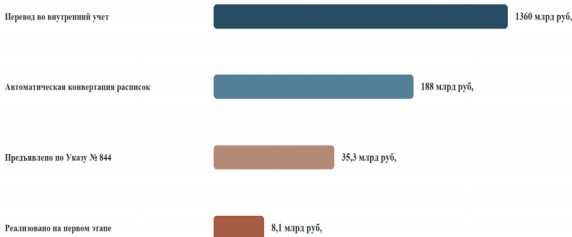
Рисунок 4. Перенос юридически значимой записи во внутренний контур и пределы такого переноса
Источник: составлено автором.

Обсуждение результатов и альтернативных объяснений

МАШТАБ ПРОЦЕДУР

Опубликованные оценки показывают различный масштаб внутренних процедур и обмена

Записки имеют разные значения, не суммируются и приводятся по логарифмической шкале.

Источник: Банк России и ООО «Инвестиционная палата». Данные не суммируются.

Рисунок 5. Охват отдельных механизмов по опубликованным оценкам, млрд руб.
Источник: составлено автором по данным Банка России и ООО «Инвестиционная палата».

Размер активов не объясняет различие двух исходов. Крупнейший опубликованный объем, около 1,36 трлн руб., относился к внутреннему переносу и был обработан через массовую процедуру. Из предъявленных к обмену активов на 35,3 млрд руб. было реализовано 8,1 млрд руб. Дата первоначального решения также не определяла результат. Внутренние механизмы повторялись в 2024–2025 гг., включая лицевой счет типа «С» номинального держателя и повторную автоматическую конвертацию. Общая централизация регулирования также присутствовала в обеих группах: российские органы определяли условия внутреннего переноса и обмена. Она не объясняет, почему обмен сохранил зависимость от иностранного покупателя и разрешения. Устойчивое различие связано с наличием обязательного действия иностранного участника для завершения конкретной операции.

Закреплению способствовало накопление административной инфраструктуры. Специальный счет, категория владельца и стандартная процедура повышают издержки отмены и упрощают повторное применение. Счета типа «Ин» отделили новые иностранные инвестиции от ранее заблокированных активов и закрепили временную границу в классификации прав. Этот результат соответствует модели перехода от адаптации к инфраструктурному разъединению. Российская сторона перенесла во внутренний контур признание и исполнение части прав. Трансграничный обмен и внешняя ликвидность сохранили зависимость от иностранных участников.

Делегирование обмена частному оператору решило задачу сбора заявок и сопоставления неоднородных активов. Публичный принципал сохранил определение условий допуска, агент получил специализированную информацию о клиентах и цепочках владения. В мае–июне 2026 г. руководители «Инвестиционной палаты» и брокера Mind Money стали фигурантами уголовного дела об особо крупном мошенничестве при конвертации депозитарных расписок (ч. 4 ст. 159 УК РФ); заявленный следствием ущерб превысил 7 млрд руб. На конец периода компания сохранялась в реестре Банка России как действующая профессиональная организация, а опубликованные меры касались отдельных поручений и участников. Этот эпизод не характеризует законность официального обмена по Указу № 844. Он образует дополнительный результат анализа делегирования и не используется для проверки основной гипотезы. Эпизод выявляет самостоятельную проблему контроля агента после передачи ему технической функции и доступа к информации о трансграничных правах.

Заключение

Исследование объясняет различие между повторяемыми внутренними процедурами и отдельными обменами заблокированных активов. Государство закрепило функции, которые российский акт, российская учетная запись и подконтрольный исполнитель позволяли завершить внутри страны. Обмен иностранных бумаг зависел от покупателя, зарубежной лицензии и признания перехода права за пределами России. Поэтому он сохранил разрешительный характер и охватил часть предъявленных активов.

Результаты структурированного сопоставления поддерживают гипотезу в пределах исследованного российского случая. Политологический вывод состоит в том, что санкционная адаптация проходила через перераспределение полномочий по признанию прав в пользу российских органов и организаций. Такое перераспределение снизило зависимость от международных депозитариев по внутренним операциям. Его пределом остается внешняя обращаемость актива, которую российская норма самостоятельно обеспечить не может.

Выводы ограничены рынком ценных бумаг и открытыми источниками. Номинальные цепочки не позволяют установить всех конечных владельцев, итоги частного предложения декабря 2025 г. публично не подтверждены, сведения следствия по уголовному делу 2026 г. не заменяют вступивший в силу судебный акт. Будущая глава диссертации должна проверить переносимость модели на платежную, страховую и товарно-логистическую инфраструктуру, а также сопоставить российский случай с юрисдикциями, использовавшими иные сочетания внутреннего учета, лицензирования и переговорных механизмов.

Литература

1. Drezner D. W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 342 p.

2. Connolly R. Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft Is Reshaping Political Economy in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 227 p.
3. Farrell H., Newman A. L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44, No. 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.
4. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The When, What, Where and Why of European Union Sanctions // *European Security*. 2021. Vol. 30, No. 1. P. 1–23. DOI: 10.1080/09662839.2021.1904081.
5. Hawkins D. G., Lake D. A., Nielson D. L., Tierney M. J. Delegation and Agency in International Organizations. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 406 p.
6. Mahoney J., Thelen K. A Theory of Gradual Institutional Change // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–37.
7. Mann M. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // *European Journal of Sociology*. 1984. Vol. 25, No. 2. P. 185–213.
8. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
9. Peksen D. When Do Imposed Economic Sanctions Work? A Critical Review of the Sanctions Effectiveness Literature // *Defence and Peace Economics*. 2019. Vol. 30, No. 6. P. 635–647.
10. Pierson P. Politics in Time. Princeton: Princeton University Press, 2004. 196 p.
11. Тимофеев И. Н. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. М.: НП РСМД, 2018. 276 с.
12. Tan D. The Decoupling Dilemma: How US Sanctions Erode Global Economic Governance // *International Organization*. 2025. Vol. 79, Special Issue 1. P. S134–S147. DOI: 10.1017/S0020818325100994.
13. Beach D., Pedersen R. B. Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines. 2nd ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2019. 328 p.
14. U.S. Department of the Treasury. U.S. Treasury Announces Unprecedented & Expansive Sanctions Against Russia, Imposing Swift and Severe Economic Costs. 24.02.2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0608>; U.S. Treasury Escalates Sanctions on Russia for Its Atrocities in Ukraine. 06.04.2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0705> (accessed: 17.08.2026).
15. Банк России. Обеспечение устойчивости финансового рынка // Итоги работы Банка России: 2022 год. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/obespechenie-ustoychivosti-finansovogo-rynka/ (дата обращения: 12.08.2026); Council of the European Union. Russia's Aggression against Ukraine: EU Adopts Sixth Package of Sanctions. 03.06.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/03/russia-s-aggression-against-ukraine-eu-adopts-sixth-package-of-sanctions/> (accessed: 12.08.2026).
16. ПАО Сбербанк. Материалы к годовому Общему собранию акционеров по итогам 2021 года; Доля юрлиц-нерезидентов в капитале Сбербанка по итогам 2021 года превышала 44% // Интерфакс. 02.06.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/844406> (дата обращения: 12.08.2026).
17. BlackRock Emerging Markets Fund, Inc. Schedule of Investments, April 30, 2024 // U.S. Securities and Exchange Commission. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/849402/000119312524174855/d851535dncsr.htm> (accessed: 12.08.2026).
18. Расчеты автора по дневным данным Московской биржи. Серии IMOEX и RGBI нормированы к уровню закрытия 22.02.2022. Последнее доступное наблюдение: 14.08.2026. URL: <https://iss.moex.com/iss/history/engines/stock/markets/index/securities/IMOEX.json>; <https://iss.moex.com/iss/history/engines/stock/markets/index/securities/RGBI.json> (дата обращения: 17.08.2026).
19. Расчеты автора по срезу X-Compliance и десяти нормализованным публичным спискам США, ЕС, Великобритании, Канады, Швейцарии, Австралии, Японии и Польши через OpenSanctions. Единица публичного слоя – строка включения объекта в отдельный список. URL: <https://www.opensanctions.org/datasets/> (accessed: 17.08.2026).
20. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203050062> (дата обращения: 12.08.2026).
21. Банк России ограничит биржевую торговлю заблокированными иностранными ценными бумагами. 30.05.2022. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12912> (дата обращения: 12.08.2026).
22. Федеральный закон от 14.07.2022 № 319-ФЗ; Банк России. Обзор рисков финансовых рынков. Ноябрь 2022 г. С. 29–30. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43666/ORFR_2022-11.pdf; Решение Совета директоров Банка России от 17.03.2023. URL: https://www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2023-03-17_34_02/ (дата обращения: 12.08.2026).
23. Банк России. Начинается автоматическая конвертация депозитарных расписок в российские акции. 12.08.2022. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14035>; Автоматическая конвертация депозитарных расписок завершена. 30.09.2022. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14763> (дата обращения: 12.08.2026).
24. Банк России. Стартует автоматическая конвертация депозитарных расписок в акции. 09.06.2025. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=24684> (дата обращения: 12.08.2026).
25. Указ Президента Российской Федерации от 05.07.2022 № 430; Решение Совета директоров Банка России от 08.07.2022. URL: https://www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-07-08_2/ (дата обращения: 12.08.2026).
26. Федеральный закон от 14.07.2022 № 319-ФЗ; Решение Совета директоров Банка России от 26.12.2025. URL: https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-12-26_38_01/ (дата обращения: 12.08.2026).
27. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2023 № 844 «О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением иностранных ценных бумаг». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=471454&moduleId=1> (дата обращения: 12.08.2026).
28. ООО «Инвестиционная палата». Выкуп иностранных ценных бумаг. URL: <https://investpalata.ru/выкуп-иностраных-ценных-бумаг/> (дата обращения: 12.08.2026).
29. ООО «Инвестиционная палата». Информационное сообщение об окончании торгов и расчетов. 12.10.2024. URL: https://storage.yandexcloud.net/s3y.investpalata.ru/VZlinnYebMA6La8nEFbXHE3OKbePgLYcQz4DRM9W/informacionnoe_soobschenie_okonchanie_torgov.pdf (дата обращения: 12.08.2026).
30. ООО «Инвестиционная палата». Сообщение в связи с публикациями СМИ. 10.10.2025. URL: <https://investpalata.ru/сообщение-в-связи-с-публикациями-сми/> (дата обращения: 12.08.2026).
31. ООО «Инвестиционная палата». Обмен заблокированных активов. 08.12.2025. URL: <https://investpalata.ru/m/> (дата обращения: 12.08.2026).
32. Указ Президента Российской Федерации от 02.10.2024 № 840; решения Совета директоров Банка России от 29.01.2025, 06.06.2025 и 31.07.2025. URL: https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-01-29_34_01/; https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-06-06_34_02/; https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-07-31_31_02/ (дата обращения: 12.08.2026).
33. Обмен активами показался подозрительным // Коммерсантъ FM. 02.06.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8709405>; У брокеров все схвачено // Коммерсантъ. 15.06.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8738367>; CySEC приостановила лицензию Mind Money // РБК Краснодар. 23.06.2026. URL: <https://kuban.rbc.ru/economics/23/06/2026/6a3a9a7b9a79471a2818f84e> (дата обращения: 12.08.2026).
34. Банк России. ООО «Инвестиционная палата»: сведения о финансовой организации и меры воздействия. URL: <https://www.cbr.ru/finorg/foinfo/?ogrn=1023601563468>; <https://www.cbr.ru/finorg/foinfo/rbr/?inn=3666007300> (дата обращения: 12.08.2026).

Political mechanisms of sanctions adaptation: jurisdictional substitutability of financial infrastructure in Russia, 2022–2026

Nedorezov Z.I.

MGIMO University

The article examines the political mechanisms through which Russia adapted its securities market to the disruption of international depository infrastructure in 2022–2026. It asks why some new procedures became established within the domestic

circuit while exchanges of frozen assets remained limited. The evidence comprises regulatory documents, decisions by public authorities, and materials published by market participants. The study combines process tracing with a structured comparison of institutional mechanisms. The findings show that durability depended on whether an operation could be completed within Russian jurisdiction. Procedures remained difficult to reproduce when the action of a foreign participant was still required. Sanctions adaptation therefore redistributed authority over the recognition and exercise of property rights in favor of national institutions. The proposed approach clarifies the political logic of institutional change induced by infrastructural sanctions.

Keywords: sanctions adaptation, jurisdictional substitutability, political institutions, property rights, infrastructural power, Euroclear, National Settlement Depository, type-C accounts, Russia.

References

- Drezner D. W. *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 342 p.
- Connolly R. *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft Is Reshaping Political Economy in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 227 p.
- Farrell H., Newman A. L. *Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion* // *International Security*. 2019. Vol. 44, No. 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.
- Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. *The When, What, Where and Why of European Union Sanctions* // *European Security*. 2021. Vol. 30, No. 1. P. 1–23. DOI: 10.1080/09662839.2021.1904081.
- Hawkins D. G., Lake D. A., Nielson D. L., Tierney M. J. *Delegation and Agency in International Organizations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 406 p.
- Mahoney J., Thelen K. *A Theory of Gradual Institutional Change* // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–37.
- Mann M. *The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results* // *European Journal of Sociology*. 1984. Vol. 25, No. 2. P. 185–213.
- North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
- Peksen D. *When Do Imposed Economic Sanctions Work? A Critical Review of the Sanctions Effectiveness Literature* // *Defence and Peace Economics*. 2019. Vol. 30, No. 6. P. 635–647.
- Pierson P. *Politics in Time*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 196 p.
- Timofeev I. N. *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty* [Sanctions Policy: Goals, Strategies, Instruments]. Moscow: Russian International Affairs Council, 2018. 276 p. (In Russ.).
- Tan D. *The Decoupling Dilemma: How US Sanctions Erode Global Economic Governance* // *International Organization*. 2025. Vol. 79, Special Issue 1. P. S134–S147. DOI: 10.1017/S0020818325100994.
- Beach D., Pedersen R. B. *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*. 2nd ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2019. 328 p.
- U.S. Department of the Treasury. *U.S. Treasury Announces Unprecedented & Expansive Sanctions Against Russia, Imposing Swift and Severe Economic Costs*. 24.02.2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0608>; *U.S. Treasury Escalates Sanctions on Russia for Its Atrocities in Ukraine*. 06.04.2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0705> (accessed: 17.08.2026).
- Банк России. Обеспечение устойчивости финансового рынка // *Итоги работы Банка России: 2022 год*. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/obespechenie-ustoychivosti-finansovogo-rynka/ (дата обращения: 12.08.2026); *Council of the European Union. Russia's Aggression against Ukraine: EU Adopts Sixth Package of Sanctions*. 03.06.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/03/russia-s-aggression-against-ukraine-eu-adopts-sixth-package-of-sanctions/> (accessed: 12.08.2026).
- ПАО Сбербанк. *Материалы к годовому Общему собранию акционеров по итогам 2021 года: Доля юрлиц-нерезидентов в капитале Сбербанка по итогам 2021 года превышала 44%* // *Интерфакс*. 02.06.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/844406> (дата обращения: 12.08.2026).
- BlackRock Emerging Markets Fund, Inc. *Schedule of Investments*, April 30, 2024 // *U.S. Securities and Exchange Commission*. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/849402/000119312524174855/d851535dncsr.htm> (accessed: 12.08.2026).
- Расчеты автора по дневным данным Московской биржи. *Серии IMOEX и RGBI нормированы к уровню закрытия 22.02.2022. Последнее доступное наблюдение: 14.08.2026*. URL: <https://iss.moex.com/iss/history/engines/stock/markets/index/securities/IMOEX.jsn> (дата обращения: 17.08.2026).
- Расчеты автора по срезу X-Compliance и десяти нормализованным публичным спискам США, ЕС, Великобритании, Канады, Швейцарии, Австралии, Японии и Польши через OpenSanctions. *Единица публичного слоя – строка включения объекта в отдельный список*. URL: <https://www.opensanctions.org/datasets/> (accessed: 17.08.2026).
- Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203050062> (дата обращения: 12.08.2026).
- Банк России ограничит биржевую торговлю заблокированными иностранными ценными бумагами. 30.05.2022. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12912> (дата обращения: 12.08.2026).
- Федеральный закон от 14.07.2022 № 319-ФЗ; Банк России. *Обзор рисков финансовых рынков*. Ноябрь 2022 г. С. 29–30. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43666/ORFR_2022-11.pdf; *Решение Совета директоров Банка России от 17.03.2023*. URL: https://www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2023-03-17_34_02/ (дата обращения: 12.08.2026).
- Банк России. *Начинается автоматическая конвертация депозитарных расписок в российские акции*. 12.08.2022. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14035>; *Автоматическая конвертация депозитарных расписок завершена*. 30.09.2022. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14763> (дата обращения: 12.08.2026).
- Банк России. *Стартует автоматическая конвертация депозитарных расписок в акции*. 09.06.2025. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=24684> (дата обращения: 12.08.2026).
- Указ Президента Российской Федерации от 05.07.2022 № 430; *Решение Совета директоров Банка России от 08.07.2022*. URL: https://www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-07-08_2/ (дата обращения: 12.08.2026).
- Федеральный закон от 14.07.2022 № 319-ФЗ; *Решение Совета директоров Банка России от 26.12.2025*. URL: https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-12-26_38_01/ (дата обращения: 12.08.2026).
- Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2023 № 844 «О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением иностранных ценных бумаг». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=471454&moduleId=1> (дата обращения: 12.08.2026).
- ООО «Инвестиционная палата». *Выкуп иностранных ценных бумаг*. URL: <https://investpalata.ru/выкуп-иностранн-ценных-бумаг/> (дата обращения: 12.08.2026).
- ООО «Инвестиционная палата». *Информационное сообщение об окончании торгов и расчетов*. 12.10.2024. URL: https://storage.yandexcloud.net/s3y.investpalata.ru/VZlInnYebMA6La8nEFbXHE3OKbePgLYcQz4DRM9W/informacionnoe_soobschenie_okonchanie_torgov.pdf (дата обращения: 12.08.2026).
- ООО «Инвестиционная палата». *Сообщение в связи с публикациями СМИ*. 10.10.2025. URL: <https://investpalata.ru/сообщение-в-связи-с-публикациями-сми/> (дата обращения: 12.08.2026).
- ООО «Инвестиционная палата». *Обмен заблокированных активов*. 08.12.2025. URL: <https://investpalata.ru/ml/> (дата обращения: 12.08.2026).
- Указ Президента Российской Федерации от 02.10.2024 № 840; *решения Совета директоров Банка России от 29.01.2025, 06.06.2025 и 31.07.2025*. URL: https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-01-29_34_01/; https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-06-06_34_02/; https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-07-31_31_02/ (дата обращения: 12.08.2026).
- Обмен активами оказался подозрительным // *Коммерсантъ FM*. 02.06.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8709405>; *У брокеров все схвачено* // *Коммерсантъ*. 15.06.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8738367>; *Сусек приостановила лицензию Mind Money* // *РБК Краснодар*. 23.06.2026. URL: <https://kuban.rbc.ru/economics/23/06/2026/6a3a9a7b9a79471a2818f84e> (дата обращения: 12.08.2026).
- Банк России. *ООО «Инвестиционная палата»: сведения о финансовой организации и меры воздействия*. URL: <https://www.cbr.ru/finorg/foinfo/?ogrm=1023601563468>; <https://www.cbr.ru/finorg/foinfo/rbr/?inn=3666007300> (дата обращения: 12.08.2026).

Привлечение иностранных инвестиций в экономику Сербии в 2025 году в рамках механизмов личной и парламентской дипломатии

Фомичев Николай Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, fomichev@bsuedu.ru

Одним из узловых регионов современной мировой политики остаются Балканы – перекрёсток цивилизаций. Здесь продолжается политическое и экономическое соперничество нескольких внешнеполитических сил: ЕС, России, Турции, США, Китая. Одной из немногих стран, пытающихся проводить взвешенную внешнюю политику в регионе остаётся Сербия. Перспективным инструментом «мягкой силы» является личная и парламентская дипломатия. Укрепление многополярного мира и позиций России в нём заставляет наблюдателей и исследователей обращать внимание на балканский регион, который, являясь частью православной цивилизации, тесно исторически связан с Россией, но политически, в значительной степени, поглощён евро-атлантическим сообществом или существенно зависит от него. В статье рассматривается динамика привлечения иностранных инвестиций в экономику Сербии в 2025 году в рамках осуществления межпарламентского взаимодействия. Прослеживается связь иностранных инвестиций и внешнеполитического курса.

Ключевые слова: парламентская дипломатия, Сербия, Народная Скупщина, внешнеэкономическая политика, инвестиции.

Введение

Основная цель данного исследования ответить на вопрос как будет эволюционировать внешняя политика Сербии в дальнейшем и как на этот процесс, а также на отношения с Россией, повлияет международная торговля и инвестиционная политика страны.

Согласно «Программе Экономических реформ на 2022-2024 гг.» доля иностранных инвестиций в структуре ВВП, к концу 2024 года приблизилась к 25%. Иностранные инвестиции в экономику Сербии в первом полугодии 2025 года составили 1,5 млрд. евро [26]. По прогнозам МВФ ожидается незначительный рост частных инвестиций в экономику Сербии до 18 % ВВП к 2030 году [32].

Рассмотрим, какая работа была проведена государственными органами Сербии в отношении привлечения новых иностранных инвестиций в экономику в 2025 году. Дадим оценку их политическим результатам.

Методы исследования и литература

Практика инвестиционной политики рассматривается в нашей статье сквозь призму *личной и парламентской дипломатии*. В рамках исследования осуществляется анализ направления и динамики внешнеэкономических и политических интересов конкретного государства на примере Сербии на основе *политико-реалистического подхода*. Исследование базируется на открытых источниках. Задействован блок документов министерств иностранных дел обеих стран: отчеты, коммюнике для прессы, двусторонние договоры. Парламентская дипломатия, согласно одному из подходов, предусматривает передачу представительному органу власти широкого набора компетенций в области внешней политики [8, с. 64]. Л.А. Савельчев отмечает что сегодня насчитывается более 130 международных парламентских институтов [1, 13, с. 113]. Новые внешнеполитические условия, в которых развивается Россия актуализируют взгляд на дипломатию как на самостоятельный идеологический аппарат [2, 5]. Тема связи политики и иностранных инвестиций достаточно широко представлена в исследованиях отечественных и сербских авторов. Субсидирование иностранных инвесторов со стороны правительства Сербии рассматривает Д. Ружичич [12]. Причину замедления притока иностранных инвестиций в Сербию по итогам 2025 года анализирует А. Телескович [14]. М. Милоевич [10] касается проблемы соотношения вклада иностранных инвестиций в экономику Сербии. Наше исследование дополняет выводы М. М. Лобанова (2019 год) об инвестиционной политике Сербии данными за 2025 год [9, с. 26-28]. Обобщающую работу об инвестициях в экономику Югославии издал Дж. Симон [33]. Эту проблему рассматривал историк Ю.В. Шахин [15]. В нашей работе мы отталкиваемся от выводов сербской исследовательницы И. Ланжевац [29] о приверженности современной Сербии «политики четырёх столпов» под которыми подразумеваются страны ЕС, Россия, Китай, США и конкретизируем некоторые её идеи с опорой на материалы 2024-2025 гг.

Анализ

Еще в СФРЮ сложилась практика привлечения иностранных инвестиций для развития экономики. За период с 1968 по 1991 г. приток прямых иностранных инвестиций составил около 1% от общего объёма капитальных вложений [33, с. 68-70]. Ю.В. Шахин считает, что уже к концу 1950-х гг. Югославия оказалась в зависимости от иностранных капиталов. [15, с. 249]. В 1990-е-2000-е гг. на фоне распада единой Югославии и иностранных санкций в отношении Союзной Республики Югославии, а позже государственного сообщества Сербии и Черногории объём иностранных инвестиций в экономику страны существенно сократился [16, с. 853]. В 2002 году был принят Закон Сербии «Об иностранных инвестициях» [7]. Согласно докладу о мировых инвестициях Конференции по мировой торговле и развитию ООН (ЮНКТАД), привлеченные иностранные инвестиции в Сербии в 2024 году составили 5 635,48 млн. долларов, что на 14,63% больше, чем в 2023 году. Для наглядности приводим динамику привлечения иностранных инвестиций в экономику СРЮ и Сербии за последние 30 лет (кроме данных за 2025 год, которые публикуются позже) (см. рис. 1) [3].

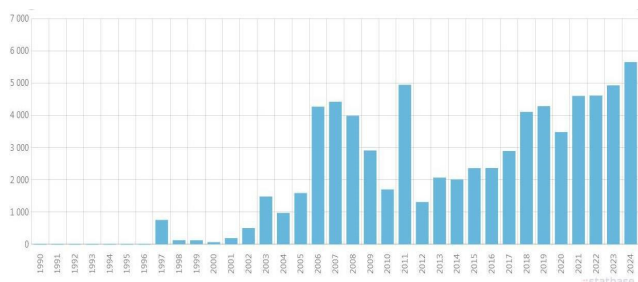

Рис. 1. Входящие прямые иностранные инвестиции 1990-2024 гг. Сербия (данные ЮНКТАД)
Источник: Официальный сайт конференции ООН по торговле и развитию [3] (в млн. долл.)

Важным элементом выстраивания политического диалога с зарубежными государствами является личная и парламентская дипломатия в рамках работы Народной Скупщины Сербии и других органов власти.

22 января 2026 года состоялось ежегодное собрание Всемирного экономического форума в Давосе где президент А. Вучич провел переговоры с президентами Швейцарии, Узбекистана и Боснии и Герцеговины. Часть дискуссии была посвящена инвестициям в авиационные технологии [4].

На заседании Народной Скупщины Республики Сербия 2025 г. были предложены 12 законопроектов, связанных с иностранными инвестициями. По итогам обсуждения все они были приняты [18].

В первой половине 2025 года депутатами Скупщины были проведены встречи с представителями Саудовской Аравии, Габона, Австралии, Алжира, Индонезии, Италии, Словении, Ватикана, МВФ. Были достигнуты принципиальные договоренности об активизации двусторонних инвестиций [19-24, 27, 28, 31].

24 сентября 2025 года Председатель Народной скупщины Сербии Ана Брнабич встретила с председателем парламента Азербайджана в Баку. Согласно её заявлению, товарооборот между Сербией и Азербайджаном увеличился в 24 раза. Было отмечено отличное сотрудничество с компанией Azviit. 12 октября 2025 года сербская делегация встретила с представителями Чехии и Азербайджана в Любляне. Глава азербайджанской делегации в Парламентской ассамблее НАТО Рамид Намазов напомнил, что сотрудничество между Сербией и Азербайджаном вышло на уровень стратегического партнерства, и выразил надежду, что в ближайшее время состоится заседание Совета стратегического партнерства. Глава сербской делегации Зоран Драгич поблагодарил Азербайджан за развитие и укрепление энергетического партнерства и выразил заинтересованность в дальнейшем развитии сотрудничества в этой сфере.

По итогам встречи представителей Парламентского измерения Саммита Западных Балкан в Лондоне было объявлено, что Сербии будут доступны средства на общую сумму около 1,59 млрд. евро в период с 2024 по 2027 год (две трети кредита и одна треть гранта) [30].

18 ноября 2025 года Делегация Комитета по европейской интеграции Скупщины приняла участие в 22-м заседании Конференции парламентских комитетов по европейской интеграции стран, участвующих в процессе стабилизации и ассоциации в Юго-Восточной Европе (COSAP). Сербия, будучи активным участником Берлинского процесса и инициативы по созданию Общего регионального рынка, демонстрирует готовность к более глубокой интеграции. Согласно заявлениям, стране удалось привлечь рекордный объем прямых иностранных инвестиций за последние два года [17].

24 октября 2025 года Президент Республики Сербия Александр Вучич принял участие в торжественной церемонии открытия нового завода немецкой компании *Muehlbauer* в Старой Пазове. Вучич заявил: «Первые инвестиции *Muehlbauer Group* в Сербию начались в 2012 году, а сегодня мы с гордостью отмечаем новый этап сотрудничества – инвестиции, которые представляют собой сочетание немецкой точности и сербского потенциала» [11]. 19 ноября 2025 года Глава Парламентской группы дружбы с Германией, встретились для обсуждения инвестиций с немецкими парламентариями.

24 ноября 2025 года Члены Комитета по иностранным делам встретились с делегацией Иордании и обсудил вопросы инвестиций [25].

12 декабря 2025 года Президент Республики Сербия Александр Вучич совершил двухдневный визит в Ниш, где поблагодарил представителей компании *Ariston Group* за решение продолжить инвестировать в Сербию и открыть новый завод в Нише [6].

Результаты

Достаточно осторожными были выводы национального Банка в Сербии. По результатам 2025 года был получен даже меньший приток иностранных инвестиций. Они составили 3,6 миллиарда. Сербские чиновники связали это с тарифной политикой США и протестами внутри страны [21]. В официальных документах Еврокомиссии (прогнозы экономического развития на 2023-2025 гг.) отмечается, что у Сербии остаются проблемы в области конкуренции и государственной помощи [34]. По мнению И. Ланджеваца, население демонстрирует скептицизм в отношении скорой безальтернативной экономической, а затем и политической интеграции страны в евро-атлантический цивилизационный круг [29, р. 5].

Анализируя привлечение иностранных инвестиций в экономику Сербии в 2025 году следует отметить также следующие тенденции. В геополитическом смысле современные власти Сербии стремятся к наилучшим политическим и экономическим отношениям со всеми регионами мира (но настолько, насколько это не противоречит магистральному курсу на вступление в ЕС). Это подтверждает география активного межпарламентского и межминистерского сотрудничества, а также личной дипломатии в котором представлены помимо традиционных партнеров также страны Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки и даже Океании (в т.ч. те страны, с которыми велось сотрудничество еще в период активной деятельность Движения неприсоединения). Следует отметить, что для современной сербской элиты признание страной-партнером независимости так называемого Косово не является препятствием для сотрудничества. Так новые инвестиционные соглашения были подписаны или анонсированы со странами Европы (членами ЕС и не входящими в объединение), Японией, Турцией, США, Египтом, Саудовской Аравией, Австралией, Иорданией и многими другими. Все они не признают суверенитет Белграда над Косово и Метохией.

По состоянию на 2025 год Сербия подписала соглашения о стратегическом партнерстве с ЕС, США, Италией, Францией, Грецией Венгрией, Китаем, Россией, Египтом, Азербайджаном и ОАЭ. Таким образом, внешнеполитическая линия Сербии с конца 2010-х годов базирующаяся на концепции «четырёх столпов» имеет явно выраженный евро-атлантический крен. Сербия подчеркивает независимость своей внешнеполитической линии. Продолжает развиваться отношения в рамках стратегического партнерства. Энергетическое взаимодействие с Москвой постепенно сокращается, в тоже время, ускоряется сотрудничество с Турцией и Азербайджаном.

За 2025 год в этом области было принято, как минимум, 15 новых законопроектов. Способствуют увеличению иностранных капиталовложений такие международные правовые механизмы как Центрально-Европейская инициатива (CEI), План развития Западных Балкан, Фонд реформ и роста для Западных Балкан.

Представленность других регионов во вложениях в сербскую экономику пока существенно ниже, хотя личная и парламентская дипломатия в этом направлении в рассматриваемый период была исключительно активной. Большое значение современные власти Сербии придают готовящейся выставке EXPO-2027.

Сербия формирует собственную траекторию внешней политики, что становится значимым фактором в современной геополитической структуре мира. Политические последствия этого выбора, на наш взгляд, могут проявить себя в обозримой перспективе, в случае сохранения страной нынешнего геополитического курса.

Литература

1. Азиз Н.М. Парламентская дипломатия в системе парламентских измерений международных отношений // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. – 2021. – № 9. – С. 197-213. – DOI: 10.33581/2311-9470-2021-9-197-213
2. Варлен М.В. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире // Lex Russica. – 2019. – № 7 (152). – С. 54-65. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065

3. Входящие прямые иностранные инвестиции 1990-2024 г. Сербия [Электронный ресурс] // Statbase (сайт агрегатор данных международных организаций). Данные ЮНКТАД за 1990-2024 г. – URL: <https://statbase.ru/data/srb-foreign-direct-investment-inflows/#> (дата обращения 24.04.2026).
4. Годишњи састанак Светског економског форума у Давосу [Электронный ресурс] // Председник Републике Србије. – 22 января 2026 г. – URL: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/godisnji-sastanak-svetiskog-ekonomskog-foruma-u-davosu-33792> (дата обращения 12.02.2026).
5. Громогласова Е. Многосторонние форматы парламентской дипломатии в зеркале теорий Л. Альтюссера и А. Грамши [Электронный ресурс] // Российский Совет по международным делам (РСМД). – 10 июля 2023 г. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogostoronnie-formaty-parlamentskoy-diplomatii-v-zerkale-teoriy-l-altjussera-i-a-gramshi/?sphrase_id=201567939&ysclid=mmtjemj3x1385888971 (дата обращения 25.04.2026).
6. Дводневна посета Нишу [Электронный ресурс] // Председник Републике Србије. – 12 декабря 2025 г. – URL: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/dvodnevna-poseta-nisu> (дата обращения 12.01.2026).
7. Закон «Об иностранных инвестициях» (Официальный вестник Союзной Республики Югославии № 3/2002 и 5/2003), Сербия [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7380> (дата обращения 21.04.2026).
8. Лесников А.А. Понятие «Парламентская дипломатия»: современные теоретико-методологические подходы // Социально-политические науки. – 2019. – № 1. – С. 63-65.
9. Лобанов М.М. Проблемы развития Сербии: как «удержаться на гребне» новой волны экономического роста?: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 53 с.
10. Милоевич М. Стране инвестиције у Србији. Највећи инвеститори и Русија [Электронный ресурс] // Балкански Пословни Клуб. – 30 октября 2023 г. – URL: <https://balkanclub.business/sr/2023/ekonomika-sr/inostranne-investicije-i-v-srbiji-samye-krupnye-investory-i-rossiya/> (дата обращения 25.04.2026).
11. Отварање фабрике Muehlbauer // Председник Републике Србије – 24 октября 2025 г. – URL: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/otvaranje-fabrike-muehlbauer-33610> (дата обращения 25.04.2026).
12. Ружичић Д. Како Србија инвестира у стране инвеститоре [Электронный ресурс] // Портал Геополитика.ру. – 26 марта 2018 г. – URL: <https://www.geopolitika.ru/sr/article/kako-srbija-investira-u-strane-investitore> (дата обращения 25.04.2026).
13. Савельчев Л.А. Концептуализация парламентской дипломатии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. – Т. 18. – № 3 (49). – С. 112-121. – DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-112-121
14. Телесковић А. Ко блокира стране инвестиције у Србији: Шта студенти, шта странци, а шта радници «Леонија» знају о томе? [Электронный ресурс] // РТС Планета. – 8 ноября 2025 г. – URL: <https://oko.rts.rs/ekonomija/5087044/ko-blokira-strane-investicije-u-srbiji-sta-studenti-sta-stranci-a-sta-radnici-leonija-znaju-o-tome.html> (дата обращения 25.04.2026).
15. Шахин Ю.В. Югославия на пути модернизации: 1947-1961 гг. – Изд. Стереотип. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. – 288 с.
16. Югославия в XX веке: очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: «Индрик», 2011. – 888 с.
17. 22-nd COSAP Meeting [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia – 18 ноября 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/22nd_COSAP_Meeting_52113.537.html (дата обращения 24.04.2026).
18. 22-nd Sitting of the Committee on Finance, State Budget and Control of Public Spending // National Assembly Republic of Serbia. – 3 марта 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/22nd_Sitting_of_the_Committee_on_Finance_State_Budget_and_Control_of_Public_Spending.50700.537.html (дата обращения 24.04.2026).
19. Advancing Serbia-Slovenia partnership in Agro-industry [Электронный ресурс] // The Government Republic of Serbia. – 24 августа 2025 г. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/256159/advancing-serbia-slovenia-partnership-in-agro-industry.php> (дата обращения 24.04.2026).
20. CEI PD Parliamentary Committee Meeting [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. – 21 мая 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/CEI_PD_Parliamentary_Committee_Meeting.51135.537.html (дата обращения 25.04.2026).
21. Continued investment in food processing sector with help of World Bank [Электронный ресурс] // The Government Republic of Serbia. – 1 апреля 2025 г. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/246232/continued-investment-in-food-processing-sector-with-help-of-world-bank.php> (дата обращения 26.04.2026).
22. Cooperation with IMF important for Serbia's sustainable economic growth [Электронный ресурс] // The Government Republic of Serbia. – 10 июня 2025 г. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/251272/cooperation-with-imf-important-for-serbias-sustainable-economic-growth.php> (дата обращения 26.04.2026).
23. Delegation of PFG with Italy and Holy See meets with Italian delegation to CEI PD [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. – 20 мая 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Delegation_of_PFG_with_Italy_and_Holy_See_Meets_with_Italian_Delegation_to_CEI_PD.51126.537.html (дата обращения 26.04.2026).
24. Foreign Affairs Committee hosts Algeria-Serbia Parliamentary Friendship Group Delegation [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. – 25 февраля 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Foreign_Affairs_Committee_Hosts_Algeria-Serbia_Parliamentary_Friendship_Group_Delegation.50632.537.html (дата обращения 25.04.2026).
25. Foreign Affairs Committee Members meet with Jordanian Parliamentary Public Services and Transportation Committee Delegation [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. 24 ноября 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Foreign_Affairs_Committee_Members_Meet_with_Jordanian_Parliamentary_Public_Services_and_Transportation_Committee_Delegation.52172.537.html (дата обращения 25.04.2026).
26. Government of the Republic of Serbia. Economic Reform Programme for the period 2022-2024. – Belgrade: Ministry of Finance of the Republic of Serbia, 2022.
27. Head of National Assembly Standing Delegation to La Francophonie Parliamentary Assembly MA Jadranka Jovanovic meets with Gabonese delegation [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. – 21 февраля 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Head_of_National_Assembly_Standing_Delegation_to_La_Francophonie_Parliamentary_Assembly_MA_Jadranka_Jovanovic_Meets_with_Gabonese_Delegation.50603.537.html (дата обращения 21.04.2026).
28. Head of PFG with Southeast Asia meets with Indonesian Ambassador [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. – 19 августа 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Head_of_PFG_with_Southeast_Asia_Meets_with_Indonesian_Ambassador_51597.537.html (дата обращения 21.04.2026).
29. Ladevac I. Serbia external relations briefing: perspectives of Serbian external politics in 2025: are the four pillars realistic? [Электронный ресурс] // China-CEE Institute. Monthly Briefing. – January 2025. – Vol. 1. – No. 4 (RS). – URL: https://china-cee.eu/wp-content/uploads/2025/04/2025er01_Serbia.pdf
30. National Assembly delegation takes part in Western Balkans Summit Parliamentary Dimension Meeting in London [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. – 16 октября 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/National_Assembly_Delegation_Takes_Part_in_Western_Balkans_Summit_Parliamentary_Dimension_Meeting_in_London.51886.537.html (дата обращения 21.04.2026).
31. National Assembly deputy speaker Edin Djerlek meets with Saudi Arabian delegation [Электронный ресурс] // National Assembly Republic of Serbia. – 22 мая 2025 г. – URL: http://www.parlament.gov.rs/National_Assembly_Deputy_Speaker_Edin_Djerlek_Meets_with_Saudi_Arabian_Delegation.51141.537.html (дата обращения 26.04.2026).

32. Nguyen A.T.N. Republic of Serbia Selected Issues [Электронный ресурс] // IMF Country Report No. 25/177. – July 2025. – URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/cr/2025/english/1srbea2025002-source-pdf.pdf> (дата обращения 21.04.2026).

33. Simon, G., Jr. An economic history of socialist Yugoslavia. – Rochester: Social Science Research Network, 2012. – P. 1-129.

34. Staff Working Document. Economic Reform Programme of Serbia (2023-2025). Commission Assessment / Brussels, 18.4.2023 Swd (2023) 108 final [Электронный ресурс] // European Commission. – URL: https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/8de2f821-f453-4fd5-9cad-f9aa90c6ef9d_en (дата обращения 25.04.2026).

Serbian economy foreign investments attraction in 2025: personal and parliamentary diplomacy Fomichev N.N.

Belgorod State University

The Balkans, a crossroads of civilizations, remains one of the key regions of modern world politics. The political and economic rivalry of several foreign policy forces continues here: the EU, Russia, Turkey, the United States, and China. Serbia remains one of the few countries trying to pursue a balanced foreign policy in the region. A promising tool of "soft power" is personal and parliamentary diplomacy. The strengthening of the multipolar world and Russia's position in it forces observers and researchers to pay attention to the Balkan region, which, being part of the Orthodox civilization, is closely historically connected with Russia, but is politically largely absorbed by the Euro-Atlantic community or significantly depends on it. The article examines the dynamics of attracting foreign investment into the Serbian economy in 2025 as part of interparliamentary cooperation. There is a connection between foreign investment and foreign policy.

Keywords: parliamentary diplomacy, Serbia, National Assembly, foreign economic policy, investment.

References

1. Aziz N.M. Parliamentary diplomacy in the system of parliamentary dimensions of international relations // Actual Problems of International Relations and Global Development. – 2021. – No. 9. – P. 197-213. – DOI: 10.33581/2311-9470-2021-9-197-213
2. Varlen M.V. The growing role of parliamentary diplomacy in a multipolar world // Lex Russica. – 2019. – No. 7 (152). – P. 54-65. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065
3. Incoming foreign direct investment 1990-2024 Serbia [Electronic resource] // Statbase (website aggregator of data from international organizations). UNCTAD data for 1990-2024. – URL: <https://statbase.ru/data/srb-foreign-direct-investment-inflows/#> (accessed April 24, 2026).
4. The World Economic Forum's annual meeting in Davos // President of the Republic of Serbia. – January 22, 2026. – URL: <https://www.predsednik.rs/prescentar/vesti/godisnji-sastanak-svetskog-ekonomskog-foruma-u-davosu-33792> (accessed February 12, 2026).
5. Gromoglasova E. Multilateral formats of parliamentary diplomacy in the mirror of the theories of Louis Althusser and Antonio Gramsci [Electronic resource] // The Russian Council for International Affairs. – July 10, 2023. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogostoronnie-formaty-parlamentskoy-diplomatii-v-zerkale-teorii-l-altyussera-i-a-gramshi/?phrase_id=201567939&ysclid=mmtjemj3x1385888971 (accessed April 25, 2026).
6. Two-day visit to Niš [Electronic resource] // President of the Republic of Serbia. – December 12, 2025. – URL: <https://www.predsednik.rs/prescentar/vesti/dvodnevna-poseta-nisu> (accessed January 12, 2026).
7. Law on Foreign Investments (Official Gazette of the Federal Republic of Yugoslavia Nos. 3/2002 and 5/2003), Serbia [Electronic resource]. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7380> (accessed April 21, 2026).
8. Lesnikov A.A. The concept of "Parliamentary diplomacy": modern theoretical and methodological approaches // Sociopolitical Sciences. – 2019. – No. 1. – P. 63-65.
9. Lobanov M.M. The problems of development of Serbia: how to stay "on the crest of a new wave" of economic growth?: Scientific report. – Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2019. – 53 p.
10. Miloevich M. Foreign investment in Serbia. The largest investors and Russians [Electronic resource] // Balkan Business Club. – October 30, 2023. – URL: <https://balkanclub.business/sr/2023/ekonomika-sr/inostrannye-investiczi-v-serbii-samy-e-kрупnye-investory-i-rossiya/> (accessed April 25, 2026).
11. Opening of the Mulbauer factory [Electronic resource] // President of the Republic of Serbia. – October 24, 2025. – URL: <https://www.predsednik.rs/prescentar/vesti/otvaranje-fabrike-muehlbauer-33610> (accessed April 25, 2026).
12. Ružičić D. How Serbia to invests in foreign investors [Electronic resource] // Portal Geopolitika.ru. – March 26, 2018. – URL: <https://www.geopolitika.ru/sr/article/kako-srbija-investira-u-strane-investitore> (accessed April 25, 2026).
13. Savelchev L.A. Conceptualizing parliamentary diplomacy // EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics. – 2024. – Vol. 18. – No. 3 (49). – P. 112-121. – DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-112-121
14. Telesković A. Who blocks foreign investments in Serbia: What do students, what foreigners, and what do Leonija workers know about it? [Electronic resource] // RTS Planeta. – November 8, 2025. – URL: <https://oko.rts.rs/ekonomija/5087044/koblokira-strane-investicije-u-srbiji-studenti-sta-stranci-a-sta-radnici-leonija-znaju-o-tome.html> (accessed April 25, 2026).
15. Shahin Yu.V. Yugoslavia on the road to modernization: 1947-1961. – Ster. ed. – Moscow: LKI Publishing House, 2014. – 288 p.
16. Yugoslavia in the 20th century: essays on political history / K.V. Nikiforov (chief ed.). – Moscow: Indrik, 2011. – 888 p.
17. 22-nd COSAP Meeting [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – November 18, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/22nd_COSAP_Meeting_52113.537.html (accessed April 24, 2026).
18. 22-nd Sitting of the Committee on Finance, State Budget and Control of Public Spending // National Assembly Republic of Serbia. – March 3, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/22nd_Sitting_of_the_Committee_on_Finance_State_Budget_and_Control_of_Public_Spending.50700.537.html (accessed April 24, 2026).
19. Advancing Serbia-Slovenia partnership in Agro-industry [Electronic resource] // The Government Republic of Serbia. – August 24, 2025. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/256159/advancing-serbia-slovenia-partnership-in-agro-industry.php> (accessed April 24, 2026).
20. CEI PD Parliamentary Committee Meeting [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – May 21, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/CEI_PD_Parliamentary_Committee_Meeting.51135.537.html (accessed April 25, 2026).
21. Continued investment in food processing sector with help of World Bank [Electronic resource] // The Government Republic of Serbia. – April 1, 2025. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/246232/continued-investment-in-food-processing-sector-with-help-of-world-bank.php> (accessed April 26, 2026).
22. Cooperation with IMF important for Serbia's sustainable economic growth [Electronic resource] // The Government Republic of Serbia. – June 10, 2025. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/251272/cooperation-with-imf-important-for-serbias-sustainable-economic-growth.php> (accessed April 26, 2026).
23. Delegation of PFG with Italy and Holy See meets with Italian delegation to CEI PD [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – May 20, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Delegation_of_PFG_with_Italy_and_Holy_See_Meets_with_Italian_Delegation_to_CEI_PD.51126.537.html (accessed April 26, 2026).
24. Foreign Affairs Committee hosts Algeria-Serbia Parliamentary Friendship Group Delegation [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – February 25, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Foreign_Affairs_Committee_Hosts_Algeria-Serbia_Parliamentary_Friendship_Group_Delegation.50632.537.html (accessed April 25, 2026).
25. Foreign Affairs Committee Members meet with Jordanian Parliamentary Public Services and Transportation Committee Delegation [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. November 24, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Foreign_Affairs_Committee_Members_Meet_with_Jordanian_Parliamentary_Public_Services_and_Transportation_Committee_Delegation.52172.537.html (accessed April 25, 2026).
26. Government of the Republic of Serbia. Economic Reform Programme for the period 2022-2024. – Belgrade: Ministry of Finance of the Republic of Serbia, 2022.
27. Head of National Assembly Standing Delegation to La Francophonie Parliamentary Assembly MA Jadranka Jovanovic meets with Gabonese delegation [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – February 21, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Head_of_National_Assembly_Standing_Delegation_to_La_Francophonie_Parliamentary_Assembly_MA_Jadranka_Jovanovic_Meets_with_Gabonese_Delegation.50603.537.html (accessed April 21, 2026).
28. Head of PFG with Southeast Asia meets with Indonesian Ambassador [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – August 19, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/Head_of_PFG_with_Southeast_Asia_Meets_with_Indonesian_Ambassador.51597.537.html (accessed April 21, 2026).
29. Lađevac I. Serbia external relations briefing: perspectives of Serbian external politics in 2025: are the four pillars realistic? [Electronic resource] // China-CEE Institute. Monthly Briefing. – January 2025. – Vol. 1. – No. 4 (RS). – URL: https://china-cee.eu/wp-content/uploads/2025/04/2025er01_Serbia.pdf
30. National Assembly delegation takes part in Western Balkans Summit Parliamentary Dimension Meeting in London [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – October 16, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/National_Assembly_Delegation_Takes_Part_in_Western_Balkans_Summit_Parliamentary_Dimension_Meeting_in_London.51886.537.html (accessed April 21, 2026).
31. National Assembly deputy speaker Edin Džerlek meets with Saudi Arabian delegation [Electronic resource] // National Assembly Republic of Serbia. – May 22, 2025. – URL: http://www.parlament.gov.rs/National_Assembly_Deputy_Speaker_Edin_Džerlek_Meets_with_Saudi_Arabian_Delegation.51141.537.html (accessed April 26, 2026).
32. Nguyen A.T.N. Republic of Serbia Selected Issues [Electronic resource] // IMF Country Report No. 25/177. – July 2025. – URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/cr/2025/english/1srbea2025002-source-pdf.pdf> (accessed April 21, 2026).
33. Simon, G., Jr. An economic history of socialist Yugoslavia. – Rochester: Social Science Research Network, 2012. – P. 1-129.
34. Staff Working Document. Economic Reform Programme of Serbia (2023-2025). Commission Assessment / Brussels, 18.4.2023 Swd (2023) 108 final [Electronic resource] // European Commission. – URL: https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/8de2f821-f453-4fd5-9cad-f9aa90c6ef9d_en (accessed April 25, 2026).

Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации: основы и перспективы развития

Базулев Максим Сергеевич

аспирант, кафедра публичного права, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, bazulev.max@gmail.com

Предмет статьи составляет правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации с учетом действующей модели их выпуска и обращения и перехода к обновленной системе регулирования цифровых прав. Актуальность определяется усложнением нормативного режима ЦФА, расширением сферы их использования и формированием специальной инфраструктуры финансового рынка. Цель исследования – определить содержание действующего правового режима ЦФА, выявить его основные ограничения и установить направления дальнейшего развития. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и логико-аналитический методы, классификация, обобщение и синтез. Материал образуют нормы гражданского, финансового, налогового и валютного законодательства, акты, регулирующие экспериментальные правовые режимы, а также русскоязычные научные публикации 2023–2025 гг. Научная новизна состоит в систематизации развития регулирования от модели обособленного оборота ЦФА внутри контролируемых информационных систем к более дифференцированной инфраструктуре цифровых прав. Раскрыты правовая природа ЦФА, механизмы выпуска и обращения, трансграничное использование, защита участников и проблемы правоприменения. Полученные положения могут применяться при совершенствовании нормативного регулирования и оценке законодательных инициатив в сфере цифрового финансового оборота.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, цифровая валюта, правовое регулирование, финансовый рынок, оператор информационной системы, трансграничные расчеты, защита инвесторов, экспериментальный правовой режим, цифровой финансовый оборот.

Введение

Цифровые финансовые активы получили в российском праве самостоятельный режим через сочетание гражданско-правовой конструкции цифровых прав и специальных требований к выпуску, учету, обращению и деятельности операторов информационных систем. Последовательные изменения законодательства распространили регулирование на налогообложение соответствующих операций, отдельные формы трансграничного использования цифровых прав, долговые ЦФА и экспериментальные операции с цифровой валютой. Следующий этап связан с Федеральным законом от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», основная часть которого вступает в силу 1 сентября 2026 г. и предусматривает более развернутую систему размещения, обращения и учета цифровых прав. На 17 августа 2026 г. сохраняется переходное состояние правового регулирования, при котором действующая модель Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ должна соотноситься с уже принятым новым законодательным режимом.

Цель исследования состоит в определении содержания и внутренней логики российского правового регулирования цифровых финансовых активов, выявлении его ограничений и установлении перспектив дальнейшего развития. Для достижения цели решаются три задачи: во-первых, уточнить правовую природу ЦФА и их место среди цифровых прав с разграничением смежных цифровых финансовых инструментов, во-вторых, систематизировать правовые механизмы выпуска, учета, обращения и использования ЦФА, включая инфраструктурные, защитные и трансграничные элементы, в-третьих, установить противоречия действующей модели и определить направления ее преобразования с учетом законодательных изменений 2024–2026 гг.

Научная новизна выражается в рассмотрении регулирования ЦФА как развивающейся системы, в которой изменение предмета правового воздействия сопровождается перестройкой инфраструктуры оборота. Если первоначальная конструкция сосредоточивала возникновение и движение прав внутри информационной системы, то современный законодательный вектор охватывает специализированные виды ЦФА, посреднические функции, учет цифровых прав и взаимодействие различных категорий участников финансового рынка. Перспективность этой модели определяется не расширением перечня цифровых объектов как таковым, а согласованностью их квалификации, порядка обращения и механизмов защиты обладателей.

Материалы и методы

Нормативную основу составили положения ст. 128 и 141.1 ГК РФ, Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ, Федеральных законов от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ и от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ, Федерального закона от 15 декабря 2025 г. № 466-ФЗ, а также Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ. Научный корпус сформирован исследованиями, раскрывающими разные элементы правового режима цифровых активов: А.З. Арсланбекова и А.Х. Сотавов [1] сопоставляют российские и зарубежные подходы к выпуску и обращению ЦФА и разграничивают ЦФА, цифровую валюту и цифровой рубль, А.И. Гончаров и В.А. Садков [2] определяют содержание ЦФА через удостоверяемые ими имущественные права и способ их фиксации в информационной системе, Е.В. Зайнутдинова [3] классифицирует модели регулирования цифровых прав и цифровой валюты по степени допуска их оборота, С.А. Иванова и О.Ю. Горбачёва [4] исследуют юридическое содержание конструкции ЦФА и ее связь с имущественными правами и финансовыми инструментами, И.Ш. Исмаилов [5] рассматривает нормативные и инфраструктурные условия применения цифровых активов в трансграничных операциях, С.П. Мышакова [6] систематизирует пробелы регулирования ЦФА и цифровых валют, включая вопросы защиты инвесторов, налогообложения и международного взаимодействия, А.В. Семёнов [7] переносит проблему квалификации цифровых активов в сферу несостоятельности и формирования конкурсной

массы, Д.А. Фадеев [8] выделяет ограничения международных расчетов российскими ЦФА, связанные со статусом нерезидентов, признанием цифровых прав и замкнутостью инфраструктуры, П.П. Фирсанова [9] сопоставляет законодательные и доктринальные определения ЦФА и их соотношение с цифровыми правами и цифровой валютой, Д.С. Четвергов [10] исследует нормативные препятствия посреднической деятельности и возможность сближения инфраструктуры ЦФА с моделью рынка бездокументарных ценных бумаг.

Формально-юридический анализ применен для установления содержания норм, определяющих ЦФА и порядок реализации удостоверенных ими прав, сравнительный анализ – для сопоставления доктринальных квалификаций и моделей регулирования, классификация – для разграничения объектов и инфраструктурных механизмов, логико-аналитический анализ – для выявления связей между правовой природой актива и способом организации его оборота. Обобщение и синтез использованы при определении направлений развития регулирования на основе выявленных нормативных и доктринальных расхождений.

Результаты

Исходным элементом правового режима ЦФА выступает их включение в категорию цифровых прав. Статья 141.1 ГК РФ относит к цифровым правам названные в таком качестве законом обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами соответствующей информационной системы, распоряжение такими правами также осуществляется внутри информационной системы. Федеральный закон № 259-ФЗ конкретизирует эту конструкцию применительно к ЦФА, связывая их с денежными требованиями, возможностью осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, правами участия в капитале непубличного акционерного общества и правом требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Права первого обладателя возникают с момента внесения записи о зачислении актива в информационную систему. Построение исключает отождествление ЦФА с любой цифровой записью, криптовалютой или техническим токеном: правовое значение приобретает предусмотренное законом субъективное право, существование и оборот которого обеспечиваются установленной информационной инфраструктурой. А.З. Арсланбекова и А.Х. Сотавов связывают сохраняющиеся проблемы квалификации именно с разграничением ЦФА, цифровой валюты и иных цифровых инструментов [1].

Правовая природа ЦФА раскрывается через соотношение содержания удостоверяемого права и цифровой формы его фиксации. А.И. Гончаров и В.А. Садков исходят из того, что сущностное содержание ЦФА образуют определенные законодательством имущественные права, а сама конструкция представляет способ фиксации и последующего оборота этих прав в информационной системе [2]. Авторы тем самым смещают центр квалификации с технологического носителя на юридическое содержание отношения.

Способ допуска цифровых объектов к обороту определяет характер государственного воздействия на соответствующий рынок. Е.В. Зайнутдинова разграничивает запретительную, частично запретительную, разрешительную и дозвольтельную модели регулирования цифровых прав и цифровой валюты [3]. Российский режим ЦФА по этой классификации тяготеет к разрешительной модели: выпуск и обращение допустимы, однако связываются с установленными законом информационными системами, регистрационными требованиями к инфраструктурным организациям, контролем Банка России и специальными условиями приобретения отдельных активов. Модель соединяет признание оборотоспособности цифрового права с предварительным определением субъектов, технологической среды и допустимых юридических действий. Разрешение здесь относится не к цифровому объекту вообще, а к конкретному способу его создания и обращения.

Юридическая конструкция ЦФА поэтому не сводится к обозначению нового вида финансового продукта. С.А. Иванова и О.Ю. Горбачёва рассматривают правовое содержание ЦФА через закрепленные законом имущественные права и анализируют данный инструмент с учетом развития механизмов его обращения [4]. Из этого положения следует функциональная неоднородность самой категории: единая цифровая форма способна удостоверять права различного содержания, а соответствующий режим должен учитывать юридические характеристики базового требования. Этот принцип уже получил законодательное развитие применительно к долговым

ЦФА. Федеральный закон от 15 декабря 2025 г. № 466-ФЗ выделил цифровые финансовые активы, включающие исключительно денежные требования в размере цены приобретения при выпуске и предусмотренных периодических выплатах, и установил дополнительные требования к решению об их выпуске. Специализация норм по содержанию удостоверяемого требования формирует более точную связь между экономической функцией инструмента и его юридическим режимом.

Расширение сферы применения цифровых прав проявилось в регулировании внешнеторговых отношений. И.Ш. Исмаилов рассматривает ЦФА, цифровую валюту и цифровой рубль как различные возможные инструменты трансграничных операций и связывает их использование с созданием нормативных, инфраструктурных и организационных условий [5]. Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ расширил возможности использования цифровых прав во внешней торговле, передача ЦФА, утилитарных и гибридных цифровых прав в качестве встречного предоставления по внешне-торговым договорам между резидентами и нерезидентами была включена в систему финансового контроля. Юридическое разрешение трансграничной операции при этом не устраняет вопрос о признании соответствующего цифрового права за пределами российской информационной системы, что отделяет национальную допустимость сделки от ее практической трансграничной реализуемости.

Система ограничений выполняет защитную функцию, однако одновременно повышает зависимость оборота от качества институциональной инфраструктуры. С.П. Мышакова связывает дальнейшее развитие регулирования с устранением пробелов в сфере защиты инвесторов, налогообложения, противодействия неправомерным операциям и международного взаимодействия [6]. Налоговый аспект уже образует самостоятельный компонент режима: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ закрепил особенности налогообложения операций с ЦФА и цифровыми правами, включающими одновременно ЦФА и утилитарные цифровые права, соответствующие специальные нормы содержатся в Налоговом кодексе РФ. Регулирование ЦФА поэтому вышло за пределы правил выпуска и передачи актива и охватывает юридические последствия получения дохода, исполнения обязательств и совершения операций с ним.

Статус ЦФА как имущественного объекта приобретает отдельное значение при обращении взыскания и несостоятельности обладателя. А.В. Семёнов анализирует цифровые финансовые активы применительно к конкурсной массе и связывает проблему с общей квалификацией цифровых объектов как имущества [7]. Для банкротства недостаточно абстрактного признания экономической ценности актива: практическое включение ЦФА в имущественную массу требует юридически и технически обеспеченного доступа к записи, установления принадлежности права и возможности его дальнейшего распоряжения в установленной информационной системе. Инфраструктурная форма существования ЦФА вследствие этого влияет на осуществление общих гражданско-правовых механизмов, рассчитанных на имущество, оборот которого не зависит от специальной цифровой среды.

Трансграничное использование наиболее отчетливо обнаруживает расхождение между национальной легализацией цифрового инструмента и его внешней оборотоспособностью. Д.А. Фадеев выделяет неопределенность статуса нерезидентов, отсутствие механизма трансграничного признания российских ЦФА, замкнутость инфраструктуры их обращения, требования идентификации и технические барьеры подключения иностранных участников [8]. В числе предлагаемых направлений автор рассматривает международную гармонизацию, создание сопряженных платформ, развитие валютного контроля в цифровой среде и институционализацию положения нерезидента. Эти выводы дополняют позицию И.Ш. Исмаилова [5]: правовая возможность использовать цифровой инструмент во внешне-торговом договоре создает исходное основание сделки, однако трансграничная эффективность требует совместимости правил идентификации, учета, исполнения и признания прав. Сопоставление данных положений с классификацией Е.В. Зайнутдиновой [3] и выводами А.З. Арсланбековой, А.Х. Сотавова [1] показывает, что различия национальных моделей становятся самостоятельным ограничителем оборота даже при отсутствии внутреннего запрета на соответствующую операцию.

Отдельного разграничения требует использование ЦФА и цифровой валюты во внешнеэкономической деятельности. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ предоставил Банку России полномочия устанавливать экспериментальные правовые режимы для операций с цифровыми валютами во внешнеторговой деятельности и для проведения организованных торгов цифровой валютой. Следовательно, законодатель использует различные способы легализации цифровых инструментов: оборот ЦФА опирается на нормативно определенные цифровые права и регулирующую информационную инфраструктуру, а специальные внешнеторговые операции с цифровой валютой получили экспериментальный механизм допуска. Смещение этих режимов искажает правовой статус ЦФА и переносит на них риски и ограничения, установленные для другого объекта.

Доктринальная неопределенность понятия ЦФА сохраняет значение даже при подробном легальном определении. П.П. Фирсанова, сопоставляя законодательные положения и научные подходы, выделяет взаимосвязь ЦФА с цифровыми правами и цифровой валютой и указывает на продолжающееся развитие самого понятия [9]. Причина расхождений состоит в совмещении в одном термине нескольких уровней характеристики: юридического содержания удостоверяемого права, цифрового способа его существования и экономической функции конкретного инструмента. Для правового регулирования эти уровни требуют последовательного разграничения. Определение объекта отвечает на вопрос о содержании права, правила информационной системы – о способе его учета и распоряжения, а специальные нормы о конкретном виде ЦФА – об условиях реализации его финансовой функции.

Инфраструктурное регулирование составляет следующий уровень системы. Д.С. Четвергов устанавливает сходство российского рынка ЦФА с традиционным рынком ценных бумаг, одновременно выявляя правовые препятствия для посреднической деятельности и обосновывая возможность развития инфраструктуры через сближение режима ЦФА и бездокументарных ценных бумаг [10]. Действующий Федеральный закон № 259-ФЗ концентрирует учет ЦФА в информационной системе их выпуска и связывает возникновение права первого владельца с соответствующей записью. Конструкция обеспечивает определенность источника учета, однако ограничивает возможность воспроизводить на цифровом рынке функциональное разделение между выпуском, учетом, посредничеством и обращением, характерное для развитой финансовой инфраструктуры.

Принятый в 2026 г. Федеральный закон № 282-ФЗ меняет именно инфраструктурный масштаб регулирования. Закон содержит самостоятельные блоки норм о размещении цифровых прав, организации обращения цифровых валют и цифровых прав, исполнении поручений клиентов, доверительном управлении, деятельности цифрового депозитария, обмене цифровых валют, учете и осуществлении цифровых прав. Основная часть закона вступает в силу 1 сентября 2026 г., действующим операторам информационных систем предоставлен переходный период для приведения деятельности в соответствие с новым режимом до 1 сентября 2028 г., а операторы обмена ЦФА по прежней модели могут продолжать соответствующую деятельность до 1 марта 2027 г. Эти положения корреспондируют с ранее обозначенными в литературе проблемами единого правового поля [6], выбора модели допуска участников цифрового рынка [3] и нормативных препятствий посреднической деятельности [10]. Законодательная конструкция смещается от регулирования преимущественно выпуска и движения ЦФА внутри отдельной информационной системы к институциональному распределению функций между субъектами цифрового финансового оборота.

Сопоставление положений А.И. Гончарова и В.А. Садкова [2], С.А. Ивановой и О.Ю. Горбачёвой [4], П.П. Фирсановой [9] и Д.С. Четвергова [10] выявляет связь между квалификацией объекта и архитектурой рынка. Если ЦФА понимается как юридически значимая форма существования определенного имущественного права, регулирование должно обеспечивать сохранность содержания этого права при его передаче между различными элементами инфраструктуры, технологическая запись не может заменять требования к субъекту обязательства, объему удостоверенного права и способу его исполнения. Отсюда следует приоритет функциональной дифференциации: долговые, корпоративные и связанные с эмиссионными ценными бумагами цифровые права нуждаются в правилах,

учитывающих характер удостоверяемого требования, тогда как единые инфраструктурные требования должны обеспечивать учет, идентификацию владельца и прослеживаемость распоряжения.

Второй комплекс взаимосвязанных положений образуют исследования Е.В. Зайнутдиновой [3], И.Ш. Исмаилова [5], С.П. Мышаковой [6] и Д.А. Фадеева [8]. В совокупности они показывают, что устойчивость режима ЦФА зависит от согласования допуска участников, контроля операций, защиты владельцев и возможности трансграничного признания цифрового права. Усиление одного элемента без изменения остальных не устраняет структурных ограничений: решение трансграничного расчета не обеспечивает доступ иностранного контрагента к национальной инфраструктуре, расширение числа посредников не разрешает коллизионные вопросы, а формальное признание актива имуществом не определяет процедуру распоряжения им при банкротстве. Развитие регулирования поэтому требует согласования материально-правового статуса ЦФА с инфраструктурными, процедурными и международно-правовыми условиями его реализации.

Перспективы российского регулирования ЦФА определяются четырьмя взаимосвязанными направлениями. Первое связано с дальнейшей дифференциацией режима по содержанию удостоверяемого права, уже проявившейся в специальном регулировании долговых ЦФА. Второе предполагает институциональное развитие инфраструктуры учета, хранения и посредничества при сохранении юридической определенности момента возникновения, перехода и прекращения цифрового права. Третье касается процедур защиты владельца при банкротстве, ограничении распоряжения, исполнении обязательства и взаимодействии нескольких инфраструктурных субъектов. Четвертое относится к трансграничной совместимости: национальное разрешение использования ЦФА должно дополняться механизмами доступа нерезидентов, признания права и сопряжения информационных систем. Переход к Федеральному закону № 282-ФЗ создает нормативную основу для части этих изменений, однако окончательная оценка их результативности зависит от подзаконного регулирования и последующей правоприменительной практики.

Обсуждение

Сопоставление доктринальных подходов показывает, что основной спор о правовой природе ЦФА связан с выбором уровня, на котором определяется самостоятельность цифрового объекта. Подход А.И. Гончарова и В.А. Садкова связывает юридическую сущность с имущественным правом, а цифровую конструкцию – со способом его фиксации. Исследования С.А. Ивановой, О.Ю. Горбачёвой и П.П. Фирсановой охватывают более широкий вопрос места ЦФА в системе цифровых финансовых инструментов. Эти позиции совместимы, если разграничить объект регулирования и форму его существования. Цифровая запись получает юридическое значение через удостоверяемое ею право, но особенности ее создания, учета и передачи образуют специальный режим, который нельзя полностью заменить общими нормами об обязательственных или корпоративных правах.

Разграничение объясняет постепенное появление специальных норм для отдельных разновидностей ЦФА. Единое определение цифрового финансового актива обеспечивает системную принадлежность объекта, однако различия между денежным требованием, корпоративным правом и правом, связанным с эмиссионной ценной бумагой, сохраняют юридическое значение после перевода соответствующего отношения в цифровую форму. Специальный режим долговых ЦФА отражает движение к регулированию, ориентированному на содержание удостоверяемого требования. Распространение этого принципа требует осторожности: чрезмерное дробление режимов увеличивает нормативную сложность, а чрезмерная унификация способна устранить юридически значимые различия между видами прав.

Классификация Е.В. Зайнутдиновой позволяет интерпретировать российскую модель как разрешительную, однако последовательность законодательных изменений делает ее сложнее статического отнесения к одной категории. Допуск ЦФА к обороту сочетается с контролем инфраструктурных организаций, ограничениями отдельных операций и специальными механизмами доступа, для цифровой валюты используются иные инструменты, включая экспериментальные правовые режимы. В результате степень регуляторной свободы определяется видом цифрового объекта и функций

конкретной операции, дифференциация оправдана различием рисков, но требует устойчивых критериев разграничения, иначе близкие по экономическому назначению операции получают различные юридические режимы только вследствие используемой технической конструкции.

Наиболее выраженное институциональное противоречие первоначальной модели связано с сочетанием цифровой природы актива и замкнутости его учета внутри информационной системы выпуска. Централизация юридически значимой записи облегчает установление принадлежности права и контроль операции, но ограничивает формирование распределенной инфраструктуры посредников. Вывод Д.С. Четвергова о сближении режима ЦФА с механизмами рынка бездокументарных ценных бумаг приобретает дополнительное значение в связи с принятым в 2026 г. регулированием цифровых прав, предусматривающим более развернутое распределение инфраструктурных функций. Перенос отдельных институтов рынка ценных бумаг оправдан лишь в той мере, в которой совпадают выполняемые ими юридические функции, механическое распространение прежних конструкций способно устранить преимущества цифрового учета.

Трансграничное использование демонстрирует другое ограничение: национальная оборотоспособность цифрового права не равнозначна его международной оборотоспособности. И.Ш. Исмаилов рассматривает развитие соответствующих расчетов через совокупность нормативных и инфраструктурных условий, а Д.А. Фадеев конкретизирует препятствия на уровне статуса нерезидента, признания актива и подключения иностранных участников. Различие между этими уровнями имеет практическое значение. Законодатель вправе разрешить российскому резиденту использовать ЦФА как элемент встречного предоставления, но иностранный контрагент должен иметь юридическую и техническую возможность приобрести, учитывать, передавать и реализовать удостоверенное право. Отсутствие любого из этих элементов сужает сферу применения национального разрешения.

Смежная проблема возникает при разграничении ЦФА и цифровой валюты. Экономическое использование обоих инструментов в расчетных отношениях создает предпосылки для их функционального сближения, однако юридические основания различаются. ЦФА удостоверяет определенное цифровое право и включен в регулируемую инфраструктуру его выпуска и учета, операции с цифровой валютой получили отдельные нормативные механизмы. Унификация терминологии без сохранения этого различия осложнила бы определение обязанного лица, содержания требования и способа защиты участника. Перспективное регулирование должно сближать правила инфраструктуры там, где совпадают функции участников, сохраняя различия материально-правового статуса объектов.

Выводы С.П. Мышаковой о защите инвесторов и системности правового поля соотносятся с вопросами банкротства, рассмотренными А.В. Семёновым. Формальное включение цифровых прав в состав имущества решает вопрос их общей гражданско-правовой квалификации, но не исчерпывает процедур обращения взыскания и реализации актива. Для цифровой формы существенны установление контроля над учетной записью, взаимодействие финансового управляющего с инфраструктурной организацией и сохранение возможности распоряжения правом. Эта проблема иллюстрирует более общее положение: традиционный материально-правовой институт сохраняет применимость к ЦФА лишь при наличии процедуры, способной воспроизвести его действие в цифровой среде.

Переход к новому законодательному режиму ограничивает возможность окончательной оценки перспектив регулирования. Федеральный закон № 282-ФЗ на дату рассматриваемого состояния законодательства еще не вступил в основную силу, а для части действующих инфраструктурных организаций установлены переходные периоды. Поэтому вывод о движении к более институционально дифференцированной модели основан на содержании принятых норм. Исследовательской лакуной остается сопоставление нормативной конструкции с практикой деятельности цифровых депозитариев, посредников и иных субъектов после завершения переходного периода.

Развитие регулирования следует оценивать по способности правовой системы сохранять содержание цифрового права при изменении способов его учета и обращения. Количество предусмотренных законом участников или процедур само по себе не характе-

ризует качество модели. Значение имеют определенность принадлежности права, исполнимость удостоверенного требования, защита обладателя при нарушении обязательства, возможность включения актива в общие имущественные процедуры и совместимость инфраструктуры при трансграничной операции. По этим критериям перспективная модель ЦФА представляет собой часть регулируемого финансового оборота со специальной цифровой формой учета.

Заключение

ЦФА занимают место внутри категории цифровых прав и удостоверяют предусмотренные законодательством имущественные права, осуществление и распоряжение которыми связано с информационной системой. Их юридическая квалификация должна исходить из содержания удостоверенного права, а цифровая форма определяет специальный способ возникновения, учета и передачи. Это основание разграничивает ЦФА, цифровую валюту и иные цифровые инструменты, даже если отдельные способы их экономического применения совпадают.

Правила выпуска и учета образуют его исходный уровень, требования к инфраструктурным субъектам обеспечивают организованный оборот, налоговые, валютные и контрольные нормы определяют последствия отдельных операций, специальные вопросы возникают при трансграничных расчетах и банкротстве обладателя. Эффективность каждого элемента зависит от возможности реализовать удостоверенное цифровое право в предусмотренной законом процедуре. Поэтому расширение сферы использования ЦФА требует одновременного развития механизмов учета, посредничества, защиты обладателя и доступа к цифровой инфраструктуре.

Законодательная эволюция указывает на переход от преимущественно операторской модели оборота внутри отдельных информационных систем к более дифференцированной инфраструктуре цифровых прав. Перспективными направлениями выступают специализация требований по содержанию удостоверяемого права, согласование функций инфраструктурных участников, адаптация общих имущественных процедур к цифровой форме актива и формирование механизмов трансграничного признания. Принятое в 2026 г. регулирование создает нормативную основу для институционального расширения рынка цифровых прав, однако устойчивость новой модели будет определяться согласованностью специальных правил с гражданско-правовой природой ЦФА и последующей практикой их применения.

Литература

1. Арсланбекова А. З., Сотавов А. Х. Некоторые аспекты правового регулирования цифровых финансовых активов в России и за рубежом // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 55, № 3 (75). С. 70–76. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-70-76.
2. Гончаров А. И., Садков В. А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 82–90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11.
3. Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16, № 4. С. 149–182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182.
4. Иванова С. А., Горбачёва О. Ю. Юридическое содержание конструкции «цифровые финансовые активы» // Образование и право. 2024. № 5. С. 201–205. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-201-205.
5. Исмаилов И. Ш. Правовые основы и перспективы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в трансграничных операциях // Финансовое право. 2024. № 10. С. 22–25. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-10-22-25.
6. Мышакова С. П. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровых валют // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 43–46. DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.007.
7. Семёнов А. В. Цифровые финансовые активы в банкротстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 2. С. 40–44. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-2-40-44.
8. Фадеев Д. А. Правовые аспекты использования цифровых финансовых активов в международных расчетах // Прогрессивная

экономика. 2025. № 5. С. 149–164. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_149.

9. Фирсанова П. П. Понятие цифровых финансовых активов в российском законодательстве и в правовой доктрине // *Образование и право*. 2024. № 4. С. 508–513. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-508-513.

10. Четвергов Д. С. Правовые проблемы посреднической деятельности на рынке цифровых финансовых активов // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20, № 5. С. 124–135. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.124-135.

Legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation: fundamentals and development prospects

Bazulev M.S.

State University of Aerospace Instrumentation

This article examines the legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation, taking into account the current model of their issuance and circulation, and the transition to an updated system for regulating digital rights. This topic is relevant due to the increasing complexity of the regulatory regime for digital financial assets, the expansion of their scope of use, and the formation of a specialized financial market infrastructure. The objective of this study is to define the current legal regime for digital financial assets, identify its main limitations, and identify areas for further development. Formal legal, comparative legal, and logical-analytical methods, as well as classification, generalization, and synthesis, are used. The material comprises norms of civil, financial, tax, and currency legislation, acts regulating experimental legal regimes, as well as Russian-language scientific publications from 2023–2025. The scientific novelty lies in systematizing the development of regulation from a model of isolated digital financial assets (DFA) circulation within controlled information systems to a more differentiated digital rights infrastructure. The legal nature of DFA, the mechanisms for issuance and circulation, cross-border use, participant protection, and enforcement issues are discussed. The resulting provisions can be applied to improving regulatory frameworks and evaluating legislative initiatives in the field of digital financial transactions.

Keywords: digital financial assets, digital rights, digital currency, legal regulation, financial market, information system operator, cross-border settlements, investor protection, experimental legal regime, digital financial transactions.

References

1. Arslanbekova A. Z., Sotavov A. Kh. Some Aspects of Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Abroad // *Legal Bulletin of DSU*. 2025. Vol. 55, No. 3 (75). pp. 70–76. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-70-76.
2. Goncharov A. I., Sadkov V. A. Legal Nature of Digital Financial Assets under the Legislation of the Russian Federation // *Legal Concept = Legal Paradigm*. 2023. Vol. 22, No. 2. pp. 82–90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11.
3. Zainutdinova E. V. Models of Legal Regulation of the Circulation of Digital Rights and Digital Currency // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023. Vol. 16, No. 4. pp. 149–182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182.
4. Ivanova S. A., Gorbacheva O. Yu. Legal Content of the "Digital Financial Assets" Concept // *Education and Law*. 2024. No. 5. pp. 201–205. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-201-205.
5. Ismailov I. Sh. Legal Foundations and Prospects for the Use of Digital Financial Assets and Digital Currency in Cross-Border Transactions // *Financial Law*. 2024. No. 10. Pp. 22–25. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-10-22-25.
6. Myshakova S. P. Legal regulation of digital financial assets and digital currencies // *Law and statehood*. 2025. No. 1 (6). Pp. 43–46. DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.007.
7. Semenov A. V. Digital financial assets in bankruptcy // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2024. Vol. 9, issue 2. Pp. 40–44. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-2-40-44.
8. Fadeev, D. A., Legal Aspects of Using Digital Financial Assets in International Settlements // *Progressive Economics*. 2025, No. 5, pp. 149–164. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_149.
9. Firsanova, P. P., The Concept of Digital Financial Assets in Russian Legislation and Legal Doctrine // *Education and Law*. 2024, No. 4, pp. 508–513. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-508-513.
10. Chetvergova, D. S., Legal Issues of Intermediary Activity in the Digital Financial Asset Market // *Actual Issues of Russian Law*. 2025, Vol. 20, No. 5, pp. 124–135. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.124-135.

Правовой режим деприватизации в российском законодательстве: нормативно-правовой и правоприменительный аспект

Василян Роман Иванович

доцент, Департамент гуманитарного и социально-экономического образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; заместитель генерального директора по правовому обеспечению и корпоративному управлению, АО «Концерн “Уралвагонзавод”, R_Vasiyan@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию правового режима деприватизации в российском законодательстве в единстве его нормативно-правового и правоприменительного аспектов. Раскрывается генезис субинститута деприватизации, проводится сравнительно-правовой анализ категорий «деприватизация» и «национализация», обосновывается их принципиальное разграничение по целям, основаниям и правовым последствиям, предлагается авторское определение деприватизации. Центральное место занимает анализ проблемы применения сроков исковой давности к отношениям деприватизации на основе актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Подробно анализируются резонансные судебные дела, демонстрирующие отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Исследуется проблема объекта деприватизационных правоотношений, включая допустимость обращения взыскания на производное имущество. Формулируются предложения *de lege ferenda*, в том числе новая редакция пункта 2 статьи 196 Гражданского кодекса РФ, обосновывается необходимость информационного обеспечения процедуры деприватизации. Рассматривается формирование новой парадигмы взаимоотношений бизнеса и государства в контексте обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: деприватизация, приватизация, национализация, исковая давность, публичная собственность, частная собственность, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, публичные интересы, недействительность сделок, правоприменительная практика, баланс интересов.

Введение

В настоящее время в российском юридическом сообществе и информационном пространстве достаточно остро обозначена проблема, которая выражается в такой категории, как «деприватизация». Правовые основы для данного явления были заложены ещё в Законе РСФСР от 3 июля 1991 года № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», однако детальная регламентация указанных отношений появилась лишь с принятием Федерального закона от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», установившего специальные основания для оспаривания сделок, лежащих в основании приватизации.

Важнейшим шагом в развитии субинститута деприватизации стало введение в Федеральный закон о приватизации № 178-ФЗ (ред. от 17.11.2011 № 327-ФЗ) статьи 28.1, устанавливающей специальные основания недействительности сделок приватизации, выходящие за рамки общих оснований, предусмотренных статьями 166–181 Гражданского кодекса РФ. С.А. Степанов верно заметил: «Если в 1990-е годы оспаривание приватизации шло преимущественно по общим основаниям о недействительности сделок (порок воли, заблуждение), то с принятием статьи 28.1 Закона о приватизации акцент сменился на формальные, объективные нарушения процедуры, что сделало механизм деприватизации более чётким, но более жестким». Однако в дальнейшем указанная статья не получила отражения в редакции от 15 декабря 2025 года Закона о приватизации, что вряд ли можно признать достаточно обоснованным.

Актуальность исследования обусловлена тем, что последняя череда «деприватизационных» дел явственно показала необходимость чёткого закрепления на законодательном уровне оснований для квалификации совершённой ранее приватизации как незаконной. Проблемы правового режима деприватизации носят комплексный характер и затрагивают не только гражданско-правовую, но и публично-правовую сферу, включая вопросы противодействия легализации имущества, полученного незаконным путём [2].

Целью исследования является комплексный анализ правового режима деприватизации в российском законодательстве, выявление проблем правоприменительной практики и формулирование предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования данных отношений.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации (Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»), акты Конституционного Суда РФ (Постановление от 31 октября 2024 года № 49-П, Определения от 14 апреля 2025 года № 913-О и № 914-О, Определение от 30 октября 2025 года № 2757-О), акты Верховного Суда РФ (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 25 апреля 2025 года № 307-ЭС24-22235), а также решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции по конкретным делам о деприватизации.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания. Использован формально-юридический метод при анализе нормативных актов и судебных решений, сравнительно-правовой метод при сопоставлении деприватизации и национализации, метод системного анализа при выявлении взаимосвязей между различными элементами правового режима деприватизации. Применён также метод правового моделирования при формулировании предложений *de lege ferenda*. При анализе проблемы обращения в публичную собственность имущества, полученного преступным путём, автор опирался в том числе на работы, рассматривающие правовые аспекты государственного регулирования публичных отношений в контексте обеспечения баланса частных и публичных интересов [3, 4]. Методологически значимым является обращение к исследованиям, анализирующим правовые механизмы обеспечения публичных интересов в смежных

сферах правового регулирования [8], поскольку проблематика деприватизации затрагивает фундаментальные вопросы соотношения частного и публичного права.

Результаты и обсуждения

В литературе исследователями высказаны различные соображения по поводу соотношения деприватизации и национализации. Некоторые авторы помимо термина «деприватизация» используют также термин «расприватизация» (применительно к жилым помещениям), интерпретируя первый термин как добровольную передачу ранее приватизированного имущества государству, а второй - как возвращение имущества государству на основании признания в судебном порядке недействительного договора о приватизации. Вместе с тем в законодательстве, а также в судебной практике отсутствуют легальные определения указанных терминов, в связи с чем в дальнейшем представляется возможным использование единого термина «деприватизация».

В первых законопроектах о национализации, разработанных в конце 1990-х - начале 2000-х годов, термины «национализация» и «деприватизация» имплицитно отождествлялись; в них скрытно воплощалась интенция путём деприватизации добиться возвращения в собственность государства имущества, которое с нарушением законодательства в 1990-е годы подверглось приватизации. Не проводится необходимых различий между указанными понятиями и в ряде зарубежных источников, когда деприватизация определяется как целенаправленный процесс возврата прав собственности, контроля или управления над активами, ранее переданными в частные руки, публичному сектору.

Деприватизация и национализация имеют как общие признаки, так и существенные различия. К общим относится то, что в результате каждой из указанных процедур прекращается право частной собственности и возникает право публичной собственности; кроме того, с помощью данных экономико-правовых форм поддерживается баланс публичных и частных интересов, исходя из принципов справедливости, добросовестности, соразмерности и пропорциональности [10]. На отношения, связанные с деприватизацией и национализацией, распространяются общие положения Конституции РФ, предусматривающие, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, однако в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны, экономической безопасности государства.

По справедливому замечанию Е.П. Губина, «деприватизация и национализация - хотя и близкие, но всё же разные понятия. Основная цель деприватизации - вернуть государству и обществу всё незаконно полученное в процессе приватизации. Основная цель национализации - удовлетворение общественных (государственных) интересов». По характеру деприватизация как изъятие незаконно приватизированного имущества из частной собственности есть санкция, применяемая к частному лицу за совершённое ранее правонарушение, в результате которого публичным интересам причиняется существенный вред. Основания же национализации непосредственно не связаны с противоправными действиями субъекта права частной собственности.

Нередко авторами смешиваются правовые основания, когда осуществляется обращение частного имущества в государственную собственность в связи с нарушением запретов законодательства в сфере приватизации, и когда такое изъятие допускается потому, что имущество было получено вследствие нарушения антикоррупционных требований и запретов. Как отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 года № 49-П, именно последние обстоятельства, «а не иные основания изъятия имущества из частной собственности в публичную (как, например, неправомерное выбытие имущества из федеральной собственности в результате нарушения порядка приватизации) лежат в основе исковых требований прокурора» в связи с нарушением конкретным лицом антикоррупционных требований.

В целом о деприватизации можно вести речь только в тех случаях, когда ранее имела место приватизация имущества с нарушением установленных запретов и ограничений в законодательстве о приватизации, что повлекло причинение существенного имущественного и иного вреда публичным интересам. В противном случае можно говорить лишь об иных основаниях принудительного обращения частного имущества в государственную собственность,

предусмотренных положениями пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса РФ.

Деприватизацию частной собственности необходимо рассматривать как одну из важных и особых форм политико-правовой и экономической деятельности государства, предусмотренных законом, для обеспечения защиты государственных интересов в случаях, когда последним причинён существенный вред. С учётом изложенного деприватизация определяется как особая политико-правовая и экономическая форма деятельности компетентного публичного органа для обеспечения защиты нарушенных государственных имущественных и иных интересов, осуществляемая на основании и в порядке, установленном законом, направленная на принудительное безвозмездное изъятие у лица ранее незаконно приватизированного им имущества, в результате чего публичным интересам был причинён существенный вред, и обращение этого имущества в публичную собственность с целью возмещения причинённого государству ущерба. Указанное определение неприменимо к так называемой «добровольной деприватизации» ранее приватизированных гражданами жилых помещений, которая представляет собой самостоятельное правовое явление.

В настоящее время остро актуализирована проблема применения сроков исковой давности к отношениям, связанным с деприватизацией имущества, приватизированного в 1990-е годы и последующее время с нарушением запретов и порядка, установленных законодательством. Данный вопрос имеет фундаментальное значение для обеспечения правовой определённости и стабильности гражданского оборота - необходимого условия функционирования правового государства [3, 10].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П сделал вывод о неприменимости сроков исковой давности к отношениям, связанным с обращением имущества частного лица в государственную собственность, полученного в результате совершения коррупционных преступлений. Вместе с тем, как указано в названном Постановлении, этот вывод «не может быть автоматически распространён на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям, направленным на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации».

В актах судебных органов формируется тенденция, в соответствии с которой сроки исковой давности не подлежат применению также и к отношениям, связанным с деприватизацией имущества, приватизированного ранее с нарушением требований законодательства, хотя такая практика не всегда носит последовательный характер. Так, первый заместитель прокурора Саратовской области, ссылаясь на несоблюдение предусмотренных Указом Президента РФ от 10 января 1993 года № 8 условий и порядка приватизации объектов социально-культурного назначения, обратился с иском об истребовании спорных зданий и земельных участков из незаконного владения ООО «Мираж» и других лиц. Данный иск был удовлетворён решением Арбитражного суда Саратовской области от 25 марта 2023 года по делу № А57-4722/2022, поддержанным судами вышестоящих инстанций. Отклоняя довод ответчиков о пропуске срока исковой давности, суды пришли к выводу о необходимости исчисления этого срока с момента завершения прокуратурой проверки, а в качестве дополнительного аргумента отмечена недопустимость применения института исковой давности в качестве способа легализации имущества, незаконно приобретённого в ущерб интересам публичного собственника.

В Определении Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2025 года № 913-О указано, что «с момента принятия решения о приватизации имущества, при подготовке и заключении договора купли-продажи в сфере указанных отношений действуют и нормы гражданского права ..., а, следовательно, имеется возможность применения гражданско-правовых способов защиты прав как публично-правовыми образованиями, так и владельцами приватизированного имущества». Далее отмечено: «Интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота предопределяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имущественных притязаний его участников, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное

время после того, как ей стало известно о том, что ее права оказались нарушенными». Аналогичные позиции изложены в Определении от 14 апреля 2025 года № 914-О.

Таким образом, из Определений Конституционного Суда РФ № 913-О и 914-О следует, что названная высшая судебная инстанция выразила правовую позицию о применимости сроков исковой давности к отношениям деприватизации, осуществлённой с нарушением запретов и условий законодательства о приватизации. При этом суд обладает необходимыми дискреционными полномочиями по определению момента начала течения срока исковой давности с учётом конкретных обстоятельств дела.

С. Бороздин выразил критическое мнение, что «позиция КС РФ в Отказах определениях обусловлена конкретными обстоятельствами дел и не свидетельствует о неприменении института давности по делам о деприватизации, не связанным с нарушением антикоррупционного законодательства». Такой вывод вряд ли можно признать достаточно обоснованным. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 года № 49-П сформулировано положение о неприменимости сроков исковой давности к отношениям, связанным с обращением имущества, полученного в результате коррупционных преступлений, а в Определениях № 913-О и № 914-О Конституционный Суд РФ дополнил свою позицию, указав, что к отношениям деприватизации подлежат применению сроки исковой давности, установленные Гражданским кодексом РФ, что является логичным, поскольку такие отношения носят гражданско-правовой характер. Данная позиция представляется обоснованной: отношения между государством и лицом, складывающиеся по поводу изъятия имущества, полученного коррупционным путём, относятся к публично-правовой сфере, к которой нормы гражданского права об исковой давности, исходя из их иной природы, не могут применяться.

Вместе с тем в случаях, когда государственное имущество было приватизировано с использованием коррупционных механизмов либо с нарушением предписаний Федерального закона, касающихся запрета отмывания денежных средств, полученных преступным путём (что должно быть установлено в судебном порядке), институт исковой давности не должен применяться, поскольку он не может использоваться для легализации имущества, приобретённого противоправным путём.

Вопрос определения момента начала течения срока исковой давности становится ключевым более чем в двадцати судебных делах о деприватизации, рассмотренных в 2024 году. Важность проблемы обусловила то, что 16 декабря 2024 года Президентом РФ по итогам встречи с представителями деловых кругов было дано поручение рассмотреть до 1 апреля 2025 года вопрос о сроках давности при оспаривании приватизации.

В соответствии с положениями статьи 196 Гражданского кодекса РФ общий срок исковой давности составляет три года, но не может превышать десять лет со дня нарушения права. По общему правилу течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Однако, исходя из положения статьи 191 ГК РФ, течение срока начинается на следующий день после соответствующей календарной даты или наступления определённого события. Данные нормативные положения на практике интерпретируются по-разному.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 25 апреля 2025 года № 307-ЭС24-22235 отменила решения арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, поддержавших исковые требования заместителя прокурора Ленинградской области, указав, что «у арбитражных судов не имелось оснований не применять исковую давность по иску по настоящему делу, которая не может исчисляться с даты проведения проверки процессуальным истцом». И далее: «Принимая во внимание, что процессуальным истцом не доказано наличие оснований для признания недействительными оспариваемых им сделок по отчуждению имущества и, кроме того, с очевидностью пропущен срок исковой давности, о применении которой заявлено ответчиком, что согласно пункту 2 статьи 199 Гражданского кодекса является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске».

Вместе с тем на практике немало противоположного рода решений, когда арбитражные суды удовлетворяют исковые требования представителей Генеральной прокуратуры РФ в защиту публичных

интересов о признании совершённых много лет назад сделок о приватизации государственного имущества недействительными и возвращении его в государственную собственность, исходя из того, что срок исковой давности начинает течь с момента, когда надзорный орган выявил соответствующее правонарушение, либо полагая, что срок исковой давности вообще не применим к таким отношениям.

Ленинский районный суд г. Екатеринбурга в марте 2023 года удовлетворил иск заместителя генерального прокурора РФ к гр-ну Гайсину и аффилированным с ним компаниям об обращении в доход государства 55,32% акций ОАО «Уральский завод электрических соединителей «Исеть» в Свердловской области, а в августе 2023 года также удовлетворил иск о взыскании в государственную собственность акций АО «Уралбиофарм» и банка «Вятич». Суды мотивировали свои решения тем, что гр-н Гайсин, используя положение депутата Государственной Думы, занимался предпринимательской деятельностью, осуществлял незаконные сделки по приобретению акций через подконтрольные компании, выводил средства предприятия, а также указали, что к данным отношениям не подлежит применению срок исковой давности.

Однако 25 июня 2024 года Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих судов на том основании, что действия Гайсина в то время, когда они совершались, не были запрещены действовавшим тогда законодательством, и счёл необоснованным выводы судов о неприменимости срока исковой давности. При повторном рассмотрении дела суд первой инстанции снова удовлетворил иск Генеральной прокуратуры и передал в государственную собственность завод «Исеть».

В деле № А17-1139/2024 Арбитражный суд Ивановской области в конце марта 2024 года удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ об обращении в государственную собственность ранее приватизированного Ивановского завода тяжёлого станкостроения (ИЗТС), однако уже в сентябре 2024 года Второй арбитражный апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении исковых требований, отметив, помимо прочего, что Генпрокуратура нарушила срок исковой давности. При этом, по мысли апелляционной инстанции, отказ в применении исковой давности возможен, когда удастся доказать, что ответчики и третьи лица злоупотребили правами, но в деле, связанном с деприватизацией ИЗТС, это установлено не было.

Особый интерес представляет дело «Группы компаний «Ариант», в котором Генеральная прокуратура РФ основывала требование о передаче активов Челябинского электрометаллургического комбината (ЧЭМК) в государственную собственность тем, что их приватизация в 1990-е годы была проведена незаконно: согласно правилам приватизации на 1992 год, решение об акционировании относилось к полномочиям Правительства России, а оно такого решения не принимало. Арбитражный суд Челябинской области удовлетворил иск, указав со ссылкой на статью 10 Гражданского кодекса РФ, что формальное применение срока исковой давности будет являться способом легализации прав на имущество, приобретённое в нарушение требований законодательства. Решение было поддержано Восемнадцатым арбитражным апелляционным судом и Арбитражным судом Уральского округа (13 марта 2025 года), а Верховный Суд РФ 6 мая 2025 года отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения. В Определении от 30 октября 2025 года № 2757-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы ООО «Группа компаний «Ариант», указав, что разрешение вопроса о сроке давности требует учёта правовой природы правоотношений и достижения баланса частных и публичных интересов.

Судебная практика придерживается позиции, что в качестве объекта деприватизации может выступать не только первоначально приобретённое в результате незаконной приватизации имущество, но и имущество, в которое первоначальное было преобразовано. В соответствии с Постановлением Конституционного Суда № 49-П последующее превращение имущества, приобретённого в нарушение антикоррупционных требований, в иное имущество посредством предпринимательской деятельности - будь то права участия в хозяйственных обществах, ценные бумаги, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, имущественные объекты, денежные средства и другие блага, - не исключает обращения такого имущества в доход государства. В контексте проблем цифровых активов исследователи отмечают необходимость совершенствования правовых механизмов контроля [7], что непосредственно связано с проблемами деприватизации в условиях цифровизации экономики.

Однако в случаях, когда имущество было приобретено не вследствие коррупционных преступлений, а в результате гражданско-правовых сделок, квалифицированных как ничтожные, необходим иной подход. В соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности - возместить его стоимость. Поэтому в гражданско-правовых отношениях деприватизации, когда первоначальное имущество было существенно преобразовано в производное имущество, стоимость которого может значительно превышать первоначальную, взыскание компенсационного характера может быть обращено на рыночную стоимость первоначально полученного имущества, и, кроме того, государству должна быть возмещена упущенная выгода за всё время незаконного использования государственного имущества. Проблемы определения объекта деприватизационных правоотношений имеют параллели с вопросами правового режима объектов в иных сферах публичного регулирования [8].

Деприватизация должна сопровождаться информационным обеспечением - мероприятиями, направленными на создание возможности свободного доступа неограниченного круга лиц к информации о деприватизации, включающими размещение на официальном сайте в сети «Интернет» результатов деприватизации, решений соответствующего государственного органа, сведений об объектах имущества, их стоимости и иной информации.

Современные проблемы деприватизации в значительной мере обусловлены сменой парадигмы взаимоотношений бизнеса и государства. Начиная с 1990-х годов, между бизнесом и государством существовал негласный консенсус невмешательства, который в последнее время утратил свою работоспособность. Вместе с тем нельзя согласиться с прогнозами о широкомасштабной «реприватизации». Формируется новая парадигма, в основу которой должны быть положены принципы, отражающие современные угрозы и вызовы для российской экономики, необходимость обеспечения конкурентоспособности и суверенитета, в том числе в сфере цифровых технологий, эффективной защиты прав граждан и субъектов предпринимательства, поддержания баланса публичных и частных интересов. Обеспечение правопорядка в экономической сфере требует комплексного подхода, включающего совершенствование механизмов противодействия незаконным формам деятельности [7]. Взаимоотношения бизнеса и государства должны выстраиваться на принципиально иной основе, чётко зафиксировав стержневые взаимные экономические и социальные обязательства на длительную перспективу, не подлежащие спонтанным односторонним изменениям.

Выводы

Современный субинститут деприватизации представляет собой специфический механизм, связанный с нормами законодательства о приватизации, направленный на защиту имущественных и иных публично-правовых интересов. Деприватизацию необходимо чётко отграничивать от национализации: первая является санкцией за правонарушение, совершённое при приватизации, вторая направлена на удовлетворение публичных интересов вне связи с противоправными действиями собственника.

С целью обеспечения стабильности экономического оборота и правовой определённости необходимо закрепить в законодательстве обстоятельства, исключающие применение исковой давности при деприватизации. Конституционный Суд РФ обозначил отдельные ориентиры: исковая давность неприменима в случаях, когда приватизация была связана с коррупционными преступлениями, отмыванием денежных средств, злоупотреблением должностными положениями, действиями по сокрытию доказательств незаконности приватизации. Предлагается изложить пункт 2 статьи 196 ГК РФ в следующей редакции: «Срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами», а в соответствующие федеральные законы внести дополнение о неприменимости срока исковой давности в имущественных спорах, связанных с изъятием и обращением имущества в публичную собственность. Принятие отдельного федерального закона о деприватизации при этом не является необходимым.

Следует также разграничивать публично-правовые отношения деприватизации, где степень публичной опасности противоправных

деяний высока (коррупция, отмывание денежных средств), и к которым нормы гражданского права, включая институт исковой давности, неприменимы, и гражданско-правовые отношения деприватизации, где положения об исковой давности могут и должны применяться [3]. Определение момента начала течения срока исковой давности нельзя механически приурочивать к отдельному юридическому факту - оно относится к дискреции суда с учётом конкретных обстоятельств дела.

В гражданско-правовых отношениях деприватизации, когда первоначально полученное имущество было существенно преобразовано, взыскание компенсационного характера должно обращаться на рыночную стоимость первоначально полученного имущества с возмещением государству упущенной выгоды за время незаконного использования имущества.

Назначение института исковой давности нельзя противопоставлять ценностям обеспечения публичных интересов, стабильности экономического оборота, принципам справедливости и добросовестности, ибо данный институт, побуждая лицо к своевременному осуществлению защиты нарушенных прав, также способствует достижению указанных целей [10]. Основной концепт должен быть связан с чёткими критериями, закреплёнными в законе, определяющими случаи, когда исключается возможность применения исковой давности при разрешении имущественных споров о деприватизации.

Деприватизация должна сопровождаться надлежащим информационным обеспечением с использованием современных цифровых технологий, гарантирующим транспарентность и свободный доступ к соответствующей информации.

Литература

1. Карлеба, В. А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства - новые реалии / В. А. Карлеба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2022. - № 8. - С. 87-90. - DOI 10.23672/h9168-5725-6905-r. - EDN POFGSY.
2. Карлеба, В. А. Мониторинг оборота и легализации финансовых активов криминального происхождения : учебное пособие / В. А. Карлеба, Е. Л. Логинов ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, ЦОКР МВД России. - Москва : ЦОКР МВД России, 2007. - 287 с. - EDN TZTEBV.
3. Шахеров, Р. Р. Порядок предоставления земельных участков для нужд недропользования / Р. Р. Шахеров // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 7 (235). - С. 263-265.
4. Шахеров, Р. Р. Правовое регулирование выбросов парниковых газов в Российской Федерации / Р. Р. Шахеров // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 3. - С. 168-171.
5. Шахеров, Р. Р. Право студентов с ограниченными возможностями на доступ к образованию / Р. Р. Шахеров // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 3. - С. 625-627.
6. Червяко, Е. Д. Использование цифровых технологий организованной преступностью / Е. Д. Червяко // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т.). - 2023. - Т. 9, № 3 (23). - С. 68-75.
7. Червяко, Е. Д. Предупреждение и пресечение незаконного оборота огнестрельного оружия - необходимая мера по борьбе с преступностью / Е. Д. Червяко // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т.). - 2024. - Т. 10, № 2 (26). - С. 55-63.
8. Червяко, Е. Д. Правовая природа и признаки диверсионного сообщества / Е. Д. Червяко // Альманах молодого исследователя. - 2024. - № 16. - С. 135-139.
9. Майборода, Э. Т. Цифровые следы в системе доказывания: проблемы классификации и процессуальной регламентации / Э. Т. Майборода, Е. Д. Червяко // Юридическая наука. - 2024. - № 7. - С. 284-288.
10. Майборода, Э. Т. Правовые основы сохранения нематериального культурного наследия в РФ и КНР в условиях глобализации / Э. Т. Майборода, Е. Д. Червяко // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 7 (235). - С. 187-189.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 года № 49-П // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2025 года № 307-ЭС24-22235 по делу № А56-85715/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

The legal regime of deprivatization in Russian legislation: regulatory and law enforcement aspects

Vasiyan R.I.

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, JSC Concern Uralvagonzavod

The article provides a comprehensive study of the legal regime of deprivatization in Russian legislation, examining both its regulatory framework and law enforcement dimensions. The genesis of the deprivatization sub-institution is traced, and a comparative legal analysis of the categories "deprivatization" and "nationalization" is conducted, substantiating their fundamental distinction by objectives, grounds, and legal consequences, with an original definition of deprivatization proposed. The central focus is the analysis of applying statutes of limitations to deprivatization relations based on the acts of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. High-profile court cases are analyzed in detail, demonstrating a lack of uniformity in law enforcement practice. The problem of the object of deprivatization legal relations is examined, including the permissibility of levying execution on derivative property. De lege ferenda proposals are formulated, including a new version of Paragraph 2 of Article 196 of the Civil Code, and the necessity of information support for the deprivatization procedure is substantiated. The formation of a new paradigm of business-state relations in the context of balancing public and private interests is discussed.

Keywords: deprivatization, privatization, nationalization, statute of limitations, public property, private property, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, public interests, invalidity of transactions, law enforcement practice, balance of interests.

References

1. Karleba, V. A. International cooperation in the sphere of criminal proceedings - new realities / V. A. Karleba // *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. – 2022. – No. 8. – P. 87–90. – DOI 10.23672/h9168-5725-6905-r. – EDN POFGSY.
2. Karleba, V. A. Monitoring of the circulation and legalization of financial assets of criminal origin : textbook / V. A. Karleba, E. L. Loginov ; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Central Training and Publishing Center of the MIA of Russia. – Moscow : Central Training and Publishing Center of the MIA of Russia, 2007. – 287 p. – EDN TZTEBV.
3. Shakerov, R. R. The procedure for granting land plots for subsoil use needs / R. R. Shakerov // *Law and State: Theory and Practice*. – 2024. – No. 7 (235). – P. 263–265.
4. Shakerov, R. R. Legal regulation of greenhouse gas emissions in the Russian Federation / R. R. Shakerov // *Law and State: Theory and Practice*. – 2025. – No. 3. – P. 168–171.
5. Shakerov, R. R. The right of students with disabilities to access education / R. R. Shakerov // *Law and State: Theory and Practice*. – 2025. – No. 3. – P. 625–627.
6. Cheryavko, E. D. The use of digital technologies by organized crime / E. D. Cheryavko // *Novizna. Eksperiment. Traditsii (N.Eks.T)*. – 2023. – Vol. 9, No. 3 (23). – P. 68–75.
7. Cheryavko, E. D. Prevention and suppression of illegal trafficking of firearms - a necessary measure in combating crime / E. D. Cheryavko // *Novizna. Eksperiment. Traditsii (N.Eks.T)*. – 2024. – Vol. 10, No. 2 (26). – P. 55–63.
8. Cheryavko, E. D. Legal nature and characteristics of a subversive community / E. D. Cheryavko // *Almanac of Young Researcher*. – 2024. – No. 16. – P. 135–139.
9. Maiboroda, E. T. Digital traces in the system of proof: problems of classification and procedural regulation / E. T. Maiboroda, E. D. Cheryavko // *Legal Science*. – 2024. – No. 7. – P. 284–288.
10. Maiboroda, E. T. Legal foundations for the preservation of intangible cultural heritage in the Russian Federation and the People's Republic of China in the context of globalization / E. T. Maiboroda, E. D. Cheryavko // *Law and State: Theory and Practice*. – 2024. – No. 7 (235). – P. 187–189.
11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P // Legal Reference System "ConsultantPlus."
12. Determination of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of April 25, 2025 No. 307-ES24-22235 in case No. A56-85715/2023 // Legal Reference System "ConsultantPlus."

Пределы ограничения конституционного права на судебную защиту

Дегтярев Даниил Дмитриевич

аспирант, Московский Инновационный Университет,
degtyarev2000@list.ru,

Чечулина Алла Анатольевна

к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой юридических дисциплин, Московский Инновационный Университет

Статья посвящена анализу пределов и ограничений конституционного права на судебную защиту в их соотношении с абсолютным, неотчуждаемым содержанием данного права. Авторы ставят проблему: каким образом законодательное регулирование процессуальных условий обращения в суд совместимо с закреплённым в части 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации запретом на ограничение этого права. Показано, что критерием разграничения допустимого предела и недопустимого умаления права выступает не воля законодателя сама по себе, а независимая судебная оценка, в связи с чем в статье последовательно анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, институциональные и личные гарантии независимости суда, а также новые вызовы, связанные с цифровизацией правосудия и использованием технологий искусственного интеллекта, способных создавать фактические, не предусмотренные законом пределы доступа к правосудию. Особое внимание уделено проблеме цифрового равенства как новому аспекту принципа равенства перед законом и судом в условиях цифровизации правосудия. Сформулирован вывод о том, что независимость судебной власти следует рассматривать не как обособленный принцип организации государственной власти, а как условие, при котором право на судебную защиту способно выполнять своё конституционное назначение.

Ключевые слова: право на судебную защиту, пределы и ограничения прав, абсолютные права, независимость судебной власти, статья 55 Конституции Российской Федерации, статья 56 Конституции Российской Федерации, цифровое равенство, искусственный интеллект, конституционная законность, судебное право.

Введение

Принцип независимости судебной власти закреплён в статьях 10 и 120 Конституции Российской Федерации и составляет одну из основ конституционного строя. Независимость суда нельзя рассматривать отдельно от права на судебную защиту, закреплённого в статьях 46 и 47 Конституции Российской Федерации. Указанное право реализуется лишь тогда, когда рассмотрение дела осуществляется органом, свободным от внешнего давления, будь то давление законодательной или исполнительной власти, отдельных лиц или технологических систем. По этой причине независимость судебной власти правильнее рассматривать не как отдельный, принцип организации государственной власти, а как условие, при котором право на судебную защиту способно выполнять своё конституционное назначение.

Актуальность темы связана с тем, что современное регулирование права на судебную защиту одновременно допускает его ограничение федеральным законом и провозглашает отдельные его элементы неприкосновенными. Требуется выяснить, где проходит грань между допустимым пределом права и его неотчуждаемой частью и какую роль в поддержании этой грани играет независимость суда. Дополнительную актуальность придаёт цифровая трансформация правосудия, включая внедрение искусственного интеллекта, которая расширяет доступ к суду, но способна порождать новые, не предусмотренные законом формы неравенства между лицами, обладающими и не обладающими техническими возможностями.

1. Нормативные ограничения права на судебную защиту

В доктрине конституционного права фундаментальное значение имеет деление прав человека на абсолютные и относительные по критерию допустимости законодательного вмешательства в их существо. Абсолютные права образуют неотчуждаемое ядро правового статуса личности и не подлежат сужению ни при каких обстоятельствах, включая чрезвычайное и военное положение (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), тогда как относительные права могут быть ограничены федеральным законом на основе принципа соразмерности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Б.С. Эбзеев справедливо отмечает: «Ограничения прав не должны посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания» [1].

Право на судебную защиту традиционно относится к категории абсолютных прав в силу его инструментальной природы как универсальной гарантии всех иных прав и свобод. Часть 3 статьи 56 Конституции РФ прямо исключает это право из перечня благ, подлежащих ограничению даже в условиях чрезвычайного или военного положения, что подтверждается практикой Конституционного Суда РФ, ещё в 1996 году указавшего на его неотчуждаемый характер [2]. Вместе с тем на стыке материального права и процессуальной догматики возникает вопрос, состоящий в следующем, будучи абсолютным по конституционно-философской сути, в плоскости практической реализации это право неизбежно приобретает относительный характер, подвергаясь сужению системой процессуальных особенностей, таких как институт подсудности и подведомственности, процессуальными сроками, требованиями к форме исков и обязательными досудебными процедурами.

Ограничения прав человека принято дифференцировать по нескольким основаниям: по субъекту — законодательные и правоприменительные; по объекту — материально-правовые, определяющие объём самого права, и процессуальные, определяющие лишь порядок его реализации; по интенсивности — пределы, не затрагивающие существо права, и ограничения, сужающие его объём. Применительно к праву на судебную защиту процессуальные пределы, такие как сроки, подсудность, форма обращения, досудебный порядок являются понятой формой регулирования, поскольку упорядочивают, а не блокируют доступ к правосудию, тогда как материально-правовые ограничения конституционно недопустимы.

Часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации допускает ограничение прав федеральным законом в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности государства [3]. Право на судебную защиту не исключение. Законодатель устанавливает процессуальные

сроки, правила подсудности, требования к форме обращения и размер пошлины, что не противоречит Конституции при условии соразмерности и сохранения существа права. Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян связывают допустимость таких ограничений с балансом между судебной защитой прав граждан и стабильностью правовых состояний [4], а С.А. Авакян обоснованно относит право на судебную защиту к правам по защите других прав [5], что указывает на его обеспечительную природу и объясняет, почему ограничение допустимо лишь в пределах, не приводящих к умалению самого права.

Часть 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации прямо устанавливает, что права, предусмотренные статьями 20, 21, 23, 24, 28, 34, 40 и 46—54, не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения [6], и право на судебную защиту входит в этот перечень. Конституционный Суд РФ уже в 1996 году указывал, что оно не подлежит ограничению ни при каких условиях, включая случаи части 3 статьи 55 [7], а в 2017 году уточнил, что это не только право на обращение в суд, но и возможность реальной защиты путём восстановления нарушенных прав с учётом критериев эффективности и справедливости [8]. На наш взгляд, названные подходы описывают дуалистическую природу одного права, а именно конкретные процессуальные формы, которые регулируются законодателем и могут ограничиваться при соблюдении соразмерности, и сама возможность обратиться в суд и получить рассмотрение дела по существу, что образует константу, не подлежащую ограничению ни при каких обстоятельствах.

2. Независимость суда как гарантия неприкосновенности права на судебную защиту

Обеспечение границы между допустимым пределом и неприкосновенным ядром права на судебную защиту невозможно без независимого суда. Именно суд, а не законодатель или исполнительная власть, оценивает, не превысило ли ограничение допустимую меру. Полномочие Конституционного Суда РФ проверять законы на соответствие Конституции реализуется именно потому, что его судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ, а не текущей законодательной воле [9]. Н.С. Бондарь связывает независимость суда с аксиологическим основанием судебного права, при котором независимость выступает не техническим правилом судостроительства, а ценностной предпосылкой, обеспечивающей способность суда оценивать акты публичной власти с точки зрения прав человека [10].

И.А. Кравец, развивая категорию судебного конституционализма, связывает его с судебным гарантированием Конституции как неотъемлемым атрибутом действующей, а не декларативной конституции [11]: без независимости суд утратил бы способность отделять законное ограничение от неконституционного умаления права. Институциональная независимость суда (ст. 10 Конституции РФ и ст. 5 ФКЗ «О судебной системе РФ» [9; 12]) защищает судебную власть от вмешательства других ветвей власти, а личная независимость судьи (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ [9]) — от давления внутри самой судебной системы — оба составляющие необходимые, чтобы суд мог содержательно проверять соответствие закона и правоприменительной практики Конституции РФ.

Данная функция суда тесно связана с концепцией судейского права. А.А. Чечулина обосновывает, что судейское усмотрение не отступление от принципа законности, а неотъемлемый элемент правосудия, позволяющий восполнять пробелы регулирования и защищать уязвимых участников правоотношений, когда буквальное применение нормы бы противоречило конституционным ценностям [13]. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что независимость судьи является не самоцелью, а условием, при котором суд способен формировать судебное право как категорию, обеспечивающую единство правоприменения независимо от отраслевой принадлежности спора.

3. Цифровое равенство и искусственный интеллект как новые пределы права на судебную защиту

Проблема цифрового равенства также важна, поскольку цифровая трансформация правосудия может как укрепить, так и повлиять в негативном ключе на конструкцию пределов и абсолютизма права на судебную защиту. Часть 1 статьи 19 Конституции РФ закрепляет равенство всех перед законом и судом [14], однако в условиях внедрения электронного документооборота и платформенных сервисов подачи документов оно должно включать равенство фактических

возможностей воспользоваться цифровыми средствами доступа. А.А. Чечулина и А.В. Никитова указывают, что различие между электронным и цифровым правосудием заключается в глубине информационной трансформации процессуальных отношений, а не в замене бумажного документооборота электронным [15]. Автоматизация в рамках машиночитаемого права также влияет на эту проблему: чем выше её степень, тем важнее сохранение процедур, не зависящих от технических средств и цифровых компетенций лица [16]. Слишком быстрая цифровая трансформация порождает риск цифрового неравенства, то есть ситуации, когда формально доступное всем право на судебную защиту фактически реализуется по-разному в зависимости от доступа к сетям, устройствам и зависит от цифровых компетенций.

Особую остроту этой проблеме придаёт внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность. Как отмечают О.В. Романовская и Е.А. Романовская, возложение на участника процесса обязанности использовать цифровые сервисы объективно усугубляет цифровую дискриминацию, лишая доступа к правосудию тех, кто не владеет соответствующими навыками или техническими средствами [17]. Алгоритмическая фильтрация обращений и автоматизированное распределение дел могут таким образом стать самостоятельным фактором ограничения права на судебную защиту, не проходящим проверку ни по части 3 статьи 55, ни по части 3 статьи 56 Конституции РФ. Дополнительный риск, как отмечает А.А. Фролов, связан с непрозрачностью алгоритмов: наиболее точные модели зачастую остаются наименее объяснимыми, и стороне может оказаться недоступным содержательное обоснование акта, принятого с использованием подобных систем [18]. Между тем часть 1 статьи 46 Конституции РФ предполагает не только обращение в суд, но и получение мотивированного, поддающегося обжалованию решения [19]: исключение мотивировочной составляющей из зоны контроля означало бы скрытое умаление неотчуждаемого ядра права даже без формального законодательного ограничения. Следовательно, использование искусственного интеллекта в судопроизводстве допустимо лишь в той мере, в какой оно не создаёт нового предела, не предусмотренного Конституцией РФ.

Цифровое неравенство следует рассматривать не только как технический, а скорее как конституционно значимый вопрос, способный повлиять на неизменяемую суть права на судебную защиту. Если цифровизация процессуальных процедур не сопровождается сохранением альтернативных способов обращения в суд, право на судебную защиту для незащищённых групп, пожилых лиц, жителей отдалённых территорий, лиц с ограниченными возможностями способно трансформироваться из абсолютного в фактически ограниченное, но не законодательно, а по своей фактической сущности. Цифровизация допустима лишь постольку, поскольку она не создаёт нового, фактического предела, не предусмотренного статьями 55 и 56 Конституции РФ.

Только независимый суд, а не оператор цифровой платформы или алгоритм искусственного интеллекта, вправе окончательно решить, была ли соблюдена процессуальная форма, и предоставить лицу, лишённому по объективным причинам возможности воспользоваться цифровым сервисом, альтернативный способ реализации права. Судья по смыслу ст. 125 Конституции РФ и ст. 11 ФКЗ «О судебной системе РФ» может быть только физическим лицом [9; 12], поэтому окончательная оценка соответствия цифровых и алгоритмических процедур конституционным гарантиям равенства и судебной защиты не может быть делегирована технической системе [20]: независимость суда выполняет здесь функцию последней инстанции, за которой цифровое неравенство не может превратиться в юридическое неравенство перед судом.

Заключение

Судебная защита в современном конституционно-правовом понимании выступает не только как субъективное право на обращение в суд, но и как универсальная конституционная ценность, обеспечивающая реальность прав и свобод личности и ограничение произвола публичной власти. Ценность судебной защиты заключается не в формальном наличии судебной процедуры, а в её реальной эффективности, доступности и восстановительном характере. Государство обязано гарантировать каждому возможность своевременно, равноправно и результативно защитить свои права.

Изложенное позволяет обосновать, что конституционализация права на судебную защиту означает переход от системы законности

к системе конституционной (правовой) законности, в рамках которой каждая норма оценивается с точки зрения соответствия правам человека. И.А. Кравец указывает, что конституционность — явление более высокого правового порядка, чем законность, поскольку она обеспечивает верховенство ценностей и принципов Конституции РФ, а не просто соответствие актов закону [21]. Применительно к праву на судебную защиту это означает, что оценка правомерности ограничения не может ограничиваться проверкой его формального соответствия закону. Режим конституционной законности определяет переход к ценностно-ориентированному правосудию, в котором суд оценивает не только букву закона, но и его соответствие конституционным ценностям.

Анализ пределов и ограничений права на судебную защиту, его абсолютного ядра и новых вызовов, связанных с цифровизацией и использованием технологий искусственного интеллекта, подтверждает, что независимость судебной власти не является обособленным и организационным принципом. Она представляет собой конституционную гарантию, объединяющую все рассмотренные аспекты права на судебную защиту, его допустимые пределы, его неотчуждаемость и цифровое равенство как условие его реализации в новых технологических условиях. Только независимый суд способен провести грань между правомерным пределом и недопустимым ограничением, включая случаи, когда источником фактического ограничения выступает не законодатель, а алгоритм. Иными словами, независимость судебной власти правильнее рассматривать не как отдельный принцип организации государственной власти, а как условие, при котором право на судебную защиту способно выполнять своё конституционное назначение, — и именно в этом состоит подлинная мера зрелости правового государства.

Литература

1. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 248.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.1996 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1768.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 55. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 224 с.
5. Авакян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.
6. Конституция Российской Федерации. Ст. 56. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/48be86bd7f4972866a4e8835be2b06da3d052b4b/
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.10.1996 № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5203.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 49. Ст. 7457.
9. Конституция Российской Федерации. Ст. 10, 120, 125. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
10. Бондарь Н.С. Независимость суда как аксиологическая основа судебного права // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 10. С. 2–9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-10-2-9. URL: <https://lawinfo.ru/articles/11938/nezavisimost-suda-kak-aksiologiceskaya-osnova-sudebnogo-prava>
11. Кравец И.А. Судебное гарантирование конституции и президентский конституционализм // NB: Вопросы права и политики. 2014. № 8. С. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780.

12. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 5, 11). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/
13. Чечулина А.А. Концепция судебного права как гарантия социальной справедливости. С. 170–176. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=90744983>
14. Конституция Российской Федерации. Ст. 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
15. Чечулина А.А., Никитова А.В. К вопросу о цифровом правосудии // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы конференции. URL: <https://journalec.com/ru/keyword/71335/articles>
16. Чечулина А.А., Дегтярев Д.Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука. 2026. № 1. С. 28–31.
17. Романовская О.В., Романовская Е.А. Правовой режим цифровой юстиции // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 1. С. 21–31. DOI 10.21685/2307-9525-2024-12-1-3.
18. Фролов А.А. Искусственный интеллект в судебной системе: между эффективностью и справедливостью // Российский судья. 2026. № 3. С. 56–60. DOI 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.
19. Конституция Российской Федерации. Ст. 46, 47. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1f1ca1e76ebdb70979b8aefe86b441f7cd9373e3/
20. Дегтярев Д.Д. Проблемы цифровой трансформации судоустройства // Юридическая гносеология. 2025. № 8. С. 57–63.
21. Кравец И.А. Понятие и способы конституционализации правового порядка // Российский юридический журнал. 2003. № 4 (40). С. 9–18.

Limits of limitation of the constitutional right to judicial protection

Degtyarev D.D., Chechulina A.A.

Moscow Innovation University

The article is devoted to the analysis of the limits and limitations of the constitutional right to judicial protection in their relation to the absolute, inalienable content of this right. The authors pose a problem: how is the legislative regulation of the procedural conditions of applying to the court compatible with the prohibition on restriction of this right stipulated in part 3 of Article 56 of the Constitution of the Russian Federation? It is shown that the criterion for distinguishing the permissible limit and the unacceptable diminution of law is not the will of the legislator in itself, but an independent judicial assessment, and therefore the article consistently analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, institutional and personal guarantees of judicial independence, as well as new challenges related to the digitalization of justice and the use of artificial intelligence technologies, capable of creating de facto, non-legally prescribed limits on access to justice. Special attention is paid to the problem of digital equality as a new aspect of the principle of equality before the law and the court in the context of the digitalization of justice. The conclusion is formulated that the independence of the judiciary should be considered not as a separate principle of the organization of state power, but as a condition under which the right to judicial protection is able to fulfill its constitutional purpose.

Keywords: the right to judicial protection, limits and limitations of rights, absolute rights, independence of the judiciary, article 55 of the Constitution of the Russian Federation, article 56 of the Constitution of the Russian Federation, digital equality, artificial intelligence, constitutional legality, judicial law.

References

1. Ebzeev B.S. Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation: monograph. 2nd ed., revised Moscow: Prospekt, 2015. p. 248.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/27/1996 No. 8-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 1 and 21 of the Law of the Russian Federation dated July 21, 1993 "On State Secrets" in connection with complaints from citizens V.M. Gurdjiev, V.N. Sintsov, V.N. Bugrova and A.K. Nikitina" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 15. Article 1768.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993, with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020). Art. 55. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Bondar N.S., Dzhagaryan A.A. Justice: orientation to the Constitution: a monograph. Moscow: Norm: INFRA-M, 2024. 224 p.
5. Avakian S.A. Constitutional law of Russia: training course: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Norm: INFRA-M, 2019.
6. Constitution of the Russian Federation. Article 56. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/48be86bd7f4972866a4e8835be2b06da3d052b4b/
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 28, 1996 No. 18-P "In the case of checking the constitutionality of Article 6 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen O.V. Sushkov" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 45. St. 5203.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/21/2017 No. 30-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Chensky" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 49. Art. 7457.

9. Constitution of the Russian Federation. Articles 10, 120, 125. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
10. Bondar N.S. Independence of the court as an axiological basis of judicial law // Constitutional and municipal law. 2025. No. 10. PP. 2-9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-10-2-9. URL: <https://lawinfo.ru/articles/11938/nezavisimost-suda-kak-aksiologicheskaya-osnova-sudebnogo-prava>
11. Kravets I.A. Judicial guarantee of the Constitution and presidential constitutionalism // NB: Issues of law and politics. 2014. No. 8. pp. 1-35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780.
12. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated December 31, 1996 "On the Judicial System of the Russian Federation" (Articles 5, 11). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/
13. Chechulina A.A. The concept of judicial law as a guarantee of social justice. pp. 170-176. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=90744983>
14. The Constitution of the Russian Federation. Article 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
15. Chechulina A.A., Nikitova A.V. On the issue of digital justice // Sustainable development strategies: social, economic and legal aspects: conference proceedings. URL: <https://journalec.com/ru/keyword/71335/articles>
16. Chechulina A.A., Degtyarev D.D. The concept of machine-readable law as an element of the digital transformation of justice. 2026. No. 1. pp. 28-31.
17. Romanovskaya O.V., Romanovskaya E.A. The legal regime of digital justice // Science. Society. State. 2024. Vol. 12. No. 1. pp. 21-31. DOI 10.21685/2307-9525-2024-12-1-3.
18. Frolov A.A. Artificial intelligence in the judicial system: between efficiency and fairness // The Russian judge. 2026. No. 3. pp. 56-60. DOI 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.
19. Constitution of the Russian Federation. Articles 46, 47. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1f1ca1e76ebdb70979b8ae-fe86b441f7cd9373e3
20. Degtyarev D.D. Problems of digital transformation of the judicial system // Legal epistemology. 2025. No. 8. pp. 57-63.
21. Kravets I.A. The concept and methods of constitutionalization of the legal order // Russian Law Journal. 2003. No. 4 (40). pp. 9-18.

Контрольный мониторинг как новый метод внутреннего государственного финансового контроля (анализ новелл Федерального закона от 28 ноября 2025 г. № 432-ФЗ)

Дзуцева Мадина Феликсовна

старший преподаватель, кафедра публично-правовых дисциплин, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, 89094776666

Система государственного финансового контроля в Российской Федерации последовательно реформируется. Принятие Федерального закона от 28 ноября 2025 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 432-ФЗ) открывает новый этап в развитии бюджетного контроля. Законом введен контрольный мониторинг как самостоятельный метод осуществления внутреннего государственного финансового контроля, существенно расширяющий инструментарий Федерального казначейства (далее – Казначейство). Параллельно был принят Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 431-ФЗ, законодательно закрепивший Государственную интегрированную информационную систему управления общественными финансами «Электронный бюджет» (далее – ГИИС «Электронный бюджет») в качестве обязательной технологической платформы бюджетного процесса. Оба закона в совокупности закладывают цифровую основу финансового контроля.

В статье анализируются новеллы Федерального закона от 28 ноября 2025 г. № 432-ФЗ, которым в Бюджетный кодекс РФ введен контрольный мониторинг как метод внутреннего государственного финансового контроля. Проводится разграничение контрольного мониторинга, казначейского мониторинга и налогового мониторинга. Исследуется роль ГИИС «Электронный бюджет».

Ключевые слова: контрольный мониторинг, финансовый контроль, Федеральное казначейство, мотивированное мнение, Электронный бюджет.

1. Эволюция методов государственного финансового контроля

Глава 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) формировалась поэтапно. Базовая система методов была установлена Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ, которым введена статья 267.1, определившая проверку, ревизию и обследование в качестве основных методов контроля. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 199-ФЗ модернизировал контрольный инструментарий, разграничив камеральные и выездные проверки.

Однако, как отмечают исследователи, указанные методы объединяет ретроспективный характер: они направлены на выявление уже допущенных нарушений. Именно восполнению этого пробела посвящены новеллы Закона № 432-ФЗ, дополнившего статью 267.1 БК РФ пунктами 6, 7 и 8, которые вводят контрольный мониторинг как метод, реализующий проактивный подход к финансовому контролю.

2. Правовая природа контрольного мониторинга

Согласно новому пункту 6 статьи 267.1 БК РФ контрольный мониторинг отнесен к методам осуществления внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, дополняющим проверку, ревизию и обследование. Легальное определение содержится в пункте 7 той же статьи: под контрольным мониторингом понимается взаимодействие Казначейства и объекта контроля, направленное на обеспечение выполнения объектом контроля положений правовых актов, условий договоров (соглашений), государственных (муниципальных) контрактов в рамках полномочий, определенных пунктом 1 статьи 269.2 БК РФ. Порядок и случаи проведения контрольного мониторинга определяются Правительством Российской Федерации (абзац 2 пункта 7), что обуславливает необходимость принятия подзаконного акта для практической реализации данного института.

Данное определение позволяет выделить сущностные признаки контрольного мониторинга: диалогический характер (основан на взаимодействии, а не на одностороннем воздействии); добровольность (проводится на основании соглашения с объектом контроля); электронная форма (с использованием информационных систем в соответствии с законодательством об информации и о государственной тайне). Как отмечает О.В. Болтинова, развитие информационных технологий в бюджетной сфере выступает одним из условий повышения эффективности бюджетного контроля.

3. Контрольный мониторинг в системе мониторинговых институтов бюджетного и налогового законодательства

Введение контрольного мониторинга ставит вопрос о его соотношении с двумя родственными институтами – казначейским мониторингом и налоговым мониторингом.

Казначейский мониторинг определен в статье 6 БК РФ как деятельность Казначейства по своевременному предупреждению и предотвращению финансовых нарушений участников системы казначейских платежей; его правовому режиму посвящена статья 242.13-1 БК РФ (введена Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 244-ФЗ). Данный институт построен на иных началах: он носит односторонний характер (проводится без соглашения с участником); объектом выступают участники системы казначейских платежей (а не объекты контроля в смысле главы 26 БК РФ); он направлен на предотвращение нарушений в сфере казначейского обслуживания.

Налоговый мониторинг (глава 14.7 Налогового кодекса Российской Федерации) обнаруживает более глубокое сходство с контрольным мониторингом: оба института основаны на добровольности; оба предполагают электронную форму взаимодействия; оба используют механизм мотивированных мнений; оба создают режим защиты от иных контрольных мероприятий. Различия, однако, существенны: в налоговом мониторинге неисполнение мотивированного мнения влечет проведение налоговой проверки с возможностью доначислений, тогда как в бюджетном контрольном мониторинге последствием выступает досрочное прекращение мониторинга. Кроме

того, налоговый мониторинг предоставляет защиту по кругу лиц (конкретный налогоплательщик), а контрольный – по предмету мониторинга, что сужает объем защиты.

4. Механизм мотивированных мнений, режим защиты и встречные проверки

Центральное место среди инструментов контрольного мониторинга занимает институт мотивированных мнений (абзац 3 пункта 7 статьи 267.1 БК РФ). Казначейство составляет мотивированные мнения в ходе мониторинга, которые носят характер рекомендаций по приведению деятельности объекта контроля в соответствие с установленными требованиями. Неисполнение мотивированного мнения влечет досрочное прекращение мониторинга.

Абзацы 4–7 пункта 7 статьи 267.1 БК РФ устанавливают общее правило: Казначейство не осуществляет иные методы финансового контроля (проверки, ревизии, обследования) в отношении предмета контрольного мониторинга за период, в котором мониторинг проводится или проведен. Запрет дублирования распространяется именно на предмет мониторинга (определенный круг правовых актов, договоров), а не на объект контроля в целом. Данная норма создает режим «контрольного комфорта» для добросовестных участников бюджетного процесса. Из общего правила предусмотрены три исключения: досрочное прекращение мониторинга вследствие неисполнения мотивированного мнения; расторжение соглашения по соглашению сторон; поступление поручений Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации.

Пунктом 8 статьи 267.1 БК РФ установлено, что встречные проверки проводятся Казначейством при проведении контрольного мониторинга. Это наделяет Казначейство правом обращаться к контрагентам объекта контроля для подтверждения достоверности финансовых операций, что придает комплексность контрольной деятельности.

5. ГИИС «Электронный бюджет» как технологическая основа контрольного мониторинга

Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 431-ФЗ законодательно закрепил ГИИС «Электронный бюджет» в качестве обязательной технологической платформы. Положение о системе было существенно обновлено. Операторами определены Минфин России и Казначейство. Для целей контрольного мониторинга система создает: единое информационное пространство с данными об исполнении бюджетов; фиксацию решений и документов по межбюджетным соглашениям; взаимодействие с иными государственными информационными системами для перекрестной верификации данных.

6. Соотношение с внешним финансовым контролем

Контрольный мониторинг относится исключительно к внутреннему контролю и отнесен к исключительной компетенции Казначейства. Результаты мониторинга могут быть использованы Счетной палатой Российской Федерации и контрольно-счетными органами при проведении собственных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, что позволяет достичь взаимодополняемости различных уровней бюджетного контроля.

7. Заключение

Введение контрольного мониторинга означает поворот от ретроспективной модели бюджетного контроля к модели, сочетающей последующий контроль с превентивным воздействием. Наличие в БК РФ двух самостоятельных мониторинговых институтов – казначейского мониторинга (ст. 242.13-1) и контрольного мониторинга (п. 6–8 ст. 267.1) – свидетельствует о системном переходе от эпизодических проверок к непрерывному наблюдению за бюджетными операциями.

Практическая реализация контрольного мониторинга возможна лишь после принятия Правительством Российской Федерации подзаконного акта. Представляется, что такой акт должен урегулировать: критерии отбора объектов контроля для заключения соглашений (по аналогии с налоговым мониторингом – объем доходов, стоимость активов); типовую форму соглашения; порядок составления и исполнения мотивированных мнений, включая сроки; требования к информационным системам и обеспечению информационной безопасности; основания и порядок досрочного прекращения монито-

ринга. Актуален также вопрос о готовности Казначейства к масштабному проведению контрольного мониторинга, требующему значительных кадровых и технических ресурсов.

Дальнейшее развитие правового регулирования контрольного мониторинга должно быть направлено на достижение баланса между эффективностью финансового контроля и минимизацией административной нагрузки на участников бюджетного процесса.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.
5. Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 31. Ст. 4191.
6. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4101.
7. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 244-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5072.
8. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2026 году» // Российская газета. 2025. 8 дек.
9. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 8 дек.
10. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 703 «О Федеральном казначействе» (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4908.
11. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2015 г. № 658 «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет»» (ред. от 01.11.2025) // СЗ РФ. 2015. № 28. Ст. 4228.
12. Артюхин Р.Е. Правовое значение лицевого счета в бюджетном процессе // Финансовое право. 2025. № 6.
13. Болтинова О.В. Бюджетное право: учебное пособие для магистратуры. 4-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 260 с.
14. Болтинова О.В., Петрова И.В. Бюджетный контроль: учебное пособие для магистратуры / под ред. О.В. Болтиновой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 160 с.
15. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: учебник для СПО. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 256 с.
16. Казначейское сопровождение и бюджетный мониторинг: монография / Р.Е. Артюхин, А.Ю. Демидов, В.М. Карпенко [и др.]. М.: Юриспруденция, 2024. 240 с.
17. Миронова С.М., Дербизова М.В. Некоторые вопросы казначейского сопровождения контрактов // Финансовое право. 2024. № 9. С. 16–20.
18. Финансовое право: учебник / отв. ред. С.В. Запольский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт: Волтерс Клувер, 2011. 792 с.
19. Шевелева Н.А. Бюджетная система России: проблемы правового регулирования в период интенсивных реформ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

Control Monitoring as a New Method of Internal State Financial Control (Analysis of the Novelties of Federal Law of November 28, 2025 N 432-FZ)

Dzutseva M.F.

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov

The article analyzes the novelties of Federal Law No. 432-FZ of November 28, 2025, which introduced control monitoring as a method of internal state financial control. The distinction between control monitoring, treasury monitoring, and tax monitoring is drawn. The role of the "Electronic Budget" system is examined.

Keywords: control monitoring, financial control, Federal Treasury, reasoned opinion, Electronic Budget.

References

1. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998, No. 145-FZ (as amended on December 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3823.
2. Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended on November 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3824.
3. Federal Law of July 27, 2006, No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.
4. Federal Law of April 5, 2013 No. 41-FZ "On the Accounts Chamber of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1649.
5. Federal Law of July 23, 2013 No. 252-FZ "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 31. Art. 4191.
6. Federal Law of July 26, 2019 No. 199-FZ "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation in Terms of Improving State (Municipal) Financial Control, Internal Financial Control, and Internal Financial Audit" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 30. Art. 4101.
7. Federal Law of July 1, 2021 No. 244-FZ "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and on the Suspension of Certain Provisions of the Budget Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part 1). Art. 5072.
8. Federal Law of November 28, 2025 No. 431-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, the Suspension of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation, and the Establishment of the Specifics of Budget Execution of the Budget System of the Russian Federation in 2026" // Rossiyskaya Gazeta. 2025. December 8.
9. Federal Law of November 28, 2025 No. 432-FZ "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. December 8, 2025.
10. RF Government Resolution of December 1, 2004 No. 703 "On the Federal Treasury" (as amended on October 15, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 49. Art. 4908.
11. RF Government Resolution of June 30, 2015 No. 658 "On the State Integrated Information System for Public Finance Management "Electronic Budget"" (as amended on November 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 28. Art. 4228.
12. Artyukhin R.E. Legal Significance of Personal Accounts in the Budgetary Process // Financial Law. 2025. No. 6.
13. Boltinova O.V. Budget Law: A Textbook for the Master's Degree. 4th Edition, Revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 260 p.
14. Boltinova O.V., Petrova I.V. Budget Control: A Textbook for the Master's Degree / Ed. by O.V. Boltinova. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 160 p.
15. Gracheva E.Yu., Sokolova E.D. Financial Law: A Textbook for Secondary Vocational Education. 6th Edition, Revised and Supplemented. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 256 p.
16. Treasury Support and Budget Monitoring: Monograph / R.E. Artyukhin, A.Yu. Demidov, V.M. Karpenko [et al.]. Moscow: Jurisprudence, 2024. 240 p.
17. Mironova S.M., Derebizova M.V. Some Issues of Treasury Support of Contracts // Financial Law. 2024. No. 9. pp. 16–20.
18. Financial Law: Textbook / ed. S.V. Zapolsky. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Contract: Wolters Kluwer, 2011. 792 p.
19. Sheveleva N.A. Budget system of Russia: problems of legal regulation in the period of intensive reforms: dis. ... Doctor of Law. St. Petersburg, 2005.

Процессуально-правовой статус материалов беспилотных авиационных систем в федеральном государственном земельном контроле (надзоре): от вспомогательного средства к надлежащему доказательству

Дитрих Дмитрий Константинович

старший преподаватель кафедры геодезии, землеустройства и кадастров, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ); соискатель, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, jusi-frut@mail.ru,

Афанасьев Сергей Николаевич

к.п.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова (СПбГЛТУ), afanasser@mail.ru

В статье исследуется процессуально-правовой статус материалов, получаемых с использованием беспилотных авиационных систем при осуществлении федерального государственного земельного контроля (надзора). Показано, что реформа 2025–2026 годов перевела данные дистанционного зондирования из положения вспомогательного технического средства в статус надлежащего инструмента доказывания. На основе анализа Положения о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) выделены три сценария правовых последствий использования дистанционных данных – профилактический, пресекательный без взаимодействия и юрисдикционный, – а современное состояние надзора охарактеризовано как «промежуточная модель автоматизации», сохраняющая обязательное «человеческое звено» между машинной фиксацией и юрисдикционным решением. Опровергается распространённый в литературе тезис о «процессуальном вакууме»: действующих норм достаточно для оценки цифровых доказательств, тогда как действительной проблемой выступает отсутствие утверждённых стандартов их верификации. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: государственный земельный надзор, беспилотные авиационные системы, дистанционное зондирование Земли, контрольное (надзорное) мероприятие, выездное обследование, доказательство, цифровизация контроля, административный процесс.

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности приобрела в земельной сфере отчётливо нормативное выражение. Ещё несколько лет назад применение беспилотных летательных аппаратов при осуществлении государственного земельного надзора обсуждалось преимущественно как техническая перспектива, однако к 2026 году законодатель прямо закрепил использование беспилотных авиационных систем (далее – БАС) в качестве средства контрольных (надзорных) мероприятий и придал получаемым с их помощью материалам самостоятельное доказательственное значение. Тем самым на первый план выдвинулся вопрос, до сих пор не получивший в науке административного права системного разрешения, – о процессуально-правовом статусе данных дистанционного зондирования Земли (далее – ДЗЗ) в структуре контрольного (надзорного) мероприятия и, шире, административного процесса.

Значимость этого вопроса усиливается тем, что федеральный государственный земельный контроль (надзор) осуществляется тремя федеральными органами исполнительной власти – Росреестром, Россельхознадзором и Росприроднадзором – в рамках формально единого вида контроля, урегулированного Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – Закон № 248-ФЗ). В этих условиях единообразие процессуальной оценки дистанционных данных становится не только теоретической, но и практической задачей, от решения которой зависят устойчивость правоприменения и гарантии прав контролируемых лиц.

Показательно, что имеющиеся исследования применения беспилотных аппаратов в земельном надзоре выполнены преимущественно в технико-геодезическом и кадастровом ключе. Э. С. Аскеров, А. А. Абдулаева и А. М. Ухумаалиева рассматривают БАС как фотограмметрический инструмент дистанционного картографирования и административного обследования земель; Д. А. Гура, И. Г. Марковский и А. А. Ряскин описывают опыт пилотного проекта Росреестра, процедуру согласования полётов и сопоставление данных с материалами государственного реестра; П. С. Малимоненко проводит сравнительный анализ методов ДЗЗ с помощью беспилотников; в более ранних работах Е. Г. Мещаниновой и В. О. Николюкиной внимание также сосредоточено на технических возможностях аэросъёмки. При несомненной ценности этих исследований собственно процессуально-правовой аспект – статус, допустимость, относимость и порядок оценки дистанционных материалов как доказательств – остаётся за пределами их предмета. Именно на нём сосредоточен настоящий анализ, ограниченный при этом собственно земельным контролем (надзором); смежные виды контроля (геологический, экологический, ветеринарный, надзор в области обращения с пестицидами), для которых в 2026 году приняты самостоятельные акты со своими перечнями признаков нарушений, остаются за его рамками.

Нормативное оформление роли БАС в земельном надзоре развивалось в два слоя. Первым значимым шагом стало постановление Правительства Российской Федерации от 04.08.2025 № 1165, дополнившее Положение о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) (далее – Положение) указанием на возможность применения при проведении контрольных (надзорных) мероприятий беспилотных авиационных систем, оборудованных средствами дистанционного зондирования Земли, а также пространственных данных, полученных с использованием беспилотных и пилотируемых авиационных систем и космических аппаратов; такие системы применяются с учётом законодательства об использовании воздушного пространства и о защите государственной тайны. Юридически показательно само место новеллы в структуре Положения: норма о применении БАС включена в пункт, посвящённый способам фиксации доказательств соблюдения (нарушения) обязательных требований, – тем самым законодатель прямо позиционировал данные ДЗЗ не как вспомогательное организационное средство, а как доказательственный инструмент. Этим же актом расширены и дистанционные цифровые каналы взаимодействия: ряд контрольных (надзорных) и

профилактических мероприятий может проводиться посредством видео-конференц-связи с использованием мобильного приложения «Инспектор».

Второй слой реформы имеет уже законодательный уровень. Федеральный закон от 29.12.2025 № 567-ФЗ впервые закрепил применение беспилотных авиационных систем при осуществлении контроля (надзора) непосредственно в законе, распространив соответствующие правила на значительное число видов контроля и предусмотрев право контрольного (надзорного) органа инициировать мероприятия при выявлении признаков нарушений, полученных с использованием таких систем. Применительно к земельной сфере эти новеллы реализованы постановлением Правительства Российской Федерации от 01.07.2026 № 811, которое, в частности, прямо допустило проведение выездного обследования с использованием беспилотных аппаратов (систем), если это предусмотрено заданием на его проведение, и утвердило предметный перечень признаков нарушений, выявляемых с воздуха, – смещение границ участка на земли публичной собственности, возведение объектов на участках, правовой режим которых этого не предполагает, самовольное снятие плодородного слоя, признаки неиспользования участков. Само постановление вступило в силу со дня официального опубликования – с 01.07.2026, тогда как отдельные изменения, вносимые в Положение (пункты 10 и 13), вступают в силу с 01.10.2026.

При этом следует строго разграничивать техническую и правовую стороны нововведения. Технически применение дистанционного зондирования новым не является: аэрофотоснимки и ортофотопланы используются органами земельного надзора для определения фактического использования участков и уточнения местоположения их границ по меньшей мере с конца 2010-х годов, что подтверждается приводимыми в литературе региональными данными о массовых административных обследованиях с применением беспилотников. Правовая же новелла состоит в ином – в придании этим данным статуса надлежащего инструмента доказывания при проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Именно этот сдвиг – от вспомогательного средства к надлежащему доказательству – и образует ядро проблемы, поскольку само по себе разрешение применять БАС не отвечает на вопрос о том, каким образом полученные материалы должны оцениваться при привлечении лица к административной ответственности.

Процессуальная ценность дистанционных данных определяется прежде всего тем, что они образуют «вход» в систему контрольных (надзорных) мероприятий, проводимых без взаимодействия с контролируемым лицом, – наблюдение за соблюдением обязательных требований (статья 74 Закона № 248-ФЗ) и выездное обследование (статья 75). Значимо, что часть 9 статьи 75, допускающая проведение выездного обследования с применением технических средств дистанционного контроля, введена Федеральным законом от 28.12.2024 № 540-ФЗ; тем же законом дополнена и статья 56 Закона № 248-ФЗ о видах контрольных (надзорных) мероприятий. Полученные при таких мероприятиях материалы вводятся в дело как «иные документы» и вещественные доказательства и в дальнейшем могут подкрепляться контрольными (надзорными) действиями – осмотром (статья 76) и инструментальным обследованием (статья 82).

Выявление по результатам дистанционной фиксации признаков нарушения влечёт один из трёх правовых сценариев, различающихся степенью правовой значимости последствий. Первый из них – профилактический: при наличии сведений о готовящихся нарушениях либо признаках нарушений, а равно при отсутствии подтверждения того, что нарушение причинило вред охраняемым законом ценностям, контролирующему лицу объявляется предостережение, которое учитывается в едином реестре контрольных (надзорных) мероприятий и используется при планировании последующей контрольной работы, не порождая мер принуждения. Второй сценарий – пресекательный без взаимодействия: в редакции постановления № 1165 Положение впервые допустило выдачу предписания об устранении выявленных нарушений непосредственно по итогам наблюдения за соблюдением обязательных требований – после оформления акта, но без проведения мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом; тем самым дистанционно полученные данные признаны достаточным основанием для применения ключевой меры пресечения, что резко повышает требования к их достоверности.

Третий сценарий – юрисдикционная эскалация: соответствие выявленных параметров утверждённым индикаторам риска либо сведения о причинении вреда служат основанием для мотивированного представления должностного лица и принятия решения о проведении внепланового контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом. В условиях особого режима, установленного постановлением Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336, такое мероприятие требует согласования с органами прокуратуры, и лишь по его итогам возможно возбуждение дела об административном правонарушении. Дифференциация трёх сценариев показывает, что цифровые данные уже сегодня порождают весь спектр правовых последствий – от профилактических до юрисдикционных, – однако по мере роста правовой значимости последствий между дистанционной фиксацией и правоприменительным решением встраивается всё больше процессуальных фильтров.

Именно это наблюдение позволяет охарактеризовать современное состояние земельного надзора как «промежуточную модель автоматизации». На данном этапе законодатель избрал модель, при которой автоматическая фиксация признаков нарушения порождает не постановление по делу об административном правонарушении, как в дорожной сфере, а формализованное основание для проведения контрольного (надзорного) мероприятия; тем самым сохраняется обязательное «человеческое звено» между машинной фиксацией и юрисдикционным решением: юридически значимое решение принимается должностным лицом на основе автоматически собранных и верифицированных данных, но не заменяется автоматической процедурой. Переход к полностью автоматизированному режиму привлечения к ответственности потребовал бы предварительного решения двух правовых задач: во-первых, распространения упрощённого порядка, предусмотренного частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ (вынесение постановления без составления протокола на основании данных специальных технических средств), на отдельные составы земельных правонарушений, объективно поддающиеся автоматической фиксации; во-вторых, завершения формирования системы метрологического обеспечения и сертификации средств дистанционного зондирования. До решения этих задач роль цифровых технологий остаётся, по существу, обеспечивающей: они позволяют выявить и зафиксировать деяние, но не замещают юрисдикционную оценку, осуществляемую должностным лицом.

Распространённый в литературе тезис о наличии «процессуального вакуума», якобы состоящего в отсутствии специальных норм о статусе, допустимости и относимости данных дистанционного мониторинга, при ближайшем рассмотрении оказывается несостоятельным.

Действующее законодательство содержит достаточные общие нормы для оценки любых, в том числе цифровых, доказательств: статья 26.2 КоАП РФ признаёт доказательствами любые фактические данные, а статья 26.11 КоАП РФ (равно как статья 64 АПК РФ и статья 84 КАС РФ) закрепляет принцип оценки доказательств во внутреннему убеждению на основе всестороннего, полного и объективного исследования, при котором никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Данные дистанционного зондирования подпадают под категорию «иных документов» и вещественных доказательств и оцениваются по общим правилам наравне с прочими материалами дела. Показательно, что и сам законодатель сознательно отказался от закрепления обособленного понятия «электронное доказательство», распространив на цифровые материалы общий режим доказательств, что дополнительно подтверждает достаточность действующего инструментария.

Следовательно, проблема носит не нормативный, а методологический характер: она состоит не в отсутствии процессуальных норм, а в отсутствии утверждённых стандартов верификации цифровых материалов – требований к сертификации источников данных, метрологической привязке средств измерения, порядку удостоверения подлинности и неизменности снимков, а также к экспертной оценке их достоверности. В доктрине справедливо отмечается, что заключение специалиста, основанное на лицензионных геоинформационных системах, признаётся судами достаточным доказательством по земельным спорам при условии соблюдения требований достоверности и допустимости геопространственной информации. Именно недостаток таких стандартов, а не отсутствие процессуальных норм, создаёт реальные риски при использовании дистанционных данных в качестве доказательств.

Допустимость дистанционных данных подтверждается и правоприменительной практикой. Оценивая отчёт об аэрофотосъёмке, выполненной с применением беспилотного авиационного комплекса, Арбитражный суд Северо-Западного округа указал, что использование информации, полученной дистанционными методами, допускается, а суды не вправе отвергать такое доказательство без обоснования его недопустимости (статья 68 АПК РФ); примечательно, что дело возникло в сфере надзора за природопользованием и разрешалось на основе действовавшей в тот период редакции земельного законодательства. Вместе с тем для окончательного юрисдикционного решения, влекущего меры принуждения, дистанционные данные, как правило, подкрепляются результатами контрольных (надзорных) действий на месте, экспертными заключениями и инструментальными измерениями. Одновременно нельзя недооценивать их доказательственные преимущества: уникальным свойством дистанционных данных является способность к объективной мультитременной фиксации состояния земельного объекта, обеспечивающей хронологическую реконструкцию событий и установление динамики длящихся нарушений, что имеет критическое значение для административного доказывания.

Проведённый анализ показывает, что реформа 2025–2026 годов перевела материалы БАС из положения вспомогательного средства в статус надлежащего инструмента доказывания, встроив дистанционные данные в процессуальный цикл контрольных (надзорных) мероприятий при сохранении обязательного «человеческого звена». Тезис о «процессуальном вакууме» не подтверждается: действительная проблема связана не с процессуальным законом, а с отсутствием утверждённых стандартов верификации дистанционных данных.

Изложенное определяет и направления совершенствования регулирования. Обособленный процессуальный статус для каждого нового вида цифровой информации закреплять не следует: режим свободной оценки доказательств справляется с этой задачей. Основные усилия законодателя разумнее сосредоточить на стандартах верификации, сертификации и метрологического обеспечения средств дистанционного зондирования, поскольку именно их отсутствие, а не пробел в процессуальном законе, порождает риски при использовании дистанционных данных. Упрощённый порядок привлечения к ответственности (часть 3 статьи 28.6 КоАП РФ) допустимо распространить на земельные правонарушения лишь выборочно – на составы, объективно поддающиеся автоматической фиксации (самовольное занятие участка, неиспользование земель), и только при сохранении процессуальных гарантий контролируемого лица. Такой подход позволяет использовать потенциал беспилотных технологий, не ослабляя гарантий прав участников контрольных (надзорных) отношений.

Литература

1. Аскеров Э. С., Абдулаева А. А., Ухумаалиева А. М. Перспективы использования беспилотных летательных аппаратов при обследовании земель и земельном надзоре // *Аграрное и земельное право*. – 2022. – № 2. – С. 108–111.
2. Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // *Вестник гражданского процесса*. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 170–188.
3. Гура Д. А., Марковский И. Г., Ряскин А. А. Использование беспилотных летательных аппаратов при осуществлении государственного земельного надзора // *Вестник СГУГиТ*. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 138–146.
4. Лунева Е. В. Использование лицензионных геоинформационных систем в защите экологических прав и прав на природные ресурсы // *Экологическое право*. – 2020. – № 2. – С. 20–26.
5. Малимоненко П. С. Применение методов дистанционного зондирования (БПЛА) для осуществления государственного земельного контроля // *Человек. Знак. Техника : материалы I Междисциплинар. форума с междунар. участием*. – Краснодар, 2022. – С. 103–108.
6. Мещанинова Е. Г., Николыкина В. О. Перспективы использования БПЛА при осуществлении земельного надзора // *Экономика и экология территориальных образований*. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 122–128.

Procedural and legal status of unmanned aerial systems data in federal state land control (supervision): from an auxiliary tool to proper evidence

Ditrikh D.K., Afanasyev S.N.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (SPbGASU), Branch of RANEP

The article examines the procedural and legal status of data obtained by unmanned aerial systems in federal state land control (supervision). It is shown that the 2025–2026 reform shifted remote sensing data from an auxiliary technical means to the status of proper evidence. Three scenarios of the legal consequences of using remote data are identified – preventive, suppressive without interaction, and jurisdictional; the current state of supervision is characterised as an “intermediate model of automation” that retains a mandatory human link between machine detection and a jurisdictional decision. The widespread thesis of a “procedural vacuum” is refuted, whereas the real problem is the absence of approved standards for verifying such materials.

Keywords: state land supervision, unmanned aerial systems, remote sensing, control (supervisory) measure, on-site survey, evidence, digitalisation of control, administrative procedure.

References

1. Askerov E. S., Abdullayeva A. A., Ukhumaaliev A. M. Prospects for the Use of Unmanned Aerial Vehicles in Land Surveying and Land Supervision // *Agrarian and Land Law*. – 2022. – No. 2. – Pp. 108–111.
2. Golubtsov V. G. Electronic Evidence in the Context of Electronic Justice // *Bulletin of Civil Procedure*. – 2019. – Vol. 9, No. 1. – Pp. 170–188.
3. Gura D. A., Markovsky I. G., Ryaskin A. A. Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Implementation of State Land Supervision // *Bulletin of the Saratov State University of Geology and Tractology*. – 2022. – Vol. 27, No. 5. – P. 138–146.
4. Luneva E. V. Use of Licensed Geographic Information Systems in the Protection of Environmental Rights and Rights to Natural Resources // *Environmental Law*. – 2020. – No. 2. – P. 20–26.
5. Malimonenko P. S. Application of Remote Sensing Methods (UAVs) for the Implementation of State Land Control // *Man. Sign. Technology: Proceedings of the 1st Interdisciplinary Forum with International Participation*. – Krasnodar, 2022. – P. 103–108.
6. Meshchaninova E. G., Nikolyukina V. O. Prospects for the Use of UAVs in Land Supervision // *Economy and Ecology of Territorial Entities*. – 2018. – T. 2, No. 3. – P. 122–128.

Понятие института репатриации

Кириченко Алексей Олегович

Ведущий специалист 2 разряда аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, aok99@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовой природы института репатриации в России. Исследуются подходы к определению репатриации, зарубежный опыт и концепции, существующие в юридической науке. На основе выделенных существенных признаков предлагается авторское определение.

Ключевые слова: репатриация, институт репатриации, правовое регулирование, миграционная политика, соотечественники, репатриант, этническая миграция, добровольное возвращение, интеграция, гражданство.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена кардинальными изменениями геополитической обстановки, произошедшими в последние годы. Рост русофобских настроений, ужесточение миграционного законодательства в ряде зарубежных государств, а также экономические и социальные вызовы существенно актуализируют вопросы возвращения соотечественников в Российскую Федерацию. В этих условиях государство нуждается в формировании эффективного, юридически выверенного механизма репатриации, который бы отвечал национальным интересам, обеспечивал права человека и учитывал уникальный исторический опыт России как многонационального государства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правового регулирования возвращения соотечественников на родину.

Предметом исследования являются нормы международного и национального права, а также доктринальные подходы к определению понятия и содержания института репатриации.

Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе понятия «репатриация» применительно к российской правовой действительности, выявлении существенных признаков данного института и формулировании обоснованного определения, способного лечь в основу дальнейшего совершенствования законодательства.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. Исследовать происхождение термина «репатриация».
2. Рассмотреть зарубежный опыт законодательного закрепления статуса репатрианта.
3. Рассмотреть современные легальные подходы к определению репатриации.
4. Проанализировать научные подходы.
5. Сформулировать определение репатриации.

Методологическую основу работы составляют общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальных юридических методов: формально-юридическом, сравнительно-правовом и историческом.

1. Понятие института репатриации

Формирование эффективного правового регулирования института репатриации невозможно без его чёткого определения.

Этимологически термин «репатриация» происходит от латинского глагола *repatriatio* и означает «возвращение на родину». Однако в юридическом смысле это понятие значительно шире и включает не только физическое перемещение лица через государственную границу, но и комплекс правоотношений, связанных с восстановлением правовой связи с государством происхождения или этнической родиной, признанием особого статуса и предоставлением ему соответствующих гарантий.

В международном праве понятие, как правило, применяется по отношению к беженцам, военнопленным и перемещенным лицам. В этом контексте можно упомянуть Женевскую конвенцию от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными, Конвенцию о статусе беженцев от 28 июля 1951 года.

В большинстве своем принятые в ряде государств законы о репатриации призывают вернуться представителей мононаций, населяющих их территории, на историческую родину, с целью возрождения этой мононации.

Характерны в этом плане, например, Федеральный закон о высланных лицах Федеративной Республики Германия или Закон о возвращении Израиля, в которых статус репатрианта увязывается с этнической принадлежностью.

Для российской правовой системы понятия «репатриация» и «репатриант» являются новыми. Впервые оно было введено в 2024 году поправками в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма). При этом в указанном документе дается определение только субъекту, но не самому институту.

В соответствии с указанным документом, репатриант – соотечественник, изъявивший желание принять участие в Государственной

программе в порядке, установленном разделом VII¹ Государственной программы, из числа:

- граждан Российской Федерации, постоянно проживавших за ее пределами по состоянию на 24 февраля 2022 г.;
- лиц, которым в установленном порядке был оформлен выход из гражданства Российской Федерации на основании их добровольного волеизъявления;
- лиц, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относившейся к СССР, в пределах государственной границы Российской Федерации и имевших в прошлом гражданство СССР;
- лиц, имеющих родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах государственной границы Российской Федерации и имевших соответствующую гражданскую принадлежность [1].

Заслуживает внимания и определение, данное в Модельном Миграционном кодексе для государств-участников СНГ 2021 года: «Репатриант – гражданин государства, возвращающийся в государство в результате репатриации; репатриация – добровольное или вынужденное возвращение гражданина государства, оказавшегося в силу различных обстоятельств в иностранном государстве, на территорию государства» [2].

В отечественной литературе существуют различные подходы к определению рассматриваемых понятий. Ряд авторов рассматривают репатриацию как разновидность этнической миграции. Так, «репатриация – это возвращение человека на свою этническую родину. Этническая родина означает страну, населенную народом, с которым человек идентифицирует себя, то есть он ассоциирует с ней своё происхождение» [3]. Данный подход ставит акцент на этнической принадлежности субъекта, позволяя охватить широкий круг потенциальных репатриантов, включая никогда не имевших гражданства этнической родины.

Однако исторический опыт России как многонационального государства со сложным взаимоотношением наций и народностей показывает ошибочность такого подхода. Осуществление репатриации исключительно по национальному признаку может привести к усилению противопоставления различных национальностей, обострению межнациональных отношений на территории Российской Федерации.

В пользу невозможности применения такого определения говорит и конституционное положение о том, что принадлежность лица к определенной национальности не может быть связана с наступлением каких-либо правовых последствий, поскольку определение национальной принадлежности является правом человека и осуществляется на основании его самоидентификации, при этом государство гарантирует равенство прав и свобод человека независимо от национальности [4].

Кроме того, данный подход не учитывает такие характеристики как духовная, культурная и правовая связь с Российской Федерацией, которые нередко играют определяющую роль в мотивации переселения и интеграции соотечественников.

Иной аспект выделяет Басик В.П., определяя репатриацию как «процесс организованного возвращения лиц, оказавшихся за пределами, своего государства в результате военных действий и иных обстоятельств, а также эмигрантов с восстановлением в правах гражданства» [5]. Автор привязывает определение к конкретным историческим ситуациям, чрезвычайным обстоятельствам и сближает репатриацию с реабилитационными процедурами.

Однако этот подход не охватывает потомков лиц, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР, Российской империи или СССР, в пределах государственной границы Российской Федерации и имевших соответствующую гражданскую принадлежность. Кроме того, акцент на чрезвычайных обстоятельствах оставляет за скобками случаи добровольной репатриации, которая сегодня составляет значительную долю миграционного притока.

Таким образом, оба подхода отражают лишь отдельные стороны рассматриваемого понятия. Представляется, что для наиболее полного определения необходимо выделить сущностные характеристики рассматриваемого понятия.

Во-первых, ключевым признаком, позволяющим отграничить репатриацию от иных миграционных явлений, является её субъектный состав. В отличие от иммиграции, где субъектом выступает любой иностранный гражданин, переселяющийся на общих основаниях,

репатриантами признаются строго определённые категории лиц. В Российской Федерации это лица, определённые в Госпрограмме.

Госпрограмма, в свою очередь, определяет целевой характер репатриации: возвращение осуществляется не на общих основаниях, а в рамках целенаправленной государственной политики.

Важной составляющей репатриации является особый правовой режим, в рамках которого репатриантам предоставляются упрощенный порядок получения гражданства, специальный миграционный статус, а также расширенный пакет социальных и экономических гарантий.

Наряду с этим репатриация предполагает добровольное волеизъявление лица. В отличие от вынужденного переселения беженцев или депортации, репатриация в её современном понимании основывается на осознанном и свободном выборе репатрианта.

Наконец, важнейшим признаком рассматриваемого понятия является его интеграционная направленность. Репатриация не завершается юридическим фактом пересечения государственной границы и получения документа о гражданстве. Она представляет собой длящийся процесс, включающий социальную, культурную и экономическую адаптацию, без чего теряется смысл репатриации, поскольку не обеспечивается воссоединение соотечественника с принимающим сообществом.

Таким образом, репатриацию можно определить как процесс добровольного возвращения на родину некоторых категорий соотечественников, иницируемый и регулируемый государством в рамках специальной политики и предполагающий предоставление им определенных правовых и социально-экономических льгот и гарантий, обеспечивающих их интеграцию в принимающее сообщество.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о сущности и значении института репатриации в современной России.

1. В российском законодательстве институт репатриации находится на стадии становления. Легальное закрепление понятия «репатриант» в Государственной программе является важным шагом вперед, однако отсутствие четкого нормативного определения самой репатриации как процесса и правового института создает риски правовой неопределенности и затрудняет правоприменительную практику.

2. Проведенный анализ показал, что слепое копирование опыта Израиля или Германии, основанное на приоритете этнической принадлежности, неприемлемо для Российской Федерации. Это объясняется не только конституционным запретом дискриминации и правом на самоидентификацию, но и рисками дестабилизации межнациональных отношений в самой России.

3. Репатриация в современном понимании не может сводиться к простому пересечению границы или лишь к реакции на чрезвычайные обстоятельства. Это многогранный процесс, включающий добровольное волеизъявление, специальный правовой статус, систему льгот и интеграционную составляющую.

Выделены сущностные характеристики понятия «репатриация»: целевой характер, особый субъектный состав, специальный правовой режим, добровольность и интеграционная направленность. На их основе было предложено авторское определение репатриации.

В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным закрепить на федеральном законодательном уровне формальное определение репатриации, предложенное в данной статье или сходное по смыслу.

Таким образом, институт репатриации является важнейшим инструментом демографической и гуманитарной политики России. Его эффективность напрямую зависит от выработки четкого, научно обоснованного и внутренне непротиворечивого понятийного аппарата, учитывающего как международный опыт, так и уникальную историко-культурную специфику нашей страны.

Литература

1. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (в ред. от 8 сентября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2820.
2. Модельный миграционный кодекс для государств – участников СНГ [Электронный ресурс] : приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества

Независимых Государств от 16 апреля 2021 г. № 52-3 (принят на пятьдесят втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ). – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 22.08.2026).

3. Пухова М. М., Дорошина И. П., Ходжаева И. Г. Теоретические основы миграции // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 6-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-migratsii> (дата обращения: 22.08.2026).

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

5. Басик В. П. Конституционные основы, законодательство и практика защиты прав соотечественников за рубежом (опыт сравнительно-правового исследования) // Конституционное право: Новейшие зарубежные исследования. – 2005. – № 2005. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-zakonodatelstvo-i-praktika-zaschity-prav-sootchestvennikov-za-rubezhom-opyt-sravnitelno-pravovogo> (дата обращения: 22.08.2026).

The concept of the institution of repatriation

Kirichenko A.O.

Staff of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countrymen

The article is devoted to the analysis of the legal nature of the institution of repatriation in Russia. It examines approaches to the definition of repatriation, foreign experience and concepts existing in legal science. Based on the identified essential features, the author's definition is proposed.

Keywords: repatriation, institution of repatriation, legal regulation, migration policy, compatriots, repatriate, ethnic migration, voluntary return, integration, citizenship.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation № 637 of June 22, 2006 «On Measures to Facilitate the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation» (as amended on September 8, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 26. – Art. 2820.
2. Model Migration Code for the CIS Member States [Electronic resource] : annex to Resolution № 52-3 of the Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States of April 16, 2021 (adopted at the fifty-second plenary session of the Interparliamentary Assembly). – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (accessed: 22.08.2026).
3. Pukhova M. M., Doroshina I. P., Khodzhaeva I. G. Theoretical Foundations of Migration // Theory and Practice of Social Development. – 2013. – № 6-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-migratsii> (accessed: 22.08.2026).
4. Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. – Art. 4398.
5. Basik V. P. Constitutional Foundations, Legislation and Practice of Protecting the Rights of Compatriots Abroad (A Comparative Legal Study) // Constitutional Law: Latest Foreign Research. – 2005. – № 2005. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-zakonodatelstvo-i-praktika-zaschity-prav-sootchestvennikov-za-rubezhom-opyt-sravnitelno-pravovogo> (accessed: 22.08.2026).

Перспективы развития правового регулирования института репатриации в Российской Федерации

Кириченко Алексей Олегович

Ведущий специалист 2 разряда аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, aok99@yandex.ru

Статья посвящена исследованию современного состояния и перспектив развития правового регулирования института репатриации в Российской Федерации. Анализируется эволюция нормативной базы, регулирующей добровольное переселение соотечественников, выявляются системные пробелы и противоречия действующего регулирования. Обосновывается необходимость внесения изменений в действующее законодательство как наиболее целесообразный путь совершенствования правового механизма репатриации.

Ключевые слова: репатриация, правовое регулирование, миграционная политика, соотечественники, репатриант, Государственная программа переселения, законодательное регулирование.

Введение

В современных геополитических условиях, сопровождающихся пересмотром миграционной политики большинства государств, вопросы возвращения соотечественников, проживающих за рубежом, приобретают не только демографическое, но и стратегическое значение.

Российская Федерация, обладая одной из самых крупных диаспор в мире, на протяжении последних двух десятилетий целенаправленно формирует механизмы стимулирования добровольного переселения. Однако, несмотря на активную нормотворческую деятельность и многократные корректировки Государственной программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, правовой институт репатриации в России до сих пор не получил системного законодательного оформления.

Отсутствие единого кодифицированного акта о репатриации существенно ограничивает прогнозируемость государственной политики в этой сфере и снижает ее эффективность, что обуславливает научную и практическую значимость настоящего исследования.

Вопросу добровольного переселения в Российскую Федерацию наших соотечественников посвящен ряд диссертационных исследований (Гребенюк А.А., Филиппов В.И., Скутина С.Г.). При этом многие исследования сосредоточены на политологическом анализе. В юридической науке отдельные аспекты репатриации традиционно рассматривались в рамках более широких исследований по конституционному и административному праву в области защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

Цель работы состоит в выявлении структурных и содержательных недостатков современного правового регулирования репатриации в Российской Федерации и в обосновании направлений его совершенствования.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать существующие нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в рассматриваемой сфере;
- систематизировать правовые пробелы и процессуальные барьеры, возникающие при реализации статуса участника Государственной программы, в том числе в части отказа от иностранного гражданства, признания документов об образовании и трудового стажа;
- сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правового регулирования репатриации соотечественников в Российскую Федерацию, включая отношения, связанные с определением статуса репатрианта, порядком приобретения гражданства, предоставлением социальных гарантий и механизмами адаптации. Предметом исследования являются нормы российского конституционного, административного и международного права, закрепляющие правовой статус репатриантов и регулирующие процедурные аспекты их возвращения и интеграции, а также правоприменительная практика, доктринальные подходы и законопроектные инициативы по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Методологическую основу исследования составляют комплекс общенаучных и специальных юридических методов.

Диалектический метод позволил рассмотреть исторический путь развития института репатриации, динамику нормативных изменений. Формально-юридический метод применен для толкования норм действующего национального законодательства. Сравнительно-правовой метод использован при анализе модельного законодательства государств-участников СНГ, что позволило определить потенциальные векторы развития подходов к репатриации.

Характеристика современного правового регулирования репатриации и перспективы его развития

Репатриацией (позднелатинское *repatriatio*) в международном праве признается возвращение в страну своего гражданства, постоянного проживания или происхождения тех лиц, которые оказались в силу различных обстоятельств на территории другого государства (как правило, это - беженцы, перемещенные лица, военнопленные) [1].

Поэтому репатриация обычно осуществляется на основе международных договоров (например, обязанность репатриации военнопленных предусмотрена Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г.).

Попытки законодательно урегулировать вопрос репатриации предпринимались в Российской Федерации неоднократно.

Термин «репатриант» упоминается в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев 1993 года: «лицо, добровольно переселяющееся из Российской Федерации на свою родину в Латвийскую Республику - государство своего гражданства или этнического происхождения является репатриантом».

В 2004 году в Государственную Думу был внесен законопроект «О репатриации в Россию русских и представителей других коренных народов России». Однако указанный законопроект обладал рядом существенных недостатков, что повлекло его отзыв субъектом права законодательной инициативы. В то же время институтом диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) и Форумом переселенческих организаций был предложен Закон «О репатриации в Российскую Федерацию», получивший отрицательную оценку Министерства внутренних дел. Одним из недостатков, отмечаемых МВД, была отсылка к национальной принадлежности. Многонациональность нашей страны обуславливает невозможность применения данного подхода.

В 2006 году в Послании Президента Федеральному Собранию была поставлена задача: в качестве приоритета миграционной политики привлекать из-за рубежа соотечественников, людей образованных и законопослушных, которые с уважением относятся к российской культуре и национальным традициям [2].

Во исполнение этого поручения и была подготовлена программа, призванная оказать содействие в переселении тем соотечественникам, которые осознанно приняли решение вернуться на Родину. Так появился Указ Президента РФ от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»), изначально рассчитанный на период с 2006 по 2012 год.

Это стало большим шагом в направлении работы с соотечественниками. Однако новая программа, тем не менее, не была лишена определенных проблем, в числе которых ее недостаточное финансирование, неверно оцененный потенциал соотечественников, сложности, связанные с территорией вселения и привязкой к конкретным рабочим местам, ориентация только на наёмный труд переселенцев, невозможность для переселенца получить гражданство в короткие сроки из-за отсутствия регистрации по месту жительства, жилищное обустройство, сложный понятийный аппарат, делавший программу малодоступной для восприятия простых обывателей.

Параллельно велась системная работа над обновлением Госпрограммы. И вновь соответствующий импульс был дан В.В.Путиным, когда тематика по возвращению соотечественников попала в его предвыборную статью.

В результате была подготовлена новая версия государственной программы. Она стала бессрочной, увеличено финансирование, был уточнен понятийный аппарат, снят ориентир на существующие вакансии, выделены территории приоритетного заселения, свидетельство участника стало выдаваться сроком на три года, введены определённые основания для его аннулирования и ряд иных новелл. Указанные изменения были приняты в 2012 году, после чего программа постоянно совершенствовалась.

В 2021 году депутатом Государственной Думы Затулиным К.Ф. был внесен законопроект «О репатриации в Российскую Федерацию», получивший отрицательный отзыв Правительства Российской Федерации.

Наконец, в 2023 году в Госпрограмму было введено понятие «репатриант». Так, ими признаются соотечественники, изъявившие желание принять участие в Государственной программе в порядке, установленном разделом VII¹ Государственной программы, из числа:

- граждан Российской Федерации, постоянно проживавших за ее пределами по состоянию на 24 февраля 2022 г.;
- лиц, которым в установленном порядке был оформлен выход из гражданства Российской Федерации на основании их добровольного волеизъявления;
- лиц, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относившейся к СССР, в пределах государственной границы Российской Федерации и имевших в прошлом гражданство СССР;
- лиц, имеющих родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах государственной границы Российской Федерации и имевших соответствующую гражданскую принадлежность [3].

Это стало первым его официальным использованием на федеральном уровне.

Немного позднее, по инициативе председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л.И.Калашникова, рассматриваемое понятие впервые было упомянуто уже на законодательном уровне, когда репатриантам и членам их семей был упрощен порядок выдачи вида на жительство.

С 2021 по 2023 год велась работа над новым законом «О гражданстве Российской Федерации», внесенным Президентом. В результате лицам, у которых в России живут близкие родственники, россияне, а также потомки тех, кто постоянно жил на территории Российской Федерации, Российской Империи, или СССР, но в пределах границ Российской Федерации, было предоставлено право на приобретение российского гражданства в упрощенном порядке. Фактически, это являлось зачатком института репатриации.

Последней, на сегодняшний день, попыткой поднять на законодательный уровень институт репатриации является внесенный в 2025 году также К.Ф.Затулиным законопроект «О репатриации в Российскую Федерацию», который, по сути, дублирует законопроект 2021 года. При этом оба законопроекта по-прежнему находятся на рассмотрении Государственной Думы.

В научном сообществе существует точка зрения, что принятие закона в этой сфере «в определенной степени упорядочит нормативное регулирование в данной сфере отношений, что позволит наиболее эффективным образом реализовать государственную миграционную политику, то есть стимулировать увеличение миграционного прироста населения путем притока иммиграции определенного качественного состава. Такой подход фактически одновременно решает и проблему воссоединения русского народа и других коренных народов России, что находится в сфере национальных интересов Российского государства» [4].

В настоящее время сложилась ситуация, когда нормы права, регулирующие рассматриваемую сферу, оказались разбросаны по различным федеральным законам и подзаконным актам, а ряд вопросов не урегулирован вовсе или недостаточно детализирован.

При этом, несмотря на то, что в подзаконных актах фигурирует термин «репатриант», его содержание остаётся размытым. Ни в Федеральном законе от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ни в Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ни в базовом Федеральном законе от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в полной мере не установлено, какие именно права, обязанности и гарантии возникают у лица с момента признания его репатриантом.

В соответствии с частью 3 статьи 69 Конституции Российской Федерации Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности [5]. Наличие такой конституционной обязанности государства обуславливает необходимость закрепления в миграционном законодательстве Российской Федерации понятия «репатриация» и организационно-правовых рамок её реализации.

Современная ситуация в мире диктует необходимость принятия комплексных мер по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, и облегчению их возвращения на историческую родину. Существует потребность в совершенствовании законодательства, которое позволило бы упростить процесс возвращения в Российскую Федерацию. Все острее чувствуется необходимость введения единого понятийного аппарата, который бы четко определял предмет регулирования, объективную и субъективную стороны. Отсутствие такой кодификации не позволяет выстроить прозрачный и предсказуемый административный процесс, что снижает эффективность государственной политики в этой области и доверие потенциальных переселенцев.

Изменения в Госпрограмму вносятся практически каждый год, иногда по несколько раз. С одной стороны, такая динамика позволяет государству быстро реагировать на внешнеполитические вызовы. С другой стороны, это лишает репатриационный процесс системности и возможности долгосрочного планирования, необходимого для формирования устойчивых миграционных потоков.

По утверждению некоторых исследователей, «внесенные изменения в какой-то степени усилили ее репатриационную направленность, устанавливая критерии для потенциальных репатриантов, одновременно снимая с них обременяющую оседлость в регионах первичного вселения, и постановку на учет в качестве участников Государственной программы. Однако принятые дополнения не способствовали разрешению проблемы введения на концептуальном уровне в российское законодательство в сфере миграции правового института репатриации» [6].

Принятие федерального закона о репатриации позволило бы установить стабильную правовую основу, которая не могла бы быть изменена ведомственным актом или указом под влиянием политической конъюнктуры. При этом закон может содержать отсылочные нормы, позволяющие Правительству или Президенту детализировать процедурные вопросы, что позволит сохранить гибкость и оперативность в решении некоторых вопросов, как это предусмотрено, например, в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Тем не менее, у данного подхода к решению вопроса о регулировании института репатриации есть и слабые стороны. При наличии базового закона, устанавливающего принципы, цели и основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации указанной политики, становится не совсем ясен предмет правового регулирования отдельного закона и ставится под сомнение необходимость его принятия.

В этой связи представляется более целесообразным внесение изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», которые бы содержали общие определения понятий «репатриация» и «репатриант» с отсылкой на подзаконные нормативные правовые акты, а не инициировать принятие отдельного законодательного акта о репатриации.

В этом смысле показательно, что на пространстве Содружества Независимых Государств ещё в 2015 году был принят Модельный закон «О миграции», а в 2021 году – Модельный миграционный кодекс для государств-участников СНГ. Оба акта содержат специальные статьи, посвящённые репатриации, предлагают унифицированные подходы к определению этого института, его процедурному оформлению, мерам государственной поддержки и социальным гарантиям [7].

Подводя итог, можно утверждать, что действующая модель регулирования репатриации – через подзаконные акты и фрагментарные нормы – нуждается в дальнейшем совершенствовании. Чтобы превратить репатриацию в реально действующий инструмент миграционной политики, необходимо принятие поправок в действующее законодательство.

- даст легальное определение репатриации и закрепит статус репатрианта;
- установит единые критерии и процедуры принятия решений;
- гарантирует право на судебную защиту и обжалование;
- предусмотрит меры государственной поддержки, адекватные целям воссоединения народа и демографического развития.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что институт репатриации в Российской Федерации переживает этап активного, но неупорядоченного развития. Несмотря на многолетнюю нормотворческую деятельность и постоянную корректировку Государственной программы содействия добровольному переселению, правовое регулирование данной сферы остается фрагментарным. Отсутствие единого кодифицированного акта, а также легального определения понятий «репатриация» и «репатриант» на уровне федерального закона приводит к неопределенности прав и гарантий для переселенцев, снижает эффективность и прогнозируемость государственной политики.

На основе анализа выявленных проблем представляются обоснованными следующие выводы:

1. О приоритете изменений действующего законодательства. Учитывая наличие базового Федерального закона № 99-ФЗ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом», принятие отдельного закона о репатриации видится менее целесообразным, чем внесение точечных, но содержательных изменений в действующий закон.

2. О необходимости систематизации. Разрозненность норм, содержащихся в подзаконных актах, должна быть преодолена путем принятия поправок, устанавливающих единые критерии признания лица репатриантом, четкие процедуры принятия решений и исчерпывающий перечень государственных гарантий.

3. Об учете международного опыта. Российскому законодателю следует активнее использовать унифицированные подходы, заложенные в Модельном миграционном кодексе для государств-участников СНГ, для гармонизации процедур репатриации на постсоветском пространстве.

Реализация указанных мер позволит превратить институт репатриации в реально действующий и эффективный инструмент демографической и гуманитарной политики Российской Федерации, обеспечивая как защиту прав соотечественников, так и стратегические интересы государства.

Литература

1. Международное право [Текст] : словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Трофимова. – Москва : ИНФРА-М, 1998. – 363 с.
2. Послание Президента Российской Федерации от 10 мая 2006 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819> (дата обращения: 23.08.2026).
3. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (в ред. от 8 сентября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2820.
4. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. [и др.]. Государственная политика вывода России из демографического кризиса : монография / под общ. ред. С. С. Сулакшина. – 2-е изд. – Москва : Экономика : Научный эксперт, 2007. – 888 с.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
6. Сандугей А. Н., Яковлев О. В., Боронина В. С. Актуальные вопросы реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: комментарии к результатам социологического исследования // Научный портал МВД России. – 2025. – № 1. – С. 17–26.
7. Модельный миграционный кодекс для государств – участников СНГ [Электронный ресурс] : приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2021 г. № 52-3 (принят на пятьдесят втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ). – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 25.08.2026).

Prospects for the development of legal regulation of the institution of repatriation in the Russian Federation

Kirichenko A.O.

Staff of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countrymen

The article is devoted to the study of the current state and prospects for the development of legal regulation of the institution of repatriation in the Russian Federation. It analyses the evolution of the regulatory framework governing the voluntary resettlement of compatriots and identifies systemic gaps and contradictions in the current regulation. The necessity of amending the existing legislation as the most appropriate way to improve the legal mechanism of repatriation is substantiated.

Keywords: repatriation, legal regulation, migration policy, compatriots, repatriate, State Resettlement Programme, legislative regulation.

References

1. International Law [Text] : Dictionary-Reference / under the general editorship of V. N. Trofimov. – Moscow : INFRA-M, 1998. – 363 p.
2. Address of the President of the Russian Federation of May 10, 2006 [Electronic resource] // Official Website of the President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819> (accessed: 23.08.2026).
3. Decree of the President of the Russian Federation № 637 of June 22, 2006 «On Measures to Facilitate the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation» (as amended on September 8, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 26. – Art. 2820.
4. Yakunin V. I., Sulakshin S. S., Bagdasaryan V. E. [et al.]. State Policy for Bringing Russia Out of the Demographic Crisis : monograph / under the general editorship of S. S. Sulakshin. – 2nd ed. – Moscow : Ekonomika : Nauchny Ekspert, 2007. – 888 p.
5. Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. – Art. 4398.
6. Sandugey A. N., Yakovlev O. V., Boronina V. S. Current Issues in the Implementation of the State Programme for Assisting the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation: Comments on the Results of a Sociological Study // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 1. – P. 17–26.
7. Model Migration Code for the CIS Member States [Electronic resource] : annex to Resolution № 52-3 of the Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States of April 16, 2021 (adopted at the fifty-second plenary session of the Interparliamentary Assembly). – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatsii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (accessed: 25.08.2026).

К вопросу о правовой природе листинга ценных бумаг на примере законодательства России и Гонконга

Максимкин Яков Александрович

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского и предпринимательского права, юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, maksimkin.yaa@ssau.ru

Работа посвящена исследованию правовой природы листинга ценных бумаг на основе сопоставления законодательства России и Гонконга. Листинг рассматривается как юридический (фактический) состав – система последовательно накапливаемых юридических фактов различной отраслевой природы, завершение которой влечет единый правовой результат: допуск ценных бумаг к организованным торгам и возникновение специального правового режима их публичного обращения. Установлено, что в обеих юрисдикциях состав листинга объединяет волеизъявление эмитента, контрольно-надзорные акты публичного характера, решение биржи и договорный элемент, а биржа выступает частным субъектом, осуществляющим делегированное публичное администрирование допуска под контролем государственного регулятора. Определены различия, обусловленные принадлежностью правовых порядков к разным правовым семьям: место правил листинга в системе источников права, механизм придания им обязательной силы, роль судебного прецедента и модель взаимодействия биржи с регулятором. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о смешанной частно-публичной природе листинга как накопительного юридического состава с элементом административной дискреции организатора торговли, функционально эквивалентного в сопоставляемых правовых порядках при различии юридико-технических средств его закрепления.

Ключевые слова: листинг ценных бумаг, юридический состав, допуск к организованным торгам, организатор торговли, котируемый список, правила листинга, фондовая биржа, рынок ценных бумаг, Гонконг, сравнительное правоведение.

Допуск ценных бумаг к организованным торгам является ключевой точкой входа финансового инструмента в публичный оборот: именно с этого момента ценная бумага становится доступной неограниченному кругу инвесторов, а ее эмитент принимает на себя комплекс обязанностей по раскрытию информации и поддержанию стандартов корпоративного управления. Правовым основанием такого допуска выступает листинг; при этом листинг и допуск к организованным торгам не тождественны: допуск представляет собой правовое последствие (результат) заверщенного листинга. Несмотря на наличие легальной дефиниции листинга в российском законодательстве, его правовая природа продолжает оставаться дискуссионной: в литературе листинг характеризуется и как процедура (нормативно упорядоченная последовательность действий), и как совокупность сделок, и как форма разрешительного воздействия на оборот ценных бумаг. Между тем от квалификации листинга напрямую зависят прикладные вопросы: момент возникновения правовых последствий допуска ценных бумаг к организованным торгам, судьба незавершенного листинга при отказе биржи, пределы судебного контроля дискреционных решений организатора торговли, распределение рисков между эмитентом, биржей и инвесторами.

Продуктивным инструментом для ответа на поставленный вопрос представляется сравнительно-правовой метод. Для сопоставления избраны правовые порядки России и Гонконга: первый представляет континентальную модель с кодифицированным регулированием и единым мегарегулятором финансового рынка, второй – модель общего права с многоуровневой системой регулирования и значимой ролью судебного прецедента. Контраст моделей позволяет отделить универсальные юридические характеристики листинга вне зависимости от особенностей юридической техники конкретного правового порядка.

Категория юридического (фактического) состава разработана отечественной теорией права и цивилистической доктриной достаточно детально. Под юридическим составом принято понимать совокупность юридических фактов, необходимую для наступления определенных юридических последствий. Исаков В.Б. подчеркивал функциональное назначение фактического состава в механизме правового регулирования: элементы состава накапливаются в нормативно заданной последовательности, при этом незавершенный состав способен порождать промежуточные правовые последствия – состояние связанности участников формирующегося правоотношения. Для квалификации правового явления в качестве юридического состава, таким образом, необходимо установить, во-первых, множественность разнородных юридических фактов, во-вторых, нормативно заданную последовательность их накопления и, в-третьих, единый правовой результат, наступающий лишь при завершении состава.

Терминологически данная конструкция обозначается в доктрине двояко: О.А. Красавчиков использовал понятие «юридический состав», акцентируя нормативную заданность совокупности фактов, тогда как В.Б. Исаков оперировал термином «фактический состав», подчеркивая реальное накопление его элементов в действительности. Поскольку для целей настоящего исследования значимы оба аспекта – нормативная модель состава и динамика его фактического накопления, – указанные термины используются как равнозначные с предпочтением составного обозначения «юридический (фактический) состав». Применение именно этой категории к листингу оправдано тем, что она, в отличие от понятий процедуры (организационной последовательности действий, лишенной собственного материально-правового содержания) и сделки (волеизъявления исключительно частноправовой природы), позволяет объединить в единой конструкции разноотраслевые юридические факты и связать наступление единого правового результата с их совокупным накоплением.

Применительно к листингу правовой результат определен нормативно: ценные бумаги допускаются к организованным торгам путем осуществления их листинга (п. 2 ст. 14 Закона о рынке ценных бумаг). Иными словами, допуск к торгам – не самостоятельное дей-

ствие, следующее за листингом, а правовое последствие его завершения. Уже сама эта конструкция указывает на составную природу исследуемого явления: закон описывает не единый юридический факт, а систему фактов, замыкающуюся на единый результат.

Российский законодатель определяет листинг как включение ценных бумаг организатором торговли в список ценных бумаг, допущенных к организованным торгам для заключения договоров купли-продажи, в том числе включение ценных бумаг биржей в котировальный список (подп. 20 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг); зеркальным образом делистинг определен как исключение ценных бумаг из указанных списков (подп. 21 п. 1 ст. 2). Нормативную основу листинга образуют, помимо названного Закона, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах», Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в части корпоративных предпосылок и последствий листинга и делистинга акций), Положение Банка России от 24 февраля 2016 г. № 534-П «О допуске ценных бумаг к организованным торгам» и правила листинга организаторов торговли, которые подлежат регистрации в Банке России и не должны противоречить федеральному законодательству. Так, на Московской бирже с 1 апреля 2026 г. действуют Правила листинга, утвержденные Наблюдательным советом ПАО «Московская Биржа» 26 февраля 2026 г. Собственные правила листинга утверждены и иными организаторами торговли.

Анализ названных актов позволяет выделить элементы юридического состава листинга по российскому праву.

Первый элемент – волеизъявление эмитента (иного лица, обязанного по ценным бумагам), объективируемое в заявлении о включении ценных бумаг в список по форме, утвержденной биржей, с приложением установленного комплекта документов. Заявление представляет собой одностороннее юридически значимое действие частноправового характера, запускающее накопление состава и порождающее обязанность биржи рассмотреть его в установленный срок.

Второй элемент – публично-правовые предпосылки допуска: соответствие ценных бумаг требованиям законодательства, включая нормативные акты Банка России, и регистрация проспекта ценных бумаг, когда она необходима для публичного обращения (п. 2 ст. 14 Закона о рынке ценных бумаг, п. 1.5 Положения № 534-П). Регистрация проспекта – административный акт регулятора, включаемый в состав листинга в качестве его предпосылки; альтернативой в установленных законом случаях выступает принятие эмитентом на себя обязанности раскрывать информацию в соответствии с правилами листинга.

Третий элемент – проверка соответствия (экспертная оценка) и решение биржи о включении ценных бумаг в соответствующий раздел списка, принимаемое на основании экспертного заключения департамента листинга в нормативно установленные сроки. По своей природе это корпоративный акт частного субъекта, которому делегирована публичная функция администрирования допуска: биржа проверяет соответствие ценной бумаги и эмитента требованиям регулятора и собственным дополнительным требованиям, которые она вправе устанавливать (п. 2 ст. 14 Закона о рынке ценных бумаг). Показательно, что организатор торговли вправе без объяснения причин отказать в допуске ценных бумаг к организованным торгам или во включении в котировальный список (п. 6 ст. 14 Закона о рынке ценных бумаг) – норма, закрепляющая широкую дискрецию, характерную, скорее, для публичного администрирования, но реализуемую частным субъектом.

Четвертый элемент – договор об оказании услуг листинга, заключаемый между биржей и эмитентом (п. 2.1 ст. 14 Закона о рынке ценных бумаг, п. 1.4 Положения № 534-П). Договор оформляет длящееся обязательственное правоотношение по поддержанию листинга и одновременно легитимирует распространение на эмитента правил листинга в качестве условий обязательства.

Существенно, что законодатель допускает усеченные составы: договор не заключается при листинге федеральных государственных ценных бумаг и облигаций Банка России, при листинге организатором торговли собственных ценных бумаг, а также при включении в некотировальную часть списка бумаг, прошедших листинг у иного организатора торговли (п. 2.1 ст. 14 Закона о рынке ценных бумаг). Более того, в определенных случаях биржа вправе включить ценные бумаги в Третий уровень (некотировальную часть) списка по собственной инициативе – без заявления эмитента (п. 6.6 ст. 6 Правил листинга Московской биржи). Вариативность состава – полного

и усеченного – является типичной чертой юридических составов и отражает нормативную дифференциацию правовых режимов допуска ценных бумаг к организованным торгам.

Завершение рассматриваемого состава влечет единый правовой результат – допуск к организованным торгам, который, в свою очередь, выступает конститутивным элементом вторичных юридических составов: с ним связаны возникновение обязанностей эмитента по раскрытию информации, возможность публичного обращения бумаг, приобретение и поддержание публичного статуса акционерного общества, специальные основания делистинга. Внутренняя дифференциация списка – котировальные списки первого (высшего) и второго уровней, являющиеся частью списка (п. 1.2 Положения № 534-П), и его некотировальная часть, а на Московской бирже – три уровня листинга (ст. 5 и приложения 2, 3, 6 Правил листинга Московской биржи) – не меняет природы результата, а градуирует его режим: чем выше уровень, тем строже количественные и качественные требования к сроку существования эмитента, объему и рыночной стоимости акций в свободном обращении, корпоративному управлению и отчетности.

Регулирование листинга в Специальном административном районе (САР) Гонконг построено по трехуровневой модели (three-tier regulatory framework): Правительство САР, принимающее первичное законодательство, Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам (Securities and Futures Commission, далее – SFC) как государственный регулятор и Фондовая биржа Гонконга (The Stock Exchange of Hong Kong Limited, далее – SEHK; входит в группу HKEX) как оператор рынка. Вершину иерархии источников занимает Ордонанс о ценных бумагах и фьючерсах (Securities and Futures Ordinance, Cap. 571; далее – SFO), часть V которого регулирует допуск ценных бумаг к торгам и придает биржевым правилам обязательную силу, в том числе посредством процедуры двойной подачи документов (dual filing): заявка на листинг, подаваемая на биржу, считается одновременно поданной регулятору, который вправе возразить против допуска. Кроме того, на уровне первичного законодательства действуют Ордонанс о компаниях (ликвидация и прочие положения) (Cap. 32), устанавливающий требования к проспекту эмиссии, гражданскую, а также уголовную ответственность за недостоверные сведения в упомянутом проспекте, и Ордонанс о компаниях (Cap. 622), закрепляющий обязанности директоров, случаи запрета листинга частной компании. Подзаконный уровень представлен Правилами о листинге на фондовом рынке (Cap. 571V), принятыми SFC и определяющими порядок подачи заявок на биржу, а также полномочия регулятора по приостановлению торгов и отмене листинга в целях защиты инвесторов.

Непосредственные критерии допуска – количественные и качественные – содержатся в Правилах листинга Главной площадки (Main Board Listing Rules) и Правилах листинга площадки GEM (GEM Listing Rules), принимаемых биржей при одобрении и под надзором SFC. Юридическая природа этих правил составляет предмет длительной доктринальной дискуссии. Формально правила листинга являются договорными условиями, принимаемыми эмитентом при допуске, и силой закона не обладают. Вместе с тем в силу SFO они подлежат обязательному согласованию с государственным регулятором, а их нарушение влечет как дисциплинарные меры биржи (вплоть до делистинга), так и последствия гражданско-правового характера, что позволило исследователям характеризовать их как акты квазинормативного свойства. Двойственность правил листинга – договорных по форме и нормативных по функции – сама по себе демонстрирует смешанную природу института допуска; она усиливается тем, что биржа совмещает коммерческий интерес оператора рынка с публичной функцией фильтрации доступа, порождая известную доктрине дихотомию коммерческого успеха биржи и публичного интереса инвесторов.

Юридический состав листинга в Гонконге включает: во-первых, заявление эмитента (listing application), подаваемое на биржу и в силу механизма dual filing одновременно поступающее регулятору (SFC); во-вторых, проспект эмиссии, зарегистрированный по правилам Cap. 32, с сопутствующей статутной ответственностью за его недостоверность; в-третьих, обязательное участие спонсора (sponsor) – лицензированного посредника, несущего собственные обязанности должной проверки (due diligence) заявителя, существенно устеченные реформой регулирования спонсоров; в-четвертых, решение Листингового комитета (Listing Committee) биржи о допуске; в-пятых, отсутствие возражений SFC; в-шестых, принятие

эмитентом договорных обязательств перед биржей соблюдать правила листинга. Правовой результат аналогичен российскому: допуск бумаг к торгам на соответствующей площадке с возникновением длящегося режима непрерывных обязательств (continuing obligations) по раскрытию информации и корпоративному управлению. Дифференциация площадок – Main Board с максимальными требованиями к капитализации и финансовым показателям и GEM с облегченными финансовыми критериями для растущих компаний, но строгими требованиями к раскрытию – функционально сопоставима с многоуровневой структурой российского списка. Развитие режима допуска (введение листинга компаний со структурами неравных прав голоса (dual-class share structures), биотехнологических и специализированных технологических компаний) осуществляется биржей в консультационном порядке под контролем SFC; при этом контроль распространяется и на обходные каналы допуска: практика обратных поглощений (reverse mergers) как способа получения листинга в обход полного состава стала предметом специального ограничительного регулирования.

Особенностью гонконгской модели является прецедентный элемент регулирования, непосредственно достраивающий содержание института. Так, в деле *Securities and Futures Commission v Tiger Asia Management LLC* Высший апелляционный суд Гонконга подтвердил право регулятора самостоятельно обращаться в суд за защитными ордерами и компенсациями для инвесторов по ст. 213 SFO без предварительного решения уголовного суда или Трибунала по рыночным правонарушениям. В деле *Securities and Futures Commission v Hontex International Holdings Company Limited* впервые была реализована реституционная модель защиты инвесторов при первичном размещении: эмитенту, указавшему недостоверные финансовые сведения в предлистинговом проспекте, пришлось возратить инвесторам посредством выкупа акций более 1 млрд гонконгских долларов. Пределы судебного контроля дискреции биржи очерчены в деле *China Trends Holdings Ltd v Stock Exchange of Hong Kong Ltd*: Апелляционный суд Гонконга подтвердил правомерность решения Комитета по пересмотру листинга в отношении компании, не поддерживавшей достаточный уровень операционной деятельности и материальных активов достаточной стоимости (правило 17.26 Правил листинга GEM), и признал широкую дискрецию биржи в коммерческих оценках эмитентов.

Проведенный анализ позволяет зафиксировать общие юридические характеристики листинга в сопоставляемых правовых системах.

Во-первых, тождественна базовая юридическая конструкция: листинг в обеих юрисдикциях есть включение ценной бумаги в ведущий биржей список, а правовой результат – допуск к организованным торгам с возникновением специального длящегося режима публичного обращения.

Во-вторых, в обоих правовых системах допуск опосредуется многоэлементным накопительным юридическим составом, объединяющим факты различной отраслевой природы: частноправовое волеизъявление эмитента; публично-правовые контрольные акты (регистрация проспекта Банком России – регистрация проспекта по САР. 32 и двойная подача документов в SFC); решение биржи; договорный элемент (договор об оказании услуг листинга – принятие обязательств по правилам листинга). Нормативно задана и последовательность накопления: заявление, рассмотрение и проверка, решение, договорное оформление.

В-третьих, совпадает институциональное положение биржи: и Московская биржа, и СЕНК – частные коммерческие организации, которым делегирована публичная функция администрирования допуска к торгам, и правила которых санкционируются государственным регулятором (регистрация правил листинга в Банке России – одобрение правил листинга Комиссией SFC в Гонконге). Обе модели признают широкую дискрецию биржи: российский закон прямо допускает немотивированный отказ в допуске, а гонконгские суды воздерживаются от вмешательства в оценочные решения биржи, ограничиваясь контролем соблюдения процедуры.

В-четвертых, обе юрисдикции используют многоуровневую дифференциацию допуска (котировальные списки первого и второго уровней и некотировальная часть в России – Main Board и GEM в Гонконге), градуирующую требования к эмитентам и, соответственно, инвестиционное качество сегментов рынка.

Различия между сопоставляемыми моделями обусловлены принадлежностью к разным правовым семьям и организационными особенностями надзора.

Первое различие касается места правил листинга в системе источников права. В России правила биржи встроены в нормативную вертикаль: они регистрируются Банком России, не могут противоречить закону и нормативным актам регулятора, и в этом смысле фактически примыкают к системе подзаконного регулирования. Вместе с тем формально правила листинга остаются внутренними документами организатора торговли: их обязательность для конкретного эмитента опирается на договорное основание, санкционированное законом, а не на нормативный правовой акт как таковой. В Гонконге правила листинга формально остаются договорными условиями, не имеющими силы закона; их обязательность обеспечивается сочетанием договорного механизма, статутной санкции SFO и дисциплинарной власти биржи, что и породило их квалификацию в качестве квазинормативных актов.

Второе различие – модель надзора. Российская модель предполагает единого мегарегулятора (Банк России), концентрирующего нормотворчество и надзор; гонконгская – дуализм биржи и SFC с распределением ролей, при котором биржа выступает регулятором «первой линии», а SFC – статутным контролером с правом возражения против допуска и самостоятельными процессуальными полномочиями по ст. 213 SFO.

Третье различие – роль суда. В Гонконге прецеденты непосредственно формируют правовой институт: определяют объем полномочий регулятора, стандарты достоверности проспекта и реституционные последствия их нарушения, пределы контроля дискреции биржи и стандарты поведения директоров листинговых компаний. В России содержание юридического института практически полностью задается нормативными актами, а судебная практика по спорам об отказе в листинге фрагментарна, что отчасти объясняется законодательным закреплением немотивированного отказа.

Четвертое различие – субъектный состав: предусмотренный нормативными правовыми актами Гонконга обязательный институт спонсора, несущего самостоятельные обязанности проверки заявителя и собственную ответственность, не имеет прямого аналога в российском нормировании листинга. Отдельные функции гонконгского спонсора в России выполняются андеррайтерами (организаторами размещения) и реализуются в рамках биржевой проверки, однако за пределами юридического состава допуска; при этом андеррайтеры не несут сопоставимого объема личной ответственности за достоверность проспекта ценных бумаг, что снижает компенсаторный потенциал российской модели.

Проведенное сопоставление позволяет сформулировать вывод о правовой природе листинга ценных бумаг. Листинг не может быть сведен ни к гражданско-правовой сделке (договор – лишь один из его элементов, притом не всегда обязательный), ни к административному акту (решение о допуске принимает частный субъект, а не орган публичной власти), ни к процедуре как сугубо организационной категории, лишенной материально-правового содержания. Листинг представляет собой накопительный юридический состав смешанной частно-публичной природы: частноправовые элементы (волеизъявление эмитента, договор об оказании услуг листинга) соединяются в нем с публично-правовыми (регистрация проспекта, контроль и санкционирование со стороны регулятора), а также с решением биржи – частного субъекта, осуществляющего делегированное публичное администрирование допуска ценных бумаг к торгам в пределах нормативно признанной дискреции. Завершение состава влечет единый правовой результат – допуск ценных бумаг к организованным торгам, порождающий специальный правовой режим их публичного обращения и выступающий, в свою очередь, конститутивным элементом вторичных юридических составов.

Сравнение законодательства России и Гонконга демонстрирует функциональную эквивалентность составов листинга при существенном различии юридико-технических средств их закрепления: континентальная нормативная вертикаль и договорно-прецедентная модель общего права приводят к структурно совпадающему набору элементов и тождественному правовому результату. Это позволяет утверждать, что смешанная частно-публичная природа листинга носит универсальный характер и предопределяется самой функцией института – фильтрацией доступа финансовых инструментов к неограниченному кругу инвесторов, – а не особенностями конкретной правовой семьи.

Практическое значение предложенной квалификации состоит в следующем. Во-первых, она позволяет корректно определять момент наступления правовых последствий: до завершения состава

допуск отсутствует, однако незавершенный состав порождает состояние связанности, в частности обязанность биржи рассмотреть заявление в установленный срок. Во-вторых, вариативность состава – усеченные составы без договора или без заявления эмитента – получает объяснение как нормативная дифференциация режимов допуска, а не как аномалия. В-третьих, признание дискреционного характера решения биржи задает пределы его судебного контроля: проверке подлежит соблюдение порядка накопления состава, но не целесообразность коммерческой оценки эмитента, что подтверждается и гонконгской судебной практикой, и логикой п. 6 ст. 14 российского Закона о рынке ценных бумаг. Наконец, сравнительный материал очерчивает направления возможного развития российского регулирования: институционализация фигуры, функционально аналогичной спонсору по законодательству Гонконга (например, путем наделения андеррайтеров или финансовых консультантов самостоятельными обязанностями должной проверки заявителя и личной ответственностью за достоверность проспекта ценных бумаг), и развитие реституционных механизмов защиты инвесторов при недостоверности проспекта способами усилить компенсаторную составляющую российской модели без изменения ее структурных основ.

Литература

- Бондаревская М.В. Правовая природа первичного публичного размещения ценных бумаг (IPO) / М.В. Бондаревская // Законодательство. 2014. № 12. С. 16 – 24.
- Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка / А.В. Габов. М.: Статут, 2011. 1104 с.
- Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. 128 с.
- Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
- Темирплатов С.Р. Порядок осуществления листинга и делистинга ценных бумаг / С.Р. Темирплатов // СПС «КонсультантПлюс». 2026. (дата обращения: 06.08.2026).
- Шевченко О.М. Правовое регулирование деятельности по организации торговли на рынке ценных бумаг: новации российского законодательства и актуальные проблемы: монография / О.М. Шевченко. М.: Проспект, 2015. 344 с.
- Arner D.W., Donald D., Goo S.H., Hu W.R., Lin C., Michael B.E., Song F.M., Tong W., Xu C., Wojcik D., Zhao S.X. Assessing Hong Kong as an International Financial Centre, First Report of the Hong Kong Research Grants Council Theme-based Research Scheme Project: Enhancing Hong Kong's Future as a Leading International Financial Centre / D.W. Arner, D. Donald, S.H. Goo, W.R. Hu, C. Lin, B.E. Michael, F.M. Song, W. Tong, C. Xu, D. Wojcik, S.X. Zhao // SSRN. 2014. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2427609 (дата обращения: 06.07.2026).
- Chan Gordon Y.M. Understanding the Enforcement Strategy for Regulating the Listing Market of Hong Kong / Gordon Y.M. Chan // SSRN. 2014. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2375168 (дата обращения: 06.08.2026).
- Donald David C., Cheuk Paul W.H. Hong Kong's Public Enforcement Model of Investor Protection / David C. Donald, Paul W.H. Cheuk // Asian Journal of Law and Society, 4 (2017), pp. 349 – 385. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/asian-journal-of-law-and-society/article/hong-kongs-public-enforcement-model-of-investor-protection/289DF966451CEB878482F0CF845F0AC9> (дата обращения: 10.08.2026).
- Huang R.H., Zhang W., Lee K.S.C. The (Re)introduction of Dual-Class Share Structures in Hong Kong: A Historical and Comparative Analysis / R.H. Huang, W. Zhang, K.S.C. Lee // SSRN. 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3245885 (дата обращения: 06.07.2026).
- Johnstone S., Da Roza A., Davis N. IPO Sponsors and Prospectus Liability: The Bridge Too Far? / S. Johnstone, A. Da Roza, N. Davis // SSRN. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2803793 (дата обращения: 06.08.2026).
- Johnstone S., Davis N., Arner D.W. Moving Forward on Listing Reform / S. Johnstone, N. Davis, D.W. Arner // SSRN. 2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3057959 (дата обращения: 06.07.2026).
- Lin W., Andrikopoulos P., Zhao J. A shadowed legal transplantation takeover defence regulations in China / W. Lin, P. Andrikopoulos, J. Zhao // Journal of Business Law, 1 (2021), pp. 30 – 49. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/110603/1/A%20shadowed%20legal%20transplantation%20takeover%20defence%20regulations%20in%20China.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).
- Low C.K. Submission on the Statutory Backing of Listing Rules // SFC. 2001. URL: <https://www.sfc.hk/web/files/CF/pdf/LR-CCP-CatA/S0009.pdf> (дата обращения: 10.08.2026).

On the legal nature of securities listing: the example of Russian and Hong Kong legislation

Maksimkin Ya.A.

Samara National Research University

This article examines the legal nature of securities listing based on a comparison of the legislation of Russia and Hong Kong. Listing is considered as a legal (factual) composition, i.e. a system of sequentially accumulated legal facts of different branch nature, the completion of which entails a single legal result: the admission of securities to organized trading and the emergence of a special legal regime for their public circulation. It has been established that in both jurisdictions the composition of listing combines the expression of the issuer's will, control and supervisory acts of a public nature, the decision of the exchange and a contractual element, while the exchange acts as a private entity performing a delegated public regulatory function of administering admission under the control of the state regulator. The differences stemming from the belonging of the legal orders to different legal families are determined: the place of listing rules in the system of sources of law, the mechanism for giving them binding force, the role of judicial precedent and the model of interaction between the exchange and the regulator. As a result of the study, the author comes to the conclusion about the mixed private-public nature of listing as a cumulative legal (factual) composition with an element of administrative discretion of the trading venue operator, which is functionally equivalent in the compared legal orders despite the difference in the legal and technical means of its consolidation.

Keywords: securities listing, legal (factual) composition, admission to organized trading, trading venue operator, quotation list, listing rules, stock exchange, securities market, Hong Kong, comparative law.

References

- Bondarevskaya M.V. Pravovaya priroda pervichnogo publichnogo razmeshcheniya tsennykh bumag (IPO) [The Legal Nature of the Initial Public Offering of Securities (IPO)] / M.V. Bondarevskaya // Zakonodatel'stvo – Legislation. 2014. № 12. S. 16 – 24.
- Gabov A.V. Tsennyye bumagi: voprosy teorii i pravovogo regulirovaniya rynka [Securities: Issues of Theory and Legal Regulation of the Market] / A.V. Gabov. Moscow: Statut, 2011. 1104 s.
- Isakov V.B. Fakticheskiy sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [The Factual Composition in the Mechanism of Legal Regulation] / V.B. Isakov. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1980. 128 s.
- Krasavchikov O.A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave [Juridical Facts in Soviet Civil Law] / O.A. Krasavchikov. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 183 s.
- Temirpлатov S.R. Poryadok osushchestvleniya listinga i delistinga tsennykh bumag [The Procedure for the Listing and Delisting of Securities] / S.R. Temirpлатov // SPS «KonsultantPlyus». 2026. (date of access: 06.08.2026).
- Shevchenko O.M. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti po organizatsii trgovli na rynke tsennykh bumag: novatsii rossiyskogo zakonodatel'stva i aktualnye problemy: monografiya [Legal Regulation of Trade Organization Activities in the Securities Market: Innovations of the Russian Legislation and Current Problems: monograph] / O.M. Shevchenko. Moscow: Prospekt, 2015. 344 s.
- Arner D.W., Donald D., Goo S.H., Hu W.R., Lin C., Michael B.E., Song F.M., Tong W., Xu C., Wojcik D., Zhao S.X. Assessing Hong Kong as an International Financial Centre, First Report of the Hong Kong Research Grants Council Theme-based Research Scheme Project: Enhancing Hong Kong's Future as a Leading International Financial Centre / D.W. Arner, D. Donald, S.H. Goo, W.R. Hu, C. Lin, B.E. Michael, F.M. Song, W. Tong, C. Xu, D. Wojcik, S.X. Zhao // SSRN. 2014. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2427609 (date of access: 06.07.2026).
- Chan Gordon Y.M. Understanding the Enforcement Strategy for Regulating the Listing Market of Hong Kong / Gordon Y.M. Chan // SSRN. 2014. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2375168 (date of access: 06.08.2026).
- Donald David C., Cheuk Paul W.H. Hong Kong's Public Enforcement Model of Investor Protection / David C. Donald, Paul W.H. Cheuk // Asian Journal of Law and Society, 4 (2017), pp. 349 – 385. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/asian-journal-of-law-and-society/article/hong-kongs-public-enforcement-model-of-investor-protection/289DF966451CEB878482F0CF845F0AC9> (date of access: 10.08.2026).
- Huang R.H., Zhang W., Lee K.S.C. The (Re)introduction of Dual-Class Share Structures in Hong Kong: A Historical and Comparative Analysis / R.H. Huang, W. Zhang, K.S.C. Lee // SSRN. 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3245885 (date of access: 06.07.2026).
- Johnstone S., Da Roza A., Davis N. IPO Sponsors and Prospectus Liability: The Bridge Too Far? / S. Johnstone, A. Da Roza, N. Davis // SSRN. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2803793 (date of access: 06.08.2026).
- Johnstone S., Davis N., Arner D.W. Moving Forward on Listing Reform / S. Johnstone, N. Davis, D.W. Arner // SSRN. 2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3057959 (date of access: 06.07.2026).
- Lin W., Andrikopoulos P., Zhao J. A shadowed legal transplantation takeover defence regulations in China / W. Lin, P. Andrikopoulos, J. Zhao // Journal of Business Law, 1 (2021), pp. 30 – 49. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/110603/1/A%20shadowed%20legal%20transplantation%20takeover%20defence%20regulations%20in%20China.pdf> (date of access: 06.07.2026).
- Low C.K. Submission on the Statutory Backing of Listing Rules // SFC. 2001. URL: <https://www.sfc.hk/web/files/CF/pdf/LR-CCP-CatA/S0009.pdf> (date of access: 10.08.2026).

Особенности государственного финансового контроля в системе казначейских платежей

Моисеева Анастасия Вячеславовна

аспирант, кафедра финансового права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
nastyaonair_economy@mail.ru

Настоящая статья посвящена платежной системе Федерального казначейства, являющейся новейшим проектом названного федерального органа исполнительной власти, а также по праву составляющей, с одной стороны, основу модели исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а с другой - занимающей неотъемлемую часть национальной платежной системы государства. Автором обозначается специфика системы казначейских платежей, способствующая ее выделению из привычных нам платежных систем, что определяет наличие ее собственного нормативного правового регулирования, которое носит комплексный характер. Обозначены ключевые отличия системы казначейских платежей от «обычных» платежных систем Российской Федерации, обусловленные самим смыслом создания данной платежной системы, который заключается в ее публичном (общегосударственном) интересе. Проанализированы положительные и отрицательные стороны в нормативном правовом регулировании рассматриваемой платежной системы. Обозначена проблематика правового регулирования контроля в отношении казначейской платежной системы, а также предложены пути ее решения.

Ключевые слова: Федеральное казначейство, система казначейских платежей, национальная платежная система, Банк России, перевод денежных средств, платежи, платежная система, бюджетные правоотношения, стадия исполнения бюджета, казначейский платеж.

Эффективное управление публичными финансами оказывает значительное влияние на реализацию социально-экономических программ и обеспечение общегосударственных нужд. Одним из ключевых государственных органов, осуществляющих функции в финансовой сфере, является Федеральное казначейство, реализующее свои полномочия на основании статьи 166.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации[1] и Положения о Федеральном казначействе[5].

Несмотря на достаточно широкий объем полномочий Казначейства России в настоящее время, стоит отметить наличие заметной тенденции к их расширению. В 2019 году Федеральный закон № 479-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части казначейского обслуживания и системы казначейских платежей»[2] в бюджетное законодательство были внесены качественные изменения, связанные с созданием в Российской Федерации системы казначейских платежей, представляющей собой совокупность ее участников и оператора - Федерального казначейства, взаимодействующих по правилам организации и функционирования системы казначейских платежей[6] (далее - СКП).

Также, на основе существовавшего ранее правового института кассового обслуживания исполнения бюджетов вышеуказанными изменениями в бюджетное законодательство было введено понятие «казначейское обслуживание», под которым следует понимать процесс проведения оператором системы казначейских платежей операций ее участников с денежными средствами с последующим отражением данной информации на соответствующих казначейских счетах.

Следует отметить, что вопрос о целесообразности создания системы казначейских платежей начал обсуждаться еще с 2013 года. В частности, в своем выступлении на расширенной коллегии Федерального казначейства Р.Е. Артюхиным было отмечено, что только за 2017 год Казначейство России обеспечило выплаты в размере более чем 71 триллион рублей при обслуживании свыше 350 тысяч клиентов посредством проведения порядка 10 миллиардов платежных операций.

Вышеуказанные показатели позволили соотнести объемы операций, проводимых органами Федерального казначейства, с объемами операций, проводимых ведущими кредитными организациями, в связи с чем была поставлена задача по ускорению движения денежных потоков в процессе осуществления функций Казначейством России, а также обозначена необходимость по совершенствованию его деятельности по управлению ликвидностью.

Ключевым свойством развития системы казначейских платежей является моментальность проведения платежей в условиях казначейского обслуживания клиентов в 11 часовых поясах страны.

Полагаем возможным выделить ряд положительных моментов в функционировании системы казначейских платежей.

В первую очередь следует отметить повышение скорости перечисления денежных средств до одного рабочего дня. Ранее срок от момента формирования распоряжения до зачисления денежных средств на соответствующий счет мог составлять до трех рабочих дней.

Кроме того, вовлечение в рассматриваемый процесс денежных средств единых счетов субъектов Российской Федерации и единых счетов органов местного самоуправления позволило использовать потенциал действующих механизмов управления их свободными остатками. До 2021 года Казначейство России могло осуществлять управление свободными остатками средств исключительно федерального уровня. Иные временно свободные остатки средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при размещении избыточной ликвидности ранее использоваться не могли.

Следует отметить и иные качественные улучшения в процессе движения денежных средств - рассматриваемые нововведения позволили не только снизить операционные издержки, но и свели до минимума дублирование документооборота при осуществлении платежей между субъектами государственного сектора. До 2021

года в целях перечисления денежных средств между ними Казначейством России использовались банковские счета, что приводило к дублированию платежных документов с Банком России.

Все вышеизложенное позволило повысить уровень эффективности использования финансовых ресурсов в связи с более ускоренной «оборачиваемостью» бюджетных средств и сведением до минимальных показателей неоптимальных денежных потоков.

Как отметил Р.Е. Артюхин, появление системы казначейских платежей представляет собой этап эволюции кассового устройства бюджетной системы, основанного на принципе единства кассы[7].

Несомненно, Казначейству России отведена особая роль в национальной платежной системе, заключающаяся в том, что на него в соответствии с бюджетным законодательством, как уже было сказано ранее, возложены полномочия оператора системы казначейских платежей. При этом обращает на себя внимание тот факт, что оператором СКП выступает федеральный орган исполнительной власти (федеральная служба), которая в соответствии с Указом Президента Российской Федерации создается и функционирует в целях осуществления контроля и надзора в установленной сфере деятельности.

Исходя из вышесказанного, полагаем возможным согласиться с позицией А.А. Ситника о том, что рассматриваемые изменения привели к качественной трансформации правового статуса Федерального казначейства, позволив российскому казначейству сочетать в себя функции органа государственной власти и финансовой организации.

Реализуя функцию оператора системы казначейских платежей, Федеральное казначейство обеспечивает ее функционирование, а также прием и исполнение распоряжений, осуществление операций по казначейским счетам ее участников.

Однако следует отметить, что ни в правовых положениях, закрепленных главой 24.2 БК РФ, ни в правилах организации и функционирования системы казначейских платежей не содержится указания на обязанность Федерального казначейства как оператора обеспечить контроль, а не просто факт функционирования СКП. При этом значимость указанной системы, объем денежных средств, перемещаемых посредством казначейских счетов, количество ее участников, а также специфика клиентов Казначейства России определяют очевидную необходимость осуществления подобного контроля.

На сегодняшний день единственным органом надзора и наблюдения в отношении платежных систем является Центральный банк Российской Федерации. Данное положение позволяет Банку России независимо от иных субъектов финансовых правоотношений осуществлять названные функции, вмешиваться в деятельность подконтрольных и поднадзорных субъектов и своевременно реагировать в целях устранения допущенных нарушений.

При этом ни БК РФ, как основным нормативным правовым актом в бюджетной сфере, ни основным законом о национальной платежной системе, как главным источником регулирования института национальных платежных систем, не обозначены полномочия Центрального банка Российской Федерации по осуществлению надзора и наблюдения в отношении системы казначейских платежей, хотя именно на Банк России возложены полномочия по осуществлению надзора в целях обеспечения соблюдения операторами платежных систем положений законодательства о национальной платежной системе. Однако возможность осуществления подобного надзора в отношении системы казначейских платежей на сегодня вызывает сомнения по следующему ряду оснований.

Во-первых, Федеральное казначейство не является оператором платежной системы в «обычном» смысле. Кроме того, оно не входит в круг лиц, осуществляющих данные полномочия в соответствии с законодательством о национальной платежной системе.

Во-вторых, система казначейских платежей функционирует на основе правовых положений, установленных бюджетным законодательством, которые качественно отличаются от правил, регламентирующих деятельность «обычных» платежных систем в соответствии с их специальным законодательством.

Таким образом, исходя из того, что контрольно-надзорные полномочия Банка России реализуются в соответствии именно с названным источником правового регулирования, а также с учетом установленного статуса Казначейства России, считаем обоснованным вывод о том, что в отношении системы казначейских платежей Центральный банк России контрольно-надзорными функциями не

наделен. Федеральное казначейство в рамках своих полномочий самостоятельно осуществляет соответствующие мероприятия по предварительному и текущему контролю в результате проведения операций со средствами федерального бюджета главными распорядителя, распорядителями и получателя данных средств.

Несомненным положительным фактором здесь является то, что Федеральное казначейство, самостоятельно и независимо осуществляя контроль за системой казначейских платежей, имеет возможность оперативно влиять на все процессы при ее функционировании, что, безусловно, является необходимым для достижения целей быстрого зачисления и моментального списания денежных средств. Кроме того, отсутствие вмешательства иных субъектов в СКП обеспечивает ей дополнительную безопасность и конфиденциальность данных клиентов - участников системы казначейских платежей.

Однако следует отметить, что качество обнаружения нарушений норм законодательства при подобного рода «самоконтроле», как правило, ниже, нежели при привычном нам контроле. Кроме того, возможность внесудебного разрешения конфликтных ситуаций между участниками СКП в отсутствие независимого контролирующего органа так же вызывает вопросы.

В качестве возможного способа устранения вышеуказанного правового пробела, на наш взгляд, представляется целесообразным внесение законодательных изменений, направленных наделение Федерального казначейства обязанностью по предоставлению органу внешнего государственного финансового контроля (далее - ВГФК) материалов, необходимых для осуществления соответствующих контрольных мероприятий.

В Российской Федерации полномочиями по осуществлению ВГФК в соответствии с Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации» наделена, соответственно, Счетная палата России, обладающая необходимой институциональной независимостью, методологической базой и положительным опытом аудита публичных финансов. Все указанные обстоятельства делают её оптимальным субъектом для осуществления внешнего контроля в отношении системы казначейских платежей.

Предлагаемый подход обладает рядом следующих преимуществ перед альтернативными вариантами устранения указанного пробела, включая распространение надзорных полномочий Банка России на СКП:

- учитывается бюджетно-правовая природа системы казначейских платежей: СКП функционирует на основании правовых положений БК РФ, а не законодательства о национальной платежной системе, в силу чего Счетная палата Российской Федерации как орган бюджетно-финансового контроля в полной мере органично встраивается в рассматриваемые правоотношения;
 - Счетная палата Российской Федерации институционально и функционально независима от Федерального казначейства, что позволяет устранить проблему «самоконтроля» и создаёт предпосылки для объективных выводов по результатам контрольных мероприятий;
 - разграничение внутреннего контроля, осуществляемого Федеральным казначейством, и внешнего контроля, реализуемого Счетной палатой Российской Федерации, в полной мере соответствует классической модели бюджетного процесса.
- В качестве положительных результатов реализации предлагаемых изменений можно отметить:
- усиление контроля за правомерным использованием публичных денежных средств при функционировании СКП;
 - повышение качества выявления нарушений бюджетного законодательства за счёт осуществления независимого внешнего аудита;
 - создание механизма внесудебного разрешения разногласий между участниками СКП посредством принятия Счетной палатой Российской Федерации соответствующих решений;
 - сохранение оперативности СКП в силу того, что внешний контроль, реализуемый Счетной палатой Российской Федерации, не будет вторгаться в текущее управление платежами, осуществляемое Федеральным казначейством;
 - обеспечение прозрачности расходования бюджетных средств, что будет способствовать повышению доверия к Федеральному казначейству со стороны законодательной (представительной) власти и общества.

При этом полагаем необходимым обратить внимание на то, что реализация вышеуказанного предложения предполагает внесение корреспондирующих изменения как в БК РФ, так и в Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации».

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 31, ст. 3823.
2. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части казначейского обслуживания и системы казначейских платежей». Собрание законодательства Российской Федерации, 2019, № 52, ст. 7797.
3. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, № 14, 1649.
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» / Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 11, ст. 945.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 703 «О Федеральном казначействе». Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 49, ст. 4908.
6. Приказ Казначейства России от 13 мая 2020 г. № 20н «Об утверждении Правил организации и функционирования системы казначейских платежей». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Артюхин Р.Е. Бюджетно-правовое регулирование системы казначейских платежей / Финансовое право, 2022, № 12.
8. Ситник А.А. Система казначейских платежей в национальной платежной системе. Вестник МГЮА, 2021, № 9.

Specifics of State Financial Control within the Treasury Payment System Moiseeva A.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines the Federal Treasury's payment system—a cutting-edge project of this federal executive body. This system serves as the foundation for the budget execution model within the Russian Federation's budgetary system while simultaneously constituting an integral part of the state's national payment system. The author highlights the specific characteristics that distinguish the treasury payment system from conventional payment systems, noting that this distinctiveness necessitates a comprehensive regulatory framework. Key differences between the treasury payment system and "standard" Russian payment systems are identified, rooted in the system's fundamental purpose: serving the public (state-wide) interest. The article analyzes the strengths and weaknesses of the regulatory framework governing this payment system, outlines issues regarding the legal regulation of control mechanisms within the system, and proposes solutions to these challenges.

Keywords: Federal Treasury, treasury payment system, national payment system, Bank of Russia, funds transfer, payments, payment system, budgetary legal relations, budget execution stage, treasury payment.

References

1. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated July 31, 1998. "Collection of Legislation of the Russian Federation", 1998, No. 31, Art. 3823.
2. Federal Law No. 479-FZ dated December 27, 2019, "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation Regarding Treasury Servicing and the Treasury Payment System." "Collection of Legislation of the Russian Federation", 2019, No. 52, Art. 7797.
3. Federal Law No. 41-FZ dated April 5, 2013, "On the Accounts Chamber of the Russian Federation." "Collection of Legislation of the Russian Federation", 2013, No. 14, Art. 1649.
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 314 dated March 9, 2004, "On the System and Structure of Federal Executive Bodies." "Collection of Legislation of the Russian Federation", 2004, No. 11, Art. 945.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 703 dated December 1, 2004, "On the Federal Treasury." "Collection of Legislation of the Russian Federation", 2004, No. 49, Art. 4908.
6. Order of the Treasury of Russia No. 20n dated May 13, 2020, "On Approving the Rules for the Organization and Functioning of the Treasury Payment System." Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Artyukhin R.E. Budgetary and Legal Regulation of the Treasury Payment System. "Financial Law", 2022, No. 12.
8. Sitnik A.A. The Treasury Payment System within the National Payment System. Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2021, No. 9.

История становления правосудия как основной функции судебной власти

Попова Вероника Викторовна

магистрант, Юридический институт, Кемеровский государственный университет, veronica.popova.78@bk.ru

В статье рассматривается исторический путь становления правосудия как основной и единственной юрисдикционной функции судебной власти в России. Прослеживается эволюция института правосудия — от ранних форм урегулирования конфликтов в догосударственный период и выполнения судебных функций представителями администрации в Русском государстве до формирования самостоятельной судебной власти. Особое внимание уделено ключевым этапам развития судебной системы: реформам Петра I, Судебной реформе 1864 года, трансформации роли суда в советский период, а также процессам конституционализации правосудия в конце XX — начале XXI века. Анализируются основополагающие принципы правосудия, закреплённые в ходе реформ, и их значение для обеспечения защиты прав и свобод человека. В работе показано, как в ходе исторического развития происходил переход от слияния судебных и административных функций к утверждению независимого правосудия как главного механизма защиты прав личности в правовом государстве.

Ключевые слова: правосудие, судебная власть, становление правосудия, история судебной системы России, эволюция государственного строя, разделение властей, Судебная реформа 1864 года, реформы Петра I, советский период, Концепция судебной реформы 1991 года, Конституция РФ, принципы правосудия, независимость судебной власти, защита прав и свобод, юрисдикционная функция, генезис судебной власти.

Становление правосудия в качестве основной и единственной юрисдикционной функции судебной власти представляет собой длительный исторический процесс, неразрывно связанный с эволюцией государственного строя и правовых систем. В современной юридической науке правосудие рассматривается не просто как одна из многих функций, а как базовая деятельность, через которую реализуется государственная судебная защита прав и свобод[1]. Сущность судебной власти заключается в разрешении правовых споров и вопросов, отнесенных к ее компетенции, путем применения норм права к конкретным жизненным ситуациям. Именно эта функция отличает судебную власть от законодательной и исполнительной, подчеркивая ее специфический характер как власти, основанной на праве, а не на административном подчинении[2].

Исторический анализ показывает, что потребность в справедливом урегулировании конфликтов возникла еще в догосударственном периоде, когда для разрешения споров приглашались независимые третьи лица, авторитет которых обеспечивал доверие общества к принимаемым решениям. Однако полноценное становление публичного института правосудия как самостоятельной ветви власти произошло значительно позже, по мере разделения функций управления и правосудия[3]. В ранние периоды развития государства, включая Русское государство, функции разрешения коллизий часто выполнялись представителями администрации (князьями, боярами, наместниками), что не позволяло говорить о наличии самостоятельной судебной власти в современном понимании[3].

Генезис судебной власти имеет глубокие исторические корни. Согласно исследованиям В. А. Терехина, правосудие как разрешение социальных конфликтов выполнялось как в догосударственном, так и в государственном обществе, поскольку потребность в справедливости и равенстве является генетически первичной для любого социума. Первоначально конфликты решались самими участниками или через привлечение третьих лиц, из которых позже отбирались наиболее авторитетные судьи или народные формирования[3].

На первых этапах развития государства функция правосудия чаще всего не была самостоятельной. В Русском государстве до определенного периода все публичные полномочия сосредотачивались в руках административной власти. Судебные функции выполняли князья, наместники, бояре, посадники и губные старосты. Хотя при рассмотрении споров применялись юридические процедуры, субъектом воплощения государственной воли выступал не суверенный суд, а должностное лицо администрации[3].

Значительным шагом на пути отделения правосудия от администрации стали реформы Петра I в начале XVIII века. Были созданы специализированные органы: Юстиц-коллегия стала основным судебным органом, подчинялись ей надворные суды в губерниях, а низшей инстанцией выступали провинциальные и городские суды. Также были организованы Магистраты для ремесленников и военных суды. Несмотря на эти шаги, судебная система оставалась сословной, медлительной и тесно связанной с административным аппаратом, что сохраняло проблему подмены правосудия административным управлением[4].

Наиболее важным событием в истории становления правосудия как самостоятельной функции стало проведение Судебной реформы 1864 года. Эта реформа, проведенная на фоне отмены крепостного права и расширения круга субъектов права, привнесла революционные изменения в систему судостроительства и судопроизводства. Основной идеей реформы стала идея единства судебной власти и целостности механизмов правосудия, закреплённая в Судебных уставах 1864 года[5].

Реформа 1864 года заложила основополагающие принципы современного правосудия: осуществление правосудия специально уполномоченным органом, гласность судебного процесса, равенство всех перед законом и судом, законность и право на судебную защиту. Эти принципы соответствовали международным стандартам и отражали либерально-демократические идеалы того времени[6]. Судебная реформа была подготовлена как комплексное мероприятие, неотделимое от общей модернизации государства и

формирования гражданского общества. Анализ показывает, что разработка проектов реформ проходила под влиянием идей, свойственных гражданскому обществу, что предопределило ведущую роль судов в защите прав и свобод в условиях недостаточного развития других демократических механизмов[7].

Несмотря на наличие консервативной критики, указывавшей на проблемы в реализации реформы (невежество некоторых судей, случаи произвола), реформа способствовала формированию общих стандартов правосудия, которые стали основой для дальнейшего развития судебной системы России. Она нанесла удар по судебному произволу, прикрывавшемуся маской формальной справедливости, и оживила умственные интересы в обществе[6], [5].

В советский период история становления правосудия как независимой функции судебной власти претерпела радикальные изменения. В условиях социализма основная функция суда - осуществление правосудия, фактически подменялась не свойственной ему функцией управления и осуществления государственной политики. Теория права советского периода рассматривала правосудие как высокозначимую государственную деятельность, однако в политическом и юридическом обиходе понятие «судебная власть» как вида государственной власти отсутствовало[8].

Деятельность народного суда часто рассматривалась как отрасль государственного управления, а применение судебных актов как мер государственного принуждения приводило к тому, что судебная власть воспринималась преимущественно как репрессивный элемент механизма, направленный на поддержание правопорядка. Понятие разделения властей упоминалось лишь в контексте критики буржуазных учений, что лишало судебную систему самостоятельности[8], [5]. В этот период правосудие не могло выполнять свою защитную функцию в полной мере, так как суды были интегрированы в общую систему административно-управленческой вертикали[2].

Возвращение правосудия к его изначальной функции как основной деятельности судебной власти началось с принятия Концепции судебной реформы 24 октября 1991 года и закреплено в Конституции Российской Федерации. Конституция РФ впервые провозгласила суды судебной властью, осуществляющей свои функции независимо от органов законодательной и исполнительной власти. Были установлены принципы, согласно которым только суды могут осуществлять правосудие, а создание чрезвычайных судов не допускается[9].

Конституционное закрепление цели правосудия, обусловленной обеспечением прав и свобод человека, стало краеугольным камнем российского конституционализма. Гарантии судебной защиты прав и свобод, включая право на обращение в межгосударственные органы, определили современный стандарт независимого правосудия. Этот этап конституционализации характеризовался усложнением судебной системы, введением института суда присяжных, изменением статуса судей и созданием Конституционного Суда РФ[9].

Современная доктрина утверждает, что правосудие остается единственной юрисдикционной функцией судебной власти, заключающейся в разрешении споров с применением властных полномочий. Остальные функции (правотворческая, контрольная и др.) являются производными или вспомогательными[10]. Таким образом, исторический путь развития правосудия в России демонстрирует переход от административных функций к выделению специализированной судебной власти, ее идеологическую подмену в советский период и последующее восстановление независимого правосудия как главного механизма защиты прав личности в правовом государстве[3], [7].

История становления правосудия как основной функции судебной власти свидетельствует о сложности и нелинейности этого процесса. От ранних форм разрешения споров под контролем административной власти через реформы Петра I и масштабные преобразования 1864 года, заложившие принципы гласности и равенства, к советскому периоду подмены правосудия государственной политикой и последующей конституционализации начала XXI века. Современная российская судебная система опирается на принципы, сформированные в ходе модернизационных процессов XIX и XX веков, где независимое правосудие признано необходимым атрибутом гражданского общества и гарантом реализации прав человека[7], [9].

Литература

1. Судебная власть в условиях новых вызовов: сборник статей II Всероссийской студенческой научно-практической конференции :

материалы конференции / под редакцией Е. В. Бурдиной, Н. В. Головушкиной. — Москва : РГУП, 2025. — 451 с. — ISBN 978-5-00209-211-6. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/521285> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

2. Гришнова, Е.Е. ГЕНЕЗИС СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ МЕСТО В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ / Е.Е. Гришнова // Проблемы экономики и юридической практики. — 2016. — № 2. — С. 322-329. — ISSN 2541-8025. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/299659> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

3. Эволюция статуса российских судей: историографический ракурс / М. И. Клеандров, М. И. Kleandrov, Е. В. Виноградова, Е. V. Vinogradova // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2025. — № 3 (69). — С. 351-371. — ISSN 1995-4190. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/374828> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

4. Организация судебной деятельности : учебник / под редакцией В. В. Ершова. — Москва : РГУП, 2016. — 390 с. — ISBN 978-5-93916-533-4. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/123171> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

5. Андрейченко, Л.С. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА / Л.С. Андрейченко // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 3. — С. 29-36. — ISSN 2227-1171. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/302562> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

6. Андрейченко, Л.С. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА / Л.С. Андрейченко // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 3. — С. 29-36. — ISSN 2227-1171. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/302562> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

7. Попова, А. Д. Демократия, правосудие, гражданское общество: становление и взаимодействие : монография / А. Д. Попова. — Москва : Проспект, 2017. — 399 с. — ISBN 978-5-392-21569-0. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/150195> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

8. Панкова, О. В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография / О. В. Панкова. — Москва : СТАТУТ, 2023. — 450 с. — ISBN 978-5-8354-1881-7. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/385142> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

9. Кузьмин, А.Г. ЭТАПЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ / А.Г. Кузьмин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2015. — № 1. — С. 63-71. — ISSN 1991-9778. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/295426> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

10. Ткачева, Н. В. Порядок судебного разбирательства при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции : монография / Н. В. Ткачева. — Москва : Проспект, 2024. — 479 с. — ISBN 978-5-392-41415-4. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/463967> (дата обращения: 01.08.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

The History of the Emergence of the Administration of Justice as the Primary Function of the Judicial Power

Popova V.V.

Kemerovo State University

The article examines the historical path of the formation of justice as the main and only jurisdictional function of the judiciary in Russia. The evolution of the institution of justice is traced - from early forms of conflict resolution in the pre-state period and the performance of judicial functions by representatives of the administration in the Russian state to the formation of an independent judiciary. Particular attention is paid to the key stages in the development of the judicial system: the reforms of Peter I, the Judicial Reform of 1864, the transformation of the role of the court in the

Soviet period, as well as the processes of constitutionalization of justice at the end of the 20th - beginning of the 21st century. The fundamental principles of justice enshrined during the reforms and their significance for ensuring the protection of human rights and freedoms are analyzed. The work shows how, in the course of historical development, there was a transition from the merger of judicial and administrative functions to the establishment of independent justice as the main mechanism for protecting individual rights in a rule-of-law state.

Keywords: justice, judicial power, formation of justice, history of the judicial system of Russia, evolution of the state system, separation of powers, Judicial reform of 1864, reforms of Peter I, Soviet period, Concept of judicial reform of 1991, Constitution of the Russian Federation, principles of justice, independence of the judiciary, protection of rights and freedoms, jurisdictional function, genesis of the judiciary.

References

1. Judicial Power Amidst New Challenges: Collection of Articles from the 2nd All-Russian Student Scientific and Practical Conference / edited by E. V. Burdina and N. V. Golovushkina. — Moscow : RGUP, 2025. — 451 p. — ISBN 978-5-00209-211-6. — Text : electronic // Lan : Electronic Library System. — URL: <https://e.lanbook.com/book/521285> (accessed: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
2. Grishnova, E. E. The Genesis of Judicial Power and Its Place in the Russian Political System / E. E. Grishnova // Problems of Economics and Legal Practice. — 2016. — No. 2. — P. 322-329. — ISSN 2541-8025. — Text : electronic // Lan : Electronic Library System. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/299659> (accessed: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
3. Evolution of the Status of Russian Judges: A Historiographical Perspective / M. I. Kleandrov, E. V. Vinogradova // Perm University Herald. Juridical Sciences. — 2025. — No. 3 (69). — P. 351-371. — ISSN 1995-4190. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/374828> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
4. Organization of Judicial Activity : textbook / edited by V. V. Ershov. — Moscow : RGUP, 2016. — 390 p. — ISBN 978-5-93916-533-4. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/book/123171> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
5. Andreychenko, L.S. Selected Issues Regarding the Implementation of the Judicial Reform of 1864 / L.S. Andreychenko // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — No. 3. — P. 29-36. — ISSN 2227-1171. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/302562> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
6. Andreychenko, L.S. Selected Issues Regarding the Implementation of the Judicial Reform of 1864 / L.S. Andreychenko // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — No. 3. — P. 29-36. — ISSN 2227-1171. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/302562> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
7. Popova, A. D. Democracy, Justice, Civil Society: Formation and Interaction : monograph / A. D. Popova. — Moscow : Prospekt, 2017. — 399 p. — ISBN 978-5-392-21569-0. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/book/150195> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
8. Pankova, O. V. Adjudication of Administrative Offense Cases in Courts of General Jurisdiction : monograph / O. V. Pankova. — Moscow : STATUT, 2023. — 450 p. — ISBN 978-5-8354-1881-7. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/book/385142> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
9. Kuzmin, A. G. Stages of Constitutionalization of the Russian Judicial System / A. G. Kuzmin // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. — 2015. — No. 1. — P. 63-71. — ISSN 1991-9778. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/295426> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.
10. Tkacheva, N. V. Procedure for court proceedings in a criminal case in the court of first instance : monograph / N. V. Tkacheva. — Moscow : Prospekt, 2024. — 479 p. — ISBN 978-5-392-41415-4. — Text : electronic // Lan : electronic library system. — URL: <https://e.lanbook.com/book/463967> (date of access: 01.08.2026). — Access mode: for authorized users.

Теоретико-правовые основы публично-правового регулирования виртуальных цифровых пространств

Радченко Александр Витальевич

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Alxarchenco@yandex.ru

Активное внедрение цифровых технологий привело к формированию принципиально новой среды для реализации общественных интересов, что обусловило необходимость пересмотра подходов к их правовой регламентации. Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе публично-правового регулирования виртуальных цифровых пространств, охватывающем определение их понятийного аппарата и существенных характеристик, выявление публичных интересов в цифровой сфере, а также установление допустимых границ государственного вмешательства. В ходе исследования, основанного на общенаучных и специально-юридических методах, было сформулировано авторское определение виртуального цифрового пространства, выделены его ключевые признаки и предложена классификация по нескольким основаниям. Обоснован комплексный характер правового регулирования, сочетающий императивные методы публичного права с диспозитивными инструментами частного права и механизмами саморегулирования. В работе делается вывод о необходимости формирования системного подхода к регулированию цифровых пространств с учетом их специфики.

Ключевые слова: виртуальное цифровое пространство, публично-правовое регулирование, публичные интересы, пределы государственного воздействия, частное право, цифровая среда, киберпространство, цифровое право.

Введение

Современный этап общественного развития отмечен всепроникающей цифровой трансформацией, которая кардинально меняет устоявшиеся формы социального взаимодействия. Виртуальные цифровые пространства эволюционировали из узкоспециализированной технической среды в полноценную арену для реализации экономических, политических, социальных и культурных интересов. Как справедливо констатируют Т.В. Плотникова и В.В. Харин, интернет-среда давно перестала быть «свободной стихией», превратившись в арену столкновения интересов миллионов пользователей, транснациональных корпораций и целых государств [1, с. 392].

Специфические свойства виртуальных пространств, такие как трансграничность, децентрализованность и высокая динамика изменений, создают принципиально новые вызовы для правовой системы. В связи с этим И.С. Сорокин справедливо отмечает, что «цифровое пространство нельзя рассматривать как виртуальную среду, но виртуальная среда всегда существует внутри цифрового пространства как одна из его частей» [2, с. 76]. Это разграничение имеет ключевое значение для понимания объекта правового воздействия.

Крайне актуальным представляется вопрос о балансе между публично-правовым и частноправовым регулированием в цифровой среде. С одной стороны, виртуальное пространство служит площадкой для реализации частных интересов — от предпринимательской деятельности до личной коммуникации. С другой — его социальная значимость и масштабы объективно требуют публично-правового вмешательства для обеспечения безопасности и противодействия киберпреступности [3, с. 20]. Однако, как верно подмечает А.Г. Дейнеко, государство не способно ни отменить интернет-отношения, ни полностью подчинить их себе, что требует поиска нового регуляторного баланса [4, с. 17]. Цель настоящей работы — комплексный анализ теоретико-правовых основ регулирования виртуальных цифровых пространств, включая выработку понятийного аппарата, выявление публичных интересов и определение пределов государственного воздействия.

1. Понятие, признаки и классификация виртуальных цифровых пространств как объекта публично-правового регулирования

Эффективная система публично-правового регулирования немыслима без четкого определения ее объекта. Отсутствие легальной дефиниции «виртуального цифрового пространства» в российском законодательстве порождает не только теоретические споры, но и практические сложности, связанные с выбором адекватных регуляторных инструментов [5, с. 67]. В научной литературе сложились различные подходы к определению данного феномена.

Так, И.М. Рассолов связывает виртуальное пространство с концепцией Интернета, рассматривая его как среду возникновения информационных отношений. В свою очередь, Р.В. Шагиева характеризует виртуальный мир как частичное отражение физического мира в памяти программных средств [6]. Н.Н. Телешина, в свою очередь, указывает на техническую природу термина «киберпространство», который не в полной мере отражает социально-правовую сущность явления [7, с. 151-154].

Обобщая представленные позиции, мы предлагаем следующее определение: виртуальное цифровое пространство — это социально-техническая среда, формируемая с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в которой возникают, изменяются и прекращаются общественные отношения по поводу создания, обработки, хранения и передачи цифровой информации, и которая характеризуется трансграничностью, децентрализованностью, анонимностью и динамичностью.

Для целей публично-правового воздействия необходимо детально охарактеризовать сущностные признаки этого пространства.

Виртуальность. Отношения здесь не имеют прямой физической основы, существуя в форме цифрового кода. Это порождает объективные сложности с идентификацией субъектов и установлением юридических фактов. Как отмечают Р.В. Пузиков и В.В. Харин, «в

цифровой среде значительно сложнее идентифицировать личность человека, его пол и возраст, а значит, учесть данные особенности в правовом регулировании» [3, с. 20].

Трансграничность. Отсутствие жесткой привязки к территории государства создает серьезные проблемы для определения применимого права и юрисдикции. С.П. Федоренко с соавторами обоснованно указывают, что «нивелирование государственных границ создает сложности в определении юрисдикции и применимого права» [8, с. 27].

Децентрализованность. В отличие от иерархических структур публичной власти, цифровая среда представляет собой множество независимых узлов и платформ. Это свойство существенно ограничивает возможности прямого государственного регулирования и актуализирует поиск новых форм взаимодействия, включая сорегулирование [4, с. 59].

Анонимность. Это свойство имеет двойственную природу: с одной стороны, оно обеспечивает защиту частной жизни, с другой — создает благоприятную среду для противоправной деятельности. Криминальные субъекты проявляют повышенный интерес к данной среде, что требует специфических мер противодействия [1, с. 393].

Динамичность. Высокая скорость изменений технологий и платформ приводит к тому, что законодательство зачастую отстает от практики. В связи с этим Е.В. Холодная обоснованно говорит о необходимости «опережающей проработки российского законодательства» в этой сфере [9, с. 119].

На основе выделенных признаков представляется возможной классификация виртуальных цифровых пространств. По функциональному назначению можно выделить коммуникационные (соцсети), экономические (торговые площадки), информационные (госсайты), развлекательные (метавселенные) и образовательные пространства. По степени регулируемости — публичные (открытые), полупубличные (с условиями регистрации) и частные (по приглашению). По масштабу охвата — глобальные, национальные и локальные. Предложенная классификация, на наш взгляд, может служить базовым инструментом для дифференциации режимов публично-правового регулирования в зависимости от вида пространства.

2. Публичные интересы и пределы государственного воздействия в виртуальных цифровых пространствах

Центральным вопросом теории публичного права является определение публичных интересов, реализуемых в цифровой среде, и установление пределов государственного воздействия. Публичный интерес в классическом понимании — это признаваемый государством и обеспеченный правом интерес социальной общности. В условиях цифровизации его содержание существенно трансформируется.

Первоочередным публичным интересом выступает обеспечение безопасности. В цифровой среде этот механизм приобретает специфику, связанную с противодействием киберпреступности, защитой критической информационной инфраструктуры и распространением противоправного контента. Как справедливо отмечает В.Д. Захарова, цифровое пространство России, подобно другим странам, стало объектом угроз со стороны киберпреступников, хакеров и других злоумышленников, что требует комплексного подхода к обеспечению кибербезопасности [10, с. 122-123]. Как подчеркивается в исследовании С.П. Федоренко, «под угрозой находятся права человека», причем в виртуальном пространстве возникают новые формы дискриминации и нарушения частной жизни [8, с. 28].

Вторым по значимости публичным интересом является обеспечение суверенитета государства в цифровой среде. Трансграничный характер потоков информации создает угрозы для контроля над национальным информационным пространством. Кроме того, процессы цифровизации характеризуются концентрацией власти в руках ограниченного круга транснациональных корпораций, что создает риски злоупотреблений в глобальном масштабе [8, с. 28-29].

Третьим публичным интересом является обеспечение доступа граждан к цифровым благам и преодоление цифрового неравенства. Европейский опыт свидетельствует о признании права на доступ в Интернет на конституционном уровне (Франция, Испания) [1, с. 395]. В России данная проблема актуализирована в рамках реализации Стратегии развития информационного общества.

Наконец, к публичным интересам относится защита персональных данных и приватности, а также обеспечение добросовестной конкуренции. Огромные массивы данных, собираемые в цифровых

экосистемах, требуют разработки эффективных механизмов защиты в соответствии с принципом приоритета прав человека.

При установлении пределов государственного воздействия необходимо руководствоваться рядом фундаментальных принципов.

Принцип соразмерности (пропорциональности). Вмешательство не должно быть чрезмерным и должно быть обусловлено действительной общественной необходимостью. Следует помнить, что «этические и правовые императивы, формировавшиеся на протяжении нескольких тысяч лет, сейчас находятся под угрозой тотального форматирования» [9, с. 119-120].

Принцип технологической нейтральности. Регулирование не должно отдавать предпочтение каким-либо конкретным технологиям, а должно быть ориентировано на достижение социально значимых целей.

Принцип субсидиарности. Государство должно вмешиваться только тогда, когда цели не могут быть достигнуты с помощью саморегулирования. В цифровой среде регламентация зачастую формируется стихийно на основе традиций и правил конкретных интернет-ресурсов [1, с. 393-394].

Принцип учета международно-правовых обязательств. Трансграничный характер отношений требует согласованных действий государств, что ограничивает возможность одностороннего национального регулирования.

3. Соотношение публично-правового и частноправового регулирования в цифровой среде

Вопрос о соотношении публичного и частного права в цифровой среде является одним из наиболее дискуссионных. Сложность его решения обусловлена комплексным характером отношений, складывающихся в виртуальных пространствах.

В доктрине сформировались разные подходы к определению правовой природы цифрового права. Одни исследователи, как отмечает А.В. Минбалева, рассматривают его как комплексный институт или комплексную отрасль, указывая на специфический предмет и особую среду [11, с. 59-61]. Другие, критикуют эту позицию, указывая на «невнятный предмет» и отсутствие единства метода правового регулирования.

Анализ показывает, что границы между публичным и частным становятся подвижными. В цифровой среде наблюдается взаимопроникновение методов. Рассмотрим это на конкретных сферах.

В сфере экономических отношений доминируют частноправовые начала (свобода договора), однако они существенно ограничиваются публичными интересами (правила идентификации, противодействие легализации доходов). Как отмечают исследователи, авторские права и патенты в виртуальном пространстве становятся все более сложными объектами [8, с. 28].

В сфере защиты персональных данных и информационной безопасности преобладают императивные, публично-правовые методы (Федеральный закон № 152-ФЗ). В сфере публичных коммуникаций (социальные сети) наблюдается смешанный характер. Отношения формально являются частноправовыми (пользовательские соглашения), однако, как справедливо указывает К.Г. Киктенко, эти соглашения зачастую не соответствуют частноправовым принципам и требуют приведения их в соответствие с ними для защиты слабой стороны [12, с. 5-6].

Наконец, в сфере государственного управления доминируют административно-правовые методы, однако наблюдается тенденция к использованию частноправовых инструментов (государственно-частное партнерство).

Указанная дифференциация приводит к выводу о комплексном характере регулирования. Принципы, сформулированные А.В. Даниленковым, включают как сетевую нейтральность (частноправовой аспект), так и государственный суверенитет (публично-правовой) [13, с. 32].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Виртуальные цифровые пространства представляют собой сложный социально-технический феномен, требующий адаптации традиционных публично-правовых институтов. Их существенными признаками (виртуальность, трансграничность, децентрализованность, анонимность, динамичность) обусловлены сложности правового воздействия. Публичные интересы

в этой сфере многогранны: от безопасности до обеспечения доступа и защиты суверенитета. Государственное воздействие ограничивается принципами соразмерности, субсидиарности и технологической нейтральности. Соотношение публичных и частных начал носит комплексный характер. Наиболее эффективным представляется сочетание императивных методов с диспозитивными механизмами частного права и саморегулированием. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка комплексной модели регулирования, систематизация законодательства и совершенствование международного сотрудничества.

Литература

1. Плотникова Т.В., Харин В.В. Феномен «цифровых прав» в контексте правового регулирования виртуального пространства // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 3. С. 392–400. DOI: 10.17277/pravo.2022.03.pr.392-400.
2. Сорокин И.С. Категория цифрового пространства в современном гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 73–82. EDN: MFLLVX.
3. Пузиков Р.В., Харин В.В. Феномен цифрового права: проблема теоретизации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 19–22. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_12_19.
4. Дейнеко А.Г. Публичное право в киберпространстве: публично-правовое регулирование информационных отношений. М.: Проспект, 2025. 248 с. ISBN: 978-5-392-42996-7. EDN: SBSONL.
5. Рассолов И.М. Право и интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009. 210 с. EDN: WATFXZ.
6. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 310 с. ISBN: 5-7464-0629-5. EDN: QXDJHB.
7. Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как новая юридическая конструкция: к постановке проблемы // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 740–747. EDN: RBRTNR.
8. Федоренко С.П., Неправов Р.Г., Шогенов Т.М. Актуальные вопросы правового регулирования общественных отношений в постоянно действующем виртуальном пространстве метавселенной // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 26–33. EDN: BWYNOW.
9. Холодная Е.В. О правовой концепции метавселенных // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 3 (208). С. 116–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128. EDN: DILKMX.
10. Захарова В.Д. Кибербезопасность в цифровом пространстве // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 08 ноября 2023 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2023. С. 117–123. DOI: 10.24412/cl-37098-2023-1-117-123. EDN: USPXUM.
11. Минбалеев А.В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. 2019. № 4 (73). С. 58–64. EDN: QJUAED.
12. Киктенко К.Г. Социальные сети и принципы частного права // Закон. 2025. № 10. С. 172–186. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-10-172-186. EDN: IZEFUK.
13. Даниленков А.В. О правовой природе цифровых суррогатов // Хозяйство и право. 2018. № 8 (499). С. 83–89. EDN: XVARQD.

Theoretical and Legal Foundations of Public Law Regulation of Virtual Digital Spaces

Radchenko A.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The active introduction of digital technologies has led to the formation of a fundamentally new environment for the realization of public interests, which necessitated a revision of approaches to their legal regulation. The purpose of this work is a comprehensive analysis of the public law regulation of virtual digital spaces, covering the definition of their conceptual apparatus and essential characteristics, identification of public interests in the digital sphere, as well as establishing the permissible limits of state intervention. In the course of the study, based on general scientific and special legal methods, the author's definition of a virtual digital space was formulated, its key features were identified, and a classification was proposed on several grounds. The complex nature of legal regulation, combining imperative methods of public law with discretionary instruments of private law and self-regulation mechanisms, is substantiated. The paper concludes that it is necessary to form a systematic approach to the regulation of digital spaces, taking into account their specificity.

Keywords: virtual digital space, public law regulation, public interests, limits of state intervention, private law, digital environment, cyberspace, digital law.

References

1. Plotnikova T.V., Kharin V.V. The Phenomenon of "Digital Rights" in the Context of Legal Regulation of Virtual Space // Pravo: istoriya i sovremennost. 2022. Vol. 6, No. 3. P. 392–400. DOI: 10.17277/pravo.2022.03.pr.392-400.
2. Sorokin I.S. The Category of Digital Space in Modern Civil Law // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No. 4 (108). P. 73–82. EDN: MFLLVX.
3. Puzikov R.V., Kharin V.V. The Phenomenon of Digital Law: the Problem of Theorization // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. No. 12 (216). P. 19–22. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_12_19.
4. Deyneko A.G. Public Law in Cyberspace: Public Law Regulation of Information Relations. Moscow: Prospekt, 2025. 248 p. ISBN: 978-5-392-42996-7. EDN: SBSONL.
5. Rassolov I.M. Law and Internet. Theoretical Problems. Moscow: Norma, 2009. 210 p. EDN: WATFXZ.
6. Shagieva R.V. The Concept of Legal Activity in Modern Society. Kazan: Publishing House of Kazan University, 2005. 310 p. ISBN: 5-7464-0629-5. EDN: QXDJHB.
7. Teleshina N.N. Virtual Space as a New Legal Construction: to the Formulation of the Problem // Yuridicheskaya tekhnika. 2013. No. 7-2. P. 740–747. EDN: RBRTNR.
8. Fedorenko S.P., Nepranov R.G., Shogenov T.M. Current Legal Issues of Regulation of Public Relations in the Constantly Operating Virtual Space of the Metaverse // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. 2025. No. 2. P. 26–33. EDN: BWYNOW.
9. Kholodnaya E.V. On the Legal Concept of Metaverses // Lex Russica (Russian Law). 2024. Vol. 77, No. 3 (208). P. 116–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128. EDN: DILKMX.
10. Zakharova V.D. Cybersecurity in the Digital Space // Economics and Management: Experience and New Solutions in the Era of Transformations: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Omsk, November 8, 2023. Omsk: Omsk State Technical University, 2023. P. 117–123. DOI: 10.24412/cl-37098-2023-1-117-123. EDN: USPXUM.
11. Minbaleev A.V. Digital Law as a Complex Institute of Russian Law // Problemy prava. 2019. No. 4 (73). P. 58–64. EDN: QJUAED.
12. Kiktenko K.G. Social Networks and Principles of Private Law // Zakon. 2025. No. 10. P. 172–186. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-10-172-186. EDN: IZEFUK.
13. Danilenkov A.V. On the Legal Nature of Digital Surrogates // Khozyaystvo i pravo. 2018. No. 8 (499). P. 83–89. EDN: XVARQD.

Правовое регулирование стейблкоинов в Российской Федерации

Шишова Валентина Дмитриевна

юрист, ООО «Верб Лигал», valentina.shishova02@gmail.com

В статье исследуются теоретические и практические проблемы гражданско-правовой квалификации и регулирования стейблкоинов в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена активным использованием стабильных монет российскими участниками оборота в условиях санкционного давления и необходимостью выработки адекватных частноправовых механизмов для обеспечения трансграничных расчетов. Автор анализирует правовую природу стейблкоинов через призму институтов цифровой валюты и цифровых прав (цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав), а также зарубежный опыт регулирования стейблкоинов. На основе исследования предложены направления совершенствования российского законодательства, включая внедрение института «номинальных цифровых финансовых активов» и исключение избыточных критериев из дефиниции цифровой валюты.

Ключевые слова: стейблкоин, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, иностранные цифровые права, трансграничные расчеты.

Введение

Динамичное развитие технологий распределенного реестра привело к существенной трансформации глобального финансового рынка и появлению принципиально новых расчетных и инвестиционных инструментов. Традиционные криптовалюты, несмотря на высокую скорость проведения транзакций и трансграничный характер обращения, обладают фундаментальным недостатком – чрезмерно высокой волатильностью, которая существенно ограничивает их использование в качестве надежного средства обмена и сохранения стоимости [7]. Стремление преодолеть этот недостаток в рамках цифровой среды предопределило появление стейблкоинов (стабильных монет) – криптоактивов, ценность которых поддерживается с помощью специальных механизмов стабилизации, таких как привязка к курсу фиатных валют, драгоценных металлов или иных ликвидных ценностей.

В условиях санкционного давления, затронувшего традиционную банковскую инфраструктуру и усложнившего проведение трансграничных платежей, российские участники внешнеэкономической деятельности стали активно использовать стейблкоины (прежде всего, долларовые монеты USDT и USDC) в качестве эффективного альтернативного расчетного инструмента [2]. По данным аналитических отчетов, совокупная капитализация глобального рынка стейблкоинов выросла с 5 млрд долларов США в начале 2020 года до 232 млрд долларов в марте 2025 года [1], а к 2026 году этот показатель достиг 318 млрд долларов [11]. Данные масштабы свидетельствуют о том, что стейблкоины превратились из нишевого спекулятивного актива в системно значимый элемент международной платежной архитектуры.

При этом несмотря на то, что Банк России в конце 2025 года представил Концепцию регулирования криптовалют, признающую за стейблкоинами статус валютных ценностей, допустимых к обороту при сохранении запрета на внутренние платежи, частноправовая природа этих инструментов и механизмы их легитимации в рамках отечественной цивилистической догматики до сих пор остаются предметом острых дискуссий.

1. Понятие и частноправовая природа стейблкоинов

Для определения оптимальных путей правового регулирования стейблкоинов первостепенное значение имеет анализ их экономической сущности во взаимосвязи с категориями отечественного гражданского права. С правовой точки зрения стейблкоин представляет собой цифровой объект, выраженный в виде совокупности электронных данных в распределенном реестре, ценность которого стабилизируется посредством различных обеспечительных или алгоритмических механизмов [6].

В научной доктрине и зарубежной практике выделяют четыре основные экономические категории стейблкоинов в зависимости от способа их стабилизации [1; 7]:

- фиатно-обеспеченные (fiat-backed), при которых эмитент хранит резерв в традиционной валюте или высоколиквидных инструментах в отношении 1:1 к выпущенным токенам;
- криптообеспеченные (crypto-collateralized), обеспеченные избыточным залогом других волатильных криптовалют в смарт-контракте;
- товарообеспеченные (commodity-collateralized), привязанные к физическим ценностям, таким как золото или нефть;
- алгоритмические или необеспеченные (algorithmic), стабильность которых поддерживается исключительно за счет программного регулирования спроса и предложения.

Основная цивилистическая проблема заключается в соотношении данных экономических моделей с институтами цифровой валюты и цифровых прав, закрепленными в российском законодательстве. Согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), цифровая валюта характеризуется двумя ключевыми признаками: возможностью ее принятия в качестве средства платежа или инвестиций и отсутствием обязанного лица перед каждым обладателем таких электронных данных

(за исключением оператора или узлов информационной системы, обеспечивающих технический порядок ведения реестра).

Данный ограничительный критерий («отсутствие обязанного лица») порождает глубокое догматическое противоречие при попытке квалифицировать обеспеченные стейблкоины в качестве цифровой валюты. Любой обеспеченный стейблкоин (например, USDT компании Tether Limited или USDC консорциума Circle) по своей природе предполагает наличие конкретного централизованного эмитента, который берет на себя обязательства по формированию резервных активов, управлению ими и обеспечению права обратного выкупа (погашения) токенов по номинальной стоимости [5; 6]. Наличие такого обязанного субъекта автоматически исключает обеспеченные стейблкоины из легального поля цифровых валют в РФ. Как справедливо подчеркивают исследователи, под существующее российское определение цифровой валюты могут подпадать лишь алгоритмические стейблкоины, стабильность которых регулируется кодом смарт-контракта без участия центрального эмитента [6; 10]. Однако алгоритмические модели (после резонансного краха TerraUSD в мае 2022 года) продемонстрировали свою крайнюю нестабильность и системную уязвимость [1].

Дополнительным дефектом легального определения цифровой валюты выступает его зависимость от характера регулирования цифровых активов в иностранных юрисдикциях. Согласно Закону о ЦФА, цифровая валюта не может являться денежной единицей иностранного государства или международной расчетной единицей. На практике это приводит к абсурдным ситуациям: когда Республика Эль-Сальвадор признала Bitcoin официальным платежным средством, данный актив с формально-юридической точки зрения перестал соответствовать понятию цифровой валюты в Российской Федерации [9]. Это создает правовую неопределенность для отечественных кредитных организаций, которые в 2025 году начали активно выпускать цифровые финансовые активы с привязкой к рыночной стоимости Bitcoin и Ethereum [9].

Поскольку обеспеченные стейблкоины имеют централизованный эмитента и предоставляют имущественные требования, ряд исследователей предлагает рассматривать их в рамках правового режима цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ) – цифровых финансовых активов (ЦФА) или утилитарных цифровых прав (УЦП) [2]. Действительно, правовая конструкция ЦФА позволяет закреплять денежные требования, привязанные к стоимости внешнего базового актива (например, золота или валюты), а закон прямо допускает использование ЦФА во внешнеторговых расчетах.

Тем не менее детальный анализ показывает, что классический гражданско-правовой режим ЦФА в его текущем виде не приспособлен для обеспечения полноценного функционирования стейблкоинов. Это обусловлено тремя фундаментальными цивилистическими препятствиями [2]:

- Отсутствие механизма повторной (динамической) эмиссии. При выпуске стейблкоинов объем находящихся в обращении монет должен непрерывно меняться (путем мита и сжигания) в зависимости от объема резервных активов, передаваемых эмитенту. Российское же законодательство требует, чтобы каждый выпуск ЦФА осуществлялся на основании фиксированного решения о выпуске, под которое разворачивается отдельный изолированный смарт-контракт. Проведение дополнительных выпусков в рамках одного и того же решения не предусмотрено.

- Отсутствие юридической взаимозаменяемости (fungibility). Из-за невозможности динамического расширения одного смарт-контракта эмитент гипотетического российского стейблкоина вынужден проводить множество отдельных выпусков ЦФА с идентичными условиями. Однако токены разных выпусков будут юридически самостоятельными объектами, привязанными к разным решениям, что исключает их свободное смешение и использование в качестве единого, однородного средства расчетов.

- Централизация отечественных информационных систем. Российские операторы информационных систем (ОИС) функционируют на принципах закрытых, контролируемых реестров, где именно ОИС определяет тарифную политику и осуществляет тотальный контроль над транзакциями. Это вступает в противоречие с технологической сущностью глобальных стейблкоинов, ориентированных на обращение в открытых (permissionless) пиринговых блокчейн-сетях.

Таким образом, стейблкоины занимают промежуточное, гибридное положение между цифровыми валютами и цифровыми финан-

совыми активами, обнаруживая признаки дефицита правового регулирования в рамках существующей классификации отечественного цифрового права.

2. Зарубежные подходы к регулированию стейблкоинов

Опыт зарубежных стран демонстрирует многообразие подходов к интеграции стейблкоинов в национальные правовые системы. В цивилистическом аспекте ключевая задача зарубежных регуляторов сводилась к определению того, нормами какого традиционного института (денежного права, законодательства о ценных бумагах или электронных деньгах) должны регулироваться отношения между эмитентом и держателем стабильных токенов.

В Соединенных Штатах Америки долгое время превалировал фрагментарный подход, вызванный межведомственной конкуренцией [7]. Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) традиционно стремилась квалифицировать стейблкоины как инвестиционные контракты («ценные бумаги»), применяя к ним «тест Хауи» (Howey Test) [4]. Однако цивилистическая доктрина США справедливо критиковала этот подход, указывая, что стейблкоины с фиксированной стоимостью погашения предназначены исключительно для сохранения ценности и проведения расчетов, а их держатели изначально лишены объективной возможности получить «ожидаемую прибыль от усилий третьих лиц», что не позволяет признать их ценными бумагами [7].

Ситуация кардинально изменилась с принятием в июле 2025 года федерального закона Genius Act (вступает в силу в январе 2027 года), который официально закрепил стейблкоины, обеспеченные долларом, в качестве нового самостоятельного класса платежных инструментов [8; 11]. Закон ввел жесткие стандарты: обязательное 100-процентное резервирование в высоколиквидных американских активах (наличные, казначейские векселя), регулярный аудит, прямой запрет на выплату процентов держателям (для недопущения конкуренции с банковскими депозитами) и предоставление держателям приоритетного права требования к резервам в случае банкротства эмитента [8; 11].

В Европейском союзе регулирование стейблкоинов было унифицировано в рамках регламента MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation), вступившего в силу в 2023–2024 годах [8; 11]. MiCA разделяет стабильные монеты на токены электронных денег (electronic money tokens – EMT), привязанные к одной фиатной валюте, и токены, привязанные к активам (asset-referenced tokens – ART), привязанные к корзине валют или иным ценностям [1]. Эмитенты EMT приравнены к учреждениям электронных денег (EMI) и обязаны предоставлять держателям безусловное право на погашение токенов по номиналу в любое время [11]. Как и в США, в ЕС установлен императивный запрет на начисление процентов по стейблкоинам во избежание системных рисков для банковского сектора [11].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе наиболее последовательные модели регулирования выстроены в Японии, Сингапуре и Гонконге. В Японии в соответствии с поправками к Закону о платежных услугах (Payment Services Act), вступившими в силу в 2023 году, стейблкоины официально отнесены к категории «электронных платежных инструментов» [8; 11]. Правом их выпуска наделены исключительно лицензированные банки, трастовые компании и зарегистрированные операторы денежных переводов [11]. Денежно-кредитное управление Сингапура (MAS) в августе 2023 года утвердило Регуляторную структуру для одновалютных стейблкоинов (SCS), требующую от эмитентов поддержания сегрегированных резервов в объеме не менее 100% от находящихся в обращении токенов и обеспечения выплаты при погашении в течение 5 рабочих дней [8; 11]. В Гонконге с августа 2025 года введен режим обязательного лицензирования эмитентов фиатных стейблкоинов под эгидой Управления денежного обращения Гонконга (HKMA), при этом стейблкоины нелегализованных эмитентов могут предлагаться исключительно профессиональным инвесторам [11].

Особый интерес для Российской Федерации представляет опыт стран ближнего зарубежья и Евразийского экономического союза (ЕАЭС):

В Республике Беларусь регулирование стейблкоинов осуществляется в рамках специального режима Парка высоких технологий (Декрет № 8) [9]. Инвестирование и расчеты в стейблкоинах допускаются исключительно через инфраструктуру специализированных «криптобанков», совмещающих функции банковских учреждений и криптоплатформ [11].

В Республике Казахстан выстроена двухуровневая модель. На территории Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) действует британское право, в рамках которого в 2024 году были приняты Правила деятельности в сфере цифровых активов, позволившие, в частности, запустить в июне 2025 года первый стейблкоин АхСНН, привязанный к офшорному юаню, для обслуживания внешнеторговых расчетов. На национальном уровне Национальный банк Казахстана в сентябре 2025 года запустил пилотный проект по выпуску стейблкоина в тенге (EVO/KZTE) на блокчейне Solana в рамках интеграции с инфраструктурой Mastercard и Евразийского банка [8; 11].

В Кыргызской Республике в рамках реализации Закона «О виртуальных активах» в конце 2025 года был зарегистрирован первый государственный стейблкоин USDKG, привязанный к доллару США и обеспеченный физическим золотом, хранящимся в резервах Министерства финансов [11]. Также в декабре 2025 года на бирже Binance был осуществлен листинг киргизского стейблкоина KGST, привязанного к сому.

В Республике Узбекистан с января 2026 года в рамках регуляторной «песочницы» Национального агентства перспективных проектов (НАПП) стейблcoins временно допущены к использованию в качестве платежного средства внутри страны, а в июле 2025 года осуществлен выпуск токена HUMO, обеспеченного государственными облигациями [8].

Противоположную, максимально жесткую позицию занимает Китайская Народная Республика. В феврале 2026 года Народный банк Китая совместно с профильными ведомствами опубликовал ряд заявлений, подтверждающих абсолютный запрет на любые операции с криптовалютами и стейблcoins внутри страны, мотивируя это защитой монетарного суверенитета и борьбой с легализацией преступных доходов [8]. Развитие цифровых финансовых технологий в КНР осуществляется исключительно через государственную цифровую валюту e-CNY [10].

Обзор зарубежного опыта показывает, что большинство юрисдикций отказалось от квалификации стейблcoins в качестве ценных бумаг, избрав модель специального регулирования, базирующуюся на признании стейблcoins суррогатами электронных денег или специфическими платежными инструментами, требующими обязательного 100-процентного резервного покрытия.

3. Режим иностранных цифровых прав (ИЦП) как канал легализации стейблcoins в РФ

Важнейшей вехой на пути формирования отечественного правового регулирования стейблcoins стало принятие Федерального закона от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ, который ввел в российское правовое поле категорию «иностранных цифровых прав» (ИЦП) [2; 8]. Так, ИЦП признаются обязательственные и иные права, выпуск, учет и обращение которых осуществляются в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом (за исключением иностранных ценных бумаг).

Введение института ИЦП открыло теоретическую возможность для интеграции зарубежных стейблcoins в российскую экономику. Практическая реализуемость данной модели была подтверждена прецедентом в сентябре 2025 года: российский оператор информационной системы ООО «Токены» (платформа «Токеон») впервые осуществил квалификацию иностранного стейблкоина A7A5 (эмитированного в Кыргызстане и обеспеченного рублевыми депозитами в банках) в качестве ИЦП, допустив его к официальному обращению на отечественной платформе [2; 8].

Однако, несмотря на прогрессивный характер данной новеллы, широкое использование ИЦП в качестве канала для легализации глобальных стейблcoins сталкивается с существенными правовыми барьерами, заложенными на уровне подзаконного регулирования Банка России. Указанием Банка России от 1 апреля 2025 года № 7036-У были утверждены дополнительные требования к ИЦП, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав на территории РФ. Данный документ устанавливает ряд жестких пресекающих условий, в частности:

- лицо, обязанное по ИЦП (эмитент), не должно являться резидентом «недружественного» иностранного государства;
- правила выпуска ИЦП и применимое право не должны предусматривать возможность рассмотрения споров на территории «недружественных» юрисдикций;

- в информационной системе должна отсутствовать техническая или юридическая возможность ограничения (блокировки) распоряжения активами со стороны эмитента.

Критерий отсутствия возможности односторонней блокировки активов эмитентом является критическим. Большинство глобальных обеспеченных стейблcoins функционируют на смарт-контрактах, которые содержат встроенную функцию «blacklist» (черный список), позволяющую эмитенту в одностороннем порядке замораживать токены на конкретных адресах без решения суда. Например, в марте 2025 года компания Tether Limited заблокировала около 27 млн долларов в USDT на кошельках, связанных с российской биржей Garantex [1].

Поскольку эмитенты крупнейших стейблcoins (USDT и USDC) зарегистрированы в юрисдикциях, прямо или косвенно контролируемых недружественными государствами, а технические параметры их смарт-контрактов предусматривают возможность удаленной заморозки токенов, данные активы не могут пройти процедуру квалификации в качестве ИЦП в соответствии с Указанием № 7036-У [2; 8]. Таким образом, наиболее ликвидный сегмент глобального рынка стабильных монет по-прежнему остается в России в «серой» правовой зоне, что вынуждает отечественные компании использовать их во внешнеторговых расчетах в условиях отсутствия специального правового режима и соответствующих гарантий судебной защиты.

4. Направления совершенствования российского законодательства о цифровых правах и цифровых валютах

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости комплексной модернизации российского законодательства с целью преодоления правового вакуума и создания надежной частноправовой основы для выпуска собственных стейблcoins и легализации наиболее востребованных иностранных стабильных токенов.

Первым концептуальным направлением должно стать реформирование легальной дефиниции цифровой валюты, закрепленной в ст. 1 Закона о ЦФА. Необходимо исключить из определения указание на то, что цифровая валюта не может являться международной расчетной единицей или денежной единицей иностранного государства, а также убрать обязательное условие об отсутствии обязанного лица [9]. Корректная частноправовая дефиниция должна строиться вокруг технологических и функциональных свойств актива (обращение в распределенном реестре, использование в качестве средства обмена или инвестиций), не ставя его правовую квалификацию в зависимость от наличия или отсутствия эмитента либо характера его признания за рубежом. Это позволит распространить режим цифровой валюты на все категории стейблcoins (как обеспеченные, так и алгоритмические).

Вторым, наиболее перспективным цивилистическим направлением является создание специального правового режима для стейблcoins, выпускаемых в российской юрисдикции, в рамках института цифровых финансовых активов. Как обосновывается в Докладе Банка России для общественных консультаций (2026 г.), такие инструменты могут быть законодательно определены как «номинальные цифровые финансовые активы» (номинальные ЦФА) [11]. Под номинальными ЦФА предлагается понимать разновидность цифровых прав, условия выпуска которых предусматривают их безусловное погашение (обратный выкуп) эмитентом в любое время по требованию владельца по фиксированной номинальной стоимости, без установления определенного срока погашения [11].

Частноправовой режим выпуска и обращения номинальных ЦФА (российских стейблcoins) должен базироваться на следующих принципах:

- Ограничение круга эмитентов. Правом выпуска номинальных ЦФА должны обладать исключительно кредитные организации (банки), финансовая устойчивость которых гарантируется соблюдением пруденциальных нормативов Банка России, либо специализированные общества (SPV), деятельность которых ограничена только выпуском стейблcoins под конкретное обеспечение [11].
- Жесткие требования к резервам (обеспечению). Для SPV-эмитентов должно быть установлено требование о формировании обособленного резервного пула активов в соотношении не менее 1:1 к объему выпущенных стейблcoins (с возможным избыточным покрытием в 2% для компенсации операционных рисков) [11]. Резервные активы должны размещаться исключительно в высоколиквид-

ных инструментах с низким уровнем риска (ОФЗ, сделки репо с центральным контрагентом, депозиты в системно значимых банках) под контролем специализированного депозитария [11].

- Отказ от начисления доходности. По аналогии с Genius Act в США и MiCA в ЕС, по номинальным ЦФА должен быть установлен императивный запрет на выплату процентов или инвестиционного дохода [11]. Данная мера необходима для того, чтобы стейблкоины не выступали в качестве суррогатов банковских вкладов и не провоцировали неконтролируемый отток ликвидности из традиционной банковской системы.

- Четкое разграничение сфер применения. В целях недопущения фрагментации денежного обращения и защиты конституционного статуса рубля как единственного законного платежного средства на территории РФ (ст. 75 Конституции РФ), использование номинальных ЦФА во внутренних расчетах между резидентами за товары, работы и услуги должно быть строго запрещено [12]. Сферой их легального использования должны выступать исключительно трансграничные расчеты по внешнеторговым контрактам, расчеты в криптосфере и совершение инвестиционных сделок на организованных площадках.

Внедрение предложенной модели позволит не только вывести трансграничные расчеты российского бизнеса из серой зоны, но и создаст надежные правовые гарантии защиты прав владельцев цифровых активов от рыночных и кредитных рисков эмитентов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что стейблкоины представляют собой сложный, гибридный правовой феномен, находящийся на стыке денежного, обязательственного и информационного права. Существующая в Российской Федерации нормативно-правовая база, заложенная Законом о ЦФА, обнаруживает очевидное догматическое несовершенство, не позволяя адекватно квалифицировать обеспеченные стейблкоины ни в качестве цифровой валюты, ни в качестве классических цифровых финансовых активов.

Опыт зарубежных стран (в особенности США, ЕС и государств Азиатско-Тихоокеанского региона) демонстрирует устойчивый вектор на создание специальных регуляторных режимов для стейблкоинов, основанных на признании их суррогатами электронных денег с жесткими требованиями к резервированию 1:1. Попытки использовать институт иностранных цифровых прав (ИЦП) для легализации глобальных стейблкоинов в России наталкиваются на непреодолимые требования Банка России об отсутствии у эмитентов возможности односторонней блокировки активов, что оставляет наиболее ликвидные мировые стабильные монеты за пределами легального поля.

Для решения указанных проблем представляется необходимым: во-первых, скорректировать легальное определение цифровой валюты, устранив зависимость квалификации от наличия обязанного лица и зарубежного регулирования; во-вторых, законодательно закрепить институт «номинальных цифровых финансовых активов» как отечественного аналога обеспеченных стейблкоинов. Данный подход позволит гармонично сочетать инновационный потенциал стабильных токенов в сфере трансграничных расчетов с необходимостью обеспечения финансовой стабильности и сохранения монетарного суверенитета Российской Федерации.

Литература

1. Александров Н.Л. Рынок стейблкоинов: анализ, классификация и перспективы // Финансы и кредит. 2025. № 12. С. 95-112.
2. Бирюков А.С. Обеспеченные стейблкоины как цифровые права // Хозяйство и право. 2025. № 8. С. 75-86.
3. Горбачева Т.А. Понятие стейблкоинов и актуальное состояние рынка стабильных монет // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 1. С. 126-139.
4. Егорова М.А., Белицкая А.В. Финансовая стабильность и «стабильные монеты» (стейблкоин): правовой аспект // Юрист. 2021. № 11. С. 2-7.

5. Никитин Д.В. Виды цифровых валют и специфика их правового режима // Образование и право. 2022. № 11. С. 168-173.
6. Никлаус В.С. О правовой природе и понятии стейблкоинов // Финансовое право. 2024. № 5. С. 34-37.
7. Новоселова Л.А., Медведева Т.М. О формировании правового режима стейблкоинов // Банковское право. 2021. № 6. С. 7-14.
8. Пепеляева Л.В. Новые направления использования стейблкоинов и вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 4. С. 48-61.
9. Переседов А.М. О совершенствовании законодательного определения цифровой валюты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 1 (168). С. 272-278.
10. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.
11. Стейблкоины: направления развития в России. Доклад для общественных консультаций / Департамент стратегического развития финансового рынка Банка России. М.: ЦБ РФ, 2026. 47 с.
12. Толстопятенко Г.П., Хозова Е.А. Правовое регулирование стейблкоинов в России и зарубежных странах // Финансовое право. 2026. № 5. С. 25-28.

Legal Regulation of Stablecoins in the Russian Federation Shishova V.D.

Verba Legal LLC

The article explores the theoretical and practical issues of the civil law classification and regulation of stablecoins in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the active use of stablecoins by Russian market participants under sanctions pressure and the need to develop adequate private law mechanisms for cross-border settlements. The author analyzes the legal nature of stablecoins through the prism of digital currency and digital rights (digital financial assets and utilitarian digital rights) as well as the foreign experience of stablecoin regulation. Based on the study, directions for improving Russian legislation are proposed, including the introduction of the concept of "nominal digital financial assets" and the exclusion of redundant criteria from the definition of digital currency.

Keywords: stablecoin, digital currency, digital financial assets, foreign digital rights, cross-border settlements.

References

1. Aleksandrov N.L. Rynok steiblkoinov: analiz, klassifikatsiya i perspektivy [The stablecoin market: analysis, classification, and prospects]. Finansy i kredit [Finance and Credit], 2025, no. 12, pp. 95–112. (In Russ.)
2. Biryukov A.S. Obespechennyye steiblkoiny kak tsifrovyye prava [Collateralized stablecoins as digital rights]. Khozyaystvo i pravo [Economy and Law], 2025, no. 8, pp. 75–86. (In Russ.)
3. Gorbacheva T.A. Ponyatiye steiblkoinov i aktualnoye sostoyaniye rynka stabilnykh monet [Stablecoins as a new word in the cryptocurrency market]. Finansovyy zhurnal [Financial Journal], 2022, vol. 14, no. 1, pp. 126–139. (In Russ.)
4. Egorova M.A., Belitskaya A.V. Finansovaya stabilnost i "stabilnyye monety" (steiblkoin): pravovoy aspekt [Financial stability and stablecoins: the legal aspect]. Yurist [Jurist], 2021, no. 11, pp. 2–7. (In Russ.)
5. Nikitin D.V. Vidy tsifrovyykh valyut i spetsifika ikh pravovogo rezhima [Types of digital currencies and specificity of their legal regime]. Obrazovanie i pravo [Education and Law], 2022, no. 11, pp. 168–173. (In Russ.)
6. Niklaus V.S. O pravovoy prirode i ponyatii steiblkoinov [On the legal nature and concept of stablecoins]. Finansovoe pravo [Financial Law], 2024, no. 5, pp. 34–37. (In Russ.)
7. Novoselova L.A., Medvedeva T.M. O formirovani pravovogo rezhima steiblkoinov [On the establishment of the legal regime for stablecoins]. Bankovskoe pravo [Banking Law], 2021, no. 6, pp. 7–14. (In Russ.)
8. Pepelyaeva L.V. Novyye napravleniya ispolzovaniya steiblkoinov i voprosy pravovogo regulirovaniya [Emerging applications of stablecoins and the legal-regulatory issues they raise]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law], 2026, no. 4, pp. 48–61. (In Russ.)
9. Peresedov A.M. O sovershenstvovani zakonodatel'nogo opredeleniya tsifrovoy valyuty [On improving the legislative definition of digital currency]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2026, no. 1 (168), pp. 272–278. (In Russ.)
10. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Tsifrovyye aktivy: pravovoy analiz: monografiya [Digital assets: a legal analysis: monograph]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)
11. Steiblkoiny: napravleniya razvitiya v Rossii. Doklad dlya obshchestvennykh konsultatsiy [Stablecoins: directions of development in Russia. Report for public consultations]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation Publ., 2026. 47 p. (In Russ.)
12. Tolstopyatenko G.P., Khozova E.A. Pravovoe regulirovaniye steiblkoinov v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Legal regulation of stablecoins in Russia and abroad]. Finansovoe pravo [Financial Law], 2026, no. 5, pp. 25–28. (In Russ.)

Отдельные аспекты правоприменительной практики оформления недвижимого имущества в собственность по приобретательной давности

Айвазян Саргис Акопович

старший преподаватель, Национальный исследовательский «Московский государственный строительный университет», a-sarkis@mail.ru,

Степанов Александр Владиславович

сотрудник отдела, реестра и капитализации интеллектуальной собственности, Национальный исследовательский «Московский государственный строительный университет», StepanovAV@gic.mgsu.ru

Краткая аннотация: в данной статье рассматриваются отдельные аспекты применения приобретательной давности для приобретения лицом права собственности на недвижимое имущество в силу давностного владения, выделяются проблемы в правоприменительной практике. Рассмотрены случаи использования института приобретательной давности для оформления прав на недвижимое имущество, когда добросовестность истца заведомо ставится под сомнение, а именно, случаи самозахвата земель и самовольной постройки.

Ключевые слова: приобретательная давность, давностное владение, непрерывность владения, презумпция государственной собственности на землю.

Приобретательная давность представляет собой способ приобретения лицом права собственности в силу давностного владения.

Институт приобретательной давности существует в мире уже многие столетия, однако в России он начал реально формироваться в начале 90-х годов прошлого столетия и это было связано в первую очередь с распадом СССР, перестройкой общественных отношений и формированием нового понимания частной собственности. Данные процессы нашли отражение в создаваемой в тот период законодательной базе, и в дальнейшем в современной редакции Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4].

На этом рубеже и в последующие 90-е годы, характеризующиеся переделом, активным созданием и хаотическим развитием новой капиталистической собственности, сложилась ситуация, когда некоторые граждане или организации стали годами владеть и пользоваться движимым и недвижимым имуществом, не имея на него права собственности.

Еще остается множество тянущихся с тех лет нерешенных имущественных вопросов в сельском хозяйстве, проблемы брошенного имущества и недвижимости различных ведомств, в том числе и силовых, отдельные физические и юридические лица на разных исторических этапах сменили гражданство и покинули страну, оставив в России собственность и свои проблемы и т.п.

Но, помимо доставшихся исторических проблем, каждый новый день рождает новые неурегулированные ситуации.

Например, такие случаи встречаются, когда собственник умер, при этом его собственность не была признана выморочной, а бывший арендатор, сосед или друг покойного пользуются жильем и оплачивают ЖКУ или налог на имущество.

В другом случае человек мог купить, получить в дар или другим законным путем завладеть имуществом, однако не провел государственную регистрацию сделки, и при этом документация, подтверждающая сделку, была потеряна.

Возможна и другая ситуация, когда на предприятии здание продолжительный период не зарегистрировано как собственность, но числится на балансе предприятия и эксплуатируется в производственной деятельности.

Приобретательная давность призвана защищать права действительного владельца, закрепляя за ним право собственности, тем самым возвращая в оборот имущество, утратившее своего хозяина.

В соответствии со ст. 234 ГК РФ «Лицо - гражданин или юридическое лицо, - не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом, в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность)». [4]

Лицо, которое считает себя собственником в силу давностного владения, вправе обратиться в суд с иском о признании за ним этого права.

Подинститут – приобретательная давность на практике является весьма непростым механизмом приобретения права собственности на недвижимость в силу неоднозначности требований, изложенных в ст. 234 ГК РФ и сложности их применения на практике.

Одним из основных документов, разъясняющих основания для оформления прав по приобретательской давности, является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» №10/22 от 29 апреля 2010 г. (далее Постановление № 10/22) [11].

В данном Постановлении № 10/22 при разрешении споров, связанных с возникновением права собственности в силу приобретательной давности, судам рекомендовано учитывать следующее:

- давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности;

- давностное владение признается открытым, если лицо не скрывает факта нахождения имущества в его владении. Принятие обычных мер по обеспечению сохранности имущества не свидетельствует о сокрытии этого имущества;

- непрерывность владения, а именно давностное владение признается непрерывным, если оно не прекращалось в течение всего срока приобретательной давности. В случае удовлетворения иска давностного владельца об истребовании имущества из чужого незаконного владения имевшая место ранее временная утрата им владения спорным имуществом перерывом давностного владения не считается. Передача давностным владельцем имущества во временное владение другого лица не прерывает давностного владения. Не наступает перерыв давностного владения также в том случае, если новый владелец имущества является сингулярным или универсальным правопреемником предыдущего владельца (пункт 3 статьи 234 ГК РФ);

владение имуществом как своим собственным означает владение не по договору. По этой причине статья 234 ГК РФ не подлежит применению в случаях, когда владение имуществом осуществляется на основании договорных обязательств (аренды, хранения, безвозмездного пользования и т.п.).

При этом добросовестность является важнейшим условием приобретения права собственности по давности владения имуществом. Принцип добросовестности означает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

В Постановлении от 26 ноября 2020 года № 48-П Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая сложившуюся практику применения статьи 234 ГК Российской Федерации, отмечал, что добросовестность давностного владельца применительно к конкретным обстоятельствам соответствующих судебных дел предполагает, что его вступление во владение не было противоправным, было совершено внешне правомерными действиями [5].

Именно добросовестность истца вызывает повышенное внимание при рассмотрении судебных дел по приобретательной давности, а также является предметом различных толкований в юридической среде. Вопросам оценки добросовестности давностного владельца уделяется много внимания Высших судов.

В рамках настоящей статьи предполагается рассмотреть случаи использования института приобретательной давности для оформления прав на недвижимое имущество, когда добросовестность истца заведомо ставится под сомнение, а именно случаи самозахвата земель и самовольной постройки.

Статья 234 ГК РФ позволяет оформить права на земельный участок по приобретательной давности.

Через суд по давности владения можно оформить в собственность:

1. Участок, являющийся бесхозным.

Как отмечается в Постановлении № 10/22 по смыслу статей 225 и 234 ГК РФ предварительная постановка бесхозного недвижимого имущества на учет государственным регистратором по заявлению органа местного самоуправления, на территории которого оно находится (в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге - по заявлениям уполномоченных органов этих городов), и последующий отказ судом в признании права муниципальной собственности (или права собственности городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга) на эту недвижимость не являются необходимым условием для приобретения права частной собственности на этот объект третьими лицами в силу приобретательной давности.

2. Участок, принадлежащий на праве собственности другому частному лицу.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2019 года № 4-КГ19-55 и последующем Постановлении Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П [10] отмечается, что для приобретения права собственности в силу приобретательной давности достаточным является то, что титульный собственник в течение длительного времени устранился от владения вещью, не проявляет к ней интереса, не исполняет обязанностей по ее содержанию, вследствие чего

вещь является фактически брошенной собственником. Не является обязательным, чтобы собственник совершил активные действия, свидетельствующие об отказе от собственности, или объявил об этом. Например, по приобретательной давности получается оформить заброшенные ранее земельные участки СНТ, которые использовались долгие годы, например, владельцем соседнего участка.

Можно перечислить случаи, когда приобретательная давность не работает в отношении земельных участков.

В первую очередь это относится к случаям, когда земля числится за публично-правовым образованием (муниципалитетом, субъектом Российской Федерации, Российской Федерацией), не стоит на учете или ограничена в обороте.

Также это не получится в случае земель, изъятые из оборота. В соответствии с п. 2 ст. 27 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством (например, государственные природные заповедники и национальные парки, земли лесного фонда, земли, занятые силовыми структурами и т.д.) [2].

Таким образом, следует добавить, что вопросы применения субинститута приобретательной давности на земельные участки помимо ГК РФ регулируются положениями ЗК РФ, который уточняет некоторые вопросы земельных правоотношений.

Не работает приобретательная давность при отсутствии добросовестности, когда владелец изначально знал, что участок ему не принадлежит (например, незаконно захватил землю или построил дом на чужой земле).

Также следует добавить, что нельзя оформить владение земельным участком, если лицо пользовалось землей на основании договора (аренда, безвозмездное пользование), а не как собственник.

Препятствием для оформления земли будет факт, что владелец скрывал факт пользования участком от окружающих и властей.

Наряду с описанными выше случаями, имеют место попытки самозахвата земель, которые еще не переданы в частную собственность и возникает ощущение, что они никому не принадлежат.

В Российской Федерации на сегодняшний день по объективным причинам на значительной доле земель земельные участки не сформированы и не поставлены на кадастровый учет.

Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в силу многих причин не в полной мере могут отследить законность занятия земли и в результате этих объективных причин, по истечении 15 лет ее владелец идет в суд доказывать и признавать право собственности.

Особенность гражданско-правового регулирования земельных отношений заключается в том, что пунктом 2 статьи 214 ГК Российской Федерации и пунктом 1 статьи 16 Земельного кодекса Российской Федерации закрепляется презумпция государственной собственности на землю, согласно которой земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью.

При этом как в ГК РФ, так и ЗК РФ содержатся достаточно общие положения, поэтому в правоприменении важную роль играют разъяснения высших судебных инстанций.

Так в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасьева Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации» [6] отмечается, что в условиях действующей презумпции государственной собственности на землю и наличия на территории Российской Федерации значительного количества нераспределенной земли сама по себе несформированность земельного участка и отсутствие государственной регистрации права собственности публичного образования на него не означает, что соответствующее публичное образование фактически отказалось от своего права собственности или проявляет безразличие к правовой судьбе этого земельного участка.

Соответственно, для любого добросовестного и разумного участника гражданских правоотношений должно быть очевидным, что земли, на которых земельные участки не сформированы и не

поставлены на кадастровый учет, относятся к государственной собственности и что само по себе отсутствие такого учета не свидетельствует о том, что они являются бесхозными.

Действующее законодательство запрещает любое самовольное, совершенное без каких-либо правовых оснований занятие земельного участка или части земельного участка. Такие действия являются противоправными и влекут наложение санкций согласно ст. 7.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации делает вывод, что исходя из положений п. 2 ст. 214 ГК РФ, п. 1 ст. 16 ЗК РФ и ст. 7.1 КоАП РФ, занятие без каких-либо правовых оснований несформированного земельного участка, заведомо для владельца относящегося к публичной собственности, не может рассцениваться как не противоправное, совершенное внешне правомерными действиями, т.е. добросовестное и соответствующее требованиям абзаца первого п. 1 ст. 234 ГК РФ.

Другой случай попыток оформления прав на недвижимое имущество через приобретательную давность, это когда добросовестность истца заведомо ставится под сомнение, что является легализацией самовольных построек.

Легализация самовольной постройки — это юридическая процедура признания права собственности на объект недвижимости, возведенный без необходимых разрешений, с нарушениями градостроительных норм или на нецелевом участке. Она имеет две основные цели — избежать сноса и оформить необходимые правоустанавливающие документы.

Однако следует понимать, что подинститут приобретательной давности и институт легализации приобретательной давности имеют различную правовую природу, цели и задачи. Приобретательная давность позволяет приобрести право на уже легально существующую вещь через длительное владение, а легализация самовольной постройки направлена на оформление прав на недвижимость, которая юридически не существует, путем легализации ранее сделанных нарушений при соблюдении условий, установленных законом. В обоих случаях основным инструментом для достижения поставленных целей является обращение с иском в суд. При этом в случае легализации самовольной постройки возможно на первом этапе предпринять попытки использования административных процедур для достижения цели.

В статье 222 ГК РФ четко прописывает условия, при которых становится возможной легализация нарушений, ранее сделанных при строительстве. Согласно данной статье право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, при одновременном соблюдении следующих условий:

- если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта;
- если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям;
- если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Изначально позиция по вопросу использования приобретательной давности для легализации самовольных построек была изложена в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ от 09.07.2003 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2003 года», где было указано, что приобретательная давность не может распространяться на самовольно возведенное строение, расположенное на неправомерно занимаемом земельном участке. Данная позиция практически исключает возможность использования приобретательной давности для легализации самовольных построек [7].

Данные подходы нашли отражение и в судебной практике того периода.

Вместе с тем в п. 12 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» [12] указано, что право собственности на самовольную постройку, созданную без получения

необходимых разрешений, может быть приобретено в силу приобретательной давности лицом, добросовестно, открыто и непрерывно владеющим ею как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет, если сохранение такой постройки не создает угрозу жизни и здоровью граждан. Данная позиция Президиума ВАС РФ противоречила позиции Верховного Суда РФ и выглядела как попытка послабления существующей ситуации.

Позднее, незадолго до роспуска ВАС РФ, в «Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014), было еще раз разъяснено, что приобретательная давность не может распространяться на случаи, когда в качестве объекта владения и пользования выступает самовольно возведенное строение, в том числе расположенное на неправомерно занимаемом земельном участке. В подобной ситуации отсутствует такое необходимое условие, как добросовестность застройщика, так как, осуществляя самовольное строительство, лицо должно было осознавать отсутствие у него оснований для возникновения права собственности. Тогда как лишь совокупность всех перечисленных в ст. 234 ГК РФ условий (добросовестность, открытость и непрерывность владения как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет) является основанием для приобретения права собственности на это имущество в силу приобретательной давности. [9]

Данная позиция Верховного Суда РФ являлась однозначной и не допускала иных трактовок. Однако несмотря на это наблюдались отдельные попытки использовать приобретательную давность для легализации самовольных построек.

Еще раз вопросы разрешения юридических и исторических коллизий, возникающих при попытках использования приобретательной давности для легализации самовольных построек, нашли отражение в «Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) [9].

Верховный Суд указал на то, здания, строения и сооружения нежилого назначения, построенные до 1 января 1995 г., в силу закона не могут быть признаны самовольными постройками. Правообладатель земельного участка, владеющий объектом недвижимого имущества нежилого назначения, построенного до 1 января 1995 г., как своим собственным добросовестно, открыто и непрерывно в течение пятнадцати лет, вправе обратиться за признанием права собственности на такой объект, если он возведен без нарушения строительных и градостроительных требований и не создает угрозы жизни и здоровью граждан.

Свою позицию Верховный Суд обосновал тем, что действовавшее до 1 января 1995 г. законодательство (статья 109 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.) предусматривало снос (безвозмездное изъятие) в качестве самовольных построек только жилых домов (дач), построенных гражданами. Следовательно, здания, строения и сооружения нежилого назначения, построенные до 1 января 1995 г., в силу закона не могут быть признаны самовольными постройками [1].

Изложив свою позицию, Верховный Суд определил, что использования приобретательной давности для защиты самовольной постройки возможно исключительно для нежилых помещений и установил исторические границы таких возможностей – соответственно, если нежилой объект возведен до 1 января 1995 г., то правообладатель участка, владеющий таким объектом, вправе обратиться за признанием права собственности на него по приобретательной давности, если владеет им как собственным добросовестно, открыто и непрерывно в течение пятнадцати лет, и объект возведен без нарушения строительных и градостроительных требований и не создает угрозы жизни и здоровью граждан. После этой даты признание права собственности на объект самовольного строительства возможно исключительно согласно п. 3 ст. 222 ГК РФ.

Кроме того, Верховный Суд указал, что отсутствие в деле о приобретательной давности разрешения на строительство и на ввод объекта недвижимости в эксплуатацию свидетельствует о том, что возникшие правоотношения регулируются нормами о самовольной постройке и суду надлежит рассмотреть такие дела в порядке п. 3 ст. 222 ГК РФ, как иск о признании права собственности на объект самовольного строительства.

Таким образом, разъяснения Высших Судов Российской Федерации четко регламентируют позиции судов в правоприменительной практике использования приобретательной давности в случаях самозахвата земель и для легализации самовольной постройки.

Литература

1. «Гражданский кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/?ysclid=mp8jco126r385545495 (дата обращения: 16.05.2026);
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета от 30 октября 2001 г. № 211-212;
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета от 31 декабря 2001 г. № 256;
4. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // «Российская газета» от 8 декабря 1994 г. № 238-239;
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2020 № 48-П «по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // Официальное опубликование правовых актов. Официальный интернет-портал правовой информации, (www.pravo.gov.ru), номер опубликования: 0001202012010006; дата опубликования: 01.12.2020;
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасьева Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400285781/?ysclid=mp8htcsohn101706229> (дата обращения: 16.05.2026);
7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 09.07.2003 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2003 года» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», 2003, № 12;
8. «Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014) // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431506/?ysclid=mp8j3ud0js427432257 (дата обращения: 15.05.2026);
9. «Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431506/?ysclid=mp8j6xofod874265207 (дата обращения: 15.05.2026);
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2019 № 4-КГ19-55, 2-598/2018 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604689&ysclid=mp8gbglbtj808814662#OwclnJVgJVlQPn7r1> (дата обращения: 16.05.2026);
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» №10/22 от 29 апреля 2010 г. (далее Постановление № 10/22) // «Вестник ВАС РФ», № 6, 2010;
12. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2010 г. № 143 «Об Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081895/?ysclid=mp8itcq5as619824024> (дата обращения: 15.05.2026).

Certain Aspects of Law Enforcement Practice in Registering Real Estate Ownership by Adverse Prescription

Ayvazyan S.A., Stepanov A.V.

National Research University of Civil Engineering

Short Abstract: this article examines specific aspects of the application of acquisitive prescription for acquiring ownership of real estate through adverse possession, and highlights problems in law enforcement practice. Cases of using the institution of acquisitive prescription to formalize rights to real estate are considered, where the good faith of the claimant is knowingly called into question, namely, cases of land seizure and unauthorized construction.

Keywords: acquisitive prescription, prescription, continuity of possession, presumption of state ownership of land.

References

1. "Civil Code of the RSFSR" (approved by the Supreme Council of the RSFSR on June 11, 1964) // [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/?ysclid=mp8jco126r385545495 (accessed: May 16, 2026);
2. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001, No. 136-FZ // Rossiyskaya Gazeta of October 30, 2001, No. 211-212;
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta of December 31, 2001, No. 256;
4. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta of December 8, 1994, No. 238-239;
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 26, 2020, No. 48-P "on the case of reviewing the constitutionality of paragraph 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Volkov" // Official publication of legal acts. Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru), publication number: 0001202012010006; publication date: 01.12.2020;
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 11, 2021 No. 186-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Ivanovich Afanasyev regarding the violation of his constitutional rights by the first paragraph of clause 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation" // [Electronic resource] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400285781/?ysclid=mp8htcsohn101706229> (date of access: 16.05.2026);
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2003, "Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2003" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", 2003, No. 12;
8. "Review of judicial practice in cases related to unauthorized construction" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 19, 2014) // [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431506/?ysclid=mp8j3ud0js427432257 (date of access: May 15, 2026);
9. "Review of judicial practice in cases related to unauthorized construction" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 16, 2022) // [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431506/?ysclid=mp8j6xofod874265207 (date accessed: May 15, 2026);
10. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 22, 2019 No. 4-KG19-55, 2-598/2018 // [Electronic resource] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604689&ysclid=mp8gbglbtj808814662#OwclnJVgJVlQPn7r1> (date of access: May 16, 2026);
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation "On certain issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights" No. 10/22 of April 29, 2010 (hereinafter Resolution No. 10/22) // "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", No. 6, 2010;
12. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 9, 2010 No. 143 "On the Review of Judicial Practice on Certain Issues of the Application of Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation by Arbitration Courts" // [Electronic resource] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081895/?ysclid=mp8itcq5as619824024> (date of access: 05/15/2026).

Ответственность за нарушение обязательств при использовании искусственного интеллекта

Балибардина Наталья Геннадиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры "Гуманитарные дисциплины", Себряковского филиала Волгоградский государственный технический университет, nn_nn11@mail.ru

В статье исследуются проблемы гражданско-правовой ответственности, возникающие при использовании технологий искусственного интеллекта (ИИ) в обязательственных отношениях. Актуальность темы обусловлена широким распространением автономных систем, действия которых могут приводить к нарушению договорных и внедоговорных обязательств. Автор анализирует правовую природу ИИ как объекта гражданских прав, рассматривает условия договорной и деликтной ответственности, включая вину, причинную связь и противоправность. Особое внимание уделено сложности установления вины оператора или разработчика при автономном поведении алгоритмов. На основе сравнительного анализа российского законодательства, зарубежного опыта Европейского союза и Соединённых Штатов Америки, а также доктринальных позиций предлагается ввести презумпцию ответственности владельца (оператора) ИИ, механизмы обязательного страхования и ограничить ответственность разработчика при отсутствии дефектов. В работе обосновывается необходимость внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации или принятия отдельного федерального закона, регулирующего ответственность за действия систем ИИ. Выводы статьи могут быть использованы в законотворческой деятельности и в дальнейших научных исследованиях в области цифрового права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, нарушение обязательств, договорная ответственность, источник повышенной опасности, вина, автономные системы.

Введение

Внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различные сферы экономики и повседневной жизни порождает новые вызовы для гражданского права. Автономные программные комплексы, способные принимать решения без непосредственного участия человека, все чаще участвуют в исполнении договорных обязательств, начиная от алгоритмической торговли на финансовых рынках и заканчивая системами автоматического управления беспилотным транспортом. При этом правовое регулирование данных отношений остается фрагментарным, а действующее законодательство не содержит специальных норм об ответственности за действия ИИ.

В российской цивилистической доктрине уже сложились определённые подходы к правовой природе ИИ (Архипов В.В., Наумов В.Б., Морхат П.М., Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. и др.), однако вопросы ответственности за нарушения обязательств, вызванные автономными системами, разработаны недостаточно. Зарубежные исследования (Resolutions of the European Parliament, AI Act proposal, работы Barfield W., Pagallo U.) предлагают различные модели, но их адаптация к российской правовой системе требует критического осмысления.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении ключевых теоретических и практических проблем ответственности за нарушение обязательств, возникающих при использовании ИИ, и формулировании предложений по совершенствованию гражданского законодательства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать правовую природу ИИ и определить возможных субъектов ответственности; выявить трудности применения традиционных условий ответственности (вины, причинной связи) в контексте автономных алгоритмов; оценить зарубежные подходы и выработать рекомендации по имплементации эффективных механизмов распределения рисков.

Методологическая основа исследования

Методологическую базу работы составляют как общенаучные, так и специальные юридические методы познания. С помощью диалектического метода исследованы противоречия между классическими конструкциями ответственности и новыми технологическими реалиями. Формально-юридический метод применён для толкования норм Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), а также для выявления пробелов в действующем регулировании. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российские правовые подходы с законодательными инициативами Европейского союза (Резолюция Европарламента 2017 г., проект Регламента об ИИ) и доктриной США (ответственность за качество продукции). Системный анализ использован для построения целостной модели ответственности владельца, разработчика и оператора ИИ. Эмпирической основой послужили материалы судебной практики по делам о беспилотных транспортных средствах, а также научные публикации, приведённые в списке литературы. Применение названных методов обеспечило достоверность полученных результатов и обоснованность выносимых предложений.

Результаты исследования

1. Правовая природа ИИ и определение ответственного субъекта

Определение ответственного субъекта требует прежде всего уяснения правовой природы ИИ. В российской цивилистической доктрине преобладает точка зрения, согласно которой ИИ представляет собой объект гражданских прав, а именно программу для электронно-вычислительных машин или сложный технический комплекс, не обладающий правосубъектностью [3, с. 50; 5, с. 78]. Из этого следует, что ИИ не может самостоятельно нести юридическую ответственность, а его действия рассматриваются как действия лиц, осуществляющих использование или контроль за системой. Однако высокая степень автономности современных алгоритмов, основанных

на машинном обучении, ставит под сомнение возможность механического применения классических моделей ответственности, построенных на вине и причинной связи [6, с. 35].

В обязательственных правоотношениях ИИ может выступать в двух основных качествах. В первом случае он служит инструментом исполнения обязательства, например программой для автоматической обработки заказов. Во втором случае ИИ генерирует юридически значимые действия самостоятельно, как это происходит в смарт-контрактах, которые без участия человека исполняют условия сделки. В первой ситуации ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства возлагается на должника по общим нормам обязательственного права. Во второй ситуации возникает вопрос о возможности квалификации действий ИИ как волеизъявления самого обязанного лица, особенно если программа действовала автономно и ее решение не было заранее предопределено оператором.

2. Трудности применения условий договорной ответственности

Общие положения ГК РФ устанавливают, что должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства при наличии вины, если иное не предусмотрено законом или договором (пункт 1 статьи 401 ГК РФ). В сфере предпринимательской деятельности ответственность наступает независимо от вины, за исключением случаев непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401 ГК РФ). Использование ИИ порождает специфические трудности, связанные с установлением вины, причинной связи и квалификацией обстоятельств, освобождающих от ответственности.

Понятие вины как психического отношения лица к своим действиям и их последствиям плохо применимо, когда вредоносное решение принято алгоритмом без непосредственного участия человека. Если система ИИ обучена на больших массивах данных и способна к самообучению, ее поведение может быть непредсказуемым для оператора, что размывает классическое понимание умысла или неосторожности. В научной литературе предлагается заменить категорию вины категорией риска, когда лицо, эксплуатирующее ИИ, принимает на себя риск возможных негативных последствий его работы [4, с. 30]. Такой подход согласуется с концепцией ответственности за источник повышенной опасности (статья 1079 ГК РФ), которая может применяться по аналогии закона.

Причинно-следственная связь между действиями ИИ и нарушением обязательства также не всегда очевидна из-за сложности алгоритма и множества факторов, влияющих на его решение. Например, если автоматизированная система управления запасами ошибочно отменила поставку, трудно установить, явилось ли это следствием дефекта программы, ошибки входных данных или действий самого должника. Это создает значительные трудности в доказывании и распределении бремени доказывания.

Непреодолимая сила как основание освобождения от ответственности вряд ли может охватывать сбои в работе ИИ, поскольку такие сбои обычно не являются чрезвычайными и непредотвратимыми. Проводитель и оператор обязаны обеспечивать надежность системы, а ее отказ следует рассматривать как обычный предпринимательский риск. Отказ алгоритма вследствие ошибки в программном коде не может быть признан чрезвычайным обстоятельством, поскольку мог быть предотвращен при надлежащем тестировании.

3. Неопределенность субъектного состава

Ключевой вопрос состоит в том, кто должен нести ответственность за нарушение обязательства, вызванное действиями ИИ: владелец системы, ее разработчик (производитель) или лицо, непосредственно использующее ИИ (оператор). Российское право не дает четкого ответа, поэтому необходимо обратиться к общим принципам обязательственного права и аналогии закона.

Если ИИ используется стороной договора для исполнения своего обязательства, то по смыслу статьи 402 ГК РФ должник отвечает за действия третьих лиц, на которых возложено исполнение, если законом не установлено иное. ИИ не является субъектом права, поэтому его можно рассматривать как инструмент в руках должника, и ответственность должен нести сам должник. Однако если вред причинен вследствие конструктивных недостатков ИИ, должник вправе в порядке регресса обратиться к производителю на основании норм о качестве товара или договора на разработку программного обеспечения (статьи 469, 475 ГК РФ). Прямой связи между потерпевшим кредитором и разработчиком не возникает, если только разработчик не является стороной договора.

В деликтных обязательствах ситуация сложнее. Если ИИ причиняет вред третьему лицу, не состоящему в договорных отношениях с владельцем, применяются нормы главы 59 ГК РФ. Статья 1064 ГК РФ закрепляет общий принцип ответственности за вину, однако статья 1079 ГК РФ устанавливает ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Использование автономных ИИ-систем, например беспилотных автомобилей, может быть квалифицировано как такая деятельность, что влечет безвиновную ответственность владельца источника повышенной опасности [11, с. 68]. Такой подход возлагает риск эксплуатации сложной техники на ее владельца, а не на потерпевшего.

4. Процессуальные сложности доказывания

Специфика ИИ порождает значительные сложности в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела. По общему правилу, установленному статьей 56 Гражданского процессуального кодекса РФ и статьей 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается. Применительно к нарушению обязательства, вызванному действиями ИИ, кредитор должен доказать факт нарушения, размер убытков и причинную связь между действиями ИИ и наступившими последствиями. Однако именно причинная связь часто оказывается наиболее труднодоказуемой из-за непрозрачности алгоритмов, известной как проблема черного ящика.

Для преодоления указанных трудностей целесообразно использовать специальные процессуальные механизмы. Владелец (оператор) ИИ должен быть обязан раскрывать информацию о работе системы, включая техническую документацию, журналы событий и при необходимости исходный код. В случае отказа от предоставления таких доказательств суд может применить неблагоприятные процессуальные последствия, предусмотренные частью 1 статьи 68 Гражданского процессуального кодекса РФ или частью 3.1 статьи 70 Арбитражного процессуального кодекса РФ, когда удержание доказательств позволяет считать признанными обстоятельства, на которые ссылается другая сторона. Законодательное закрепление презумпции вины владельца ИИ существенно упростит положение потерпевшей стороны.

Обсуждение

Возникает вопрос о справедливости распределения ответственности, если владелец не мог контролировать поведение ИИ из-за его автономности. В этом контексте полезен зарубежный опыт. Резолюция Европейского парламента 2017 года предлагала ввести специальный правовой статус для электронных лиц и создать систему обязательного страхования ответственности для роботов [8]. Хотя данная идея не получила развития в законодательстве Европейского союза, проект Регламента об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act) предусматривает дифференцированный подход в зависимости от уровня риска ИИ, включая требования к прозрачности и человеческому контролю [9]. Для высокорисковых систем может устанавливаться строгая ответственность оператора с возможностью регресса к производителю при наличии дефекта.

В Соединенных Штатах Америки судебная практика по делам, связанным с автономными системами, развивается в направлении применения доктрины ответственности за качество продукции (product liability). Производитель несет ответственность за дефекты, делающие продукт небезопасным. Применительно к ИИ это означает, что разработчик может быть привлечен к ответственности, если его алгоритм содержит ошибку, приведшую к нарушению обязательства. Однако данный подход не решает проблему, когда ИИ действует правильно, но его решение оказалось неверным из-за неполноты данных или непредвиденных обстоятельств.

Сопоставляя различные модели, можно выделить три основных подхода к ответственности за вред от ИИ: субсидиарная ответственность владельца (с возможностью регресса к разработчику), безвиновная ответственность владельца как за источник повышенной опасности и солидарная ответственность владельца и разработчика в зависимости от причин сбоя. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Российское законодательство в настоящее время не выбирает ни одну из этих моделей, что порождает правовую неопределенность и увеличивает транзакционные издержки участников оборота.

С учетом высокой степени автономности современных ИИ-систем представляется обоснованным возложить основной риск на

владельца (оператора), который получает экономическую выгоду от использования технологии и находится в наилучшем положении для управления рисками (страхование, мониторинг, техническое обслуживание). Однако это не должно освобождать разработчика от ответственности в случаях, когда вред вызван конструктивным дефектом алгоритма. Поэтому в Обсуждении предлагается дифференцированный подход: владелец отвечает перед потерпевшим без вины, но имеет право регрессного требования к разработчику при доказанности недостатков программы. Такая конструкция соответствует общим принципам обязательственного права и уже апробирована в странах с развитым законодательством о робототехнике.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в гражданский оборот требует адаптации института гражданско-правовой ответственности. Действующие нормы ГК РФ, построенные на концепциях вины и причинной связи, не позволяют эффективно решать вопросы ответственности за нарушение обязательств, возникшее вследствие автономных действий ИИ. Основные трудности связаны с определением вины оператора, установлением причинной связи и распределением рисков между владельцем, разработчиком и пользователем.

На основе анализа российского законодательства и зарубежного опыта предлагается следующий комплекс мер:

Законодательно закрепить презумпцию ответственности владельца (оператора) ИИ за вред, причиненный автономными действиями системы, если он не докажет, что вред возник вследствие обстоятельств непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Это позволит защитить слабую сторону (кредитора) и стимулировать владельцев к надлежащему контролю и страхованию.

Ввести обязательное страхование ответственности для владельцев ИИ-систем, относящихся к категории высокого риска (автономный транспорт, медицинские роботы, финансовые алгоритмы). Страхование обеспечит компенсацию потерпевшим даже в случаях, когда у владельца недостаточно средств.

Установить ограниченную ответственность разработчика ИИ: производитель несет ответственность за дефекты алгоритма, но освобождается от нее, если докажет, что дефект возник вследствие неправильной эксплуатации или модификации системы пользователем. Это соответствует общим нормам о качестве товара (статья 476 ГК РФ).

Разработать специальные правила доказывания для споров, связанных с ИИ, возложив на владельца (оператора) обязанность предоставлять техническую документацию и данные о работе системы, а при отказе применять процессуальную презумпцию вины.

В качестве дополнительной меры можно рассмотреть возможность введения ограниченной правосубъектности для сложных автономных систем с созданием компенсационных фондов, как предлагалось в европейской доктрине, однако данная мера требует осторожности, поскольку может привести к уходу от ответственности реальных лиц.

Указанные предложения могут быть реализованы путем внесения изменений в главу 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и главу 59 ГК РФ об обязательствах вследствие причинения вреда, а также принятия специального федерального закона, регулирующего оборот ИИ. Дополнительно необходимо гармонизировать предлагаемые нормы с Федеральным законом от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ, который в настоящее время регулирует экспериментальный правовой режим для ИИ в городе Москве, но не затрагивает вопросы ответственности.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку детальных нормативных положений с учетом технологических особенностей различных классов ИИ, а также на анализ практики применения предлагаемых механизмов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2705.

3. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46–62.

4. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

5. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

6. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.

7. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union. 2018. C 252. P. 239–257.

8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // COM/2021/206 final.

9. Barfield W., Pagallo U. Advanced Introduction to Law and Artificial Intelligence. Edward Elgar Publishing, 2020. 224 p.

Liability for breach of obligations in the use of artificial intelligence Balibardina N.G.

Sebryakovsky Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volgograd State Technical University"

The article examines the problems of civil liability arising from the use of artificial intelligence (AI) technologies in contractual relations. The relevance of the topic is due to the widespread use of autonomous systems whose actions may lead to the breach of contractual and non-contractual obligations. The author analyzes the legal nature of AI as an object of civil rights, considers the conditions of contractual and tort liability, including fault, causation and wrongfulness. Particular attention is paid to the difficulties of establishing the fault of the operator or developer in the autonomous behavior of algorithms. Based on a comparative analysis of Russian legislation, foreign experience of the European Union and the United States of America, as well as doctrinal positions, it is proposed to introduce a presumption of liability of the owner (operator) of AI, mechanisms of compulsory insurance and limit the liability of the developer in the absence of defects. The paper substantiates the need to amend the Civil Code of the Russian Federation or adopt a separate federal law regulating liability for the actions of AI systems. The conclusions of the article can be used in law-making activities and in further scientific research in the field of digital law.

Keywords: artificial intelligence, civil liability, breach of obligations, contractual liability, source of increased danger, fault, autonomous systems.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.
2. Federal Law of April 24, 2020, No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation — the Federal City of Moscow" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Article 2705.
3. V.V. Arkhipov, V.B. Naumov. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in the Context of Law: On the Development of a Law on Robotics // Proceedings of SPIIRAS. 2017. No. 6. pp. 46–62.
4. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a Robot Be a Subject of Law? (Search for Legal Forms for Regulating the Digital Economy) // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. pp. 24–48.
5. Morhat P.M. Artificial Intelligence: A Legal View. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p.
6. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Legal Nature of New Digital Assets // Zakon. 2018. No. 9. pp. 86–95.
7. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union. 2018. C 252. P. 239–257.
8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // COM/2021/206 final.
9. Barfield W., Pagallo U. Advanced Introduction to Law and Artificial Intelligence. Edward Elgar Publishing, 2020. 224 p.

Пределы применения статьи 333 ГК РФ в обязательствах с участием государственных органов

Белкин Семён Яковлевич

аспирант, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Belkin-semon@yandex.ru

В статье анализируется проблема применения судами статьи 333 ГК РФ к законной неустойке, установленной частью 7 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ. Обосновывается, что массовое снижение судами минимального размера пеней в государственных контрактах противоречит императивной воле законодателя и нивелирует стимулирующую функцию неустойки. Автором выявлен гражданско-правовой парадокс, при котором диспозитивная норма общей части ГК РФ подменяет специальное регулирование контрактной системы. Предложено дополнить статью 333 ГК РФ частью 4, ограничивающей применение правил об уменьшении неустойки к законной неустойке в государственных закупках, за исключением случаев явно несоразмерных последствий, не связанных с предпринимательским риском. Сделан вывод о необходимости восстановления баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: неустойка, законная неустойка, статья 333 ГК РФ, государственные закупки, снижение неустойки, судебское усмотрение, контрактная система, баланс интересов.

Введение

В настоящее время в гражданском обороте неустойка является одним из самых популярных средств обеспечения исполнения обязательства – она дает возможность кредитору быстро отстоять свои права без установления факта и суммы убытка. Особенность применения этого института в сфере государственных закупок. При рассмотрении споров арбитражные суды массово применяют статью 333 ГК РФ, уменьшая и без того минимальную законную неустойку, руководствуясь ее «компенсационным» характером и ссылаясь на отсутствие доказательств соразмерных убытков у государства. Появляется гражданско-правовой парадокс – законодатель установил минимальную величину ответственности в специальном законе, а суды на основании диспозитивной нормы общей части ГК РФ фактически отменяют указанную императивно установленную законодателем санкцию (снижают ее до нуля), тем самым лишая неустойку стимулирующего характера. В результате получается преференция нарушителю – подрядчику.

Цель данной работы – определить границы судебного усмотрения при использовании ст. 333 ГК РФ для установления размера законной неустойки по государственному контракту и предложить меры ограничения данного усмотрения через изменение гражданского законодательства.

Чтобы раскрыть содержание данной проблемы рассмотрим правовую основу законной неустойки. Законная неустойка, в отличие от договорной (размер которой определяется сторонами договора) устанавливается государством в императивном порядке [2, с. 38]. В отношении государственных закупок это становится более актуально – усиливается публичный интерес на обеспечение своевременного выполнения обязательств по исполнению контрактов.

С точки зрения М. В. Вронской, Ю. В. Ехлаковой, существующая практика применения ст. 333 ГК РФ далеко не всегда позволяет использовать неустойку как средство стимулирования к исполнению обязательства, это обусловлено тем, что закон не содержит однозначных критериев явной несоразмерности и содержит оценочные понятия [3, с. 15]. Для государственного контракта данная проблема является актуальной в связи с необоснованным расширительным применением оценочных категорий.

Согласно ст. 333 ГК РФ суд имеет возможность снизить размер неустойки в случае ее явного несоответствия последствиям ненадлежащего исполнения обязательства – это правило было адресовано прежде всего договорной неустойке (судебное снижение возможно только если стороны установили завышенный размер санкций). При использовании данного правила для законной неустойки возникает парадоксальная ситуация [6, с. 140].

Изучение судебной практики показывает систематическую практику снижения законом установленной неустойки по Закону № 44-ФЗ по ст. 333 ГК РФ. При этом суды мотивируют это отсутствием убытков для государства (что неверно применительно к публичным отношениям). Во-первых, компенсирующая функция неустойки и отсутствие доказательств убытков [7, с. 279]. Применительно к государственным контрактам эта оценочность превращается в произвол, поскольку суды снижают неустойку, не учитывая, что она выполняет стимулирующую и превентивную функции, а не только компенсационную.

Ущерб от нарушения государственного контракта состоит не только из материальных потерь. Это прежде всего провал во времени выполнения социальной программы, нерациональное расходование бюджетных денег, утрата авторитета системы государственных закупок. Как верно отмечает К. С. Рыжков, опрос о балансе между судебным усмотрением и унификацией применения права в подобных ситуациях ситуация очень актуальна: у судей большая свобода действия – это приводит к отсутствию стабильности закона [8, с. 110]. При этом, как отмечает Е.Б. Абакумова, главным аргументом для снижения судом неустойки является ее явная несоразмерность последствиям нарушения обязательства, которую судьи оценивают, опираясь на свои представления о роли и функциях неустойки, что порождает чрезмерное судебское усмотрение [1, с. 247]. Применяя статью 333 ГК РФ, суды фактически действуют по

аналогии с ситуацией диспаритетных условий договора, описанной А.И. Орловой, но в корне меняют природу правоотношений: если в коммерческих спорах суд защищает слабую сторону от явно несправедливого условия, то в споре с государством он защищает профессионального подрядчика от минимальной санкции, установленной законом [7, с. 280].

Результатом данной процедуры является неоправданное обогащение недобросовестного исполнителя и непосредственное уменьшение имущества казны [9, с. 60]. При государственных договорах все наоборот - здесь суды допускают занижение там, где его быть не должно – тоже ведет к неуверенности. Сущность парадокса заключается в том, что конфликтная ситуация: специальный закон (44-ФЗ) имеет императивный характер и определяет минимальную величину ответственности; общая норма (ст. 333 ГК РФ) носит диспозитивный характер - дает возможность снижения данной ответственности судом.

Логический аспект парадокса состоит в том, что если законодатель установил минимальный размер неустойки, то его снижение судом означает выход за рамки установленного законом минимума, что противоречит смыслу императивной нормы. Зимнева С.В. и Лукьяненко М.Ф. в своем исследовании приходят к выводу, что при наличии утвержденного судом соглашения последующее изменение судом его условий ставит под сомнение значимость такого соглашения и его особенность как инструмента, направленного на прекращение правового конфликта на взаимоприемлемых условиях [4, с. 120]. В случае с государственным контрактом ситуация еще более остра: суд изменяет не соглашение сторон, а императивное предписание закона.

Функциональный аспект заключается в том, что законная неустойка в государственных контрактах выполняет стимулирующую и предупредительную функцию. Ее снижение сводит на нет эти функции. И.А. Иванников в исследовании применения статьи 333 ГК РФ к договорным штрафам в электронной коммерции отмечает, что традиционные методы снижения неустойки зачастую не учитывают специфику договоров присоединения и доминирующего положения одной из сторон [5, с. 73]. В сфере государственных закупок подрядчик, безусловно, не является «слабой» стороной в классическом понимании, однако практика снижения неустойки создает у него иллюзию безнаказанности, что стимулирует недобросовестное поведение.

Экономический аспект парадокса очевиден: бюджет недополучает значительные денежные средства, которые могли бы быть направлены на социальные нужды. Чердакова Л.А. и Торгаева Д.С., анализируя проблемы правовой природы неустойки в свете реформы гражданского законодательства, приходят к выводу, что дальнейшее развитие института должно идти не по пути ограничения судебного усмотрения, а по пути выработки более четких и предсказуемых критериев оценки соразмерности [10, с. 578]. Однако в отношении государственных контрактов, полагаем, необходим именно ограничительный подход, поскольку законодатель уже установил четкий критерий – минимальный размер.

Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что Закон № 44-ФЗ императивно требует взыскания неустойки в установленном размере. Стороны лишены возможности снизить её договором. При этом суды на основе оценочных категорий совершают действия, которые стороны сделать не вправе. В результате возникает правовая неопределенность, что противоречит принципу приоритета права.

В свете обозначенных проблем предлагается дополнить ст. 333 ГК РФ специальным ограничительно-обязательным положением – для охраны государственных интересов только с помощью гражданского права о лимитировании дискреции суда.

Предлагается дополнить статью 333 ГК РФ частью 4 следующего содержания: «Правила об уменьшении неустойки не применяются, если размер неустойки определен законом (законная неустойка) и установлен в минимальном размере, предусмотренном специальным федеральным законом, регулирующим закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, за исключением случаев, когда должник докажет, что взыскание неустойки в таком размере приведет к явно несоразмерным последствиям, не связанным с предпринимательским риском».

Данная новелла содержит три ключевых элемента. Запрет на уменьшение законной неустойки является основным ограничителем судебного усмотрения. Он направлен на недопущение снижения и без того минимальной законной неустойки и восстановление импе-

ративности специальной нормы. Исключение из запрета предоставляет должнику возможность доказывания явно несоразмерных последствий, не связанных с предпринимательским риском. Это выполняет функцию «предохранительного клапана», предотвращающего злоупотребления со стороны заказчика. Бремя доказывания возлагается на должника, который должен доказать не просто наличие убытков, а именно явную несоразмерность взыскания, вызванную чрезвычайными обстоятельствами. А.А. Рябков в исследовании о снижении неустойки финансовым уполномоченным приходит к выводу, что снижение неустойки должно осуществляться в исключительных случаях и с обязательным указанием мотивов [9, с. 61]. Настоящая новелла имплементирует этот подход: исключительным является не снижение, а отказ от снижения в пользу сохранения законной неустойки.

Следует отметить, что предлагаемая новелла не нарушает баланса интересов сторон, поскольку законная неустойка по Закону № 44-ФЗ уже является минимальной и сбалансированной. Снижение данной неустойки нарушает публичный баланс в пользу подрядчика, что не соответствует принципам справедливости и добросовестности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Сложившаяся практика массового применения статьи 333 ГК РФ к законной неустойке, установленной статьей 34 Закона № 44-ФЗ, является юридически необоснованной и нарушающей публичные интересы. Суды, снижая минимальный размер законной неустойки, фактически подменяют законодателя и нарушают принцип верховенства закона. Существующая практика создает необоснованное преимущество для недобросовестных подрядчиков и ухудшает имущественное положение казны. Суммарный ущерб бюджета от снижения неустоек по государственным контрактам исчисляется миллиардами рублей, что недопустимо в условиях ограниченности бюджетных средств.

Литература

1. Абакумова Е.Б. Дискуссионные вопросы правоприменительной практики по снижению неустойки судом в соответствии со ст. 333 ГК РФ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – Т. 5. – №. 3 (19). – С. 244-250.
2. Вронская М. В. Сравнительно-правовое исследование применения неустойки как обеспечительной меры в России и зарубежных странах // Право и политика. – 2023. – №. 11. – С. 35-50.
3. Вронская М. В., Ехлакова Ю. В. Проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве // Юридические исследования. – 2023. – №. 11. – С. 14-25.
4. Зимнева С. В., Лукьяненко М. Ф. О возможности применения статьи 333 ГК РФ к мировому соглашению: «двойное» освобождение от ответственности или обеспечение баланса интересов сторон // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – №. 3 (172). – С. 114-123.
5. Иванников И. А. Применение статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к договорным штрафам в электронной коммерции // Закон и право. – 2025. – №. 6. – С. 72-76.
6. Нагдалян Д. А. Взыскание неустойки и компенсации при несоблюдении условий корпоративного договора // Юридическая наука. – 2023. – №. 8. – С. 139-145.
7. Орлова А. И. Диспаритетный характер условия договора о неустойке как основание для её снижения судом // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №. 5 (233). – С. 279-281.
8. Рыжков К. С. Соотношение судебного усмотрения и единообразного применения правовых норм в гражданском и арбитражном процессе // Экономика. Право. Общество. – 2023. – Т. 8. – №. 1. – С. 108-119.
9. Рябков А. А. О возможности снижения неустойки уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг // Право и управление. – 2024. – №. 6. – С. 59-65.
10. Чердакова Л. А., Торгаева Д. С. Проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях неустойки в свете реформы гражданского законодательства // Право и управление. – 2026. – №. 4. – С. 577-580.

Limits of application of article 333 of the civil code of the Russian Federation in contracts involving government agencies

Belkin S.Ya.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article analyzes the courts' application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to the statutory penalty established by Part 7 of Article 34 of Federal Law No. 44-FZ. It is argued that the courts' widespread reduction of the minimum penalty in government contracts contradicts the legislator's imperative will and negates the incentive function of the penalty. A civil law paradox is identified, in which the optional provision of the General Part of the Civil Code of the Russian Federation replaces the specific regulation of the contract system. It is proposed to supplement Article 333 of the Civil Code with Part 4, limiting the application of the rules on penalty reduction to statutory penalties in government procurement, except in cases of clearly disproportionate consequences unrelated to entrepreneurial risk. It is concluded that it is necessary to restore the balance between public and private interests.

Keywords: penalty, statutory penalty, Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, public procurement, penalty reduction, judicial discretion, contract system, balance of interests.

References

1. Abakumova E. B. Controversial issues of law enforcement practice on reducing penalties by the court in accordance with Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. - 2021. - Vol. 5. - No. 3 (19). - Pp. 244-250.
2. Vronskaya M. V. Comparative legal study of the use of penalties as an interim measure in Russia and foreign countries // Law and Politics. - 2023. - No. 11. - Pp. 35-50.
3. Vronskaya M. V., Ekhlakova Yu. V. Problematic aspects of the practice of reducing penalties in Russian civil law // Legal studies. - 2023. - No. 11. - P. 14-25.
4. Zimneva S. V., Lukyanenko M. F. On the Possibility of Applying Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a Settlement Agreement: "Double" Exemption from Liability or Ensuring a Balance of Interests of the Parties // Current Issues of Russian Law. - 2025. - Vol. 20. - No. 3 (172). - P. 114-123.
5. Ivannikov I. A. Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to Contractual Fines in E-Commerce // Law and Government. - 2025. - No. 6. - P. 72-76.
6. Nagdalyan D. A. Collection of Penalties and Compensation for Failure to Comply with the Terms of a Corporate Agreement // Legal Science. - 2023. - No. 8. - P. 139-145.
7. Orlova A. I. Disparity in the nature of the contractual clause on penalties as a basis for their reduction by the court // Law and State: Theory and Practice. - 2024. - No. 5 (233). - P. 279-281.
8. Ryzhkov K. S. The relationship between judicial discretion and uniform application of legal norms in civil and arbitration proceedings // Economics. Law. Society. - 2023. - Vol. 8. - No. 1. - P. 108-119.
9. Ryabkov A. A. On the possibility of reducing penalties by the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services // Law and Management. - 2024. - No. 6. - P. 59-65.
10. Cherdakova L. A., Torgaeva D. S. Problems of the legal nature and use of penalties in contractual relations in light of the reform of civil legislation // Law and Management. - 2026. - No. 4. - P. 577-580.

Проблемы применения штрафных санкций за непредоставление расчетно-калькуляционных материалов

Белкин Семён Яковлевич

аспирант, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Belkin-semon@yandex.ru

Статья посвящена проблеме квалификации нарушения срока предоставления расчетно-калькуляционных материалов в рамках государственного оборонного заказа. Анализируется коллизия между положениями Федерального закона № 44-ФЗ, предусматривающего взыскание пеней за просрочку, и Постановления Правительства № 1042, устанавливающего фиксированный штраф за факт нарушения, не носящий длящегося характера. Рассматривается разрозненная судебная практика по данному вопросу. На основе разграничения штрафа и пени как видов неустойки обосновывается вывод о длящемся характере рассматриваемого правонарушения. В данной статье предлагаются меры по устранению правовой неопределенности на уровне доктринального разъяснения Верховного Суда РФ и законодательных изменений. Вносится предложение о закреплении в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ правовой позиции, признающей непредоставление расчетно-калькуляционных материалов в установленный срок длящимся правонарушением. Обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений в статью 34 Федерального закона № 44-ФЗ с целью исключения применения фиксированного штрафа вместо пеней за весь период просрочки.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, расчетно-калькуляционные материалы, длящееся нарушение, неустойка, штраф, пеня, Постановление Правительства № 1042, Федеральный закон № 44-ФЗ.

В системе государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) расчетно-калькуляционные материалы (далее – РКМ) выступают ключевым элементом обоснования цены контракта, являясь инструментом финансового контроля со стороны государства. Своевременное представление этих документов обеспечивает прозрачность ценообразования и минимизацию бюджетных рисков. Однако в правоприменительной практике сложилась устойчивая коллизия, связанная с квалификацией нарушения срока предоставления РКМ: является ли данное деяние однократным фактом нарушения или же оно носит длящийся характер. От разрешения этого вопроса зависит выбор между взысканием фиксированного штрафа и начислением пеней за каждый день просрочки, что кардинальным образом влияет на объем взыскиваемых денежных средств и фискальные интересы государства.

Анализ нормативной базы показывает наличие внутреннего противоречия между положениями Федерального закона № 44-ФЗ и подзаконными актами. Согласно части 7 статьи 34 Закона № 44-ФЗ, в случае просрочки исполнения поставщиком обязательств заказчик вправе требовать уплаты пени, которая начисляется за каждый день просрочки в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального Банка Российской Федерации. Данный механизм призван стимулировать должника к скорейшему исполнению обязанности. В то же время Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 № 1042, конкретизирующее порядок определения неустойки, устанавливает штраф в фиксированной сумме за факт нарушения, «если данное нарушение не носит длящегося характера» [1, с. 25].

Именно это условие порождает двойственное толкование. Как справедливо отмечают исследователи институтов ГОЗ, подрядчики стремятся интерпретировать нарушение срока сдачи документов как однократное действие, утверждая, что факт нарушения наступил в момент истечения срока и, следовательно, дальнейшее бездействие не должно квалифицироваться как новое нарушение [3, с. 287]. С позиции цивилистической логики и интересов государственного заказчика, пока РКМ не переданы и цена контракта не обоснована, обязательство остается неисполненным, а неудобства и риски для бюджета сохраняются на ежедневной основе [9, с. 105]. Таким образом, длящееся неисполнение денежного или документарного обязательства должно автоматически влечь применение механизма пеней, а не фиксированного штрафа.

Судебная практика по данному вопросу демонстрирует разрозненность подходов. В ряде дел суды вставали на сторону государственного заказчика, взыскивая пени за весь период просрочки, мотивируя это тем, что обязательство не прекращается истечением срока его исполнения, а нарушение не устранено. Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в Постановлении от 13.03.2023 по делу № А53-33646/2022 прямо сослался на правовую позицию Верховного Суда РФ, изложенную в Определении от 09.03.2017 № 302-ЭС16-14360 и в пункте 36 Обзора судебной практики применения законодательства о контрактной системе (утвержден Президиумом ВС РФ 28.06.2017) [11]. В указанных разъяснениях содержится вывод о том, что пеня за просрочку подлежит начислению вплоть до момента прекращения обязательства, а штраф за факт нарушения может взыскиваться одновременно только в случае полного неисполнения, повлекшего односторонний отказ от контракта. Данная позиция активно применяется судами округов при обосновании взыскания пеней за весь период просрочки исполнения обязательства. В других случаях суды, следуя формальному прочтению пункта Постановления № 1042, соглашались с доводами подрядчиков о необходимости взыскания лишь однократного штрафа, лишая бюджет значительных сумм законной неустойки.

Показательным в этом отношении является Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.02.2026 № Ф05-23139/2025 по делу № А40-66530/2025, в котором суд указал, что просрочка предоставления РКМ (не имеющего стоимостного выражения) не дает оснований для начисления пени от цены контракта, поскольку ответственность должна устанавливаться в виде фиксированного штрафа по Постановлению № 1042 [12]. Такая разрозненность свидетельствует о том, что Пленум Верховного Суда РФ пока

не дал однозначных разъяснений относительно квалификации данного вида правонарушений, что оставляет пространство для злоупотреблений [5, с. 41].

Институт неустойки, закрепленный в статье 330 ГК РФ, дифференцирует штраф и пеню. Штраф традиционно применяется за разовое нарушение, которое уже состоялось и не может быть «продолжено» (например, поставка некачественного товара). Пеня же рассчитана на стимулирование должника к выполнению обязанности, которая для него остается возможной и в будущем [6, с. 65]. В данном случае обязательство по предоставлению РКМ существует на протяжении всего срока действия контракта до момента его фактической сдачи. Следовательно, нарушение срока его исполнения по своей природе является длящимся, так как неисполнение сохраняется во времени и усугубляется бездействием исполнителя. Игнорирование данного признака нарушает принцип недопустимости извлечения преимущества из своего незаконного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ) и противоречит компенсационной природе гражданско-правовой ответственности [8, с. 85].

Ситуация усугубляется тем, что в сфере ГОЗ расчетно-калькуляционные материалы имеют специфическую ценность. Как справедливо указывает А. Р. Пурге, отсутствие своевременного документального обоснования цены фактически делает невозможным контроль за целевым использованием бюджетных средств, что нарушает интересы не только заказчика, но и государства в целом [8, с. 87]. Исполнитель, ссылающийся на «однократный» нарушения, по сути, затягивает проверку цены, сохраняя возможность применить более высокие расценки, что подтверждает опасения исследователей о несовершенстве мониторинга ГОЗ [10, с. 155].

Представляется необходимым формирование единообразного подхода на двух уровнях. На уровне судебной доктрины Верховному Суду РФ в соответствующем Постановлении Пленума целесообразно закрепить правовую позицию, согласно которой нарушение срока предоставления расчетно-калькуляционных материалов является длящимся правонарушением. Условие о штрафе, установленное Постановлением Правительства, к данным обязательствам применяться не должно; ответственность подлежит исчислению в виде пеней в порядке, предусмотренном Законом № 44-ФЗ, вплоть до момента фактического исполнения обязательства [2, с. 57].

На законодательном уровне для устранения коллизии рекомендуется внесение изменений в статью 34 Федерального закона № 44-ФЗ либо в профильный Закон № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». Предлагается дополнить законодательство положением, прямо признающим данное нарушение длящимся и устанавливающим, что взыскание фиксированного штрафа не освобождает подрядчика от уплаты пеней за весь период задержки [4, с. 137]. Это обеспечит не только формальную определенность, но и эффективную защиту государственных интересов, исключив практику взыскания мизерных сумм взамен реальной компенсации потерь бюджета. Подобный подход полностью согласуется с теорией обязательственного права, разделяющей разовые и длящиеся правонарушения, и соответствует целям правового регулирования в сфере оборонного заказа [7, с. 145].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема квалификации нарушения срока предоставления расчетно-калькуляционных материалов в рамках государственного оборонного заказа имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение для бюджета государства. Коллизия, порожденная несовершенством формулировок Постановления Правительства № 1042 и норм Федерального закона № 44-ФЗ, сегодня используется недобросовестными подрядчиками как инструмент минимизации своей ответственности, что объективно снижает эффективность финансового контроля в сфере ГОЗ [1, с. 68].

Избранный в работе подход, основанный на разграничении штрафа и пени как видов неустойки, показывает, что длящееся нарушение не может быть «погашено» уплатой фиксированной суммы. Пока обязательство не исполнено, государство продолжает нести риски, связанные с необоснованным ценообразованием, а потому пеня представляет собой адекватный механизм компенсации этих рисков [3, с. 290].

Предложенные на двух уровнях меры — как доктринальное разъяснение со стороны Верховного Суда РФ, так и законодательное уточнение в 44-ФЗ или 275-ФЗ — направлены на устранение правовой неопределенности. Принятие таких решений позволит унифицировать судебную практику, исключить ее разрозненность и

восстановить баланс интересов сторон контракта, который в настоящее время смещен в пользу исполнителя [8, с. 88].

Следует отметить, что разрешение обозначенной коллизии не является частным вопросом договорной дисциплины. Оно затрагивает основы бюджетного контроля и эффективности расходования средств, выделяемых на оборону. От того, насколько быстро правовая система отреагирует на существующую проблему, зависит не только фискальная безопасность государства, но и стабильность всей контрактной системы в оборонной сфере.

Литература

- Алешин К. Н. Место законодательства о государственном оборонном заказе в правовой системе Российской Федерации //Труды Академии управления МВД России. — 2026. — №. 2 (78). — С. 64-71.
- Белик А. А. Государственный контракт между заказчиком и головным исполнителем как правовое средство исполнения государственного оборонного заказа //Проблемы науки. — 2025. — №. 1 (88). — С. 55-59.
- Вотченко И. А., Петухова М. В., Кокорев А. С. Теоретические и практические аспекты реализации государственного оборонного заказа Российской Федерации //Образование и право. — 2025. — №. 1. — С. 285-292.
- Газизова А. Ф., Фирсова Н. В. Гражданская правосубъектность граждан: понятие и содержание //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — №. 12-2. — С. 136-138.
- Матанцев Д. А. Деликтоспособность как элемент гражданской правосубъектности физических лиц //Юридическая наука. — 2021. — №. 12. — С. 39-43.
- Останина Е. А. Волевая теория гражданской правосубъектности физического лица //Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2026. — №. 2. — С. 59-80.
- Павлов Д. М. Особенности, проблемы и пути их решения при строительстве в рамках государственного заказа, а также государственного оборонного заказа //Образование и право. — 2021. — №. 12. — С. 142-148.
- Пурге А. Р. Особенности гражданско-правового регулирования государственного оборонного контракта в России //Административное и муниципальное право. — 2023. — №. 2. — С. 80-90.
- Семенцова А. А., Кузнецов В. И. Государственное управление формированием и размещением государственного оборонного заказа //Образование и право. — 2020. — №. 1. — С. 102-109.
- Терюхов Я. И., Сосков М. Н. Совершенствование мониторинга реализации государственного оборонного заказа в современных условиях //Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2025. — Т. 15. — №. 5. — С. 149-159.
- Постановление от 13 марта 2023 г. по делу № А53-33646/2022 — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PcWjNdQOQ51R/#3> (дата обращения: 30.08.2026)
- Постановление АС Московского округа от 03.02.2026 № Ф05-23139/2025 по делу № А40-66530/2025 — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/78ad67ca-78f6-4617-8c06-32e089476246> (дата обращения: 30.08.2026)

Problems of applying penalties for failure to submit costing and calculation data Belkin S.Ya.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article examines the classification of late submission of costing and calculation data for state defense procurement. It analyzes the conflict between the provisions of Federal Law No. 44-FZ, which provides for late payment penalties, and Government Resolution No. 1042, which establishes a fixed fine for a non-continuing violation. The disparate judicial practice on this issue is examined. Based on the distinction between fines and penalties as types of penalties, the conclusion regarding the continuing nature of the offense in question is substantiated. This article proposes measures to eliminate legal uncertainty through the doctrinal clarification of the Supreme Court of the Russian Federation and legislative amendments. A proposal is made to enshrine in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation the legal position recognizing the failure to submit costing and calculation data within the established timeframe as a continuing offense. The need for appropriate amendments to Article 34 of Federal Law No. 44-FZ is substantiated to eliminate the use of a fixed fine instead of penalties for the entire period of delay.

Keywords: state defense procurement, calculation and costing materials, continuing violation, penalty, fine, penalty, Government Resolution No. 1042, Federal Law No. 44-FZ.

References

1. Aleshin K. N. The Place of Legislation on State Defense Orders in the Legal System of the Russian Federation // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2026. - No. 2 (78). - P. 64-71.
2. Belik A. A. State Contract between the Customer and the Prime Contractor as a Legal Means of Execution of the State Defense Order // Problems of Science. - 2025. - No. 1 (88). - P. 55-59.
3. Votchenko I. A., Petukhova M. V., Kokorev A. S. Theoretical and practical aspects of the implementation of the state defense order of the Russian Federation // Education and Law. - 2025. - No. 1. - Pp. 285-292.
4. Gazizova A. F., Firsova N. V. Civil legal personality of citizens: concept and content // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. - 2021. - No. 12-2. - Pp. 136-138.
5. Matantsev D. A. Delictual capacity as an element of civil legal personality of natural persons // Legal Science. - 2021. - No. 12. - Pp. 39-43.
6. Ostanina E. A. The volitional theory of civil legal personality of a natural person // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2026. - No. 2. - Pp. 59-80.
7. Pavlov D. M. Features, problems and ways to solve them in construction within the framework of state orders and state defense orders // Education and Law. - 2021. - No. 12. - Pp. 142-148.
8. Purge A. R. Features of civil law regulation of the state defense contract in Russia // Administrative and Municipal Law. - 2023. - No. 2. - Pp. 80-90.
9. Sementsova A. A., Kuznetsov V. I. State management of the formation and placement of the state defense order // Education and Law. - 2020. - No. 1. - Pp. 102-109.
10. Teryukhov Ya. I., Soskov M. N. Improving the monitoring of the implementation of the state defense order in modern conditions // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. - 2025. - Vol. 15. - No. 5. - Pp. 149-159.
11. Resolution of March 13, 2023, in case No. A53-33646/2022 - URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PcWjNdQQQ51R/#3> (accessed on August 30, 2026)
12. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of February 3, 2026, No. F05-23139/2025 in case No. A40-66530/2025 - URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/78ad67ca-78f6-4617-8c06-32e089476246> (accessed on August 30, 2026)

Правовой статус резидента территорий опережающего развития: проблемы реализации и прекращения

Горынкин Сергей Дмитриевич

аспирант, Государственный университет управления, goryn_98@mail.ru

В статье исследуется правовой статус резидента территорий опережающего развития на стадиях его приобретения, реализации и прекращения. Выявляется комплексный характер данного статуса, обусловленный сочетанием публично-правового механизма предоставления специального режима и договорного регулирования инвестиционной деятельности. Особое внимание уделяется правообразующему значению внесения сведений о резиденте в реестр, гарантиям стабильности условий осуществления деятельности и проблеме соразмерности последствий нарушения инвестиционных обязательств. Обосновывается необходимость законодательного закрепления критериев существенности нарушения соглашения об осуществлении деятельности и предоставления резиденту возможности устранения допущенного нарушения до инициации процедуры расторжения соглашения.

Ключевые слова: территория опережающего развития, резидент ТОР, правовой статус, инвестиционная деятельность, соглашение об осуществлении деятельности, государственная поддержка, прекращение статуса.

Территории опережающего развития (далее – ТОР) являются одним из инструментов государственной инвестиционной политики, основанной на установлении специального правового режима предпринимательской деятельности. Центральным субъектом соответствующих правоотношений выступает резидент ТОР, поскольку именно посредством реализации инвестиционных проектов резидентов достигаются цели создания и функционирования таких территорий.

Правовой основой института является Федеральный закон от 29.12.2014 №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» [1]. Ключевым субъектом режима ТОР выступает резидент ТОР, правовое положение которого характеризуется наличием специальных прав, обязанностей, гарантий и ограничений. А.Р. Абдуллина, рассматривая статус резидента в своей статье «Правовой статус резидентов территорий опережающего социально-экономического развития», отмечает, что в содержание статуса резидента юридические гарантии и ответственность включены наряду с правами и обязанностями. [3, с. 33-38] В.Е. Варавенко в своей статье «Легальное определение понятия «резидент территории опережающего социально-экономического развития»: проблемы толкования» обращает внимание на значение законодательного закрепления признаков резидента для определения круга субъектов специального режима. [4]

Актуальность исследования обусловлена развитием законодательства о ТОР и необходимостью обеспечения баланса между стабильностью условий деятельности инвестора и надлежащим исполнением им инвестиционных обязательств.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей правового статуса резидента ТОР на стадиях его приобретения, реализации и прекращения, а также в формулировании предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Приобретение статуса резидента ТОР

Согласно ст.2. Федерального закона №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» резидентом ТОР является индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, соответствующие установленным законом требованиям, заключившие соглашение об осуществлении деятельности и включенные в реестр резидентов. [1]

Исходя из этого, приобретение специального статуса представляет собой не единичный юридический факт, а юридический состав, включающий соответствие заявителя установленным требованиям, подачу и рассмотрение заявки, принятие положительного решения, заключение соглашения и включение в реестр.

В соответствии с п.10 ст.13. Федерального закона №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» управляющая компания вносит запись о регистрации лица в качестве резидента в реестр в установленный законом срок после заключения соглашения об осуществлении деятельности. При этом согласно п.12 ст.13 указанного закона индивидуальный предприниматель или юридическое лицо признаются резидентами ТОР с даты внесения записи в соответствующей записи в реестр резидентов. [1]

Следовательно, заключение соглашения является необходимым условием приобретения статуса, а юридически значимым моментом его возникновения выступает внесение записи в реестр. Аналогичный подход отражен в практике Верховного Суда Российской Федерации. [6]

Содержание правового статуса определяется одновременно законодательством и соглашением об осуществлении деятельности. Как отмечает М.А. Демина в своей статье «Правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития» специфика режима ТОР заключается в установлении особых условий предпринимательской деятельности на определенной территории. [5, с. 154-158]

В соответствии со ст.14. Федерального Закона №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» резидент принимает на себя обязательства по осуществлению предусмотренной соглашением деятельности в установленных объеме и

сроки. [1] Таким образом, специальный режим основывается на взаимосвязи предоставляемых преимуществ и инвестиционных обязательств.

При этом наличие статуса резидента ТОР само по себе не означает на все предусмотренные налоговые преимущества. Например, статья 284.4. Налогового Кодекса Российской Федерации устанавливает дополнительные требования для применения специальных ставок по налогу на прибыль [2]. Следовательно, статус резидента ТОР необходимо разграничивать с правом на применение конкретной налоговой преференции.

С 2026 г. Дополнительное значение приобрела гарантия стабильности правового положения инвестора. Статья 31.1. Федерального закона №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» предусматривает для соответствующих резидентов пятнадцатилетнюю гарантию неприменения актов и решений, ухудшающих условия осуществления предусмотренной соглашением деятельности. [1]

Прекращение статуса и проблема соразмерности

В соответствии со ст. 15. Федерального Закона №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» соглашение может быть расторгнуто по соглашению сторон или по решению суда, в частности при существенном нарушении его условий. К существенным нарушениям со стороны резидента относятся неосуществление предусмотренной деятельности, нарушение инвестиционных обязательств и иные установленные законом обязательства. Кроме того, стороны вправе определить в соглашении дополнительные действия, признаваемые существенными нарушениями. [1]

Последнее положение представляется особый научно-практический интерес, в связи с тем, что прекращение соглашения влечет не только обычные договорные последствия, но и, согласно ст. 16 Федерального Закона №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации», утрату специального статуса резидента ТОР. [1]

При этом нарушения инвестиционных обязательств могут существенно различаться. Полный отказ от реализации проекта и временное нарушение срока при фактическом осуществлении основной части инвестиций объективно имеют различную степень общественной и экономической значимости.

По мнению автора, механизм прекращения статуса должен учитывать принцип соразмерности нарушения его правовым последствиям. В связи с этим автор предлагает закрепить в ст. 15. Федерального Закона №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» критерии существенности нарушения: его продолжительность, объем фактически осуществленных инвестиций, степень реализации проекта, причины нарушения и возможности устранения.

Для устранимых нарушений целесообразно предусмотреть предварительное уведомление резидента ТОР и предоставление разумного срока для исполнения обязательств. Утрата статуса в таком случае должна выступать крайней мерой воздействия, применяемой при невозможности или отказе резидента устранить существенное нарушение.

Такой подход приобретает особое значение в условия введения законодательной гарантии стабильности деятельности резидентов. Представляется последовательным распространять принцип стабильности не только на внешние условия реализации инвестиционного проекта, но и на механизм прекращения специального правового статуса.

Заключение

Правовой статус резидента ТОР представляет собой специальное правовое положение субъекта предпринимательской деятельности, возникающее с момента внесения соответствующей записи в реестр и предполагающее сочетание предоставляемых преимуществ и инвестиционных обязательств.

Основной проблемой действующего регулирования видится возможность установления соглашением дополнительных существенных нарушений, способных повлечь прекращение соглашения

и утрату статуса резидента ТОР, при отсутствии законодательно закрепленных критериев оценки их существенности.

Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости распространения принципа стабильности правового положения резидента на механизм прекращения его специального статуса. Предлагается законодательно закрепить критерии существенности нарушения соглашения и предусмотреть возможность устранения резидентом нарушения до расторжения соглашения, если характер нарушения допускает такое устранение.

Предложенный подход позволит обеспечить баланс между интересом государства в надлежащей реализации инвестиционных проектов и интересом резидента в стабильности условий предпринимательской деятельности.

Литература

1. Федеральный Закон от 29.12.2014 №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (ред. От 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. №1. (ч.1) ст.26.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст.3340
3. Абдуллина А.Р. Правовой статус резидентов территорий опережающего социально-экономического развития // Налоги и налогообложение 2018. №10 С. 33-38 DOI: 10.7256/2454-065X.2018.10.26336
4. Варавенко В.Е. Легальное определение понятия «резидент территорий опережающего социально-экономического развития»: проблемы толкования // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016
5. Демина М.А. Правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №3 С. 154-158.
6. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 19.02.2020 № АКПИ19-935

Legal status of a resident of an advanced development territory: problems of exercise and termination

Gorynkin S.D.

State University of Management

The article examines the legal status of a resident of an advanced development territory at the stages of its acquisition, exercise and termination. The study identifies the complex nature of this status, which combines the public-law mechanism for granting a special legal regime with contractual regulation of investment activities. Particular attention is paid to the legal significance of entering information about resident in the relevant register. Guarantees of stability of business conditions, and the proportionality of consequences arising from violations of investment obligations. The author substantiates the need to establish statutory criteria for determining a material breach of an agreement on the conduct of activities and to provide residents with an opportunity to remedy violations before initiating the procedure for termination of agreement.

Keyword: advanced development territory, resident of advanced development territory, legal status, investment activity, agreement on the conduct of activities, state support, termination of a resident status.

References

1. Federal Law No. 473-FZ of December 29, 2014, "On Territories of Advanced Development in the Russian Federation" (as amended on August 4, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 1 (Part 1), Art. 26.
2. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) No. 117-FZ of August 5, 2000 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 32, Art. 3340.
3. Abdullina A.R. Legal status of residents of territories of advanced socio-economic development // Taxes and Taxation. 2018. No. 10, pp. 33–38. DOI: 10.7256/2454-065X.2018.10.26336.
4. Varavenko V.E. Legal definition of the concept "resident of territories of advanced socio-economic development": interpretation issues // Customs Policy of Russia in the Far East. 2016.
5. Demina M.A. Legal regime for conducting entrepreneurial activity in territories of advanced socio-economic development // Gaps in Russian Legislation. 2016. No. 3, pp. 154–158.
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. AKPI19-935 dated February 19, 2020.

Проблемы исполнения договора на выполнение научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы

Еремеева Юлия Михайловна
выпускник, РГУП, hlhjulia@mail.ru,

Воронина Ирина Вячеславовна
выпускник, РГУП, hlhjulia@mail.ru,

Карнатов Владислав Максимович
студент, РАНХиГС, v.karnatov22@mail.ru,

Ремизова Юлия Александровна
выпускник, РГУП, remizova.sk@yandex.ru

Статья посвящена проблемам правового регулирования сделок, связанных с проведением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Рассмотрены наиболее актуальные проблемы, встречающиеся в ходе правоприменительной практики в рассматриваемой сфере. На основании проведенного анализа, основанного на имеющейся судебной практике, приведены оптимальные решения, направленные на минимизацию правовых рисков при заключении договоров научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также разработаны предложения по совершенствованию действующего гражданского законодательства в части защиты прав на результаты интеллектуальной собственности и средств индивидуализации.

Ключевые слова: договор на выполнение научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы, НИОКР, гражданско-правовые отношения, НИР, ОКР, интеллектуальные права.

На протяжении всей истории человечества научно-технический прогресс оказывал колоссальное воздействие на все аспекты жизни общества. Отмечая значимость интеграции достижений науки и техники, а также объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот, правительство уделяет первостепенное внимание повышению качества и потребительских характеристик такой продукции, для чего разрабатываются и внедряются комплексные системы, направленные на совершенствование такой продукции.

На законодательном уровне правоотношения в рассматриваемой области регулируются гл. 38 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Пунктом 1 ст. 769, 774 ГК РФ предусмотрены обязанности исполнителя и заказчика в рамках рассматриваемого типа договоров. Их существенное отличие от договоров иных видов – риск случайной невозможности исполнения договора несет в соответствии с п. 3 ст. 769 ГК РФ заказчик, а не исполнитель, что порождает сложности в случае недостижения результата: с учетом творческого характера работ в отдельных случаях процесс доказывания недобросовестности исполнителя представляется затруднительным.

В силу недостаточного правового регулирования в рассматриваемой сфере возникают споры. В практической деятельности часто заказчик следует принципу «нужного коммерческого результата не получено, следовательно, работа проделана ненадлежащим образом», что некорректно. Признание нецелесообразности дальнейшего проведения работ потенциально также может являться полноценным результатом в случае, если исследования проведены корректно и в надлежащем объеме.

Ярким примером является дело Арбитражного суда Московского округа № А40-130199, согласно которому исполнитель после выполнения первого этапа опытно-конструкторской работы (далее – ОКР) пришел к выводу, что параметры технического задания не позволяют изготовить образец с необходимыми характеристиками. Заказчик принял первый этап, однако отказался менять условия технического задания, после чего обратился в суд с требованием о взыскании неустойки в связи с неисполнением последующих этапов работы. В удовлетворении требований истца отказано, поскольку установлено, что достичь результата при существующем техническом задании невозможно, ввиду чего виновное поведение со стороны исполнителя отсутствует.

Довольно остро стоит проблема доказывания реального объема проведенных исследований, особенно в случаях поэтапного исполнения договора либо при досрочном прекращении исполнения обязательств и при отсутствии в техническом задании утвержденной формы отчетности. Нередки случаи ненадлежащей фиксации объема проведенных работ со стороны исполнителей: отсутствие промежуточных отчетов, протоколов испытаний, лабораторных журналов, табелей учета рабочего времени привлеченных к работе сотрудников.

Вместе с тем, имеют место случаи предоставления исполнителем заведомо недостоверных отчетов, искусственно завышающих объем и стоимость выполненных работ. Подобные действия образуют в зависимости от фактических обстоятельств состав преступлений, предусмотренных ст.ст. 159-160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Так, приговором Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26.12.2025 Казак А.В. и Мельников В.А. признаны виновными по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Согласно факту дела, подсудимые при получении субсидии Минпромторга предоставили подложные сведения, за счет которых стоимость НИОКР существенно завышалась.

Кроме того, в случае приостановления работ в рамках исполнения договора НИОКР процесс доказывания размера расходов, понесенных исполнителем в ходе исполнения обязательств затруднителен в силу творческого характера работ. Действующим законодательством не регламентирован порядок доказывания исполнителем размера понесенных расходов. Понесенные расходы как правило подтверждаются документами, такими как: протокол согласования фактических затрат по договору, подписанный сторонами; заключение эксперта, если самостоятельное определение точного размера

расходов затруднительно и (или) требует специальных знаний и иные. В случае, если исполнитель не может доказать невозможность продолжения проведения работ, то заказчик освобождается от обязанности компенсировать понесенные заказчиком затраты.

Важно отметить, что действующее законодательство содержит определение сразу двух видов договоров, а именно, выполнение научно-исследовательских (далее – НИР) и опытно-конструкторских работ. В качестве особенностей такого типа договоров является то, что они могут охватывать как весь цикл, так и определенные этапы проводимых исследований, а также результат их исполнения: в случае выполнения договоров НИР и ОКР образуются как объекты авторских прав, так и патентоохраняемые объекты.

При анализе действующего законодательства можно выделить идентичные черты договоров НИР и ОКР: оба устанавливают одинаковую обязанность заказчика принять и оплатить работы; риск случайной невозможности неисполнения договора несет заказчик; обязательства исполнителя могут охватывать как весь цикл производства работ, так и отдельные его этапы; исполнитель обязуется исполнить работы в такой форме и по такой программе, которые определены техническим заданием. Зачастую в техническом задании заказчиком указываются неопределенные формулировки, такие как «разработать инновационную технологию», «повысить эффективность», при этом не конкретизируя необходимые технические параметры. Вследствие указанного, при приеме работ не представляется возможным определить, какой именно результат планировался, имеется ли в полученном результате элемент научной новизны, какие именно характеристики необходимы были заказчику. Данный фактор имеет особую значимость, поскольку нередко на этом этапе происходит перекалфикация договора НИОКР на подрядный тип договора либо договора на оказание услуг.

В научной среде вопрос тождественности договоров НИР и ОКР является дискуссионным: некоторые ученые, например, Суханов А.Е., полагают, что договоры НИР и ОКР самостоятельны и являются договорной формой, представляющей собой одно из звеньев при создании результата интеллектуальной деятельности. Обоснованием такой позиции является сущность самих работ, предусмотренных договором. Как отмечает Кузнецов А.В., главное их отличие обусловлено тем, что при проведении НИР исполнитель творчески реализует техническое задание, а при проведении ОКР он решает более конкретную задачу, например, создает опытный образец.

Исходя из анализа положений ГК РФ, главные различия договоров НИР и ОКР заключаются в исполнителе и в предмете договора. Так, при исполнении договора НИР предметом выступает получение новых знаний в конкретной сфере, достижение каких-либо выводов, которые были неочевидны до начала выполнения работ. При исполнении договора ОКР предметом выступает моделирование и создание нового образца изделия в соответствии с требованиями заказчика, проведение его испытаний и подготовка технической документации на данный образец. При этом, в отличие от договоров НИР, к исполнению договоров ОКР допускается привлечение субподрядчиков.

Среди цивилистов, отождествляющих оба вида договоров, также имеются существенные споры. Например, вопрос о предмете договора НИОКР является дискуссионным. Первая точка зрения заключается в том, что предмет – это результат, который получен в ходе выполнения работ. Согласно позиции приверженцев иной теории, предметом договора могут быть сами научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Другая часть научных деятелей, напротив, считает, что предметом договора выступают как сами работы, так и полученные в их ходе результаты.

Несмотря на существующие противоречия при рассмотрении вопроса о предмете договоров НИОКР, позиция авторов относительно их цели как правило схожа – она определяется как процесс получения определенного нового результата. Сама цель не является случайной, она типична и постоянна для рассматриваемого вида сделок. Помимо общих признаков, ряд ученых выделяет также и специфические черты договоров НИОКР. В качестве таковых выделяется в том числе необходимость защиты будущих объектов интеллектуальной собственности при заключении подобных договоров. Отмечается и особый способ передачи полученных результатов в виде научно-технической документации, которая впоследствии может быть использована и иными организациями.

Открытым является и вопрос о месте договоров НИОКР в договорной системе. Как правило, наибольшее количество споров существует вокруг разграничения договора на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ от договора подряда. Они обусловлены прежде всего тем, что еще в Гражданском кодексе РСФСР договоры НИОКР были отнесены к договорам подряда. Эта мысль закрепилась и в современном правосознании, ввиду чего нашла отражение во многих теоретических разработках по вопросу о договорах НИОКР. Примером такой позиции является мнение Расудовского В.А., который указывает, что договоры НИОКР относятся к подрядному типу. Юкша Я.А. придерживается аналогичной позиции, ставя в ряд с подрядными договорами и договор на выполнение НИОКР. Брагинский М.И. обращает внимание на то, что главное отличие этих договоров состоит лишь в том, что договор на выполнение НИОКР.

Помимо отнесения договоров НИОКР к договорам подряда, в юридической литературе можно встретить мнение о том, что такие относятся к лицензионным договорам. Впервые такое мнение транслируется у Рожневой Л.С. На наш взгляд, разграничение этих типов договоров можно провести по предмету договора: у договора НИОКР предметом выступает еще не достигнутый результат, а у лицензионных договоров предметом является уже существующий охраняемый объект, который лицензиар передает для использования лицензиату.

Галкин А.Ю., напротив, указывает на необходимость отграничения договоров НИОКР от договоров подряда, несмотря на то, что перечисленные виды договоров по своей природе относятся к группе договоров, направленных на выполнение работ. Согласно его позиции, в действующем гражданско-правовом законодательстве договорам подряда и договорам НИОКР посвящены отдельные главы, на основании чего они являются самостоятельными видами, не относящимися друг к другу, хотя и являющимися смежными. Аналогичной позиции придерживаются и иные ученые, включая Трахтенгерца Л.А., Горбачева Д.А. и иных.

При рассмотрении вопроса о месте договора НИОКР в системе гражданских отношений заслуживающим внимание является вопрос соотношения договоров НИОКР, авторского заказа и проектных работ.

Отношения, возникающие в связи с выполнением проектных работ, имеют договорную природу и регулируются нормами о подряде на выполнение проектных и изыскательских работ. В рамках такого договора подрядчик, выступающий в качестве проектировщика или изыскателя, принимает на себя обязанность по заданию заказчика подготовить техническую документацию и (или) осуществить необходимые изыскания, тогда как заказчик должен принять полученный результат и произвести его оплату. Для надлежащего исполнения договора заказчик, в свою очередь, обязан предоставить подрядчику задание на проектирование, а также иные исходные сведения и материалы, необходимые для подготовки проекта.

Примечательно, что действующим федеральным законодательством договоры на выполнения проектных и изыскательских работ отнесены к одному из видов договоров подряда, в то время как договоры на выполнение НИОКР к разновидности подрядных обязательств не отнесены. Ожидаемый результат от выполнения НИР и ОКР в ряде случаев не ограничивается созданием технической или материально выраженного продукта. Разработанная документация может обладать творческим характером и по своей правовой природе отнесена к произведениям, регулируемым законодательством об авторском праве.

Подобный правовой подход обусловлен, в частности, тем, что далеко не вся документация, создаваемая в процессе проектирования и строительства, обладает необходимой степенью творческой самостоятельности и оригинальности для признания ее объектом авторского права. Вследствие этого возникает определенная двойственность правового режима результатов проектных работ. С одной стороны, архитектурный проект может являться результатом творческой деятельности, характеризоваться оригинальностью и охраняться нормами интеллектуального права. С другой стороны, значительная часть технической и строительной документации носит преимущественно функциональный характер и сама по себе объектом авторско-правовой охраны не является.

Статьей 1259 ГК РФ закреплен перечень объектов авторского права. Несмотря на это, в юридической литературе договор автор-

ского заказа нередко рассматривается как договор, имеющий существенное сходство с подрядными обязательствами. При этом представляется обоснованным самостоятельное регулирование договора авторского заказа. Прежде всего это обусловлено особенностями его субъектного состава: стороной, обязанной создать произведение, выступает непосредственно автор — физическое лицо, тогда как подрядчиком может быть практически любой субъект гражданского права. Кроме того, законодатель устанавливает специальные пределы имущественной ответственности автора, что в определенной степени сближает данный договор с правовым регулированием НИОКР. Наконец, договор авторского заказа предполагает особый режим использования созданного результата и может предусматривать передачу заказчику исключительного права либо предоставление права использования произведения в установленных договором пределах.

Различается и степень определенности будущего результата. При выполнении НИОКР конечный научный или технический результат не всегда может быть гарантирован заранее, поскольку сама природа исследовательской деятельности предполагает наличие элемента неопределенности. В договоре авторского заказа будущее произведение также не существует на момент возникновения обязательства и должно быть создано автором в соответствии с условиями задания. В проектом подряде же основные характеристики ожидаемого результата, как правило, заранее определяются заданием на проектирование, исходными данными и техническими требованиями заказчика.

Наиболее существенным критерием разграничения рассматриваемых договоров, на наш взгляд, является содержание их предмета. Предмет договора НИОКР отличается комплексным характером: обязательство исполнителя может охватывать как достижение определенного научного или научно-технического результата, так и непосредственно проведение исследовательской либо опытно-конструкторской деятельности. Поэтому юридическое значение имеет не только конечный продукт, но и сам процесс выполнения предусмотренных договором исследований и разработок.

В договоре авторского заказа основным элементом предмета выступает обязанность автора создать обусловленное договором произведение. Одновременно договором определяется дальнейший правовой режим этого произведения, в частности передача исключительного права заказчику либо предоставление ему права использования результата.

Следует учитывать, что возникновение объекта авторского права в процессе исполнения обязательства само по себе не свидетельствует о наличии договора авторского заказа. Так, при проведении научных исследований или опытно-конструкторских разработок исполнителем могут быть созданы тексты, схемы и иные результаты, обладающие признаками объектов авторского права. Однако наличие таких результатов не изменяет квалификацию основного договора, если его предметом являлись НИОКР.

Иным образом определяется предмет договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ. Его результатом выступает подготовленная в соответствии с заданием заказчика техническая документация, которая может включать расчеты, чертежи, схемы, спецификации, пояснительные записки, технико-экономические материалы и другие документы. В связи с этим при разграничении проектного подряда и НИОКР особое значение приобретает содержание технического задания и характер поставленной перед исполнителем задачи.

Например, если договор предусматривает разработку проекта новой системы очистки воды и исполнитель должен, опираясь на уже известные технические решения, произвести необходимые расчеты, подобрать оборудование, разработать схемы и подготовить комплект проектной документации, соответствующие отношения следует квалифицировать как проектные работы. Если же поставленная задача предполагает исследование физических или химических принципов очистки, проверку возможности достижения ранее не подтвержденных характеристик, проведение экспериментов и создание принципиально новой технологии, в обязательстве проявляются характерные признаки НИОКР.

Дополнительное значение при квалификации договора имеют требования, предъявляемые законодательством к исполнителю соответствующих работ. Для создания произведения по договору авторского заказа либо для проведения НИОКР само по себе наличие специального разрешения как правило не является обязательным

условием. В то же время выполнение отдельных видов проектных и изыскательских работ, особенно связанных с обеспечением безопасности объектов капитального строительства, может осуществляться лишь при соблюдении предусмотренных законодательством специальных требований к лицу, выполняющему такие работы.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в современной системе гражданско-правовых договоров договоры НИОКР стоят обособленно от иных по следующим основаниям. В отличие от иных договоров, сами работы в рамках НИОКР носят творческий характер, при этом ответственность за риски неисполнения лежит на заказчике; содержание получаемых по обязательствам сведений зависит от вида обязательств, например, в выявлении новых закономерностей объективного мира; результаты деятельности в рамках НИОКР оформляются в соответствии с техническим заданием и могут быть представлены в различных формах, например, в форме отчета и иных.

Имеют место случаи, когда происходит подмена договоров иных видов договорами НИОКР ввиду недостаточной разработанности теоретической и нормативной правовой базы, а также намерением недобросовестных сторон снизить налоговую нагрузку, поскольку договоры исследуемого вида в силу ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации освобождаются от уплаты НДС.

Кроме того, одной из ключевых проблем договорного регулирования НИОКР представляется недостаточное определение сторонами правового режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых в ходе выполнения работ. Анализ правоприменительной практики показывает, что зачастую положения соответствующих договоров ограничиваются положениями о передаче заказчику итогового отчета, технической или конструкторской документации, не определяя лица, которому принадлежат исключительные права на содержащиеся в них результаты. Такой подход создает риск возникновения ситуации, при которой заказчик, оплативший выполнение НИОКР и получивший материальные носители результата, не приобретает исключительного права на соответствующие объекты интеллектуальной собственности.

Статья 772 ГК РФ устанавливает правомочность сторон на использование результатов НИОКР в пределах и на условиях, установленных договором, в то время как право на использование результатов таких работ, охрана которых предусмотрена положениями действующего федерального законодательства, определяется специальными положениями части IV ГК РФ.

Вместе с тем, существует необходимость в дифференциации понятий передачи материального результата НИОКР и перехода исключительных прав на созданные в процессе выполнения работ объекты интеллектуальной собственности. Передача заказчику технической документации, чертежей, отчетов либо иных материальных носителей самостоятельно не влечет перехода исключительного права на содержащийся в них результат.

Кроме того, право собственности на материальный носитель следует отличать от интеллектуальных прав на выраженный в нем результат. Следовательно, сама по себе передача заказчику комплекта технической документации не свидетельствует о передаче ему исключительных прав на все содержащиеся в ней результаты интеллектуальной деятельности.

Значимость проблемы существенно возрастает в силу того, что в процессе выполнения НИОКР могут быть созданы результаты интеллектуальной деятельности, возникновение которых первоначально не предусматривалось техническим заданием. К их числу относятся изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ, базы данных и секреты производства (ноу-хау). В отношении таких объектов законодатель устанавливает специальные правила распределения прав. Например, если программа для ЭВМ, база данных или иное произведение были созданы при выполнении НИОКР, которые прямо не предусматривали создание соответствующего произведения, исключительное право по общему правилу принадлежит исполнителю, если договором не предусмотрено иное. Аналогичный подход установлен применительно к изобретениям, полезным моделям и промышленным образцам, создание которых непосредственно не являлось предметом договора НИОКР.

Подобная позиция закреплена **пунктом 135 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10**. Суд разъяснил, что, если при выполнении НИОКР возник па-

тентоспособный результат, создание которого прямо не предусматривалось договором, право на получение патента по общему правилу принадлежит исполнителю, если стороны не установили иного распределения прав. При этом договором может быть предусмотрена передача такого права заказчику.

Таким образом, отсутствие соответствующего условия в договоре способно привести к ситуации, когда заказчик финансирует разработку, однако возникшее в процессе ее создания самостоятельное техническое решение юридически закрепляется за исполнителем. Анализ судебной практики показывает значимость содержания договора, технического задания, источник финансирования и установленный сторонами режим прав на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД).

Неопределенность договорных положений о распределении интеллектуальных прав представляет собой самостоятельный риск при выполнении НИОКР. Сторонам целесообразно еще на стадии заключения договора определить не только принадлежность прав на результат, непосредственно предусмотренный техническим заданием, но и правовой режим **сопутствующих и непредвиденных РИД**, которые могут возникнуть в процессе исследований или разработки.

Одной из ключевых проблем договорного регулирования в сфере НИОКР является ошибочная квалификация сторонами иных договорных конструкций в качестве договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ. Из указанной проблематики вытекают иные проблемы: содержания технического задания, оплаты отрицательного результата и иные.

Существенную роль при определении правовой природы договора на выполнение НИОКР играет техническое задание, посредством которого конкретизируются содержание, объем и предполагаемый результат выполняемых работ. В судебной практике именно техническое задание нередко рассматривается как инструмент индивидуализации предмета договора. Поэтому отсутствие согласования его основных положений может свидетельствовать о том, что предмет договора сторонами надлежащим образом не определен, что создает риск признания договора незаключенным. При этом техническое задание не образует самостоятельного существенного условия, существующего отдельно от предмета договора, а выступает способом его детализации, поскольку именно в нем фиксируются требования к характеру работ и ожидаемому результату.

Несмотря на столь значимое функциональное назначение технического задания, положения главы 38 ГК РФ не содержат унифицированных требований к его структуре и содержанию. Хотя нормы статей 769, 773 и 774 ГК РФ непосредственно связывают выполнение НИОКР с согласованным сторонами техническим заданием, законодатель не определяет обязательный перечень сведений, которые должны быть в нем отражены. Подобный пробел приобретает особое значение с учетом того, что именно содержание технического задания во многом позволяет установить действительный характер договорных отношений и отграничить НИОКР от иных договорных конструкций. При этом закон прямо не предусматривает необходимость закрепления в техническом задании признаков исследовательской или опытно-конструкторской деятельности, элемента научной либо технической новизны, неопределенности достижения запланированного результата, а также критериев оценки и приемки выполненных работ.

Вследствие этого содержание технического задания может быть сформулировано таким образом, что предусмотренный договором результат будет носить заранее определенный и объективно достижимый характер, свойственный прежде всего подрядным отношениям, тогда как сам договор формально будет именоваться договором на выполнение НИОКР. Подобное расхождение между наименованием договора и фактическим содержанием обязательств создает предпосылки для возникновения споров относительно его правовой квалификации.

Таким образом, отсутствие в гражданском законодательстве минимальных требований к содержанию технического задания способствует неоднородности правоприменительной практики, повышает риск признания договора незаключенным или его последующей переквалификации судом, а также фактически возлагает на суд обязанность самостоятельно определять правовую природу возникших между сторонами отношений исходя из конкретных обстоятельств дела.

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования договоров на выполнение НИОКР. Представляется целесообразным дополнить положения главы 38 ГК РФ нормой, предусматривающей обязательное согласование сторонами технического задания как элемента, необходимого для надлежащего определения предмета договора.

Литература

1. Указ Президента РФ от 22.07.1998 № 863 «О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно - технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий» // СЗ РФ. 1998. №30. Ст. 3756.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Дело № 1-31/2025 Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга // Октябрьский районный суд города Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://oktibrsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=cas&case_id=893950059&case_uid=bdd0da25-08d8-46af-b36e-d9b24d51cd96&dlo_id=1540006 (Дата обращения: 31.07.2026).
4. Гражданское право : учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», квалификация Бакалавр : в 4 томах / ответственный редактор: Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2020. С.380.
5. Кузнецов, А.В. Договор на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ: Учебное пособие. Тюменский юридический институт МВД России. – Тюмень: 2007. С. 22.
6. Азимов, Ч. Н. Договорные отношения в области научно-технического прогресса – Харьков : Вища школа : Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. С. 71.
7. Договоры на выполнение научно-исследовательских и конструкторских работ [Текст] : Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата юрид. наук / Свердл. юрид. ин-т. Свердловск : [б. и.], 1965. С.6.
8. Зенин, И.А. Наука и техника в гражданском праве. М.: Изд-во МГУ, 1977. С.99.
9. Закржевская, И.В. Договор на осуществление научно-исследовательской деятельности, выполнение опытно-конструкторских и технологических работ: диссертация ... кандидата юридических наук. – Челябинск, 2009. С.25.
10. Рясенцев, В.А. Советское изобретательское право: Учебное пособие / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Всесоюзный юридический заочный институт. – Москва, 1961. С. 25.
11. Харитонов, К. Защита интеллектуальной собственности при заключении договоров НИОКР // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2003. – №1. С. 19.
12. Азимов Ч.Н., Договорные отношения в области научно-технического прогресса. – Харьков : Вища школа, 1981. С.27-29.
13. Рассудовский, В.А. Государственная организация науки в СССР (правовые вопросы). М.: Юридическая Литература, 1971. С.138.
14. Юкша, Я. А. Гражданское право: учебное пособие. 5-е изд. М.: ИНФРА-М, 2020. С.271.
15. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М., Статут. 2005. С.192.
16. Рожнева, Л.С. Особенности ценообразования на продукцию промышленных исследований и разработок / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. - Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. С.93-95.
17. Галкин, А.Ю. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опыт-но-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота. 2014. № 3 (82). С. 53-55.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». Дата обращения: 31.07.2026.
19. Определение Верховного Суда РФ от 13.01.2020 N 300-ЭС19-26366 по делу N СИП-31/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Дата обращения: 31.07.2026.

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2018 N 305-ЭС18-10166 по делу N A41-48945/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Дата обращения: 31.07.2026.

21. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2019 № 09АП-68047/2018 по делу № А40-49669/18 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Дата обращения: 31.07.2026.

22. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2021 № 09АП-71042/2020 по делу № А40-78132/2020 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Дата обращения: 31.07.2026.

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.11.2018 № Ф05-18692/2018 по делу № А40-28438/2018 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Дата обращения: 31.07.2026.

Problems in the implementation of the contract for the performance of research and development work

Eremeeva Yu.M., Voronina I.V., Karnatov V.M., Remizova Yu.A.

Russian State University of Economics and Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the problems of legal regulation of transactions related to the performance of scientific research and experimental design work. The most relevant problems arising in the application of law in this area are examined. Based on an analysis of relevant judicial practice, the article proposes solutions aimed at minimizing legal risks when concluding contracts for scientific research and experimental design work and formulates proposals for improving the current civil legislation with regard to the protection of rights to results of intellectual activity and means of individualization.

Keywords: contract for the performance of research and development work, R&D, civil law relations, R&D, intellectual rights.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/22/1998 No. 863 "On state policy on the involvement in economic turnover of the results of scientific and technical activities and intellectual property objects in the field of science and technology" // SZ RF. 1998. No. 30. Art. 3756.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part 2) dated January 26 1996 No. 14-FZ // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
3. Case No. 1-31/2025 Oktyabrsky District Court of St. Petersburg // Oktyabrsky District Court of the city of St. Petersburg [Electronic resource]. URL: https://oktibrsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srn_num=1&name_op=case&case_id=893950059&case_uid=bdd0da25-08d8-46af-b36e-d9b24d51cd96&delo_id=1540006 (Date of reference: 07/31/2026).
4. Civil law: a textbook for students studying in the field of 40.03.01 "Jurisprudence", Bachelor's degree: in 4 volumes / responsible editor: E. A. Sukhanov. – M.: Statut, 2020. P.380.
5. Kuznetsov, A.V. Contract for performing research and development work: A textbook. Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Tyumen: 2007. p. 22.
6. Azimov, Ch. N. Contractual relations in the field of scientific and technological progress – Kharkov : Vishcha school : Publishing House at Kharkov. Univ., 1981. p. 71.7
7. Contracts for the performance of research and development work [Text] : Abstract of the dissertation. He is a scientist for the job. degree of Candidate of Law. Sciences / Sverdlov. jurid. in-T. Sverdlovsk : [B. I.], 1965. p.6.
8. Zenin, I.A. Science and technology in civil law. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1977. P.99.
9. Zakrzhevskaya, I.V. Contract for carrying out research activities, carrying out development and technological work: dissertation ... Candidate of Law Sciences. – Chelyabinsk, 2009. P. 25.
10. Ryasentsev, V.A. Soviet Inventive Law: A Study Guide / Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the RSFSR. All-Union Correspondence Law Institute. – Moscow, 1961. P. 25.
11. Kharitonov, K. Protection of Intellectual Property in the Context of R&D Contracts // Intellectual Property. Industrial Property. – 2003. – No. 1. P. 19.
12. Azimov Ch. N., Contractual Relations in the Field of Scientific and Technological Progress. – Kharkiv: Vishcha Shkola, 1981. Pp. 27–29.
13. Rassudovsky, V. A. State Organization of Science in the USSR (Legal Issues). Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1971. P. 138.
14. Yuksha, Ya. A. Civil Law: A Study Guide. 5th ed. Moscow: INFRA-M, 2020. P. 271.
15. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract Law. Book Three: Contracts for the Performance of Work and the Provision of Services. – Moscow, Statut, 2005. P. 192.
16. Rozhneva L. S. Features of Pricing for Products of Industrial Research and Development / Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the RSFSR. - Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1974. Pp. 93–95.
17. Galkin, A. Yu. Contracts for the performance of research, experimental-design, and technological work // Almanac of Modern Science and Education. – Tambov: Gramota. 2014. No. 3 (82). Pp. 53–55.
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 22, 2019, No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Reference and Legal System "ConsultantPlus". Date of request: 31.07.2026.
19. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.01.2020 No. 300-ЭС19-26366 in case No. SIP-31/2019 // Reference and legal system "ConsultantPlus". Date of reference: 31.07.2026.
20. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.10.2018 No. 305-ES18-10166 in case No. A41-48945/2017 // Reference and Legal System "ConsultantPlus". Date of request: 31.07.2026.
21. Resolution of the Ninth Arbitration Appeal Court dated 21.01.2019 No. 09АП-68047/2018 in case No. A40-49669/18 // Reference and legal system "ConsultantPlus". Date of reference: 31.07.2026.
22. Resolution of the Ninth Arbitration Appeal Court dated 25.01.2021 No. 09АП-71042/2020 in case No. A40-78132/2020 // Reference and Legal System "ConsultantPlus". Date of request: 31.07.2026.
23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 21.11.2018 No. F05-18692/2018 in case No. A40-28438/2018 // Reference and Legal System "ConsultantPlus". Date of request: 31.07.2026.

Дистанционное кредитование: особенности правового регулирования и вопросы практического применения

Кабаева Алина Андреевна

студент, Юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, kabasik2110@mail.ru,

Пронина Марина Алексеевна

к.ю.н., старший преподаватель кафедры международного и публичного права, Юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, marpronina@fa.ru

В статье исследуются особенности правового регулирования дистанционного кредитования и вопросы практического применения в современных условиях цифровизации финансовых услуг. Цель работы – выявить пробелы в действующем законодательстве и предложить пути совершенствования нормативного регулирования данной сферы. Методология включает сравнительно-правовой, формально-юридический и системный подходы, анализ судебной практики и нормативно-правовых актов (ГК РФ, ФЗ «Об электронной подписи» и др.).

Результаты выявили ключевые проблемы: недостаточную регламентацию идентификации заемщиков, неоднозначный статус электронной подписи и сложности доказывания факта заключения договора. Практическое применение результатов возможно в законотворческой деятельности и правоприменительной практике. Новизна состоит в комплексном анализе актуальных правовых коллизий с учетом последних изменений в регулировании финтех-услуг. Сделан вывод о необходимости унификации подходов к дистанционному кредитованию и усиления защиты прав заемщиков.

Ключевые слова: дистанционное кредитование, правовое регулирование, потребительский кредит, судебная практика, электронная подпись, банковские услуги.

Сущность дистанционного кредитования заключается в предоставлении кредитных продуктов посредством электронных каналов взаимодействия без физического присутствия заемщика в отделении кредитной организации. Данная форма кредитных отношений базируется на использовании информационно-коммуникационных технологий, включая интернет-банкинг, мобильные приложения, системы электронного документооборота. Правовая природа дистанционного кредитования определяется через призму гражданско-правовых обязательств, регулируемых нормами Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), при этом специфика цифровых инструментов требует учета особых правовых режимов, установленных профильным финансовым законодательством.

Согласно ст. 819 ГК РФ, кредитный договор представляет собой соглашение, по которому одна сторона, именуемая кредитором, обязуется предоставить денежные средства в оговоренном размере и на условиях, определенных в договоре. В свою очередь, другая сторона, заемщик, обязуется вернуть полученную сумму в том же объеме с учетом установленной в соглашении процентной ставки.

Дистанционное кредитование регулируется комплексом нормативных актов, включая ГК РФ, Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [2] (далее – ФЗ № 353-ФЗ), Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и другие. Согласно ч. 14 ст. 7 ФЗ № 353-ФЗ, документы для заключения договора потребительского кредита могут быть подписаны с использованием аналога собственноручной подписи (например, ввода кода из SMS-сообщения) и направлены через информационно-телекоммуникационные сети.

На данный момент первоочередной проблемой в вопросе дистанционного кредитования важно отметить проблему кибермошенничества при заключении кредитного договора через онлайн-системы. Злоумышленники активно используют комплекс незаконных методов – от фишинговых атак и подмены телефонных номеров до техник социальной инженерии – для получения несанкционированного доступа к учетным записям заемщиков. Особенно уязвимы пожилые люди и лица с низкой цифровой грамотностью, которые могут быть введены в заблуждение поддельными сообщениями от имени банков. В результате многие эпизоды кибермошенничества остаются нераскрытыми, а потерпевшие не получают должной правовой защиты [13; С. 82-90].

Общие подходы к заключению договоров, включая дистанционные, содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [8] (далее – Постановление № 49). Важнейшим положением настоящего Постановления является закрепленный в нем принцип эстоппеля: сторона, которая подтвердила действие договора, не вправе недобросовестно ссылаться на его незаключенность. Применительно к дистанционному кредитованию это означает, если заемщик совершал конклюдентные действия, свидетельствующие о принятии условий кредитования, например, использовал полученные денежные средства или производил платежи в счет погашения задолженности, он не может впоследствии утверждать, что договор не был заключен. В то же время специально отмечается, что «кредитный договор не относится к публичным договорам, что имеет важное значение для определения пределов обязанности банка заключать такие соглашения с каждым обратившимся лицом» (п. 15 Постановления).

Не менее значимым для рассматриваемой проблематики является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [9] (далее – Постановление № 25). В пункте 73 Постановления № 25 прямо указано, что «кредитный договор, заключенный в результате мошеннических действий, является недействительной ничтожной сделкой». Это положение имеет прямое отношение к ситуациям, когда неустановленные лица с использованием мобильных приложений, SMS-кодов и иных дистанционных средств оформляют кредит от имени гражданина без его ведома и согласия.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что в таких случаях судам надлежит оценивать действия банка как профессионального участника рынка, обязанного принимать повышенные меры предосторожности.

Анализ приведенных постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в их системном единстве позволяет определить признаки, свидетельствующие о незаконности кредитного договора, заключенного дистанционным способом, которые могут быть предложены Банком России для руководства в правоприменительной практике. К таковым следует относить:

—отсутствие согласования всех существенных условий договора, к которым для кредитного договора относятся сумма кредита, срок возврата и процентная ставка;

—отсутствие надлежащего волеизъявления заемщика, выражающееся в том, что договор мог быть заключен от имени гражданина неустановленными лицами без его ведома, с использованием скомпрометированных средств аутентификации, таких как SIM-карта или мобильное приложение;

—недобросовестное поведение банка при дистанционном оформлении кредита, выражающееся, в частности, в игнорировании явных признаков мошенничества, таких как мгновенная выдача крупной суммы кредита с последующим немедленным переводом денежных средств на счета третьих лиц;

—отсутствие фактической передачи денежных средств заемщику либо передача их такому лицу, которое не является надлежащим получателем, при том, что простая формальная запись по счету без реального поступления денег в распоряжение заемщика не может считаться надлежащим исполнением обязательств банка.

Особого внимания заслуживает позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой «дистанционное заключение кредитных договоров не может подменяться формальным использованием SMS-кодов. Банк не вправе ограничиваться констатацией факта направления разового пароля на абонентский номер заемщика; он обязан принимать все зависящие от него меры для выявления подозрительных обстоятельств и предотвращения мошеннических действий» [10]. В определении от 05 августа 2025 года № 75-КГ25-1-К3 Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что «при наличии оснований предполагать мошенничество суды обязаны тщательно исследовать все обстоятельства оформления дистанционного кредита». Более того, в Определении по делу № 5-КГ25-102-К2 [11] Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела спор о действительности кредитного договора, заключенного с использованием простой электронной подписи в виде SMS- и push-уведомлений, и указала, что «использование таких средств аутентификации само по себе не является безусловным доказательством волеизъявления заемщика».

Верховный Суд Российской Федерации в Определении № 75-КГ25-1-К3 [12] от 05.08.2025 г. еще раз акцентировал внимание на жестких требованиях к «соблюдению письменной формы при заключении договора потребительского кредита в онлайн-формате». В документе подчеркивается, что «подтверждения посредством SMS-кодов либо телефонных звонков нельзя расценивать как надлежащее подписание индивидуальных условий соглашения». Данный правовой вывод особенно важен в контексте глобальных тенденций регулирования электронных подписей и практик дистанционного кредитования. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на то, что «согласно статье 820 ГК РФ кредитный договор обязательно должен быть заключен в письменной форме». Такое требование считается выполненным исключительно в тех случаях, когда индивидуальные условия документа подписаны самим заемщиком: либо собственноручно, либо с применением аналога собственноручной подписи, обладающего должной юридической силой.

Кроме того, вступившие в силу с 01 марта 2026 года положения Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] (далее – ФЗ № 41-ФЗ), обязывающие микрофинансовые организации использовать единую биометрическую систему для идентификации клиентов при дистанционном оформлении займов, создают техническую и право-

вую основу для внедрения комплексных мер защиты. Однако, остаются неурегулированными смежные вопросы межбанковского взаимодействия и распределения ответственности.

Механизм добровольного отказа от получения займов и кредитов (далее – самозапрет), как способ защиты от незаконного кредитования дистанционным способом, представляет собой определенно эффективный инструмент превентивной защиты. Его нормативная основа заложена Федеральным законом от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» [4] (далее – ФЗ №31-ФЗ), в соответствии с которым каждый гражданин России получил право добровольно установить в своей кредитной истории запрет на заключение с ним договоров потребительского кредита (займа): 1) полный запрет, который будет распространяться на все договоры как с кредитными, так и с микрофинансовыми организациями; 2) частичный запрет, который будет позволять гражданину самостоятельно устанавливать запрет на заключение договоров только с банками или только с микрофинансовыми организациями, а также указать, что запрет действует исключительно на дистанционный способ обращения. Данным уточнением законодатель специально предусмотрел возможность запрета именно дистанционного кредитования, являющегося прямым ответом на риски онлайн-мошенничества. Устанавливая самозапрет, гражданин фактически создает непреодолимый барьер для мошенников: банки и микрофинансовые организации перед выдачей кредита обязаны проверять кредитную историю заемщика, и при наличии самозапрета договор дистанционного кредитования не может быть заключен технически.

Другим важнейшим защитным механизмом является «период охлаждения» – временный перерыв между подписанием кредитного договора и фактическим получением денежных средств. Его нормативное закрепление произошло с принятием Федерального закона от 13.02.2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] (далее – ФЗ № 9-ФЗ), согласно которому, для потребительских кредитов и займов на сумму от 50 000 до 200 000 рублей устанавливается период охлаждения продолжительностью не менее 4 часов. Для сумм, превышающих 200 000 рублей, этот срок увеличивается до 48 часов. Особенностью этого механизма является то, что он применяется не только к кредитам, оформленным дистанционным способом, но и к тем, что заключаются в офисе банка или микрофинансовой организации (далее – МФО), что подчеркивает его универсальность. Важность периода охлаждения заключается в том, чтобы дать человеку время осознать свое решение, передумать или, что особенно актуально в контексте дистанционного мошенничества, обнаружить, что кредит был оформлен без его ведома. Банк России, в свою очередь, получил право изменять параметры этого периода в зависимости от эффективности антифрод-мероприятий, применяемых конкретными кредитными организациями, что делает систему гибкой.

Помимо двух основных механизмов, российское законодательство внедряет и другие инструменты защиты, которые в совокупности создают многоуровневую систему безопасности. В частности, в настоящее время в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации в третьем чтении рассматривается законопроект №1068268-8 [7], в соответствии с которым предлагается обязать банки и МФО с 01 октября 2027 года уведомлять граждан о подписании кредитного договора через портал «Госуслуги». Данная мера позволит гражданам России практически в режиме реального времени узнать о том, что на его имя был оформлен кредит, и оперативно принять меры, если он этого не делал.

На основе систематизации изложенных правовых позиций представляется целесообразным разработку Банком России специального разъяснительного письма, адресованного кредитным организациям, по вопросам признания кредитных договоров, заключенных дистанционным способом, незаконными и недействительными. По аналогии с практикой Федеральной налоговой службы, которая регулярно направляет письма с разъяснениями по применению налогового законодательства для обеспечения единообразного подхода на всей территории страны, Банк России мог бы реализовать аналогичный механизм в сфере банковского надзора и защиты прав потребителей финансовых услуг. Такое письмо могло бы содержать не только перечень признаков, свидетельствующих о незаконности и недействительности дистанционных кредитных договоров, но и подробные рекомендации для кредитных организаций и

МФО о том, какие меры следует предпринимать при дистанционном оформлении кредитов в мошеннических схемах.

В проекте такого письма Банку России следовало бы разъяснить, что формальное соблюдение процедур идентификации и аутентификации, включая направление SMS-кодов на абонентский номер, не освобождает кредитную организацию от обязанности проверять добросовестность действий заемщика и отсутствие признаков мошенничества. Кредитным организациям необходимо рекомендовать внедрение офлайн-механизмов верификации волеизъявления заемщика на суммы более 200 000 рублей, включая использование усиленной квалифицированной электронной подписи, биометрической идентификации, видеозвонка с сотрудником банка, а также очного подписания кредитного договора в бумажной или электронной форме в офисе банка или МФО.

Предлагаемое разъяснительное письмо Банка России, основанное на систематизации правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, выраженных в постановлениях Пленума № 25, № 49, № 54 и в соответствующих определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, позволит: 1) создать единые ориентиры для участников финансового рынка, органов исполнительной и судебной власти, 2) снизить количество судебных споров и 3) обеспечить более высокий уровень защиты прав потребителей финансовых услуг в условиях стремительной цифровизации банковского сектора, а также 4) разграничить зоны ответственности между кредитной или МФО и потребителем.

Кроме того, требуется внесение изменений в Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3] (далее – ФЗ № 115-ФЗ) в части уточнения порядка взаимодействия участников банковских групп при осуществлении идентификации и аутентификации клиентов. В связи с вступлением в силу пункта 5.8-2 статьи 7 Федерального закона № 115-ФЗ, устанавливающего обязанность МФО использовать единую систему идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА) и единую биометрическую систему (далее – ЕБС) при дистанционном приеме на обслуживание, необходимо законодательно закрепить механизм обмена информацией между кредитными организациями и микрофинансовыми организациями, входящими в одну банковскую группу или банковский холдинг.

Для обеспечения подлинного баланса интересов между кредитором и заемщиком, а также для создания непреодолимого барьера для мошеннических схем, предлагается внедрить алгоритм заключения договоров кредитования с помощью дистанционных технологий под условным названием «Биометрический контур с обратной санацией». Данный алгоритм базируется на трех элементах:

- 1) предиктивной биометрии поведения,
- 2) криптографическом эскроу-ядре и
- 3) добровольной временной недееспособности цифрового профиля.

Первый этап заключения кредитного договора дистанционным способом заключается в предиктивной биометрии поведения заемщика. Так, при первом входе пользователя в банковское приложение запускается пассивный сбор нейросетевого отпечатка: анализ микродвижений мыши, ритмики печати и т.д. Кредитор переводит их в необратимый математический хэш-код, привязанный к конкретному устройству. Любая попытка подать заявку с другого гаджета автоматически активирует протокол жесткой проверки, даже если злоумышленник владеет украденным паспортом жертвы. В момент, когда система фиксирует намерение подписать договор электронной подписью, цифровой профиль заемщика в ЕБС принудительно переходит в статус «заморозки». Это означает, что ни один банк, микрофинансовая организация или государственный сервис не сможет получить доступ к подтвержденной личности этого гражданина в течение следующих 24 часов. Заемщик получает мгновенное уведомление о факте инициации «заморозки».

Баланс сторон достигается за счет автоматического риск-скоринга прозрачности. Юридические лица проходят через аналогичный шлюз, где вместо поведенческой биометрии используется анализ шаблонов корпоративных транзакций и цифровая подпись руководителя, требующая подтверждения одновременно с двух независимых доверенных устройств.

Таким образом, важно отметить, что только комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательных норм, под-

законного регулирования и правоприменительной практики, способен создать надежную правовую среду для развития дистанционного кредитования, при которой интересы добросовестных заемщиков и кредиторов будут защищены в равной степени, а риски мошеннических действий сведены к технологически и юридически обоснованному минимуму.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 года №14-ФЗ (ред. от 09.06.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.
2. Федеральный закон №353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (ред. от 29.12.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – №51. – Ст. 6673.
3. Федеральный закон от 07.08.2001 года №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 10.06.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №31. – Ст. 3292.
4. Федеральный закон от 26.02.2024 N 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №62. – Ст. 5236.
5. Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №61. – Ст. 4921.
6. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 26.07.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №78. – Ст. 8521.
7. Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части внедрения механизма информирования заемщика при заключении им договора потребительского кредита (займа))» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1068268-8> (дата обращения: 30.07.2026 г.).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/27540/> (дата обращения: 30.07.2026 г.).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8435/> (дата обращения: 30.07.2026 г.).
10. Определение Верховного Суда РФ N 78-КГ25-12-К3 от 08.07.2025 г. [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08072025-n-78-kg25-12-k3-uid-78rs0022-01-2023-000364-77/> (дата обращения: 30.07.2026 г.).
11. Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ25-102-К2 от 09.09.2025 г. [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09092025-n-5-kg25-102-k2-uid-77rs0013-02-2023-003957-32/> (дата обращения: 30.07.2026 г.).
12. Определение Верховного Суда РФ №75-КГ25-1-К3 от 05.08.2025 г. [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05082025-n-75-kg25-1-k3-uid-10rs0011-01-2024-004728-51/> (дата обращения: 23.07.2026 г.). – это пример верного оформления ссылки

13. Михеева И.Е. Недобросовестные практики онлайн-кредитования в свете судебной практики// Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – №9. – С.82-90. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.121.9.082-090.

Remotelending: specifics of legal regulation and practical application issues
Kabaeva A.A., Pronina M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the specifics of the legal regulation of remote lending and issues regarding its practical application in the context of the digitalization of financial services. The purpose of the work is to identify gaps in current legislation and suggest ways to improve regulatory regulation in this area. The methodology includes comparative legal, formal legal and systematic approaches, analysis of judicial practice and regulatory legal acts (Civil Code of the Russian Federation, Federal Law «On Electronic Signature», etc.).

The results revealed key problems: insufficient regulation of the identification of borrowers, the ambiguous status of the electronic signature and the difficulty of proving the fact of the conclusion of the contract. Practical application of the results is possible in lawmaking and law enforcement practice. The novelty consists in a comprehensive analysis of current legal conflicts, taking into account the latest changes in the regulation of fintech services. It is concluded that it is necessary to unify approaches to remote lending and strengthen the protection of borrowers' rights.

Keywords: remote lending, legal regulation, consumer credit, judicial practice, electronic signature, banking services.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on June 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
2. Federal Law No. 353-FZ "On Consumer Credit (Loan)" (as amended on December 29, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 51. – Art. 6673.
3. Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism" (as amended on 10.06.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 31. – Art. 3292.
4. Federal Law of 26.02.2024 N 31-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Credit Histories" and the Federal Law "On Consumer Credit (Loan)" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 62. – Art. 5236.
5. Federal Law of 13.02.2025 No. 9-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 61. – Art. 4921.
6. Federal Law of 01.04.2025 No. 41-FZ "On the Creation of a State Information System for Countering Offenses Committed with the Use of Information and Communication Technologies, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on 26.07.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 78. – Art. 8521.
7. Bill "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of the implementation of a mechanism for informing the borrower when concluding a consumer credit (loan) agreement)" [Electronic resource] // System for supporting legislative activity. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1068268-8> (date of access: 30.07.2026).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of an Agreement" [Electronic resource] // Laws, Codes, and Regulatory Legal Acts in the Russian Federation. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/27540/> (date of access: 30.07.2026).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic resource] // Laws, codes and regulatory legal acts in the Russian Federation. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8435/> (date of access: 30.07.2026).
10. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 78-KG25-12-K3 of July 8, 2025 [Electronic resource] // Laws, codes and regulatory legal acts in the Russian Federation. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-dela-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08072025-n-78-kg25-12-k3-uid-78rs0022-01-2023-000364-77/> (date of access: 30.07.2026).
11. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG25-102-K2 dated 09.09.2025 [Electronic resource] // Laws, codes and regulations in the Russian Federation. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-dela-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09092025-n-5-kg25-102-k2-uid-77rs0013-02-2023-003957-32/> (accessed: 30.07.2026).
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 75-KG25-1-K3 dated 05.08.2025 [Electronic resource] // Laws, codes, and regulations in the Russian Federation. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-dela-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05082025-n-75-kg25-1-k3-uid-10rs0011-01-2024-004728-51/> (accessed on July 23, 2026). – this is an example of a correctly formatted link.
13. Mikheeva I.E. Unfair practices of online lending in light of judicial practice// Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2024. – No. 9. – P. 82-90. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.121.9.082-090.

Арбитрабельность потребительских споров как проблема баланса автономии воли и защиты слабой стороны: сравнительно-правовой анализ (США, ЕС, Россия)

Калятин Михаил Дмитриевич

магистр юриспруденции, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), kalyatin.m.d@my.mgimo.ru

В статье исследуется арбитрабельность потребительских споров как проявление противоречия между автономией воли сторон и необходимостью защиты потребителя. Цель - сопоставить американскую, европейскую и российскую модели регулирования потребительского арбитража через призму конкретных правоприменительных механизмов, а также обозначить те направления, в которых российское законодательство нуждается в доработке. На основе сравнительно-правового анализа законодательства и судебной практики США, Европейского Союза и России выявлены три модели регулирования. Американская модель характеризуется приоритетом Федерального арбитражного акта, европейская - усиленной защитой потребителя и судебным контролем несправедливых условий, российская - отсутствием специальных критериев арбитрабельности. Обосновывается необходимость закрепления требований к информированному согласию потребителя и судебному контролю арбитражных оговорок. Сделан вывод о том, что оптимальным направлением развития российского законодательства является сохранение возможности арбитража при закреплении требований к информированному согласию потребителя, доступности процедуры и судебному контролю несправедливых условий.

Ключевые слова: арбитрабельность, потребительские споры, автономия воли, слабая сторона договора, арбитражное соглашение, несправедливые условия договора, FAA, Директива 93/13/ЕЭС.

Введение

Вопрос о допустимости передачи потребительских споров в третейский (арбитражный) порядок давно перестал быть теоретическим. По сути, здесь сталкиваются два начала, каждое из которых несомненно:

- 1) свобода договора, закрепленная в ст. 421 ГК РФ;
- 2) императивная защита слабой стороны, ради которой и построена значительная часть потребительского законодательства.

Ни одно из них не может быть принесено в жертву другому без системных издержек [14]; [17]; [20], и именно это делает проблему арбитрабельности потребительских споров трудно разрешимой.

Практическую актуальность вопросу придает стремительный прирост трансграничной электронной коммерции. Покупатель в Воронеже или Казани, оформляя заказ на зарубежной платформе, может не подозревать, что галочка в пользовательском соглашении означает отказ от обращения в суд по месту жительства. Зарубежный опыт при этом крайне неоднороден. В Соединенных Штатах после решений по делам AT&T Mobility v. Concepcion (2011) и Epic Systems Corp. v. Lewis (2018) Верховный суд последовательно расширил сферу действия арбитражных оговорок, включая потребительские, опираясь на Federal Arbitration Act 1925 г. Европейский законодатель пошел по пути ограничений, поскольку Директива 93/13/ЕЭС о несправедливых условиях в потребительских договорах и Директива 2013/11/ЕС об альтернативном разрешении потребительских споров существенно сужают пространство для обязательного арбитража. Что касается российского правового поля, то в нем до сих пор отсутствуют специальные критерии, посредством которых можно оценить допустимость арбитражной оговорки в контексте потребления, - и этот пробел, на наш взгляд, не представляется возможным восполнить отсылками к общим нормам [6-10]; [17]; [20].

Сущность арбитражного соглашения двойственна, и это целесообразно учитывать в ходе дальнейшего анализа. С одной стороны, соглашение есть сделка, порождающая взаимные права и обязанности сторон; с другой - оно выступает процессуальным основанием для исключения компетенции государственного суда [15]; [17]. В потребительских договорах присоединения указанная двойственность приобретает дополнительную нагрузку, так как формальное принятие оферты путем проставления пользователем галочки в электронном интерфейсе едва ли можно признать полноценным волеизъявлением. Ст. 428 ГК РФ даёт возможность оспаривать явно обременительные условия договора присоединения, однако вопрос о том, распространяется ли этот механизм на арбитражную оговорку, в доктрине и судебной практике остается открытым. Одни авторы указывают, что арбитражная оговорка не является условием, определяющим содержание основного обязательства, а значит, ст. 428 к ней неприменима [2]; другие справедливо возражают, что лишение потребителя доступа к государственному правосудию по месту жительства обременительно и должно подлежать судебному контролю [15].

Исходя из вышесказанного, в статье ставится задача сопоставить американскую, европейскую и российскую модели регулирования потребительского арбитража через призму конкретных правоприменительных механизмов, а затем - обозначить те направления, в которых российское законодательство нуждается в доработке.

Материалы и методы

Материалами исследования выступили законодательство, судебная практика и научные публикации США, ЕС и России.

Американская модель исследована на основе FAA и решений AT&T Mobility LLC v. Concepcion, Arthur Andersen LLP v. Carlisle и Heckman v. Live Nation Entertainment, Inc. [6]; [7]; [23]; [24].

Европейский подход рассмотрен на основе Директивы 93/13/ЕЭС, дела Mostaza Claro и решений Кассационного суда Франции по делам V2000/Jaguar, Painwebber и PWC Landwell [8-13].

Российская модель проанализирована с учетом ГК РФ, Федеральных законов № 382-ФЗ и № 102-ФЗ, Закона РФ «О защите прав

потребителей», решений Конституционного Суда РФ и научной литературы [1-5]; [15-22].

Использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы.

Результаты исследования

1. Потребитель как слабая сторона. Российское законодательство прямо не определяет понятие «слабая сторона договора», однако Конституционный Суд РФ указывает на необходимость специальной защиты потребителя как экономически более слабой стороны отношений с предпринимателем [3]; [4].

В договорах присоединения потребитель принимает заранее сформулированные условия и обычно не участвует в их согласовании. Поэтому наличие арбитражной оговорки не всегда свидетельствует о свободном и информированном выборе способа разрешения спора [15]; [17].

Следовательно, автономия воли должна сочетаться с механизмами защиты потребителя. Чрезмерно широкое признание арбитражных оговорок способно ограничить доступ к правосудию, тогда как абсолютный запрет арбитража необоснованно ограничивает свободу выбора альтернативных способов разрешения споров [14]; [17].

2. Американская модель. Основой американской модели выступает Федеральный арбитражный акт, закрепляющий обязательность арбитражных соглашений [7]. В деле *AT&T Mobility LLC v. Consercion* Верховный суд США признал, что FAA препятствует применению правил штатов, фактически делающих неисполнимыми соглашения об индивидуальном арбитраже. Условие, запрещающее коллективный арбитраж, было признано действительным [6]. Американская практика также допускает распространение арбитражных соглашений на лиц, не являющихся их непосредственными участниками, на основании общих принципов договорного права, включая *equitable estoppel* [24]. Вместе с тем дело *Heckman v. Live Nation Entertainment, Inc.* показало возможность ограничения арбитражных условий, признанных недобросовестными по праву штата [23].

Таким образом, американская модель сохраняет выраженную проарбитражную направленность, но допускает контроль условий на основании общих норм договорного права.

3. Европейский подход. Европейская модель основана на Директиве 93/13/ЕЭС, согласно которой несправедливые условия потребительского договора не являются обязательными для потребителя [8].

В деле *Mostaza Claro* Суд ЕС установил обязанность национального суда проверять несправедливость арбитражной оговорки даже при отсутствии соответствующих возражений потребителя в ходе арбитража [9].

Французские суды ранее применяли принцип компетенции-компетенции и признавали международные арбитражные оговорки в потребительских спорах, что отражено в делах *V2000/Jaguar* и *Painwebber* [11]; [12].

Однако в деле *PWC Landwell* Кассационный суд Франции отдал приоритет европейской защите потребителей, ограничив действие принципа компетенции-компетенции при необходимости проверки несправедливого условия [10]; [13]. Следовательно, европейская модель основывается на признании неравенства сторон и активном судебном контроле арбитражных оговорок [8-10].

4. Российская концепция. Федеральный закон № 382-ФЗ допускает передачу гражданско-правовых споров в арбитраж по соглашению сторон, если иное не предусмотрено федеральным законом [1]. Специального общего запрета на арбитраж потребительских споров не установлено.

Ранее п. 3 ст. 5 Федерального закона № 102-ФЗ устанавливал специальные требования к третейским соглашениям в договорах присоединения. После реформы третейского разбирательства данное регулирование в прежнем виде утратило значение [21].

Конституционный Суд РФ рассматривает третейское разбирательство как допустимый альтернативный способ защиты гражданских прав и не связывает его использование само по себе с нарушением права на судебную защиту [5]; [22].

В научной литературе основными спорными вопросами остаются добровольность согласия потребителя, применение ст. 428 ГК РФ и допустимость предварительных арбитражных оговорок [15-20].

В результате российская модель сочетает общую допустимость арбитража с отсутствием специальных критериев проверки арбитражных соглашений в потребительских отношениях.

Обсуждение

Сравнительный анализ выявляет три подхода.

Американская модель основана на презумпции исполнимости арбитражного соглашения и приоритете FAA, при сохранении возможности применения общих норм договорного права [6]; [7]; [23]; [24].

Европейская модель ориентирована на фактическую защиту потребителя и допускает судебную проверку несправедливости арбитражных условий, в том числе по инициативе суда [8-13].

Промежуточное положение среди рассмотренных подходов занимает российский, поскольку действующее законодательство допускает арбитраж, но специальные гарантии для потребителя отсутствуют [1-5]; [15-22].

Для российского права рациональным представляется сохранение потребительского арбитража при введении дополнительных гарантий. Арбитражная оговорка должна быть ясной и понятной, а согласие потребителя обусловлено высокой информированностью [15]; [17]. Суду следует предоставить возможность оценивать обременительные условия с учетом ст. 428 ГК РФ [2]; [15]. Арбитражная процедура не может создавать для потребителя финансовые, территориальные или организационные препятствия [17]; [20].

Кроме того, предприниматель не вправе единолично выбирать арбитражное учреждение и устанавливать существенные параметры процедуры, в том числе число арбитров, место разбирательства, язык, распределение расходов.

Следовательно, российскому законодательству необходимы критерии действительности потребительского арбитражного соглашения.

Заключение

Согласно проведенному исследованию США, ЕС и Россия используют различные механизмы регулирования потребительского арбитража. Если американская модель опирается на обязательность арбитражных соглашений и приоритет FAA [6]; [7], то европейская исходит из необходимости эффективной защиты потребителя и допускает активный судебный контроль несправедливых условий [8-13]. В свою очередь, в поле российского регулирования специальные критерии арбитрабельности потребительских споров отсутствуют [1-5]; [15-22].

Оптимальным направлением развития российского законодательства является сохранение возможности арбитража при закреплении требований к информированному согласию потребителя, доступности процедуры и судебному контролю несправедливых условий, что обеспечит баланс автономии воли и защиты слабой стороны договора.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 766.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 159-О // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. *AT&T Mobility LLC v. Consercion*, 563 U.S. 333 (2011) // United States Reports. Vol. 563. P. 333-364.
7. Федеральный арбитражный акт 9 U.S.C. §§ 1-16 // Правовые базы данных. Текст : электронный // Cornell Law School. URL: law.cornell.edu (дата обращения: 09.08.2026).
8. Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts // Official Journal of the European Communities. 1993. L 95. P. 29-34.

9. Case C-168/05, Elisa María Mostaza Claro v. Centro Móvil Milenium SL, Judgment of the Court of Justice (First Chamber) of 26 October 2006, ECLI:EU:C:2006:675 // European Court Reports. 2006. I-10421.

10. Cour de cassation, 1re chambre civile, 30 septembre 2020, pourvoi № 18-19.241, arrêt № 556 FS-P+B, ECLI:FR:CCASS:2020:C100556.

11. Cour de cassation, 1re chambre civile, 21 mai 1997, pourvoi № 95-11.427 // Bulletin civil. 1997. I. № 159. P. 107.

12. Cour de cassation, 1re chambre civile, 30 mars 2004, pourvoi № 02-12.259 // Bulletin civil. 2004. I. № 97. P. 78.

13. Seraglini C. Éclaircie pour la protection du consommateur dans l'arbitrage international // Revue de l'Arbitrage. 2021. № 3. P. 651 et suiv.

14. Белоглазев А.И. Защита прав потребителей в арбитраже. Киев: Таксон, 2012. 640 с.

15. Кузьмина А.В. Третейские оговорки в договорах присоединения: проблемы реформирования гражданского и процессуального законодательства // Закон. 2015. № 4. С. 121-132.

16. Минаков А.И. Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М.: Юридическая литература, 1985. 144 с.

17. Терентьева Л.В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 28-44.

18. Абрамов И.А. К вопросу о подведомственности дел, связанных с защитой прав потребителей // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 10. С. 742-745.

19. Коровина М.А. Проблемы третейского разбирательства // Современное общество и право. 2015. № 3. С. 39-43.

20. Донская Д.С. Условия допустимости предварительных соглашений об онлайн-арбитраже трансграничных потребительских споров в американской и европейской практике // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 172-181.

21. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3019.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П // Собрание законодательства РФ. 06.06.2011. № 23. Ст. 3356.

23. Heckman v. Live Nation Entertainment, Inc., 120 F.4th 670 (9th Cir. 2024) // United States Court of Appeals for the Ninth Circuit. 2024. October 28. P. 670.

24. Arthur Andersen LLP v. Carlisle // U.S. Reports. 2009. Vol. 556. P. 624.

Arbitrability of consumer disputes as a problem of balancing the autonomy of will and the protection of the weaker party: a comparative legal analysis (USA, EU, Russia)

Kalyatin M.D.

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines the arbitrability of consumer disputes as a manifestation of the contradiction between the autonomy of the parties' will and the need to protect consumers. The objective is to compare the American, European, and Russian models of consumer arbitration regulation through the prism of specific law enforcement mechanisms and to identify areas in which Russian legislation requires improvement. A comparative legal analysis of the legislation and judicial practice of the United States, the European Union, and Russia identifies three regulatory models. The American model emphasizes the Federal Arbitration Act, the European model emphasizes enhanced consumer protection and judicial review of unfair terms, and the Russian model lacks specific arbitrability criteria. The article substantiates the need to establish requirements for informed consumer consent and judicial review of arbitration clauses. It concludes that the optimal direction for the development of Russian legislation is to preserve the possibility of arbitration while establishing requirements for informed consumer consent, accessibility of the procedure, and judicial review of unfair terms.

Keywords: arbitrability, consumer disputes, autonomy of will, weak party to a contract, arbitration agreement, unfair contract terms, FAA, Directive 93/13/EEC.

References

1. Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 04.01.2016. No. 1 (Part I). Art. 2.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 10.06.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.
3. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 28.12.2025, as amended on 17.02.2026) "On the Protection of Consumer Rights" // Vedomosti SND i VS RF. 09.04.1992. No. 15. Art. 766.
4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.01.2016 No. 159-O // SPS "ConsultantPlus".
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.10.2012 No. 1831-O // SPS "ConsultantPlus".
6. AT&T Mobility LLC v. Concepcion, 563 U.S. 333 (2011) // United States Reports. Vol. 563. P. 333-364.
7. Federal Arbitration Act (9 U.S.C. §§ 1-16) // Legal databases. Text: electronic // Cornell Law School. URL: law.cornell.edu (accessed 08/09/2026).
8. Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts // Official Journal of the European Communities. 1993. L 95. P. 29-34.
9. Case C-168/05, Elisa María Mostaza Claro v. Centro Móvil Milenium SL, Judgment of the Court of Justice (First Chamber) of 26 October 2006, ECLI:EU:C:2006:675 // European Court Reports. 2006. I-10421.
10. Cour de cassation, 1st chambre civile, 30 September 2020, pourvoi No. 18-19.241, arrêt No. 556 FS-P+B, ECLI:FR:CCASS:2020:C100556.
11. Cour de cassation, 1st chambre civile, 21 May 1997, pourvoi No. 95-11.427 // Bulletin civil. 1997. I. No. 159. P. 107.
12. Cour de cassation, 1st chambre civile, 30 March 2004, pourvoi No. 02-12.259 // Bulletin civil. 2004. I. No. 97. P. 78.
13. Seraglini C. "Éclaircie pour la la protection du consumer dans l'arbitrage" [Protection of consumers in international arbitration] // Revue de l'Arbitrage. 2021. No. 3. P. 651 et seq.
14. Beloglazev A.I. Protection of consumer rights in arbitration. Kyiv: Takson, 2012. 640 p.
15. Kuzmina A.V. Arbitration clauses in agreements of adhesion: problems of reforming civil and procedural legislation // Zakon. 2015. No. 4. P. 121-132.
16. Minakov A.I. Arbitration agreements and the practice of considering foreign economic disputes. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985. 144 p.
17. Terentyeva L.V. Arbitration Clauses in Agreements Involving the Consumer // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 2. pp. 28-44.
18. Abramov I.A. On the Issue of Jurisdiction of Cases Related to the Protection of Consumer Rights // Alley of Science. 2018. Vol. 2. No. 10. pp. 742-745.
19. Korovina M.A. Problems of Arbitration Proceedings // Modern Society and Law. 2015. No. 3. pp. 39-43.
20. Donskaya D.S. Conditions for the Admissibility of Preliminary Agreements on Online Arbitration of Cross-Border Consumer Disputes in American and European Practice // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. No. 6. P. 172-181.
21. Federal Law of July 24, 2002 No. 102-FZ "On Arbitration Courts in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30. Art. 3019.
22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 26, 2011 No. 10-P // Collected Legislation of the Russian Federation. June 6, 2011. No. 23. Art. 3356.
23. Heckman v. Live Nation Entertainment, Inc., 120 F.4th 670 (9th Cir. 2024) // United States Court of Appeals for the Ninth Circuit. 2024. October 28. P. 670.
24. Arthur Andersen LLP v. Carlisle // U.S. Reports. 2009. Vol. 556. P. 624.

Злоупотребление правом при регистрации товарных знаков: блокирующие заявки и недобросовестные регистрации

Калятин Михаил Дмитриевич

магистр юриспруденции, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), kalyatin.m.d@my.mgimo.ru

В статье исследуется юридическая сила арбитражных оговорок в цифровых договорах между предпринимателями и потребителями (B2C) в условиях стремительной цифровизации коммерческого оборота. Анализируются три основные формы фиксации волеизъявления потребителя в интернет-среде - clickwrap, browsewrap и sign-in wrap - и подходы судов различных юрисдикций к их признанию. На основе анализа прецедентной практики (дела *Beltran v Terraform Labs*, *Gorny v Wayfair*, *Soleymani v Nifty Gateway*) выявляются ключевые факторы, влияющие на судебную оценку действительности арбитражных соглашений в цифровой среде. Рассматриваются механизмы онлайн-разрешения споров (ODR) на частных торговых площадках (Taobao, eBay, AliExpress), государственные интернет-суды Китая как уникальная модель цифрового правосудия, а также координационная платформа ODR Европейского Союза и последующая модернизация системы альтернативного разрешения потребительских споров в ЕС. Особое внимание уделяется российскому правовому регулированию, характеризующемуся отсутствием законодательной конкретики в отношении цифровых форм согласия. Делается вывод о необходимости выработки сбалансированного подхода, сочетающего технологическую эффективность цифровых инструментов с гарантиями защиты прав потребителей как слабой стороны договора.

Ключевые слова: арбитражная оговорка, clickwrap-соглашение, browsewrap-соглашение, sign-in wrap, онлайн-разрешение споров (ODR), интернет-суд, потребитель, цифровой договор, криптоактивы, NFT.

Введение

Стремительное развитие электронной коммерции и цифровых платформ коренным образом трансформировало способы заключения договоров между предпринимателями и потребителями. Традиционная модель двустороннего согласования условий уступает место стандартизированным формам взаимодействия, где волеизъявление потребителя фиксируется посредством нажатия кнопки, предоставления галочки или простого продолжения использования сайта. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о юридической силе арбитражных оговорок, включаемых в цифровые B2C-договоры, а также о механизмах онлайн-разрешения споров, возникающих из таких договоров [1]; [4]; [11].

Цифровизация коммерческого оборота порождает принципиально новые вызовы для правового регулирования. С одной стороны, арбитражные оговорки в онлайн-договорах рассматриваются как эффективный инструмент управления юридическими рисками, позволяющий сторонам избежать длительных и дорогостоящих судебных разбирательств. С другой стороны, специфика цифровой среды - асимметрия информации, ограниченная возможность потребителя влиять на содержание договора, а зачастую и отсутствие фактического ознакомления с условиями - ставит под сомнение добровольность и осознанность волеизъявления потребителя при заключении арбитражного соглашения [4]; [11].

В российской юридической доктрине проблема юридической силы арбитражных оговорок в цифровых B2C-договорах остается недостаточно исследованной. Отсутствует системный анализ конкретных механизмов фиксации волеизъявления в интернет-среде и их судебной оценки, а также сопоставительное исследование зарубежных подходов - китайской модели с её гибридными интернет-судами, европейского подхода с акцентом на защиту прав потребителей и российского правового вакуума. Настоящая статья призвана заполнить указанный пробел.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов познания. Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления подходов к регулированию арбитражных оговорок в цифровых B2C-договорах в Китае, Европейском Союзе и России. Формально-юридический метод использован для анализа нормативных актов и судебных решений. Метод системного анализа позволил рассмотреть цифровые арбитражные оговорки во взаимосвязи с институтами электронной коммерции и альтернативного разрешения споров. Эмпирическую базу исследования составляют судебные решения судов США, Великобритании, Сингапура, нормативные акты ЕС (Регламент (ЕУ) № 524/2013, Регламент (ЕУ) 2024/3228, Директива 2013/11/ЕС с учётом изменений, внесённых Директивой (ЕУ) 2025/2647), материалы о функционировании интернет-судов Китая, а также российское законодательство (ГК РФ, Закон о защите прав потребителей, Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). Проанализированы регламенты арбитражных институтов и практика ODR-платформ (Taobao, eBay) [5]; [6]; [8]; [12]; [17-21].

Результаты исследования

1. Формы фиксации волеизъявления в цифровой среде. В доктрине выделяются три основные формы согласия: clickwrap (активное действие - нажатие кнопки или проставление галочки), browsewrap (согласие презюмируется из факта использования сайта) и sign-in wrap (гибрид - согласие через регистрацию или вход в аккаунт). Судебная практика (США) признаёт clickwrap и sign-in wrap enforceable при наличии разумного уведомления (reasonable notice) и однозначного активного действия потребителя. Browsewrap-соглашения признаются значительно реже, поскольку пассивное использование сайта не даёт достаточных оснований считать, что потребитель осознанно принял условия, включая арбитражную оговорку [9]; [10]; [14]. Ключевой критерий - сочетание заметного доведения условий до сведения потребителя и его явно выраженного согласия.

2. Арбитражные оговорки в договорах о цифровых активах.

Споры, связанные с криптовалютами и NFT, создают дополнительные сложности. В сингапурском деле *Beltran v. Terraform Labs* суд отказал в приостановлении разбирательства в пользу арбитража из-за процессуального поведения ответчика, несмотря на наличие арбитражной оговорки [15]. В английском деле *Soleymani v. Nifty Gateway* апелляционный суд постановил, что арбитражная оговорка не может автоматически лишать потребителя защиты, предоставляемой императивными нормами (*Consumer Rights Act 2015*), и вопрос о её справедливости должен решаться национальным судом [16]. Эти прецеденты показывают, что наличие арбитражной оговорки в цифровом договоре не гарантирует её принудительного исполнения, особенно если она вступает в противоречие с защитой прав потребителей.

3. Онлайн-разрешение споров на торговых площадках.

Частные ODR-системы крупных платформ (*Taobao*, *eBay*) демонстрируют высокую эффективность за счёт интеграции с платёжными и репутационными механизмами. *Taobao* использует комбинацию внутреннего рассмотрения, краудсорсинга и *escrow*-удержания средств через *Alipay* [6]; [12]. *eBay* применяет сторонний сервис *SquareTrade*, связанный с репутационной системой [8]. В Китае также функционируют государственные интернет-суды (*Ханчжоу*, *Пекин*, *Гуанчжоу*), которые осуществляют практически все процессуальные действия онлайн, создавая гибридную модель, где частное урегулирование сочетается с государственным правосудием [12].

4. Координационная платформа ODR Европейского Союза.

Европейская ODR-платформа, созданная Регламентом (ЕУ) № 524/2013, прекратила приём новых жалоб с 20 марта 2025 года и отменена с 20 июля 2025 года (Регламент 2024/3228). При этом обязательства государств-членов по обеспечению внесудебного разрешения потребительских споров сохраняются. Новая Директива (ЕУ) 2025/2647 модернизирует систему ADR, расширяя её на цифровой контент и трансграничные споры, а также предусматривает создание цифрового инструмента для поиска подходящих способов защиты [5; 18]. Европейский подход эволюционирует от централизованной платформы к децентрализованной сети национальных ADR-органов с общеевропейской координацией.

5. Российское правовое регулирование. Российское законодательство не содержит легальных определений *clickwrap*, *browsewrap* или *sign-in wrap*. Общие нормы ГК РФ допускают заключение договоров конклюдентными действиями в электронной форме [21]. Судебная практика признаёт юридическую силу действий по нажатию кнопки или проставлению галочки (например, определения Московского городского суда) [23]; [24]. Однако специальные требования к информированию потребителя об арбитражной оговорке и критерии оценки добровольности согласия в цифровой среде отсутствуют. Закон об арбитраже и Закон о защите прав потребителей не содержат соответствующих положений [19]; [20]. Конституционный Суд РФ допустил возможность третейского разбирательства в потребительских спорах при отсутствии федерального запрета [22], но вопрос о цифровой форме согласия остаётся не урегулированным. В доктрине высказываются разные позиции, однако большинство авторов сходятся на необходимости дополнительных гарантий для потребителя [1-4]. Таким образом, в российском праве сложился правовой вакуум в части специальных требований к арбитражным оговоркам в цифровых B2C-договорах.

Обсуждение

Анализ зарубежной и российской практики позволяет выделить несколько общих тенденций. Во-первых, суды всех рассмотренных юрисдикций требуют наличия явного и осознанного волеизъявления потребителя, что исключает использование пассивных форм согласия (*browsewrap*) для арбитражных оговорок. Во-вторых, в сфере цифровых активов усиливается коллизия между арбитражными соглашениями и императивными нормами о защите прав потребителей, причём национальные суды отдают приоритет последним. В-третьих, модели ODR различаются по степени государственного участия: китайская модель сочетает частные платформы с государственными интернет-судами, европейская – переходит к децентрализованной системе ADR с цифровой координацией, а российская система только формируется. В-четвёртых, отсутствие в России специального регулирования создаёт правовую неопределённость

как для потребителей, так и для предпринимателей, что требует законодательного восполнения пробелов. Наконец, общей задачей является поиск баланса между технологической эффективностью и защитой слабой стороны договора, что предполагает закрепление минимальных стандартов информирования и критериев справедливости арбитражных оговорок.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. **Первое.** В мировой практике сложилась устойчивая классификация форм согласия потребителя в цифровой среде: *clickwrap* (требует активного действия), *browsewrap* (согласие презюмируется из факта использования) и *sign-in wrap* (гибридная форма). Судебная практика признаёт enforceable *clickwrap*- и *sign-in wrap*-соглашения при условии предоставления *reasonable notice* и совершения потребителем *affirmative act*; *browsewrap*-соглашения признаются значительно реже [9]; [10]; [14]. **Второе.** Прецедентная практика по спорам о цифровых активах (дела *Beltran v. Terraform Labs*, *Soleymani v. Nifty Gateway*) демонстрирует, что наличие арбитражной оговорки в цифровом договоре само по себе не решает вопрос о возможности принудительного направления спора в арбитраж. Существенное значение имеют процессуальное поведение сторон, условия формирования соглашения, а также коллизия между арбитражной оговоркой и императивными нормами о защите прав потребителей в юрисдикции места жительства потребителя [15]; [16]. **Третье.** Китайская модель ODR представляет собой уникальный гибрид частных платформенных механизмов (*Taobao*, *Tmall*, *Jingdong*) и государственных интернет-судов [6]; [12]. Европейская модель эволюционирует от централизованной ODR-платформы к системе, основанной на национальных ADR-органах и цифровой координации на уровне ЕС [5]; [17]; [18]. **Четвёртое.** Российское правовое регулирование характеризуется отсутствием законодательной конкретики в отношении цифровых форм согласия. Судебная практика признаёт юридическое значение соглашений, заключённых путём совершения действий в интерфейсе сайта, включая нажатие кнопки или проставление галочки, однако отсутствуют единые специальные критерии оценки добровольности и осознанности волеизъявления потребителя именно при заключении арбитражной оговорки в интернет-среде [19-25]. **Пятое.** Представляется целесообразным внесение в российское законодательство следующих изменений: легальное закрепление понятий *clickwrap*, *browsewrap* и *sign-in wrap* соглашений; установление требований к информированию потребителя об арбитражной оговорке в цифровом договоре (размер шрифта, место размещения, необходимость активного действия); разработка критериев оценки добросовестности арбитражных оговорок в потребительских договорах, заключаемых в цифровой среде.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются анализ эффективности ODR-механизмов на российских цифровых платформах, а также разработка модели гибридного разрешения споров, сочетающей преимущества частного ODR и государственного правосудия.

Литература

- Белоглазев А. Защита прав потребителей в арбитраже. - Киев : Таксон, 2012. - XXIII, 616 с.
- Кузьмина А.В. Третейские оговорки в договорах присоединения: проблемы реформирования гражданского и процессуального законодательства // Закон. - 2015. - № 4. - С. 123–134.
- Абрамов И.А. К вопросу о подведомственности дел, связанных с защитой прав потребителей // Аллея науки. - 2018. - Т. 2. - № 10. - С. 742–745.
- Терентьева Л.В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2020. - № 2. - С. 28–44. - DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.28.44.
- Directive (EU) 2025/2647 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2025 amending Directive 2013/11/EU on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Directives (EU) 2015/2302, (EU) 2019/2161 and (EU) 2020/1828 following the discontinuation of the European Online Dispute Resolution Platform // Official Journal of the European Union. - L, 2025/2647. - 30.12.2025.
- Lin Y. Self-Regulatory ODR in China's e-Commerce Market: An Examination of Alibaba's Taobao Platform and Crowdsourced ODR //

- Amicus Curiae. - 2025. - Vol. 6. - No. 2. - P. 358–403. - DOI: 10.14296/ac.v6i2.5755.
7. Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2018. - 25 с.
8. Schultz T. eBay: A Legal System in the Making? // *Revue du Droit des Technologies de l'information*. - 2005. - Vol. 22. - No. 27.
9. Kroskey v. Elevate Labs, LLC et al., No. 5:24-cv-08113-EJD, Order Granting Motion to Compel Arbitration, U.S. District Court for the Northern District of California, May 27, 2025.
10. Nguyen v. Barnes & Noble Inc. // *Federal Reporter*. 3rd Series. - 2014. - Vol. 763. - P. 1171.
11. Drahozal C.R., Friel R. A Comparative View of Consumer Arbitration // *Arbitration*. - 2005. - Vol. 71. - P. 131–139.
12. Gao W. Online Dispute Resolution in China: Institutional Analysis and Legal Practice. - London : Routledge, 2025. - 186 p.
13. Seraglini C. Eclaircie pour la protection du consommateur dans l'arbitrage international (à propos de l'arrêt Cass. Civ. 1re, 30 septembre 2020) // *Revue de l'Arbitrage*. - 2021. - № 3.
14. Gorny v. Wayfair Inc. : решение Окружного суда Северного округа штата Иллинойс от 7 июня 2019 г. по делу № 18 C 8259 // *Westlaw* : [база данных]. - URL: <https://www.westlaw.com/Document/I24095952019WL2409595> (дата обращения: 14.08.2026). - Текст : электронный.
15. Beltran, Julian Moreno and another v. Terraform Labs Pte Ltd and others : решение Генерального дивизиона Высокого суда Сингапура от 30 ноября 2023 г. [2023] SGHC 340 // *Singapore Law Watch* : [сайт]. - URL: <https://www.singaporelawwatch.sg/Case-Law/Beltran-Julian-Moreno-and-another-v-Terraform-Labs-Pte-Ltd-and-others-2023-SGHC-340> (дата обращения: 14.08.2026). - Текст : электронный.
16. Soleymani v. Nifty Gateway LLC : решение Апелляционного суда Англии и Уэльса (Гражданский дивизион) от 6 октября 2022 г. [2022] EWCA Civ 1297 // *Judiciary UK* : [сайт]. - URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/soleymani-v-nifty-gateway-llc/> (дата обращения: 14.08.2026). - Текст : электронный.
17. Regulation (EU) No 524/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes // *Official Journal of the European Union*. - L 165. - 18.06.2013. - P. 1–12.
18. Regulation (EU) 2024/3228 of the European Parliament and of the Council of 19 December 2024 repealing Regulation (EU) No 524/2013, and amending Regulations (EU) 2017/2394 and (EU) 2018/1724 with regard to the discontinuation of the European ODR Platform // *Official Journal of the European Union*. - L, 2024/3228. - 30.12.2024.
19. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. - 04.01.2016. - № 1 (ч. I). - Ст. 2.
20. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
21. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
22. Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О «По запросу Приморского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности абзаца шестого статьи 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пункта 1 статьи 16, пунктов 1 и 2 статьи 17 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" и пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Определение Московского городского суда от 12.07.2016 по делу № 33-27140/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2018 по делу № 33-11423/2018 // СПС «ГАРАНТ».
25. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. - 2019. - № 9.

Abuse of right in trademark registration: blocking applications and bad faith registrations

Kalyatin M.D.

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the legal force of arbitration clauses in digital business-to-consumer (B2C) contracts in the context of rapid digitalization of commercial transactions. Three main forms of recording consumer consent in the online environment - clickwrap, browserwrap and sign-in wrap - and approaches of courts in various jurisdictions to their recognition are analyzed. Based on the analysis of case law (Beltran v Terraform Labs, Gorny v Wayfair, Soleymani v Nifty Gateway), key factors influencing judicial assessment of the validity of arbitration agreements in the digital environment are identified. Mechanisms of online dispute resolution (ODR) on private trading platforms (Taobao, eBay, AliExpress), state internet courts of China as a unique model of digital justice, as well as the coordination ODR platform of the European Union and the subsequent modernization of the EU consumer ADR framework are considered. Special attention is paid to Russian legal regulation, characterized by the absence of legislative specifics regarding digital forms of consent. The conclusion is made about the need to develop a balanced approach combining technological efficiency of digital tools with guarantees for the protection of consumer rights as the weaker party to the contract.

Keywords: arbitration clause, clickwrap agreement, browserwrap agreement, sign-in wrap, online dispute resolution (ODR), internet court, consumer, digital contract, cryptoassets, NFT.

References

- Beloglavek A. Consumer Protection in Arbitration. - Kyiv: Takson, 2012. - XXIII, 616 p.
- Kuzmina A.V. Arbitration Clauses in Adhesion Agreements: Problems of Reforming Civil and Procedural Legislation // *Law*. - 2015. - No. 4. - Pp. 123-134.
- Abramov I.A. On the Issue of Jurisdiction of Cases Related to Consumer Rights Protection // *Alley of Science*. - 2018. - Vol. 2. - No. 10. - Pp. 742-745.
- Terentyeva L.V. Arbitration Clauses in Agreements with Consumer Participation // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. - 2020. - No. 2. - Pp. 28-44. - DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.28.44.
- Directive (EU) 2025/2647 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2025 amending Directive 2013/11/EU on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Directives (EU) 2015/2302, (EU) 2019/2161 and (EU) 2020/1828 following the discontinuation of the European Online Dispute Resolution Platform // *Official Journal of the European Union*. - L, 2025/2647. - 12/30/2025.
- Lin Y. Self-Regulatory ODR in China's e-Commerce Market: An Examination of Alibaba's Taobao Platform and Crowdsourced ODR // *Amicus Curiae*. - 2025. - Vol. 6. - No. 2. - P. 358–403. - DOI: 10.14296/ac.v6i2.5755.
- Kolomiets A.I. Validity of an Arbitration Agreement under the Law of Russia and Foreign Countries: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. - Moscow, 2018. - 25 p.
- Schultz T. eBay: A Legal System in the Making? // *Revue du Droit des Technologies de l'information*. - 2005. - Vol. 22. - No. 27.
- Kroskey v. Elevate Labs, LLC et al., No. 5:24-cv-08113-EJD, Order Granting Motion to Compel Arbitration, U.S. District Court for the Northern District of California, May 27, 2025.
- Nguyen v. Barnes & Noble Inc. // *Federal Reporter*. 3rd Series. - 2014. - Vol. 763. - P. 1171.
- Drahozal C.R., Friel R. A Comparative View of Consumer Arbitration // *Arbitration*. - 2005. - Vol. 71. - P. 131–139.
- Gao W. Online Dispute Resolution in China: Institutional Analysis and Legal Practice. - London: Routledge, 2025. - 186 p.
- Seraglini C. Eclaircie pour la protection du consommateur dans l'arbitrage international (à propos de l'arrêt Cass. Civ. 1re, 30 September 2020) // *Revue de l'Arbitrage*. - 2021. - No. 3.
- Gorny v. Wayfair Inc.: Judgment of the United States District Court for the Northern District of Illinois, 18 C 8259, June 7, 2019 // *Westlaw*: [database]. - URL: <https://www.westlaw.com/Document/I24095952019WL2409595> (accessed on August 14, 2026). - Text: electronic.
- Beltran, Julian Moreno and another v. Terraform Labs Pte Ltd and others: Judgment of the High Court of Singapore, General Division, November 30, 2023 [2023] SGHC 340 // *Singapore Law Watch*: [website]. - URL: <https://www.singaporelawwatch.sg/Case-Law/Beltran-Julian-Moreno-and-another-v-Terraform-Labs-Pte-Ltd-and-others-2023-SGHC-340> (date of access: 14.08.2026). - Text: electronic.
- Soleymani v. Nifty Gateway LLC : judgment of the Court of Appeal of England and Wales (Civil Division) of 6 October 2022 [2022] EWCA Civ 1297 // *Judiciary UK* : [website]. - URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/soleymani-v-nifty-gateway-llc/> (date of access: 14.08.2026). - Text: electronic.
- Regulation (EU) No 524/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes // *Official Journal of the European Union*. - L 165. - 06/18/2013. - P. 1–12.
- Regulation (EU) 2024/3228 of the European Parliament and of the Council of 19 December 2024 repealing Regulation (EU) No 524/2013, and amending Regulations (EU) 2017/2394 and (EU) 2018/1724 with regard to the discontinuation of the European ODR Platform // *Official Journal of the European Union*. - L, 2024/3228. - December 30, 2024.
- Federal Law of December 29, 2015 No. 382-FZ "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. - January 4, 2016. - No. 1 (Part I). - Art. 2.
- Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 "On the Protection of Consumer Rights" (as amended on December 28, 2025, as amended on February 17, 2026; as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2026) // *SPS "ConsultantPlus"*.

Взыскание кредиторских убытков в делах о банкротстве проблемы теории и практики

Никитин Антон Дмитриевич

аспирант, кафедра частноправовых дисциплин, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, anton.nikitin.05@internet.ru

Реформирование российского законодательства о банкротстве привело к появлению нескольких видов ответственности контролирующих должника лиц – субсидиарной ответственности и ответственности в форме взыскания убытков по корпоративным основаниям. В современном законодательстве о банкротстве правовое регулирование ответственности в форме взыскания убытков по корпоративным основаниям является фрагментарным, что приводит к правовым коллизиям и пробелам в правоприменительной практике. Например, это можно проследить на примере разделения убытков на корпоративные и кредиторские, поддерживаемого в судебной практике. Для преодоления данной ситуации необходим комплексный подход, который реализуется посредством исследования оснований привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в форме взыскания кредиторских убытков.

Цель исследования – проведение комплексного изучения оснований ответственности контролирующих должника лиц в форме взыскания кредиторских убытков. Автор решает задачи по определению стандарта добросовестности контролирующих должника лиц в условиях несостоятельности и исходя из этого формулирует основания привлечения указанных лиц к ответственности в форме взыскания кредиторских убытков. Используются общеправовые методы: метафизический и диалектический; общенаучные методы: анализ, синтез, индукции, дедукции; специально-юридические методы: формально-юридический, догматический и сравнительно-правовой.

В результате проведения исследования автор приходит к выводу о том, что в условиях неплатёжеспособности ключевой обязанностью лиц, имеющих возможность определять действия юридического лица, является обязанность действовать в имущественных интересах независимых кредиторов, принимая все возможные меры, направленные на исполнение обязательств. Также автор пришёл к выводу о том, что кредиторские убытки подлежат взысканию тогда, когда недобросовестные действия лиц влекут уменьшение конкурсной массы должника и возникновение препятствий к соразмерному погашению требований кредиторов.

Ключевые слова: кредиторские убытки, должник, неплатёжеспособность, недобросовестность, контролирующие должника лица, интересы кредиторов, исполнение обязательств, уменьшение конкурсной массы, расчёты с кредиторами.

Введение

На современном этапе развития российской правовой системы законодательство о несостоятельности претерпевает качественные изменения. В первую очередь они существенно затрагивают область ответственности контролирующих должника лиц. Так, в 2017 году было проведено масштабное реформирование законодательства о банкротстве. В главе III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – «Закон № 127-ФЗ») было закреплено несколько видов ответственности контролирующих должника лиц: субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Закона № 127-ФЗ), субсидиарная ответственность за неподачу заявления о признании должника банкротом (ст. 61.12 Закона № 127-ФЗ), ответственность в форме взыскания убытков (ст. 61.13, 61.20 Закона № 127-ФЗ). Наиболее проблемным с юридической точки зрения видом ответственности является взыскание убытков.

Так, в соответствии п. 1 ст. 61.20 Закона № 127-ФЗ требование о возмещении должнику убытков, причинённых ему лицами, имеющими возможность определять действия юридического лица, подлежат рассмотрению в рамках дела о его банкротстве. Данный вид ответственности является ответственностью контролирующих должника лиц по корпоративным основаниям.

Вместе с тем, согласно п. 1 ст. 61.13 Закона № 127-ФЗ в случае нарушения руководителем должника или учредителем (участником) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия, членами органов управления должника, членами ликвидационной комиссии (ликвидатором) или иными контролирующими должника лицами, гражданином-должником обязаны возместить убытки, причиненные в результате такого нарушения.

При этом Верховный Суд Российской Федерации (далее – «ВС РФ») строго разграничивает корпоративные и кредиторские убытки: при взыскании корпоративных убытков выгодоприобретателем выступает юридическое лицо, в то время как при взыскании кредиторских – сообщество кредиторов.

Вместе с тем, при характеристике ответственности контролирующих лиц в форме взыскания убытков в рамках дела о банкротстве отмечается, что она является корпоративной.

Так, по мнению О.В. Гутникова, законодатель, устанавливая возможность предъявления требования о возмещении юридическому лицу убытков, ведёт речь не о новом виде ответственности, а об особенностях применения корпоративной ответственности в рамках дела о банкротстве.

С указанной позицией солидарен Е.Д. Суворов. Он отмечает, что ответственность в форме взыскания убытков представляет собой классический вид ответственности руководителей корпорации за причинённые ей в ходе управления убытки. Прямым выгодоприобретателем при взыскании убытков является юридическое лицо, в то время как дело о банкротстве представляет собой процессуальную форму, в рамках которой рассматривается соответствующее требование.

В свою очередь, изложенные тезисы находят поддержку в правоприменительной практике.

Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа при рассмотрении обособленного спора о взыскании убытков в рамках дела о банкротстве ООО «Южный» провёл разграничение между субсидиарной ответственностью за невозможность полного погашения требований кредиторов и убытками по корпоративным основаниям. По мнению суда, привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности предполагает возмещение имущественных потерь кредиторам должника, в то время как при взыскании убытков по корпоративным основаниям выгодоприобретателем выступает непосредственно юридическое лицо.

Однако в декабре 2025 года в руководящие разъяснения по вопросам взыскания убытков по корпоративным основаниям были внесены изменения. Так, согласно п. 69 (1) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 42 требование к контролируемому лицу о возмещении убытков включается в конкурсную массу должника. Между тем, в научной литературе отмечается, что под

конкурсной массой понимается совокупность имущества должника, предназначенного для удовлетворения требований кредиторов. На основании вышеизложенного следует, что ВС РФ сформулирована прокредиторская модель ответственности контролирующих должника лиц по корпоративным основаниям.

Вместе с тем, прокредиторский подход к ответственности контролирующих должника лиц в форме взыскания убытков также подтверждается правоприменительной практикой.

Позиция, согласно которой ответственность контролирующих должника лиц в форме взыскания убытков возлагается за недобросовестные действия, нарушающие имущественные права кредиторов, отражена в деле о банкротстве ООО «Ремстройкомплект». При рассмотрении заявления конкурсного управляющего о взыскании убытков было установлено, что между должником и ООО «Корпорация маяк» был заключён договор купли-продажи жилого помещения, на основании которого должник перечислил денежные средства контрагенту. При этом на момент расходования денежных средств у должника имелись неисполненные обязательства перед кредиторами. На основании изложенного суды пришли к выводу о том, что убытки являются кредиторскими, поскольку возникли в результате причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Таким образом, в настоящее время отсутствует единообразная позиция по вопросу правовой природы убытков по корпоративным основаниям. В свою очередь, её отсутствие обусловлено пробельностью законодательства о банкротстве, которым не установлено оснований привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в форме взыскания как корпоративных, так и кредиторских убытков.

Между тем, основанием для применения к лицу мер гражданско-правовой ответственности является совершение им гражданского правонарушения. В состав гражданского правонарушения входит следующая система условий: наличие у лица, являющегося субъектом правоотношений, определённых прав и обязанностей; нарушение возложенных прав и обязанностей; наличие вреда или убытков, причинно-следственная связь между противоправным поведением и правонарушителем и наступившими последствиями. При этом возможность применения к лицу определённых мер государственно-принудительного воздействия обеспечивается правоотношением, субъекты которого обладают субъективными правами и юридическими обязанностями.

Таким образом, исследование оснований привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в форме взыскания кредиторских убытков предполагает изучение особенностей правоотношения несостоятельности. Оно позволяет, во-первых, определить стандарт добросовестного поведения контролирующих должника лиц; во-вторых, оценить степень негативных последствий недобросовестных действия лиц, определяющих действия должника.

Несоблюдение стандарта добросовестности как основания привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в форме взыскания кредиторских убытков

Для исследования проблем правовой регламентации ответственности лиц, определяющих действия юридического лица, необходимо отметить, что банкротное правоотношение представляет собой системно-структурное образование, состоящее из совокупности элементов. Его элементами являются отношения кредиторов и должника, кредиторов по отношению к конкурсной массе и отношения между кредиторами, должником и арбитражным управляющим.

При этом основой формирования системы данных отношений служит именно относительное обязательственное правоотношение между должником и кредитором.

Чем же характеризуется правоотношение несостоятельности между должником и кредитором?

В первую очередь данное правоотношение характеризуется неплатёжеспособностью. Под неплатёжеспособностью должника понимается прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств (абз. 36 ст. 2 Закона № 127-ФЗ).

Помимо неплатёжеспособности, правоотношение несостоятельности характеризуется недостаточностью имущества, под которым понимается превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью его имущества (абз. 35 ст. 2 Закона № 127-ФЗ).

Между тем, в цивилистической доктрине отмечаются полярные позиции о критериях несостоятельности должника.

Согласно объектной теории основным критерием несостоятельности является состояние имущества. Так, Г.Ф. Шершеневич определял несостоятельность в качестве состояния недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов.

С позиции субъектной теории несостоятельность характеризует состояние должника, при котором он не имеет возможность погасить требования кредиторов. По мнению М.И. Кулагина, основным критерием несостоятельности является неспособность лица погасить долговые обязательства.

Представляется, что последний подход является наиболее адекватным. Недостаточность имущества характеризует внутреннюю специфику деятельности юридического лица и не всегда влияет на его внешние правоотношения с контрагентами. При этом возникновение неплатёжеспособности влечёт трансформацию обязательственных правоотношений должника с кредиторами.

В свою очередь, изменение обязательственных правоотношений состоит в следующем.

Как отмечает Г.Ф. Шершеневич, в условиях несостоятельности срок исполнения всех обязательств должника наступает ранее установленного кредитором.

В.Ф. Попондопуло, развивая данную идею, пишет, что обязательство должника перед кредитором представляет собой охранительное обязательство с множественностью лиц на стороне кредитора.

Впрочем, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что критерием разграничения между корпоративными и кредиторскими убытками является нахождение должника в состоянии неплатёжеспособности на момент причинения убытков.

В такой ситуации происходит перенос центра имущественных интересов с корпорации на кредиторов. В связи с этим происходит трансформация стандарта добросовестности лиц, имеющих возможность определять действия должника.

Между тем, проблема деформации стандарта добросовестности лиц, осуществляющих руководство деятельностью должника, поднималась в трудах В.Е. Белинского, Л.Н. Нисселовича, П.Н. Гусаковского. Раскрывая стандарт добросовестного поведения лиц, являющихся членами органов управления корпорации, дореволюционные цивилисты отмечали, что в условиях неплатёжеспособности руководитель обязуется действовать в соответствии с имущественными интересами кредиторов.

Так, по мнению Л.Н. Нисселовича, одной из задач банкротства является предотвращение имущественных потерь кредиторов должника. Она достигается посредством надлежащего устройства органов управления несостоятельного должника.

В частности, дореволюционный юрист П.Н. Гусаковский писал, что лица, входящие в состав органов управления юридического лица, по общему правилу не несут обязанности перед кредиторами, за исключением случаев, когда их недобросовестные действия причиняют вред имущественным правам кредиторов. Например, если директора или члены правления производят растрату вверенных им денежных средств в ущерб интересам независимых кредиторов, то в такой ситуации последние лишаются права на получение исполнения по обязательствам, в результате чего вправе требовать возмещения убытков.

Более того, как отмечалось В.Е. Белинским, члены органов управления должника несут обязанности перед независимыми кредиторами в случае его неплатёжеспособности или близости к ней. При этом неисполнение указанной обязанности влечёт причинение убытков кредиторам должника.

Вместе с тем, приведённые теоретические воззрения, раскрывающие стандарт добросовестности лиц, определяющих действия должника, находят отражение в действующем законодательстве о банкротстве. Так, в случае возникновения у юридического лица признаков банкротства его руководитель обязан действовать с учётом интересов кредиторов, не допуская действия (бездействия), ухудшающего финансового положения должника (абз. 2 п. 1 ст. 30 Закона № 127-ФЗ). Конституционный Суд Российской Федерации пишет, что в условиях банкротства происходит трансформация стандарта добросовестного поведения членов органов управления юридического лица: обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах организации предполагает соблюдение нормативно

установленного приоритета требований независимых кредиторов и принятия всех необходимых мер для их надлежащего исполнения.

В свою очередь, в правоприменительной практике отмечается, что основанием привлечения контролирующего должника лица к ответственности в форме взыскания кредиторских убытков является нарушение обязанности соблюдать приоритет требований кредиторов и принимать меры для их погашения.

Так, при рассмотрении обособленного спора о взыскании убытков в рамках дела о банкротстве ООО «Стройпроект» Арбитражный суд Московского округа поддержал прокредиторскую направленность обязанностей контролирующих должника лиц. Обстоятельства дела установлено, что в 2017-2018 годах по цепочке сделок должник сначала приобрёл объекты недвижимости, а затем перепродал их третьему лицу. При этом на момент совершения данной цепочки сделок у ООО «Стройпроект» формировалась задолженность перед независимыми кредиторами. В свою очередь, суды обратили внимание на то, что отношения между хозяйственным обществом и его единоличным исполнительным органом носят фидуциарный характер, в связи с чем последнему доверено представление интересов общества в правоотношениях с третьими лицами. Поскольку сделки повлекли выведение из конкурсной массы ликвидного имущества, они причинили вред как ООО «Стройпроект», так и его кредиторам, на основании чего бывший генеральный директор несёт ответственность за недобросовестные действия, не отвечающие интересам как юридического лица, так и его кредиторов.

В приведённом примере логика судов исходила из того, что в условиях финансового кризиса у генерального директора ООО «Стройпроект» возникла дополнительная обязанность – принимать все необходимые меры для надлежащего исполнения обязательств перед независимыми кредиторами. В свою очередь, недобросовестность действий руководителя должника выразилась в том, что им не были соблюдены имущественные интересы кредиторов, в результате чего им были причинены убытки.

Кроме того, в этой связи хочется упомянуть позицию Арбитражного суда Уральского округа по обособленному спору о взыскании убытков по корпоративным основаниям, рассмотренному в рамках дела о несостоятельности ООО «Спринг». Судами было установлено, что Комлев Д.С. осуществлял фактический контроль за деятельностью общества, а с 15.05.2019 года Комлева А.Н., бывшая супруга Комлева Д.С., являлась генеральным директором ООО «Спринг». При этом между Фондом РЖС, правопреемником которого является АО «ДОМ.РФ», и ООО «Спринг» был заключён договор аренды земельных участков. Данный договор был расторгнут в связи с неисполнением арендатором обязанности по внесению арендной платы. Земельные участки не были возвращены, в связи с чем должнику была дополнительно начислена арендная плата за фактическое пользование земельными участками. При этом после смены генерального директора ООО «Спринг» Комлева А.Н. осуществила перевод прав аренды на земельные участки в пользу подконтрольного ООО «СтройЗемРесурс» по соглашению уступки прав и обязанностей от 10.10.2019 года № 1/IV-ц. Между тем, в дальнейшем задолженность ООО «Спринг» перед АО «ДОМ.РФ» по арендной плате и плате за фактическое пользование земельными участками соответственно была включена в реестр требований кредиторов. Суды, солидарно привлекая Комлева Д.С. и Комлеву А.Н. к ответственности в форме взыскания убытков, установили, что именно совместные недобросовестные действия контролирующих должника лиц, выразившиеся в непринятии мер для погашения задолженности ООО «Спринг» перед АО «ДОМ.РФ», привели к невозможности осуществления расчётов с данным кредитором.

Впрочем, приведённый пример из судебной практики ещё раз демонстрирует, что в условиях неплатёжеспособности на лиц, осуществляющих руководство деятельностью должника, возлагается обязанность учитывать приоритет имущественных интересов независимых кредиторов, принимая все возможные меры для исполнения обязательств перед ними.

Итак, в рамках охранительного обязательственного правоотношения между должником и кредиторами на лиц, имеющих возможность определять действия должника в период неплатёжеспособности, возлагается обязанность действовать в соответствии с имущественными интересами независимых кредиторов, обеспечивая приоритет погашения их требований и принимая все необходимые меры, способствующие исполнению обязательств в пользу кредито-

ров. Неисполнение данной обязанности является одним из оснований привлечения контролирующего должника лица к ответственности в форме взыскания убытков.

Последствие и причинно-следственная связь как элементы состава ответственности в форме взыскания кредиторских убытков

Раскрывая особенности последствий и причинно-следственной связи как элементов ответственности, автор полагает необходимым отметить, что основным принципом гражданско-правовой ответственности является справедливость.

В соответствии с принципом справедливости гражданско-правовая ответственность предполагает переложение рисков возникновения негативных последствий на нарушителя. В банкротстве данный принцип проявляется следующим образом.

Во-первых, справедливость как основная идея ответственности контролирующих лиц подразумевает принятие рисков уменьшения имущества должника, целевое назначение которого состоит в удовлетворении требований кредиторов.

Впрочем, в дореволюционной литературе отмечалось, что основной идеей несостоятельности является распределение его конкурсной массы между кредиторами в соответствии с принципом равенства.

Как пишет дореволюционный юрист Г.Ф. Шершеневич, целью банкротства является справедливое распределение имущественной массы должника. Оно достигается за счёт существования между кредиторами полного равенства, при котором никто из них не вправе преимущественно удовлетворить имеющиеся к должнику требования в нарушение положений законодательства о несостоятельности.

При этом в судебной практике отмечается, что принцип равенства кредиторов предполагает удовлетворение требований кредиторов справедливым, когда оно достигается за счёт распределения средств конкурсной массы пропорционально объёму кредиторских требований.

Как отметил ВС РФ в деле о банкротстве ЖСК «Парковый», смысл принципа равенства кредиторов заключается в равном и справедливом распределении средств конкурсной массы пропорционально объёму требований, включённых в реестр требований кредиторов, от общей суммы задолженности.

Также Арбитражный суд Московского округа указывает, что активы должника распределяются между кредиторами одной очереди пропорционально размеру реестровых требований. Именно такой порядок удовлетворения требований кредиторов обеспечивает наиболее справедливое распределение имущественной массы должника.

На основании изложенного следует, что смысл принципа справедливости ответственности в рамках дела о банкротстве состоит в том, что она обеспечивает удовлетворение требований за счёт пропорционального распределения имущества должника.

В связи с этим на контролирующее лицо, допустившее нарушение имущественных интересов кредиторов в результате совершения недобросовестных действий, возлагается риск неудовлетворения требований кредиторов за счёт пропорционального распределения имущественной массы юридического лица.

Во-вторых, принцип справедливости позволяет разграничить два вида ответственности контролирующих должника лиц – субсидиарную ответственность и ответственность в форме возмещения убытков.

Прокредиторская направленность обязанностей руководителя должника, проявляется в конвергенции субсидиарной ответственности и ответственности в форме взыскания кредиторских убытков по корпоративным основаниям. Отличие одного вида ответственности от другого состоит в отражении принципа справедливости.

В свою очередь, справедливость подразделяется на дистрибутивную и корректирующую.

Так, древнегреческий философ Аристотель писал, что дистрибутивная справедливость предполагает распределение материальных средств среди членов общества и стремится к установлению равенства пропорций между значимостью приобретателя благ и его доли, в то время как корректирующая – непосредственное возмещение материальных благ.

В ходе дальнейшего изучения принципа справедливости учёные приходили к выводу о том, что дистрибутивная справедливость является основным способом распределения материальных благ между членами общества. В свою очередь, корректирующие начала справедливости гражданско-правовой ответственности гарантируют возмещение вреда восстановление участников отношений в первоначальном положении.

Так, Г. Китингом отмечается, что дистрибутивный аспект ответственности создаёт условия для распределения имущества между лицами, понёсшими ущерб. При этом корректирующий аспект обеспечивает полное возмещение ущерба пострадавшим лицам. Впрочем, отсутствие корректирующих начал юридической ответственности приведёт к несправедливому распределению рисков, вызванных неправомерными действиями нарушителя.

Итак, дистрибутивные начала справедливости гражданско-правовой ответственности позволяют распределить имущественные риски между нарушителем и пострадавшим. Корректирующие начала справедливости способствуют возмещению ущерба пострадавшей стороне, чем обеспечивают распределение рисков между лицами.

Вместе с тем, в рамках банкротных правоотношений дистрибутивный аспект справедливости проявляется в создании условий для пропорционального распределения конкурсной массы юридического лица с целью удовлетворения требований кредиторов, в то время как корректирующий направлен на возмещение вреда лицам, понёсшим убытки, что, в свою очередь, гарантирует пополнение конкурсной массы должника и осуществление расчётов с его кредиторами.

Изложенное достигается за счёт возможности привлечения контролирующих должника лиц либо к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, либо к ответственности в форме кредиторских убытков.

Впрочем, использование категорий дистрибутивной и корректирующей справедливости в рамках настоящего исследования позволяет отграничить субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов от кредиторских убытков.

В то же время при дифференциации указанных форм ответственности нельзя не учитывать, что правоотношение несостоятельности по своей сути является обязательственным с активной множественностью лиц на стороне кредиторов.

Между тем, неисполнение обязательства имеет место в ситуации, когда действие, составляющее объект обязательства, либо в целом не совершено, либо совершено ненадлежащим образом с недостатками в качественном или количественном аспектах.

В рамках правоотношений несостоятельности в результате полного неисполнения охранительного обязательства возникает невозможность погашения требований кредиторов должника за счёт распределения конкурсной массы. Привлечение контролирующих должника лиц к ответственности позволяет осуществить расчёты с кредиторами за счёт пропорционального распределения имущества юридического лица между ними. Таким образом, в указанном случае ответственность направлена на достижение дистрибутивной справедливости.

В то же время ненадлежащее исполнение охранительного обязательства не влечёт возникновение невозможности формирования конкурсной массы и погашения требований независимых кредиторов. Однако в такой ситуации имеющихся активов юридического лица оказывается недостаточно для полного погашения требований кредиторов. Поэтому привлечение к ответственности лиц, имеющих возможность определять действия должника, обеспечивает включение в конкурсную массу должника недостающих активов, что свидетельствует о корректирующей направленности ответственности.

Применяя вышеизложенное к разрешению проблемы разграничения между субсидиарной ответственностью за невозможность полного погашения требований кредиторов и кредиторских убытков, автор акцентирует внимание на разнице в содержании таких элементов перечисленных видов ответственности, как последствие и причинно-следственная связь.

По мнению Е.К. Орлова, ключевым фактором, влияющим на выбор между привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и к ответственности в форме взыскания убытков, является степень негативного влияния недобросовестных действий контролирующего должника лица.

И.Е. Дедковский приходит к выводу о том, что субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц и убытки разграничиваются в зависимости от того, привели ли действия контролирующих лиц к объективному банкротству юридического лица или нет.

Подход, согласно которому разграничительной линией между субсидиарной ответственностью и убытками является степень негативного воздействия контролирующего лица, находит поддержку в руководящих разъяснениях по вопросам судебной практики. Так, в соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 при решении вопроса о применении норм о возмещении убытков или положений о субсидиарной ответственности суд оценивает существенность негативного влияния действий (бездействия) контролирующего лица на деятельность должника.

В соответствии с п. 1 ст. 61.11 Закона № 127-ФЗ под действиями контролирующих должника лиц, приведших к невозможности удовлетворения требований кредиторов, следует понимать такие, вследствие совершения которых возникло объективное банкротство.

Кроме того, в п. 2 ст. 61.11 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» закреплены опровержимые презумпции возникновения объективного банкротства. При недоказанности обратного предполагается, что их действия повлекли невозможность полного погашения требований кредиторов.

Так, Арбитражный суд Московского округа указывает, что неисполнение обязанности по передаче документации и имущества должника конкурсному управляющему существенно затрудняет проведение процедуры банкротства, поскольку при её отсутствии нельзя достоверно установить, какими именно активами располагал должник и как именно этими активами он распорядился, предпринять меры к оспариванию соответствующих действий и сделок должника при установлении такой необходимости, взыскать дебиторскую задолженность, отражённую в бухгалтерском балансе и осуществления иных мероприятий по формированию конкурсной массы с целью полного погашения требований кредиторов.

Таким образом, анализ положений закона и их применение в судебной практике свидетельствуют о том, что в результате совершения контролирующим лицом действий, влекущих невозможность формирования конкурсной массы, должник не исполнит охранительное обязательство, направленное на удовлетворение требований кредиторов. При этом привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов позволяет предотвратить риск неисполнения охранительного обязательства посредством формирования активов, включаемых в конкурсную массу. Указанное отражает направленность субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов на достижение дистрибутивной справедливости.

Иной правовой природой обладают кредиторские убытки, взыскиваемые в рамках дела о банкротстве. Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 контролирующее должника лицо привлекается к гражданско-правовой ответственности в форме взыскания убытков, если вследствие его действий, совершённых после появления признаков объективного банкротства, произошло несущественное ухудшение финансового положения должника.

Из приведённых разъяснений следует, что лица, имеющие возможность определять действия должника, привлекаются к ответственности в форме взыскания кредиторских убытков тогда, когда ими совершены недобросовестные действия по выводу имущества юридического лица вместо погашения требований независимых кредиторов, но при этом отсутствует причинно-следственная связь между данным действием и объективным банкротством.

Вместе с тем, право на взыскание убытков возникает у кредиторов тогда, когда в результате недобросовестной деятельности должника поступления в имущественную массу становятся ниже его кредиторской нагрузки. Развивая данную идею, автор полагает, что в результате совершения контролирующими должника лицами недобросовестных действий, игнорирующих имущественные интересы кредиторов, происходит уменьшение имущества должника. В связи с этим возникает невозможность пропорционального погашения требований кредиторов в полном объёме, поскольку охранительное обязательство может быть исполнено только частично.

Впрочем, правоприменительная практика поддерживает позицию, в соответствии с которой убытки подлежат взысканию при доказанности невозможности погашения требований кредиторов в полном объеме, вызванной совершением лицами, имеющими возможность определять действия должника, недобросовестных действий.

Арбитражный суд Уральского округа, рассматривавший обособленный спор о взыскании убытков в деле о несостоятельности ООО «Региональная энергостроительная компания», пришел к выводу о том, что перечисление денежных средств со счета организации совершено Абдулхаковым Р.Р. при наличии кредиторской задолженности, в результате чего не была полностью сформирована конкурсная масса должника и требования кредиторов не были погашены в полном объеме. Указанные обстоятельства являются основанием для взыскания с Абдулхакова Р.Р. убытков в конкурсную массу ООО «Региональная энергостроительная компания».

Кроме того, при рассмотрении спора о взыскании убытков с бывшего генерального директора ООО «Торговый дом «ПК Конструктив» Егоровой Е.М. Арбитражным судом Северо-Западного округа отмечалось, что перечисление денежных средств со счета должника третьим лицам при наличии кредиторской задолженности совершалось с целью вывода активов должника. Поэтому причинение убытков Егоровой Е.М. подконтрольному юридическому лицу, не повлекшее возникновение объективного банкротства, обусловило невозможность удовлетворения требований кредиторов, поскольку часть активов не была сохранена.

Итак, привлечение лица, имеющего возможность определять действия юридического лица, к ответственности в форме взыскания кредиторских убытков, позволяет внести в конкурсную массу недостающие активы с целью удовлетворения требований кредиторов. Следовательно, рассматриваемая форма ответственности направлена на достижение корректирующей справедливости.

Заключение

Подводя итог изложенному, следует отметить, что по корпоративным основаниям могут быть взысканы как корпоративные, так и кредиторские убытки. Кредиторскими являются убытки, на момент возникновения которых у должника имелись неисполненные обязательства перед кредиторами.

В рамках охранительного обязательственного правоотношения на лиц, имеющих возможность определять действия должника, возлагается обязанность действовать в интересах кредиторов. Неисполнение указанной обязанности закономерно влечёт причинение вреда имущественным правам кредиторов.

В свою очередь, вред кредиторам заключается в том, что имущественная масса юридического лица-должника становится ниже его кредиторской нагрузки. В таком случае активов, входящих в конкурсную массу юридического лица, недостаточно для полного пропорционального погашения требований кредиторов. Привлечение контролирующих должника лиц к ответственности в форме взыскания убытков по корпоративным основаниям позволяет произвести возмещение конкурсной массы с целью осуществления расчетов с кредиторами.

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. - Москва: Юрид. лит., 1966. - 187 с.
2. Васильев А.В., Нисселович Л.Н. О проекте Устава о несостоятельности, составленном тайным советником Туром / А.В. Васильев, Л.Н. Нисселович // Научные труды по несостоятельности (банкротству). 1891-1900 / МГУ им. М.В. Ломоносова; сост. В.И. Михайлова; под ред. С.А. Карелиной. Т. 3. - Москва: Юстицинформ, 2022. - 372 с.
3. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов - 3-е изд., испр. - Москва: Статут, 2022. - 414 с.
4. Гусаковский П.Н. Вопросы акционерного права / П.Н. Гусаковский // Классика российского корпоративного права / сост. И.С. Шиткина, Д.Г. Копылов. Т. 2. - Москва: Юстицинформ, 2023. - 496 с.
5. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О.В. Гутников. - Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. - 487 с.

6. Дедковский И.В. Соотношение субсидиарной ответственности и убытков в делах о банкротстве / И.В. Дедковский // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 7. - С. 247-249.

7. Копылов Д.Г., Шиткина И.С. Очерк к работе В.Е. Белинского «Органы управления акционерных компаний. Сравнительное обозрение законодательства» / Д.Г. Копылов, И.С. Шиткина // Классика российского корпоративного права / сост. И.С. Шиткина, Д.Г. Копылов. Т. 1. М.: Юстицинформ, 2023.

8. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо / М.И. Кулагин. - Москва: изд-во Ун-та. дружбы народов, 1987. - 175 с.

9. Лунц Л.А., Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц - Москва: Гос. изд-во юридической лит., 1950 - 416 с.

10. Орлов Е.К. Субсидиарная ответственность и взыскание убытков. Различия в доказывании с учётом применимых презумпций / Е.К. Орлов // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2022. - № 4. - С. 61-68.

11. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие / В.Ф. Попондопуло. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2016. - 431 с.

12. Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника: монография / Е.Д. Суворов. - Москва: Статут, 2020. - 205 с.

13. Суворов Е.Д. Структура отношений, регулируемых банкротным правом / Е.Д. Суворов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2021. - № 11. - С. 94-107.

14. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности: Исслед. прив.-доц. Казан. ун-та Г.Ф. Шершеневича / Г.Ф. Шершеневич. - Казань: тип. ун-та., 1890. - 446 с.

15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 томах. Том 1. / Г.Ф. Шершеневич. - 10-е изд., 1912 - Москва: Статут, 2021. - 838 с.

16. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. - 3-е изд. - Москва: Статут, 2021. - 477 с.

17. Keating Gregory C. Distributive and Corrective Justice in the Tort Law of Accidents / Gregory C. Keating // Southern California Law Review. - 2000. - Vol. 74. - P. 193-224.

18. Wright R.W. The Principle of Justice / R.W. Wright // Notre Dame Law Review. - 2000. - Vol. 75. - P. 1859-1892.

Recovery of Creditors' Losses in Bankruptcy Proceedings: Theoretical and Practical Issues Dmitrievich N.A.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Reforms to Russian bankruptcy legislation have introduced several types of liability for persons controlling the debtor: subsidiary liability and liability in the form of damages based on corporate grounds. Current bankruptcy legislation contains a fragmented regulatory framework regarding liability for damages based on corporate grounds, leading to legal conflicts and gaps in enforcement practice. This is evident, for instance, in the judicial distinction drawn between "corporate" losses and "creditor" losses. Addressing this situation requires a comprehensive approach, achieved by examining the grounds for holding persons controlling the debtor liable for creditor losses.

The study aims to conduct a comprehensive analysis of the grounds for holding persons controlling the debtor liable for creditor losses. The author defines the standard of good faith applicable to such persons during insolvency proceedings and, based on this, formulates the grounds for imposing liability for creditor losses.

The study employs general philosophical methods (metaphysical and dialectical), general scientific methods (analysis, synthesis, induction, and deduction), and specialized legal methods (formal-legal, dogmatic, and comparative-legal).

The study concludes that, in a state of insolvency, the primary obligation of persons capable of determining a legal entity's actions is to act in the financial interests of independent creditors by taking all possible measures to fulfill obligations. Furthermore, the author concludes that creditor losses are recoverable when the bad-faith actions of such persons result in a diminution of the debtor's bankruptcy estate and create obstacles to the proportionate satisfaction of creditors' claims.

Keywords: creditor losses, debtor, insolvency, bad faith, persons controlling the debtor, creditors' interests, performance of obligations, diminution of the bankruptcy estate, settlements with creditors.

References

1. Alekseev S.S. The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State / S.S. Alekseev. - Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1966. - 187 p.
2. Vasiliev A.V., Nisselovich L.N. On the Draft Statute on Insolvency Prepared by Privy Councillor Tur / A.V. Vasiliev, L.N. Nisselovich // Scholarly Works on Insolvency (Bankruptcy). 1891-1900 / Lomonosov Moscow State University; compiled by V.I. Mikhailova; edited by S.A. Karelina. Vol. 3. - Moscow: Yustitsinform, 2022. - 372 p.
3. Gribanov V.P. Exercise and Protection of Civil Rights / V.P. Gribanov - 3rd ed., rev. - Moscow: Statut, 2022. - 414 p.

4. Gusakovskiy P.N. Issues of Joint-Stock Company Law / P.N. Gusakovskiy // Classics of Russian Corporate Law / compiled by I.S. Shitkina, D.G. Kopylov. Vol. 2. – Moscow: Yustitsinform, 2023. – 496 p.
5. Gutnikov O.V. Corporate Liability in Civil Law: Monograph / O.V. Gutnikov. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. – 487 p.
6. Dedkovskiy I.V. The Relationship Between Subsidiary Liability and Damages in Bankruptcy Cases / I.V. Dedkovskiy // Eurasian Law Journal. - 2024. - No. 7. – P. 247-249.
7. Kopylov D.G., Shitkina I.S. Essay on the work by V.E. Belinsky "Governing Bodies of Joint-Stock Companies: A Comparative Review of Legislation" / D.G. Kopylov, I.S. Shitkina // Classics of Russian Corporate Law / comp. I.S. Shitkina, D.G. Kopylov. Vol. 1. Moscow: Yustitsinform, 2023.
8. Kulagin M.I. State-Monopoly Capitalism and the Legal Entity / M.I. Kulagin. - Moscow: Peoples' Friendship University Press, 1987. – 175 p.
9. Lunts L.A., Novitskiy I.B. General Doctrine of Obligations / I.B. Novitskiy, L.A. Lunts - Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1950 – 416 p.
10. Orlov E.K. Subsidiary Liability and Recovery of Damages: Differences in Evidentiary Requirements Considering Applicable Presumptions / E.K. Orlov // Property Relations in the Russian Federation. - 2022. - No. 4. – P. 61-68.
11. Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal Regulation: A Scientific and Practical Guide / V.F. Popondopulo. - 2nd ed., revised and supplemented. - Moscow: Prospekt, 2016. – 431 p.
12. Suvorov E.D. Subsidiary Liability for the Obligations of an Insolvent Debtor: Monograph / E.D. Suvorov. - Moscow: Statut, 2020. – 205 p.
13. Suvorov E.D. The Structure of Relations Regulated by Bankruptcy Law / E.D. Suvorov // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). - 2021. - No. 11. – P. 94-107.
14. Shershenevich G.F. The Doctrine of Insolvency: A Study by G.F. Shershenevich, Privat-docent of Kazan University / G.F. Shershenevich. - Kazan: University Press, 1890. – 446 p.
15. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law: in 2 volumes. Volume 1 / G.F. Shershenevich. - 10th ed., 1912 - Moscow: Statut, 2021. – 838 p.
16. Shershenevich G.F. Insolvency Proceedings / G.F. Shershenevich. - 3rd ed. - Moscow: Statut, 2021. – 477 p.
17. Keating Gregory C. Distributive and Corrective Justice in the Tort Law of Accidents / Gregory C. Keating // Southern California Law Review. - 2000. - Vol. 74. - P. 193-224.
18. Wright R.W. The Principle of Justice / R.W. Wright // Notre Dame Law Review. - 2000. - Vol. 75. - P. 1859-1892.

Межкредиторские соглашения в процессе несостоятельности (банкротства): проблемы правового регулирования

Новиков Алексей Викторович

выпускник магистерской программы «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)», юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, alex.novikov2912@gmail.com

Современное состояние дел о несостоятельности (банкротстве) характеризуется низким процентом удовлетворения требований кредиторов, тем более требований аффилированных с должником лиц, в связи с чем указанная группа лиц нуждается в действенных способах защиты. Учитывая данную тенденцию, в статье будут показаны основные преимущества межкредиторских соглашений в процессе несостоятельности (банкротства). С одной стороны, межкредиторские соглашения при определенном стечении обстоятельств могут быть выгодны независимым кредиторам, с другой стороны, непосредственно связанным с должником лицам.

Автором будет приведена классификация межкредиторских соглашений, а также подробно рассмотрен каждый их вид на основании сравнительного подхода. В статье будут показаны основные риски, с которыми придется столкнуться сторонам при заключении межкредиторских соглашений.

Кроме того, автор обозначит основные этапы развития данного института в отечественном правопорядке. Также в статье будут подробно рассмотрены вопросы действительности межкредиторских соглашений в процессе несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: межкредиторские соглашения, соглашение о субординации, соглашение о несубординации, компенсационное финансирование, миноритарные и мажоритарный кредиторы.

1. Введение

Относительно недавно, в 2015 году, глава 22 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) «Исполнение обязательств» была дополнена ст. 309.1, пункт 1 которой содержит следующую норму:

«Между кредиторами одного должника по однородным обязательствам может быть заключено соглашение о порядке удовлетворения их требований к должнику, в том числе об очередности их удовлетворения и о непропорциональности распределения исполнения. Стороны указанного соглашения обязаны не совершать действия, направленные на получение исполнения от должника, в нарушение условий указанного соглашения».

Появление этой нормы во многом стало следствием популярности общей идеи свободы договора [1].

Очевидно, что такие соглашения по ряду причин имеют наибольшую востребованность на случай инициирования процедуры банкротства должника, т.к. при нормальных условиях, кредитор все равно получит «свое» в полном объеме.

2. Роль и значение межкредиторских соглашений. Законодательное закрепление

Во-первых, заключением таких соглашений создается благоприятный инвестиционный климат путем изменения очередности исполнения обязательств. Иными словами, должник привлекая новое (дополнительное) финансирование своей деятельности, дает новому кредитору гарантии, что его требование будет удовлетворено первоочередно, т.е. до удовлетворения требований всех остальных кредиторов [2, с. 93]. Напротив, возможна и другая ситуация, когда вследствие заключения соглашения о несубординации, аффилированное с должником лицо наряду с внешним кредитором будет готово предоставить финансирование, не боясь при этом быть субординированным.

Во-вторых, межкредиторские соглашения, заключаемые в ходе рассмотрения дела о банкротстве должника, соответствуют оздоровительной концепции дела о банкротстве. Именно таким образом должник может реструктурировать свой долг с целью восстановления платежеспособности. Более того, заключая соглашение о субординации (один из видов межкредиторских соглашений), должник и вовсе может избежать инициирования процедуры банкротства. Так, например, в Германии субординированные требования не могут учитываться при расчете размера задолженности и, следовательно, определения признаков неплатежеспособности для введения процедуры банкротства (§ 19 Abs. 2. Insolvenzordnung (Deutschland)).

В-третьих, возможные издержки и дополнительная рискованная нагрузка, принимаемые на себя субординированным кредитором, потенциально могут быть скомпенсированы за счёт более высокой итоговой доходности его вложений по сравнению с старшим кредитором [3, с. 34]. Именно указанное обстоятельство способно послужить для контрагента стимулом к заключению менее выгодного для него субординационного соглашения.

Тем не менее несмотря на всю значимость межкредиторских соглашений именно в делах о банкротстве, в самом ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) норм, напрямую регулирующих такие соглашения, нет. Отсюда, по мнению Гуреева В.А., возникает ряд проблем с действительностью таких соглашений в процедурах банкротства [4], т.к. «*публично-правовые средства регулирования отношений несостоятельности (банкротства) оказывают значительное воздействие на ... частноправовые*» [5].

Тем не менее институт межкредиторских соглашений не получил законодательного закрепления не только в России, но и, например, в Англии. В Англии действительность таких соглашений была признана в деле *Re Maxwell Communications Corporation*. Суд указал, что отказ кредитора от своего требования в пользу другого кредитора, никак не влияет на права иных кредиторов в деле о банкротстве.

В отличие от рассматриваемого подхода, в американском правопорядке действует иной механизм регулирования. Так, положения раздела 510(a) Кодекса о банкротстве США прямо закрепляют, что

договорная субординация требований кредиторов сохраняет свою юридическую силу как в рамках процедуры несостоятельности должника, так и вне её — при этом дополнительную опору данная конструкция находит в унифицированных нормах торгового оборота (§ 1-209 Uniform Commercial Code).

Таким образом, в различных национальных системах права предусмотрена возможность принудительной реализации соглашений о субординации требований в ходе банкротства: в одних странах такая практика складывается через судебные прецеденты, в других — получает закрепление непосредственно в профильном законодательстве о несостоятельности.

3. Правовая природа межкредиторских соглашений

Важным теоретическим вопросом является вопрос о правовой природе межкредиторских соглашений. Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 54 от 22.11.2016 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах и их исполнении» (далее — Постановление № 54):

«...суд проверяет, является ли соглашение между кредиторами предусмотренным законом или иными правовыми актами договором, например, договором комиссии, агентским договором или договором простого товарищества (главы 51, 52 и 55 ГК РФ), смешанным договором или договором, который не предусмотрен законом или иными правовыми актами (пункты 2 и 3 статьи 421 ГК РФ)».

В первую очередь хотелось бы отметить, что и в ст. 309.1 ГК РФ, и в Постановлении № 54 используется именно термин «соглашение», а не «договор». Является ли это осознанным шагом законодателя, или нет?

Согласно п. 1 ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Кулаков В.В., обратившись к анализу рассматриваемой проблемы, выделил в качестве ключевой характеристики межкредиторского соглашения его сугубо внутреннюю направленность, тогда как наличие внешнего эффекта остаётся дискуссионным. Он отмечает, что межкредиторское соглашение в первую очередь направлено «на координацию действий участников по достижению некой общей цели при отсутствии правовых последствий для иных участников гражданского оборота» [6].

Такое соглашение не только не порождает права и обязанности у лиц в нем не участвовавших (п. 3 ст. 309.1 ГК РФ, п. 4 Постановления № 54), но и не может нарушать уже существующие у них права.

Заключая подобное соглашение, кредиторы фактически формируют гражданско-правовое сообщество (ст. 181.1 ГК РФ), системообразующим элементом которого выступает наличие единого контрагента — в рассматриваемой ситуации таковым признаётся должник [7].

Таким образом, по мнению Кулакова В.В., межкредиторские соглашения хоть формально и попадают под определение договора, содержащегося в ст. 420 ГК РФ, тем не менее по сути своей таковыми не являются.

В юридической литературе чаще всего высказываются мнения о квалификации межкредиторского соглашения как договора простого товарищества, либо как договора уступки права требования, либо как смешанного договора.

Что касается модели цессии, то на первый взгляд данные отношения очень похожи — допускается исполнение должником своих обязательств напрямую старшему кредитору, минуя младшего («закороченная» субординация (short-circuiting subordination)) [3, с. 35]. Однако с таким выводом о квалификации соглашения в качестве договора цессии прямо не согласен Верховный Суд РФ. В п. 8 Постановления № 54 Верховный РФ указал, что положения ст. 309.1 ГК РФ не могут быть применимы к договорам цессии.

Ряд специалистов, среди которых в том числе и Харитонова Ю.С., квалифицируют такие соглашения как договор простого товарищества. В соответствии с п. 1 ст. 1041 ГК РФ по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц обязуются совместно действовать для достижения не противоречащей закону цели. В рассматриваемом случае кредиторы заключают соглашение для получения исполнения от должника в наиболее полном объеме [8].

Кулаков В.В. предлагал квалифицировать такие соглашения, как смешанные договоры [6]. Представляется, что такой подход является наиболее верным, т.к., во-первых, в таких соглашениях может участвовать и сам должник, что исключает возможность применения положений, регулирующих договор простого товарищества. Во-вторых, межкредиторское соглашение может содержать в себе условия о новации, о прощении долга и т.п. В силу принципа свободы договора и буквального толкования ст. 309.1 ГК РФ один кредитор не лишен права хотя бы частично, но простить долг (ст. 413 ГК РФ).

4. Виды межкредиторских соглашений

4.1. В зависимости от момента заключения такого соглашения выделяют:

1. Соглашение, заключенное до возбуждения дела о банкротстве;

2. Соглашение, заключенное после возбуждения дела о банкротстве.

4.2. Ряд ученых считают взаимозаменяемыми и приравнивают такие понятия, как соглашение о субординации и межкредиторское соглашение. Однако, на мой взгляд, такой подход является неверным, межкредиторское соглашение является более широким понятием, которое включает в себя:

1. Соглашение о несубординации;

2. Соглашение о субординации, которое в свою очередь делится на абсолютные или относительные.

Соглашение об абсолютной субординации (или как его называют в Германии «квалифицированные» соглашения [2, с. 95]) содержит условия о том, что требования одного или нескольких кредиторов будут удовлетворены только после удовлетворения требований всех иных старших кредиторов.

В свою очередь, так называемая «относительная» субординация — в германской доктрине она обозначается как «простая» [2, с. 98] — предполагает понижение очередности погашения требования одного из кредиторов исключительно по отношению к требованию другого, находящегося с ним в одной очереди. Содержательно это означает, что первый (младший) кредитор не вправе претендовать на получение исполнения до момента полного расчёта со вторым (старшим) кредитором. При этом должник не признаётся обязанным стороной по такому соглашению, а его заключение не влечёт нарушения прав третьих лиц, включая иных кредиторов, поскольку основополагающие начала банкротства — пропорциональность и очередность удовлетворения — остаются неизменными. Юридическая сила данного соглашения ограничена кругом лиц, его подписавших, и не порождает правовых последствий для посторонних участников гражданского оборота.

К относительной субординации в равной мере применим и термин оборотная субординация (turnover subordination). Оборотная субординация основана на англо-американской концепции траста (trust subordination) [9] или доверительной собственности, т.е. младший кредитор управляет имуществом, полученным в качестве исполнения от должника, до тех пор, пока не передаст его старшему кредитору.

Однако не до конца ясно, что будет с исполнением от должника в случае банкротства младшего кредитора, в «управлении» которого находится данное имущество?

По мнению Широковой Е., «имущество, находящееся у трасти в доверительной собственности, обособляется и становится недоступным для его кредиторов» [2, с. 96]. Следовательно, при банкротстве младшего кредитора (доверительного собственника) имущество старшего кредитора (учредителя траста) будет исключено из конкурсной массы.

Напротив, Мелихов Е. [3, с. 45] утверждает, что полученное от должника имущество становится собственностью кредитора младшей очереди правомерно, даже если само получение противоречит договорённости кредиторов между собой. Как уже было отмечено выше, должник не является контрагентом по данному относительному соглашению, а потому юридически не связан его предписаниями и не несёт обязанности им следовать. Кажется, что такой подход наиболее близок и российскому законодательству, который в абз. 2 п. 6 Постановления № 54 указывает, что младший кредитор отвечает перед старшим за утрату или повреждение имущества, переданного должником в качестве исполнения.

Таким образом, вопрос о том, в чьей собственности находится исполнение, является открытым и очень важным. Действенным способом минимизации рисков банкротства младшего кредитора, получившего исполнения, является модель «закороченной» субординации.

4.3. Субординация долга, а вместе с ней и межкредиторское соглашение, могут быть завершёнными (*complete*) или незавершёнными (*springing или inchoate*). Под завершённой субординацией понимается соглашение, которое вступает в силу сразу после его заключения. Напротив, под незавершённой – понимается соглашение, возникновение прав и обязанностей по которому стороны поставили под условие наступления или не наступления определенного события.

5. Соглашение о субординации

Для начала необходимо разобраться с действительностью соглашений о субординации. Какие требования к содержанию таких соглашений предъявляет законодатель?

Во-первых, межкредиторское соглашение согласно абз. 2 п. 4 Постановления № 54 не может изменять порядок проведения процедур и очередность удовлетворения требований кредиторов, установленные Законом о банкротстве, т.е. нельзя в одностороннем порядке повысить очередность удовлетворения своих требований, например, до уровня кредиторов, чьи требования обеспечены залогом имущества.

Более того, требования младших кредиторов в процедуре банкротства все равно будут включены в реестр требований кредиторов должника путем установления консолидированного требования [10]. Межкредиторское соглашение, как уже говорилось ранее, имеет только внутренний эффект, а потому ни суд, ни арбитражный управляющий должника не обязаны его учитывать.

Во-вторых, младший кредитор, получая исполнение от должника, не может отказаться от него, иначе он будет считаться просрочившимся (п. 1 ст. 406 ГК РФ). Полученное исполнение младший кредитор должен передать старшему кредитору, расходы по исполнению такой обязанности несет сам младший кредитор (п. 7 Постановления № 54).

В-третьих, в ряде правопорядков, например, в США, проверяется объем и содержание переданных по межкредиторскому соглашению прав. «Обычным» элементом таких соглашений является отказ младшего кредитора от договорных прав на получение от должника исполнения, но что делать, например, с правами, предоставляемыми младшему кредитору законодательством о банкротстве? К последним относится право голосовать на общем собрании кредиторов, право обращаться в суд с заявлением о признании должника банкротом, право оспаривать сделки должника и др.

Законодательство США запрещает передавать те права, которые относятся к публичному порядку в банкротстве, тем не менее в судебной практике нет однозначного понимания, какие это конкретно права [3, с. 39]. Следовательно, существует риск признания такого соглашения недействительным, как противоречащему законодательству о банкротстве.

В России согласно п. 2 ст. 9 ГК РФ передача прав не влечет прекращение этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом. Тем не менее Закон о банкротстве таких исключений не содержит, а потому полная передача всех прав младшего кредитора, например, права оспаривать сделки должника старшему кредитору ставится под большой вопрос (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве»).

В качестве альтернативного механизма по отношению к межкредиторским соглашениям в рамках банкротных процедур может рассматриваться конструкция номинального счёта, открываемого младшим кредитором, где выгодоприобретателем выступает старший кредитор. На указанный счёт после завершения конкурсного производства в отношении должника подлежат зачислению денежные средства [3, с. 43].

6. Соглашение о несубординации

Еще одним видом межкредиторских соглашений является соглашение о несубординации, т.е. отказ от субординации тех требований (например, компенсационное финансирование), которые при обычных условиях были бы «отнесены за реестр».

Согласно п. 10 «Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) (далее – Обзор судебной практики):

«Если предоставление займа лицом, контролирующим должника, в условиях кризиса последнего было обусловлено наличием соглашения займодавца с не связанным с должником мажоритарным кредитором, очередность удовлетворения требования контролирующего лица не понижается...».

В большинстве своем п. 10 Обзора судебной практики основан на деле «Анкор Девелопмент» [11], в ходе рассмотрения которого Верховный Суд РФ сделал вывод, что требования ГК «Анкор» (аффилированного с должником лица) не подлежат субординации в силу того, что независимый мажоритарный кредитор (банк) заключил с аффилированным кредитором соглашение в порядке ст. 309.1 ГК РФ.

Верховный Суд РФ также отметил, что банк, как независимый кредитор, знал о существовании компенсационного финансирования со стороны аффилированного лица, всесторонне обладал информацией о финансовом состоянии должника и о его корпоративной структуре. Исходя из этого Верховный Суд РФ указал, что у нижестоящих судов не было оснований для понижения очередности удовлетворения требований аффилированного с должником лица. Ведь именно непубличность предоставления финансирования и создание видимости платежеспособности должника является одним из аргументов в пользу субординации [12].

Таким образом, Верховный Суд РФ в рассматриваемом деле закрепиł возможность заключения соглашения о несубординации, однако впоследствии в п. 10 Обзора судебной практики добавил еще одно важное условие действительности таких соглашений, которое не рассматривалось в указанном деле:

«...данным соглашением не были нарушены права и законные интересы миноритарных кредиторов, не участвовавших в этом соглашении» [«the best interest of creditors test»] [13]].

При этом Егоров А.В., рассуждая о деле «Анкор Девелопмент» на одном из круглых столов, высказал мнение, что интересы миноритарных независимых кредиторов не могут быть затронуты соглашением о несубординации, которое заключил мажоритарный независимый кредитор (банк) с аффилированным лицом, собственно таким выводом руководствовался и Верховный Суд РФ в указанном деле.

Представляется, что позиция Верховного Суда РФ в деле «Анкор Девелопмент», является более верной, т.к. соглашение о несубординации не может нарушать права лиц, в нем не участвовавших [14]. Иное положение дел неизбежно бы приводило к ситуации, когда требования независимого кредитора-третьего лица удовлетворялись бы на меньшую сумму в связи с тем, что в реестре находится кредитор, требование которого при обычных условиях было бы субординировано.

Стоит также отметить, что соглашение о несубординации совсем не обязательно должно быть заключено путем подписания некоего документа, названного соответствующим образом. Наличие такого соглашения может следовать из совокупности доказательств, контекста взаимоотношений сторон и фактических (конклюдентных) действий (п. 5 Обзора судебной практики).

7. Заключение

Таким образом, на настоящий момент институт межкредиторских соглашений не имеет исчерпывающего законодательного регулирования, что порождает ряд проблем, требующих немедленного решения. Само межкредиторское соглашение может быть заключено как с участием должника, так и без такового, однако в последнем случае оно не будет порождать для него какие-либо правовые последствия.

Межкредиторское соглашение, с одной стороны, отвечает интересам кредитора, который получает наиболее полное удовлетворение своих требований, с другой стороны, интересам должника, который тем самым сможет реструктурировать свой долг и сохранить платежеспособность. Более того, межкредиторское соглашение может соответствовать и интересам контролирующего должника лица, которые предоставляя займы своему обществу наряду с внешними

независимыми инвесторами будут становиться «равными» кредиторами (кредиторами одной очереди), путем заключения соглашения о несубординации.

Литература

1. Карпетов А.Г., Савельев А.И. *Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений* // СПС «КонсультантПлюс».
2. Широкова Е. Субординация требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования. Журнал РШЧП. Выпуск № 3 / ноябрь – декабрь / 2018.
3. Мелихов Е. Субординация долга: практика Великобритании, США и перспективы применения в России. // Слияния & поглощения № 4 (18). 2015.
4. Гуреев В.А. Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику – новелла гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. // СПС «Гарант».
5. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография // А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. С. 203.
6. Кулаков В.В. Межкредиторское соглашение как новый вид гражданско-правового договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 45.
7. Харитонов Ю.С. Межкредиторские соглашения в российской доктрине и практике // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79) июнь. С. 106.
8. Ho L.C. A Matter of Contractual and Trust Subordination. URL: <https://ssrn.com/abstract=852764>.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2023 № 305-ЭС23-4897 по делу № А40-174540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 по делу № А81-7027/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Шайдуллин А.И. Основные политико-правовые аргументы pro и contra идеи субординации займов участников юридических лиц // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 1. С. 95, 96.
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2019 № 09АП-31099/2019 по делу № А40-71988/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Intercreditor agreements in insolvency (bankruptcy) proceedings: issues of legal regulation

Novikov A.V.

Lomonosov Moscow State University

The current state of affairs in insolvency (bankruptcy) cases is characterized by a low percentage of satisfaction of creditors' claims, especially those of persons affiliated with the debtor, which is why this group of persons needs effective methods of protection.

Taking this trend into account, the article will demonstrate the main advantages of intercreditor agreements in the insolvency (bankruptcy) process. On the one hand, under certain circumstances, intercreditor agreements can be beneficial to independent creditors; on the other hand, they can also be advantageous to persons directly related to the debtor.

The author will provide a classification of intercreditor agreements and will examine in detail each type of agreement based on a comparative approach. The article will highlight the main risks that the parties will have to face when concluding intercreditor agreements.

In addition, the author will outline the main stages in the development of this institution in the domestic legal system. The article will also examine in detail the issues related to the validity of intercreditor agreements in the context of insolvency (bankruptcy).

Keywords: intercreditor agreements, subordination agreement, non-subordination agreement, compensatory financing, minority and majority creditors.

References

1. Karapetov A.G., Savelyev A.I. *Freedom of contract and its limits: in 2 volumes. Moscow: Statute, 2012. Vol. 1: Theoretical, historical and political-legal foundations of the principle of freedom of contract and its limitations* // Legal Reference System «ConsultantPlus».
2. Shirokova E. Subordination of creditors' claims in bankruptcy proceedings: foreign experience and prospects of domestic regulation. Journal of the Russian School of Private Law. No. 3 / November – December / 2018.
3. Melikhov E. Subordination of debt: the practice of Great Britain, the USA and prospects for application in Russia. // Mergers & Acquisitions No. 4 (18). 2015.
4. Gureev V.A. Agreement of creditors on the procedure for satisfying their claims to the debtor – a novel of civil legislation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 2. // Legal Reference System «Garant».
5. Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph // A.B. Baranova, A.Z. Bobyleva, V.A. Vaipan et al.; edited by S.A. Karelin, I.V. Frolov. M.: Justicinform, 2020. P. 203.
6. Kulakov V.V. Intercreditor agreement as a new type of Civil Law Contract // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 2. P. 45.
7. Kharitonova Y.S. Intercreditor agreements in Russian doctrine and practice // Actual problems of Russian law. 2017. No. 6 (79) June. P. 106.
8. Ho L.C. A Matter of Contractual and Trust Subordination. URL: <https://ssrn.com/abstract=852764>.
9. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.09.2023 No. 305-ES23-4897 in case No. A40-174540/2021 // Legal Reference System «ConsultantPlus».
10. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.02.2019 No. 304-ES18-14031 in case No. A81-7027/2016 // Legal Reference System «ConsultantPlus».
11. Shaydullin A.I. The main political and legal arguments pro and contra the idea of subordinating loans to participants of legal entities // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 1. PP. 95, 96.
12. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 30.07.2019 No. 09AP-31099/2019 in case No. A40-71988/2017 // Legal Reference System «ConsultantPlus».

Компенсация морального вреда в случаях нарушений личных неимущественных прав участников семейных правоотношений

Корнилова Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Дальневосточный филиал Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, n_kornilva@mail.ru,

Орлова Ирина Витальевна

старший преподаватель высшей школы теории права и частного права, Тихоокеанский государственный университет имени М. П. Даниловского, 013098@pnu.edu.ru

Статья посвящена исследованию проблем компенсации морального вреда, возникающего вследствие нарушения личных неимущественных прав участников семейных правоотношений. Анализируются соотношение норм семейного и гражданского законодательства, правовая природа подлежащих защите неимущественных прав и нематериальных благ, основания возникновения права на компенсацию морального вреда. Изучены материалы судебной практики и аргументированы позиции о возможности применения такого способа защиты. В отношении отдельных неимущественных прав и нематериальных благ. Обосновывается вывод о необходимости более последовательного разграничения нарушения личного неимущественного семейного права, нематериального блага и простого конфликтного поведения членов семьи. Предлагаются направления совершенствования судебной практики в части критериев установления морального вреда.

Ключевые слова: нравственные страдания, компенсация морального вреда, семейные правоотношения, личные неимущественные права, семейные связи, родственные связи, супруги, родители, дети, судебная практика.

Согласно пункту 2 статьи 8 Семейного кодекса РФ защита семейных прав осуществляется способами, предусмотренными соответствующими статьями этого Кодекса, а также иными способами, предусмотренными законом. Как справедливо отмечает В. В. Долинская, законодатель не даёт даже примерного перечня способов защиты семейных прав, что порождает целый ряд вопросов, в частности, о допустимости применения гражданско-правовых способов защиты в семейных отношениях [1; с. 3 - 9]. В настоящей статье исследуется вопрос о допустимости компенсации морального вреда в случаях нарушений личных неимущественных прав и нематериальных благ участников отношений, регулируемых семейным законодательством. Применение гражданско-правового института компенсации морального вреда к семейным отношениям в настоящее время получило распространение в судебной практике. Это отчасти обусловлено принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», в котором право на уважение родственных и семейных связей прямо отнесено к числу личных неимущественных прав, нарушение которых способно являться основанием для компенсации морального вреда (пункт 1 Постановления).

Анализируемый способ защиты упоминается в Семейном кодексе РФ в подпункте 2 пункта 4 статьи 30 СК РФ, согласно которой добросовестный супруг, предъявивший иск о признании брака недействительным, вправе требовать возмещения причинённого ему материального и морального вреда по правилам, предусмотренным гражданским законодательством. Исследуя этот вопрос, В. В. Долинская выделяет и другие примеры компенсации морального вреда – при нарушении правового режима тайны об усыновлении, об использовании суррогатного материнства и т.д., предусмотренные Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1; с. 3 - 9]. Эти случаи не являются единственными, поскольку в соответствии с ГК РФ и пунктом 2 вышеуказанного Постановления отсутствие специального указания закона о возможности компенсации морального вреда применительно к конкретному правоотношению само по себе не означает невозможности такой компенсации, если нарушено личное неимущественное право или нематериальное благо. Это правило применяется и при рассмотрении исковых требований о компенсации морального вреда при рассмотрении гражданских дел по иным спорам, возникшим из семейных правоотношений. Однако всегда ли нарушение личных неимущественных семейных прав или нематериальных благ, не являющееся в силу прямого указания закона основанием для компенсации морального вреда, станет основанием требовать такую компенсацию, даже если участник семейного правоотношения докажет факт физических или нравственных страданий? Представляется, ответ должен быть отрицательным по нескольким причинам.

Во-первых, моральный вред характеризуется законодателем как последствия нарушения личных неимущественных прав или посяательства на иные нематериальные блага. Иными словами, неправомерное деяние должно быть главной причиной, с неизбежностью влекущей причинение морального вреда [6; с. 21]. Однако семейные правоотношения в значительной степени представляют собой эмоциональное, физическое и моральное взаимодействия между субъектами. Не все права и обязанности их участников являются правовыми, и, соответственно, не всякий конфликт имеет юридическую природу. Поэтому юридически значимым является не сам факт негативного эмоционального переживания, а его обусловленность противоправным посятельством на охраняемое семейным законодательством право или нематериальное благо. И основная трудность на практике заключается в установлении и квалификации последних.

Во-вторых, специфика семейных отношений, пронизанных глубокими личными связями, эмоциональной зависимостью сторон и отсутствием чётких стоимостных эквивалентов нарушенных благ, придаёт применению данного способа защиты уникальный характер. Как справедливо отмечает А. М. Эрделевский, «моральный вред в семейном праве – это всегда вторжение в самую интимную

сферу человеческого бытия, где имущественная оценка страданий носит лишь символический характер» [5; с. 171-173]. Как следует из содержания статьи 4 СК РФ, к личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, нормы гражданского законодательства о компенсации морального вреда могут быть применены постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений. Поэтому не всегда представляется возможным и необходимым присуждать такую компенсацию, которая не выполнит своё назначение. Например, если супруге присудить компенсацию морального вреда по причине измены супруга или охлаждения чувств, то вряд ли эта компенсация будет способна восстановить эмоциональное состояние «пострадавшей» стороны. Нет в данном случае и других оснований (в частности, объекта защиты) для присуждения компенсации. Поэтому представляется спорной точка зрения учёных, предлагающих в рассматриваемом случае такую компенсацию присуждать. Мужчина и женщина, используя право на заключение брака, реализуют тем самым охраняемый законом интерес состоять в семейном правоотношении с конкретным лицом. Однако, как отмечалось ранее, специфика семейных отношений между супругами состоит в том, что большинство взаимных прав и обязанностей супругов не являются юридическими (право на любовь, взаимное уважение и т.п.). Поэтому «обиженный» супруг по случаю развода лишён возможности защиты таких прав вполне обоснованно. Иначе обстоит дело в случае, когда один из супругов причиняет другому телесные повреждения, оскорбления и т.п. В таком случае у пострадавшего возникает право требовать компенсации морального вреда не как у супруга, а как у гражданина – участника гражданских правоотношений, возникших в связи с причинением физических или нравственных страданий в связи с ущемлением чести и/или достоинства, причинением вреда здоровью.

В-третьих, моральный вред – это мера юридической ответственности за нарушение, допущенное участником семейных правоотношений. Речь идёт о случаях, когда законодателем предусмотрена юридическая обязанность субъекта отношения, регулируемого семейным законодательством, она не исполняется последним и, как следствие, нарушается корреспондирующее субъективное право или нематериальное благо другой стороны, либо лицо злоупотребляет принадлежащим ему субъективным правом.

Полагаем, в качестве не предусмотренных законом примеров, когда допустимо присуждение компенсации морального вреда, можно привести следующие.

1. Супруг предъявил иск о расторжении брака в условиях запрета на предъявление такого иска без согласия супруги в период её беременности или в течение года после рождения ребёнка (ст. 17 СК РФ). В рассматриваемом примере он нарушил правила нормы, обеспечивающие, в первую очередь, моральное и физическое здоровье женщины, ожидающей или родившей ребёнка. Представляется, она вправе требовать компенсации морального вреда в случае отказа в принятии вышеуказанного искового заявления супруга и при вынесении определения о прекращении производства по делу в связи с отсутствием у истца права на предъявление иска, если эти действия вызвали, например, у беременной женщины тяжелейший стресс, угрозу преждевременных родов или иные негативные физиологические или психологические последствия. Супругом в этом случае не была исполнена обязанность соблюдения условий предъявления иска. Объектом защиты по иску о компенсации морального вреда будет нематериальное благо – физическое и психическое здоровье женщины.

2. В случае принятия решения об удовлетворении исковых требований о признании брака недействительным по основаниям, предусмотренным абзацами 2, 3, 5 пункта 1 статьи 28 Семейного кодекса РФ. Представляется, если супруг принудил истца заключить брак, скрыл факт состояния в предыдущем не расторгнутом браке или наличия венерического заболевания либо ВИЧ-инфекции, последний также вправе требовать компенсации морального вреда. В перечисленных пунктах прямо указано, что предъявить иск может супруг, право которого нарушено. Какие права подразумевает законодатель? Полагаем, это могут быть не только субъективные личные неимущественные права, но и нематериальные блага: это право на достоинство личности (ст. 21 Конституции РФ); право на заключение брака на условиях, предусмотренных законом; физическое и психическое здоровье. Супруг по предыдущему не расторгнутому браку, узнав о вступившем в законную силу судебном решении

о признании последующего брака недействительным по основанию, предусмотренному абзацем 3 пункта 1 статьи 28 Семейного кодекса РФ, вправе требовать от супруга компенсации морального вреда в связи с нарушением не только достоинства, но и права на уважение семейных связей.

Примечательно, что несмотря на прямое закрепление в Семейном кодексе РФ права на компенсацию морального вреда при предъявлении иска о признании брака недействительным (абзац 4 пункта 1 статьи 28 СК РФ) и официальные разъяснения Президиума Верховного Суда РФ, изложенные в Обзоре судебной практики от 14.12.2022 года (пункт 18), в научных источниках остаётся дискуссионным вопрос о допустимости присуждения такой компенсации.

По мнению И. А. Михайловой, остаётся неясным, какое конкретно личное неимущественное право добросовестного супруга было нарушено или на какое из принадлежащих ему нематериальных благ было совершено посягательство действиями недобросовестного супруга, реализовавшего намерение заключить фиктивный брак. При этом автор исключает возможность защиты в рассматриваемой ситуации права на уважение личной и семейной жизни, поскольку на территории Российской Федерации прекратила действие Европейская конвенция о защите прав и свобод, где такое право было закреплено [2; с. 17 – 20].

Другие учёные, напротив, полагают, что признание брака недействительным без возможности денежной оценки перенесённых страданий оставляет добросовестного супруга в состоянии правовой незащищённости. Компенсация здесь выступает не просто «мерой наказания» для виновного, но и способом сглаживания эмоционального дисбаланса пострадавшей стороны. Кроме того, она выполняет важную превентивную функцию, удерживая потенциальных правонарушителей от заключения фиктивных союзов [3; с. 158; 6; с. 79-80;].

Последняя точка зрения видится обоснованной. Истец защищает не юридическую конструкцию «брака» как такового, которая признаётся несуществующей *ab initio* (с самого начала), а, как отмечалось ранее, свои личные нематериальные права и блага, гарантированные Конституцией РФ и отраслевым законодательством:

- право на достоинство личности и защиту от унижающего обращения. Использование супруга в качестве «инструмента» для достижения корыстных целей (получение гражданства, доступа к наследственной массе или социальным выплатам) объективно умаляет его честь и личное достоинство;

- право на неприкосновенность частной жизни и личную автономию, психическое здоровье. Вторжение ответчика в сферу интимных отношений под ложным предлогом создания семьи причиняет глубокие нравственные страдания;

- право на уважение семейных связей. В случае фиктивности союза время, затраченное истцом на формальное сожительство, лишает его возможности создать полноценную семью с добросовестным партнером, что также подлежит учёту и правовой оценке судом;

- физическое здоровье. Нравственные страдания, вызванные обманом партнера, могут трансформироваться в физические (невротические расстройства, психосоматические заболевания).

Позиция судов общей юрисдикции основывается на том, что право на компенсацию морального вреда производно от статуса добросовестного супруга. Суд не вправе отказать в удовлетворении данного искового требования лишь на основании отсутствия материального ущерба, поскольку ст. 151 ГК РФ закрепляет самостоятельность данного способа защиты.

3. Представляется, истец-мужчина вправе требовать компенсации морального вреда, если удовлетворён иск об оспаривании отцовства, и при этом достоверно установлен факт осведомлённости матери ребёнка о том, что истец не является биологическим родителем ребёнка. Объектами судебной защиты здесь также являются достоинство и право на уважение семейных связей. Однако судебная практика по рассмотрению таких исков противоположна.

Так, решением Прикубанского районного суда г. Краснодара от 28.01.2013 г., оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 16.07.2013 г., были удовлетворены иски о признании отцовства и взыскании компенсации морального вреда. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 20.05.2014 г. по кассационной жалобе Н. отменила указанные судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в

суд первой инстанции. Отменяя обжалуемые акты в части требования о компенсации морального вреда, высшая судебная инстанция указала, что право требовать такой компенсации не основано на нормах семейного законодательства, такого способа защиты прямо СК РФ не предусмотрено. В дальнейшем суды общей юрисдикции, рассматривавшие подобные исковые требования, занимали и продолжают занимать аналогичную позицию.

Однако, полагаем, что в дальнейшем практика изменится в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33, допускающего возможности компенсации морального вреда, если нарушено личное неимущественное право или нематериальное благо. Считает возможным предъявление подобных исков и Т. В. Шершень, указывая, что после внесения изменений в статью 8 Семейного кодекса РФ законодательство в принципе не содержит абсолютного запрета на применение гражданско-правовых способов защиты при нарушении личных неимущественных прав в семейной сфере [4; с. 35-37].

В свете изложенного, представляется возможным использовать рассматриваемый способ защиты и в случаях отмены вступившего в законную силу судебного решения об установлении отцовства по вновь открывшимся обстоятельствам.

4. Еще один пример, когда видится допустимым требовать компенсации морального вреда – если родитель или родственники несовершеннолетнего ребенка предъявляют иск об устранении препятствий к общению с ним. Ответчик в таких случаях злоупотребляет своим правом, одновременно нарушая права истца на общение с ребенком и на уважение родственных или семейных связей, и это обстоятельство тоже может являться основанием для присуждения компенсации морального вреда.

Судебные решения об удовлетворении таких исковых требований можно найти в судебной практике. Так, Костромской районный суд Костромской области, рассмотрев гражданское дело № 2-1127/2023, установил, что мать ограничивала общение отца с ребенком, в том числе допускала его только в присутствии специалистов органа опеки, хотя оснований для такого ограничения суд не установил. Было принято решение об удовлетворении исковых требований и о присуждении компенсации морального вреда в размере 1 рубль. Суд пришел к выводу, что лишение отца возможности общаться с дочерью и его многочисленные попытки восстановить контакт свидетельствуют о переживании им нравственных страданий. Примечательно, что в последующем мужчина несколько раз обращался в суд с такими исковыми требованиями, поскольку женщина, несмотря на вступивший в законную силу судебный акт, продолжала нарушать права мужчины. Размеры компенсации морального вреда присуждались разные (7000 рублей и 5000 рублей)

Перечень вышеуказанных примеров не является исчерпывающим. Учитывая ранее изложенные в настоящей статье положения, а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 года №33, правоприменитель может удовлетворять исковые требования о компенсации морального вреда и при нарушении иных личных неимущественных семейных прав или нематериальных благ, если истцом доказаны все юридические факты, образующие предмет доказывания по делу (состав оснований ответственности за причинение морального вреда общий – наличие морального вреда, противоправное поведение причинителя вреда, наличие причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и причиненным моральным вредом, вина причинителя вреда). При этом следует внимательно подходить к вопросу установления юридического объекта правонарушений в области семейного права и гражданского права, обуславливающего нравственные или физические страдания участника этих отношений, и учитывать, что не каждое нарушение нравственных ожиданий одного члена семьи другим

должно автоматически порождать гражданско-правовую обязанность по выплате денежной компенсации. Вместе с тем чрезмерно узкое понимание защищаемых семейных прав и нематериальных благ способно оставить без эффективной защиты реально нарушенные неимущественные права личности.

Литература

1. Долинская В. В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – №1. – С. 3 – 9.
2. Михайлова И.А. Компенсация морального вреда, причиненного супругами друг другу: взаимодействие гражданского и семейного права // Семейное и жилищное право. – 2023. – №5. – С. 17 – 20.
3. Тагаева С.Н. К проблеме компенсации морального вреда в семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып 1(15). К проблеме компенсации морального вреда в семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2012. — Вып 1(15). — С. 157-163.
4. Шершень Т. В. «О теоретической возможности и практической применимости компенсации морального вреда при защите семейных прав // Судья. – 2017. – №6(78). – С. 35-37.
5. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд. испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 320 с.
6. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания : научно-практическое пособие. – М.: Изд-во БЕК, 1997. – 188с.

Compensation for moral harm in cases of violations of personal non-property rights of participants in family legal relations

Kornilova N.V., Orlova I.V.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Pacific State University named after M. P. Danilovsky

The article is devoted to the study of the problems related to compensation for moral damage arising from the violation of the personal non-property rights of participants in family legal relations. The analysis focuses on the relationship between the norms of family and civil legislation, the legal nature of non-property rights and intangible assets that are subject to protection, and the grounds for the emergence of the right to compensation for moral damage. The materials of judicial practice have been studied, and the positions regarding the possibility of applying this method of protection in relation to certain non-property rights and intangible assets have been substantiated. The conclusion is substantiated that there is a need for a more consistent differentiation between violations of personal non-property family rights, intangible assets, and simple conflictual behavior among family members. Directions are proposed for improving judicial practice regarding the criteria for establishing moral damage.

Keywords: moral suffering, compensation for moral harm, family legal relations, personal non-property rights, family ties, kinship ties, spouses, parents, children, judicial practice.

References

1. Dolinskaya V. V. Protection of family rights: nature and development trends // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2023. – No. 1. – P. 3–9.
2. Mikhailova I. A. Compensation for non-pecuniary damage caused by spouses to each other: interaction between civil and family law // Family and Housing Law. – 2023. – No. 5. – P. 17–20.
3. Tagaeva S. N. On the issue of compensation for non-pecuniary damage in family law // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. – 2012. – Issue 1(15). – P. 157–163.
4. Shershen T. V. On the theoretical possibility and practical applicability of compensation for non-pecuniary damage in the protection of family rights // Sudya [The Judge]. – 2017. – No. 6(78). – P. 35–37.
5. Erdelevsky A. M. Compensation for non-pecuniary damage: analysis and commentary on legislation and judicial practice. 3rd ed., rev. and suppl. – Moscow: Wolters Kluwer, 2007. – 320 p.
6. Erdelevsky A. M. Non-pecuniary damage and compensation for suffering: a scientific and practical guide. – Moscow: BEK Publishing House, 1997. – 188 p.

Правовые последствия наследования доли в ООО несколькими наследниками

Сычев Александр Игоревич

аспирант, кафедра гражданского права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, aisychew@gmail.com

Настоящая статья посвящена анализу правового режима доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объекта, переходящего в порядке наследования к нескольким наследникам одновременно. Автор исходит из того, что доля по своей гражданско-правовой природе является имущественным правом участника к обществу, а не вещью, и на этой основе рассматривает правовой режим общей долевой собственности наследников на долю в период между открытием наследства и его разделом, а также существующие способы прекращения такой множественности - соглашение о разделе наследства, судебный раздел, выплату денежной компенсации. Особое внимание уделяется корпоративно-правовому ограничению перехода доли к наследникам в виде необходимости получения согласия участников общества.

Ключевые слова: наследование, доля в уставном капитале, имущественное право, общая долевая собственность наследников, раздел наследства, корпоративное правопреемство, действительная стоимость доли, согласие участников общества.

Переход прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее - ООО, общество) в порядке наследования представляет собой сложный правовой институт на пересечении наследственного и корпоративного права, что обусловлено противоречивой природой данного правового института: с одной стороны, доля умершего участника общества выступает имущественным правом, входящим в наследство по общим правилам гражданского законодательства (статья 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее - ГК РФ), с другой - является инструментом участия в корпорации, что порождает специальные правила её перехода, отличные от общего порядка наследования вещей и иного имущества.

Актуальность темы существенно возрастает в ситуации, когда наследодателю принадлежала единственная доля в уставном капитале, а наследников по закону или по завещанию несколько. Поскольку доля представляет собой единый комплекс прав определённого размера (процента или дроби от уставного капитала), а не физически обособленную вещь, переход такой доли одновременно к нескольким наследникам порождает ряд практических вопросов: о моменте возникновения прав наследников на долю, о характере правоотношений между сонаследниками до раздела наследства, о допустимости, способе и процедуре распределения доли среди наследников, действии устава общества при реализации корпоративных прав наследниками.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1176 ГК РФ в состав наследства участника общества с ограниченной или с дополнительной ответственностью входит доля этого участника в уставном капитале соответствующего общества. Данная норма имеет решающее значение, поскольку прекращает существовавший ранее в доктрине спор о допустимости отнесения корпоративных прав к объектам наследственного правопреемства: доля переходит к наследникам не в порядке сингулярного правопреемства через волю остальных участников общества, а в соответствии с правилами об универсальном правопреемстве, характерными для наследования в целом.

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет корректное определение гражданско-правовой природы доли. Статья 128 ГК РФ, к объектам гражданских прав относит вещи и иное имущество, в том числе имущественные права, то есть категории объектов в системе гражданского законодательства разграничены. По своей правовой природе доля в уставном капитале общества является имущественным правом участника по отношению к обществу и относится именно к «иному имуществу» в смысле статьи 128 ГК РФ, а не к вещам. Такая квалификация подтверждается позицией высших судебных инстанций, согласно которой доля в уставном капитале хозяйственного общества прямо названа имущественным правом участника к обществу.

Не являясь вещью, указанная доля представляет собой способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника такого общества,

Аналогичный подход последовательно применялся в практике арбитражных судов.

Данное уточнение имеет не только теоретическое, но и практическое значение для настоящей работы: поскольку доля не является вещью, к отношениям по поводу её перехода к нескольким наследникам неприменимы без специальной оговорки правила Гражданского кодекса, рассчитанные именно на раздел вещей (в частности, правила статьи 133 ГК РФ о неделимых вещах и производные от неё правила статей 1168 и 1170 ГК РФ о преимущественном праве на неделимую вещь при разделе наследства). Правовой режим множественности наследников на долю должен строиться на общих нормах о наследовании имущественных прав и об общей долевой собственности наследников, а не на конструкции, разработанной законодателем для раздела вещей.

Существенным является и момент, с которого наследник приобретает право на долю. По общему правилу, вытекающему из статьи 1152 ГК РФ, принятое наследство признаётся принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его

фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит регистрации. Применительно к доле в уставном капитале это означает, что имущественное содержание права на долю возникает у наследника ретроспективно - с даты смерти наследодателя, тогда как реализация корпоративных правомочий (участие в общих собраниях, голосование) объективно возможна лишь после получения свидетельства о праве на наследство, в состав которого входит доля участника в уставном капитале общества, согласия остальных участников общества не требуется – подобное одобрение, если оно предусмотрено учредительными документами, требуется только для включения наследника в состав участников общества. Это разграничение свидетельствует о том, что между моментом, когда наследник приобретает имущественные права на долю, и моментом, когда он окончательно обретает корпоративный статус участника, существует временной разрыв. На практике именно это обстоятельство нередко порождает конфликтные ситуации, в первую очередь в обществах с минимальным числом участников.

С момента открытия наследства и до момента раздела наследственного имущества между наследниками, принявшими наследство, наследственное имущество, в том числе доля в уставном капитале, находится в общей долевой собственности наследников - на данные отношения распространяются положения главы 16 ГК РФ об общей собственности с учётом правил статей 1164–1170 ГК РФ. Это означает, что до раздела наследники не приобретают индивидуально обособленной части доли, а становятся сообладателями единого имущественного права, притом что размер их долей в праве общей собственности на долю определяется наследственными долями каждого из них.

Применительно к обществу с ограниченной ответственностью подобная множественность лиц на стороне участника порождает ряд практических затруднений. Устав или закон, как правило, исходят из того, что стороной корпоративных правоотношений выступает одно лицо - участник общества, обладающий определённым процентом или номинальной стоимостью доли. Между тем в ситуации, когда доля перешла к нескольким наследникам, а раздел не произведён, возникает необходимость определить порядок осуществления единых корпоративных прав несколькими сообладателями.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о судьбе доли в период, предшествующий принятию наследства кем-либо из наследников или истечению срока для его принятия (пункт 1 статьи 1163 ГК РФ). В указанный период доля как выморочное либо ещё не принятое имущество не имеет управомоченного субъекта корпоративных прав, что может парализовать деятельность общества при отсутствии иных участников. Для разрешения такого вопроса и исключения неблагоприятных последствий для общества существуют Методические рекомендации, которые в совокупности со ст. 1173 ГК РФ более подробно регламентируют порядок учреждения доверительного управления долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Управление акциями, долями в уставном капитале корпорации необходимо, поскольку в период отсутствия такого управления другие участники корпорации могут принять решения, не отвечающие интересам наследников – будущих правообладателей, в том числе влекущие снижение стоимости указанных объектов.

Далее целесообразным является рассмотрение вопроса о способах прекращения множественности наследников на долю в уставном капитале, в частности действующее законодательство предусматривает несколько правовых механизмов, посредством которых множественность наследников доли может быть прекращена.

Во-первых, раздел наследства по соглашению наследников (статья 1165 ГК РФ). Наследники, принявшие наследство, вправе заключить соглашение о разделе наследства, в том числе включающего долю в уставном капитале, самостоятельно определив, кому из них перейдёт доля целиком, кому - иное имущество, соразмерное по стоимости, либо предусмотрев выплату денежной компенсации.

Такое соглашение может быть заключено и в случае, если доля переходит к нескольким наследникам в долях, не совпадающих с долями, причитающимися им по закону или по завещанию, - при условии соблюдения общих требований о размере обязательной доли соответствующих наследников (статья 1149 ГК РФ). В случае, когда учредительные документы общества не содержат соответствующих ограничений, наследники также вправе договориться о фактическом распределении наследуемой доли между собой, в результате чего соответствующий наследник становится обладателем причитающейся ему доли и как следствие, самостоятельным участником ООО. Данная возможность прямо согласуется с пунктом 8 статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон об ООО), устанавливающим общее правило перехода доли к наследникам.

Во-вторых, судебный раздел наследства при недостижении соглашения. При отсутствии согласия наследников относительно распределения доли в уставном капитале раздел производится в судебном порядке. Подобные споры возникают достаточно часто в силу специфики корпоративных отношений и ограничений, установленных законодательством о наследовании и юридических лицах. Разрешение таких конфликтов судами формирует важную практику, направленную на обеспечение баланса интересов наследников, стабильности гражданского оборота и защиты прав остальных участников общества. В связи с этим вопросы судебного раздела доли требуют отдельного детального теоретического и практического исследования.

Изложенное показывает, что помимо совместного управления наследниками унаследованными долями в уставном капитале пропорционально их доле при наследовании, закон предоставляет наследникам достаточно гибкий, хотя и не полностью формализованный применительно к долям в уставном капитале, инструмент для разрешения ситуации множественности наследников. Практическая реализация каждого из перечисленных механизмов дополнительно осложняется необходимостью учитывать корпоративно-правовые ограничения, установленные уставом общества и Законом об ООО, основным из которых является возможность включения в устав ООО отдельного положения о необходимости получения согласия участников общества на переход доли наследодателя к наследникам.

Пункт 8 статьи 21 Закона об ООО устанавливает общее правило, в соответствии с которым доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества. Тем самым закон закрепляет диспозитивную модель регулирования: по умолчанию переход доли к наследникам не требует одобрения остальных участников, однако устав вправе установить обратное, предусмотрев необходимость получения согласия участников на переход доли к наследникам.

Причина исключения преемства состоит в том, что для субъектов отношения, включая самого наследодателя, личные качества участников имели существенное значение, что является довольно очевидным обоснованием целей включения соответствующего условия в учредительные документы.

Порядок получения такого согласия детализирован в пункте 10 статьи 21 Закона об ООО и подразумевает под собой презумпцию молчаливого согласия, что в определённой степени защищает интересы наследников от недобросовестного затягивания процедуры остальными участниками.

В тех случаях, когда участниками общества не дано согласие на наследование доли в уставном капитале умершего участника общества, тогда как такое согласие в соответствии с уставом общества было необходимо, предметом наследования может являться только действительная стоимость доли в уставном капитале умершего участника общества либо с согласия наследника (наследников) соответствующая ей часть.

Правовым последствием отказа участников общества в согласии на переход доли к наследнику выступает не блокирование наследственного правопреемства как такового (доля в любом случае считается перешедшей к наследнику в силу универсального правопреемства с момента открытия наследства), а трансформация имущественного содержания унаследованного права: в соответствии с пунктом 1 статьи 1176 ГК РФ наследник, которому отказано в согласии на вступление в общество, вправе получить от общества

действительную стоимость унаследованной доли либо соответствующую ей часть имущества общества в натуре. Данное правило имеет существенное значение для темы настоящей статьи, поскольку означает, что отказ в согласии не устраняет множественность наследников как таковую, а лишь видоизменяет предмет их прав на неделимый объект: вместо доли как комплекса корпоративных прав наследники приобретают денежное требование к обществу, которое, в свою очередь, также входит в состав наследства и подлежит разделу между несколькими наследниками на общих основаниях, как делимое по своей природе обязательственное право требования уплаты денежной суммы, что существенно упрощает раздел наследства между несколькими наследниками.

Определение действительной стоимости доли для указанных целей производится, по общему правилу, исходя из данных бухгалтерской отчётности общества за последний отчётный период, предшествующий дню обращения наследника с соответствующим требованием, а при возникновении спора - на основании судебной экспертизы стоимости чистых активов общества. Методологические сложности такой оценки (выбор между балансовой и рыночной стоимостью активов, учёт стоимости деловой репутации и иных нематериальных факторов) выходят за пределы предмета настоящей статьи, однако заслуживают самостоятельного научного рассмотрения, поскольку напрямую влияют на размер имущества, подлежащего разделу между несколькими наследниками.

Подводя итог проведенной работе представляется возможным сформулировать следующие выводы. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью входит в состав наследства участника общества на общих основаниях и переходит к наследникам в порядке универсального правопреемства с момента открытия наследства. По своей гражданско-правовой природе доля является имущественным правом участника к обществу, а не вещью, что определяет применимый к ней правовой режим при переходе к нескольким наследникам. Отдельным ограничителем перехода доли к наследникам выступает предусмотренная уставом необходимость получения согласия остальных участников общества, отказ в котором не препятствует универсальному правопреемству как таковому, но трансформирует предмет прав наследников из доли как корпоративного актива в денежное требование о выплате её действительной стоимости. Выявленные проблемы - прежде всего связанные с периодом корпоративной неопределённости до раздела доли, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в направлении более детальной регламентации временного управления унаследованной долей и порядка взаимодействия сонаследников с обществом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 49. ст. 4552.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. 6 июня.
4. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.11.2007).

5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.11.2012 № 7454/12 по делу № А24-1270/2011.

6. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.10.2013 № ВАС-14602/13 по делу № А70-11153/2012.

7. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П. В. Крашенинников. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва : Статут, 2021. С. 187.

8. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. - 511 с. С. 462.

9. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / под общей редакцией Е. Ю. Петрова. — Москва : М-Логос, 2018. С. 59.

10. "Методические рекомендации по теме "О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью" (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 - 29.05.2010).

Legal consequences of inheriting a share in an LLC by several heirs Sychev A.I.

Ural State Law University named after V.F. Yakovleva

The article examines the legal regime of a share in the charter capital of a limited liability company as an object of succession passing simultaneously to several heirs. Proceeding from the premise that, under Russian civil law, a share is a proprietary right of a participant against the company rather than a thing, the author analyses the legal regime of common shared ownership of heirs over the share in the period between the opening of succession and its division, as well as the existing methods of terminating such plurality - an agreement on division of the estate, judicial division, and monetary compensation. Particular attention is paid to the corporate-law restriction on the transfer of a share to heirs in the form of the requirement to obtain the consent of the company's participants.

Keywords: succession, share in charter capital, proprietary right, common shared ownership of heirs, division of estate, corporate succession, actual value of a share, consent of company participants.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on March 18, 2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.
2. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998 "On Limited Liability Companies" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 of May 29, 2012 "On Judicial Practice in Inheritance Cases" // Rossiyskaya Gazeta. 2012. June 6.
4. Review of Legislation and Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the Third Quarter of 2007 (approved by Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of November 7, 2007).
5. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation No. 7454/12 of November 13, 2012, in Case No. A24-1270/2011.
6. Ruling of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation No. VAS-14602/13 of October 30, 2013, in Case No. A70-11153/2012.
7. Krashenninikov, P.V. Inheritance Law (Including Inheritance Funds, Inheritance Contracts and Joint Wills). 5th ed., rev. and enl. Moscow: Statut, 2021. P. 187.
8. Civil Law: Textbook. In 2 vols. / ed. by B.M. Gongalo. Vol. 1. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Statut, 2017. 511 p. P. 462.
9. Inheritance Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by E.Yu. Petrov. Moscow: M-Logos, 2018. P. 59.
10. Methodological Recommendations on "Inheritance of Shares in the Charter Capital of Limited Liability Companies" (approved at the session of the Coordination and Methodological Council of Notary Chambers of the Southern Federal District, North Caucasian Federal District, and Central Federal District of the Russian Federation, May 28–29, 2010).

Допустимость использования объектов интеллектуальной собственности при обучении нейросетей

Тамаев Арсений Витальевич

аспирант, кафедра информационного и интеллектуального права, цифровых технологий и инноватики, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, ai-ip-law@mail.ru

Статья посвящена правовым аспектам использования объектов интеллектуальной собственности при обучении генеративных моделей искусственного интеллекта. В условиях быстрых технологических изменений, связанных с внедрением генеративного ИИ, возникает необходимость балансировать между инновациями и защитой авторских прав. Основной проблемой является использование больших объемов данных, многие из которых защищены авторским правом, без ведома и согласия правообладателей. Генеративные модели, обучающиеся на таких данных, могут случайно «запоминать» защищенный контент — воспроизводить его частично или полностью в выдаваемых результатах, что приводит к правовым спорам и судебным искам. В статье рассматриваются различные подходы к прозрачности данных для обучения ИИ, а также правовые нормы, которые регулируют использование таких данных в России. Особое внимание уделяется отсутствию четких норм в российском законодательстве, что создает правовую неопределенность. Работа анализирует возможные риски для разработчиков ИИ и пути их минимизации через совершенствование законодательства в области авторских прав. В заключении акцентируется внимание на необходимости формирования новых правовых норм, обеспечивающих баланс между инновациями и защитой интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение нейросетей, объекты интеллектуальной собственности, авторское право, исключительное право.

С момента дебюта ChatGPT в конце 2022 года внимание политиков по всему миру привлек генеративный искусственный интеллект (далее — ИИ) [1]. Он широко рассматривается как технология с преобразующим потенциалом, однако ставит перед политиками серьезные вопросы: как реагировать на потенциал технологии воспроизводить или усиливать существующие предубеждения и предрассудки, распространять дезинформацию и угрожать средствам к существованию людей (особенно в творческих индустриях) [2]. Перед законом стоит сложный вопрос о том, как можно смягчить вред генеративного ИИ, не подавляя инновации.

Генеративный ИИ поднимает глубокие вопросы относительно основополагающих положений, лежащих в основе авторского права. Один из наиболее острых из них касается данных, используемых для обучения моделей генеративного ИИ [3]. Эти модели требуют огромных объемов данных: миллионов текстовых документов, изображений, аудиофрагментов и других форм контента. Большая часть этих материалов защищена авторским правом, но разработчики ИИ зачастую практически не прилагают усилий для получения разрешения правообладателей на использование своих работ.

Правообладатели возбудили десятки судебных исков против разработчиков ИИ в различных юрисдикциях на том основании, что несанкционированное использование их работ является нарушением авторских прав [4, 5]. Разработчики ИИ возражают, что такое использование подпадает под действие различных исключений из исключительного права правообладателя разрешать воспроизведение своих работ [6]. Если правообладатели добьются успеха хотя бы в некоторых из этих случаев, то понесенный ущерб может оказаться достаточным, чтобы обанкротить даже крупнейших разработчиков ИИ [7]. Таким образом, хотя генеративный ИИ служит «стресс-тестом» для законодательства об авторском праве, законодательство об авторском праве, в свою очередь, представляет собой потенциальную «экзистенциальную угрозу» для генеративного ИИ. Это делает актуальным исследование допустимости использования объектов интеллектуальной собственности при обучении генеративного ИИ.

Целью работы является изучение допустимости использования объектов интеллектуальной собственности при обучении нейросетей. Для ее достижения были использованы структурно-функциональные и теоретические методы исследования: анализ, обобщение и синтез нормативно-правовых документов и литературы в области использования генеративного ИИ.

Для понимания значения споров вокруг авторских прав и данных для обучения ИИ необходимо рассмотреть, как эти данные используются. Современная волна популярных генеративных моделей ИИ, таких как серия GPT от OpenAI или генераторы изображений Stability AI, основана на подтипе машинного обучения, известном как «глубокое обучение» [8]. Как и другие формы машинного обучения, глубокое обучение использует «нейронные сети», то есть связанные блоки узлов, вдохновленные структурой человеческого мозга. Глубокое обучение отличается использованием нескольких слоев узлов, называемых «глубокими» слоями. Информация, проходя через них, обрабатывается на разных уровнях сложности: первые слои обычно идентифицируют простые закономерности, а последующие, опираясь на эту основу, распознают закономерности все большей сложности. Это позволяет моделям ИИ «обучаться» на больших объемах данных.

В генеративной модели ИИ закономерности и правила, выявленные в процессе обучения, могут быть затем использованы для создания нового контента [9]. Степень, в которой окончательная генеративная модель ИИ сохраняет данные, на которых она была обучена, не совсем ясна. Хотя общепризнанно, что модели ИИ кодируют закономерности, полученные из данных в процессе глубокого обучения, как числовые параметры, а не сохраняют весь набор данных для обучения, в некоторых случаях генеративные модели ИИ могут воссоздавать идентичные или почти идентичные копии материала, найденного в их тренировочных данных — явление, известное как «запоминание» [10].

Современные генеративные модели ИИ требуют огромных объемов обучающих данных. К примеру, GPT-3 был обучен на наборах данных Common Crawl и WebText2, двух наборах данных книг и англоязычной версии Википедии [11]. В дополнение к этим общим обучающим данным, модель ИИ может затем дополнительно обучаться на меньшем, курируемом наборе данных для тонкой настройки. В результате генеративная модель ИИ может быть обучена на миллионах отдельных произведений.

Разработчики моделей ИИ широко призывают к прозрачности содержания наборов обучающих данных. Хотя во многих случаях эти требования обусловлены опасениями по поводу несанкционированного использования контента, защищенного авторским правом, стоит отметить, что существуют и аргументы в пользу прозрачности обучающих данных, не связанные с авторским правом. Например, призывы к прозрачности обучающих данных также мотивированы опасениями, что их содержание может привести к предвзятым или иным несправедливым результатам [12]. Хотя все разработчики ИИ заявляют о проверке своих моделей на наличие такой предвзятости перед выпуском, прозрачность обучающих данных позволяет внешним сторонам изучать обучающие данные способами, выходящими за рамки компетенции любой отдельной команды. Прозрачность может способствовать укреплению общественного доверия к моделям ИИ, уменьшая информационную асимметрию между поставщиками и потребителями моделей.

Однако, несмотря на эти аргументы в пользу прозрачности, разработчики ИИ в последние годы стали заметно более скрытными в отношении своих тренировочных данных. Многие крупные разработчики ИИ перешли от подробных объяснений тренировочных данных, используемых для обучения конкретной модели, к описаниям отдельными предложениями. Например, OpenAI раскрыла основные источники данных для GPT-3, но в документе, представляющем GPT-4, было указано только, что данные, на которых обучалась модель, представляли собой смесь «общедоступных данных (таких как интернет-данные) и данных, лицензированных у сторонних поставщиков» [13]. OpenAI обосновала свое решение не публиковать более подробную информацию о GPT-4 опасениями относительно «конкурентной среды и последствий для безопасности крупномасштабных моделей».

Хотя эти аргументы имеют определенные основания, существуют явные возражения против них с точки зрения государственной политики. Предотвращение копирования конкурентами инновационных технологий без инвестирования сопоставимых ресурсов является общей целью для многих компаний, но лишь изредка отвечает общественным интересам; более того, отсутствие требований к прозрачности обучающих данных само по себе может способствовать антиконкурентной практике, например, позволяя крупнейшим разработчикам ИИ заключать преференциальные лицензионные соглашения с организациями, имеющими доступ к большим пулам обучающих данных. Неясно, почему ограничение доступа к обучающим данным будет особенно эффективным способом предотвращения попадания опасных инструментов ИИ в руки злоумышленников, особенно по сравнению с ограничением доступа к более конфиденциальной информации, такой как весовые коэффициенты конкретной модели ИИ [14]. Кроме того, нераскрытие информации об обучающих данных ИИ может причинить вред, затрудняя регулирующие органы и третьим лицам выявление потенциально вредоносного или дискриминационного поведения, возникающего на основе этих данных.

Таким образом, официальные аргументы против прозрачности в значительной степени неубедительны; широко распространено мнение, что основной причиной растущей непрозрачности данных для обучения является желание разработчиков ИИ избежать или минимизировать ответственность за нарушение авторских прав, содержащихся в данных для обучения. Расследование, проведенное газетой Washington Post в апреле 2024 года, показало, что многие компании, занимающиеся разработкой ИИ, даже не ведут внутренние записи своих данных для обучения из-за опасений, что это может быть использовано в качестве доказательства нарушения авторских прав или закона о защите данных [15].

Существует несколько подходов, которые предоставляют разный уровень информации о содержании рассматриваемых данных [16]. Подход, обеспечивающий максимальную степень прозрачности, заключается в том, что разработчики ИИ делают наборы обучающих данных полностью общедоступными. В рамках такого подхода

с «полным доступом» третьи стороны (включая правообладателей) могут самостоятельно просматривать данные для обучения и проверять использованный контент. Некоторые разработчики уже используют этот подход, публикуя полные копии своих данных для обучения в интернете [17].

Однако предоставление полного доступа к обучающим данным вряд ли осуществимо для большинства моделей ИИ. Во-первых, существуют логистические проблемы, связанные с размещением доступного репозитория обучающего набора данных, содержащего сотни тысяч или миллионы отдельных работ. Во-вторых, такой подход, как ни парадоксально, может противоречить закону об авторском праве; даже если правообладатель согласился на включение своей работы в набор данных посредством лицензионного соглашения, он вряд ли будет рад, если его работы фактически станут свободно доступны другим разработчикам через полностью доступный набор данных. Аналогичные проблемы возникают и в отношении любых персональных данных, которые могут содержаться в наборе данных.

Один из способов избежать этих проблем — разрешить пользователям запрашивать доступ к ограниченным частям наборов данных, который затем может быть одобрен или отклонен владельцем набора данных после предоставления и проверки учетных данных. Это называется «закрытый доступ». Однако создание и поддержка инфраструктуры, необходимой для управления закрытым доступом к набору данных, усугубляет и без того значительные логистические проблемы, связанные с полным доступом.

Большинство дискуссий о повышении прозрачности обучающих данных сосредоточены на предоставлении некоего резюме, содержащего ключевую информацию о наборе данных. Это гораздо менее обременительно, чем предоставление прямого доступа к содержимому набора данных, но его полезность во многом зависит от информации, содержащейся в резюме [18]. Теоретически такое резюме может содержать метаданные по каждому элементу набора данных, например, название, URL (если применимо), автора, дату публикации и т. д., что позволяет идентифицировать отдельные работы. Однако такие данные часто неточны или отсутствуют, особенно в случае данных, полученных непосредственно из интернета. Предоставление или обеспечение точности даже базовой информации, такой как название или автор для отдельных элементов, требует значительных ресурсов и вытеснит мелких разработчиков, увеличив концентрацию рынка. В сообществе ИИ уже разработан ряд фреймворков для предоставления подробных резюме обучающих данных без перечисления отдельных элементов, например, The Dataset Nutrition Label и Datasheets for Datasets.

Подавляющее большинство контента, используемого для обучения большинства моделей генеративного ИИ, будет защищено законом об авторском праве. Это неизбежное следствие того, что авторское право автоматически возникает для любой работы, отвечающей минимальному набору требований, и что срок этой защиты длителен — в России, согласно ст. 1281 ГК РФ, в течение жизни автора плюс 70 лет [19]. Хотя существуют альтернативы [20] использованию работ, поднимающих вопросы авторского права, они не являются жизнеспособной заменой: материалы, находящиеся в общественном достоянии по истечению срока действия авторских прав, датируются периодом до 1950-х годов — следовательно, любой ИИ, обученный исключительно на таких работах, будет безнадежно устаревшим.

Некоторые материалы, защищенные авторским правом, такие как Википедия, лицензированы по лицензии Creative Commons (CC) или другим лицензиям «копилефт», которые разрешают использование этого контента для обучения моделей генеративного ИИ. Однако, поскольку лишь небольшая часть контента, защищенного авторским правом, доступна по таким лицензиям, маловероятно, что передовые генеративные модели ИИ могут обучаться исключительно на нем. Кроме того, выходные данные моделей ИИ, обученных с использованием такого контента, могут быть ограничены обязательствами «Share Alike».

Поскольку генеративные модели ИИ, основанные на глубоком обучении, не хранят копии данных для обучения, многие ученые-комментаторы пришли к выводу, что в большинстве случаев генеративные модели ИИ не могут считаться нарушающими авторские права на произведения, на которых они были обучены [21]. Однако эта точка зрения осложняется явлением запоминания, при котором генеративные модели ИИ иногда могут воспроизводить дословно

или почти дословно части своих данных для обучения. Бюро по авторским правам США в своем отчете указало, что в случаях, когда результаты, генерируемые ИИ, существенно схожи с входными данными для обучения, существует «веский аргумент» в пользу того, что сами веса моделей нарушают права на воспроизведение и создание производных работ, основанных на оригинальных работах [22].

Несанкционированное воспроизведение работ, защищенных авторским правом, составляет основу обвинений против разработчиков ИИ в большинстве текущих судебных разбирательств, связанных с данными для обучения [23]. Защита разработчиков ИИ от обвинений в массовом нарушении прав заключается в исключениях и ограничениях из защиты авторских прав. Однако сфера применения этих исключений и ограничений существенно различается в разных юрисдикциях, что влияет на потенциальное воздействие введения требований к прозрачности данных для обучения [24].

В действующем российском законодательстве отсутствуют нормы, которые прямо разрешали бы использовать чужие произведения для обучения систем ИИ. Ст. 1274 ГК РФ не предусматривает подобных исключений, а перечень способов использования, закрепленный в ст. 1270 ГК РФ, не охватывает сам процесс обучения моделей. Иными словами, любое действие, которое может быть квалифицировано как использование произведения по смыслу гражданского законодательства, потенциально влечет нарушение исключительных прав [25].

К таким действиям относится не только открытое воспроизведение чужого произведения, но и его фиксация в цифровой форме: запись на носитель, сохранение в памяти ЭВМ, размещение в репозитории владельца ИИ-сервиса. Уже на этом этапе возникает риск признания факта незаконного использования объекта авторского права. Еще более очевидное нарушение возникает в момент, когда сервис начинает выдавать результаты, воспроизводящие чужие произведения полностью или фрагментарно, либо создает их переработанные версии [26].

Тем не менее, на практике вероятность привлечения к ответственности до того момента, как ИИ-сервис начнет предоставлять пользователям конкретные результаты генерации, остается крайне низкой. С одной стороны, обучение как процесс не имеет четкой правовой квалификации в рамках ст. 1270 ГК РФ, а с другой — доказать сам факт использования произведений без согласия правообладателя на этапе внутреннего обучения почти невозможно.

Таким образом, если ИИ воспроизводит индивидуализирующие и узнаваемые элементы исходного произведения, то возникает правовое основание для квалификации такого результата как нарушения исключительных авторских прав (ст. 1255 ГК РФ). Узнаваемость элементов рассматривается в правовой доктрине и судебной практике как ключевой критерий при отграничении самостоятельного произведения от производного (ст. 1260 ГК РФ).

Дальнейшее распространение результата, содержащего указанные элементы, в цифровой среде (например, посредством размещения на интернет-платформах) подпадает под понятие доведения произведения до всеобщего сведения (ст. 1270 ГК РФ). В отсутствие согласия правообладателя такие действия образуют нарушение его исключительных прав и влекут предусмотренные законом последствия — как в виде гражданско-правовой ответственности, так и, в отдельных случаях, административной либо уголовной (ст. 1301, 1252 ГК РФ, ст. 146 УК РФ).

Литература

1. Zewe A. *How do powerful generative AI systems like ChatGPT work, and what makes them different from other types of artificial intelligence?* (2023). MIT Schwarzman College of Computing Massachusetts Institute of Technology. Available at: <https://computing.mit.edu/news/explained-generative-ai/> (accessed 30.08.2025).
2. Турп Э. Потенциал и опасность искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Международный валютный фонд. – 2023. – URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/12/B2B-Artificial-Intelligence-promise-peril-Tourpe> (дата обращения: 30.08.2025).
3. Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 1 (47). – С. 74-82. – DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1
4. Авторы роликов на YouTube подали в суд на OpenAI за обучение на них ИИ [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2024. – URL: <https://ria.ru/20240806/openai-1964404112.html> (дата обращения: 30.08.2025).
5. Thomson Reuters Enterprise Centre GMBH v. Ross Intelligence Inc. No. 1:20-cv-613-SB. Memorandum Opinion February 11, 2025. Available at: https://www.ded.uscourts.gov/sites/ded/files/opinions/20-613_5.pdf (accessed 30.08.2025).
6. Response to USCO Inquiry on Artificial Intelligence and Copyright. Docket No. 2023-6. Available at: file:///C:/Users/user/Downloads/COLC-2023-0006-9044_attachment_1.pdf (accessed 30.08.2025).
7. Lopatto E. *OpenAI Searches for an Answer to its Copyright Problems* (2024). The Verge. Available at: <https://www.theverge.com/2024/8/30/24230975/openai-publisher-deals-web-search> (accessed 30.08.2025).
8. Жиленков А.А. Сравнительный анализ систем глубокого обучения с подкреплением и систем обучения с учителем / А.А. Жиленков, А.А. Силкин, М.Ю. Серебряков, С.В. Колесова // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2022. – № 10. – С. 109-112. – DOI: 10.24412/2071-6168-2022-10-109-112
9. Стори В., Юэ В.Т., Чжао Д.Л., Лукьяненко Р. Генеративный искусственный интеллект: развивающиеся технологии, растущее влияние на общество и возможности для исследований / пер. В. Лукьяненко // Границы информационных систем. – 2025.
10. Emanuilov I., Margoni T. Forget me not: memorisation in generative sequence models trained on open source licensed code. *Zenodo*, 2024.
11. Brown Tom B. Language Models are Few-Shot Learners. *arXiv*, 2020, v4. DOI: 10.48550/arXiv.2005.14165
12. Бакшеев В.В. Принцип прозрачности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 12 (240). – С. 154-156. – DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_154
13. OpenAI. GPT-4 Technical Report. *arXiv*, 2024, v6. DOI: 10.48550/arXiv.2303.08774
14. Смирнова М. Модели с открытым исходным кодом и модели с открытым весом [Электронный ресурс] // ФГУП «ГРЧЦ». – 2025. – URL: https://rdc.grfc.ru/2025/04/open_source_vs_open_weights/ (дата обращения: 30.08.2025).
15. Schaul K., Chen S.Y., Tiku N. *Inside the secret list of websites that make AI like ChatGPT sound smart* (2025). The Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/technology/interactive/2023/ai-chatbot-learning/> (accessed 30.08.2025).
16. Андрада Г. Разновидности прозрачности: изучение свободы действий в системах ИИ / Г. Андрада, Р.В. Клоуз, П.Р. Смарт // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – № 1 (9). – С. 35-51. – DOI: 10.24923/2305-8757.2022-9.4
17. Liu Z. LLM360: Towards Fully Transparent Open-Source LLMs. *arXiv*, 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2312.06550
18. Харитонов Ю.С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 337-358. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.14
19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 30.08.2025).
20. Васильева А.С. Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – № 4 (46). – С. 80-84. – DOI: 10.58741/23134852_2024_4_8
21. Mallesons K., Mallesons W. *Navigating Copyright Challenges in AI Model Training: A Cross-Border Perspective*. Law Business Research. Available at: <https://www.washingtonpost.com/technology/interactive/2023/ai-chatbot-learning/> (accessed 30.08.2025).
22. Levi S.D., Ghaemmaghami M. *Copyright Office Weighs In on AI Training and Fair Use* (2025). Skadden. Available at: <https://www.skadden.com/insights/publications/2025/05/copyright-office-report> (accessed 30.08.2025).
23. Самарцева М.В. Использование охраняемых произведений при машинном обучении генеративного искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual

Property). – 2025. – Т. 53, № 2. – С. 127-138. – DOI: 10.17323/tis.2025.27374

24. Медведев А.И. Принцип прозрачности искусственного интеллекта в системе принципов российского права // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33, № 3. – С. 516-526. – DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-3-516-526

25. Ходаков И. Три вопроса к легальному использованию нейросетей/ИИ: обучение, применение и охрана // ЭЖ-Юрист. – 2024. – № 21 (1322).

26. Свиридова Е.А. О правомерности использования произведений при применении технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 70-75.

Acceptability of using intellectual property objects in training neural networks Tamaev A.V.

Lebedev Russian State University of Justice

The article is devoted to the legal aspects of using intellectual property objects in training generative models of artificial intelligence. In the context of rapid technological changes associated with the introduction of generative AI, there is a need to balance between innovation and copyright protection. The main problem is the use of large amounts of data, many of which are protected by copyright, without the knowledge and consent of the copyright holders. Generative models trained on such data can accidentally "remember" protected content - reproduce it partially or completely in the output results, which leads to legal disputes and lawsuits. The article considers various approaches to data transparency for AI training, as well as legal norms that regulate the use of such data in Russia. Particular attention is paid to the lack of clear norms in Russian legislation, which creates legal uncertainty. The paper analyzes possible risks for AI developers and ways to minimize them by improving copyright legislation. The conclusion focuses on the need to form new legal norms that ensure a balance between innovation and intellectual property protection.

Keywords: artificial intelligence, neural network training, intellectual property, copyright, exclusive right.

References

1. Zewe A. How do powerful generative AI systems like ChatGPT work, and what makes them different from other types of artificial intelligence? (2023). MIT Schwarzman College of Computing Massachusetts Institute of Technology. Available at: <https://computing.mit.edu/news/explained-generative-ai/> (accessed 30.08.2025).
2. Turp E. The potential and danger of artificial intelligence [Electronic resource] // International Monetary Fund. – 2023. – URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/12/B2B-Artificial-Intelligence-promise-peril-Tourpe> (date of access: 08/30/2025).
3. Ovchinnikov I.V. Generative artificial intelligence and copyright // Journal of the Intellectual Property Rights Court. – 2025. – № 1 (47). – Pp. 74-82. – DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1
4. The authors of YouTube videos sued OpenAI for training AI on them [Electronic resource] // RIA Novosti. - 2024. – URL: <https://ria.ru/20240806/openai-1964404112.html> (accessed: 08/30/2025).
5. Thomson Reuters Enterprise Centre GMBH v. Ross Intelligence Inc. No. 1:20-cv-613-SB. Memorandum Opinion February 11, 2025. Available at: https://www.ded.uscourts.gov/sites/ded/files/opinions/20-613_5.pdf (accessed 08/30/2025).
6. Response to USCO Inquiry on Artificial Intelligence and Copyright. Docket No. 2023-6. Available at: file:///C:/Users/user/Downloads/COLC-2023-0006-9044_attachment_1.pdf (accessed 30.08.2025).
7. Lopatto E. OpenAI Searches for an Answer to its Copyright Problems (2024). The Verge. Available at: <https://www.theverge.com/2024/8/30/24230975/openai-publisher-deals-web-search> (accessed 30.08.2025).

8. Zhilenkov A.A., Silkin A.A., Serebryakov M.Yu., Kolesova S.V. Comparative analysis of deep learning systems with reinforcement and learning systems with a teacher // Proceedings of Tula State University. Technical sciences. – 2022. – No. 10. – pp. 109-112. – DOI: 10.24412/2071-6168-2022-10-109-112
9. Story V., Yue V.T., Zhao D.L., Lukyanenko R. Generative artificial intelligence: developing technologies, growing impact on society and research opportunities / trans. V. Lukyanenko // Frontiers of information systems. – 2025.
10. Emanuelov I., Margoni T. Forget me not: memorisation in generative sequence models trained on open source licensed code. Zenodo, 2024.
11. Brown Tom B. Language Models are Few-Shot Learners. arXiv, 2020, v4. DOI:10.48550/arXiv.2005.14165
12. Baksheev V.V. Principle of transparency of artificial intelligence // Agrarian and Land Law. – 2024. – № 12 (240). – С. 154-156. – DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_154
13. OpenAI. GPT-4 Technical Report. arXiv, 2024, v6. DOI: 10.48550/arXiv.2303.08774
14. Smirnova M. Open source models and open weight models [Electronic resource] // FSUE "GRCHTS". – 2025. – URL: https://rdc.grfc.ru/2025/04/open_source_vs_open_weights/ (accessed: 08/30/2025).
15. Schaul K., Chen S.Y., Tiku N. Inside the secret list of websites that make AI like ChatGPT sound smart (2025). The Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/technology/interactive/2023/ai-chatbot-learning/> (accessed 30.08.2025).
16. Andrada G. Varieties of transparency: the study of freedom of action in AI systems / G. Andrada, R.V. Close, P.R. Smart // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – № 1 (9). – Pp. 35-51. – DOI: 10.24923/2305-8757.2022-9.4
17. Liu Z. LLM360: Towards Fully Transparent Open-Source LLMs. arXiv, 2023. DOI:10.48550/arXiv.2312.06550
18. Kharitonova Yu.S. Legal means of ensuring the principle of transparency of artificial intelligence // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, No. 2. – pp. 337-358. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.14
19. The Civil Code of the Russian Federation (part four) of 12/18/2006 N 230-FZ (as amended on 07/23/2025) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (date of access: 08/30/2025).
20. Vasilyeva A.S. The use of copyright objects for artificial intelligence training // Journal of the Intellectual Property Rights Court. – 2024. – № 4 (46). – Pp. 80-84. – DOI: 10.58741/23134852_2024_4_8
21. Mallesons K., Mallesons W. Navigating Copyright Challenges in AI Model Training: A Cross-Border Perspective. Law Business Research. Available at: <https://www.washingtonpost.com/technology/interactive/2023/ai-chatbot-learning/> (accessed 30.08.2025).
22. Levi S.D., Ghaemmaghami M. Copyright Office Weighs In on AI Training and Fair Use (2025). Skadden. Available at: <https://www.skadden.com/insights/publications/2025/05/copyright-office-report> (accessed 30.08.2025).
23. Samartseva M.V. The use of protected works in machine learning of generative artificial intelligence // Works on Intellectual Property. – 2025. – Vol. 53, No. 2. – pp. 127-138. – DOI: 10.17323/tis.2025.27374
24. Medvedev A.I. The principle of transparency of artificial intelligence in the system of principles of Russian law // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. – 2023. – Vol. 33, No. 3. – pp. 516-526. – DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-3-516-526
25. Khodakov I. Three questions for the legal use of neural networks/AI: training, application and protection // EJ-Lawyer. – 2024. – № 21 (1322).
26. Sviridova E.A. On the legality of the use of works in the application of artificial intelligence technologies // Problems of economics and legal practice. - 2024. – Vol. 20, No. 1. – pp. 70-75.

Компенсация за досрочное расторжение трудового договора спортсменом: правовая природа, критерии и пределы

Терейковская Александра Андреевна

аспирант, кафедра трудового права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, aa.tereykovskaya@gmail.com

Статья посвящена определению размера денежной компенсации, выплачиваемой работодателю при досрочном расторжении трудового договора спортсменом без уважительных причин. Рассматриваются правовая природа компенсации и проблемы применения статьи 348.12 Трудового кодекса Российской Федерации, обусловленные отсутствием законодательно установленных критериев и предельного размера такой выплаты. Анализируются подходы судов, юрисдикционных органов спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг к расчету и снижению размера компенсации. Исследуется допустимость учета расходов на спортивную подготовку, заработной платы, трансферных и иных затрат работодателя. Обосновывается необходимость разграничения расходов на подготовку спортсмена и обычных затрат работодателя, связанных с организацией его трудовой деятельности. Предлагаются критерии определения размера компенсации, направленные на обеспечение ее соразмерности и баланса между имущественными интересами работодателя и правом спортсменов на свободный труд.

Ключевые слова: спортсмен, компенсация, досрочное расторжение трудового договора, материальная ответственность, профессиональный спорт.

Появление статьи 348.12 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ), предусматривающей возможность установления обязанности спортсмена выплатить работодателю компенсацию при расторжении трудового договора без уважительных причин, было обусловлено необходимостью обеспечения договорной стабильности и защиты экономических интересов спортивных организаций. Как отмечалось в пояснительной записке к законопроекту № 421913-4, общие положения трудового законодательства позволяли иностранным клубам привлекать российских спортсменов без компенсации отечественным спортивным организациям, тогда как в международной спортивной практике компенсационные механизмы традиционно используются для обеспечения стабильности профессионального спорта.

Как отмечает С. Ю. Головина, предусмотренная статьей 348.12 ТК РФ денежная выплата представляет собой пример легального ухудшения положения работника, поскольку отсутствие законодательно установленного предельного размера компенсации создает возможность экономического сдерживания перехода спортсмена посредством установления в трудовом договоре значительных сумм выплаты.

Статья 26 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 29.04.1999 № 80-ФЗ допускала досрочный переход спортсмена в другой клуб только с согласия спортивных организаций, однако эффективность данного механизма ограничивалась положениями ТК РФ о праве работника расторгнуть трудовой договор по собственной инициативе. Возникший пробел обусловил включение в 2008 году в ТК РФ главы 54.1 и закрепление специального компенсационного механизма в статье 348.12.

В научной литературе распространен подход к рассматриваемой компенсации как к выплате штрафного характера. А. М. Лушников и М. В. Лушникова рассматривают ее как «денежную неустойку», ограничивающую трудовые права спортсменов, а Е. М. Офман и М. С. Сагандыков указывают на превентивно-карательный характер компенсации, поскольку установление ее в значительном размере фактически ограничивает возможность спортсмена досрочно прекратить трудовые отношения без уважительных причин.

Некоторые исследователи приходят к выводу о том, что такая компенсация представляет собой неустойку, отмечая при этом, что право работодателя на нее возникает лишь тогда, когда такая компенсация прямо прописана в трудовом договоре при его заключении, изменении или дополнении. Вместе с тем пункт 1 статьи 10 Регламента по статусу и переходам (трансферам) футболистов Российского Футбольного Союза (далее - РФС) в редакции от 18 июля 2026 года допускает определение размера компенсации Палатой по разрешению споров и при отсутствии соответствующего условия в трудовом договоре. Таким образом, Регламент фактически допускает взыскание компенсации, не согласованной сторонами трудового договора, что вступает в противоречие со статьей 348.12 ТК РФ, предусматривающей возможность установления такой выплаты именно трудовым договором.

А. С. Леонов не относит указанную выплату к материальной ответственности работника, поскольку ее размер определяется трудовым договором и непосредственно не связан с фактическими расходами работодателя на подготовку спортсмена. Вместе с тем на практике такие расходы нередко учитываются при расчете компенсации.

В судебной практике и практике юрисдикционных органов спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг сформировались различные подходы к определению размера компенсации за расторжение трудового договора спортсменом без уважительных причин. При определении размера компенсации необходимо разграничивать случаи, когда работодатель непосредственно несет расходы на спортивную подготовку работника, и заключение трудового договора с уже сформировавшимся спортсменом. В последнем случае включение таких расходов в компенсацию представляется необоснованным, поскольку они, как правило, понесены спортивной

школой или иной организацией до возникновения трудовых отношений с клубом. Дальнейшее совершенствование профессионального мастерства спортсмена также не может само по себе служить основанием для возмещения расходов на его подготовку.

С. В. Алексеев и О. А. Шевченко подчеркивают договорный характер рассматриваемой компенсации, обращаясь, в частности, к делу Мутузалема. Вместе с тем компенсацию по статье 348.12 ТК РФ необходимо разграничивать с трансферными выплатами, поскольку она не предполагает обязательного перехода спортсмена в новый клуб и возлагается непосредственно на спортсмена, досрочно расторгнувшего трудовой договор без уважительных причин.

Первоначальная редакция статьи 348.12 ТК РФ связывала компенсацию с расходами работодателя на спортивную подготовку и ограничивала ее двумя третями среднего годового заработка спортсмена, предусматривая пропорциональное уменьшение при оставшемся сроке договора менее года. Однако при принятии главы 54.1 ТК РФ законодатель отказался от установления предельного размера выплаты, передав его определение сторонам трудового договора, что обусловило неопределенность допустимых критериев ее расчета.

Отсутствие законодательных критериев обусловило формирование неоднородных подходов к расчету компенсации судами и юрисдикционными органами федераций и лиг. Один из подходов к определению размера компенсации основывается на учете расходов спортивной организации, связанных с обеспечением деятельности спортсмена, включая затраты на экипировку, питание, проживание и организацию тренировочного процесса. Однако включение таких расходов в размер компенсации представляется спорным. В частности, питание может предоставляться как дополнительная гарантия по статье 348.10 ТК РФ, а обеспечение экипировкой относиться к расходам на организацию труда. Поэтому их последующее возложение на спортсмена в составе компенсации представляется необоснованным.

Другой подход судов допускает взыскание компенсации при отсутствии документально подтвержденных расходов работодателя. Так, по требованию футбольного клуба о взыскании 500 тысяч рублей суд снизил размер компенсации до 50 тысяч рублей, исходя из принципов соразмерности и баланса интересов сторон. При определении ее размера были учтены оставшийся срок действия трудового договора, размер заработной платы спортсмена и его дохода по новому месту работы, а также отсутствие доказательств фактических или возможных потерь клуба вследствие прекращения трудовых отношений. Вместе с тем методика определения взысканной суммы судом обоснована не была. Представляется, что при отсутствии доказанных имущественных потерь работодателя такая компенсация приобретает преимущественно штрафной характер, поскольку ее размер не соотносится с конкретными расходами или иными неблагоприятными имущественными последствиями досрочного прекращения трудового договора.

В решении арбитража при Всероссийской федерации волейбола по спору о взыскании со спортсменки 20 миллионов рублей компенсации арбитры исходили из необходимости определенности предусмотренного договором способа расчета и документального подтверждения расходов. В состав компенсации были включены ежегодное вознаграждение, обязательные взносы и налоги, тогда как иные расходы исключены ввиду неопределенности их содержания либо отсутствия соответствующих условий в трудовом договоре. В результате спортсменка была обязана выплатить более 5 миллионов рублей, а во взыскании оставшейся суммы клубу отказано.

Представляется, что такой подход, несмотря на стремление ограничить состав компенсации конкретными и документально подтвержденными выплатами, не в полной мере соответствует их правовой природе. В частности, спорным представляется взыскание с работника ранее выплаченной заработной платы. Принимая участие в спортивных соревнованиях, спортсмен выполнял свою трудовую функцию, тогда как работодатель получал результат его трудовой деятельности. Следовательно, выплаченная заработная плата представляет собой вознаграждение за уже выполненную работу и не может рассматриваться как расходы работодателя, подлежащие возврату в связи с расторжением трудового договора.

В редакции Регламента Международной федерации футбола (далее – ФИФА) по статусу и переходам игроков 2024 года размер компенсации, если он не был определен договором, устанавливался

с учетом национального законодательства, «специфики спорта» и иных объективных критериев, включая вознаграждение по прежнему и новому контрактам, оставшийся срок договора (но не более пяти лет), амортизированные расходы прежнего клуба и нарушение в защищенный период. При этом Палата по разрешению споров ФИФА и Спортивный арбитражный суд (далее – КАС) обладали значительной свободой усмотрения и оценивали договорный размер компенсации с позиции соразмерности.

Изменение Регламента по статусу и переходам игроков ФИФА в 2025 году стало следствием дела Лассана Диарра. В 2014 г. футбольный клуб «Локомотив» расторг трудовой договор с футболистом вследствие нарушения им контрактных обязательств и потребовал взыскать 20 миллионов евро компенсации на основании статьи 17 Регламента. В период рассмотрения спора предусмотренная данной нормой солидарная ответственность нового клуба затрудняла трудоустройство игрока, поскольку потенциальные работодатели опасались возникновения обязанности по выплате компенсации прежнему клубу.

В 2015 году Палата по разрешению споров ФИФА обязала Диарра выплатить «Локомотиву» 10,5 миллионов евро компенсации, рассчитанной с учетом «специфики спорта» и неамортизированных трансферных расходов клуба. В 2016 году КАС оставил решение в силе. Одновременно Диарра обратился в бельгийский суд, утверждая, что правила ФИФА препятствовали его трудоустройству. Впоследствии Апелляционный суд Монса (Бельгия) передал в Суд Европейского союза вопрос о соответствии соответствующих положений Регламента статьям 45 и 101 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС). Суд Европейского союза признал, что солидарная ответственность игрока и нового клуба и механизм международного трансферного сертификата создавали существенные финансовые и юридические риски, ограничивающие свободу передвижения работников. Соответствующие положения также были признаны ограничением конкуренции «по объекту» в смысле статьи 101 ДФЕС.

Несмотря на изменение Регламента ФИФА по статусу и переходам игроков вследствие решения Суда Европейского союза по делу Диарра, статья 10 Регламента РФС о статусе и переходах (трансферах) футболистов соответствующих изменений не претерпела. При определении размера компенсации по-прежнему учитываются заработная плата и иные выплаты по договору с прежним и новым клубами, оставшийся срок прежнего трудового договора, расходы клуба в отношении футболиста, расторжение договора в защищенный период, а также иные объективные критерии. Таким образом, перечень обстоятельств, учитываемых при расчете компенсации, остается открытым, что предоставляет юрисдикционному органу значительную свободу усмотрения при определении ее размера.

В одном из недавних решений Палаты по разрешению споров РФС досрочное расторжение трудового договора футболистом не было признано обусловленным существенным нарушением со стороны клуба ввиду несоблюдения претензионного порядка согласно Регламенту о статусе и переходах футболистов. Палата также исходила из принципа договорной стабильности, рассматривая досрочное расторжение договора как крайнюю меру, допустимую при невозможности продолжения трудовых отношений и риске причинения существенного ущерба одной из сторон. Вместе с тем установление дополнительных, не предусмотренных ТК РФ условий реализации права работника на прекращение трудовых отношений представляется спорным с позиции принципа свободы труда. Предусмотренный статьей 348.12 ТК РФ увеличенный месячный срок предупреждения работодателя уже направлен на обеспечение стабильности отношений в профессиональном спорте и предоставляет клубу возможность принять меры по замене спортсмена.

При определении размера компенсации Палата учитывала оставшийся срок и остаточную стоимость трудового договора ($XX \text{ рублей} \times X \text{ месяцев} = XX \text{ рублей}$), а также отсутствие у спортсмена нового клуба и, соответственно, дохода по новому трудовому договору. Наряду с обязанностью выплатить компенсацию к спортсмену была применена спортивная санкция в виде дисквалификации.

Новая редакция статьи 17 Регламента ФИФА, вступающая в силу в 2027 году, существенно конкретизирует порядок определения компенсации при нарушении контракта игроком. При отсутствии согласованного сторонами размера компенсации клуб вправе требовать полного возмещения причиненного ему ущерба, при определении которого учитываются, в частности, стоимость услуг игрока,

утраченная трансферная выплата или трансферная стоимость, расходы на замену спортсмена и иные доказанные потери. При этом в качестве общего правила устанавливается минимальный размер компенсации, равный остаточной стоимости нарушенного контракта, отступление от которого допускается лишь при чрезвычайных обстоятельствах. В случае недобросовестного поведения дополнительно может быть присуждена штрафная выплата в размере до шести месячных заработных плат. Если же размер компенсации заранее установлен контрактом, соответствующее условие применяется с учетом права Палаты ФИФА снизить чрезмерно высокую сумму либо не применять явно несправедливое условие.

Кроме того, новый клуб более не несет автоматической ответственности за выплату компенсации: солидарная ответственность возникает только при доказанности того, что он склонил игрока к нарушению контракта. Вместе с тем, если игрок заключает новый контракт в течение 45 дней после расторжения прежнего без уважительной причины, такое склонение презюмируется, а новый клуб должен доказать обратное; в противном случае он несет солидарную ответственность.

Несмотря на более детальное регулирование порядка определения компенсации, новая редакция статьи 17 Регламента ФИФА не устраняет проблему правовой неопределенности. Перечень учитываемых при определении ущерба клуба обстоятельств остается открытым и включает такие категории, как стоимость услуг игрока, утраченная трансферная стоимость, расходы на его замену и иные причиненные убытки. Особые сомнения вызывает установление минимального размера компенсации на уровне остаточной стоимости трудового договора, поскольку после его расторжения клуб освобождается от обязанности выплачивать соответствующее вознаграждение спортсмену. В результате размер компенсации может превышать фактически причиненный работодателю ущерб. Спорным представляется и учет утраченной трансферной стоимости, которая при отсутствии конкретного предложения о переходе игрока может носить предположительный характер и фактически представлять собой неполученный доход клуба.

В этой связи особое значение приобретает вопрос о влиянии новой модели ФИФА на российское регулирование. Представляется, что применение новой модели расчета компенсации ФИФА в российском футболе в полном объеме не соответствует принципам трудового законодательства. Несмотря на самостоятельную правовую природу компенсации, предусмотренной статьей 348.12 ТК РФ, ее размер не должен включать потери, относящиеся к предпринимательскому риску работодателя. Между тем Регламент ФИФА допускает учет утраченной трансферной стоимости, расходов на замену игрока и иных потерь клуба, которые могут представлять собой неполученные доходы, не подлежащие взысканию с работника в силу статьи 238 ТК РФ. Спорным является и установление минимальной компенсации в размере остаточной стоимости контракта независимо от фактических потерь клуба, поскольку после расторжения договора работодатель освобождается от выплаты спортсмену соответствующей заработной платы. Кроме того, применение в трудовых отношениях правила об определении компенсации при отсутствии соответствующего условия в трудовом договоре не согласуется с частью 4 статьи 348.12 ТК РФ. Таким образом, непосредственное воспроизведение модели ФИФА в регулировании РФС фактически означало бы установление спортивным регламентом более широких пределов имущественной ответственности спортсмена, что не согласуется со статьей 252 ТК РФ.

Российские суды исходят из того, что компенсация, предусмотренная статьей 348.12 ТК РФ, не является материальной ответственностью работника, в связи с чем положения статьи 242 ТК РФ к ней непосредственно не применяются. Вместе с тем А.М. Агузаров придерживается позиции о том, что требование компенсации за расторжение трудового договора по инициативе спортсмена без уважительных причин неправомерно, поскольку фактически речь идет об убытках. В трудовом праве материальная ответственность работника ограничена прямым действительным ущербом, тогда как неполученные доходы и упущенная выгода возмещению не подлежат. По мнению Е. Б. Хохлова, «именно этим материальная ответственность по нормам трудового права отличается от имущественной ответственности по гражданскому праву, основанной на принципе полного возмещения вреда согласно статье 15 ГК РФ».

В связи с этим возникает вопрос о допустимости использования гражданско-правового подхода к определению размера компенсации в трудовых отношениях со спортсменами. Действительно, при досрочном расторжении трудового договора спортсменом прямой действительный ущерб в традиционном понимании, как правило, не возникает. Возможные потери клуба выражаются преимущественно в неполученных доходах или недостижении предполагаемого спортивного результата и по своей природе ближе к упущенной выгоде, возмещение которой трудовым законодательством с работника не допускается.

По аналогии с механизмом возмещения расходов работодателя по ученическому договору при определении размера компенсации, подлежащей выплате спортсменом в случае досрочного расторжения трудового договора без уважительных причин, представляется обоснованным исходить из принципа пропорциональности, предполагающего соотношение подлежащих возмещению расходов с неотработанной частью срока договора. Такой подход соответствует правовой природе соответствующих выплат, направленных на компенсацию некупившихся вложений работодателя. Включение в состав компенсации всех расходов, понесенных работодателем за весь период работы спортсмена, представляется необоснованным, поскольку приводит к фактическому возложению на работника предпринимательского риска работодателя. Вместе с тем в силу части 4 статьи 348.12 ТК РФ в трудовом договоре подлежит закреплению размер денежной выплаты, подлежащей выплате спортсменом в случае досрочного расторжения трудового договора без уважительных причин, что обеспечит определенность правового регулирования и предсказуемость последствий такого досрочного расторжения.

Необоснованным представляется включение в размер компенсации заработной платы, которую спортсмен получил бы до окончания срока трудового договора, а также ранее выплаченного ему вознаграждения. В первом случае работодатель после прекращения трудовых отношений освобождается от обязанности по дальнейшей выплате заработной платы, поэтому взыскание соответствующей суммы со спортсмена не связано с возмещением фактически понесенных работодателем потерь. Во втором случае заработная плата уже выплачена спортсмену за фактически выполненную работу, поэтому основания для ее последующего возврата отсутствуют. Требование о возврате заработной платы фактически означает пересмотр уже исполненных обязательств сторон и не связано с возмещением прямого действительного ущерба в смысле статьи 238 ТК РФ. Более того, такие условия противоречат самой природе заработной платы как гарантированного законом вознаграждения за труд.

При расчете компенсации также не должны учитываться разница между заработной платой у прежнего и нового работодателей. Подобный подход фактически ориентирован на компенсацию неполученных доходов работодателя либо на перераспределение экономической выгоды, полученной работником при заключении нового трудового договора. Кроме того, обусловленность размера компенсации условиями нового трудового договора означает зависимость объема ответственности работника от действий третьего лица (нового работодателя), что противоречит принципу правовой определенности и выходит за пределы конструкции, предусмотренной статьей 348.12 ТК РФ.

Расчет компенсации исходя из трансферной выплаты, ранее произведенной клубом за переход спортсмена, представляется необоснованным. Такая выплата связана непосредственно с переходом спортсмена из одного клуба в другой и не является потерей работодателя, возникшей вследствие последующего расторжения трудового договора. В связи с этим ее включение в размер компенсации фактически приводит к возложению на спортсмена расходов, относящихся к предпринимательскому риску клуба.

При этом важно учитывать, что договорная стабильность в профессиональном спорте обеспечивается не только выплатой компенсации, но и иными механизмами, включая увеличенный срок предупреждения работодателя об увольнении и установленные спортивными регламентами периоды переходов спортсменов.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что компенсация, предусмотренная статьей 348.12 ТК РФ, обладает самостоятельной трудовой природой и не может быть полностью отождествлена ни с материальной ответственностью работника, ни с

гражданско-правовой неустойкой. Отсутствие законодательных критериев и предельного размера выплаты создает риск ее использования в качестве средства экономического сдерживания свободы труда спортсменов.

Наиболее обоснованным представляется подход, при котором по аналогии с возмещением расходов работодателя по ученическому договору размер компенсации определяется исходя из фактически понесенных и документально подтвержденных расходов работодателя на специальную подготовку спортсмена, рассчитываемых пропорционально неотработанной части срока трудового договора. Обычные расходы работодателя на организацию трудовой деятельности спортсмена в состав такой выплаты включаться не должны.

Необоснованным является расчет компенсации исходя из оставшейся либо ранее выплаченной заработной платы, разницы в вознаграждении по прежнему и новому договорам, а также трансферных расходов клуба. Дополнительной гарантией правовой определенности выступает требование части 4 статьи 348.12 ТК РФ о закреплении размера компенсации в трудовом договоре. Вместе с тем наличие соответствующего условия не исключает оценки установленной суммой судами и юрисдикционными органами спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг с позиции ее соразмерности, разумности и справедливости. Представляется, что механизм определения компенсации должен обеспечивать баланс экономических интересов работодателя и гарантированного спортсмену права на свободный труд, не допуская превращения такой выплаты в меру штрафного характера.

Литература

1. Агузаров А. М. Современные аспекты правового регулирования труда спортсменов и тренеров: дис. канд. юрид. наук. Москва, 2013.
2. Алексеев С. В., Шевченко О. А. Дополнительные основания прекращения трудового договора со спортсменом по инициативе работодателя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 4.
3. Головина С.Ю. Влияние либерализации трудового законодательства на качество трудовой жизни (на примере России и Казахстана) / С.Ю. Головина // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 12–15.
4. Коляда Н. Я. Правовое регулирование трудовых отношений между профессиональными спортсменами и физкультурно-спортивными организациями в Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2021. № 6-2 (109). С. 43-51.
5. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009. 879 с.
6. Леонов А.С. Правовое регулирование труда спортсменов и тренеров: проблемы и перспективы развития: дис. ...доктора юрид. наук. Москва, 2009.
7. Офман Е. М., Сагандыков М. С. Механизм расчета денежной выплаты при расторжении трудового договора по инициативе работника – профессионального спортсмена // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2021. № 41. С. 185-192.
8. Трудовое право России: Учебник / С. П. Маврин, М. В. Филиппова, Е. Б. Хохлов. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 448 с.

Compensation for Early Termination of an Employment Contract by an Athlete: Legal Nature, Criteria and Limits

Tereykovskaya A.A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article examines the determination of the amount of monetary compensation payable to an employer when an athlete terminates an employment contract early without valid reasons. It considers the legal nature of such compensation and the issues arising from the application of Article 348.12 of the Labour Code of the Russian Federation due to the absence of statutory criteria and a maximum amount for such payment. The approaches adopted by courts, jurisdictional bodies of sports federations, and professional sports leagues to calculating and reducing the amount of compensation are analysed. The article examines whether expenses related to sports training, wages, transfer fees, and other costs incurred by the employer may be taken into account. It substantiates the need to distinguish between expenses incurred for an athlete's training and the employer's ordinary costs associated with organising the athlete's employment. Criteria for determining the amount of compensation are proposed with a view to ensuring its proportionality and maintaining a balance between the employer's financial interests and athletes' right to freedom of labour.

Keywords: athlete, compensation, early termination of an employment contract, material liability, professional sport.

References

1. Aguzarov A. M. Modern Aspects of the Legal Regulation of the Work of Athletes and Coaches: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2013.
2. Alekseev S. V., Shevchenko O. A. Additional Grounds for Termination of an Employment Contract with an Athlete at the Employer's Initiative // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2011. No. 4.
3. Golovina S. Yu. The Impact of the Liberalization of Labour Legislation on the Quality of Working Life (the Case of Russia and Kazakhstan) // Labour Law in Russia and Abroad. 2021. No. 4. Pp. 12–15.
4. Kolyada N. Ya. Legal Regulation of Labour Relations between Professional Athletes and Physical Culture and Sports Organizations in the Russian Federation // Bulletin of Science and Education. 2021. No. 6-2 (109). Pp. 43–51.
5. Course of Labour Law: Textbook: In 2 Volumes. Vol. 1. The Essence of Labour Law and the History of Its Development. Labour Rights in the System of Human Rights. General Part. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Statut, 2009. 879 p.
6. Leonov A. S. Legal Regulation of the Work of Athletes and Coaches: Problems and Prospects for Development: Doctoral Dissertation in Law. Moscow, 2009.
7. Ofman E. M., Sagandykov M. S. Mechanism for Calculating Monetary Compensation upon Termination of an Employment Contract at the Initiative of an Employee – a Professional Athlete // Tomsk State University Journal of Law. 2021. No. 41. Pp. 185–192.
8. Labour Law of Russia: Textbook / S. P. Mavrin, M. V. Filippova, E. B. Khokhlov. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, Faculty of Law Publishing House of St. Petersburg State University, 2005. 448 p.

К вопросу о «молчаливом» признании в арбитражном процессе

Тряпочкин Никита Андреевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, tryapochkin_na@usue.ru,

Кулюшин Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, kulyushin_en@usue.ru

Принято полагать, что на фоне гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ) и кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ) арбитражный процессуальный кодекс (далее – АПК РФ) считается более проработанным с позиций формы и содержания. Однако, видится, что сказанное вряд ли применимо к положениям ст. 70 АПК РФ, регулирующей вопросы освобождения тяжущихся от доказывания фактов, при заявлении одним из них, или обоими, о признании фактов.

Одним из таких «сложных» в понимании моментов является существование ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, определяющей существование «молчаливого» признания – конструкции, когда пассивное поведение лица, участвующего в деле, как реакция на заявленное оппонентом утверждение, может быть расценено судом, как согласие с последним. И удивительно здесь не только то, что конкретный механизм предусмотрен лишь в арбитражном процессуальном кодексе, а еще и то, что на протяжении всей истории развития учения о признании факта в истории нашей страны ни один ученый, до современного периода, не высказывал слов поддержки в пользу его применения на практике. Думается, следует еще раз вернуться к данному вопросу и рассмотреть его с позиции генезиса развития обозначенного института.

Ключевые слова: признание фактов, освобождение от доказывания, лица, участвующие в деле, арбитражный процесс, пассивное поведение.

Введение

Начнем с того, что периодов развития института цивилистического судебного признания, фактически, в нашем правовом пространстве, можно обозначить три – дореволюционный, когда институт был заимствован из западно-европейского правового пространства, советский, где ученым сообществом было предложено его полноценное качественное переосмысление, в силу борьбы с остатками буржуазных элементов в советском праве, и современный, где, откровенно говоря, его состояние можно оценить как «не весть что» (применяется «недораспорядительная» теория, так и не получили развития основы института – в части механизма проверки признаний судом, часть элементов была просто заимствована с Устава гражданского судопроизводства 1864 г. и т.д.) [20, С. 45-49].

На каждом из этапов развития названного процессуального явления его правовая природа определялась в науке по-разному.

Обсуждение

В дореволюционный период было принято полагать, что признание представляет собой акт распоряжения волей, адресованный суду, совершая который тяжущиеся стремились освободить друг друга от доказывания отдельных фактов [15, С. 410-412]. Несмотря на то, что звучит это все довольно альтруистично, истинный мотив у этого события был, напротив, совершенно приземленный – сократить процессуальные издержки, минимизируя временные затраты на производство. И это, не говоря уже о том, чтобы реализовать попытку «увести» суд в сторону от более глубокого и тщательного изучения конкретных обстоятельств дела. При этом, важно заметить, что в царской России, по какой-то неведомой причине, никто даже не касался вопроса о том, что такое «корыстное» признание может существовать на практике.

Хотя, пара работ, где подобное изначально отрицалось, все же была. Так, например, И. Б. Гуревич единственный за всю историю изучения института признания фактов в качестве правовых последствий определял не последующее освобождение процессуального оппонента от обязанности доказывать конкретный факт, а вполне разумно «юридическую известность признаваемого факта», нечто более объективное, чем просто «балл» в копилку одного из тяжущихся [4, с. 5]. Также, на том момент был в России и единственный представитель доказательственной теории, о которой речь пойдет чуть ниже – профессор М. М. Михайлов. В своих трудах цивилист совершенно четко пытался разъяснить, что автоматическое освобождение от доказывания, хоть и существенно сокращает временные затраты на проведение судебных заседаний, однако, неправильно и пагубно не рассматривать признание, иначе как одно из средств доказывания по делу, поскольку только в соотношении с другими представленными в разбирательство доказательствами можно говорить о его истинной сути [13, С. 127-130].

В советский период, наиболее яркие ученые умы, предложили качественный пересмотр положений процессуального законодательства, в том числе механизма заявления признаний и их последующей оценки судом [7, С. 428-433]. Опираясь на идею о следственном типе ведения судебной процедуры, результатом которой должно было быть установление материальной (объективной) истины по рассматриваемому делу, ранее распространенная позиция о признании, как об акте распоряжения волей, была отвергнута и на смену ей пришла доказательственная теория. Отныне признание фактов приравнивалось к одному из средств доказывания по делу, а правовые последствия в виде автоматического освобождения процессуального оппонента от обязанности доказывания оных были отвергнуты, в пользу нового, четко прописанного механизма проверки их содержания – сопоставления с другими, имеющимися в деле доказательствами [16, С. 8-9]. И, надо заметить, оно и к лучшему, поскольку ранее предложенный механизм проверки содержания признаний судом на предмет наличия пороков воли или волеизъявления в действиях их заявителя не только был сложен, с точки зрения применения, но и до конца не ясен, поскольку за весь дореволюционный период ни один ученый так и не смог на страницах своих трудов объяснить как же все-таки происходит этот процесс, просто заявляя о том, что он есть и на этом все.

Современный период развития института признания фактов, как ни досадно это утверждать, заставляет желать лучшего. Работ, посвященных ему на прямую, хотя и такие можно найти [18, С. 10-11], практически не осталось, основы на конференциях не обсуждаются, проблемы продолжают выводиться [9, С. 119-121], но не получают должного внимания ни с позиции законодателя, ни с позиции ученого сообщества. Во всех трех названных в аннотации к этой статье кодексах – ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, несмотря на всю их схожесть (понятно, что речь идет про общую часть), в части механизма признаний, почему-то применяются разные положения. Какой теории придерживается законодатель – доказательственной, распорядительной или смешанной – загадка. Почему соглашение по обстоятельствам дела существует только в АПК РФ и КАС РФ, хотя, верно будет напомнить, что в последнем случае положения ст. 65 вообще не могут быть применимы по отношению к специальным главам кодекса – споры с гос. органами, споры по вопросам нарушения права на судопроизводство в разумный срок и т.д. И, на деле, мы получаем ситуацию, когда один и тот же институт, содержится в общей части трех процессуальных законов и везде предлагается разный механизм его реализации, ну, кроме КАС РФ, там он просто есть и не работает.

Так вот, возвращаясь к нашей проблеме, АПК РФ в ч.3.1 ст. 70 содержит положения, определяющие пассивное поведение лица, участвующего в деле, как согласие с позицией процессуального оппонента. Насколько верно утверждать подобное?

В целом, подавляющее число мнений о такого рода оценке всегда были негативными [21, С. 297-298]. Отсюда, видится, что это «нововведение», опять же с точки зрения истории развития учения о признании фактов, довольно свежее и появилось на свет около десяти лет назад.

Начиная с этого момента, позиция по данному вопросу начала меняться. Появились отдельные статьи, где учеными в рамках анализа конструкции «молчаливого» признания стали выделяться и положительные моменты [14, С. 74-75], например, в части распространения института на других участников, помимо самих тяжущихся и т.д. Действительно, трудно отрицать, что положительные моменты у анализируемого механизма есть, например, существенное сокращение процессуальных издержек тяжущихся – прежде всего с поправкой на время проведения и количество предполагаемых судебных разбирательств. С одной стороны, в этом, на самом деле, есть некая логика – если мы утверждаем, что согласно базовым принципам ведения судебной процедуры современный арбитражный процесс является состязательным, то необходима какая-то санкция, чтобы принудить тяжущихся их соблюдать. Но, с другой стороны, если истец заинтересован в исходе дела, инициировал его рассмотрение, то можно ли говорить о том же самом уровне предпримчивости ответчика, который, возможно, даже не предполагал, что к нему такой иск предъявят? Либо, как вариант, возможно настолько уверен в слабой позиции истца, низкосортном уровне имеющихся у него доказательств, что просто желает пассивно наблюдать за происходящим, надеясь, что суд в какой-то момент самостоятельно прекратит весь этот театр абсурда? Ну, будем честны, такой вариант ведь тоже существует. Фактически, как верно замечает проф. С. Ф. Афанасьев «... неоспаривание (молчание) по сути есть лишь отсутствие отрицания, но не пассивное согласие с заявлением процессуального оппонента» [11, С. 258-259].

Другой момент – неявка лица, участвующего в деле, в судебный процесс. Например, ответчик не явился в самое первое разбирательство. Можно ли считать неявку в процесс, в качестве согласия с позицией процессуального оппонента? В чем вообще принципиальная разница между невозможностью выяснить отношения к признанию и потенциальным присутствием ответчика в процессе, но пассивным его поведением там? Или мы наказываем его просто потому, что он пассивно реагирует на происходящее перед лицом суда? Понятно, что признание факта, в качестве одной из своих характеристик, называет соблюдение процессуальной обстановки в момент заявления, но сделано это исключительно для того, чтобы его можно было отграничить от известного науке антипода – внесудебного признания, но никак не для того, чтобы кого-то за что-то наказывать [19, с. 53]. Почему в таком случае вообще существует разница в последствиях, если ситуации фактически идентичны?

Неясно еще и другое – почему конструкция молчаливого признания присутствует только в АПК РФ? Чем плохи ГПК РФ и КАС РФ?

Хотя, последний вопрос, очевидно, надо сократить – что отрицательного в ГПК РФ? С КАС РФ все понятно и было сказано ранее – наличие там ст. 65 – это непонятный рудимент, видимо, просто оказавшийся там во время переноса положений из ГПК РФ, одновременно, с частью тех категорий дел, которые там находятся. В то же самое время, наверное, некоторая доля смысла есть в том аргументе, что гражданский процесс, следуя логике содержащихся в нем глав, в сопоставлении с арбитражным процессом, отличителен тем, что в нем преимущественно спорят непрофессиональные участники – обычные граждане, социально незащищенный элемент (пенсионеры, дети) и т.д. Во втором процессе, напротив, участвуют юристы профессионалы – арбитражные управляющие, адвокаты, оценщики и др. Однако, признаться, эта позиция нам тоже не совсем понятна. Да, безусловно, юрист в своих действиях, более аккуртен и осознан, но, почему мы не можем сказать то же самое про рядового гражданина? В уголовном праве, например, незнание закона не освобождает от ответственности. То есть, УК РФ не проводит разницы между людьми, основываясь на их профессии, образовании т.п. Можно ли говорить о каком-то неформальном цензе в цивилистическом процессе? Честно говоря, не хотелось бы. Кроме того, в гражданском процессе лица, участвующие в деле, могут прийти туда с представителем – законным, по договору и по назначению. Ясно, что представители по закону, с точки зрения конкретных рассуждений, менее подкованы в вопросах судебных разбирательств, чем юристы, но как быть с последними двумя видами представительств? Ведь там участвуют люди, имеющие высшее юридическое образование. Где же, в таком случае, непрофессиональный процесс, если оба тяжущихся, например, работник и работодатель, придут в суд с юристами? Фактически, они могут вести себя пассивно, просто перекладывая все действия и ответственность на наемных работников. Почему не реализовывать здесь ту же модель с молчаливым признанием? Тем более, если мы продолжаем настаивать на сокращении процессуальных издержек. Или в гражданском процессе дела рассматриваются настолько молниеносно, что этого не требуется? Полагаем, ответ на этот вопрос в дополнительных разъяснениях не нуждается. Отсюда, абсолютно неясно, чем руководствовался законодатель, когда решил обделит ГПК РФ и КАС РФ, определяя место конструкции молчаливого признания лишь в АПК РФ.

На самом деле, если перестать просто ссылаться на то, что ст. 65 КАС РФ не может применяться, независимо от выбора конкретной его главы, то в вопросе молчаливого признания, если бы оно в ней присутствовало, думается, было бы проще, чем в ГПК РФ. У кодекса административного судопроизводства есть одна отличительная черта – там заранее распределено бремя доказывания. Законный характер (или законный результат) своей деятельности всегда доказывает властный субъект, являющийся ответчиком. Признание не может здесь существовать именно в силу того, что участие истца здесь фактически, за исключением доказательства наличия ущерба, не требуется. Таким образом, на деле, в состязательном процессе (а последний по КАС РФ также определен законодателем в качестве состязательного) никакой особой активности и нет, поскольку каждый доказывает лишь свою некую часть общей совокупности фактов, удельный объем которых суд в какой-то момент посчитает достаточным для вынесения итогового постановления по делу. К сожалению, ситуация с ГПК РФ так просто не решается.

Таким, образом, суммируя сказанное, мы получаем следующие выводы:

- 1) почему механизм молчаливого признания есть в АПК РФ и отсутствует в ГПК РФ – загадка;
- 2) аргументы уровня «профессиональный процесс – оппозиция непрофессиональному» и потому молчание «наказуемо» только в первом случае бьются об аргумент с представителями;
- 3) чем существенно отличается «неуважение» к суду между пассивным поведением находясь в зале суда и простой неявкой, в контексте наказуемости в первом случае и его отсутствию во втором – не ясно.

Изложенные выводы свидетельствуют об отсутствии согласованности в регулировании процессуальных отношений в едином механизме отправления цивилистического правосудия, а также фрагментарности регулирования законодателем деятельности суда по установлению юридически значимых обстоятельств спорных правоотношений посредством института признания фактов, в том числе молчаливого признания («фиксации фактов судом при молчании спорящего лица»).

Какими целями руководствовался законодатель при введении молчаливого признания в арбитражное судопроизводство и какой эффект должен был достигнут от его введения в ч.3.1 ст.70 АПК РФ при последующем применении арбитражными судами и участниками судебного разбирательства?

Здесь следует отметить, что обозначенные нами вопросы получили осмысление в цивилистической доктрине после введения данного института в нормативную ткань арбитражного процессуального законодательства посредством принятия Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228 -ФЗ, в котором молчаливое признание получило своё нормативное закрепление в ч.3.1 ст. 70 АПК РФ в качестве разновидности судебного признания, имеющего место при:

1) отсутствии прямого оспаривания противной стороной обстоятельств, на которые другая сторона ссылается в обоснование своих требований и возражений («признание-молчание» при не оспаривании обстоятельств);

2) отсутствии подтверждения фактов иными доказательствами, обосновывающими представленные возражения по существу заявленных оппонентом требований («признание-бездействие» при непредоставлении доказательств) [23, с. 5].

Тем самым, помимо классического судебного признания, которое осуществляется путём активного волеизъявления о согласии с фактами, приведенными процессуальным оппонентом в виде подтверждения действительности фактов и влекущее за собой освобождения оппонента от несения бремени доказывания факта или группы фактов появились два новых способа признания, совершаемых в форме не оспаривания фактов и непредставления доказательств, получивших наименование молчаливого признания [2, С. 754-765].

Целям введения правила о молчаливом признании были:

1) ускорение хода судебного разбирательства;

2) повышение активности участников судебного разбирательства в части своевременного заявления о фактах и предоставлении доказательств («концентрации доказательственного материала»), предотвращение злоупотреблением при пользовании правами и обязанностями, возложении на участников ответственности за совершение или несовершение процессуальных действий [10, С. 349-385].

Можно ли считать указанные цели реализуемыми и обеспечивающими своё точное и единообразное применение в судебно-арбитражной практике, а также как согласуется применение нормы ч.3.1 ст.70 АПК РФ с механизмом о бремени доказывания (ст.65 АПК РФ) и что понимается под молчаливым признанием?

При буквальном прочтении ч.3.1 ст. 70 АПК РФ не ясно почему законодатель приравнивает молчаливое признание к классическому судебному признанию в части последствий освобождения от доказывания фактов при пассивном поведении стороны?

Молчаливое признание, по своему существу не является судебным признанием, поскольку:

1) двигательным началом процесса является заявление требований истцом, который для их удовлетворения судом осуществляет возложенное на него бремя доказывания заявленных требований (истец доказывает свои требования [12, с. 36], поэтому неактивность ответчика не устраняет и не облегчает бремя доказывания истца;

2) молчание не следует считать признанием фактов, утверждаемых другой стороной, поскольку оно не направлено на установление бесспорности факта как классическое судебное признание;

3) в судебном процессе молчание не означает выражение согласия с чужим утверждением о фактическом составе основания иска, ибо оно ничего не прибавляет к действительным данным об истинности события, а между тем именно это (установление истинности события, действия) является целью процесса [22, с. 63];

4) судебное признание предполагает активное волеизъявление, то есть должно быть очевидным и явным («однозначное выражение воли стороны»). Молчание - это бездействие лица и оно не может выражать утверждение о фактах [3, С. 21-27].

Здесь следует обратить внимание на то, что посредством активного волеизъявления происходит дальнейшее разъяснение судом правовых последствий судебного признания и его процессуальное оформление посредством внесения в протокол судебного заседания и удостоверения подписями сторон либо приобщения признания к материалам дела при изложении в письменной форме. Всё это соответствует положениям отечественной доктрины и правилам, предусмотренным ст.70 АПК РФ [8, С. 19-24].

С учётом текущей редакции ч.3.1 ст.70 АПК РФ и понимания характеристик молчаливого признания следует согласиться с предложенной в процессуальной литературе позицией о том, что в АПК РФ так и остался неурегулированным порядок выражения стороной молчаливого признания и принятия его судом.

Кроме того, ответчик о факте совершенного им молчаливого признания узнаёт из судебного решения и не может заявить процесс о проверке «признанных» путём молчания фактов в суде апелляционной инстанции, поскольку ч.4 ст.268 АПК РФ предписывает запрет проверки судам апелляционной инстанции обстоятельств, признанных и удостоверенных в соответствии со ст.70 АПК РФ [5, с. 121].

Помимо доводов о различии правовой природы классического судебного признания и молчаливого признания в процессуальной литературе пристальное внимание было обращено на то, что буквальное толкование ч.3.1 ст.70 АПК РФ устраняет действие общего правила о распределении бремени доказывания фактов (ст. 65 АПК РФ), в случае если, процессуальный оппонент не опровергает данные факты [5, с. 122].

Тем самым молчание запускает механизм перераспределения бремени доказывания наличия факта с утверждающей об этом факте стороны на пассивную сторону: заявленный, но пусть даже и недоказанный факт рассматривается как установленный, пока это не будет опровергнуто промолчавшей стороной.

В отечественной процессуальной доктрине отсутствует единый подход по вопросу соотношения бремени доказывания (ст.65 АПК РФ) и молчаливого признания как основания освобождения стороны от доказывания (ч.3.1 ст. 70 АПК РФ) [8, С. 19-24].

Здесь следует признать верным подход тех исследователей, которые указывают на противоречие (расхождение) положения о том, что если факт не оспаривается противной стороной, то и не требуется доказывать данный факт лицом, его заявившем (ч.3.1 ст. 70 АПК РФ) с общим правилом о распределении бремени доказывания, в котором лицо должно доказать требования, на которые ссылается (ст.65 АПК РФ). Буквальное толкование ч.3.1 ст. 70 АПК РФ сводит к нет действию всего механизма доказывания и противоречит ключевым положениям доктрины судебного признания. Судебное признание обеспечивает возможность: 1) заявить сторонам о действительности факта или группы фактов (явное и чёткое изъяснение воли);

2) зафиксировать волеизъявление о действительности факта или группы фактов судом. Применительно к молчаливому признанию данные положения неприменимы.

Кроме того, не следует исключать тот факт, что молчание стороны в процессе является способом защиты от исков, которые не связаны с целью получения защиты нарушенного права, а связаны с целью перераспределения собственности путём предъявления «искусственных» исков [17, с. 5]. Молчаливое поведение стороны может быть обусловлено в данном случае тем, что противной стороне очевиден ход (течение) судебного разбирательства, необоснованность требований противной стороны, отсутствие необходимых и достаточных доказательств. Молчание здесь на вес золота и при таких обстоятельствах обеспечит вынесение благоприятного решения, поскольку суд способен установить факт искусственности заявленных исковых требований и отклонить иск. Иначе, искажается суть правосудия, если необоснованный факт, который не оспаривается противной стороной влечет вынесение неблагоприятного решения для лица, не оспорившего данный факт («неизбежность применения последствий, предусмотренных ч.3.1 ст. 70 АПК РФ в отношении лица, не оспорившего факт»). Всё это свидетельствует о том, что нельзя ставить знак равенства в формуле: «Молчание = согласие». Кроме того, в немецкой доктрине указывалось на то, что процессуальные отношения следует рассматривать в аспекте мер возможного поведения. Такие процессуальные отношения можно оценивать с точки зрения перспективы вынесения благоприятного судебного решения. Ключевой чертой перспективы является правило о том, что для достижения благоприятного исхода дела у обладателя «перспективы» нет необходимости совершения активных процессуальных действий [6, С. 19-25]. Поэтому при внесении изменений в регулирование процессуальных отношений суда и участников процесса следует проанализировать учения о: 1) *Onus probandi* (бремени доказывания); 2) *Substantiierung* (процесс последовательного и чёткого обоснования фактов) [24, с. 221]; 3) *Das gerichtliche Geständnis* (судебное признание); 4) *Der stillen Annahme* (молчаливое признание).

После проведения анализа следует расставить чёткие приоритеты в регулировании процессуальных отношений, избрав необходимый в регулировании подход к бремени доказывания, судебному и молчаливому признанию и последующему оформлению в кодексах (общее – особенное- единичное). Тем самым будет обеспечена надлежащая коммуникация [1, С. 177-186] между судами и участниками процесса в вопросах предоставления материала (концентрации доказательственного материала) в том числе и предотвращения злоупотребления процессуальными правами. Только посредством детализации в регулировании предоставления доказательственного материала можно обеспечить повышение активности лиц и вынесения законных и обоснованных судебных решений («эффективность доказательственной деятельности»).

Если не провести «ревизию» (уточнение) учений об отдельных составляющих процессуальных отношений, в том числе о процессуальной роли молчаливого признания, то ч.3.1 ст.70 АПК РФ будет применяться арбитражными судами в сторону признания фактов противной стороной при их не оспаривании. Об этом факте свидетельствуют публикации исследователей. В судебно-арбитражная практика здесь не является единообразной, но в большинстве актов арбитражных судов указывается о том, что содержание нормы ч.3.1 ст.70 АПК РФ не свидетельствует о перераспределении бремени доказывания, не освобождает суд от исследования и оценки совокупности представленных доказательств и обстоятельств дела. К примеру, если ответчик не предоставляет в суд альтернативный расчёт, то суду следует проверить расчёт, который предоставил истец, поэтому здесь не подлежит применению ч.3.1 ст.70 АПК РФ [3, С. 21-27].

Тем самым толкование нормы ч. 3.1. ст.70 АПК РФ в судебно-арбитражной практике не создаёт определённости выбора лицом чёткой модели процессуального поведения, обеспечивающей ему избежать применение последствий в виде признания факта или группы фактов в силу молчания. Также не ясно к каким действиям лица, совершённым в процессе, будет применяться норма ч.3.1 ст.70 АПК РФ (к примеру, непредоставлению отзыва, не оспариванию расчётов, не предоставлению определенных средств доказывания).

Заключение

Таким образом, введение ч.3.1 ст.70 АПК РФ привело к неоднозначному толкованию молчаливого признания в отечественной процессуальной доктрине, отсутствию единообразия в толковании и применении данной нормы в судебно-арбитражной практике в отношении участников судебного разбирательства по усмотрению суда и ухудшению положения участников процесса ввиду запрета на повторную проверку фактов арбитражным судом апелляционной инстанции (ч.4 ст.268 АПК РФ).

Всё это свидетельствует о неблагоприятном положении дел, поскольку одно дело действие в своём собственном интересе и объявление перед судом о действительности факта («формирование собственного мнения о факте»), другое дело самостоятельное применение судом при отсутствии волеизъявления стороны (молчании) последствий в виде признания стороной факта, о котором сторона впоследствии узнает только в судебном решении [5, с. 121].

Отсюда, следуя историческому контексту, позициям подавляющего количества ученых прошлого и настоящего, возможно, следовало бы устроить обсуждаемую здесь неопределенность самым простым и менее ресурсозатратным способом – просто исключить указанную норму из содержания АПК РФ, либо использовать затратный способ – провести «ревизию» (уточнение) учений об отдельных составляющих процессуальных отношений, в том числе о процессуальной роли молчаливого признания и наметить «магистральную линию» в регулировании процессуальных отношений в гражданском процессе (общее-особенное-единичное) в части концентрации доказательственного материала.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии // Закон. 2014. № 4. С. 177-186.
2. Гамбарян А.С., Айрапетян Ю.В. Признание вины и иска молчанием в уголовном и гражданском процессах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4. С. 754 – 765.

3. Глащенко В.Д. Институт молчаливого признания обстоятельств в арбитражном процессе (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ): результаты правоприменительной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 21 – 27.
4. Гуревич И. Б. Неделимость признания // Судебная газета. 1889. № 3, 5. с. 5.
5. Денисова Н. А. Основания для освобождения от доказывания в гражданском судопроизводстве : дисс. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 – Москва, 2024. – 154 с.
6. Елисеев Н.Г. Трактровка содержания процессуальных правоотношений в Российской и германской доктрине // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2007. С. 19-25.
7. Зейдер Н. Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестн. сов. юстиции. 1926. № 11. С. 428-433.
8. Ильясов А.А. Молчаливое признание в арбитражном процессе // Юридические исследования. 2019. № 5. С. 19-24.
9. Кулюшин Е. Н. Заинтересованные лица как субъекты признания обстоятельств (фактов) по делам из административных и иных публичных правоотношений, регулируемых КАС РФ // Экономика и безопасность. № 10. 2025. С. 119-121.
10. Курочкин С.А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 349 - 385.
11. Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс: учеб. пособие / под ред. М. А. Фокиной. М., 2014. – 496 с.
12. Малинин М. И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. – 135 с.
13. Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук магистра гражданского права. СПб., 1856. – 204 с.
14. Опалев Р. О. Вопросы судопроизводства в арбитражных судах: решения и аргументы, которыми можете воспользоваться и вы: науч.-приклад. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. – 324 с.
15. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: собственность, обязательства и средства судебного хранения: юридические очерки. – СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1877. – Т. 1. – 447 с.
16. Пучинский В. К. Признание стороны в советском гражданском процессе. – М., 1955. – 100 с.
17. Скуратовский М.Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. М.: Волтерс Клувер, 2007. 200 с.
18. Тряпочкин Н. А. Искусственный интеллект и признание фактов в административном судопроизводстве: возможные проблемы / Н. А. Тряпочкин // Диалог. – 2025. – № 22(52). – С. 10-11.
19. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н. А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. – Москва: Статут, 2024. – 122 с.
20. Тряпочкин Н. А., Кулюшин Е. Н. Признание фактов в административном судопроизводстве: корреляция с гражданским и арбитражным судопроизводствами // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 12. – С. 45-49.
21. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. М., 1912. – 632 с.
22. Юдельсон К. С. Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе // Методические материалы / ВЮЗИ. М.: 1948. С. 62-78.
23. Юдин А. Молчание - знак согласия? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 41. С. 5.
24. Dr. Max Rust Die Substantiierungslast im Zivilprozess, Nomos, 1. Auflage 2021, S.221.

On the issue of «tacit» admission in arbitration proceedings

Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N.

Ural State Economic University

It is generally accepted that, compared to the Civil Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF) and the Code of Administrative Procedure (hereinafter referred to as the CAS RF), the Arbitration Procedure Code (hereinafter referred to as the APC RF) is considered more sophisticated in terms of form and content. However, it appears that this is hardly applicable to the provisions of Article 70 of the APC RF, which regulates the release of litigants from proving facts when one or both of them declare their admission of fact.

One such "difficult" point is the existence of Part 3.1 of Article 70 of the APC RF, which defines the existence of "tacit" admission—a concept whereby the passive behavior of a party to a case, in response to an assertion made by an opponent, can be interpreted by the court as agreement with the latter. What's surprising here is not only that a specific mechanism is provided for only in the Arbitration Procedure Code, but also that throughout the entire history of the doctrine of admission of a fact in our country, not a single scholar, until the modern period, has expressed support for its practical application. It seems worth revisiting this issue and examining it from the perspective of the genesis of this institution's development.

Keywords: admission of facts, release from proof, persons participating in the case, arbitration process, passive behavior.

References

1. Branovitsky K.L. The Concept and Importance of Judicial Guidance on the Substantive Consideration of a Case in Civil Procedure in Germany // *Law*. 2014. No. 4. pp. 177-186.
2. Gambaryan A.S., Airapetyan Yu.V. Admission of Guilt and Claim by Silence in Criminal and Civil Procedures // *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2021. No. 4. pp. 754–765.
3. Glaschenko V.D. The Institute of Tacit Admission of Circumstances in Arbitration Proceedings (Part 3.1 of Article 70 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation): Results of Law Enforcement Practice // *Arbitration and Civil Procedure*. 2022. No. 3. pp. 21–27.
4. Gurevich I.B. Indivisibility of Admission // *Judicial Newspaper*. 1889. No. 3, 5. p. 5.
5. Denisova N. A. Grounds for Exemption from Proof in Civil Proceedings: Diss. ... Cand. of Law: 5.1.3 – Moscow, 2024. – 154 p.
6. Eliseev N. G. Interpretation of the Content of Procedural Legal Relations in the Russian and German Doctrine // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2007. Pp. 19-25.
7. Zeider N. B. Legal Nature of Recognition in Civil Procedure // *Bulletin of the Council of Justice*. 1926. No. 11. Pp. 428-433.
8. Ilyasov A. A. Tacit Confession in Arbitration Proceedings // *Legal Research*. 2019. No. 5. pp. 19-24.
9. Kulyushin E. N. Interested parties as subjects of recognition of circumstances (facts) in cases of administrative and other public legal relations regulated by the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation // *Economy and Security*. No. 10. 2025. pp. 119-121.
10. Kurochkin S. A. Effectiveness of proof in civil proceedings: general theoretical and methodological aspects // *Bulletin of civil procedure*. 2021. No. 5. pp. 349-385.
11. Course in evidence law. Civil procedure. Arbitration procedure: textbook / edited by M. A. Fokina. Moscow, 2014. - 496 p.
12. Malinin M. I. Judicial recognition in civil cases. 2nd ed., suppl. – Odessa: Type. L. Nitsche, 1878. – 135 p.
13. Mikhailov M. M. Russian civil procedure in its historical development from the Code of 1649 to the publication of the Code of Laws: reasoning for the degree of Doctor of Laws, Master of Civil Law. St. Petersburg, 1856. – 204 p.
14. Opalev R. O. Issues of legal proceedings in arbitration courts: decisions and arguments that you can also use: a scientific and applied manual. 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Infotropic Media, 2014. – 324 p.
15. Pakhman S. V. Customary civil law in Russia: property, obligations, and means of judicial custody: legal essays. – St. Petersburg: Type. 2nd sec. Own. E. I. V. Chancellery, 1877. - Vol. 1. - 447 p.
16. Puchinsky V. K. Admission of a Party in Soviet Civil Procedure. - Moscow, 1955. - 100 p.
17. Skuratovsky M. L. Preparing a Case for Trial in the Arbitration Court of First Instance. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 200 p.
18. Tryapochkin N. A. Artificial Intelligence and Recognition of Facts in Administrative Proceedings: Possible Problems / N. A. Tryapochkin // *Dialogue*. - 2025. - No. 22 (52). - P. 10-11.
19. Tryapochkin N. A. Judicial Recognition in Civil Procedure: Theoretical Problems: [monograph] / N. A. Tryapochkin; Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Department of Civil Procedure. – Moscow: Statut, 2024. – 122 p.
20. Tryapochkin N. A., Kulyushin E. N. Admission of Facts in Administrative Proceedings: Correlation with Civil and Arbitration Proceedings // *Arbitration and Civil Procedure*. – 2022. – No. 12. – Pp. 45-49.
21. Engelman I. E. Course of Russian Civil Procedure. Moscow, 1912. – 632 p.
22. Yudelson K. S. Judicial Admission as a Ground for Exemption from Proof in Soviet Civil Procedure // *Methodological Materials / VYUZI*. Moscow: 1948. Pp. 62-78.
23. Yudin A. Is Silence a Sign of Consent? // *EZh-Lawyer*. 2010. No. 41. P. 5.
24. Dr. Max Rust Die Substantiierungslast im Zivilprozess, Nomos, 1. Auflage 2021, S.221.

Возможность применения правового режима аудиовизуального произведения к мультимедийному продукту

Хорошилов Константин Сергеевич

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, khoroshilovk@list.ru

Настоящая статья призвана раскрыть вопрос о возможности применения правового режима аудиовизуального произведения к мультимедийному продукту и рассмотреть перспективы использования отдельных положений правового режима аудиовизуального произведения при формировании самостоятельного правового режима мультимедийного продукта. Автор исходит из того, что действующее российское законодательство пока не позволяет рассматривать мультимедийный продукт как самостоятельный объект авторского права, несмотря на его упоминание в статье 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации. Обосновывается необходимость изменения данного подхода и законодательного признания мультимедийного продукта самостоятельным объектом авторского права. Рассматривается соотношение мультимедийного продукта и аудиовизуального произведения, выявляются их общие признаки и принципиальные различия. Особое внимание уделяется компьютерной игре как наиболее характерному примеру мультимедийного продукта. Автором утверждается, что наличие в компьютерной игре аудиовизуальных элементов не дает оснований квалифицировать ее как аудиовизуальное произведение. Уточняется, что применение правового режима аудиовизуального произведения к мультимедийному продукту как самостоятельному объекту невозможно. Однако отдельные положения статьи 1263 ГК РФ, в частности, конструкция принадлежности исключительного права на произведение в целом изготовителю (лицу, организовавшему его создание) могут быть использованы при формировании правового режима мультимедийного продукта.

Ключевые слова: авторское право, мультимедийный продукт, аудиовизуальное произведение, сложный объект, правовой режим, исключительное право, организатор создания, компьютерная игра, цифровой объект, результат интеллектуальной деятельности.

Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых и используемых в цифровой среде, постепенно становится одним из наиболее важных аспектов современного авторского права. Особую значимость приобретает вопрос охраны прав на сложные объекты, перечисленные в ст. 1240 ГК РФ.

В частности, наряду с иными сложными объектами, указанными в ст. 1240 ГК РФ, упоминаются аудиовизуальные произведения и мультимедийные продукты. При этом, действующее законодательство по-разному подходит к их правовому регулированию. Это обусловлено несколькими факторами: закреплением легального определения аудиовизуального произведения, признанием аудиовизуального произведения объектом авторского права и наличием самостоятельного правового режима. В тоже время, несмотря на то, что мультимедийный продукт прямо назван среди сложных объектов, он, с точки зрения законодательства, самостоятельным объектом авторского права со своим правовым режимом не является и его легальное определение отсутствует. В результате возникает ситуация, при которой законодательство признает наличие соответствующего объекта, но практически не раскрывает его содержание и не устанавливает специального правового режима.

Вышеуказанная проблема находит свое отражение и в доктрине. Так, Т. В. Шатковская и Д. А. Андросова указывают на недостаточную определенность российского законодательства в части регулирования мультимедийных продуктов и отмечают: «Однократное упоминание мультимедийных продуктов в ст. 1240 ГК РФ без указания на то, что охраняется в качестве этого объекта, режима правовой охраны оставляет широкий спектр мультимедиа-объектов без должной юридической защиты.» [1]. Также К. Д. Савицкая отмечает, что несмотря на актуальность проблемы определения правового режима мультимедийного произведения, однозначное решение как в доктрине, так и в судебной практике – не найдено [2].

Более того, отсутствие правового режима мультимедийного продукта как самостоятельного объекта авторского права приводит к тому, что охране подлежат лишь результаты, входящие в его состав, а сам объект, который получается с учетом их синергии, остается незащищенным.

В отношении же аудиовизуального произведения ситуация становится прямо противоположной. Во-первых, аудиовизуальное произведение включено в перечень самостоятельных объектов авторского права. Помимо этого, ст. 1263 ГК РФ дает четкое определение, что из себя представляет аудиовизуальное произведение, а также определяет круг авторов такого объекта. Во-вторых, ст. 1240 ГК РФ регулирует механизм использования результатов, включаемых в сложный объект, тогда как ст. 1263 ГК РФ дополнительно решает вопрос о принадлежности исключительного права на аудиовизуальное произведение в целом. Для аудиовизуального произведения эта принадлежность прямо установлена законом, в то время как для мультимедийного продукта аналогичное положение не закреплено.

С учетом изложенного предлагается проанализировать возможность применения правового режима аудиовизуального произведения к мультимедийному продукту, при этом отметив следующее.

Сходство аудиовизуального произведения и мультимедийного продукта обусловлено признаками сложного объекта.

Создание аудиовизуального произведения может предполагать использование сценария, музыкального произведения, изобразительных элементов и иных объектов. Мультимедийный продукт также способен включать значительное количество самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности.

Второй общий признак обоих объектов заключается в единстве конечного результата. Г. Н. Чернишкина отмечает: «Единство АВП, как и любого сложного объекта, заключается в том, что сами произведения, применяемые для его создания, являются средствами объективизации авторского замысла (содержания) наряду с техническими средствами, за счет этого и образуется их неразрывная целостность.» [3]. Несмотря на самостоятельную охраноспособность отдельных составляющих, они объединяются для достижения общей цели. При этом правовая охрана каждого элемента не должна

автоматически исключать возможность охраны результата их объединения.

Третий признак связан непосредственно с ролью лица, организующего создание продукта. Для создания сложного объекта необходим субъект, который обеспечивает организационную и зачастую финансовую сторону проекта, привлекает авторов и иных специалистов, определяет структуру будущего результата и обеспечивает объединение созданных элементов.

Главное различие аудиовизуального произведения и мультимедийного продукта связано с тем, каким образом формируется и функционирует единый результат. Применительно к аудиовизуальному произведению, последовательность изображений существует независимо от конкретного поведения зрителя. При просмотре фильма и взаимодействуя с ним посредством переключения таймкодов, остановки и воспроизведения фильма, пользователь не изменит его финал и основной замысел [4].

Мультимедийный продукт устроен иначе. Его элементы способны взаимодействовать между собой не только в заранее установленной последовательности, но и посредством программных, навигационных и функциональных связей, а результат меняться в зависимости от выборов и действий пользователей.

В этом контексте компьютерная игра (видеоигра) представляет собой показательный пример мультимедийного продукта. Пользователь не просто воспринимает заранее созданную последовательность изображений. Его действия могут влиять на развитие игрового процесса, открывать или блокировать отдельные элементы, изменять состояние виртуальной среды и определять последующее содержание взаимодействия. В доктрине формируется устойчивая позиция о квалификации компьютерной игры именно в качестве мультимедийного продукта, в том числе, такими авторами как М. А. Рожкова [5], А. Р. Шомахов [6], Р. А. Будник и М. О. Зверев [7] и др. При этом, важно подчеркнуть, что утверждение о том, что компьютерная игра является мультимедийным продуктом не означает, что действующее законодательство уже предоставляет ей самостоятельный объектный режим. В данном случае речь идет прежде всего о квалификационной модели, позволяющей объяснить структуру компьютерной игры как сложного цифрового продукта.

Также следует отметить, что аудиовизуальное произведение может само выступать одним из элементов мультимедийного продукта. Например, в компьютерной игре может использоваться самостоятельный видеоролик, созданный как произведение кинематографического или иного аудиовизуального характера (например: «синематик»). В этом случае права на такой ролик могут существовать независимо от прав на игру в целом. При этом, определение компьютерной игры как аудиовизуального произведения только на основании наличия визуального и звукового сопровождения не позволяет в полной мере отразить ее объективные особенности.

Отсюда следует важное для настоящего исследования положение: отношение между аудиовизуальным произведением и мультимедийным продуктом может иметь характер включения, но не тождества.

Именно поэтому полное копирование и применение правового режима аудиовизуального произведения к мультимедийному продукту невозможно. Нельзя механически распространить на него весь правовой режим аудиовизуального произведения. Вместе с тем, отдельные законодательные решения, закрепленные в ст. 1263 ГК РФ, представляют интерес для решения тех проблем, которые законодатель пока оставил недостаточно урегулированными применительно к мультимедийным продуктам.

Наиболее существенным является вопрос о правовом положении лица, организовавшего создание продукта.

Статья 1240 ГК РФ устанавливает, что лицо, организовавшее создание сложного объекта, приобретает права использования включенных в него результатов на основании договоров с лицами, обладающими исключительным правом на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности. При этом, автор сохраняет право авторства и другие личные неимущественные права, а организатор вправе указывать свое имя или наименование. Однако сама ст. 1240 ГК РФ не содержит общего правила о возникновении у организатора исключительного права на мультимедийный продукт в целом. Именно здесь выявляется существенное различие между общим регулированием сложных объектов и специальным регулированием аудиовизуального произведения. Пункт 4 статьи 1263 ГК

РФ прямо предусматривает, что права изготовителя аудиовизуального произведения, то есть лица, организовавшего его создание, определяются в соответствии со ст. 1240 ГК РФ. При этом изготовителю принадлежит исключительное право на аудиовизуальное произведение в целом, если иное не вытекает из договоров, заключенных им с авторами.

Таким образом, законодатель специально разрешил вопрос о том, кому принадлежит исключительное право на единый результат создания аудиовизуального произведения.

В отношении мультимедийного продукта аналогичное положение не закреплено. Автор полагает, что именно здесь положения ст. 1263 ГК РФ могут иметь методологическое значение для дальнейшего развития законодательства. Однако речь не должна идти о признании мультимедийного продукта аудиовизуальным произведением или о распространении на него положений ст. 1263 ГК РФ в полном объеме. Предлагается иное решение – признать мультимедийный продукт самостоятельным объектом авторского права и использовать отдельную законодательную конструкцию ст. 1263 ГК РФ как модель для регулирования мультимедийного продукта. Иными словами, заимствованию подлежит не правовой режим аудиовизуального произведения как таковой, а конкретное законодательное решение относительно принадлежности исключительного права на сложный результат лицу, организовавшему его создание.

Такое решение представляется оправданным по нескольким причинам.

Во-первых, именно организатор создания обеспечивает объединение самостоятельных результатов в единый продукт.

Во-вторых, без закрепления права на продукт в целом правовая охрана неизбежно смещается в сторону отдельных компонентов.

В-третьих, договорное получение прав на каждую составляющую еще не дает достаточного ответа на вопрос о правовой принадлежности самого результата их объединения.

В-четвертых, аналогичная проблема уже получила законодательное решение применительно к аудиовизуальному произведению. Поэтому создание сходной конструкции для мультимедийного продукта не потребует изменения базовой концепции части четвертой ГК РФ.

При этом, нельзя переносить соответствующую модель без учета специфики мультимедийного продукта. Например, не следует устанавливать для него закрытый перечень авторов, аналогичный пункту 2 статьи 1263 ГК РФ. Состав участников создания мультимедийного продукта может существенно различаться в зависимости от его вида. Для компьютерной игры значительную роль могут играть программисты, геймдизайнеры и специалисты иного профиля.

Не следует также связывать мультимедийный продукт с обязательным наличием зафиксированной последовательности изображений. Такой критерий имеет значение для определения аудиовизуального произведения, но не отражает всех особенностей мультимедийных продуктов.

Резюмируя все вышеизложенное, проведенное исследование позволяет сформулировать несколько основных выводов:

1. Полное применение правового режима аудиовизуального произведения к мультимедийному продукту представляется невозможным. Это обусловлено различиями в юридически значимых признаках рассматриваемых объектов. Аудиовизуальное произведение основано на зафиксированной последовательности связанных между собой изображений, тогда как мультимедийный продукт предполагает более сложное функциональное объединение различных результатов интеллектуальной деятельности.

2. Различается и характер использования указанных объектов. Для аудиовизуального произведения основное значение имеет восприятие заранее сформированной последовательности изображений и звуков. Мультимедийный продукт предполагает активное взаимодействие пользователя с его программной и информационной средой, вследствие чего содержание и порядок использования отдельных элементов могут определяться в процессе такого взаимодействия.

3. Имеются различия и в субъектном составе указанных объектов. Статья 1263 ГК РФ устанавливает специальный круг авторов аудиовизуального произведения: режиссер-постановщик, автора сценария, автора специально созданного музыкального произведения (композитор) и художник-постановщик анимационного фильма. Создание мультимедийного продукта может предполагать участие

значительно более широкого круга лиц, включая авторов, создающих программные, графические, текстовые, музыкальные и иные компоненты. Поэтому механическое перенесение установленного для аудиовизуального произведения субъектного состава не отвечает особенностям мультимедийного продукта.

4. Автор полагает, что имеется необходимость признания мультимедийного продукта самостоятельным объектом авторского права и закрепления мультимедийного продукта в перечне объектов авторских прав. Аналогичный подход нашел отражение в работах К.Д. Савицкой [8] и Е.С. Котенко [9]. Также выявлена необходимость разработки правового режима мультимедийного продукта как самостоятельного целостного объекта.

5. Отдельные положения режима аудиовизуального произведения могут быть использованы при формировании правового режима мультимедийного продукта как самостоятельного объекта. Прежде всего это относится к конструкции, связанной с лицом, организовавшим создание сложного объекта в части возникновения исключительного права на мультимедийный продукт как самостоятельный объект.

Литература

1. Шатковская Т. В., Андросова Д. А. Режим правовой охраны мультимедийных продуктов по законодательству Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 41–49.
2. Савицкая К. Д. Понятие и признаки мультимедийного произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 37 - 46.
3. Чернишкина Г. Н. Аудиовизуальное произведение как объект правовой охраны // ИС. Авторское право и смежные права. 2026. № 1.
4. Хорошилов К. С. Квалификация компьютерной игры как мультимедийного продукта // Юридическая наука. 2026. № 2. С. 405-407
5. Рожкова М. А. Современная компьютерная игра – это не программа для ЭВМ // A modern computer game is not a computer program [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 15 ноября.
6. Шوماхов А. Р. Роль видеоигр как сложных объектов в развитии искусственного интеллекта // Социально-политические науки. 2024 Т. 14. № 3. С. 101-107. EDN: JVKFXX
7. Будник Р. А., Зверев М. О. Интеллектуальные права геймеров // Закон. 2022. № 7. С. 126-147.
8. Савицкая К. Д. Актуальные проблемы правовой охраны мультимедийных произведений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2025. № 3(72), С. 95-99.
9. Котенко Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2012. 230 л.

The Applicability of the Legal Regime for Audiovisual Works to Multimedia Products

Khoroshilov K.S.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article aims to explore the feasibility of applying the legal regime governing audiovisual works to multimedia products and to examine the prospects of utilizing specific provisions of that regime when formulating a distinct legal framework for multimedia products. The author proceeds from the premise that current Russian legislation does not yet permit the classification of a multimedia product as an independent object of copyright, despite its mention in Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation. The article substantiates the need to alter this approach and to legislatively recognize the multimedia product as an independent object of copyright. It examines the relationship between multimedia products and audiovisual works, identifying their shared characteristics and fundamental differences. Particular attention is paid to computer games as the most representative example of a multimedia product. The author argues that the presence of audiovisual elements in a computer game does not justify classifying it as an audiovisual work. It is clarified that applying the legal regime of an audiovisual work to a multimedia product as an independent object is not feasible. However, certain provisions of Article 1263 of the Civil Code—specifically the mechanism whereby the exclusive right to the work as a whole belongs to the producer (the entity that organized its creation)—could be utilized in shaping the legal regime for multimedia products.

Keywords: copyright, multimedia product, audiovisual work, complex object, legal regime, exclusive right, organizer of creation, computer game, digital object, result of intellectual activity.

References

1. Shatkovskaya T. V., Androsova D. A. Legal protection regime for multimedia products under the legislation of the Russian Federation // North Caucasus Legal Bulletin. 2025. No. 2. P. 41–49.
2. Savitskaya K. D. Concept and characteristics of a multimedia work // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2024. No. 3. P. 37–46.
3. Chernichkina G. N. Audiovisual work as an object of legal protection // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2026. No. 1.
4. Khoroshilov K. S. Classification of a computer game as a multimedia product // Legal Science. 2026. No. 2. P. 405–407.
5. Rozhkova M. A. A modern computer game is not a computer program [Electronic resource] // Zakon.ru. 2021. November 15.
6. Shomakhov A. R. The role of video games as complex objects in the development of artificial intelligence // Socio-Political Sciences. 2024. Vol. 14. No. 3. P. 101–107. EDN: JVKFXX
7. Budnik R. A., Zverev M. O. Intellectual property rights of gamers // Zakon. 2022. No. 7. P. 126–147.
8. Savitskaya K. D. Current issues regarding the legal protection of multimedia works // Bulletin of Polotsk State University. Series D: Economic and Legal Sciences. 2025. No. 3(72). P. 95–99. 9. Kotenko E. S. Multimedia Product as an Object of Copyright: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. Moscow, 2012. 230 leaves.

Особенности принудительного выкупа как способа прекращения корпоративных прав и специфика средств защиты миноритарных акционеров

Шелунцова Алина Олеговна

студентка бакалавриата «Право», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», sheluntsova04@mail.ru

Несмотря на то, что институт принудительного выкупа акций появился в российском законодательстве почти 20 лет назад, его применение по-прежнему сопряжено с теоретическими и практическими проблемами и противоположными позициями судов по фундаментальным вопросам. Главных из них, по нашему мнению, два: какая правовая природа у принудительного выкупа, а также как эффективно защитить права вытесняемых миноритарных акционеров? В статье рассматривается принудительный выкуп акций миноритарных акционеров как способ прекращения корпоративных прав и концентрации корпоративного контроля. Цель настоящей работы – определить актуальные и возможные способы защиты вытесняемых акционеров при принудительном выкупе акций по российскому праву. Анализируются экономическое и правовое обоснование института принудительного выкупа, его правовая природа, соотношение с законной экспроприацией и договором купли-продажи, заключаемым в силу закона. Особое внимание уделяется российской и зарубежной судебной практике, а также средствам защиты вытесняемых акционеров. Делается вывод о преобладании в российском праве *ex post* модели защиты, основанной на иске о возмещении убытков, и о потенциале предварительного судебного определения справедливой цены выкупа.

Ключевые слова: принудительный выкуп акций, миноритарные акционеры, корпоративный контроль, справедливая компенсация, средства защиты.

Введение

Принудительный выкуп акций миноритарных акционеров представляет собой один из механизмов концентрации корпоративного контроля и прекращения публичного статуса акционерного общества. В российском праве данный институт закреплен в ст. 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – «Закон об АО») и направлен на правовое оформление ситуации, при которой контроль над обществом фактически уже сосредоточен у одного акционера. Его существование обычно обосновывается потребностью в снижении издержек, преодолении проблемы фрирайдерства и упрощении корпоративной реорганизации после установления контроля.

Вместе с тем принудительный выкуп затрагивает фундаментальные вопросы гражданского и корпоративного права, поскольку предполагает прекращение корпоративных прав помимо воли акционера. Это обуславливает необходимость определения правовой природы данного механизма, его места среди оснований прекращения права собственности, а также оценки достаточности средств защиты вытесняемых акционеров. Особую значимость приобретает анализ того, обеспечивает ли действующая российская модель баланс между интересами контролирующего акционера и имущественными правами миноритариев.

1. Обоснование механизма принудительного выкупа и его место среди оснований прекращения права собственности

Институт принудительного выкупа был известен некоторым зарубежным правовым порядкам еще в середине XX века.

Впервые предложение о его законодательном закреплении было сформулировано в 1926 г. в Великобритании в докладе Комитета по реформе корпоративного права. Комитет рекомендовал предоставить лицу, приобретающему не менее 90% акций в результате публичного предложения, право требовать принудительной передачи оставшихся акций на тех же условиях. Данная рекомендация была реализована в *Companies Act* (1929) и в *City Code on Takeovers and Mergers* (1968), установившего основные принципы осуществления поглощений, в том числе принцип равного отношения к акционерам [6, с. 19-29].

В США механизм институционализирован через § 253 *Delaware General Corporation Law*, который с ранних редакций (1967 г.) предусматривал возможность проведения «*short-form merger*»: при владении материнской компанией не менее 90% акций дочерней компании слияние осуществлялось без одобрения остальных акционеров [20, с. 340-341].

Во Франции принудительный выкуп возник как инструмент публичного права. Механизм «*retrait obligatoire*» был впервые закреплён в постановлении *Commission des opérations de bourse* (1989), регулирующем рынок ценных бумаг, которое предусматривало возможность инициирования выкупа после публичного предложения в случае контроля над ≥ 95 % капитала [23, с. 491-528].

Современное регулирование принудительного выкупа связано с принятием в 2004 году Директивы Европейского Парламента и Совета Европы 2004/25/ЕС «О предложениях по поглощению» (далее – «Директива»).

Российское оформление приобретения крупных пакетов акций не имело предварительного этапа и принималось в ходе дискуссий [7]. В соответствии с общим мнением российских авторов, предложенное в законе регулирование в целом соответствует подходам Директивы, но имеет свои особенности [5; 15].

Обоснование возможности принудительного выкупа содержится в монографии С.В. Гомцяна, который связывает этот механизм со снижением издержек контролирующего акционера и с преодолением проблемы фрирайдерства. Ее суть состоит в том, что миноритарии могут отказаться от продажи акций, рассчитывая извлечь выгоду из роста их стоимости. Это снижает стимулы к поглощению, тогда как принудительный выкуп позволяет консолидировать капитал

и повышает мобильность рынка корпоративного контроля [2; 7, с. 37-38, 170-172; 14].

Но даже после концентрации контроля миноритарии сохраняют корпоративные права, включая право на информацию и оспаривание корпоративных решений [16], что увеличивает издержки мажоритария и объясняет потребность в принудительном выкупе.

Итак, даже обладая абсолютным контролем, мажоритарий сталкивается с необходимостью учитывать интересы миноритариев, что стимулирует законодательное закрепление процедуры принудительного выкупа для упрощения передачи контроля и реализации новой стратегии управления компанией.

С точки зрения общегражданских оснований прекращения права собственности принудительный выкуп может рассматриваться через призму прекращения отношений общей собственности, которая в вещно-правовой логике, реконструированной К.И. Скловским, носит исключительный характер и стремится к преобразованию в личную [17, с. 254-260]. Нормативным выражением этой идеи выступает п. 4 ст. 252 ГК РФ, допускающий судебное прекращение права на незначительную и не выделяемую долю с выплатой компенсации независимо от согласия собственника.

Дополнительным обоснованием принудительного выкупа служит теория разделения контроля и управления в публичной корпорации: при возврате контроля к мажоритарии эти функции вновь объединяются, а миноритарии, лишённые возможности влияния, получают право на выход с компенсацией, включающей часть премии за контроль [22].

Хотя принудительный выкуп не подпадает прямо под основания прекращения права собственности (глава 15 ГК РФ), по своим последствиям он близок к законной экспроприации: право прекращается независимо от воли собственника, но с выплатой компенсации [10, с. 157-172].

Механизм вытеснения акционеров по ст. 84.8 Закона об АО можно описать идентично, за исключением того, что выкупает акции такой же акционер – субъект частного права. Помещение принудительного выкупа в контекст гражданского права важно для распространения принципов автономии воли и недопустимости вмешательства в частные дела, включая запрет принудительного заключения договора, если иное не предусмотрено законом, а также для системного толкования правил о выкупе и о применении способов защиты, которые сводятся к спору о цене выкупа, а не о его обоснованности. Также указанное сходство подчеркивает отсутствие воли акционера при принятии решения о выкупе.

Кроме того, квалификация принудительного выкупа как односторонней сделки [11] не бесспорна, поскольку одностороннее волеизъявление мажоритария порождает возмездный переход права собственности. Поэтому точнее представляется квалификация данного механизма как договора купли-продажи акций, заключаемого в силу закона. В такой конструкции заявление о выкупе является акцептом (ст. 438 ГК РФ): оно тоже является односторонним, но порождает договор – двустороннюю сделку.

2. Оценка принудительного выкупа высшими судами

Зарубежные и российские суды признают допустимость принудительного выкупа как ограничения права собственности при наличии справедливой компенсации и эффективной защиты миноритариев.

Конституционный суд Хорватии в деле *SIEMENS AG Österreich*, указал, что миноритарий в отношении стоимости своей доли обладает имущественными, а не управленческими правами. Суд признал принудительный выкуп соответствующим принципу верховенства права, поскольку его законной целью является регулирование рынка капитала. Кроме того, императивные условия выкупа защищают крупного акционера от потенциальных манипуляций со стороны миноритариев [24, с. 159-180].

К аналогичным выводам пришел Федеральный Конституционный Суд ФРГ. В решении по делу *Feldmühle* суд признал, что законодатель вправе определять содержание и пределы права из акции, включая ограничения миноритариев, вытекающие из принципа большинства, при условии справедливой компенсации.

Кассационный суд Франции также признал принудительный выкуп допустимым способом прекращения корпоративных прав. В одном из дел суд указал, что принудительный выкуп – это экспроприация, разрешенная законом, которая остается принудительной передачей права собственности при условии установления компенсации

компетентными органами. В другом суд обратил внимание, что акционеры должны получить справедливую компенсацию, рассчитанную по установленным законом методам, а переход собственности осуществляется в целях общественного интереса.

Французские авторы обращают внимание, что понятие компенсации (*indemnité*) отличается от понятия цены (*prix*), и вытесняемый акционер получает за акции не цену, поскольку это не добровольная сделка, а компенсацию [25, с. 334-338]. Кроме того, справедливость компенсации в некоторых случаях может предполагать даже превышение цены выкупа над рыночной ценой акций, поскольку выкуп опосредует выплату премии за контроль, которая с учетом принципов пропорциональности и равенства прав контролирующего и вытесняемых акционеров должна распределяться также на последних [28].

Суды штата Делавэр придерживаются позиции, что сделки по выкупу подлежат судебному контролю, а у мажоритарных акционеров есть обязанности при проведении выкупа в ходе слияний (*merger bids*) и публичных предложений (*tender offers*). Принудительные *tender offers* подлежат проверке по стандарту «полной справедливости» (*entire fairness*), включающему (1) добросовестность сделки (*fair dealing*), т.к. сделка должна быть близка к рыночной, и (2) справедливость цены (*fair price*), которая предоставляет несогласным акционерам право на оценку (*appraisal right*) [21, с. 6-7].

Европейский суд по правам человека также занял благосклонную позицию в отношении принудительного выкупа. Еще в 1982 году Комиссия пришла к выводу, что такой выкуп не образует «лишения собственности» в смысле ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, поскольку затрагивает отношения между частными лицами, а не экспроприацию со стороны государства. Следовательно, ЕКПЧ в части ограничения собственности не применяется [24, с. 159-182].

Интересно поместить в сравнительно-правовой контекст серию определений Конституционного Суда РФ 2007 года, в которых суд занял созвучную европейским судам позицию.

С одной стороны, КС РФ подтверждает конституционность механизма принудительного выкупа как «способа упорядочения объективно протекающих процессов концентрации капитала».

Вместе с тем КС РФ распространил на принудительный выкуп ранее сформулированный подход, по которому принудительное отчуждение имущества допустимо не только для государственных нужд, но и в целях «общего для акционерного общества блага», при условии предварительного и равноценного возмещения и наличия эффективных средств защиты интересов миноритариев. Данная позиция представляет расширение гарантий права собственности до уровня ч. 3 ст. 35 Конституции РФ и фактически превосходит по уровню защиты ЕКПЧ в толковании Комиссии.

Применительно к принудительному выкупу КС РФ исходит из того, что судебный контроль должен охватывать не только проверку цены выкупа и наличия убытков, но и оценку обстоятельств, способных свидетельствовать о существенном нарушении закона или злоупотреблении правом и тем самым влиять на справедливость компенсации. Такой подход корреспондирует позиции КС РФ и ВС РФ, квалифицирующих вытесняемых акционеров как слабую сторону соответствующего правоотношения. В российских условиях эта квалификация представляется обоснованной вследствие разобщенности миноритариев и отсутствия развитых *ex ante* средств защиты [21, с. 9].

Таким образом, высшие судебные инстанции, с одной стороны, признают неизбежность принудительного выкупа, с другой стороны, единообразно указывают на необходимость действенных гарантий прав вытесняемых акционеров – слабой стороны, а именно – справедливой компенсации, распределения премии за контроль и прозрачных правил определения такой компенсации.

3. Критика механизма принудительного выкупа

Правило вытеснения миноритарных акционеров имеет и существенные недостатки.

В условиях разобщенности миноритариев и отсутствия координации между ними покупатель получает возможность формировать условия публичной оферты в ситуации переговорного неравенства. Неизбежность последующего выкупа ослабляет переговорную позицию миноритарных акционеров [7, с. 38]. Тем самым механизм, призванный преодолеть проблему фрирайдерства, создает риск перераспределения корпоративной выгоды в пользу контролирующего акционера.

Вместе с тем квалификация вытесняемого акционера как слабой стороны соответствующего правоотношения [1, с. 20-29; 19, с. 42-47] позволяет выстроить адекватную модель его защиты. В частноправовой логике признание участника слабой стороной влечет повышенные гарантии, направленные на выравнивание его переговорных возможностей. Общей формой такой защиты выступает последующий судебный контроль несправедливых условий сделки [9; 13]. В российском праве эта модель выражена, в частности, в ст. 10 и 428 ГК РФ, которые в их судебном истолковании допускают изменение несправедливого условия, признание его ничтожным либо отказ в его применении в случае несправедливости в конкретных обстоятельствах.

Наряду с этим возможны и механизмы предварительной защиты: императивные нормы [13] и судебное разрешение спора об урегулировании разногласий при заключении договора.

При рассмотрении принудительного выкупа в данной парадигме получается, что вытесняемому акционеру в российском праве доступна только защита *ex post*. Разрешая иск об убытках из п. 4 ст. 84.8 Закона об АО, суд фактически изменяет условие о цене выкупа по правилам п. 2 ст. 428 ГК РФ.

Однако сохраняется проблема, на которую обратили внимание эксперты Банка России, указывавшие на недостаточность действующей защиты и на целесообразность предварительного судебного контроля за процедурой вытеснения. В существующей модели миноритарный акционер располагает лишь одним эффективным средством защиты – иском об убытках вследствие неправильного определения цены выкупа. Отсутствие *ex ante* процедур означает, что контроль за соблюдением предпосылок выкупа и справедливостью цены в значительной мере переносится на стадию после прекращения корпоративных прав.

Следовательно, хотя принудительный выкуп способствует преодолению фрирайдерства и повышению мобильности рынка корпоративного контроля, его допустимость предполагает наличие действительных гарантий имущественных интересов миноритариев.

4. Специфика средств защиты

Иск об убытках остается единственным возможным способом защиты вытесняемых акционеров. По замечанию Т.С. Бойко, эта модель восходит к американскому *appraisal remedy*: бывший акционер может довыскачать убытки, не оспаривая действительность самого вытеснения. Однако в российских условиях ее эффективность снижена из-за закрытой структуры капитала многих формально публичных обществ и связанной с этим сложности оценки справедливой цены [3; 4].

На начальном этапе применения данных норм акционеры пытались оспаривать сам выкуп как недействительный. Однако Президиум ВАС РФ указал, что отсутствие экспертизы отчета оценщика при отсутствии уполномоченных СРО не влечет недействительности выкупа.

Хотя эта позиция была сформулирована применительно к прежней редакции закона, суды восприняли ее как общий подход [7]. Как отмечает Д.И. Степанов, с этого момента в исках акционеров о недействительности выкупа стали отказывать [18, с. 80-129]. Успешных примеров признания выкупа недействительным, как и оспаривания сделок, порождающих право на выкуп, в судебной практике нет по сей день. В результате защита миноритария фактически сведена к иску об убытках, причем между утратой акций и восстановлением прав могут пройти годы.

Истцы могут оспаривать отчет оценщика как недостоверный, однако удовлетворение такого требования само по себе не влечет иных последствий, кроме констатации его неполноты или недостоверности, поэтому дополнительно необходимо заявлять требование об определении рыночной стоимости акций и взыскании разницы между выплаченной и справедливой ценой.

Иные способы защиты также не признаются надлежащими: оспаривание решения собрания исключено ввиду отсутствия соответствующего корпоративного решения, а взыскание убытков с органов управления невозможно, так как они не принимают решений о принудительном выкупе.

При этом в подобных спорах мыслим негативный иск о признании права на выкуп не возникшим, удовлетворение которого влечет восстановление записей о миноритарных акционерах в реестре. В практике такой подход используется, когда мажоритарий лишь со-

здает видимость соблюдения условий ст. 84.8 Закона об АО. По существу, перед нами пример запрета злоупотребления правом: сделка добровольного предложения не порождает правовых последствий, а право на выкуп считается не возникшим.

Кроме того, для защиты миноритарных акционеров потенциально применим механизм возмещения: вместо аннулирования выкупа суд не признает его недействительным, а восполняет содержание правоотношения, устанавливая справедливую цену акций и обязывая мажоритария выплатить разницу [21, с. 1].

В российском праве похожий механизм применяется в спорах об обязательном заключении договора (п. 4 ст. 445 ГК РФ), когда воля уклоняющейся стороны замещается судебным решением. Однако в контексте принудительного выкупа его использование зависит от стадии процедуры: до списания акций спор о цене может быть разрешен судом (по аналогии со ст. 75 Закона об АО), тогда как после завершения выкупа миноритариям доступен лишь иск о возмещении убытков.

Возмещающее решение известно и корпоративному праву: оно применяется, в частности, по требованиям о признании решения общего собрания принятым и по требованиям из корпоративного договора при нарушении неденежных обязанностей [8, с. 305].

Следовательно, разграничение способов защиты должно осуществляться на основании существа допущенного нарушения [12, с. 114-146]. Применительно к принудительному выкупу это особенно важно, поскольку нарушение состоит не в самом приобретении акций, а в недоплате справедливой цены. Следовательно, использование конструкции недействительности здесь нецелесообразно: занижение выкупной цены не порочит всю процедуру, а требует судебной корректировки содержания правоотношения. Оспаривание самого выкупа оправдано лишь при нарушении абсолютных запретов, например при недостижении установленного законом порога.

Важно разграничивать механизмы ст. 428 и 445 ГК РФ: если списание акций еще не произведено, а миноритариям известен, по их мнению, незаконный отчет оценщика, они вправе в порядке п. 4 ст. 445 ГК РФ требовать судебного определения цены выкупа до списания акций. В остальных случаях применяются п. 2 ст. 428 ГК РФ и п. 4 ст. 84.8 Закона об АО. При этом судебное вмешательство должно иметь четкие догматические основания, однако такой подход позволяет перенести спор о цене в состязательный процесс и избежать сложностей *ex post* взыскания убытков.

Заключение

Следует зафиксировать несколько выводов. Во-первых, принудительный выкуп служит правовым оформлением уже сложившейся концентрации корпоративного контроля и обосновывается потребностью в полной интеграции общества в группу контролирующего акционера и снижении издержек публичного статуса. Во-вторых, зарубежные и российские суды признают допустимость этого механизма при наличии справедливой компенсации и эффективных гарантий защиты миноритариев: распределения премии за контроль и прозрачных правил определения такой компенсации. В-третьих, по своим последствиям принудительный выкуп близок к законной экспроприации, хотя реализуется в форме частноправового договора. В-четвертых, в российском праве защита миноритария в основном носит *ex post* характер и сводится к иску об убытках по модели *appraisal remedy*: разрешая иск об убытках из п. 4 ст. 84.8 Закона об АО, суд фактически изменяет условие о цене выкупа по правилам п. 2 ст. 428 ГК РФ. В-пятых, перспективным остается использование возмещающего судебного решения до списания акций, тогда как после него применяются механизмы ст. 428 ГК РФ и п. 4 ст. 84.8 Закона об АО.

Литература

1. Арнаут Д.П. Непропорциональность корпоративных прав в акционерном обществе // Вестник арбитражной практики. 2025. № 5. С. 20–29.
2. Архипов Д.А. Принудительный выкуп голосующих акций – инструмент непропорционального ограничения прав миноритарных акционеров. Так ли это на самом деле? // Вестник ВАС РФ. 2005. № 12.
3. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019.

4. Бойко Т.С. Ответственность мажоритарного акционера при вытеснении миноритариев // Корпоративный юрист. 2008. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. М.: Статут, 2022 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Гетьман-Павлова И.В., Левинская И.Н. Защита прав миноритарных акционеров при слияниях и поглощениях в российском и зарубежном законодательстве // Безопасность бизнеса. 2010. № 3. С. 19–29.
7. Гомцяц С.В. Правила поглощения акционерных обществ: сравнительно-правовой анализ: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гурвич М.А. Учение об иске (состав, виды) // Избранные труды / М.А. Гурвич; МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак., Кубан. гос. ун-т. Краснодар: Совет. Кубань, 2006.
9. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020.
10. Ерохова М.А. Виды и правовые последствия экспроприации по российскому праву: обзор основных проблем // Закон. 2025. № 9. С. 157–172.
11. Забитов К.С. Гражданско-правовое регулирование принудительного выкупа ценных бумаг миноритарных акционеров по требованию контролирующего акционера: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
12. Заказнов Ю.Ю. Лишение участника корпорации права голоса: осмысление проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 9. С. 170–191; № 10. С. 114–146.
13. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве.
14. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2.
15. Кузнецов А.А. О реформировании правил приобретения крупных пакетов акций ПАО // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9.
16. Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров). [Электронный ресурс] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3516667 (дата обращения: 10.12.2025).
17. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010.
18. Степанов Д.И. Судебная практика по обязательному предложению и вытеснению миноритарных акционеров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 2. С. 80–129.
19. Церковников М.А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. 2021. № 9. С. 42–47.
20. Arshat S.S., Stapleton W.K. Analysis of the New Delaware Corporation Law. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.
21. Bates T.W., Lemmon M.L., Linck J.S. Shareholder Welfare and Bid Negotiation in Freeze-Out Deals: Are Minority Shareholders Left Out in the Cold? [Electronic resource] URL: <http://assets.csom.umn.edu/assets/35848.pdf> (date of access: 12 January 2025).
22. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. New York: Commerce Clearing House, 1932.
23. Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. Constraining Dominant Shareholders' Self-Dealing: The Legal Framework in France, Germany, and Italy // European Company and Financial Law Review. 2007. P. 491–528. [Electronic resource] URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1453&context=faculty_scholarship (date of access: 25 December 2025).
24. Čulinović-Herc E., Zubović A. Open Issues of the Squeeze out Right in Croatian and EU Court Practices // Europäische und internationale Wirtschaftsrecht. 2013. Vol. 4. P. 159–180.
25. Frison-Roche M.A., Nussenbaum M. Note sur Cass. com., 29 avr. 1997 № 95-15.220 // Recueil Dalloz. 1998. P. 334–338.
26. Krohn M. Minority Squeeze-Outs and the European Convention on Human Rights // European Business Law Review. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 159–182.
27. Rérolle J.-F., Schmidt D. L'an I de la nouvelle expertise indépendante : réflexion critique // Revue de Droit bancaire et financier. 2007. № 5. Étude 15.
28. Robert S. La radiation de la cote. Mémoire rédigé sous la direction de Monsieur le Professeur Stéphane Torck. Paris, 2017. [Electronic resource] URL: <https://mja-assas.fr/wp-content/uploads/La-radiation-de-la-cote.pdf> (date of access: 12 January 2025).

Protection of Minority Shareholders During the Procedure of Squeeze-Out Sheluntsova A.O.

National Research University «Higher School of Economics»

Despite the fact that the procedure of squeeze-out was introduced into Russian legislation nearly 20 years ago, its application continues to raise both theoretical and practical challenges, with courts often adopting opposing positions on fundamental issues. In the author's view, two principal questions remain unresolved: the legal nature of squeeze-out and the most effective mechanisms for protecting the rights of squeezed-out minority shareholders. This article examines the procedure of squeeze-out as a means of terminating corporate rights and consolidating corporate control. The aim of this article is to identify the current and potential legal remedies available to minority shareholders in squeeze-out transactions under Russian law. The paper analyzes the economic and legal justifications for this institution, its legal nature, and its correlation with lawful expropriation and with a sale and purchase agreement concluded by operation of law. Special attention is given to Russian and foreign judicial practice, as well as to the means of protection available to squeezed-out shareholders. The author concludes that Russian law predominantly follows an *ex post* model of protection, based on the claim for damages, while also recognizing the potential of preliminary judicial determination of a fair price.

Keywords: squeeze-out of shares, minority shareholders, corporate control, fair compensation, remedies.

References

1. Arnautov D.R. Disproportionality of Corporate Rights in a Joint-Stock Company // Bulletin of Arbitration Practice [Vestnik arbitrazhnoy praktiki]. 2025. No. 5. P. 20–29.
2. Arkhipov D.A. Squeeze-Out of Voting Shares as an Instrument of Disproportionate Restriction of Minority Shareholders' Rights. Is This Really So? // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation [Vestnik VAS RF]. 2005. No. 12.
3. Boyko T.S. Protection of the Rights and Interests of Minority Members of a Non-Public Company in the Law of Russia, the USA and the United Kingdom. Moscow: Statut, 2019.
4. Boyko T.S. Liability of the Majority Shareholder in Squeezing Out Minority Shareholders // Corporate Lawyer [Korporativnyy yurist]. 2008. No. 11 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
5. Gentovt O.I. Restriction of Corporate Rights as a Means of Securing the Interests of Members of Business Companies: A Monograph. Moscow: Statut, 2022 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
6. Getman-Pavlova I.V., Levinskaya I.N. Protection of Minority Shareholders' Rights in Mergers and Acquisitions under Russian and Foreign Legislation // Business Security [Bezopasnost biznesa]. 2010. No. 3. P. 19–29.
7. Gontsyun S.V. Rules on Takeovers of Joint-Stock Companies: A Comparative Legal Analysis: A Monograph. Moscow: Wolters Kluwer, 2010 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
8. Gurvich M.A. The Doctrine of the Claim (Elements, Types) // Selected Works / M.A. Gurvich; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Kuban State University. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 2006.
9. Contract Law (General Part): An Article-by-Article Commentary on Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / A.K. Bayramkulov, O.A. Belyaeva, A.A. Gromov et al.; ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2020.
10. Erokhova M.A. Types and Legal Consequences of Expropriation under Russian Law: A Review of the Main Issues // Statute [Zakon]. 2025. No. 9. P. 157–172.
11. Zabotov K.S. Civil Law Regulation of the Compulsory Buy-Out of Securities of Minority Shareholders at the Demand of a Controlling Shareholder: Author's Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2012.
12. Zakaznov Yu.Yu. Deprivation of a Corporation Member's Voting Right: Reflections on the Problem // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii]. 2025. No. 9. P. 170–191; No. 10. P. 114–146.
13. Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of Contract and Its Limits: in 2 vols. Moscow: Statut, 2012. Vol. 2: The Limits of Freedom to Determine Contract Terms in Foreign and Russian Law.
14. Corporate Law: A Course of Study: in 2 vols. / E.G. Afanasyeva, V.A. Vaypan, A.V. Gabov et al.; ed. by I.S. Shitkina. Moscow: Statut, 2018. Vol. 2.
15. Kuznetsov A.A. On Reforming the Rules for the Acquisition of Large Blocks of Shares in a Public Joint-Stock Company // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii]. 2017. No. 9.
16. Kuznetsov A.A. Challenging Resolutions of General Meetings of Members (Shareholders). [Electronic resource] URL: <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstractid=3516667> (accessed: December 10, 2025).
17. Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law. Moscow: Statut, 2010.
18. Stepanov D.I. Judicial Practice on the Mandatory Bid and the Squeeze-Out of Minority Shareholders // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii]. 2016. No. 2. P. 80–129.

19. Tserkovnikov M.A. On the Special Protection of the Weaker Party in a Contract of Adhesion // Statute [Zakon]. 2021. No. 9. P. 42–47.
20. Arshat S.S., Stapleton W.K. Analysis of the New Delaware Corporation Law. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.
21. Bates T.W., Lemmon M.L., Linck J.S. Shareholder Welfare and Bid Negotiation in Freeze-Out Deals: Are Minority Shareholders Left Out in the Cold? [Electronic resource] URL: <http://assets.csom.umn.edu/assets/35848.pdf> (date of access: 12 January 2025).
22. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. New York: Commerce Clearing House, 1932.
23. Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. Constraining Dominant Shareholders' Self-Dealing: The Legal Framework in France, Germany, and Italy // European Company and Financial Law Review. 2007. P. 491–528. [Electronic resource] URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1453&context=faculty_scholarship (date of access: 25 December 2025).
24. Čulinović-Herc E., Zubović A. Open Issues of the Squeeze out Right in Croatian and EU Court Practices // Europäisches und internationales Wirtschaftsrecht. 2013. Vol. 4. P. 159–180.
25. Frison-Roche M.A., Nussenbaum M. Note sur Cass. com., 29 avr. 1997 № 95-15.220 // Recueil Dalloz. 1998. P. 334–338.
26. Krohn M. Minority Squeeze-Outs and the European Convention on Human Rights // European Business Law Review. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 159–182.
27. Rérolle J.-F., Schmidt D. L'an I de la nouvelle expertise indépendante : réflexion critique // Revue de Droit bancaire et financier. 2007. № 5. Étude 15.
28. Robert S. La radiation de la cote. Mémoire rédigé sous la direction de Monsieur le Professeur Stéphane Torck. Paris, 2017. [Electronic resource] URL: <https://mja-assas.fr/wp-content/uploads/La-radiation-de-la-cote.pdf> (date of access: 12 January 2025).

Форма арбитражного решения как препятствие для признания и приведения в исполнение иностранных решений онлайн-арбитража

Бочарова Анна Михайловна

аспирант, кафедра Международного частного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА); старший юрист МГКА «Горбачев и партнеры», annetabo4@mail.ru

В статье рассматривается проблема соответствия решения онлайн-арбитража требованиям, предъявляемым к форме арбитражного решения. Цель исследования заключается в том, чтобы определить, возможно ли признание и приведение в исполнение арбитражных решений, вынесенных в свойственной онлайн-арбитражу форме, по правилам Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 10.06.1958 г.).

С этой целью в статье анализируются существующие подходы к правовому регулированию формы арбитражного решения, сложившиеся в разных странах, а также предложения ЮНСИТРАЛ по совершенствованию данных подходов. На основании проведенного анализа выделяются недостатки правового регулирования, основанного на простом перечислении надлежащих способов фиксации письменных арбитражных решений, и предлагается перейти к более универсальному и технологически нейтральному регулированию формы арбитражного решения, основанному на функционально эквивалентном подходе, дополненном правом сторон спора самостоятельно определять требования к форме арбитражного решения.

Ключевые слова: онлайн-арбитраж, арбитражное решение, письменная форма, подпись арбитра, электронный документ, функционально эквивалентный подход, критерии эквивалентности.

В отечественной и зарубежной литературе не раз отмечалось, что сложности с признанием и приведением в исполнение решений онлайн-арбитража по правилам Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 10.06.1958 г.) (далее Нью-Йоркская конвенция 1958 г.) во многом связаны с особенностями самого решения, выносимого в рамках онлайн-арбитража, и в первую очередь с его формой.

Онлайн-арбитраж предполагает практически полный отказ от бумажного документооборота и изготовление арбитражного решения в форме электронного документа, подписанного электронными подписями арбитров. При этом, дальнейшее развитие онлайн-арбитража создает основу для формирования более новых и технологичных способов фиксации итогов арбитражного разбирательства, в том числе в виде программного кода смарт-контракта, фактически представляющего собой резолютивную часть арбитражного решения и обеспечивающего его автоматизированное исполнение.

Развитие свойственных онлайн-арбитражу способов фиксации арбитражных решений является закономерным последствием цифровизации арбитражного разбирательства. Данные способы не влияют на сущность принимаемого арбитрами решения, но ставят под вопрос соответствие решения онлайн-арбитража требованиям, предъявляемым к форме арбитражного решения.

В соответствии со статьей V (1) (d) Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и статьей IX (1) (d) Европейской Конвенции о внешнеторговом арбитраже (г. Женева, 21.04.1961 г.) (далее Европейская конвенция) последствием нарушения требований к форме арбитражного решения может стать отказ в признании и приведении в исполнение такого решения, а равно его отмена в суде государства места арбитража, в виду несоответствия арбитражного процесса, элементом которого является и арбитражное решение, предъявляемым к нему требованиям.

Нью-Йоркская конвенция 1958 г. не устанавливает требований к форме арбитражного решения, вследствие чего форма арбитражного решения определяется в соответствии с национальным правом государства, на территории которого это решение вынесено, то есть правом государства места арбитража.

Большинство стран (Россия, Бразилия, Германия, Индия, Китай, Франция, США, Япония и т.д.) имеет схожие требования к форме арбитражного решения, сформированные за счет имплементации в национальное законодательство положений статьи 31 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. Данная статья Типового закона ЮНСИТРАЛ, а также основанные на ней положения национального законодательства предусматривают, что арбитражное решение должно иметь письменную форму, но при этом не определяют в каком виде может быть изготовлено письменное решение.

Как следствие, ответ на вопрос о том, соответствует ли решение онлайн-арбитража требованиям, предъявляемым к форме арбитражного решения, зависит от того, признаются ли свойственные онлайн-арбитражу способы фиксации решения письменными в том или ином государстве.

Так, например, в статье 1072b (3) ГПК Нидерландов прямо установлено, что письменное арбитражное решение может быть составлено в электронной форме путем проставления квалифицированной подписи, предусмотренной разделом 12 статьи 3 Регламента № 910/2014 от 23.07.2014 г. Европейского парламента и Совета ЕС «Об электронной идентификации и достоверительных сервисах для электронных транзакций на внутреннем рынке и об отмене Директивы 1999/93/ЕС» (Принят в г. Брюсселе 23.07.2014).

Вместе с тем, в законодательстве большинства государств на сегодняшний день отсутствуют непосредственные пояснения относительно надлежащих способов фиксации арбитражных решений. Вследствие этого возможность вынесения арбитражного решения в свойственной онлайн-арбитражу форме зависит не только от правового регулирования формы арбитражного решения, но и от регулирования письменной формы в целом.

В частности, законодательство Германии прямо не указывает на возможность изготовления арбитражного решения в виде электронного документа. Однако, такая возможность следует из положений разделов 126 и 126а Германского гражданского уложения, которые устанавливают, что письменная форма может быть заменена электронной формой, при условии подписания электронного документа квалифицированной электронной подписью.

Схожим образом требования к форме арбитражного решения сформулированы и в российском законодательстве. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» предусматривает, что арбитражное решение должно быть вынесено в письменной форме, и прямо не указывает на возможность изготовления арбитражного решения в виде электронного документа. Тем не менее, статья 6 Федерального закона от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее Закон об электронной подписи) устанавливает, что информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, приравнивается к документу на бумажном носителе, вследствие чего письменными могут быть признаны как бумажные арбитражные решения, так и решения, изготовленные в форме электронного документа, подписанного квалифицированной электронной подписью арбитров.

Такое толкование требований к форме арбитражного решения нашло отражение в российской судебной практике. В частности, в одном из дел Третий кассационный суд общей юрисдикции, анализируя предусмотренные российским законодательством требования к форме арбитражного решения, указал на необходимость применения при их толковании положений Закона об электронной подписи и, как следствие, пришел к выводу о том, что арбитражные решения, изготовленные в виде электронного документа, подписанного квалифицированной электронной подписью арбитров, соответствуют требованиям, предъявляемым к их форме.

Следовательно, возможность вынесения арбитражного решения в свойственном онлайн-арбитражу виде напрямую зависит от того, какие способы фиксации арбитражных решений признаются письменными в государстве места арбитража.

Вместе с тем, важно учитывать, что правовое регулирование, основанное на прямом указании допустимых способов фиксации арбитражных решений, имеет ряд недостатков. Во-первых, оно не обладает технологической нейтральностью, что не позволяет ему быстро адаптировать существующие требования под появление более новых способов изготовления арбитражных решений (например, под арбитражные решения, составленные в форме смарт-контракта).

Во-вторых, такое регулирование создает определенные сложности с применением современных механизмов подписания арбитражных решений. Связано это с тем, что страны, допускающие вынесение арбитражного решения в форме электронного документа, требуют, чтобы такое решение было подписано электронной подписью, соответствующей требованиям законодательства именно этих стран. Единых требований и стандартов электронной подписи на сегодняшний день не существует, в связи с чем характеристики надлежащей электронной подписи в разных странах могут достаточно существенно отличаться.

Соответственно, для того чтобы надлежащим образом подписать арбитражное решение, изготовленное в форме электронного документа, арбитрам необходимо использовать электронную подпись, изготовленную именно в том государстве, которое является местом арбитража. Тем не менее, в условиях, когда разбирательство проходит дистанционно, а арбитры не собираются в месте арбитража и не имеют с ним какой-либо реальной связи, получение арбитрами электронной подписи государства места арбитража может быть затруднено. Применение же доступной арбитрам электронной подписи может быть расценено как несоблюдение надлежащей формы арбитражного решения.

На сегодняшний день существует механизм признания иностранных электронных подписей, однако его применение сопряжено с рядом сложностей, не позволяющих свободно наделять иностранные электронные подписи необходимой юридической силой и признавать подписанные ими решения соответствующими требованиям формы.

В данных обстоятельствах представляется необходимым создать более универсальное и технологически нейтральное регулирование формы арбитражного решения, нацеленное на преодоление различий в правовом регулировании электронных подписей и

обеспечение применения новых способов фиксации итогов арбитражного разбирательства. Сформировано такое регулирование может быть посредством функционально эквивалентного подхода, позволяющего за счет критериев эквивалентности установить соответствие любого арбитражного решения письменному арбитражному решению, изготовленному в виде бумажного документа и подписанному собственноручными подписями арбитров.

Возможность применения функционально-эквивалентного подхода для правового регулирования формы арбитражного решения была предметом обсуждения II рабочей группой ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров. В частности, на восемьдесят первой и восемьдесят второй сессиях данной рабочей группой было рассмотрено предложение по внесению изменений в статью 31 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, в соответствии с которым требование о вынесении арбитражного решения в письменной форме предлагалось считать выполненным, если содержащийся в нем текст является доступным для последующего использования, а требование о наличии подписи арбитра, если используется достаточно надежный способ для идентификации арбитра или арбитров и указания их намерения одобрить содержание электронного арбитражного решения.

Тем не менее, данная поправка не была одобрена рабочей группой ЮНСИТРАЛ, посчитавшей, что в статье 31 Типового закона ЮНСИТРАЛ должна быть оговорена лишь возможность вынесения арбитражного решения в электронной форме, а вопрос о порядке применения данного положения должен быть оставлен на усмотрение заинтересованных государств, самостоятельно определяющих, какие формы фиксации арбитражных решений следует считать письменными.

Несмотря на это, функционально-эквивалентный подход представляется крайне перспективным решением проблемы правового регулирования формы арбитражного решения, а рассмотренные рабочей группой ЮНСИТРАЛ критерии с некоторой корректировкой могут быть успешно положены в основу национального регулирования данного вопроса.

Так, рассмотренное рабочей группой ЮНСИТРАЛ предложение по внесению изменений в Типовой закон ЮНСИТРАЛ в качестве критерия эквивалентности письменной форме называет доступность содержащейся в электронном сообщении информации для последующего использования, под которой традиционно понимается возможность последующего прочтения и толкования такой информации как непосредственно человеком, так и с использованием специальных технических средств. Этот критерий охватывает базовую функцию письменной формы и может достаточно успешно применяться как к юридически значимым соглашениям, так и к арбитражным решениям, однако в случае с последними нуждается в некотором дополнении.

Потребность в указанном дополнении связана с тем, что в случае с арбитражным решением требование письменной формы направлено не только на фиксацию принятого арбитрами решения в доступном для прочтения и толкования формате, но и на закрепление результатов рассмотрения спора в неизменном виде. Соответственно, для того, чтобы установить функциональное соответствие арбитражного решения письменной форме необходимо дополнить критерий доступности информации для последующего использования, критерием, обеспечивающим сохранение информации в неизменном виде. Таким критерием может стать возможность воспроизвести вынесенное арбитрами решение в полном и неизменном виде.

При этом, под полным и неизменным видом в данном критерии предлагается понимать отсутствие в воспроизводимом арбитражном решении каких-либо изменений, упущений или дополнений за исключением тех, дополнений, которые происходят в обычном процессе передачи, хранения и демонстрации информации.

В отношении подписи критерием эквивалентности в рассмотренном ЮНСИТРАЛ предложении выступает возможность идентифицировать арбитра и его намерение одобрить содержание решения. Данный критерий отражает основные функции собственноручной подписи, однако в случае с арбитражным решением подпись арбитра выполняет больше функций, чем подпись контрагента в каком-либо юридически значимом соглашении. В частности, в российском законодательстве к собственноручной подписи, о которой идет речь в случае с арбитражным решением, приравнивается только квалифицированная электронная подпись, которая кроме указанных

выше функций идентификации подписавшегося лица и определения его намерений позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после его подписания.

Аналогичными функциями наделяются подписи арбитров и в других странах, в связи с чем критерий эквивалентности для подписи арбитров следует расширить и сформулировать следующим образом: имеется возможность достоверно установить личность арбитра, подписавшего решение, волю арбитра на принятие именно этого решения, а также подтвердить подлинность и неизменность арбитражного решения после его вынесения.

Для фиксации более высокого уровня надежности используемого способа проставления подписи возможно в дополнение к указанным критериям предусмотреть, что подпись арбитра должна быть получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи. Однако, устанавливая данное требование, необходимо иметь в виду, что оно ограничивает свойственную функционально-эквивалентному подходу технологическую нейтральность.

Таким образом, арбитражное решение предлагается считать вынесенным в письменной форме, если содержащаяся в нем информация является доступной для последующего использования и может быть воспроизведена в полном и неизменном виде. Требование о наличии подписей арбитров предлагается считать выполненным, если для подписания арбитражного решения использован способ, с достаточной степенью надежности позволяющий установить личность арбитра, подписавшего решение, волю арбитра на принятие именно этого решения, а также подтвердить подлинность и неизменность арбитражного решения после его подписания.

Еще одним достаточно эффективным способом решения проблем, связанных с формой решения онлайн-арбитража, является расширение автономии воли сторон, посредством предоставления сторонам спора права самостоятельно определять требования к форме арбитражного решения. В рамках данного правомочия стороны соглашения о передаче споров в онлайн-арбитраж, могут заранее оговорить параметры будущего арбитражного решения, взяв за основу характеристики решения, выносимого избранным ими центром онлайн-арбитража.

На сегодняшний день право сторон самостоятельно определять требования к форме арбитражного решения закреплено в законодательстве сразу нескольких стран-участниц Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Так, например, в статье 189 Федерального закона Швейцарии о «Международном коммерческом арбитраже» установлено, что процедура вынесения арбитражного решения и его форма могут быть определены соглашением сторон. При отсутствии такого соглашения решение должно быть составлено в письменной форме и подписано арбитрами или по крайней мере одним председателем, чья подпись достаточно, чтобы требование к форме считалось выполненным.

Предоставление сторонам спора возможности самостоятельно согласовать требования к форме арбитражного решения является весьма эффективным механизмом решения проблемы несоответствия решений онлайн-арбитража традиционным представлениям о письменной форме. Стороны в своем соглашении могут предусмотреть любые характеристики будущего решения, что создает достаточно прочную основу для применения свойственных онлайн-арбитражу способов фиксации арбитражных решений.

Вместе с тем, при таком регулировании всегда остается риск, что стороны не воспользуются предоставленным им правом или сформулируют требования к форме арбитражного решения неполно или некорректно. В этом случае суду придется обратиться к положениям национального законодательства государства места арбитража, которые по большей части не допускают вынесения арбитражных решений в какой-либо иной форме, кроме бумажной.

В связи с этим представляется, что право сторон самостоятельно определять требования к форме арбитражного решения должно рассматриваться в качестве дополнения к основному правовому регулированию, основанному на функционально-эквивалентном подходе. В этом случае общие требования к форме арбитражного решения будут установлены посредством критериев эквивалентности, а право сторон самостоятельно согласовать требования к форме станет дополнительной гарантией признания и приведения в исполнение нестандартных форм фиксации арбитражных решений.

Литература

1. Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений. // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2017. - №24. - С. 133-147.
2. Засемкова О.Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 4. - С. 160 - 167.
3. Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография / С. А. Курочкин; Уральский федеральный ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2021. - 416 с.
4. Ловцов Д. А., Терентьева Л. В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты... электронной подписи // Lex Russica. - 2020. - №7 (164). - С.115-156.
5. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М. Н. Акуев, М. А. Акчурина, Т. К. Андреева и др.; под общей ред. В. В. Хвалея. - М.: PAA, 2017. - 935 с.
6. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. - М.: Статут, 2014. - 543 с.
7. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев и др.; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. - Москва: ИЗИСП, НОРМА, 2022. - 376 с.
8. Чупахин И. М. Онлайн-арбитраж: особенности исполнения решений // Арбитражный и гражданский процесс. - 2012. - № 11. - С. 26 - 29.
9. Чупахин И. М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы. - М.: Инфотропик Медиа, 2015. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». - Кн. 12. - 188 с.
10. Allen D., Lane A., Poblet M. The Governance of Blockchain Dispute Resolution // Harvard Negotiation Law Review. - 2020. - № 25. - P. 75-101.
11. Baert P. R. The Potential of Online Arbitration (OARB) in Resolving Disputes at the Lower End of Value: Justice Without the State, or a State of Injustice? // Brussel. - 2017. - 139 p.
12. Michaelson P. L., Jeskie S. A. Arbitrating Disputes Involving Blockchains, Smart Contracts, and Smart Legal Contracts // Dispute Resolution Journal. - 2020. - № 4. - P. 89-133.
13. Wolff R. E-Arbitration Agreements and E-Awards: Arbitration Agreements Concluded in an Electronic Environment and Digital Arbitral Awards. / In: Piers M, Aschauer C, eds. Arbitration in the Digital Age: The Brave New World of Arbitration. - Cambridge University Press. - 2018. - P. 151-181.

The form of an arbitration award as an obstacle to the recognition and enforcement of foreign online arbitration awards

Bocharova A.M.

O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Gorbachev and Partners Law Firm. The article discusses the problem of compliance of online arbitration awards with the requirements for the form. The aim of the study is to determine whether it is possible to recognize and enforce arbitration awards issued in the form typical of online arbitration, in accordance with the rules of the United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10.06.1958). For this purpose, the article examines the existing approaches to the legal regulation of the form of arbitration award and UNCITRAL's proposals for improving these approaches. Based on the analysis, the author identifies the shortcomings of the legal regulation based on a simple enumeration of the appropriate methods for recording written arbitration awards, and proposes to switch to universal and technologically neutral regulation of the form of an arbitration award, based on the application of a functionally equivalent approach, complemented by the right of the parties to determine the requirements for the form of an arbitral award.

Keywords: online arbitration, arbitration award, written form, signature of the arbitrator, electronic document, functionally equivalent approach, equivalence criteria.

References

1. Galkovskaya N. G., Vutyn V. E. Online arbitration as a means of resolving cross-border economic disputes. Problems of enforcement of online arbitration decisions. // Vestn. Volume of the State University. Right. - 2017. - № 24. - P. 133-147.
2. Zasenikova O. F. Dispute resolution using blockchain technology // Actual problems of Russian law. - 2019. - № 4. - P. 160-167.
3. Kurochkin S. A. Arbitration proceedings and international commercial arbitration: a monograph / S. A. Kurochkin; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 2nd ed., revised and add. - Moscow: Statute, 2021. - 416 p.
4. Lovtsov D. A., Terentyeva L. V. Legal regulation of international commercial electronic contracts. Technological and legal aspects ... of an electronic signature // Lex Russica. - 2020. - № 7 (164). - P. 115-156.

5. Scientific and practical article-by-article commentary on the legislation on arbitration courts / M. N. Akuyev, M. A. Akchurina, T. K. Andreeva et al.; under the general editorship of V. V. Khvalev. - Moscow: RAA, 2017. - 935 p.
6. Savelyev A. I. Electronic commerce in Russia and abroad: legal regulation. - Moscow: Statute, 2014. - 543 p.
7. Digital economy: current directions of legal regulation: a scientific and practical guide / M. O. Dyakonova, A. A. Efremov, O. A. Zaitsev et al.; edited by I. I. Kucherov, S. A. Sinitsyn. - Moscow: IZiSP, NORMA, 2022. - 376 p.
8. Chupakhin I. M. Online arbitration: features of execution of decisions // Arbitration and civil procedure. - 2012. - No. - 11. - P. 26-29.
9. Chupakhin I. M. The decision of the arbitration court: theoretical and applied problems. - Moscow: Infotropik Media, 2015. - Series «Civil and Arbitration process: new names & new ideas». - Book 12. - 188 p.
10. Allen D., Lane A., Poblet M. The Governance of Blockchain Dispute Resolution // Harvard Negotiation Law Review. - 2020. - № 25. - P. 75-101.
11. Baert P. R. The Potential of Online Arbitration (OARB) in Resolving Disputes at the Lower End of Value: Justice Without the State, or a State of Injustice? // Brussel. - 2017. - 139 p.
12. Michaelson P. L., Jeskie S. A. Arbitrating Disputes Involving Blockchains, Smart Contracts, and Smart Legal Contracts // Dispute Resolution Journal. - 2020. - № 4. - P. 89-133.
13. Wolff R. E-Arbitration Agreements and E-Awards: Arbitration Agreements Concluded in an Electronic Environment and Digital Arbitral Awards. In: Piers M, Aschauer C, eds. Arbitration in the Digital Age: The Brave New World of Arbitration. - Cambridge University Press, 2018. - P. 151-181.

Общая характеристика института мирового соглашения в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве

Корнилова Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Дальневосточный филиал Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, n_kornilva@mail.ru,

Орлова Ирина Витальевна

старший преподаватель высшей школы теории права и частного права, Тихоокеанский государственный университет имени М. П. Даниловского, 013098@pnu.edu.ru

В статье исследуется вопрос о существовании в гражданском процессуальном праве и арбитражном процессуальном праве института мирового соглашения. Анализируются статьи ГПК РФ, АПК РФ и других федеральных законов, содержащие нормы о мировом соглашении, с целью выявления признаков межотраслевого института мирового соглашения. В результате исследования авторы обосновывают позицию о существовании в гражданском процессуальном праве и арбитражном процессуальном праве одноимённых процессуальных институтов, не являющихся межотраслевыми и обладающих следующими признаками: а) по предметно-отраслевому признаку эти правовые институты являются отраслевыми; б) по способу регулирования общественных отношений – процессуальными; в) по функциональной роли в правовом регулировании общественных отношений – регулятивными; г) по сфере правового регулирования – специальными; д) по структуре – простыми, не содержащими структурных подразделений; е) по форме законодательного закрепления – в соответствующих главах ГПК РФ и АПК РФ.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, арбитражное процессуальное право, мировое соглашение, примирительные процедуры, процессуальный институт, институт, норма права.

В ГПК РФ и АПК РФ содержится одноимённая глава «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» (Глава 14.1 и Глава 15 соответственно). Теоретический вопрос о том, образуют ли нормы статей этих глав, устанавливающие порядок заключения, рассмотрения и утверждения мирового соглашения, правовой институт мирового соглашения или они являются частью института примирительных процедур недостаточно изучен в процессуальной литературе. В нескольких работах упоминается о том, что институт мирового соглашения – межотраслевой, общий институт гражданского процессуального права, нормы которого могут быть применены на любой стадии гражданского процесса при рассмотрении большинства категорий гражданских дел.

Е. В. Пилехина признаёт существование института мирового соглашения в гражданском процессуальном и в арбитражном процессуальном праве, усматривая у совокупности норм все признаки, присущие правовому институту: однородность фактического содержания норм; юридическое единство норм, призванных регулировать отношения по поводу заключения и утверждения мирового соглашения; и их обособленность [11; с. 41]. Вышеуказанные признаки не анализируются, вероятно, в виду их кажущейся очевидности, однако приведенные автором аргументы следует признать небесспорными.

В. В. Ярков характеризует совокупность норм, регулирующих отношения по поводу заключения и утверждения мирового соглашения, как межотраслевой правовой институт, существующий в плоскости процессуально-процедурного и материального права [17; с. 35]. Поддерживая эту точку зрения, С. В. Лазарев выявляет и обосновывает внутреннее (основание, цель, область применения, форма, содержание, пути достижения, последствия заключения (утверждения), исполнение) и внешнее (наименование) сходство групп норм, которые могут быть применены в гражданском и арбитражном процессах, в третейском, конкурсном, исполнительном и нотариальном производствах [6; с. 55-56]. А. В. Базаров также отмечает принципиальное единообразие института мирового соглашения в арбитражном, гражданском и третейском судопроизводстве, а также в исполнительном производстве и в делах о несостоятельности (банкротстве) [2; с. 7].

Правовые нормы, предоставляющие сторонам право заключить мировое соглашение, содержатся в ГПК РФ (ст. ст. 39, 173, 346, Глава 14.1.), АПК РФ (ст. ст. 49, 225⁵ Глава 15.), ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» (ст. ст. 43, 50), ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» (Глава VIII), ФЗ РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ст. 12), ФЗ РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (ч. 3 ст.23, ст.55.1). Некоторые учёные высказывают мнение о целесообразности наделяния российских нотариусов функцией медиатора, полномочного утверждать мировые соглашения, и предлагают ввести соответствующие дополнения в законодательство о нотариате, указывая на существование института мирового соглашения в этой отрасли [6; с. 27-30].

Широкое использование законодателем словосочетания «мировое соглашение», вероятно, объясняется тем, что оно ассоциируется с правовой формой урегулирования или предупреждения правовых конфликтов (в широком смысле) непосредственно его участниками в результате совместного волеизъявления. В вышеуказанных нормативных правовых актах находит отражение идея законодателя всячески способствовать и обеспечивать возможность участникам отношений в разных сферах жизни урегулировать возникающие между ними правовые конфликты самостоятельно на взаимоприемлемых условиях в целях поддержания стабильности отношений и их дальнейшего нормального развития, в том числе в условиях рассмотрения этих конфликтов в судебном или административном порядке.

Анализ вышеуказанных нормативных правовых актов показывает, что только три из них – ГПК РФ, АПК РФ и ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» – детально регламентируют отношения, складывающиеся между сторонами и судом по поводу заключения и утверждения мирового соглашения. В ФЗ РФ «Об исполнительном

производстве» законодатель лишь констатирует наличие у взыскателя и должника в исполнительном производстве права на заключение мирового соглашения и указывает это право в числе специальных полномочий их представителей. Согласно п. 3 ст. 12 ФЗ РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведённой после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством. Обладают ли исследуемые совокупности правовых норм признаками правового института?

Представляется, нормы гражданского и арбитражного процессуального права, посвящённые мировому соглашению, регулируют участок общественных отношений, обладающих определённой спецификой: объектами вышеуказанных элементарных отношений являются процессуальные действия, совершаемые судом и сторонами (третьими лицами, заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора), имеющие единую целевую направленность – окончание производства по делу мировым соглашением. Иными словами, эти общественные отношения возникают по поводу заключения, рассмотрения и утверждения в судебном процессе мирового соглашения. Совершаемые при этом процессуальные действия образуют в совокупности состав юридических фактов, влекущих в конечном итоге возникновение юридического факта, являющегося основанием прекращения производства по делу.

Цель правового регулирования этого участка отношений – обеспечение нормализации отношений между субъектами правовых споров, переданных на рассмотрение суда, их собственными усилиями. Урегулирование правового спора осуществляется сторонами в условиях возбуждённого судом производства по делу (прекращение которого возможно лишь в том случае, если мировое соглашение не противоречит закону) и провозглашённой законодателем гарантии защиты субъективных прав, установленных мировым соглашением в результате урегулирования правового спора. Эту защиту обеспечивает суд, утверждая мировое соглашение сторон в установленном ГПК РФ или АПК РФ порядке судебным определением, обладающим свойством исполнимости. Вышеизложенное обуславливает наличие у исследуемой совокупности правовых норм относительно самостоятельной единой цели – обеспечение урегулирования правового спора, находящегося на рассмотрении суда, его участниками (т.е. обеспечение использования ими соответствующего материального права в судебном процессе) под контролем и при участии суда.

Следует согласиться с мнением Г. А. Жилина, считающего, что целевые установки гражданского судопроизводства находят специфическое проявление не только в процессуальных циклах и стадиях, но и на определённых этапах процессуальной деятельности более низкого уровня [3; с. 18]. Окончание судебного процесса мировым соглашением способствует достижению одной из дополнительных целей гражданского судопроизводства – содействию становлению и развитию материальных отношений. Вышеизложенное позволяет прийти к выводу об относительной самостоятельности регулируемого участка общественных отношений. Эти отношения образуют определённую разновидность общественных отношений, регулируемых гражданским процессуальным правом.

Правовые нормы, регулирующие этот участок отношений, являются однородными и в широком, и в узком смысле: все эти нормы, будучи по своей природе процессуальными, «специализируются» на регулировании определённого участка общественных отношений. Исследуемые группы норм также характеризуются юридической однородностью, поскольку их содержание выражено в специфических общих положениях, понятиях и терминах: «мировое соглашение», «окончание дела мировым соглашением», «утверждение судом мирового соглашения», «заявление об утверждении мирового соглашения», «содержание мирового соглашения», «возвращение уплаченной в федеральный бюджет госпошлины».

Кроме того, исследуемые нормы однопорядковы по сфере действия, находясь на одном «уровне» системы права. Это находит отражение в юридической конструкции правового института мирового соглашения, где интегрированные нормы являются общими ко всем остальным нормам, составляющим этот институт, и в системе права, где правовой институт мирового соглашения, представляя

собой системно-целостное образование, является составной частью в подсистеме более высокого уровня – объединении институтов «Исковое производство».

Итак, исследуемым группам процессуальных норм присущи признаки правового института, выделяемые в правовой науке: наличие самостоятельного предмета и цели правового регулирования, однородность фактического и юридического содержания, юридическое единство норм.

По мнению С. С. Алексеева и других учёных, исследовавших вопросы правового института, ещё одним ярким показателем регулятивных особенностей и интеллектуально-волевого содержания правового института является наличие своеобразной свойственной институту юридической конструкции. Это свидетельствует о том, что каждый правовой институт имеет свою структуру [1; с. 122-123]. Свойственна ли группе исследуемых правовых норм внутренняя организация (структура)?

Отношения между судом и сторонами по поводу заключения, рассмотрения и утверждения мирового соглашения в гражданском и арбитражном процессе регулируются, соответственно, Главой 14.1 ГПК РФ и главой 15 АПК РФ. Одинаковое, логически последовательное расположение норм вышеуказанных статей в главах обоих Кодексов свидетельствует о схожей юридической конструкции одноимённых правовых институтов, где законодатель моделирует процесс урегулирования правового спора, находящегося на рассмотрении суда. Как справедливо отмечает И. М. Зайцев, в юридических конструкциях процессуальных институтов для совершения различных юридически значимых действий необходим оптимальный порядок его осуществления, который имеет ориентирующее значение для достижения конкретной правовой цели. Процессуальные институты являются составляющими элементами юридического процесса и закрепляют правовые порядки (формы) деятельности уполномоченного органа государства (суда) и заинтересованных в разрешении юридического дела иных субъектов права. «Совокупность требований к действиям участников процесса, направленных на достижение юридически значимого результата, составляет содержание процессуальных институтов» [4; с. 329-330].

Юридическая конструкция правового института мирового соглашения выражается в нормах, моделирующих возникновение и последовательное развитие отношений между судом и сторонами по поводу заключения мирового соглашения, рассмотрения судом ходатайства сторон об утверждении этого соглашения и утверждения его судом или отказа в утверждении. При этом реализация на каждом «этапе» процессуальных прав и исполнение процессуальных обязанностей поставлено в зависимость от ранее исполненных обязанностей, и, соответственно, каждое процессуальное действие является юридическим фактом, влекущим возникновение последующего процессуального права или обязанности. В системной совокупности все процессуальные действия образуют состав юридических фактов, последний из которых является основанием прекращения производства по делу или дальнейшего рассмотрения дела в случае отказа в утверждении мирового соглашения. При этом нормы ст. 39 ГПК РФ и ст. 49 АПК РФ не являются общими нормами в конструкции института мирового соглашения. Эти нормы – составной элемент общего института «Лица, участвующие в деле» в гражданском процессуальном праве.

Прав В.М. Шерстюк, отмечая, что заключение мирового соглашения не относится к числу общих правил искового производства (в отличие, например, от правил возбуждения производства по делу, подготовки дела к судебному разбирательству, судебному разбирательству и др.). Эти нормы являются специальными, характерными только для искового производства [15; с. 47-48].

В главе 14.1 ГПК РФ и Главе 15 АПК РФ усматривается юридическая конструкция института мирового соглашения, поскольку имеются: а) общие нормы (в отдельной статье); б) нормы, определяющие порядок заключения этого соглашения, в том числе требования, предъявляемые к форме и содержанию мирового соглашения как договора; в) нормы, устанавливающие порядок обращения сторон к суду с заявлением об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу; г) нормы, определяющие порядок рассмотрения судом этого заявления; д) нормы, определяющие условия утверждения мирового соглашения и порядок утверждения мирового соглашения судом или отказа в его утверждении. Как отмечалось ранее, вышеуказанные нормы-элементы юридической конструкции находятся в системной связи: модели соответствующих

процессуальных действий взаимосвязаны и взаимообусловлены, и лишь в совокупности способствуют достижению цели правового регулирования правового института.

В юридической конструкции все нормы объединены устойчивыми закономерными связями, которые выражены в общих (или основных) положениях, в том числе предписаниях и запретах. В первую очередь, такой общей нормой должна быть норма-дефиниция мирового соглашения, но она отсутствует, поскольку вопрос о существенных признаках судебного мирового соглашения остаётся дискуссионным. К числу общих также следует отнести норму, устанавливающую пределы использования сторонами права на окончание дела мировым соглашением, норму, предусматривающую обязательное утверждение мирового соглашения судом, и норму-запрет заключать мировое соглашение, противоречащее закону. Большинство вышеуказанных норм содержится в ГПК РФ и АПК РФ. Все остальные (специальные по отношению к общим нормам) нормы, регулирующие непосредственно отношения по заключению, рассмотрению и утверждению мирового соглашения, являются однопорядковыми, «равноправными», при этом каждая из них непосредственно должна быть связана функциональными связями с общими нормами, выполняющими «цементирующую роль».

В юридическую конструкцию правового института мирового соглашения также входят правовые нормы, регулирующие отношения между судами вышестоящих инстанций и сторонами по поводу заключения, рассмотрения и утверждения мирового соглашения. Вышеуказанные нормы являются специальными по отношению к ранее упомянутым общим нормам. Например, учитывая «отдалённость» специальных норм в силу объективных причин, законодатель оправданно включил в ч. 2 ст. 326.1 ГПК РФ отсылочную норму к нормам ч.ч. 2 и 3 ст. 173 ГПК РФ. Кроме того, специальные нормы ст. 326.1 ГПК РФ подлежат применению только в совокупности с общими нормами данного института.

Как представляется, вышеизложенные выводы позволяют заключить, что исследуемые группы норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального права образуют самостоятельные правовые институты мирового соглашения (в арбитражном процессуальном праве этот институт практически «дублирует» одноимённый институт гражданского процессуального права, но не является его составной частью). Их юридическая конструкция нуждается в доработке.

В правовой науке традиционно выделяют ещё один признак правового института – законодательная обособленность. Действительно, как правило, правовые институты находят выражение в отдельных структурных элементах нормативных правовых актов (главах, разделах, параграфах и т.д.). Однако отсутствие самостоятельных глав с соответствующими названиями не должно ставить под сомнение существование правовых институтов, если образующей их совокупности правовых норм присущи выявленные ранее признаки правового института. Думается, законодательная обособленность является не основанием, а следствием объединения правовых норм в правовой институт, и её существование обуславливает субъективный фактор – усмотрение законодателя.

Общепризнанно, что функциональные и структурные свойства реальных систем едины. Как отмечает Г. Ф. Марков, применяя функциональный подход к исследованию какой-либо системы, мы одновременно проводим структурный анализ некоторой другой системы, включающей исходную в качестве своего элемента. И наоборот, осуществляя структурный анализ какой-либо системы, мы одновременно реализуем функциональный подход по отношению к системам, которые входят в исходную в качестве ее элементов, или подсистем. В этом состоит единство функции и структуры, имеющее первостепенное значение при исследовании и конструировании сложных систем [7; с. 29]. Правовой институт, будучи системным образованием со свойственной ему структурой, тоже выполняет определённые функции. Не является исключением и институт мирового соглашения.

Точка зрения М. К. Юкова о том, что системообразующим фактором процессуальных институтов является единство функций составляющих его правовых норм, представляется обоснованной, если исследовать внутреннюю форму правового института (т.е. его структуру). Как отмечает учёный, у каждой нормы права имеется строго определённая функция, и правовые нормы находятся между собой в связях не только в результате единства предмета правового регулирования, но и их функциональной направленности. Функция

одной нормы дополняет, развивает, уточняет и т.п. функцию другой нормы, и вместе они образуют общую, иногда совершенно новую функцию соответствующей общности правовых норм [17; с. 11]. Институт мирового соглашения наряду с общеправовой регулятивной функцией выполняет и специфическую функцию, обусловленную социальным назначением этого процессуального института. Кроме общих норм, входящих в институт мирового соглашения и выполняющих учредительную функцию, остальные нормы выполняют регламентационно-динамическую функцию, стимулируя стороны к заключению мирового соглашения и моделируя процесс урегулирования правового спора сторонами под контролем суда. Объединяясь, вышеуказанные функции образуют качественно новую функцию института мирового соглашения, которую можно охарактеризовать как регламентационно-обеспечительную. Правовые нормы этого института призваны путём установления прав, определения порядка заключения, рассмотрения и утверждения мирового соглашения обеспечить реализацию (использование) сторонами материального права на урегулирование правового спора на условиях, не противоречащих закону, а также защиту субъективных прав, установленных в результате урегулирования правового спора.

Однако эту функцию институт мирового соглашения выполняет, занимая определённое место в системе гражданского процессуального права и взаимодействуя с другими процессуальными институтами одного уровня системы гражданского процессуального права. Расположение института мирового соглашения в объединении институтов «Исковое производство» оправданно: институты подготовки дела к судебному разбирательству и судебного разбирательства обеспечивают условия реализации сторонами права на окончание дела мирового соглашения, институт прекращения производства по делу устанавливает основания и последствия утверждения судом мировым соглашением, институт судебного определения – порядок вынесения определения об утверждении мирового соглашения, институт протоколов обеспечивает фиксирование факта заключения мирового соглашения или его условий в протоколе судебного заседания, факта разьяснений судом сторонам правовых последствий утверждения мирового соглашения и его неисполнения. Институты производства в суде апелляционной, кассационной, надзорной инстанции по проверке законности судебных решений определяют полномочия соответствующих инстанций, утверждающих мировые соглашения, правовые последствия их утверждения. Институт мирового соглашения взаимодействует и с общими институтами гражданского процессуального права – «Основные положения», «Лица, участвующие в деле», «Представительство в суде», «Институт судебных доказательств», «Институт судебного доказывания», «Судебные расходы», «Процессуальные сроки» и «Судебные извещения».

Несмотря на тот факт, что заключение мирового соглашения возможно на многих стадиях гражданского и арбитражного процесса, не согласимся с мнением учёных, предлагающих разместить институт мирового соглашения в общей части ГПК РФ и АПК РФ [5; с. 32; 15; с. 108; 6; с. 81]. По отношению к общим положениям нормы этого института являются специальными, поскольку регулируют отношения, которые могут возникнуть лишь при рассмотрении дел, рассматриваемых в исковом производстве, и на последующих стадиях гражданского и арбитражного процесса – лишь в тех случаях, когда предметом проверки суда вышестоящей инстанции является судебный акт, вынесенный по делу, рассмотренному в порядке искового производства. Представляется, что разработчики ГПК РФ и АПК РФ оправданно разместили главу о мировых соглашениях в подразделы «Исковое производство» между главами о подготовке дела к судебному разбирательству и о судебном разбирательстве, ведь на этих этапах стадии производства в суде первой инстанции существует вероятность возникновения отношений между судом (судьёй) и сторонами по поводу заключения, рассмотрения и утверждения мирового соглашения.

Итак, институт мирового соглашения в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве представляет собой относительно самостоятельную совокупность правовых норм, направленную на регулирование общественных отношений между судом и сторонами, возникающих по поводу заключения, рассмотрения и утверждения мирового соглашения в целях урегулирования правового спора и, соответственно, прекращения производства по делу.

С. С. Алексеев отмечал, что институты, входящие в состав процессуальных отраслей, сохраняя функциональный характер по своему происхождению, т.е. по генетической линии, обособляются внутри процессуальной отрасли преимущественно по предметному признаку [1; с. 145]. Большинство институтов гражданского процессуального права, в том числе институт мирового соглашения, являются предметными правовыми институтами.

Выявленные ранее признаки правового института присущи также совокупности норм арбитражного процессуального права, регулирующих отношения между арбитражным судом, должником и кредиторами по поводу заключения мирового соглашения, его рассмотрения судом и утверждения в ходе производства по делам о несостоятельности (банкротстве). Напротив, в ФЗ РФ «Об исполнительном производстве», ФЗ РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», ФЗ РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» нормы исследуемых статей не регулируют отношения по поводу заключения и утверждения мирового соглашения. Более того, статьи 43, 50 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» входят в содержание Главы 6 ФЗ о лицах, участвующих в исполнительном производстве, а ст. 55.1 ФЗ РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» – в Главу IX ФЗ «Обращение взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке». Наконец, статья 12 ФЗ РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в которой пункт третий предусматривает возможность утверждения судом медиативного соглашения в качестве мирового соглашения в установленном процессуальным законом порядке, имеет название «Медиативное соглашение».

Можно ли прийти к выводу о том, что вышеуказанные правовые нормы образуют один межотраслевой правовой институт мирового соглашения? Не согласимся с мнением учёных-процессуалистов, отвечающих на этот вопрос положительно.

В правовой науке общепризнанна точка зрения о государственно-правовой природе межотраслевых правовых институтов, нормы которых характеризуются общностью целевой направленности [1; с. 144; 8; с. 83; 14; с. 33]. К числу межотраслевых институтов относят институты подведомственности, судебных доказательств и судебного доказывания [9; с. 120]. Так, К. А. Чудиновских, характеризуя институт подведомственности как межотраслевой, выделяет цель существования этого института (эффективное функционирование всей системы различных юрисдикционных органов), целевую направленность правовых норм, образующих этот институт (обеспечение чёткого и равномерного распределения дел между всеми юрисдикционными органами). Автор соглашается с точкой зрения Ю. К. Осипова, полагающего, что эта цель может быть достигнута путём издания норм, хотя и разной отраслевой принадлежности, но строго согласованных между собой, действующих как части единого целого распределительного механизма [10; с. 4-13; 14; с. 33]. Кроме того, это возможно, если законодатель будет руководствоваться принципами, в соответствии с которыми и будет строиться это разграничение. Таким образом, по мнению учёных, межотраслевые правовые институты имеют принципы, которым присущ межотраслевой характер (например, институт подведомственности имеет принцип преимущественной подведомственности юридических дел государственным органам и принцип распределения юридических дел в зависимости от характера отношений, из которых эти дела возникают) [10; с. 4-13]. Этого нельзя сказать в отношении правовых норм, посвящённых мировому соглашению и содержащихся в статьях вышеуказанных нормативных правовых актов.

Исследуемые правовые нормы содержатся в отраслях процессуального и материального (в том числе процедурного) права. В теории права общепризнанна точка зрения, согласно которой межотраслевые правовые институты возникают на стыке смежных отраслей права, то есть отраслей, обладающих известной общностью круга регулируемых ими отношений [1; с. 134; 12; с. 74]. Данные процессуальные и материальные отрасли права не являются смежными. Заключение мирового соглашения и утверждение его судом общей юрисдикции в исковом производстве, арбитражным судом при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) осуществляются в разных производствах. Даже в процессуальных отраслях права – гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве, – несмотря на сходство регулируемых отношений, правовые нормы в настоящее время не образуют межотраслевой правовой институт мирового соглашения. Объясняется это тем,

что нормы имеют похожую, но не единую целевую направленность. Сходство содержания правовых норм не всегда свидетельствует об их единой целевой направленности. Кроме того, нормы межотраслевых правовых институтов строго согласованы между собой и дополняют друг друга (поскольку «гармоничный сплав» однородных отношений составляет неразрывный предмет его правового регулирования).

Мировые соглашения, заключаемые в делах о несостоятельности (банкротстве), отличаются по целевой направленности от мировых соглашений, заключаемых в исковом производстве в гражданском и арбитражном процессе. В гражданском и арбитражном процессе в исковом производстве рассматриваются дела по спорам о праве гражданском (в широком смысле). Дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются в особом порядке, отличном от искового. Это объясняется тем, что споры о праве, существующие между кредиторами и должником, непосредственно не рассматриваются арбитражным судом. Они являются предпосылкой для обращения заинтересованных лиц с заявлением о несостоятельности (банкротстве) должника. Ещё в период действия ФЗ РФ «О реструктуризации кредитных организаций» В. М. Шерстюк убедительно доказал существование самостоятельного процессуального института мирового соглашения, заключаемого при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве), выявив его особую правовую природу, целевую направленность, статус субъектов и содержание [16; с. 22-29].

Не согласимся с мнением учёных, характеризующих исследуемый институт как общий. Общие институты (которые классифицируются на основные общие, общезакрепительные и определительно-отправные) аккумулируют в себе общие стороны или свойства всех видов регулируемых общественных отношений или специальных правовых институтов. В связи с этим, данные институты включаются в состав общих частей, общих положений кодифицированных актов или в общих положениях крупных подразделений отрасли или её подотрасли [1; с. 145]. Этого нельзя сказать об институте мирового соглашения. Ранее указывалось, что он обоснованно расположен в Подразделе II «Исковое производство» ГПК РФ, Разделе II «Производство в арбитражном суде первой инстанции. Исковое производство» АПК РФ и регулирует отношения, которые могут возникнуть лишь в ходе рассмотрения судами дел по спорам о праве гражданском (в широком смысле). Поэтому в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве два одноимённых института являются специальными.

Исходя из вышеизложенного и анализируя место двух исследуемых институтов мирового соглашения в существующих классификациях правовых институтов, можно отметить следующее: а) по предметно-отраслевому признаку эти правовые институты являются отраслевыми; б) по способу регулирования общественных отношений – процессуальными; в) по функциональной роли в правовом регулировании общественных отношений – регулятивными [13; с. 134]; г) по сфере правового регулирования – специальными; д) по структуре – простыми, не содержащими структурных подразделений; е) по форме законодательного закрепления – в главах ГПК РФ и АПК РФ.

В классификации М. К. Юкова, в основу которой положена правовая функция института, институт мирового соглашения занимает место среди интегрированных институтов [17; с. 14].

Большинство норм, образующих институты мирового соглашения в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве, имеет одинаковую редакцию. Это объясняется рядом обстоятельств: суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают дела в порядке гражданского судопроизводства; цель и задачи судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах схожи (ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ); правовая природа споров, переданных на рассмотрение судов, и статус их участников, имеющих возможность самостоятельно урегулировать этот спор на взаимоприемлемых условиях, одинаковы. Они обуславливают сходство условий урегулирования правовых споров в гражданском и арбитражном процессе и, соответственно, порядков заключения мирового соглашения, его рассмотрения и утверждения судом общей юрисдикции и арбитражным судом. Это представляется оправданным, поскольку в гражданском и в арбитражном процессе у субъектов гражданско-правовых споров в силу их юридического равенства должны быть одинаковые возможности самостоятельного урегули-

рования правового спора, переданного на рассмотрение суда, и гарантии реализации соответствующего процессуального права. Некоторые особенности могут быть связаны лишь с экономическим статусом сторон, не имеющих зачастую возможности получить квалифицированную юридическую помощь в гражданском процессе, с разными сроками совершения отдельных процессуальных действий, предусмотренными законодателем, наличием квалифицированных представителей у участников экономических споров.

Литература

1. Алексеев С. С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., – 1975. – 258с.
2. Базаров А. В. Институт мирового соглашения: сравнительные аспекты и пути развития: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 152с.
3. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. – М.: Городец, 2000. – 320с.
4. Зайцев И. М. Юридический процесс // Теория государства и права. – Саратов, 1995. – С. 329-330.
5. Кочергин К. В. Утверждение мировых соглашений в арбитражных судах апелляционной и кассационной инстанций // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – №1. – С. 32.
6. Лазарев С. В. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 203с.
7. Марков Г. Ф. Функциональный подход в современном познании. – Новосибирск, 1982. – 255с.
8. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. – Свердловск, 1973. – 124с.
9. Осипов Ю. К. О межотраслевых институтах процессуального права / Гражданское право и способы его защиты / Сборник учёных трудов. Вып. 33. – Свердловск, 1974. – С. 120-123.
10. Осипов Ю. К. Принципы процессуально-правового института подведомственности юридических дел / Проблемы применения норм гражданского процессуального права: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1986. – С. 4-13.
11. Пилехина Е. В. Мировое соглашение в практике арбитражного суда и суда общей юрисдикции: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 147с.
12. Поленина С. В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. – 1975. – №3. – С. 74.
13. Синюков В. Н. Функции права // Теория государства и права. Курс лекций. – Саратов, 1995. – С. 134.
14. Чудиновских К. А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 306с.
15. Шерстюк В. М. Новые положения третьего Арбитражного процессуального кодекса РФ. – М. МЦФЭР, 2003. – 400 с.;
16. Шерстюк В. М. Мировое соглашение по Федеральному закону «О реструктуризации кредитных организаций» // Законодательство. – 2002. – №2. – С.22-29.
17. Юков М. К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1982. – 48с.
18. Янков В. В. Мировое соглашение в конкурсном производстве // Юрист. – 2002. – №11. – С.35.

A general description of the institution of a settlement agreement in civil procedural and arbitration procedural law

Kornilova N.V., Orlova I.V.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Pacific State University named after M. P. Danilovsky

The article examines the question of whether the institution of a settlement agreement exists in civil procedural law and arbitration procedural law. The articles of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, and other federal laws containing provisions on settlement agreements are analysed in order to identify the features of an intersectoral institution of a settlement agreement. As a result of the research, the authors substantiate the position on the existence in civil procedure law and arbitration procedural law of the same name procedural institutions that are not intersectoral and have the following characteristics: a) according to the subject-branch basis, these legal institutions are sectoral; b) according to the method of regulating public relations – procedural; c) according to the functional role in the legal regulation of public regulatory relations; d) in the field of legal regulation – special; e) in structure – simple, without structural divisions; f) in the form of legislative consolidation – in the relevant chapters.

Keywords: civil procedural law, arbitration procedural law, settlement agreement, conciliation procedures, procedural institution, institution, legal norm.

References

1. Alekseev S. S. The Structure of Soviet Law. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1975. – 258 p.
2. Bazarov A. V. The Institution of the Settlement Agreement: Comparative Aspects and Paths of Development: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. – St. Petersburg, 2004. – 152 p.
3. Zhilin G. A. The Objectives of Civil Proceedings and Their Implementation in the Court of First Instance. – Moscow: Gorodets, 2000. – 320 p.
4. Zaitsev I. M. Legal Process // Theory of State and Law. – Saratov, 1995. – P. 329–330.
5. Kochergin K. V. Approval of Settlement Agreements in Arbitration Courts of Appeal and Cassation Instances // Arbitration and Civil Procedure. – 2010. – No. 1. – P. 32.
6. Lazarev S. V. The Settlement Agreement in Civil Proceedings: Candidate of Legal Sciences Dissertation. – Yekaterinburg, 2006. – 203 p.
7. Markov G. F. The Functional Approach in Modern Cognition. – Novosibirsk, 1982. – 255 p.
8. Osipov Yu. K. Jurisdiction over Legal Matters. – Sverdlovsk, 1973. – 124 p.
9. Osipov Yu. K. On Inter-branch Institutions of Procedural Law / Civil Law and Methods of Its Protection / Collection of Scholarly Works. Issue 33. – Sverdlovsk, 1974. – P. 120–123. 10. Osipov Yu. K. Principles of the procedural-legal institution of the jurisdiction of legal cases / Problems of applying civil procedural law norms: Inter-university collection of scientific papers. – Sverdlovsk, 1986. – P. 4–13.
11. Pilekhina E. V. Settlement agreements in the practice of arbitration courts and courts of general jurisdiction: Dissertation... Candidate of Legal Sciences. – Moscow, 2001. – 147 p.
12. Polenina S. V. Complex legal institutions and the emergence of new branches of law // Pravovedenie. – 1975. – No. 3. – P. 74.
13. Sinyukov V. N. Functions of law // Theory of State and Law: A Course of Lectures. – Saratov, 1995. – P. 134.
14. Chudinovskikh K. A. Jurisdiction within the system of civil and arbitration procedural law. – St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2004. – 306 p.
15. Sherstyuk V. M. New provisions of the third Arbitration Procedural Code of the Russian Federation. – Moscow: MTsFER, 2003. – 400 p.;
16. Sherstyuk V. M. Settlement agreements under the Federal Law "On the Restructuring of Credit Organizations" // Zakonodatelstvo. – 2002. – No. 2. – P. 22–29.
17. Yikov M. K. Theoretical problems of the civil procedural law system: Abstract of Dissertation... Candidate of Legal Sciences. – Sverdlovsk, 1982. – 48 p. 18. Yankov V. V. Settlement Agreement in Bankruptcy Proceedings // Yurist. – 2002. – No. 11. – P. 35.

Органы МВД, уполномоченные на проведение проверок и процедуры административного регулирования в сфере воспрепятствования работе интернет-сайтов

Радько Денис Александрович

аспирант, Сибирский университет потребительской кооперации,
radkod@mail.ru

В статье рассматриваются полномочия органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) по проведению проверок и административному регулированию в сфере воспрепятствования работе интернет-сайтов. Особое внимание уделяется роли Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России (УБК МВД России, ранее известного как Управление «К»), а также других специализированных подразделений МВД. На основе анализа нормативных актов, официальной статистики Роскомнадзора и МВД России за 2024–2025 гг., научной литературы и судебной практики выявлены ключевые проблемы правового регулирования, включая недостаточную оперативность процедур блокировки. Предлагается внести изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ-149), дополнив ст. 15.1 новым пунктом, предусматривающим внесудебные полномочия органов МВД по оперативной блокировке сайтов в случаях непосредственной угрозы жизни, здоровью граждан, национальной безопасности или общественному порядку.

Ключевые слова: административное регулирование, интернет-сайты, МВД России, УБК МВД России, блокировка сайтов, ФЗ-149.

В условиях цифровизации общества и роста интернет-аудитории (по данным на 2025 г., свыше 90 % населения России имеют доступ к сети «Интернет») проблема воспрепятствования работе интернет-сайтов приобретает особую актуальность. Под воспрепятствованием понимаются как внешние кибератаки (DDoS, хакинг, фишинг), так и административные меры по блокировке ресурсов, содержащих запрещенную информацию (экстремистскую, террористическую, наркотическую, мошенническую). Согласно данным Роскомнадзора, в 2025 г. по его требованию было удалено или заблокировано 1 289 000 запрещенных материалов, что на 59 % больше, чем в 2024 г. (810 500 материалов). По данным МВД России, в 2025 г. количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, сократилось на 11,8 % по сравнению с 2024 г.

Цель статьи – проанализировать полномочия органов МВД России, включая УБК МВД России и специализированные подразделения, в сфере проверок и административного регулирования, обобщить научные подходы к теме, выявить пробелы в правовом регулировании и разработать предложения по его совершенствованию. Методологическая основа включает сравнительно-правовой, формально-юридический методы, анализ официальной статистики, судебной практики и литературы, индексируемой в РИНЦ. Новизна исследования заключается в обосновании необходимости расширения полномочий МВД для внесудебной оперативной блокировки в чрезвычайных ситуациях на основе анализа пилотного проекта 2025 г. и международного опыта.

Выбор анализируемых нормативных актов обусловлен их центральной ролью в регулировании рассматриваемой сферы. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ-149) является основным специальным законом, устанавливающим единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов и сетевых адресов, содержащих запрещенную информацию (ст. 15.1–15.8), а также порядок ограничения доступа к таким ресурсам. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» определяет общие полномочия органов внутренних дел по выявлению, предупреждению и пресечению правонарушений (ст. 13, 27). Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает ответственность за распространение запрещенной информации (ст. 13.15, 13.41 и др.). Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» выбран в связи с тем, что именно он регулирует порядок проведения проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (включая хостинг-провайдеров и операторов связи), обеспечивая баланс между эффективностью государственного контроля и защитой прав проверяемых субъектов (плановые и внеплановые проверки, сроки уведомления, основания). Отсутствие ссылки на № 294-ФЗ привело бы к риску признания проверок МВД незаконными, что неоднократно подтверждалось судебной практикой.

Административные проверки проводятся по выявлению признаков правонарушений, предусмотренных главой 13 КоАП РФ. Основным координирующим подразделением выступает Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России (УБК МВД России, создано на основании Указа Президента РФ от 30.09.2022 № 688 и Приказа МВД России от 29.12.2022 № 1110). УБК координирует выявление противоправного контента, мониторинг открытых источников интернета, расследование преступлений в сфере ИКТ и инициацию включения ресурсов в реестр Роскомнадзора. По инициативе УБК в 2024–2025 гг. заблокировано более 30 тыс. сайтов с деструктивным контентом. Блокировка осуществляется Роскомнадзором в течение 24–72 часов после поступления требования от МВД.

Помимо УБК, который обеспечивает общую координацию и мониторинг в сфере киберпреступлений, полномочия по иницирова-

нию проверок и блокировок реализуют специализированные подразделения МВД России в зависимости от характера запрещенной информации. Так, Главный центр по противодействию экстремизму МВД России (Центр «Э») уполномочен на выявление и пресечение распространения экстремистских материалов в интернете (в соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») и направлении требований о блокировке соответствующих сайтов в Роскомнадзор. Аналогично, Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России (ГУКОН) проводит проверки и инициирует блокировку ресурсов, содержащих информацию о наркотиках, пропаганде их потребления или сбыте (в 2022–2025 гг. по инициативе ГУКОН заблокировано десятки тысяч таких сайтов). Кроме того, в территориальных органах МВД (главных управлениях по субъектам РФ) функционируют региональные подразделения по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (аналоги «К-отделов»), которые выполняют оперативные функции на местах, включая мониторинг и сбор доказательств для последующего направления требований в Роскомнадзор. УБК координирует деятельность всех этих подразделений для обеспечения единого подхода к административному регулированию в сфере интернета.

Тема полномочий МВД России в сфере регулирования интернет-контента освещена в ряде публикаций. П. С. Швырев в работе «Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства» подчеркивает недостаточную эффективность правоохранительных органов: «недостаточно эффективное противодействие киберпреступной деятельности (низкий уровень компетенций со стороны правоохранительных органов, несовершенство антифрод-инфраструктуры...)». Автор отмечает реактивный характер мер и предлагает усилить техническую инфраструктуру для проактивного мониторинга.

А. А. Бакрадзе в статье «О конституционности запрета на использование сети “Интернет” подозреваемым или обвиняемым» акцентирует внимание на балансе прав человека и безопасности: «Блокировка ресурсов должна быть пропорциональной угрозе, иначе нарушается ст. 29 Конституции РФ». Автор критикует отсутствие четких критериев «непосредственной угрозы» и ссылается на практику ЕСПЧ.

И. В. Сергеева в диссертации «Административно-правовое регулирование информационно-аналитической деятельности в системе МВД России» анализирует полномочия подразделений МВД: «Мониторинг открытых источников интернета позволяет оперативным подразделениям МВД выявлять факты воспрепятствования работе сайтов, но административные проверки ограничены рамками ст. 13.15 КоАП РФ, что не учитывает динамику киберугроз». Автор предлагает интеграцию ИИ в процессы, но отмечает пробелы в межведомственном взаимодействии.

Мнения авторов расходятся: Швырев видит главную проблему в компетенциях и инфраструктуре МВД, Бакрадзе – в конституционных рисках, Сергеева – в необходимости цифровизации процедур. Общий консенсус – потребность в повышении оперативности без ущерба правам.

Анализ системных проблем проведен комплексно на основе нескольких источников данных и подходов.

Во-первых, проанализированы ключевые научные публикации из РИНЦ, затрагивающие тему административного регулирования и роли МВД в сфере интернета. В работе П. С. Швырева (2021) выявлено, что низкий уровень компетенций правоохранительных органов и несовершенство антифрод-инфраструктуры приводят к недостаточно эффективному противодействию киберпреступлениям, включая задержки в выявлении и блокировке противоправных ресурсов. Автор подчеркивает реактивный характер существующих мер и необходимость проактивного мониторинга. А. А. Бакрадзе (2022) акцентирует конституционные риски: чрезмерная или несвоевременная блокировка может нарушать ст. 29 Конституции РФ (свобода информации), а отсутствие четких критериев «непосредственной угрозы» создает угрозу пропорциональности мер. И. В. Сергеева (2020) отмечает ограниченность административных проверок рамками КоАП РФ (в частности, ст. 13.15), что не позволяет оперативно реагировать на динамику киберугроз, и указывает на пробелы в межведомственном взаимодействии МВД с Роскомнадзором.

Во-вторых, использованы официальные статистические данные. Статистика Роскомнадзора (опубликована в «Ведомостях» 19.01.2026) показывает, что в 2025 г. по требованию ведомства

было удалено или заблокировано 1 289 000 запрещенных материалов (рост на 59 % по сравнению с 810 500 в 2024 г.), с существенным увеличением блокировок по отдельным категориям: инструменты обхода блокировок (VPN) – рост на 1235 % (свыше 93 000), материалы, связанные с ЛГБТ-движением – на 269 % (170 300), пропаганда наркотиков – на 80 % (229 300) и др. Это свидетельствует о высокой нагрузке на систему, но также о сохраняющихся задержках в процедурах (средний срок включения в реестр – 48–72 часа).

Данные МВД России взяты из официальных заявлений представителя МВД РФ Ирины Волк (опубликованы в ТАСС, «Вести», «Газета.ру» и других СМИ в январе 2026 г., а также на официальном сайте МВД). В 2025 г. количество преступлений, совершенных с использованием ИКТ, сократилось на 11,8 % по сравнению с 2024 г.; преступления в сфере компьютерной информации – на 42,2 %; дистанционные кражи – на 23,6 %; дистанционные мошенничества – на 9 %. Несмотря на положительную динамику, сохраняются проблемы с оперативностью: задержки в блокировке позволяют противоправному контенту распространяться до принятия мер, что снижает эффективность пресечения (эффективность обработки сигналов оценивается примерно в 60 % по экспертным оценкам и косвенным данным предыдущих периодов).

В-третьих, проведено сравнение с пилотным проектом по мгновенной блокировке фишинговых сайтов (Распоряжение Правительства РФ от 31.05.2025 № 1403-р, период 04.06.2025 – 01.03.2026), который демонстрирует потенциал сокращения времени реагирования с дней до часов.

В-четвертых, учтена судебная практика и публикации РИНЦ, подтверждающие коллизии между мерами безопасности и конституционным правом на свободный поиск и получение информации (ст. 29 Конституции РФ).

Выявленные системные проблемы:

- Значительные задержки в процедурах блокировки (до 72 часов), что позволяет запрещенному контенту оставаться доступным и продолжать причинять вред.
- Недостаток ресурсов и технических возможностей подразделений МВД (УБК, Центр «Э», ГУКОН, региональные подразделения), несмотря на сокращение общего числа IT-преступлений.
- Коллизии между мерами административного регулирования и конституционными правами граждан на свободу информации, что требует более четких критериев пропорциональности и оперативности.

На основе проведенного анализа предлагается дополнить ст. 15.1 ФЗ-149 новым п. 4.1 следующего содержания: «В случаях непосредственной угрозы жизни или здоровью граждан, национальной безопасности либо общественному порядку (включая массовые беспорядки, террористические акты, эпидемии или иные чрезвычайные обстоятельства) органы МВД России (УБК МВД России и иные уполномоченные подразделения) вправе вносить сведения о доменных именах, указателях страниц сайтов и сетевых адресах в единый реестр без судебного решения на срок до 72 часов с обязательным последующим уведомлением суда и Роскомнадзора».

Обоснование предложения: пилотный проект 2025 г. по мгновенной блокировке фишинговых сайтов продемонстрировал возможность существенного сокращения времени реагирования (с дней до часов), что подтверждается промежуточными отчетами Роскомнадзора. Ориентировочное снижение задержек на 70 % основано на экспертных оценках эффективности пилотного проекта и аналогичных международных механизмов. В частности, в Европейском союзе Регламент о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA, 2022) обязывает онлайн-платформы удалять нелегальный контент «expeditiously» после уведомления (ст. 16 DSA), а для очень крупных платформ – в установленные сроки. Это привело к оперативному удалению миллионов единиц нелегального контента (включая hate speech и дезинформацию) в 2024–2025 гг., обеспечив баланс между безопасностью и правами пользователей (в частности, практика применения DSA в Германии по блокировке противоправного контента на платформе X/Twitter). Выбор DSA обусловлен его акцентом на оперативность и пропорциональность, что позволило снизить среднее время обработки на 60–80 % по сравнению с традиционными досудебными процедурами.

Для реализации предложения требуется корректировка Приказа МВД России от 29.12.2022 № 1110 путем внесения изменений в По-

ложение об УБК МВД России: добавления отдельного раздела о критериях «непосредственной угрозы», процедурах внесудебной блокировки и порядке взаимодействия с Роскомнадзором и судом. Это обеспечит гармонизацию ведомственного акта с изменениями в ФЗ-149 и предотвратит правовые коллизии.

Органы МВД России, в первую очередь УБК МВД России и специализированные подразделения (Центр «Э», ГУКОН, региональные органы), играют ключевую роль в выявлении и пресечении противоправной деятельности в сети «Интернет», однако существующие пробелы в законодательстве существенно снижают оперативность и эффективность мер. Предложенные изменения в ФЗ-149 позволят обеспечить баланс между общественной безопасностью и конституционными правами граждан, способствуя развитию безопасной цифровой среды. Дальнейшие исследования целесообразно посвятить эмпирическому анализу практики применения внесудебных полномочий после возможного принятия поправок.

Литература

1. Роскомнадзор значительно увеличил блокировку запрещенного контента в 2025 году // Ведомости. 2026. 19 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/01/19/1170063-roskomnadzor-znachitelno-uvlechil-blokirovku-zapreshennogo-kontenta> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 30.01.2026).
3. Швырев П. С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3. С. 45–62.
4. Сергеева И. В. Административно-правовое регулирование информационно-аналитической деятельности в системе МВД России: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 180 с.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 2025 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
6. Приказ МВД России от 29.12.2022 № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении...» // Официальные источники.
7. Распоряжение Правительства РФ от 31.05.2025 № 1403-р.

The bodies of the ministry of internal affairs authorized to conduct inspections and administrative regulation procedures in the field of obstructing the operation of internet sites

Radko D.A.

Siberian University of Consumer Cooperation

The article examines the powers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (MVD of Russia) to conduct inspections and administrative regulation in the field of obstructing the operation of Internet sites. Special attention is paid to the role of the Department for Organizing the Fight against Illegal Use of Information and Communication Technologies of the MVD of Russia (UBK MVD of Russia, formerly known as Department "K"), as well as other specialized subdivisions of the MVD. Based on the analysis of normative acts, official statistics of Roskomnadzor and the MVD of Russia for 2024–2025, scientific literature and judicial practice, key problems of legal regulation have been identified, including insufficient speed of blocking procedures. It is proposed to amend Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" by adding a new paragraph to Article 15.1, providing for extrajudicial powers of the MVD bodies for the operational blocking of sites in cases of direct threat to life, health of citizens, national security or public order.

Keywords: administrative regulation, Internet sites, MVD of Russia, UBK MVD of Russia, site blocking, Law No. 149-FZ.

References

1. Roskomnadzor significantly increased the blocking of prohibited content in 2025 // Vedomosti. 2026. January 19. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/01/19/1170063-roskomnadzor-znachitelno-uvlechil-blokirovku-zapreshennogo-kontenta> (date of access: January 30, 2026).
2. Department for the Organization of the Fight against Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org> (date of access: January 30, 2026).
3. Shvyrev P.S. Cybercrime in Russia: A New Challenge for Society and the State // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2021. No. 3. pp. 45–62.
4. Sergeeva I. V. Administrative and legal regulation of information and analytical activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Diss. ... Cand. Sciences (Law). Moscow, 2020. 180 p.
5. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" (as amended in 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 29, 2022 No. 1110 "On Approval of the Regulations on the Directorate..." // Official sources.
7. Order of the Government of the Russian Federation dated May 31, 2025 No. 1403-r.

Проблемы взаимодействия прокурорского надзора и ведомственного контроля в контексте обеспечения законности деятельности органов предварительного следствия

Романов Эдуард Артёмович

аспирант, факультет подготовки научных кадров, Университет прокуратуры Российской Федерации; прокурор отдела по надзору за следствием в аппарате ГУ МВД России по Московской области управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции прокуратуры Московской области, юрист 1 класса

В статье исследуются системные проблемы взаимодействия прокурорского надзора и ведомственного контроля на стадии предварительного следствия. Анализируется деструктивное влияние ведомственной заинтересованности руководителей следственных органов в статистических показателях, порождающее формальное удовлетворение требований прокурора, игнорирование надзорных актов и необоснованное затягивание сроков расследования. На основе сравнительно-правового анализа опыта Китайской Народной Республики обосновывается необходимость внесения изменений в УПК РФ, предусматривающих обязательность исполнения требований прокурора, установление пресекательных сроков разрешения разногласий, расширение императивных полномочий прокурора и введение ответственности за неисполнение надзорных актов. Автор приходит к выводу, что реализация предложенных мер позволит обеспечить реальную законность на досудебных стадиях и соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, ведомственный контроль, предварительное следствие, требования прокурора, законность, разумные сроки, формальное удовлетворение требований, императивные полномочия, Китайская Народная Республика, Уголовно-процессуальный кодекс.

Институт прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия является одной из ключевых гарантий обеспечения законности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Вместе с тем практика правоприменения выявляет устойчивые системные противоречия между надзорными полномочиями прокурора и ведомственным процессуальным контролем, осуществляемым руководителями следственных органов. Указанные противоречия, имея в своей основе как объективные, так и субъективные причины, негативно сказываются на своевременности выявления и устранения нарушений закона, соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства и в конечном итоге — на реализации назначения уголовного процесса, закрепленного в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Проблематика взаимодействия прокуратуры и следственных органов в последние годы приобрела особую остроту в связи с сохраняющейся тенденцией приоритета ведомственных показателей перед требованиями законности. Руководители следственных органов, будучи заинтересованными в благоприятных статистических данных, характеризующих эффективность работы подчиненных подразделений, нередко препятствуют реализации надзорных полномочий прокурора, используя для этого весь арсенал процессуальных средств, предусмотренных действующим законодательством. Следствием подобной практики является не только дискредитация самого института прокурорского надзора, но и существенное снижение качества предварительного расследования, нарушение прав участников уголовного судопроизводства, неоправданное затягивание сроков расследования.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет прокурора как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, установленной законом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В свою очередь, руководитель следственного органа наделен полномочиями по организации и контролю деятельности подчиненных следователей, включая право давать указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения.

На первый взгляд, законодатель предусмотрел четкое разграничение компетенций: прокурор осуществляет надзор за законностью, руководитель следственного органа — процессуальное руководство и ведомственный контроль. Однако на практике данное разграничение создает благоприятную почву для конфликта интересов и конкуренции полномочий. Руководитель следственного органа, реализуя свои властно-распорядительные функции, преследует прежде всего ведомственные цели, выражающиеся в достижении установленных вышестоящими органами показателей. Эти показатели, как правило, ориентированы на количественные параметры: раскрываемость преступлений, направление уголовных дел в суд, отсутствие возвращений дел на дополнительное расследование. При таком подходе законность процессуальных решений и действий следователя выступает не как самоцель, а как сопутствующий, зачастую второстепенный фактор.

Прокурорский надзор, будучи по своей природе внешним по отношению к следственному ведомству, призван обеспечивать именно законность, а не ведомственные интересы. Однако отсутствие у прокурора реальных рычагов влияния на процессуальные решения следователя при сохранении ведомственной независимости следственных органов превращает надзорную деятельность в формальную процедуру, лишенную действительного содержания. Статья 37 УПК РФ, закрепляя полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов следствия, не устанавливает императивного механизма реализации его требований в случае несогласия с ними руководителя следственного органа[1].

Система оценки деятельности следственных органов, основанная на количественных показателях, создает устойчивые стимулы

для сокрытия нарушений закона и манипуляции статистическими данными. Руководитель следственного органа, заинтересованный в положительной оценке работы подчиненного подразделения, рассматривает вмешательство прокурора как угрозу благоприятной отчетности. Любое требование прокурора об устранении нарушений закона, отмене незаконного постановления или возобновлении расследования воспринимается не как законный акт надзора, а как дестабилизирующий фактор, способный повлиять на показатели деятельности следственного подразделения. Особого внимания заслуживает практика формального удовлетворения требований прокурора. Нередки случаи, когда следователь в установленный законом срок направляет прокурору постановление об удовлетворении заявленного требования, однако фактически не проводит следственных и процессуальных действий, указанных в нём. Такая схема позволяет следственному ведомству формально отчитаться о принятых мерах, сохраняя при этом статус-кво и не допуская ухудшения отчетных показателей. Прокурор, в свою очередь, вынужден констатировать устранение нарушения, поскольку формальные основания для иного вывода отсутствуют.

Подобная практика является не чем иным, как деструктивным искажением статистических показателей, манипуляцией учетными данными, которая дискредитирует не только прокурорский надзор, но и саму идею правовой статистики как объективного отражения состояния законности в сфере уголовного судопроизводства. При этом страдают реальные интересы участников процесса: нарушаются их права и законные интересы, необоснованно удлиняются сроки расследования, а само уголовное судопроизводство утрачивает свое назначение как эффективный механизм защиты прав и законных интересов потерпевших и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности[2].

Одним из наиболее серьезных последствий конфликта между прокурорским надзором и ведомственным контролем является нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства, гарантированных статьей 6.1 УПК РФ. Механизм преодоления разногласий между прокурором и руководителем следственного органа, предусмотренный действующим законодательством, отличается крайней громоздкостью и неоправданной длительностью. В случае несогласия руководителя следственного органа с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования, прокурор вынужден обращаться к вышестоящему руководителю следственного органа с требованием об отмене соответствующего постановления руководителя нижестоящего следственного органа. Данная процедура, как показывает практика, может занимать от нескольких недель до нескольких месяцев, в течение которых расследование по уголовному делу фактически приостанавливается либо ведется с нарушением закона[3, 4].

Примечательно, что действующее законодательство не устанавливает пресекательных сроков для рассмотрения вышестоящим руководителем следственного органа требований прокурора. Это создает возможность для искусственного затягивания разрешения надзорных ситуаций, что прямо противоречит требованиям статьи 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства. Потерпевшие, чьи права были нарушены преступлением, вынуждены ожидать окончания расследования в течение неопределенно долгого времени, а подозреваемые и обвиняемые остаются под угрозой применения мер процессуального принуждения на необоснованно длительный срок[5].

В контексте рассматриваемой проблемы представляет интерес опыт правового регулирования взаимоотношений прокуратуры и органов предварительного следствия в Китайской Народной Республике[6].

Китайское уголовно-процессуальное законодательство исходит из принципа обязательности исполнения требований прокурора должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование. Народные прокуратуры КНР наделены широкими полномочиями по надзору за расследованием уголовных дел, которые проводят органы следствия и органы общественной безопасности. Закон о прокуратуре Китайской Народной Республики закрепляет в числе обязанностей прокуроров надзор за расследованием уголовных дел, что предполагает не только формальную проверку материалов, но и реальное воздействие на ход и направление расследования. Прокурор в КНР вправе возбуждать уголовные дела и заниматься расследованием, санкционировать проведение отдельных

следственных действий, вносить обязательные для исполнения постановления. Важно отметить, что народные прокуратуры осуществляют надзор не только за деятельностью органов расследования, но и за соответствием закону судебной деятельности народных судов, а также за исполнением решений и определений народных судов по уголовным делам.

Особый интерес представляет механизм реализации надзорных полномочий прокуратуры КНР, который предусматривает возможность обязательного направления дел на расследование при обнаружении фактов совершения преступления. Согласно данным официальных источников, при выявлении нарушений закона народная прокуратура вправе требовать от органа общественной безопасности письменного объяснения причин непринятия мер, а в случае необоснованности отказа — давать обязательные к исполнению указания о возбуждении уголовного дела[7, 8].

В китайском законодательстве отсутствует ведомственный контроль, способный блокировать или замедлять реализацию надзорных полномочий прокуратуры. Органы следствия и общественной безопасности, осуществляя предварительное расследование, действуют под надзором прокуратуры, что не предполагает возможности игнорирования или формального удовлетворения требований прокурора. Данная модель обеспечивает оперативность устранения нарушений закона и соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства.

Проведенный анализ правоприменительной практики и выявленные системные противоречия между прокурорским надзором и ведомственным контролем обуславливают необходимость внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на повышение эффективности надзорной деятельности прокуратуры. Основным направлением преобразований должно стать преодоление сложившегося дисбаланса, при котором руководитель следственного органа сохраняет возможность блокировать законные требования прокурора, руководствуясь ведомственными интересами, а не требованиями закона.

В основу предлагаемых изменений следует положить принцип обязательности исполнения требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства. В связи с этим предлагается дополнить статью 37 УПК РФ положением, согласно которому требования прокурора приобретают обязательную силу для должностных лиц органов предварительного следствия с момента их предъявления. Исключение возможно только при обжаловании требования вышестоящему прокурору, однако обжалование не должно приостанавливать его исполнение, если иное прямо не установлено законом. Такой подход обеспечивает оперативность реагирования на выявленные нарушения при сохранении механизмов вышестоящего прокурорского контроля.

Вместе с тем признание обязательности требований прокурора требует создания четкого процессуального механизма разрешения разногласий между прокурором и руководителем следственного органа. Действующее законодательство не устанавливает пресекательных сроков для рассмотрения таких разногласий, что позволяет руководителям следственных органов искусственно затягивать процедуру. В целях устранения этого пробела необходимо закрепить жесткие временные рамки: при несогласии с требованием прокурора руководитель следственного органа обязан в течение трех суток направить вышестоящим руководителем не рапорт, а мотивированное постановление о несогласии, а вышестоящий прокурор обязан рассмотреть его и принять окончательное решение в срок не более пяти суток. Такое решение должно быть обязательным для всех участников судопроизводства, что исключит дальнейшее затягивание расследования[9, 10].

Особого внимания заслуживает проблема формального удовлетворения требований прокурора, когда следователь представляет рапорт о принятых мерах без фактического устранения нарушения, что позволяет манипулировать статистическими показателями. Для преодоления этой практики предлагается законодательно закрепить обязанность следователя представлять не рапорт, а процессуальное решение об устранении нарушения с указанием конкретных действий, реально совершенных для его устранения. Одновременно прокурор должен быть наделен полномочиями по проверке фактического устранения нарушения, включая право истребовать дополнительные материалы и проводить проверочные действия. Существенным элементом предлагаемой модели является расширение

императивных полномочий прокурора в части дачи указаний о производстве отдельных следственных действий. Учитывая позитивный опыт Китайской Народной Республики, где прокурорский надзор носит последовательно императивный характер, целесообразно закрепить в УПК РФ право прокурора давать обязательные указания о производстве конкретных следственных действий, если их невыполнение может повлечь утрату доказательств либо иные неблагоприятные последствия для судопроизводства. При этом такие указания должны быть мотивированы и ограничены случаями, когда промедление создает реальную угрозу для полноты расследования.

Наконец, важнейшей гарантией предлагаемых изменений должно стать установление ответственности должностных лиц органов предварительного следствия за неисполнение требований прокурора. В действующем законодательстве такая ответственность фактически отсутствует, что создает ощущение безнаказанности. Предлагается дополнить УПК РФ и ведомственные акты положениями о дисциплинарном взыскании за неисполнение требований прокурора, а в случае систематического или злонамеренного неисполнения, повлекшего существенное нарушение прав участников судопроизводства, — о возможности привлечения к уголовной ответственности [11, 12].

Таким образом, существующая модель взаимодействия прокурорского надзора и ведомственного контроля в досудебном производстве содержит системные противоречия, порождающие формализацию надзорной деятельности, игнорирование законных требований прокурора, необоснованное затягивание сроков расследования и деструктивное искажение статистических показателей. Преодоление указанных недостатков возможно лишь путём внесения в уголовно-процессуальное законодательство изменений, предусматривающих обязательность исполнения требований прокурора, установление пресекающих сроков для разрешения разногласий, расширение императивных полномочий прокурора по даче указаний о производстве следственных действий, а также введение дисциплинарной и уголовной ответственности за неисполнение надзорных актов. Реализация предложенного комплекса мер позволит обеспечить реальную, а не декларативную законность на досудебных стадиях, восстановить разумные сроки уголовного судопроизводства и тем самым достичь назначения уголовного процесса как эффективного механизма защиты прав и законных интересов личности, общества и государства.

Литература

1. Комбарович, М. С. Конфликт прокурорского надзора и ведомственного контроля руководителя следственного органа в современном уголовном процессе / М. С. Комбарович. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 9 (560). — С. 157-162.
2. Белоусова В.А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРАТУРЫ И СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ: ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ НАДЗОРА // Журнал «Вестник науки» от 2 марта 2025 г. № 3 (84) том 1. С. 141 - 148. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.ru/article/21677> (дата обращения: 14.08.2026 г.).
3. Корнакова С.В., Чигрина Е.В. Проблемные вопросы прокурорского надзора за органами предварительного следствия. ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2025;10(1):65-71.
4. Романенко А. Ю. Генезис развития деятельности прокуратуры по надзору за деятельностью органов дознания и предварительного следствия // Актуальные исследования. 2023. №23 (153). Ч.II. С. 28-30.
5. Тапхаров, А. С. Соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля на досудебной стадии уголовного судопроизводства / А. С. Тапхаров. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 24 (314). — С. 342-343.
6. Абдул-Кадыров Ш.М. Прокурорский надзор и ведомственный процессуальный контроль на предварительном следствии // Проблемы в российском законодательстве. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-i-vedomstvennyy-protsessualnyy-kontrol-na-predvaritelnom-sledstvii> (дата обращения: 14.08.2026).
7. Кансаев А.М. ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ // Наука, техника и образование. 2025. №2 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vedomstvennyy-kontrol-i-prokurorskiy-nadzor-za-deyatelnostyu-sledovatelya>

nadzor-za-deyatelnostyu-sledovatelya-1 (дата обращения: 14.08.2026).

8. Актуальные вопросы деятельности прокуратуры Российской Федерации: сб. ст. по материалам круглых столов «Проблемы совершенствования научного обеспечения прокурорской деятельности» и «Базовая лекция (конспект лекции) для профессионального обучения прокурорских работников – молодых специалистов: основные подходы, структура, алгоритмы подготовки», проведенных научным объединением «Прокурорская деятельность» в 2022 г. / под общ. ред. Н.В. Субановой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Вып. 4 – М., 2023 – 136 с.

9. Буланова Н. В. Оптимальное соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля как необходимое условие законности предварительного следствия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 1. С. 32–35.

10. Сеидов В.О. ТЕОРЕТИКО - ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ / В.О. Сеидов // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — №2 (104).

11. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Проблемные вопросы реализации прокурорского надзора и ведомственного контроля на предварительном следствии // Российский следователь. 2025. № 1. С. 40–44.

12. Прокурорский надзор за исполнением законов и законностью правовых актов : учебное пособие / [О. Н. Коршунова, И. И. Головкин, Э. Р. Исламова, С. И. Коряченко, М. Н. Кузов, В. В. Омельничук, Д. М. Плугарь, К. И. Тимошук] ; под ред. Э. Р. Исламовой. — 2-е изд., перераб. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023 — 287, [1] с.

Problems of interaction between prosecutorial supervision and departmental control in the context of ensuring the legality of the activities of preliminary investigative bodies

Romanov E.A.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article examines systemic problems related to the interaction between prosecutorial supervision and departmental control at the stage of preliminary investigation. It analyses the destructive impact of the departmental interest of heads of investigative bodies in statistical indicators, which leads to the formal satisfaction of prosecutors' demands, the disregard of supervisory acts, and the unjustified extension of investigation deadlines. Based on a comparative legal analysis of the experience of the People's Republic of China, the article substantiates the need to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to make the prosecutor's demands mandatory, to establish time-limited deadlines for resolving disagreements, to expand the mandatory powers of the prosecutor, and to introduce liability for failure to comply with supervisory acts. The author concludes that the implementation of the proposed measures will make it possible to ensure real legality at the pre-trial stages and to observe reasonable timeframes in criminal proceedings.

Keywords: prosecutorial supervision, departmental control, preliminary investigation, prosecutor's demands, legality, reasonable timeframes, formal satisfaction of demands, mandatory powers, People's Republic of China, Criminal Procedure Code.

References

1. Kombirovich, M. S. Conflict between prosecutorial supervision and departmental control by the head of an investigative body in modern criminal proceedings / M. S. Kombirovich. — Text: direct // Young Scientist. — 2025. — No. 9 (560). — Pp. 157–162.
2. Belousova V. A. INTERACTION BETWEEN THE PROSECUTOR'S OFFICE AND INVESTIGATIVE BODIES: PROBLEMS OF COORDINATION AND EFFICIENCY OF SUPERVISION // Journal "Vestnik Nauki" dated March 2, 2025, No. 3 (84), Volume 1, pp. 141–148. 2025. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: <https://www.vestnik-nauki.ru/article/21677> (accessed: 14.08.2026).
3. Kornakova S.V., Chigrina E.V. Problematic issues of prosecutorial supervision over the bodies of preliminary investigation. Economy. right. SOCIETY. 2025;10(1):65-71.
4. Romanenko A. Yu. The Genesis of the Development of the Prosecutor's Office's Activities in Supervising the Activities of Investigative and Preliminary Investigation Bodies // Actual Research. 2023. No. 23 (153). Part II. Pp. 28–30.
5. Tapharov, A. S. The Relationship between Prosecutorial Supervision and Departmental Control at the Pre-Trial Stage of Criminal Proceedings / A. S. Tapharov. — Text: direct // Young Scientist. — 2020. — No. 24 (314). — Pp. 342–343.
6. Abdul-Kadyrov Sh.M. Prosecutorial supervision and departmental procedural control during the preliminary investigation // Gaps in Russian legislation. 2013. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-i-vedomstvennyy-protsessualnyy-kontrol-na-predvaritelnom-sledstvii> (accessed: 14.08.2026).
7. Kansaev A. M. DEPARTMENTAL CONTROL AND PROSECUTORIAL SUPERVISION OF AN INVESTIGATOR'S ACTIVITIES // Science, Technology and Education. 2025. No. 2 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vedomstvennyy-kontrol-i-prokurorskiy-nadzor-za-deyatelnostyu-sledovatelya>

- kontrol-i-prokurorskiy-nadzor-za-deyatelnostyu-sledovatelya-1 (date of application: 08/14/2026).
8. Current issues of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: collection of articles based on the materials of the round tables "Problems of improving scientific support for prosecutorial activities" and "Basic lecture (lecture notes) for professional training of prosecutors – young professionals: basic approaches, structure, algorithms of preparation", conducted by the scientific association "Prosecutorial activity" in 2022 / under the general editorship of N.V. Subanova; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation. Issue 4 – Moscow, 2023 – 136 p.
 9. Bulanova N. V. The optimal balance between prosecutorial supervision and departmental control as a necessary condition for the legality of preliminary investigation // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2011. No. 1. Pp. 32–35.
 10. Seidov V.O. THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE PROSECUTOR'S POWERS IN CARRYING OUT SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LAWS IN RUSSIAN LEGISLATION: MODERN STATE / V.O. Seidov // International Research Journal. — 2021. — No. 2 (104).
 11. Kornakova S.V., Chigrina E.V. Problematic issues in the implementation of prosecutorial supervision and departmental control during the preliminary investigation // Russian Investigator. 2025. No. 1. Pp. 40–44.
 12. Prosecutorial supervision over the implementation of laws and the legality of legal acts: a textbook / [O. N. Korshunova, I. I. Golovko, E. R. Islamova, S. I. Koryachentsova, M. N. Kustov, V. V. Omelyanovich, D. M. Plugar, K. I. Timoshchuk]; edited by E. R. Islamova. — 2nd ed., rev. — Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023 — 287, [1] p.

Особенности организации антимонопольного регулирования в Евразийском Экономическом Союзе

Беляков Антон Владимирович

аспирант, отдел административного законодательства и процесса, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, bieliakov_anton@mail.ru

Углубление евразийской экономической интеграции сопровождается ростом числа трансграничных сделок и усилением внешнего санкционного давления, что формирует объективную потребность в единых и предсказуемых правилах конкуренции. В этих условиях эффективное антимонопольное регулирование становится критическим фактором: оно обеспечивает равные условия для участников рынка и устойчивое развитие национальных экономик государств-членов ЕАЭС. Актуальность исследования обусловлена не только интеграционными процессами, но и необходимостью адаптировать антимонопольные механизмы к новым вызовам — цифровизации рынков и ограничительным мерам третьих стран.

Цель исследования — выявить и систематизировать особенности организации антимонопольного регулирования в ЕАЭС, оценить эффективность действующих механизмов координации и разработать практические рекомендации по их совершенствованию. Для этого решаются три задачи: 1) анализ антимонопольного регулирования на наднациональном и национальном уровнях (Договор о ЕАЭС, решения ЕЭК, законы государств-членов), 2) сравнительный анализ правоприменительной практики стран-участниц для выявления общих черт и ключевых различий в подходах к регулированию и контролю, 3) определение основных проблем и барьеров (нехватка данных для оценки эффективности, отсутствие единого подхода к контролю слияний) и разработка научно обоснованных предложений по гармонизации законодательства.

Решение этих задач позволит сформировать целостное представление о состоянии и перспективах антимонопольной политики Союза.

Методологическую основу работы составляет комплексный анализ нормативных актов (Договор о ЕАЭС, решения ЕЭК, национальные законы) и материалов правоприменительной практики, дополненный сравнительным методом. Такой подход позволяет не только выявить формальные расхождения в правовом регулировании, но и оценить реальное влияние институциональных механизмов на состояние конкуренции.

Полученные выводы применимы и для дальнейших теоретических изысканий, и для практической корректировки конкурентной политики ЕАЭС.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, антимонопольное законодательство, антимонопольный орган, товарный рынок, трансграничные рынки, картель, злоупотребление доминирующим положением, экономическая концентрация, ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия.

Формирование единого конкурентного пространства в рамках Евразийского экономического союза опирается на двухуровневую систему правового регулирования. Первый уровень образуют наднациональные нормы, закрепленные в Договоре о ЕАЭС и актах Евразийской экономической комиссии, принимаемых во исполнение его положений. Второй уровень — национальные законодательства государств-членов, которые детализируют общие правила применительно к внутригосударственным рынкам. Такое построение неизбежно порождает проблему разграничения сфер ответственности между наднациональным и национальными регуляторами. Ключевая сложность в том, что действующие критерии и правила определения компетенции не позволяют однозначно и оперативно установить, какой именно регулятор уполномочен проводить расследование до его начала [1, с. 245]. Эта неопределенность создает риски и для хозяйствующих субъектов, и для правоприменительной системы в целом, поскольку ведет к затягиванию процедур и дублированию функций.

Специфика наднационального антимонопольного регулирования в ЕАЭС — ограниченный по сравнению с большинством зарубежных аналогов инструментарий. В так называемое «ядро антитраста», помимо стандартных инструментов борьбы с антиконкурентными соглашениями и злоупотреблением доминирующим положением, не включается контроль сделок экономической концентрации [2, с. 82]. Это означает, что Евразийская экономическая комиссия не вправе предварительно согласовывать слияния и поглощения, существенно влияющие на трансграничные рынки. При этом Комиссия наделена правом пресечения недобросовестной конкуренции на трансграничных рынках — важным элементом защиты единого экономического пространства. В целом антимонопольная политика ЕАЭС соответствует мировым стандартам и опирается на хорошо зарекомендовавшие себя практики: институт предупреждения и предостережения, риск-ориентированный подход [2, с. 87]. Однако отсутствие наднационального контроля за экономической концентрацией — существенное отличие от подходов, применяемых в Европейском союзе и других интеграционных объединениях.

Эффективность двухуровневой системы антимонопольного регулирования напрямую зависит от качества взаимодействия Евразийской экономической комиссии и национальных антимонопольных органов. В настоящее время порядок такого взаимодействия при контроле за соблюдением общих правил конкуренции регламентирован лишь в общем виде. Договор о ЕАЭС и акты Комиссии закрепляют базовые принципы координации, но не детализируют процедуры и сроки обмена информацией, проведения совместных расследований и принятия согласованных решений. Отсутствие четких процессуальных норм создает предпосылки для конфликтов компетенций и затягивания расследований. Как отмечается в научной литературе, существующие критерии не позволяют однозначно установить компетентный орган до начала расследования, а положение усугубляется отсутствием гармонизации процессуальных и правоприменительных норм стран-участниц [2, с. 82].

Оценка эффективности деятельности Евразийской экономической комиссии в сфере антимонопольного регулирования сталкивается с серьезными методологическими трудностями. Главная из них — нехватка данных, из-за которой невозможен полноценный расчет наиболее распространенных показателей эффективности антимонопольного органа [2, с. 87]. Причина — относительно небольшой срок существования интеграционной группировки и, как следствие, малое число прецедентов правоприменения. В частности, для расчета доли наложенных штрафов от общего числа выявленных правонарушений или количества полностью отмененных судом решений ЕЭК недостаточно статистических данных [2, с. 86]. Кроме того, наднациональный антимонопольный орган ориентирован преимущественно на показатели непосредственного, а не конечного результата: в настоящее время не проводятся полноценные исследования воздействия мероприятий по защите конкуренции на выигрыш потребителей и развитие интеграционных процессов [2, с. 83]. Это

ограничивает возможности количественного анализа и формирования объективных выводов об эффективности конкурентной политики ЕАЭС.

Национальные законодательства государств-членов: гармонизация и расхождения

Формирование единого экономического пространства ЕАЭС и последовательное устранение внутренних барьеров во взаимной торговле привели к тому, что рынок любого товара *de facto* стал потенциально общим для всех государств-членов. Такая интеграция породила принципиальную проблему: необходимо определить компетентный антимонопольный орган и применимое право для пресечения антиконкурентного поведения, затрагивающего интересы нескольких стран одновременно. Сложность усугубляется пересечением наднациональных и национальных юрисдикций при неочевидных для хозяйствующих субъектов и правоприменителей критериях разграничения полномочий. Установленные в Договоре о ЕАЭС и национальных законодательствах критерии не позволяют однозначно и оперативно установить компетентный антимонопольный орган до начала расследования [1, с. 245]. Это создаёт риск параллельных или конфликтующих разбирательств, увеличивает транзакционные издержки бизнеса и снижает эффективность пресечения нарушений. Таким образом, юрисдикционная неопределённость становится одним из ключевых вызовов для гармонизации правоприменения в рамках Союза.

Несмотря на значительные усилия по гармонизации антимонопольного законодательства, национальные правопорядки государств-членов ЕАЭС сохраняют существенные расхождения, особенно в подходах к регулированию недобросовестной конкуренции. На наднациональном уровне эта сфера отнесена к компетенции Евразийской экономической комиссии, однако национальные законы содержат различные составы правонарушений и процедуры их расследования, что порождает правовую неопределённость. К числу наиболее острых проблем относятся невозможность преследовать любых иностранных субъектов хозяйствования, чья деятельность негативно сказывается на конкуренции в ЕАЭС, а также отсутствие гармонизации процессуальных и правоприменительных норм стран-участниц [2]. Эти расхождения проявляются в различных сроках расследования, требованиях к доказательствам и механизмах взаимодействия между национальными органами. Как следствие, эффективность борьбы с антиконкурентными практиками на общем рынке снижается, а хозяйствующие субъекты сталкиваются с разными стандартами правовой защиты.

Сложности в реализации политики защиты конкуренции выступают одновременно и направлениями совершенствования национальных законодательств, и потенциальными источниками развития национальных экономик стран-участниц ЕАЭС [2, с. 87]. Именно через преодоление выявленных противоречий и пробелов происходит эволюция правовых систем, стимулирующая поиск сбалансированных решений. Драйверами такого совершенствования выступают и правоприменительная практика, и научные исследования, выявляющие слабые места в действующем регулировании.

Антимонопольная политика ЕАЭС в целом соответствует мировым стандартам: применяются такие современные инструменты, как институт предупреждения и предостережения, а также риск-ориентированный подход при выборе объектов контроля. Эти механизмы позволяют гибко реагировать на потенциальные нарушения, не прибегая к избыточному административному давлению на бизнес. Их внедрение на наднациональном уровне свидетельствует о стремлении ЕЭК следовать лучшим международным практикам в сфере защиты конкуренции. Однако для полноценной реализации этих подходов требуется их дальнейшая детализация на национальном уровне с учётом особенностей правовых систем государств-членов. Как отмечается в исследованиях, показатели эффективности антимонопольной политики ЕАЭС частично снижаются из-за отсутствия гармонизации процессуальных норм и недостаточного учета существующей правоприменительной практики при правотворчестве [2, с. 82]. Без адаптации общих принципов к национальным условиям риск-ориентированный подход может остаться декларативным, а институт предупреждения — неэффективным.

Правоприменительная практика по делам о картельных сговорах и злоупотреблении доминирующим положением

Разграничение компетенции между Евразийской экономической комиссией и национальными антимонопольными органами в делах о картельных сговорах и злоупотреблении доминирующим положением опирается на критерии трансграничности товарного рынка и масштаба воздействия нарушения на конкуренцию. Эти критерии закреплены в Договоре о ЕАЭС и национальных законодательствах государств-членов. Однако на практике их применение сталкивается с рядом сложностей, порождающих неопределённость в определении компетентного регулятора до начала расследования. Установленные правила не позволяют однозначно и оперативно установить, какой орган должен проводить расследование, что создает риски дублирования или ухода от ответственности. Как отмечается в литературе, «критерии и правила определения компетенции каждого из этих органов, установленные в Договоре о ЕАЭС и в национальных законодательствах, не позволяют однозначно, оперативно и безошибочно установить компетентный антимонопольный орган до начала расследования». Такая ситуация замедляет правоприменение и требует от участников рынка дополнительных усилий по обоснованию юрисдикции. Размытость критериев порождает объективную необходимость предварительного определения применимого права, что усложняет и работу антимонопольных органов, и деятельность хозяйствующих субъектов. Национальным органам, в свою очередь, приходится сначала исключать компетенцию ЕЭК — задача, практически невыполнимая без доступа к полной информации о рыночных границах. Это подчеркивает потребность в дальнейшей гармонизации подходов к разграничению полномочий.

Правоприменительный арсенал ЕЭК в отношении антиконкурентных соглашений и злоупотребления доминирующим положением включает стандартный набор мер: выдачу предписаний, наложение штрафов и возбуждение дел по заявлениям. Комиссия рассматривает заявления и субъектов хозяйствования, и национальных органов власти, что свидетельствует о доверии к наднациональному регулятору. Однако при соответствии мировым стандартам в части пресечения нарушений инструментарий ЕЭК имеет существенную особенность: «... отсутствие регламентации в антимонопольном законодательстве ЕАЭС контроля слияний, оказывающих существенное влияние на уровень рыночной концентрации» [2, с. 87]. Иными словами, на наднациональном уровне акцент смещен с контроля структуры рынка на контроль поведения участников. При этом ЕЭК наделена полномочиями по пресечению недобросовестной конкуренции, что выделяет её на фоне большинства зарубежных антимонопольных органов, где такие функции часто закреплены за отдельными ведомствами. Как показывают данные, пресечение злоупотребления доминирующим положением и недобросовестной конкуренции составляет около 78% всех поступивших заявлений — это подчёркивает приоритет поведенческого контроля. Таким образом, ЕЭК реализует гибридную модель, сочетающую классическое антимонопольное регулирование с мерами защиты от недобросовестной конкуренции.

Оценка эффективности правоприменения по делам о картелях и злоупотреблении доминирующим положением в ЕАЭС сопряжена со значительными трудностями: сказываются непродолжительный период функционирования интеграционного объединения и нехватка данных. «Основной сложностью при оценке деятельности Евразийской экономической комиссии в области антимонопольного регулирования выступает нехватка данных, что влечет за собой отсутствие возможности полноценного расчета наиболее популярных показателей эффективности деятельности антимонопольного органа» [2, с. 87]. Применение общепринятых индикаторов, например доли наложенных штрафов от числа выявленных нарушений, на данном этапе малопоказательно из-за малого числа завершенных дел. В этих условиях приоритетными направлениями становятся совершенствование национальных антимонопольных законодательств и внедрение гибких инструментов регулирования, позволяющих адаптироваться к недостатку прецедентной базы. ЕЭК уже применяет гибкие формы регулирования — например, рассматривает отдельные категории заявлений без плановых проверок. Повышение эффективности также связывается с устранением сохраняющихся процессуальных расхождений между государствами-членами и с учётом уже сформировавшейся практики при правотворчестве.

Контроль за экономической концентрацией: подходы и особенности

Анализ наднационального антимонопольного регулирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) выявляет его ключевую особенность: в Договоре о ЕАЭС и актах Комиссии не регламентирован контроль сделок экономической концентрации, способных существенно повлиять на уровень рыночной концентрации на трансграничных рынках. Подтверждением тому служит то обстоятельство, что основная деятельность Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) сосредоточена на пресечении злоупотребления доминирующим положением и недобросовестной конкуренции, на долю которых приходится 78% поступивших заявлений [2, с. 87]. Таким образом, приоритет отдаётся контролю поведения хозяйствующих субъектов, а не структурным изменениям рынка.

Этот пробел означает, что сделки, способные привести к значительно усилению рыночной власти отдельных участников на пространстве всего Союза, остаются вне прямого наднационального контроля. Сложившаяся ситуация контрастирует с подходами многих развитых юрисдикций, где предварительный контроль слияний и поглощений — один из центральных инструментов антимонопольной политики. В рамках ЕАЭС отсутствие такого механизма создаёт риски для формирования и поддержания конкурентной среды на общих рынках: стратегические изменения в структуре собственности могут оставаться без должной оценки их влияния на конкуренцию в масштабах всего Союза. Это положение требует критического осмысления, особенно в контексте стремления к углублению экономической интеграции.

На фоне отсутствия наднационального контроля экономической концентрации национальные системы государств-членов ЕАЭС сохраняют самостоятельное и ключевое значение для регулирования сделок на внутренних рынках. Каждая из стран-участниц располагает собственным законодательством и уполномоченными органами, контролирующими слияния и поглощения в пределах своей юрисдикции. Однако применение этих механизмов к сделкам, влияющим на трансграничные рынки, зачастую недостаточно скоординировано с полномочиями ЕЭК. Как отмечается в научных работах, «критерии и правила определения компетенции каждого из этих органов, установленные в Договоре о ЕАЭС и в национальных законодательствах, не позволяют однозначно, оперативно и безошибочно установить компетентный антимонопольный орган до начала расследования» [1, с. 245]. Это создаёт почву для регуляторных разрывов: либо ни один орган не считает сделку подлежащей своему контролю, либо, напротив, возникает конфликт юрисдикций, что особенно вероятно при трансграничном характере концентрации. Это подрывает эффективность антимонопольного регулирования в условиях общего рынка, где границы экономической деятельности зачастую шире государственных. Неопределённость в распределении компетенций, подкреплённая отсутствием единого подхода к определению «трансграничного рынка» является серьёзным барьером для интеграции.

Отсутствие единого механизма контроля экономической концентрации на уровне ЕАЭС напрямую затрудняет всестороннюю и системную оценку влияния крупных сделок на состояние конкурентной среды на всём общем рынке.

Для гармонизации антимонопольного законодательства ЕАЭС необходимо включить наднациональный контроль сделок экономической концентрации в «ядро антитраста» и разработать единые критерии оценки их влияния на конкурентную среду трансграничных рынков. Такой шаг позволит воздействовать не только на поведение участников рынка, но и на его структуру, что соответствует лучшим мировым практикам. Разработка единых критериев должна учитывать специфику трансграничных рынков Союза, обеспечивать предсказуемость для хозяйствующих субъектов и способствовать снижению уровня рыночной концентрации, угрожающего конкуренции.

Механизмы защиты от недобросовестной конкуренции: сравнительный аспект

Полномочия Евразийской экономической комиссии включают пресечение недобросовестной конкуренции, что отличает её от большинства зарубежных антимонопольных органов, где это направление традиционно относится к компетенции национальных регуляторов. Как отмечается, «ЕЭК более диверсифицирована по полномочиям деятельности за счет наличия такого направления регулирования, как пресечение недобросовестной конкуренции, которое, как правило, не относится к антимонопольному праву и преимущественно находится в компетенции национальных органов власти» [2]. Такое расширение сферы наднационального регулирования объективно требует чёткого разграничения компетенции между Комиссией и антимонопольными органами государств-членов, чтобы избежать дублирования функций. Процедура определения компетентного органа в каждом конкретном случае сложна и требует полноценного анализа рынка для выяснения, является ли он трансграничным или национальным [1, с. 248]. Критерии, установленные в Договоре о ЕАЭС, предполагают длительное исследование, поэтому не всегда удается оперативно установить, какой орган должен рассматривать дело. Для предотвращения параллельных расследований необходимо более гибкое распределение полномочий, в основу которого можно положить европейскую модель передачи дел между наднациональным и национальным уровнями [3].

Сравнительный анализ национальных механизмов защиты от недобросовестной конкуренции в ЕАЭС выявляет существенные различия и в правовых подходах государств-членов, и в критериях отнесения дел к трансграничным. Защита конкуренции на национальных рынках осуществляется в рамках скоординированной политики, но высокая степень дискреции государств приводит к неоднородности правоприменения [4]. На трансграничных рынках, напротив, применяется единая политика, однако разграничение компетенции между ЕЭК и национальными органами остаётся неоднозначным.

Сравнительный анализ национальных механизмов защиты от недобросовестной конкуренции в ЕАЭС выявляет существенные различия и в правовых подходах государств-членов, и в критериях отнесения дел к трансграничным. Защита конкуренции на национальных рынках осуществляется в рамках скоординированной политики, но высокая степень дискреции государств приводит к неоднородности правоприменения [4]. На трансграничных рынках, напротив, применяется единая политика, однако разграничение компетенции между ЕЭК и национальными органами остаётся неоднозначным.

Барьеры на пути формирования единого конкурентного пространства ЕАЭС

Формирование единого конкурентного пространства в Евразийском экономическом союзе невозможно без эффективного наднационального контроля за сделками экономической концентрации, способными существенно изменить структуру трансграничных рынков. Однако в антимонопольном регулировании ЕАЭС такой механизм отсутствует, что создает значительный барьер для обеспечения равных условий конкуренции. Хозяйствующие субъекты, действующие на нескольких национальных рынках Союза, фактически остаются без единого регулятора, который оценивал бы совокупные эффекты слияний и поглощений в масштабах всего интеграционного объединения. Этот пробел в правовом инструментарии наднационального органа не позволяет своевременно предотвращать ситуации, когда рост рыночной концентрации на трансграничном уровне ведет к ограничению конкуренции.

Вследствие этого основное внимание антимонопольной политики Союза сосредоточено на контроле поведения участников рынка (злоупотребление доминирующим положением, недобросовестная конкуренция) при минимальном воздействии на структуру рынка. Такая асимметрия между поведенческими и структурными средствами защиты конкуренции — серьёзное препятствие для создания полноценного единого конкурентного пространства. Отсутствие наднационального контроля экономической концентрации влечёт не только сохранение высокого уровня рыночной концентрации на трансграничных рынках, но и размывание ответственности между национальными органами. Каждое государство-член ЕАЭС самостоятельно оценивает сделки слияния в рамках своей юрисдикции, что не позволяет учесть эффекты, выходящие за пределы одной национальной экономики. В результате хозяйствующие субъекты могут пользоваться различиями в национальных режимах контроля концентрации, уходя от комплексной оценки антиконкурентных последствий. Таким образом, дефицит наднационального регулирования сделок экономической концентрации — один из главных системных барьеров на пути формирования единого конкурентного пространства ЕАЭС.

Другой существенный барьер — нерешенная проблема разграничения компетенции между Евразийской экономической комиссией и национальными антимонопольными органами государств-членов. Установленные Договором о ЕАЭС и внутренним законодательством стран критерии не обеспечивают однозначного и оперативного определения органа, уполномоченного проводить расследование по конкретному делу. В научных исследованиях подчеркивается, что «критерии и правила определения компетенции каждого из этих органов, установленные в Договоре о ЕАЭС и в национальных законодательствах, не позволяют однозначно, оперативно и безошибочно установить компетентный антимонопольный орган до начала расследования» [1, с. 245]. Подобная неопределённость создаёт риск конфликтов юрисдикций и затягивания процедур, что

негативно сказывается на эффективности правоприменения. Существующая система разграничения компетенции основана на концепции трансграничных рынков и особых условиях, дифференцированных по видам нарушений. Однако на практике доказать, что рынок является трансграничным, а нарушение затрагивает интересы нескольких государств, затруднительно. Более того, национальный антимонопольный орган, прежде чем начать расследование, должен достоверно исключить, что случай входит в компетенцию Комиссии, — задача, принципиально невыполнимая на этапе наличия лишь первичной информации. Такая конструкция порождает и параллельные расследования, и ситуации, когда ни один орган не считает себя компетентным, оставляя нарушение без реагирования. В итоге несовершенство критериев разграничения полномочий непосредственно тормозит формирование единого конкурентного пространства.

Проблема усугубляется нехваткой данных, необходимых для оценки эффективности наднационального антимонопольного регулирования. Как указывается в аналитических материалах, «основной сложностью при оценке деятельности Евразийской экономической комиссии в области антимонопольного регулирования выступает нехватка данных, что влечет за собой отсутствие возможности полноценного расчета наиболее популярных показателей эффективности деятельности антимонопольного органа» [2, с. 87].

Наряду с указанными системными проблемами важно отметить: Евразийская экономическая комиссия применяет ряд гибких инструментов антимонопольного регулирования, которые в целом соответствуют современным мировым стандартам. В частности, активно используются институты предупреждения и предостережения, а также риск-ориентированный подход при выборе мер реагирования. Эти инструменты позволяют оперативно пресекать антиконкурентное поведение без возбуждения полноценного расследования, когда нарушение не носит грубого характера. Такая практика свидетельствует о стремлении наднационального органа внедрять хорошо зарекомендовавшие себя зарубежные механизмы, снижающие административную нагрузку на бизнес и повышающие эффективность защиты конкуренции.

Повышение эффективности правоприменения в сфере антимонопольного регулирования ЕАЭС требует создания системы сбора и анализа данных о состоянии конкуренции на трансграничных рынках. Необходимо и оценка воздействия антимонопольного регулирования на благосостояние потребителей: как указывается в исследованиях, «в рамках ЕАЭС не проводится анализ воздействия антимонопольного регулирования на общий уровень благосостояния потребителей и развитие экономик стран-участниц интеграционной группировки в целом. Показатели эффективности политики по защите конкуренции определяются исключительно показателями качества работы антимонопольного органа» [2]. Формирование такой системы позволит перейти от формальных показателей к содержательной оценке реального влияния антимонопольной политики на экономику и потребителей.

Проведенный анализ нормативно-правовой базы и правоприменительной практики государств-членов ЕАЭС показал, что заложенные в Договоре о Союзе и актах ЕЭК принципы конкурентной политики в целом соответствуют признанным мировым стандартам. Эта система нацелена на формирование единого конкурентного пространства и предполагает использование гибких инструментов регулирования — институтов предупреждения и предостережения. Вместе с тем, как свидетельствуют результаты сравнительного исследования, эффективность наднационального регулирования существенно снижается из-за неполной гармонизации национальных законодательств с нормами Союза. Сохраняющиеся расхождения в подходах к определению и пресечению нарушений создают препятствия для равных условий ведения бизнеса на всей территории ЕАЭС [2, с. 81]. В частности, в национальных антимонопольных законах наблюдаются существенные различия в процессуальных нормах, критериях определения доминирующего положения и размерах ответственности за нарушения. Это приводит к тому, что одно и то же деяние может квалифицироваться по-разному в зависимости от страны совершения, что противоречит принципу единообразия правоприменения.

Одна из наиболее острых проблем организации антимонопольного регулирования в ЕАЭС — несовершенство критериев разграничения компетенции между Евразийской экономической комиссией и национальными антимонопольными органами. Действующие

нормы не всегда четко определяют, какой орган компетентен рассматривать конкретное нарушение на трансграничном рынке, что порождает правовую неопределенность для участников рынка. Эта ситуация создает риски и дублирования полномочий, и, наоборот, возникновения зон, где контроль фактически отсутствует. В результате затрудняется оперативное пресечение антиконкурентного поведения, особенно в случаях, затрагивающих территорию нескольких государств-членов. Правовая неопределенность в вопросах юрисдикции негативно сказывается и на эффективности контроля за экономической концентрацией: не всегда ясно, какая сделка подлежит согласованию на наднациональном уровне, а какая — на национальном. Как показывают результаты анализа, отсутствие разработанных и законодательно закрепленных инструкций по контролю за слияниями на трансграничных рынках — серьезный пробел в регулировании.

Оценка эффективности деятельности Евразийской экономической комиссии в сфере защиты конкуренции сталкивается с серьезными методическими трудностями, обусловленными прежде всего недостаточным объемом правоприменительной практики. Из-за относительно небольшого срока существования интеграционного объединения и ограниченного числа рассмотренных дел многие традиционные показатели эффективности — доля наложенных штрафов, количество отмененных решений — оказываются неинформативными или вовсе не поддаются расчету. Отсутствие релевантных данных не позволяет провести полноценный анализ воздействия регулирования на состояние конкуренции на трансграничных рынках и тем самым ограничивает возможности для объективных выводов о результативности работы наднационального органа.

Несмотря на перечисленные сложности, в государствах-членах ЕАЭС наблюдается положительная динамика развития конкурентной среды — это подтверждается последовательной реализацией согласованной политики по устранению барьеров на пути интеграции. Деятельность ЕЭК в целом направлена на эффективное реагирование и на внутренние, и на внешние вызовы, включая усиление санкционного давления, что повышает актуальность единых правил конкуренции.

Разработанные в рамках данного исследования рекомендации по гармонизации законодательства государств-членов и совершенствованию процедур определения компетентного органа призваны способствовать повышению эффективности антимонопольного регулирования в Союзе. В частности, предлагается унифицировать критерии разграничения юрисдикции; разработать единые методики анализа рынков и оценки сделок экономической концентрации; усилить координацию между ЕЭК и национальными органами. Реализация этих мер позволит преодолеть выявленные проблемы и создать более предсказуемую и прозрачную систему контроля за соблюдением правил конкуренции. Тем самым будет сделан важный шаг к главной цели — формированию полноценного единого конкурентного пространства на евразийском пространстве.

Литература

1. Сушкевич А.Г. РАЗГРАНИЧЕНИЕ СФЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ В ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2025. — № 3. — С. 245–255.
2. Некрашевич Г. Деятельность ЕЭС по предотвращению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 13. — С. 81–88.
3. Дьяченко Е., Энтин К. Дьяченко Екатерина, Энтин Кирилл Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права конкуренции Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 4. — С. 177–204.
4. Бабкина Е.В., Маскаева Н.Г. Защита от нарушений антимонопольного законодательства: возможности возмещения убытков в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе // Правоведение. — 2019. — № 3. — С. 361–380.

Features of organizing antitrust regulation in the eurasian economic union

Belyakov A.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The deepening of Eurasian economic integration is accompanied by an increase in the number of cross-border transactions and intensified external sanctions pressure, which creates an objective need for uniform and predictable competition rules. Under these conditions, effective antitrust regulation becomes a critical factor: it ensures equal conditions for market participants and the sustainable development of the national economies of the EAEU member states. The relevance of the study is due not only to integration processes but also to the need to adapt antitrust mechanisms to new challenges — the digitalization of markets and restrictive measures imposed by third countries.

The aim of the study is to identify and systematize the specific features of the organization of antitrust regulation in the EAEU, to assess the effectiveness of the existing coordination mechanisms, and to develop practical recommendations for their improvement. To achieve this, three tasks are being addressed: 1) analysis of antitrust regulation at the supranational and national levels (the EAEU Treaty, EEC decisions, laws of member states); 2) comparative analysis of the law enforcement practice of the member states to identify common features and key differences in approaches to regulation and control; 3) identification of the main problems and barriers (lack of data for assessing effectiveness, absence of a unified approach to merger control) and development of scientifically grounded proposals for harmonizing legislation.

Solving these tasks will make it possible to form a comprehensive understanding of the state and prospects of the Union's antitrust policy.

The methodological basis of the work is a comprehensive analysis of regulatory acts (the Treaty on the EAEU, decisions of the EEC, national laws) and materials of law enforcement practice, supplemented by the comparative method. This approach makes it possible not only to identify formal discrepancies in legal regulation but also to assess the real impact of institutional mechanisms on the state of competition.

The conclusions obtained are applicable both for further theoretical research and for the practical adjustment of the EAEU's competition policy.

Keywords: Antitrust regulation, antitrust legislation, antitrust authority, commodity market, cross-border markets, cartel, abuse of a dominant position, economic concentration, EAEU, Eurasian Economic Commission.

References

1. Sushkevich A.G. [Delimitation of Responsibility Spheres of Antimonopoly Regulators in the EAEU] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. – 2025. – № 3. – S. 245–255 (In Russian).
2. Nekrashevich G. [Activities of the EEC in Preventing Violations of Common Competition Rules in Cross-Border Markets] // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2021. – № 13. – S. 81–88 (In Russian).
3. Dyachenko E., Entin K. [Dyachenko Ekaterina, Entin Kirill The Role of Advisory Opinions of the EAEU Court in the Development of Competition Law of the Eurasian Economic Union] // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. – 2021. – № 4. – S. 177–204 (In Russian).
4. Babkina E.V., Maskaeva N.G. [Protection Against Violations of Antimonopoly Legislation: Opportunities for Damages Recovery in the Eurasian Economic Union and the European Union] // Pravovedenie. – 2019. – № 3. – S. 361–380 (In Russian).

Экстерриториальное действие права ЕС: механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) и его совместимость с нормами ВТО

Гаджиева Фатима Гасановна

магистр юриспруденции, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, МГИМО МИД России, gadzhieva_2002@list.ru

В статье анализируется механизм трансграничного углеродного регулирования Европейского союза (СВАМ) как инструмент экстерриториального распространения европейского права. Рассматривается институциональная природа СВАМ, его взаимосвязь с Европейской системой торговли квотами на выбросы (EU ETS) и системой управления, предполагающей контроль за производственными процессами в третьих странах. Особое внимание уделяется сопоставлению СВАМ с нормами Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) 1994 года, включая принципы режима наибольшего благоприятствования, национального режима, тарифных уступок и запрета количественных ограничений. Анализируется возможность обоснования СВАМ через исключения, предусмотренные пунктами (b) и (g) статьи XX ГАТТ. Делается вывод о несоответствии СВАМ требованиям вводного положения статьи XX, запрещающего неоправданную дискриминацию.

Ключевые слова: трансграничное углеродное регулирование, СВАМ, экстерриториальное действие права ЕС, ВТО, ГАТТ, принцип наибольшего благоприятствования, национальный режим.

Евросоюз активно стремится занять лидирующие позиции на мировой арене в сфере климатической политики. В декабре 2019 года был утвержден пакет инициатив «Зеленая сделка», который ставит перед ЕС амбициозную задачу: к 2050 году стать углеродно-нейтральным, а к 2030 году сократить выбросы парниковых газов как минимум на 55%, по сравнению с показателями 1990 г. Эти цели отражают стремление ЕС к радикальному решению проблемы изменения климата. Для достижения поставленных целей ЕС активно внедряет пограничный корректирующий углеродный механизм (СВАМ). Данный механизм утвержден Регламентом ЕС № 2023/956 [8] (начало действия: октябрь 2023 г.).

СВАМ представляет собой механизм, в соответствии с которым импортеры товаров на территорию ЕС обязаны приобретать сертификаты, соответствующие объему выбросов парниковых газов, произведенных при изготовлении данных товаров за пределами союза. Цена сертификатов привязывается к средней недельной цене аукционов в рамках Европейской системы торговли квотами на выбросы (EU ETS). На начальном этапе регулирование распространено на пять товарных групп: цемент, электроэнергию, удобрения, железо и сталь, алюминий, а также водород. В перспективе предполагается расширение перечня охваченных товаров и учет не только прямых, но и косвенных выбросов.

В научной литературе СВАМ нередко характеризуется как инструмент «зеленого протекционизма». А.С. Сибатян, М.Р. Салия отмечают, что, несмотря на экологическую риторику, «Зеленая сделка» на самом деле представляет детально проработанный многоуровневый план действий, направленный на технологический рывок и кардинальную трансформацию экономического курса ЕС [11]. В.Г. Варнавский подчеркивает, что СВАМ имеет все признаки дискриминации, протекционизма и ограничения конкуренции в эколого-производственной сфере по отношению к экспортерам из третьих стран [2].

Экстерриториальное действие права ЕС проявляется в способности союза распространять свои регуляторные стандарты за пределы собственной юрисдикции через рыночные механизмы и требования к доступу на внутренний рынок. В случае СВАМ это выражается в нескольких аспектах: ЕС устанавливает требования к производственным процессам на территории суверенных государств, включая мониторинг и верификацию выбросов парниковых газов, европейские стандарты углеродного ценообразования фактически навязываются третьим странам в качестве условия сохранения доступа на европейский рынок, СВАМ создает стимулы для гармонизации национальных систем углеродного регулирования с европейской моделью, что М.В. Стрежнева характеризует как распространение регуляторной власти ЕС на глобальном уровне [12].

И.Н. Абанина, В.С. Минчичова, Е.В. Оглоблина подчеркивают, что СВАМ одновременно является инструментом «зеленого протекционизма» и способом распространения политики стран ЕС в области «зеленого энергоперехода» на другие страны-экспортеры [1]. Центральным администратором механизма выступает Европейская комиссия, которая определяет методологию расчета выбросов, устанавливает стандартные значения и осуществляет общий надзор. В странах-членах ЕС формируются компетентные органы, ответственные за регистрацию уполномоченных декларантов, выдачу разрешений и ведение национальных реестров сертификатов.

Уполномоченный декларант - центральное звено в системе управления СВАМ. Это лицо, зарегистрированное в ЕС и получившее разрешение на импорт товаров, подпадающих под действие механизма. Декларант обязан подавать квартальные отчеты и ежегодную декларацию СВАМ, приобретать сертификаты, вести их баланс и сдавать их компетентному органу в объеме, соответствующем задекларированным выбросам. Сертификаты имеют номинал в 1 тонну CO₂-эквивалента, действительны в течение двух лет и не поступают в свободное обращение. Цена сертификатов рассчитывается Европейской комиссией как средняя цена на аукционах EU ETS за каждую календарную неделю.

Особую значимость приобретает механизм вычета уплаченной углеродной цены, предусмотренный ст. 9 Регламента ЕС 2023/956 [8]. Н.В. Михайлова, В.Б. Левшенков отмечают, что Регламент ЕС 2025/2083 [9] существенно трансформировал природу этого механизма, позволив учитывать углеродную цену, уплаченную не только в стране происхождения товара, но и в третьих странах, а также введя концепцию «стандартных годовых углеродных цен» [5]. Это означает, что расчет обязательств в рамках СВАМ все в большей степени зависит не от подтвержденных национальных данных, а от методологических решений Европейской комиссии.

Процедура верификации выбросов и подтверждения уплаченной углеродной цены создает значительную административную нагрузку для экспортеров из третьих стран. Аккредитованные верификаторы ЕС обязаны не только удостоверять задекларированные выбросы, но и проводить инспекционные проверки производственных мощностей в третьих странах. В.Г. Варнавский справедливо указывает, что такие проверки подрывают исключительное право правительств третьих стран на контроль и регулирование деятельности национальных предприятий и противоречат международному праву [2]. У ЕС нет легитимных оснований для предъявления требований по экологическому следу продукции производителей, зарегистрированных в третьих странах, поскольку право выдвижения таких требований не закреплено в Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Парижском соглашении [7].

Ключевые разногласия возникают вокруг положений Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года [3], где статьи I, II, III, XI и XX задают конкретные обязательства для стран-членов.

В.В. Сафронова в своем исследовании выделяет три основные группы проблем совместимости норм ГАТТ с механизмом СВАМ: установление дополнительных сборов сверх уровня связывания тарифных обязательств, нарушение режима наибольшего благоприятствования и неравные условия для отечественных и импортных товаров [10].

Ниже представлена таблица, систематизирующая соотношение СВАМ с ключевыми статьями ГАТТ.

Таблица 1
Соотношение СВАМ с нормами ГАТТ 1994 года

Статья ГАТТ	Содержание нормы	Обоснование несоответствия
Статья I (режим наибольшего благоприятствования)	Любое преимущество, предоставляемое товару из одной страны, должно немедленно и безусловно предоставляться аналогичному товару из всех других стран-членов ВТО	СВАМ устанавливает дифференцированный подход в зависимости от наличия и уровня национального углеродного ценообразования в стране происхождения товара, что создает де-факто дискриминацию между странами-экспортерами
Статья II (тарифные уступки)	Страны-члены ВТО не могут вводить импортные пошлины и сборы, превышающие связанные тарифные ставки, за исключением внутренних налогов в соответствии со статьей II:2(a)	СВАМ может рассматриваться как дополнительный сбор, превышающий связанную тарифную ставку ЕС. Отнесение СВАМ к внутренним налогам проблематично из-за отсутствия прямой связи между платежом и товаром как таковым
Статья III:2 (национальный режим - внутреннее налогообложение)	Импортные товары не должны облагаться внутренними налогами или сборами, превышающими налоги и сборы, применяемые к аналогичным отечественным товарам	При сохранении бесплатных квот для европейских производителей в рамках EU ETS импортеры оказываются в неравном положении по сравнению с отечественными производителями, что нарушает принцип национального режима
Статья III:4 (национальный режим - внутреннее регулирование)	Законы, постановления и требования, касающиеся внутренней продажи, предложения к продаже, покупки, транспортировки, распределения или использования товаров, не должны применяться так, чтобы предоставлять защиту отечественному производству	СВАМ представляет собой регуляторное требование к импорту, которое может предоставлять защиту отечественному производству, особенно если учитывать сохранение бесплатных квот для европейских производителей в переходный период
Статья XI:1 (общая отмена количественных ограничений)	Запрещаются запреты или ограничения импорта в форме квот, лицензий или других мер, кроме пошлин, налогов и сборов	Если СВАМ не будет признан налогом или сбором, а будет квалифицирован как регуляторное ограничение, он может подпадать под запрет статьи XI:1
Статья XX(b) (общие исключения - защита жизни и здоровья)	Меры, необходимые для защиты жизни или здоровья человека, животных и растений, допускаются как исключения из других обязательств ГАТТ	Сокращение выбросов парниковых газов теоретически может рассматриваться как необходимое для защиты жизни и здоровья

		вля человека от последствий изменения климата, однако, доказательство необходимости и отсутствия менее ограничительной альтернативы представляет значительную трудность
Статья XX(g) (общие исключения - сохранение истощаемых природных ресурсов)	Меры, относящиеся к сохранению истощаемых природных ресурсов, если такие меры применяются одновременно с ограничениями внутреннего производства или потребления	Климат или углеродный бюджет могут рассматриваться как истощаемый природный ресурс, однако СВАМ вводится без одновременного ограничения внутреннего производства или потребления, что ставит под сомнение возможность применения данного исключения
Вводное положение статьи XX	Меры не должны применяться таким образом, чтобы стать средством произвольной или неоправданной дискриминации между странами, где преобладают одинаковые условия, или скрытым ограничением международной торговли	СВАМ носит односторонний характер, не предполагая предварительных переговоров с затронутыми странами, создает избыточные условия для разных стран-экспортеров и может рассматриваться как скрытое ограничение торговли

Статья I ГАТТ устанавливает принцип наибольшего благоприятствования, согласно которому любые преимущества, предоставляемые товару из одной страны, должны немедленно и безусловно распространяться на аналогичные товары из всех других стран-членов. СВАМ предполагает учет национальной углеродной цены, уплаченной в стране происхождения товара, что создает дифференцированный режим для разных стран-экспортеров. Страны с развитыми системами углеродного ценообразования могут претендовать на вычет уплаченной цены, в то время как страны без таких систем оказываются в менее благоприятном положении. Если требовать от иностранных производителей углеродных платежей по европейским меркам и при этом освобождать от них производителей европейских, то это вступает в противоречие с экологической логикой, на которую опираются EU ETS и СВАМ [12].

Статья II ГАТТ обязывает страны-члены не вводить импортные пошлины и сборы, превышающие связанные тарифные ставки. СВАМ может быть квалифицирован как дополнительный сбор, взимаемый сверх тарифных обязательств ЕС. Европейская комиссия настаивает на том, что СВАМ не является ни таможенной пошлиной, ни импортным налогом, а представляет собой корректирующий механизм. Однако, как справедливо замечает А.С. Никитин, такая квалификация вызывает сомнения, поскольку СВАМ обладает всеми признаками фискального сбора и не имеет прямой связи с регулированием внутреннего рынка [6].

Статья III ГАТТ закрепляет принцип национального режима, запрещающая дискриминацию импортных товаров по сравнению с отечественными. В случае СВАМ эта проблема приобретает особую остроту в контексте постепенного вывода из оборота бесплатных квот EU ETS. В переходный период (до 2034 года) европейские производители сохраняют право на бесплатные квоты, в то время как импортеры уже обязаны приобретать сертификаты СВАМ. Такая асимметрия создает неравные конкурентные условия и может рассматриваться как нарушение статьи III:4 ГАТТ. С.В. Комендантов [4] указывает, что реальные цели ЕС - оградить свои отрасли от добросовестных иностранных производителей и решить проблемы собственной неэффективности.

Статья XI ГАТТ запрещает количественные ограничения импорта. Хотя СВАМ формально не вводит квоты или лицензии, его регуляторный характер и разрешительный порядок ввоза товаров (только при наличии разрешения уполномоченного декларанта) могут быть квалифицированы как «другие меры», подпадающие под запрет статьи XI:1.

Попытка обосновать СВАМ через исключения, предусмотренные статьей XX ГАТТ, сталкивается с рядом существенных препятствий. Рассмотрим последовательно возможность применения пунктов (b) и (g) этой статьи, а также требования вводного положения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов относительно экстерриториального действия права ЕС через СВАМ и его совместимости с нормами ВТО. СВАМ вносит революционные изменения в глобальную торговлю, распространяя европейские стандарты за пределы ЕС. Система предполагает пристальный контроль над производством в других странах, с

использованием инспекций и проверок со стороны европейских верификаторов. Такой подход ставит под сомнение суверенитет экспортирующих стран и нарушает ключевые принципы международного права, такие как невмешательство во внутренние дела. Международное сообщество не предоставило ЕС полномочий для осуществления подобного рода контроля. Кроме того, CBAM не соответствует ряду ключевых положений ГАТТ 1994 года. Механизм нарушает принцип наибольшего благоприятствования (статья I) через дифференцированный учет национальных систем углеродного ценообразования. Он создает риски превышения связанных тарифных обязательств (статья II). При сохранении бесплатных квот для европейских производителей CBAM нарушает принцип национального режима (статья III). Регуляторный характер механизма и разрешительный порядок ввоза товаров могут рассматриваться как нарушение запрета количественных ограничений (статья XI). Для минимизации негативных последствий CBAM государствам-экспортерам, включая страны ЕАЭС, целесообразно разрабатывать собственные системы углеродного ценообразования, институционально совместимые с европейской моделью, но учитывающие национальные условия.

CBAM неизбежно повлияет на международную торговлю, став вызовом для экспортеров товаров с высоким углеродным следом. Тем не менее, его законность вызывает серьезные вопросы. Введение новых правил в сфере глобальной климатической политики и регулирования необходимо осуществлять под руководством ООН. Введение односторонних мер ставит под сомнение принципы Всемирной торговой организации и подрывает основу многостороннего сотрудничества в сфере международной торговли и борьбы с изменением климата.

Литература

1. Абакина И.Н., Минчичова В.С., Оглоблина Е.В. Эндогенные и экзогенные противоречия введения пограничного корректирующего углеродного механизма в европейском союзе // *Modern Economy Success*. 2023. № 2. С. 42-50.
2. Варнавский В.Г. Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 1. С. 5-15. DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15.
3. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года. Официальный сайт Всемирной торговой организации. URL: <https://www.wto.org/> (дата обращения: 10.06.2026).
4. Комендантов С.В. О пограничном корректирующем углеродном механизме ЕС и его обжаловании в ВТО // *Электронное сетевое издание "Международный правовой курьер"*. 2025. № S6(31). С. 67-69.
5. Михайлова Н.В., Левшенков В.Б. Механизм вычета уплаченной углеродной цены в механизме трансграничного углеродного регулирования ЕС: политические эффекты и институциональные конфликты // *Общество: политика, экономика, право*. 2026. № 4. С. 14-23. <https://doi.org/10.24158/pep.2026.4.1>.
6. Никитин А.С. Механизм пограничной углеродной корректировки Европейского Союза в свете права Всемирной торговой организации // *Международное правосудие*. 2024. Т. 14. № 1(49). С. 136-154. DOI 10.21128/2226-2059-2024-1-136-154.
7. Парижское соглашение по климату 2015 года. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.06.2026).
8. Регламент Европейского Союза 2023/956 от 10 мая 2023 года, устанавливающий механизм пограничной углеродной корректировки. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R0956> (дата обращения: 10.06.2026).
9. Регламент Европейского Союза 2025/2083 от 15 апреля 2025 года, вносящий изменения в Регламент 2023/956 в части механизма

вычета уплаченной углеродной цены. URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 10.06.2026).

10. Сафронова В.В. Несовместимость трансграничного углеродного регулирования ЕС с правом ВТО: каким должен стать ответ ЕАЭС? // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2024. № 3. С. 113-126. DOI 10.24412/2072-8042-2024-3-113-126.

11. Смбалян А.С., Салия М.Р. Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС в свете основополагающих международных договоров в области окружающей среды // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 5(162). С. 144-158. DOI 10.17803/1994-1471.2024.162.5.144-158.

12. Стрежнева М.В. Углеродный сбор Евросоюза: на пересечении климатической и внешнеторговой политики // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2023. Т. 18. № 2. С. 53-67. DOI 10.17323/1996-7845-2023-02-03.

Extraterritorial application of eu law: the carbon border adjustment mechanism (cbam) and its compatibility with wto rules

Gadzhieva F.G.

MGIMO University

This article examines the European Union's Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) as an instrument for the extraterritorial application of EU law. It considers the institutional nature of CBAM, its relationship with the European Union Emissions Trading System (EU ETS), and its governance framework, which entails oversight of production processes in third countries. Particular attention is paid to the consistency of CBAM with the provisions of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (GATT 1994), including the principles of most-favoured-nation treatment, national treatment, tariff concessions, and the prohibition of quantitative restrictions. The article further assesses whether CBAM may be justified under the general exceptions set out in Article XX(b) and Article XX(g) of GATT 1994. It concludes that CBAM fails to satisfy the requirements of the chapeau of Article XX, which prohibits arbitrary or unjustifiable discrimination.

Keywords: Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM, extraterritorial application of EU law, WTO, GATT, most-favoured-nation treatment, national treatment.

References

1. Abanina I.N., Minchichova V.S., Ogloblina E.V. Endogenous and exogenous contradictions of the introduction of a border carbon correction mechanism in the European Union // *Modern Economy Success*. 2023. No. 2. pp. 42-50.
2. Varnavsky V.G. Cross-border carbon regulation of the European Union: a new instrument of global governance // *World economy and international relations*. 2023. Vol. 67. No. 1. pp. 5-15. DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15.
3. General Agreement on Tariffs and Trade of 1994. The official website of the World Trade Organization. URL: <https://www.wto.org/> (date of application: 06/10/2026).
4. Komendantov S.V. On the EU border carbon correction mechanism and its appeal to the WTO // *Electronic online publication "International Legal Courier"*. 2025. № S6(31). pp. 67-69.
5. Mikhailova N.V., Levshenkov V.B. The mechanism of deduction of the paid carbon price in the EU cross-border carbon regulation mechanism: political effects and institutional conflicts // *Society: politics, economics, law*. 2026. No. 4. pp. 14-23. <https://doi.org/10.24158/pep.2026.4.1>.
6. Nikitin A.S. The mechanism of border carbon adjustment of the European Union in the light of the law of the World Trade Organization // *International justice*. 2024. Vol. 14. No. 1(49). pp. 136-154. DOI 10.21128/2226-2059-2024-1-136-154.
7. The 2015 Paris Climate Agreement. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (date of reference: 06/10/2026).
8. European Union Regulation 2023/956 of May 10, 2023, establishing a mechanism for carbon boundary adjustment. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R0956> (accessed: 06/10/2026).
9. European Union Regulation 2025/2083 of April 15, 2025, amending Regulation 2023/956 regarding the mechanism for deducting the paid carbon price. URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (date of reference: 06/10/2026).
10. Safronova V.V. Incompatibility of EU cross-border carbon regulation with WTO law: what should be the EAEU's response? // *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2024. No. 3. pp. 113-126. DOI 10.24412/2072-8042-2024-3-113-126.
11. Smbatyan A.S., Salia M.R. The EU border carbon correction mechanism in the light of fundamental international treaties in the field of the environment // *Actual problems of Russian law*. 2024. Vol. 19. No. 5(162). pp. 144-158. DOI 10.17803/1994-1471.2024.162.5.144-158.
12. Strezhneva M.V. The carbon tax of the European Union: at the intersection of climate and foreign trade policy // *Bulletin of International Organizations: education, Science, New Economy*. 2023. Vol. 18. No. 2. pp. 53-67. DOI 10.17323/1996-7845-2023-02-03.

Теоретическая концепция юридической техники кодификации уголовного закона

Глушкова Елена Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Уральский институт дополнительного профессионального образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»; Нотариус; член Российской криминологической ассоциации, elena.zatsepina@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретической концепции юридической техники кодификации уголовного закона. Теоретическая концепция юридической техники неразрывно связана с формированием доктрины уголовного права. Именно доктрина вырабатывает средства юридической техники. Разработанная доктриной и принятая юридическим научным сообществом юридическая конструкция выступает некоей идеальной моделью, с помощью которой возможно теоретически осмыслить, а затем нормативно закрепить. Иными словами, доктринальную юридическую конструкцию следует рассматривать как мыслительный образ соответствующих правовых явлений. На текущий момент преобладающая точка зрения определяет кодификацию как составление, упорядочивание и систематизацию права или предметной области в рамках закона (книги). Это классическое определение, однако, представляет собой лишь самый низкий общий знаменатель различных концепций кодификации, встречающихся в литературе. Вопрос о том, в какой степени две определяющие характеристики — составление и систематизация — необходимы для кодификации, является особенно спорным и в значительной степени открытым для дискуссии. Строгие требования прежнего идеалистического подхода к кодификации в последние десятилетия, по мнению ряда исследователей, все больше смягчаются. По прагматическим причинам сегодня цель уже не состоит в полном, окончательном, последовательном, систематическом регулировании, основанном на фиксированных аксиомах, или даже во всесторонней фиксации всех фактов. Согласно распространенному мнению, достаточно проникновения в конкретную, ограниченную область права, что выражает стремление к согласованности, стандартизации, и рационализации законодательства. Такое широкое понятие позволяет законодателю проявлять абстракцию и гибкость при создании «кодификации».

Ключевые слова: теоретическая концепция, юридическая техника, кодификация, уголовный закон, систематизация.

Наше исследование исходит из рабочей гипотезы, вытекающей из широкого понятия кодификации, принятого в научной литературе, которое, однако, уточняется более четким разграничением ее предпосылок в доктрине. Этот широкий аналитический подход направлен не столько на то, чтобы дать ответ на довольно непродуктивный вопрос о том, соответствуют ли определенные нормативные акты заранее определенным концептуальным требованиям кодификации или нет. Скорее, он в первую очередь позволяет провести дифференцированную оценку того, в какой степени правовые тексты соответствовали различным предпосылкам и целям идеи кодификации.

Конститутивными предпосылками кодификации, согласно определению Бенета, являются элементы записи и легализации; составление и систематизация правового материала; регулирование и законодательное закрепление.

Фундаментальным условием и целью кодификации является, прежде всего, письменное документирование соответствующих норм. Это должен сделать разработчик правил, чтобы сформировать осмысленное понятие кодификации. Кроме того, это должно быть сделано органом, устанавливающим стандарты, для формирования осмысленной концепции кодификации. Впрочем, письменная документация частного собрания законов — или современного учебника — также способствует правовой определенности. Однако ей не хватает авторитета соответствующего органа, устанавливающего стандарты. Поэтому письменная кодификация, в смысле самой идеи кодификации, по существу требует юридической кодификации в смысле континентальной европейской традиции. Эти элементы письменной и юридической кодификации — отдельные из которых присущи самой концепции кодификации — сегодня настолько распространены, что часто не упоминаются отдельно в соответствующей литературе.

В гражданском праве они не столь значимы, как в континентальном уголовном праве, которое характеризуется особыми защитными требованиями и в котором законодательство играет основополагающую роль во многих областях — особенно благодаря принципу *nullum crimen* [4]. В уголовном праве общего права традиционно отсутствует подобная абстрактная кодификация, но в последнее время наблюдается также сильная тенденция к законодательной кодификации [8].

Вторым необходимым условием кодификации является, на наш взгляд, объединение большего числа связанных между собой нормативных актов в единый закон. Однако по ряду причин подобная компиляция может быть реализована лишь в ограниченной степени.

Во-первых, полное изложение всех фактов, которое требовалось в более ранних проектах кодификации (к примеру, в Своде законов Российской Империи 1832 г. (из которых только том XV относился к уголовному праву), — как уже объяснялось, — недостижимо. Поскольку многообразие и сложность жизненных обстоятельств не могут быть охвачены законом, толкование статутного права, которое неизбежно абстрагируется, является незаменимым. Позволим здесь высказать осторожное предположение, что в современных реалиях быстроменяющейся жизни общества, можно признать методологически несовершенной, например, идею запрета легального комментирования уголовного закона судьями [3], основанную на высказывании Ш.Л. Моньескье, что судья не может заниматься толкованием, а является лишь «рупором закона» [9].

Поэтому компиляция соответствующих нормативных актов может содержательно относиться только к «формальной компиляции» существующего законодательства. В качестве «материальной компиляции» она может быть распространена и на законодательство, необходимое *de lege ferenda*. Однако такое расширение добавило бы к определению кодификации еще одну свободу усмотрения в области правовой политики, которая требует строгих суждений, и поэтому ее следует рассматривать как отдельный исследовательский вопрос о неизбежно существующих пробелах в уголовном законодательстве.

Во-вторых, существенное ограничение требования о составлении свода законов возникает — даже когда оно ограничивается составлением свода законов — из-за его ограничения положениями

того же законодательного органа. Таким образом, полнота кодификации ограничена, особенно в многоуровневых системах.

Например, в правовом плюрализме XIX в. кодификационные достижения Уложения 1845 года были, таким образом, по своей сути ограничены имперским правом и не могли включать многочисленные существующие законы (Устав о ссыльных 1822 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г.) – как это впоследствии смог сделать единый уголовный кодекс в Советский период развития России.

В-третьих, еще одно неотъемлемое ограничение компиляции возникает из-за того, что некоторые положения одновременно относятся к нескольким областям регулирования, охватываемым частичными компиляциями. В этом случае законодательный орган должен решить, отнести ли эти положения к той или иной кодификации. Это неизбежно приводит к тому, что одна из двух кодификаций становится «неполной».

В четвертых, невозможность всеобъемлющего объединения всех соответствующих нормативных актов в одном законе может также в еще большей степени быть следствием большого количества соответствующих норм. Полнота кодификации может привести к недостаточной ясности и, следовательно, к достижению желаемых целей концепции кодификации в меньшей степени, чем сознательный отбор важных норм.

Это особенно очевидно в русском уголовном праве XIX в. в специальной части материального уголовного права. Полный перечень всех уголовных преступлений включал бы не только несколько сотен преступлений, предусмотренных действующим Уголовным кодексом (Уложением 1845 г.), но и гораздо большее количество преступлений, предусмотренных вспомогательным уголовным правом (упомянутыми уже нами Уставом о ссыльных, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями). Как показывает современное российское уголовное законодательство, попытка составления такого всеобъемлющего списка может, из-за большого количества соответствующих преступлений, привести к широкому, общим положениям о преступлениях или кратким описаниям наказуемых областей.

Оба подхода могут оказаться контрпродуктивными для целей кодификации — более подробно рассмотренных ниже, — в частности, для правовой определенности и регулирования поведения граждан.

Поэтому в области материального уголовного права сосуществование Уголовного кодекса (Уложения 1845 г.) и вспомогательных законов (Устава о ссыльных, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) установилось в России еще в XIX в.

Даже достаточно хорошо проработанное Уложение 1845 г. не смогло обойтись без дополнительных положений, касающихся правонарушений ссыльных и каторжных.

В пятых. Объем сборника определяется не только количественной степенью его полноты, но также, и, возможно, что более важно, планом кодификации законодателя и его тематическими ограничениями.

Данный план имеет широкий спектр применения, от «крупных» общих кодификаций до «небольших» региональных кодификаций. Последние, в свою очередь, могут привести к формированию согласованного «кодификационного большинства» или «книжной системы» [10].

Таким образом, «составление» необходимых для кодификации норм не может быть просто оценено как данное или нет с помощью решения «да/нет». Скорее, требование составления в первую очередь сводится к вопросу о том, в какой степени оно уже достигнуто или достижимо – осмысленным образом. В этом контексте качественные аспекты, помимо количественных, также имеют решающее значение и тесно связаны с целями кодификации.

Систематизация и догматизация соответствующих нормативных актов являются решающими шагами от составления до кодификации. Систематизация достигается, прежде всего, путем группировки положений в различные подотрасли права и их дальнейшего подразделения, соответствующей систематической структуры правового труда (которая формально отражена в заголовках разделов), абстрагирования общих нормативных актов, догматического анализа предмета и применения определенных руководящих принципов. Абстрагирование общих нормативных актов от конкретных норм часто приводит к «общим частям», в которых нормативные акты, касающиеся различных преступлений, кодифицируются в целом для множества сценариев, т.е. они технически располагаются

«перед» нормативными актами по отдельным делам. В уголовном праве соответствующее развитие началось достаточно рано и способствовало развитию общих принципов для всех уголовных преступлений [4].

Формирование такой системы часто является результатом догматического развития правовой сферы, а также фундаментальных соображений правовой политики [7].

Влияние научных исследований в этой области особенно велико. Их вклад заключается как в содержательном анализе права, так и в совершенствовании законодательных методов. Научный подход часто выражается в более высокой степени абстракции, присущей новому законодательству по сравнению с предыдущим законом, и которая также представляет собой явное отличие от прецедентного права общего права.

К оценке систематизации применяются те же принципы, что и к оценке составления.

Здесь тоже речь идет не просто о решениях «да/нет», а прежде всего о вопросе, насколько эффективно это было достигнуто. Однако полученный результат нельзя оценить исключительно количественно и без учета целей кодификации, которые лежат в основе критериев ее качественной оценки и будут рассмотрены более подробно ниже.

Проанализированные ранее предпосылки кодификации – легализация, составление и систематизация – позволяют достичь различных целей, начиная от правовой определенности и рациональности и заканчивая реализацией конкретных идей и правовой гармонизацией, а также приобретением регулирующей власти и авторитета у регулирующего органа. Реализация этих целей на практике с помощью конкретного законодательного акта зависит не только от намерений, но и от мастерства соответствующего законодателя.

Правовая определенность обеспечивается прежде всего посредством кодификационных элементов, таких как письменная и законодательная кодификация, составление и систематизация. В истории развития русского уголовного права, в частности, Уложение 1845 г. иллюстрирует повышение правовой определенности, достижимое посредством простой кодификации права. Кроме того, кодификация гарантирует авторитет, законность, легитимность и определенную степень стабильности права. Составление свода законов может дополнительно обеспечить ограниченную гарантию полноты соответствующих норм и предотвратить «атомизацию» права. Систематизация также способствует правовой определенности, прежде всего, облегчая доступ к праву посредством четкого регулирования в рамках единого закона и обеспечивая основу для (особенно систематического) толкования и развития права.

Достигнутая таким образом в XIX – начале XX вв. правовая определенность в русском уголовном праве стала выражением принципа верховенства права и гарантировала предсказуемость права. Она являлась выражением рациональности государства и позволяла осуществлять его контроль за уголовно-правовой сферой жизни общества. Кроме всего прочего, это гарантировало, что посяательства на права поданных будут предсказуемыми, поддающимися расчету и проверке.

Это ограничивало, к примеру, произвол и злоупотребление властью в процессуальных принудительных мерах и лучше защищало поданных. Таким образом, аспект правовой определенности стал в XIX в. частью либерального понимания уголовного права, которое устанавливает видимые и четкие ограничения государственной власти. Кроме того, осмысленная систематизация закона позволила обосновывать более убедительные действия и, следовательно, обеспечивать лучшую легитимность отдельных результатов применения закона. В долгосрочной перспективе такая прозрачность и надежность должна была укрепить доверие российских поданных к правовой системе. В конечном итоге, это также позволяло законодателю осуществлять самоконтроль, четко понимая, какие действия подлежат каким государственным санкциям и при каких условиях. Это облегчало постоянный мониторинг и адаптацию закона к изменениям в обществе.

С составлением и систематизацией тесно связаны цели кодификации как рационально обоснованного и усовершенствованного права. Рациональность законодательства уже обеспечивается простым составлением свода существующих нормативных актов, поскольку это позволяет рассматривать взаимосвязанные элементы в их контексте. Логический анализ, связанный с систематическими и рациональными методами законодательной деятельности, также

способствует рациональности содержания закона. Он делает аргументы и оценочные суждения, лежащие в основе нормативного акта, более наглядными, позволяет использовать рациональные обоснования и выявляет ложные аргументы. Если законодатель принимает решения, отклоняющиеся от общих принципов или принимающие иррациональные решения, кодификация четко это демонстрирует и должна обосновывать себя гораздо легче, чем если бы эти отклонения не были очевидны. Однако систематика и институциональное развитие не только служат рациональности законодательства, но и поддерживают толкование и дальнейшее развитие права [5]. Внутренняя согласованность аргументации может укрепить чувство справедливости, присущее системному мышлению [2]. Кроме того, резолюты становятся более понятными, особенно для гражданина, подпадающего под действие закона, и, таким образом, улучшают его принятие закона. Влияние систематической и рациональной законодательной техники на соответствующее содержание права очевидно в уголовном праве, например, в последовательном применении положений Общей части к различным преступлениям, рассматриваемым в Особенной части: любое расширение или ограничение преступления по сравнению с общими нормами, например, в отношении субъективных элементов или иного начала покушения, должно быть четко регламентировано и, таким образом, становится общеизвестным. Аспект рационального обоснования и прозрачности оценочных суждений также играет важную роль в Особенной части для защиты правовых интересов при декриминализации или расширения перечня преступлений.

Правовая реальность показывает, что кодификация часто служила и служит для навязывания определенных идей и, следовательно, для фундаментальных системных изменений [1]. В этом контексте часто существует тесная связь с юридической наукой, чьи догматические основы и нововведения регулярно базируются на таких — зачастую новых — идеях. Однако нет автоматической связи между внедрением новых идей и их кодификацией. Скорее, внедрение конкретной идеи должно активно осуществляться законодателем. В таких случаях кодификация оказывается очень эффективным инструментом. Это объясняется прежде всего тем, что она, как правило, охватывает все соответствующие нормы, и благодаря своей систематизации и всеобъемлющим общим положениям влияет на содержание многочисленных других нормативных актов и, следовательно, может с помощью лишь нескольких корректировок привести к фундаментальным изменениям или даже к изменению другого закона.

Таким образом, значимые кодификации уголовного права в русской истории были почти все связаны с признанием новых идей, которым они либо способствовали прорыву, либо которые они обобщали.

Во многих случаях кодификация в русской истории служила определенной идее: преодолению правовой фрагментации и созданию правового единства начиная с 1497 г. (также как символ политического единства). Поскольку правовая фрагментация существует внутри правовой системы и основана на множестве различных законов, неписаных правил или противоречивой юриспруденции, правовое единство достигается прежде всего путем компиляции и систематизации разрозненных нормативных актов, описанных выше. Однако истинное значение кодификации для правового единства заключается в преодолении фрагментации на различные — частные или национальные — правовые системы.

Это объясняется тем, что ее всеобъемлющее регулирование особенно хорошо подходит для устранения прежних правовых источников. Таким образом, например, европейские кодификации, появившиеся в XVIII и XIX вв., быстро вытеснили римское право, которое ранее носило второстепенный характер, местные нормы, которые продолжали применяться и после распада Священной Римской, а также частные законы наряду с государственным правом. В Российской Империи такая попытка была предпринята сравнительно поздно, в первой половине XIX в. посредством принятия Уложения 1845 г. Последнее, в какой-то мере, устранило существовавшее ранее разнообразие государственных уголовных законов. В этом кодификационном движении, помимо правового единства, свою роль играл и формирующий идентичность эффект общей кодификации, проведенной М.М. Сперанским в 30-е гг. XIX в. Таким образом, идея кодификации исторически — в XIX и XX вв. — также являлась инструментом реализации идеи национального российского государства [6].

Фрагментация на отдельные уголовные законы, которая была уменьшена кодификацией, невыгодна для уголовного права — особенно в экономически и политически тесно взаимосвязанных областях — поскольку различные нормы уголовного права, из-за высокой степени вмешательства, препятствуют сотрудничеству в области уголовного права между различными сферами жизни общества. Поэтому создание правового единства особенно важно в уголовном праве. Речь идет не только о трудностях применения различных законов на разных территориях. Кроме того, сложно объяснить гражданину, почему основанное на разуме уголовное право, философские основы которого распространяются на целую «нацию», на деле, из-за сосуществования многочисленных уголовных законов, объявляет разные действия наказуемыми и предусматривает разные наказания. Поэтому правовая гармонизация тесно связана с равенством всех граждан (которое, однако, не распространяется автоматически на федеративно (или псевдофедеративно) структурированные территории, которые были в разные периоды времени в составе Российской Империи (Финляндия, Польша).

На практике кодификация часто также служит для укрепления авторитета и власти. Это основано на формальных и содержательных причинах: формальное усиление авторитета, связанное с кодификацией, регулярно проявляется — даже в историческом контексте — в законодательной компетенции, которая всесторонне используется посредством кодификации, особенно в обнаружении норм и связанном с этим требовании суверена к соблюдению этих норм (пример тому, царские манифесты). Более высокий уровень абстракции кодификации и, как следствие, более ориентированная на будущее регулятивная техника означают, что законодательное влияние, как правило, имеет большее значение при создании кодификации, чем при принятии отдельных нормативных актов.

Однако более важным, чем формальная компетенция на законотворчество, является определение содержательной части кодификации. Сбалансированная кодификация может создать у гражданина впечатление «справедливого» законодательства и тем самым укрепить авторитет государства. Государственная власть и авторитет находят свое выражение, в частности, в уголовном праве, поскольку это исключительная ответственность государства. Только оно решает, что наказуемо, при каких условиях и с какими санкциями. В случае всеобъемлющего и долгосрочного уголовного законодательства это укрепляющее авторитет влияние особенно сильно.

Таким образом, согласно проведенному анализу, концепция кодификации представляет собой скорее дополнение трех важных элементов хорошего нормативного проектирования, каждый из которых по отдельности, но особенно в их взаимодействии, может привести к улучшению законодательства и достижению дальнейших целей. Три требования — легализация, составление и систематизация стандартов — даже по отдельности являются необходимыми условиями для любого хорошего законодательства. Поэтому они должны применяться не только к основным законам столетия, но и ко многим их незначительным поправкам.

Кодификация, часто определяемая в литературе как составление, организация и систематизация законов, характеризуется тремя формальными предпосылками. Это письменная кодификация и легализация; составление и систематизация правовых положений законодателем. Предпосылки составления и систематизации могут быть выполнены в большей или меньшей степени и с различным качеством результирующего закона.

Три предпосылки кодификации обладают — каждая в отдельности, но особенно в их взаимодействии — значительным потенциалом для достижения определенных правовых и политических целей. Эти возможные цели включают в себя в частности: правовую определенность, рациональность и совершенствование права, реализацию конкретных идей, создание правового единства и усиление власти и авторитета законодателя.

Правовая определенность возникает посредством кодификации прежде всего за счет письменного и законодательного оформления закона, а также за счет составления и систематизации положений, которые благодаря этому становятся более доступными. Правовая уверенность гражданина в защите от государственного произвола, особенно важная в уголовном праве, гарантируется законодательной кодификацией в специфической форме принципа *nullum crimen*. Рациональность и (особенно законодательное) совершенствование права являются результатом компиляции и систематизации норм.

Эффективная реализация идей посредством кодификации имеет несколько причин: кодификация, посредством своей компиляции, включает в себя множество соответствующих норм и, таким образом, может привести к всесторонней реформе. Их систематизация, и часто также размещение общей части в начале, приводит к строгой законодательной технике, которая делает отклонения прозрачными и позволяет систематически интерпретировать в соответствии с ее основной идеей. Законодательный процесс в рамках регулируемой процедуры, а также длительный процессуальный путь кодификации, придают закону и лежащей в его основе идее дополнительную легитимность.

Благодаря этим качествам кодификация особенно хорошо подходит для достижения правовой гармонизации. Всестороннее составление, систематическая связь норм в рамках более широкого свода законов и обещание рационального и всеобъемлющего решения проблемы, основанного на убедительной идее, заложенной в кодификации, могут легко вытеснить другие нормативные акты в целом.

По тем же причинам кодификация может способствовать усилению авторитета и власти законодателя, который эффективно демонстрирует свою компетентность посредством всестороннего составления, систематического и рационального регулирования и реализации конкретной идеи.

Благодаря своему систематизированному и процессуальному подходу кодификация часто приводит не только к улучшению процесса законодательного регулирования, но и к созданию «существенно превосходного» закона. Однако в этом отношении нет обязательной связи с конкретными содержательными ценностями: в этом смысле кодификация является «инструментом двойного назначения»: она может юридически защищать гражданские свободы граждан в демократии так же эффективно, как и способствовать их нарушению в антидемократических режимах.

Литература

1. Власенко Н.А., Черногор Н.Н., Абрамова А.И., Чернобель Т.Г., Дворникова О.А., Маленко Т.В. Кодификация законодательства и эффективный механизм правового регулирования // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 154-162;
2. Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-yurisprudentsii-teoretiko-metodologicheskie-osnovy/viewer> (дата обращения: 30.05.2026).
3. Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 221 с.
4. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. I. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1907. 535 с.
5. Тихомиров Ю.А. О теории правового регулирования: сравнительный анализ // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 5-13.
6. Bühler T. Gewohnheitsrecht – Enquête – Kodifikation. Zürich, 1977. 192 s.
7. Dubber M. Reforming American Penal Law // Journal of American Criminal Law and Criminology. 1999. Vol. 90. [Электронный ресурс]: URL: <https://scispace.com/pdf/reforming-american-penal-law-4668o01jst.pdf> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Montesquieu C. Vom Geist der Gesetze. Genf 1748. XI. Buch, 6. Kapitel. Stuttgart, 2001. 211 s.
9. Rethorn D. Kodifikationsgerechte Rechtsprechung. Berlin, 1979. 184 s.

Theoretical concept of the legal technique of codification of criminal law Glushkova E.M.

Ural Institute of Additional Professional Education, "All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)"; Russian Criminological Association

This article analyzes the theoretical concept of the legal technique of codifying criminal law. The theoretical concept of legal technique is inextricably linked to the development of criminal law doctrine. It is doctrine that develops the tools of legal technique. The legal framework developed by doctrine and accepted by the legal academic community serves as an ideal model, enabling theoretical understanding and then normative codification. In other words, the doctrinal legal framework should be viewed as a mental image of the relevant legal phenomena. Currently, the prevailing view defines codification as the compilation, organization, and systematization of law or a subject area within a statute (book). This classical definition, however, represents only the lowest common denominator of the various concepts of codification found in the literature. The extent to which the two defining characteristics of codification—compilation and systematization—are necessary is particularly contentious and largely open to debate. According to some researchers, the strict requirements of the previous idealistic approach to codification have been increasingly relaxed in recent decades. For pragmatic reasons, the goal today is no longer complete, definitive, consistent, and systematic regulation based on fixed axioms, or even a comprehensive recording of all facts. According to a widespread opinion, penetration into a specific, limited area of law is sufficient, expressing a desire for consistency, standardization, and rationalization of legislation. Such a broad concept allows the legislator to exercise abstraction and flexibility in creating a "codification."

Keywords: theoretical concept, legal technique, codification, criminal law, systematization.

References

1. Vlasenko N.A., Chernogor N.N., Abramova A.I., Chernobel T.G., Dvornikova O.A., Malenko T.V. Codification of Legislation and an Effective Mechanism of Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2009. No. 7. pp. 154-162;
2. Obraziev K.V. A Systems Approach in Jurisprudence: Theoretical and Methodological Foundations [Electronic resource]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-yurisprudentsii-teoretiko-metodologicheskie-osnovy/viewer> (date accessed: 30.05.2026).
3. Popov O.V. Theoretical and Legal Issues of Judicial Lawmaking in the Russian Federation: Dis. ... Cand. of Law. Tolyatti, 2004. 221 p.
4. Pustoroslev P.P. Russian Criminal Law. General Part. Issue I. Yuryev: Type. K. Matthiesen, 1907. 535 p.
5. Tikhomirov Yu.A. On the Theory of Legal Regulation: A Comparative Analysis // Journal of Russian Law. 2009. No. 12. pp. 5-13.
6. Bühler T. Gewohnheitsrecht – Enquête – Kodifikation. Zürich, 1977. 192 p.
7. Dubber M. Reforming American Penal Law // Journal of American Criminal Law and Criminology. 1999. Vol. 90. [Electronic resource]: URL: <https://scispace.com/pdf/reforming-american-penal-law-4668o01jst.pdf> (accessed: 12.05.2026).
8. Montesquieu C. Vom Geist der Gesetze. Genf 1748. XI. Buch, 6. Kapitel. Stuttgart, 2001. 211 pp.
9. Rethorn D. Kodifikationsgerechte Rechtsprechung. Berlin, 1979. 184 pp.

Совершенствование системы контроля и надзора за соблюдением законности в воинских частях и подразделениях как инструмент предупреждения преступности военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации (в том числе в особые периоды)

Григорьев Виктор Николаевич

доктор юридических наук, профессор, Ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт, ФСИН России,
wauguste22yandex.ru

В статье на основе системного анализа теоретических положений и эмпирических данных исследуются актуальные проблемы совершенствования системы контроля и надзора за соблюдением законности в воинских частях и подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации. Обосновывается положение о том, что эффективный контроль и надзор выступают не только средством выявления и пресечения правонарушений, но и важнейшим инструментом их предупреждения. Особое внимание уделяется специфике функционирования системы контроля и надзора в особые периоды — в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Автором обосновывается необходимость внедрения цифровых технологий в процесс мониторинга состояния законности, повышения роли командиров всех уровней как ключевых субъектов предупредительной деятельности, а также совершенствования координации между военной прокуратурой, командованием и военной полицией.

Ключевые слова: контроль, надзор, законность, преступность, военнослужащие, предупреждение, особые периоды, военная прокуратура, воинская дисциплина.

Обеспечение законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – Вооруженных Сил) является одним из ключевых условий поддержания боевой готовности войск, укрепления воинской дисциплины и авторитета Вооруженных Сил в обществе. В условиях строительства военной организации государства, совершенствования законодательства и изменения характера современных военных угроз существенно возрастает значение профилактики преступлений и иных правонарушений в воинских частях и подразделениях.

Особую остроту проблема укрепления законности в войсках приобретает в особые периоды — в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, и в иных экстраординарных условиях, где факторы боевой обстановки, повышенной психоэмоциональной нагрузки и специфики выполняемых задач создают дополнительные криминогенные риски [1]. В этой связи система контроля и надзора за соблюдением законности, будучи традиционно ориентированной на выявление и пресечение правонарушений, нуждается в концептуальном переосмыслении в сторону усиления ее превентивного потенциала. Предупреждение преступности военнослужащих должно стать не сопутствующим результатом, а целевой функцией контрольной и надзорной деятельности [5].

Цель настоящего исследования — на основе комплексного анализа теоретических положений и практики функционирования системы контроля и надзора за соблюдением законности в воинских частях и подразделениях разработать научно обоснованные предложения по ее совершенствованию как инструмента предупреждения преступности военнослужащих Вооруженных Сил с учетом особенностей особых периодов.

Контроль и надзор за соблюдением законности в воинских частях и подразделениях представляют собой многоуровневую систему, включающую различные формы и субъекты правоприменительной деятельности, среди которых необходимо: прокурорский надзор, ведомственный контроль со стороны командования, деятельность военной полиции, а также общественный контроль в формах, допускаемых законодательством о государственной тайне и режиме секретности.

Анализ состояния преступности в воинских частях и подразделениях демонстрирует устойчивую совокупность детерминант, требующих адекватной реакции со стороны системы контроля и надзора. По данным официальной статистики и результатов прокурорских проверок, наиболее распространенными правонарушениями военнослужащих до начала специальной военной операции (далее – СВО) являлись уклонения от военной службы, нарушения уставных правил взаимоотношений, нарушения правил обращения с оружием, хищения федеральной собственности, а также нарушения правил вождения и эксплуатации военной техники [4].

В особые периоды структура преступности существенно трансформируется. Во-первых, возрастает доля преступлений, связанных с невыполнением приказов и распоряжений в боевой обстановке. Во-вторых, появляются специфические составы, предусмотренные как национальным, так и международным уголовным правом (нарушение законов и обычаев войны, применение запрещенных методов ведения войны и др.) [2]. В-третьих, обостряются социально-психологические факторы преступности: стресс, страх, депривация, разобщенность с семьей, что создает благоприятную почву для агрессии, злоупотреблений, пьянства и наркомании.

Эффективная система контроля и надзора за соблюдением законности в воинских частях и подразделениях является важнейшим инструментом предупреждения преступности военнослужащих [8]. Эффективная работа военной полиции, органов военной прокуратуры и военных следственных органов, обеспечение неотвратимости наказания за преступления — все это создает мощный сдерживающий фактор. В условиях СВО это требует оперативной работы выездных групп, использования современных средств фиксации

правонарушений и обеспечения быстрого и беспристрастного расследования.

Ключевыми субъектами обеспечения законности в воинских формированиях выступают:

- военная полиция, осуществляющая функции охраны общественного порядка и обеспечения воинской дисциплины, а также выполнение задач и полномочий органов дознания [3]

Следует отметить, что в настоящее время в соответствии решением Министра обороны Российской Федерации и указаниями Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется проведение организационных мероприятий по формированию пяти специализированных органов военной полиции – отделов дознания военной полиции группировок войск, что позволит сосредоточить дополнительные усилия на решении задач по противодействию преступности в районах вооруженного конфликта;

- органы военной прокуратуры, реализующие функции надзора за исполнением законов в воинских частях и подразделениях. В условиях СВО одним из приоритетных направлений надзорной деятельности органов военной прокуратуры является обеспечение исполнения в войсках законодательства о сохранности жизни и здоровья военнослужащих, безопасных условиях военной службы [6], предупреждении гибели и травматизма, а также насилия в воинских коллективах;

- военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, обеспечивающие расследование преступлений, совершенных военнослужащими. Особенностью их деятельности в зоне СВО является необходимость проведения следственных действий в условиях повышенной опасности и ограниченного времени.

Особенности совершенствования системы контроля и надзора в условиях вооруженного конфликта:

Оперативная работа выездных групп

В условиях рассредоточенности воинских подразделений и динамичности боевых действий критически важна возможность оперативного прибытия следственных групп, военных прокуроров и сотрудников военной полиции непосредственно в зону происшествия. Это требует создания мобильных групп, оснащенных необходимыми средствами связи, транспорта и технического обеспечения.

Так, надзорные мероприятия с выездом на места (к линии боевого соприкосновения) проводятся в светлое время суток в максимально сжатые сроки с использованием фото- и видеосъемки для фиксации нарушений закона, у личного состава и командиров устно выясняются обстоятельства происшествий и преступлений, связанных с гибелью и травматизмом, имеющиеся проблемные вопросы, касающиеся материально-бытового и медицинского обеспечения, страховых и социальных гарантий и компенсаций.

При совершении насильственного преступления, проведении проверочных мероприятий по фактам гибели (самоубийства) и тяжкого травмирования военнослужащих выясняются причины и условия, способствовавшие этому, проводится опрос военнослужащих с фото- и видеофиксацией, записями тех данных, которые впоследствии понадобятся для оформления результатов (объяснения, документов прокурорского реагирования и т. п.) по месту дислокации военной прокуратуры. При этом, наряду с обстоятельствами данного конкретного преступления или происшествия, у опрашиваемых лиц выясняется их осведомленность о всех других возможных аналогичных фактах.

Лица, находящиеся на линии боевого соприкосновения, для получения объяснений в рамках надзорной проверки, как правило, не вызываются.

При обнаружении в ходе надзорных мероприятий признаков преступления рассматривается вопрос об оперативном вызове на место его совершения для организации проверки представителей военной полиции или военных следственных органов, с командованием, органами безопасности в войсках согласовываются вопросы фиксации следов преступления, получения письменных объяснений.

Усиление координации и взаимодействия между органами военной прокуратуры, военными следственными органами, военной полицией, органами безопасности в войсках, а также командованием воинских частей и подразделений. Обмен информацией, совместное планирование мероприятий и проведение проверок являются залогом эффективности профилактики насильственных преступлений [7].

Например, военным прокурорам в ходе подготовки к выезду для проведения надзорных мероприятий в районах специальной военной операции необходимо:

- обеспечить необходимый уровень взаимодействия с командованием воинского формирования (в том числе в пункте постоянной дислокации для получения необходимой информации), штабами, органами безопасности в войсках, военной полиции, военно-медицинскими и учреждениями здравоохранения, местными органами власти и правоохранительными органами по месту временной дислокации в зоне спецоперации для получения полной и объективной информации о преступлениях и происшествиях, повлекших за собой небоевые потери и тяжкое травмирование военнослужащих части;

- изучить действующие на территории, где находится пункт временной дислокации проверяемой воинской части, организационно-распорядительные документы (приказы, директивы, указания, боевые распоряжения), порядок их доведения до сведения командиров всех звеньев в части, касающейся обеспечения безопасности при перемещении и размещении личного состава, проведении учебных занятий, обслуживании и эксплуатации вооружения и военной (специальной) техники (установленные ограничения и запреты);

- обеспечить участие специалистов в проведении проверки (привлечь к участию представителей вышестоящих штабов или военных комендатур, в том числе по безопасности военной службы, медицинских работников, службу ВАИ);

- согласовать максимально короткий период проведения проверки (не более суток), время ее начала и окончания с командованием, выяснить безопасные маршруты передвижения, особенности, связанные со скрытностью перемещения (при необходимости с сопровождающими лицами);

- определить необходимость выезда непосредственно на линию боевого соприкосновения либо возможность проведения проверочных мероприятий в местах расположения штабов (командных пунктов);

- обеспечить участвующих в проверке прокурорских работников и специалистов средствами индивидуальной защиты и связи, медикаментами, табельным оружием, транспортом, в том числе бронированным, боевым охранением (при необходимости).

Использование цифровых технологий

В условиях специальной военной операции использование цифровых технологий, в том числе сопряженных с беспилотными летательными аппаратами, представляется не просто важным, но и жизненно необходимым.

Перспективным техническим средством фиксации обстановки места происшествия является создание программно-аппаратных комплексов, предназначенные для качественной оперативной съемки места происшествия без мертвых зон, с возможностью удаленного доступа к нему, с высокоточной фиксацией следов, вещественных доказательств, обеспечения возможности осмотра места происшествия (преступления) и обстановки вокруг него в режиме тура, с возможностью проведения измерений до любого заинтересованного объекта (вещественного доказательства), путем создания трехмерных моделей снимаемых объектов и пространств («цифровых копий») [9]. При этом прорабатывается возможность осуществления автоматизированного анализа информации и следов, полученных в ходе осмотра, с применением технологии «искусственного интеллекта», и по его результатам подготовки рекомендаций дознавателю (какие следы и где необходимо искать, какие следственные действия произвести и т.д.).

Таким образом, совершенствование системы контроля и надзора за соблюдением законности является многоаспектной и динамичной мерой, эффективность которой в значительной степени определяется способностью не только выявлять и пресекать правонарушения, но и предупреждать их возникновение, устранять детерминирующие факторы и формировать у военнослужащих устойчивое правосознание. Ее адаптация к условиям особых периодов и постоянное развитие на основе передового опыта и современных технологий способствуют укреплению правопорядка в Вооруженных Силах, что критически важно для их боеспособности и эффективного выполнения поставленных задач.

Литература

1. Воздействие на преступность в военное время // Правовой портал «Правопорядок» // [Электронный ресурс] сайт:— URL: <https://oprave.ru> (дата обращения: 04.09.2026).

2. Закомолдин Р.В., Меркурьев В.В. Прокуратура в механизме обеспечения национальной безопасности и противодействия преступности в новых условиях // [Электронный ресурс] сайт:— URL <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения 31.07.2026).

3. Методические рекомендации по выявлению и пресечению органами дознания и дознавателями органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации преступлений и иных правонарушений (утв. начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации 25.03.2022); Методические рекомендации по реализации полномочий органов дознания командирами воинских частей (соединений) и начальниками органов военной полиции, находящимися в районе проведения специальной военной операции (утв. начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации 08.11.2023); приказ Министра обороны Российской Федерации от 31.01.2015 № 50 «Об организации процессуальной деятельности органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации». — Текст: непосредственный.

4. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (ф. 10а, раздел 20) // [Электронный ресурс] сайт: Верховный Суд: <https://www.vsrfr.ru/index.php> (дата обращения 12.01.2021).

5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2002 г. № 255 «О повышении эффективности работы органов военной прокуратуры по профилактике преступлений и других правонарушений» // [Электронный ресурс] сайт: ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 04.08.2026).

6. Приказ заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 29.05.2012 № 66 «Об организации надзора за исполнением законов по обеспечению безопасных условий военной службы». — Текст: непосредственный.

7. Приказ заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23.10.2014 № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба». — Текст: непосредственный.

8. Савенков А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. 381 с. — Текст: непосредственный.

9. Шилов А.М. Применение технических и программных средств в процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации / Сборник материалов межведомственной конференции. М.: Военный университет, 2025. — Текст: непосредственный.

Improving the system of control and oversight regarding compliance with the law in military units and subunits as a tool for preventing crime among Armed Forces personnel of the Russian Federation (including during special periods)

Grigoryev V.N.

Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN)

Based on a systems analysis of theoretical principles and empirical data, this article examines current issues regarding the improvement of the system for monitoring and supervising compliance with the law within military units and subunits of the Armed Forces of the Russian Federation. It substantiates the premise that effective monitoring and supervision serve not only as a means of detecting and suppressing legal violations but also as a crucial tool for their prevention. Particular attention is paid to the specific functioning of the monitoring and supervision system during special periods—such as mobilization, martial law, wartime, or conditions involving armed conflict or combat operations. The author argues for the necessity of implementing digital technologies to monitor the state of legal compliance, enhancing the role of commanders at all levels as key agents in prevention efforts, and improving coordination among the military prosecutor's office, the military command, and the military police.

Keywords: control, supervision, legality, crime, military personnel, prevention, special periods, military prosecutor's office, military discipline.

References

1. Addressing Crime in Wartime // Legal Portal "Pravoporyadok" // [Electronic resource] website: — URL: <https://oprave.ru> (accessed: 04.09.2026).
2. Zakomoldin R.V., Merkuriev V.V. The Prosecutor's Office within the Mechanism for Ensuring National Security and Combating Crime under New Conditions // [Electronic resource] website: — URL: <https://cyberleninka.ru/> (accessed: 31.07.2026).
3. Methodological Recommendations on the Detection and Suppression of Crimes and Other Offenses by Inquiry Bodies and Inquiry Officers of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation (approved by the Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation on 25.03.2022); Methodological Recommendations on the Exercise of Inquiry Powers by Commanders of Military Units (Formations) and Heads of Military Police Bodies Located in the Area of the Special Military Operation (approved by the Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation on 08.11.2023); Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 50 dated 31.01.2015 "On the Organization of Procedural Activities of Inquiry Bodies in the Armed Forces of the Russian Federation." — Text: direct.
4. Report on the Number of Persons Convicted under All Offenses of the Criminal Code of the Russian Federation and Other Persons Subject to Judicial Acts in Criminal Cases (Form 10a, Section 20) // [Electronic resource] website: Supreme Court: <https://www.vsrfr.ru/index.php> (accessed: 12.01.2021).
5. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 255 dated September 17, 2002, "On Improving the Effectiveness of Military Prosecutor's Office Bodies in Preventing Crimes and Other Offenses" // [Electronic resource] website: GARANT. — URL: <https://base.garant.ru> (date of access: August 4, 2026).
6. Order of the Deputy Prosecutor General of the Russian Federation – Chief Military Prosecutor No. 66 dated May 29, 2012, "On Organizing Supervision over Compliance with Laws Ensuring Safe Conditions of Military Service." — Text: direct.
7. Order of the Deputy Prosecutor General of the Russian Federation – Chief Military Prosecutor No. 150 dated October 23, 2014, "On Approving the Instruction on the Procedural Activities of Inquiry Bodies of the Armed Forces of the Russian Federation, Other Troops, Military Formations, and Bodies Where Military Service Is Provided for by Law." — Text: direct.
8. Savenkov A.N. Pressing Issues of Constitutional Legality in the Armed Forces of the Russian Federation and the Role of the Prosecutor's Office in Addressing Them: Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences. — Moscow, 2002. 381 p. — Text: direct.
9. Shilov A.M. Application of Technical and Software Tools in the Procedural Activities of Inquiry Bodies of the Armed Forces of the Russian Federation / Collection of Materials from the Interdepartmental Conference. Moscow: Military University, 2025. — Text: direct.

Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств

Гусева Татьяна Николаевна

адъюнкт, кафедра уголовного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, gtn.86@mail.ru

Настоящая статья освещает итоги исследования уголовно-правовой природы преступления, квалифицируемого по ст. 285¹ УК РФ. В её рамках рассмотрению подвергнуты соотношение бюджетно-правовой и уголовно-правовой трактовок нецелевого использования бюджетных средств, формальная конструкция состава, а также признаки объекта, предмета и объективной стороны инкриминируемого деяния. Специальный акцент сделан на проблемных аспектах привлечения к ответственности по данной норме руководителей коммерческих структур, выступающих получателями государственных субсидий. Целью работы является также анализ существующих правовых механизмов и выработка предложений по совершенствованию законодательства в области защиты бюджетных средств от их нецелевого расходования должностными лицами. Примечательно, что законодатель избрал формальную конструкцию состава: последствия общественно опасного поведения лежат за рамками обязательных элементов объективной стороны, а акцент перенесен на саму процедуру распоряжения бюджетными ресурсами.

Ключевые слова: 285¹ УК РФ, бюджетное преступление, бюджетные средства, механизм совершения преступлений, субъекты преступления, злоупотребление должностными полномочиями, бюджетный кодекс РФ.

Введение

Современный этап развития бюджетно-правового регулирования характеризуется усложнением механизмов финансовой поддержки — субсидий, субвенций, дотаций, целевых трансфертов, — а также повсеместной цифровизацией документооборота, что в совокупности порождает новые угрозы для публичных финансовых интересов. На протяжении последних двух десятилетий ст. 285¹ УК РФ выступает одним из ключевых правовых барьеров на пути нецелевого использования казенных средств, сочетая в себе признаки как должностного, так и бюджетного деликта.

Анализ судебной статистики за пятилетний период не обнаруживает резких колебаний в количестве зарегистрированных фактов подобных посягательств, что позволяет говорить об относительной стабильности показателей. Вместе с тем круг потенциальных нарушителей заметно сужен уже на стадии определения субъекта: далеко не всякое должностное лицо наделено реальными полномочиями по управлению бюджетными потоками. Существенную роль играет и высокая латентность этих деяний, поскольку их вредоносный эффект рассредоточен во времени и пространстве, затрагивая права неопределенного множества граждан на улучшение социальных и экономических условий жизни. Подобная специфика объективно сдерживает выявляемость преступной активности по ст. 285¹ УК РФ, однако нисколько не снижает градус общественной опасности таких деяний: напротив, крупные и особо крупные размеры расходуемых не по назначению сумм наносят ощутимый урон как региональным, так и общегосударственным экономическим интересам.

Основной раздел

Объект преступного посягательства по праву считается фундаментальной категорией уголовного права, неизменно привлекавшей внимание исследователей на всех этапах развития науки. Несмотря на отсутствие в законе прямого перечня объектов для должностных преступлений, Б.В. Волженкин справедливо акцентировал, что именно четкое уяснение объекта служит ключом к верной квалификации содеянного и позволяет разграничивать смежные составы [1]. Иерархическое деление объектов (по вертикали и горизонтали) предопределяет логику построения Особенной части УК РФ, а потому корректная идентификация охраняемых благ имеет не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение: она сигнализирует о том, какие именно социальные ценности государство берет под уголовно-правовую защиту, и какая мера ответственности грозит за их нарушение.

Корректное определение объекта преступного посягательства имеет ключевое методологическое значение, поскольку иерархическая градация объектов (по вертикали и горизонтали) служит фундаментом для систематизации Особенной части Уголовного кодекса. Дискуссионные вопросы, связанные с объектом, выходят далеко за рамки сугубо теоретических изысканий: их разрешение позволяет уяснить, какие именно социальные ценности и публичные интересы находятся под защитой уголовно-правовой отрасли. Закрепление тех или иных общественных отношений в качестве объектов уголовно-правовой охраны влечёт за собой обязательное применение мер государственного принуждения к лицам, посягающим на эти блага, что придаёт данной категории не только доктринальную, но и ярко выраженную практическую нагрузку [2].

Анализируемый состав преступления, предусмотренный ст. 285¹ УК РФ, хотя и является относительно новеллой в уголовном законодательстве России, тем не менее уже успел стать предметом пристального внимания со стороны многих видных учёных, обращавшихся к исследованию его объекта. Классический подход к такому анализу строится на последовательном движении от общего объекта через родовой и видовой к непосредственному — подобная поэтапная схема, по единодушному признанию большинства специалистов, выступает наиболее эффективным инструментом познания. Она не только обеспечивает логически выверенное размещение конкретных составов в соответствующих разделах и главах Ко-

декса, но и служит надёжным средством для обнаружения системных погрешностей, противоречий и пробелов, допущенных законодателем при конструировании Особенной части УК РФ.

Исследуемый нами состав преступления размещён законодателем в разделе X Уголовного кодекса, объединяющем посягательства против государственной власти. В качестве родового объекта данной группы деяний выступают общественные отношения, призванные обеспечивать штатное, бесперебойное функционирование и институциональную устойчивость органов государственной власти, а также их отдельных структурных звеньев. Как обоснованно отмечают А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко, родовый объект рассматриваемого раздела представляет собой сложный, многослойный комплекс публично-правовых интересов, который охватывает все аспекты полноценной и результативной деятельности государственно-властного механизма в современном обществе.

В этот комплекс, по мнению авторов, входят: охрана конституционного строя как незыблемой основы государственности, обеспечение безопасности стратегических интересов страны, соблюдение установленного регламента прохождения службы в органах государственной власти и муниципального самоуправления, добросовестное и беспристрастное отправление правосудия, а также надлежащее выполнение управленческих функций, исключающее причинение вреда интересам как социума в целом, так и государства. Таким образом, родовый объект аккумулирует в себе всю палитру публичных благ, защита которых возлагается на уголовно-правовые средства, и именно через его призму раскрывается социальная сущность преступлений, включённых в данный раздел.

Общие предпосылки привлечения лица к уголовной ответственности закреплены в ст. 19 УК РФ, которая в качестве универсального критерия называет вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста. Однако для ряда преступных деяний одной лишь констатации этих базовых условий оказывается недостаточно — законодатель предъявляет к субъекту дополнительные требования, прямо оговорённые в диспозициях соответствующих норм. Именно наличие таких факультативных (в сравнении с общими) признаков позволяет вести речь о специальном субъекте, что составляет сущностную особенность целой группы посягательств, связанных с осуществлением государственно-властных полномочий, обеспечением интересов государственной службы и муниципальной службы. Подобная конструкция не случайна: она призвана сузить круг потенциальных нарушителей до тех лиц, которые в силу своего служебного положения обладают реальной возможностью причинить вред охраняемым общественным отношениям, а значит, и ответственность для них должна наступать по особым, более строгим правилам, учитывающим характер выполняемых ими функций.

В случаях, когда в совершении преступного деяния наряду с непосредственным исполнителем участвуют и другие лица — в качестве организаторов, подстрекателей или пособников, — уголовный закон предписывает устанавливать признаки специального субъекта исключительно применительно к самому исполнителю. Иные соучастники, не обладающие такими признаками, подлежат ответственности по соответствующей статье как общие субъекты, если их действия охватывались умыслом исполнителя. Что же касается субъектной характеристики нецелевого расходования бюджетных средств, то здесь в доктрине уголовного права наблюдается значительный разброд позиций: единого подхода к определению круга лиц, которые могут нести ответственность по ст. 285¹ УК РФ, до сих пор не сложилось, и дискуссии по этому поводу не утихают среди специалистов уже длительное время.

В научной литературе высказывается позиция, согласно которой круг субъектов анализируемого преступления должен ограничиваться исключительно должностными лицами, наделёнными реальной возможностью распоряжаться бюджетными средствами, поступившими в их подчинение. В частности, Д.А. Бойков в своих работах обоснованно относит к числу таких субъектов руководителя организации, его заместителей, главного бухгалтера, а также начальников финансовых подразделений — словом, всех тех, кто уполномочен принимать властные решения о целевом направлении денежных потоков из бюджета. Именно эти лица, по мнению автора, обладают необходимым объёмом распорядительных полномочий и, следовательно, должны нести уголовную ответственность за их ненадлежащую реализацию [3].

В доктрине уголовного права сложился целый спектр суждений относительно круга возможных субъектов нецелевого расходования

бюджетных средств, причём эти позиции подчас существенно расходятся. Так, Ю.И. Ляпунов настаивает на том, что перечень субъектов не следует ограничивать лишь руководящим составом организации — к ответственности могут привлекаться также экономисты, бухгалтеры и даже завхозы, поскольку все они в той или иной мере вовлечены в процесс движения бюджетных средств. Б.В. Волженкин занимает сходную, но более широкую позицию, включая в число субъектов не только должностных лиц тех структур, в ведение которых поступают бюджетные ассигнования, но и всех тех, кто непосредственно подписывает расходные документы, — бухгалтеров, финансистов, завхозов, а также командиров воинских подразделений, распоряжающихся казёнными средствами в рамках своей компетенции [1].

Вместе с тем существует и прямо противоположная точка зрения, представленная, в частности, Р.Р. Фазыловым, который подвергает сомнению саму возможность признания бухгалтера субъектом данного преступления. Аргументирует он это тем, что главный бухгалтер, согласно официальному толкованию примечания к ст. 285 УК РФ, не относится к должностным лицам в строгом смысле этого понятия, поскольку не наделён самостоятельными организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными функциями, а выполняет учётно-контрольные операции, не имеющие властно-распорядительного характера [4]. Таким образом, дискуссия о субъектном составе анализируемого состава остаётся открытой, и разрешение этого спора напрямую зависит от того, какой из подходов — широкий или узкий — будет признан приоритетным при толковании признаков специального субъекта в правоприменительной практике.

Вместе с тем, обращение к официальным разъяснениям высшей судебной инстанции позволяет внести в этот спор определённую ясность. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, посвящённом вопросам судебной практики по делам о взяточничестве и иных коррупционных проявлениях, фактически подтверждается, что главный бухгалтер может признаваться субъектом должностного преступления. Данный подход нашёл своё отражение и в последующих правоприменительных актах, а также получил поддержку со стороны значительной части юридического сообщества, которое, опираясь на реалии судебной практики, высказывается за признание главных бухгалтеров должностными лицами в тех случаях, когда они осуществляют свои функции в государственных или муниципальных структурах.

Профессор А.Н. Козыркин, разделяя эту позицию, акцентирует внимание на институциональном контексте: по его мнению, определяющее значение имеет не столько должностная инструкция, сколько само место работы — государственные органы, органы местного самоуправления, Вооружённые Силы. Именно нахождение в этих структурах, по мысли учёного, наделяет главного бухгалтера особым статусом, поскольку все действия, совершаемые им в рамках служебной деятельности, — будь то превышение или злоупотребление полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности, получение взятки за оказание услуг или выдачу неправомερных документов, а равно халатное отношение к обязанностям, — подлежат оценке именно сквозь призму уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность должностных лиц. Иными словами, А.Н. Козыркин настаивает на том, что функциональная нагрузка главного бухгалтера в бюджетных учреждениях по своему содержанию сближает его с должностными лицами, а потому и меры ответственности к нему должны применяться соответствующие.

Анализ материалов судебной практики по данному вопросу позволяет прийти к выводу, что главные бухгалтеры, вне зависимости от организационно-правовой формы учреждения, в котором они осуществляют свою трудовую деятельность, объективно являются лицами, в ведении которых находятся денежные средства, а следовательно, они выполняют управленческие функции, перечисленные в примечании к ст. 201 УК РФ. Это сближает их с должностными лицами, реализующими организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия, предусмотренные примечанием к ст. 285 УК РФ. Представляется маловероятным, что одни и те же по своей сути функции по осуществлению административно-хозяйственной деятельности, выполняемые главным бухгалтером как в коммерческих структурах, так и в государственных органах, получали бы на практике диаметрально противоположную правовую оценку, поскольку суть этих операций — контроль за движением

средств и документальное оформление финансовых операций — остаётся единой, независимо от формы собственности организации. Подобный функциональный подход к определению статуса главного бухгалтера представляется не только логичным, но и отвечающим потребностям единообразного правоприменения, что особенно важно в условиях многообразия организационных форм и смешанного финансирования бюджетной сферы.

Независимо от организационной структуры и формы собственности учреждения, главный бухгалтер осуществляет всесторонний контроль над порядком оборота, движения, учёта и документального оформления материальных ценностей, что по своему содержанию полностью охватывается понятием административно-хозяйственного ведения. Исходя из этого, можно утверждать, что любой бухгалтер, вне зависимости от конкретного места своей работы, выступает в качестве лица, несущего ответственность за те административные и уголовно-правовые нарушения, которые могут быть допущены им при исполнении служебных обязанностей. Примечательно, что такая ответственность вытекает не из формального статуса, а из фактического объёма полномочий, которым бухгалтер реально обладает, — ведь именно ему вверены ресурсы, и именно он санкционирует операции с ними, а значит, любые отклонения от установленного регламента в этой сфере должны расцениваться как его личное процессуальное и материально-правовое упущение, влекущее применение соответствующих мер юридической ответственности.

Р.Р. Фазылов выстраивает двойственную конструкцию в оценке роли главного бухгалтера. С одной стороны, он признаёт, что данное лицо призвано гарантировать безупречное соответствие всех хозяйственных операций требованиям федерального законодательства, реализует контрольно-надзорные функции за перемещением материальных ценностей и участвует в распределении поступивших денежных средств. С другой стороны, исследователь полагает, что обязанность по юридическому и документальному оформлению всех административно-хозяйственных процедур, подготовка отчётных данных и сведений, обязательных для всего персонала, а также текущий контроль над движением имущества — всё это, по его мнению, по своему содержанию сближается с деятельностью обычного вахтёра, следящего за входом и выходом посетителей, то есть сводится к сугубо техническому, механическому исполнению, лишённому властно-распорядительного содержания [4]. Такое сопоставление, однако, вызывает обоснованные сомнения, поскольку оно нивелирует содержательную сложность учётно-финансовых операций и управленческий характер решений, принимаемых главным бухгалтером в процессе своей повседневной работы.

Специфика функциональной нагрузки главного бухгалтера заключается, прежде всего, в документальном визуировании процесса передачи имущественных ценностей и денежных средств, и эту особенность, на наш взгляд, вполне обоснованно можно квалифицировать как элемент административно-хозяйственной деятельности. Данная позиция находит своё нормативное подтверждение в положениях Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте», который закрепляет особый правовой статус главного бухгалтера. В частности, закон предписывает, что при возникновении разногласий между руководителем организации и главным бухгалтером относительно ведения учёта, данные первичных учётных документов принимаются главным бухгалтером, и именно он несёт единоличную ответственность как за сам составленный документ, так и за достоверность содержащейся в нём информации. Более того, отражение объекта бухгалтерского наблюдения в отчётности о денежных операциях, а также ответственность за правдивость сведений о финансовом положении, результатах деятельности и движении средств также возлагаются на главного бухгалтера в индивидуальном порядке.

Таким образом, Закон № 402-ФЗ прямо относит к обязанностям главного бухгалтера функции административно-хозяйственного характера, связанные с проведением финансовых операций, — и эта норма действует в отношении любого бухгалтера, независимо от того, работает ли он в государственном или коммерческом секторе. Законодательное закрепление подобных полномочий свидетельствует о том, что главный бухгалтер не является пассивным регистратором, а выступает активным участником управленческого процесса, наделённым правом принимать решения, влияющие на движение бюджетных средств, и нести за них персональную ответственность.

Бюджетный кодекс РФ определяет «нецелевое использование бюджетных средств» как направление ресурсов бюджетной системы и исполнение денежных обязательств в целях, которые полностью или в части не совпадают с теми, что зафиксированы в законе (решении) о бюджете, сводной росписи, бюджетной смете либо иных документах. В свою очередь, Уголовный кодекс даёт сходное по смыслу понятие, однако прибегает к иной редакционной конструкции — «расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения». При буквальном сопоставлении данных нормативных предписаний отчётливо проявляется терминологическая асимметрия, обусловленная использованием различных по своему юридическому наполнению категорий — «использование» и «расходование» применительно к бюджетным средствам. Это различие, на первый взгляд кажущееся сугубо лингвистическим, на самом деле порождает серьёзные доктринальные и правоприменительные вопросы, поскольку от его разрешения зависит, в каких именно случаях деяние подпадает под признаки бюджетного нарушения, а в каких — уже образует состав уголовного преступления. Такое терминологическое расхождение нуждается в глубоком осмыслении, чтобы избежать неединообразия в квалификации сходных по фактическим обстоятельствам действий.

Проблема терминологических расхождений между бюджетным и уголовным законодательством не осталась незамеченной и в работах других авторов. Так И.И. Кучеров и другие ученые в своих исследованиях также обращают внимание на несовпадение понятийных аппаратов двух отраслевых кодексов, подчёркивая, что это создаёт определённые сложности как для теоретического осмысления, так и для единообразной правоприменительной практики. В свою очередь, А.В. Минеев [5, с. 55] предлагает более унифицированный взгляд на данную проблему, утверждая, что в конечном счёте как «нецелевое использование», так и «нецелевое расходование» бюджетных средств по своей сути представляют собой одну и ту же противоправную операцию — неправомерное высвобождение денежных ресурсов из бюджета, то есть их вывод из-под установленного целевого контроля, независимо от того, каким именно термином обозначено это деяние в том или ином нормативном акте. Таким образом, по мнению Минеева, содержательное единство нарушений перевешивает формальные различия в словесных формулировках, что позволяет рассматривать оба понятия как взаимозаменяемые в контексте оценки общественной опасности содеянного.

В рамках настоящего исследования мы намеренно выводим за скобки сугубо терминологические споры и сосредотачиваемся на содержательной стороне противоправности, которая неразрывно связана с целевым предназначением бюджетных средств. Ключевым системообразующим признаком деяния выступает именно отклонение от предписанной цели (либо нарушение условий, конкретизирующих такую цель), — это объединяющее начало, присутствующее в обоих рассмотренных законодательных дефинициях, и одновременно тот критерий, который позволяет чётко отграничить уголовно наказуемое нецелевое расходование от иных видов финансовых нарушений, не обладающих достаточной степенью общественной опасности. В связи с этим логика дальнейшего изложения диктует необходимость перенести акцент на саму цель как на стержневой элемент, определяющий правомерность или неправомерность распоряжения бюджетными ассигнованиями.

Мы исходим из того, что определения, закреплённые в Бюджетном и Уголовном кодексах, по сути, описывают один и тот же процесс — использование казённых средств с нарушением их предназначения. Вместе с тем между ними существуют расхождения, которые для уголовно-правовой квалификации приобретают вполне конкретное и далеко не формальное значение. Особенно это касается позиции Бюджетного кодекса, где нецелевым использованием признаётся направление средств на цели, полностью либо частично не соответствующие тем, которые определены нормативными документами. Именно этот аспект — признание частичного нецелевого использования — заслуживает отдельного внимания, поскольку именно здесь проявляется разница в подходах двух кодексов, и именно здесь могут возникать коллизии при решении вопроса о наличии либо отсутствии состава преступления. Поэтому мы считаем необходимым детально проанализировать целевую составляющую как фундаментальную основу для разграничения законного и незаконного расходования бюджетных ресурсов.

В уголовно-правовой интерпретации, предлагаемой законодателем, под нецелевым расходованием бюджетных средств понимается их трата на цели, которые не соответствуют условиям, обуславливающим само право на получение данных ассигнований. При сопоставительном содержательном анализе двух дефиниций отчётливо видно, что бюджетно-правовое определение является более широким по объёму по сравнению с его уголовно-правовым аналогом. Бюджетный кодекс охватывает своим регулированием два возможных сценария противоправного поведения: во-первых, ситуацию, при которой выделенные ресурсы в полном объёме расходуются не по целевому назначению; во-вторых, случай, когда лишь часть полученных средств используется на предусмотренные цели, а оставшаяся часть направляется на иные, не утверждённые заранее направления.

В доктрине уголовного права по этому поводу не сформировалось консолидированной позиции. Часть исследователей склоняется к расширительному пониманию термина «нецелевое расходование средств», включая в него и ситуации, где констатируется лишь частичное несоответствие израсходованных сумм утверждённым целевым ориентирам. Другая группа учёных, напротив, настаивает на том, что само по себе недостижение хотя бы одной из заявленных целей при освоении предоставленных бюджетных средств должно расцениваться как их нецелевое использование, а значит, и как оконченное преступление, независимо от пропорции правильно и неправильно потраченных денег. Этот доктринальный спор напрямую влияет на правоприменительную практику, поскольку от его разрешения зависит, будет ли признаваться уголовно наказуемым деянием ситуация, когда часть средств израсходована законно, а часть — с нарушением целевого назначения, либо же требуется исключительно полное отклонение от целей.

С позиций юридической техники ст. 285¹ УК РФ сконструирована как норма с формальным составом, что означает: для квалификации деяния как оконченного преступления и привлечения виновного к уголовной ответственности не требуется наступления каких-либо общественно опасных последствий. Достаточно самого факта совершения действий по нецелевому расходованию бюджетных средств, причём преступный результат признаётся достигнутым в момент списания денежных средств со счёта получателя, вне зависимости от того, удалось ли в конечном счёте реализовать ту цель, ради которой эти средства выделялись, — например, были ли фактически приобретены или поставлены товары, выполнены работы или оказаны услуги [6].

Правоприменительная практика последовательно исходит из того, что объективная сторона рассматриваемого посягательства выражается в совершении конкретной платёжно-расчётной операции, оформляющей нецелевое расходование, и именно с момента осуществления такой операции состав преступления становится оконченным. При этом последующее восстановление средств, будь то добровольное или по требованию контролирующих органов, не имеет юридического значения для оценки уже состоявшегося факта нецелевого использования, поскольку не устраняет противоправность совершённого деяния. Что касается размера ущерба, учитываемого при квалификации, судебные инстанции включают в него исключительно ту долю бюджетных ассигнований, которая была израсходована с нарушением целевого назначения, не распространяя это правило на средства, использованные правомерно. Такой подход обеспечивает дифференцированную оценку каждого эпизода расходования и позволяет избежать необоснованного преувеличения объёма вменяемого ущерба за счёт включения законно израсходованных сумм.

Законодатель определяет квалифицирующий признак рассматриваемого преступления через количественный параметр — сумму денежных средств, израсходованных не по целевому назначению. В соответствии с примечанием к ст. 285¹ УК РФ крупным размером признаётся сумма, превышающая 1,5 млн рублей, а особо крупным — свыше 7,5 млн рублей. В этом контексте принципиальное значение приобретает нормативное закрепление возможности частичного нецелевого расходования бюджетных средств, поскольку при определении размера для целей квалификации учитывается только та доля ассигнований, которая была потрачена с нарушением целевого предназначения, и не включаются суммы, израсходованные правомерно.

Такой подход соответствует принципу дифференциации ответственности и позволяет избежать чрезмерной криминализации действий, при которых существенная часть бюджетных средств использована по назначению, а нарушение носит ограниченный характер [7]. Кроме того, он обеспечивает справедливую соразмерность между фактическим объёмом противоправного расходования и строгостью применяемых уголовно-правовых мер, что особенно важно в условиях, когда суммарный объём финансирования может значительно превышать размер нецелевых трат, а включение в объём вменяемого ущерба всей полученной суммы привело бы к неоправданному ужесточению ответственности. Практика судов последовательно руководствуется именно этим правилом, аккумулируя в итоговом размере только те средства, которые реально вышли из-под целевого контроля, и тем самым избегая искажения действительной картины противоправного поведения.

Обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 285¹ УК РФ, выступает размер расходованных не по целевому назначению средств — крупный либо особо крупный. Однако инфляционные процессы, а также постоянная трансформация структуры бюджетных расходов и пересмотр приоритетов государственного финансирования актуализируют вопрос о необходимости периодического пересмотра пороговых значений, зафиксированных в примечании к данной статье. Длительная фиксация абсолютных сумм, без учёта изменения покупательной способности рубля и макроэкономических реалий, может повлечь за собой избыточную криминализацию деяний, которые по своему характеру и фактическим последствиям не представляют высокой общественной опасности, поскольку сравнительно небольшие по современным меркам суммы формально попадают под признаки уголовно наказуемого деяния.

Пути преодоления данной проблемы видятся, с одной стороны, в законодательном закреплении механизма регулярной корректировки указанных сумм, например, с определённой периодичностью пересмотра их с учётом уровня инфляции или изменения экономических показателей. С другой стороны, более гибким решением могла бы стать привязка пороговых значений к иным объективным экономическим индикаторам, в частности, к кратности какой-либо базовой величины, которая отражала бы реальные экономические условия и автоматически пересчитывалась при изменении этих показателей. Такой подход позволил бы сохранить уголовно-правовую охрану бюджета на должном уровне, одновременно избегая необоснованного расширения сферы действия уголовного закона за счёт устаревших количественных критериев, которые уже перестали соответствовать фактической структуре бюджетных отношений и ценообразованию в экономике [8, с. 124].

Для устранения правовой неопределённости, сопутствующей установлению субъекта нецелевого расходования бюджетных средств, представляется обоснованным законодательно закрепить, что по ст. 285¹ УК РФ к ответственности могут привлекаться исключительно должностные лица, реально осуществляющие административно-хозяйственные функции и принимающие самостоятельные решения о расходовании бюджетных ассигнований; одновременно с этим полагаем необходимым исключить из диспозиции нормы указание на корыстную или личную заинтересованность в качестве обязательного мотива, поскольку такое требование необоснованно сужает пределы уголовно-правовой охраны и создаёт дополнительные барьеры в доказывании, тогда как само нецелевое расходование нередко совершается по иным побуждениям, не подпадающим под эти узкие категории, но при этом объективно нарушающим публичные финансовые интересы, — в связи с чем отказ от данной формулировки позволит правоприменителю сосредоточиться на объективных признаках деяния и повысит эффективность противодействия подобным нарушениям [9].

Для данного преступления характерен прямой умысел, при этом многообразие мотивов и целей не имеет квалифицирующего значения и не влияет на оценку содеянного. Единственным обстоятельством, способным служить основанием для исключения преступности деяния, выступает крайняя необходимость, предусмотренная ст. 39 УК РФ и соответствующими разъяснениями. В доктрине доминирует подход, согласно которому субъективная сторона нецелевого расходования бюджетных средств ограничивается исключительно прямым умыслом. Однако Р.Р. Фазылов обоснованно обращает внимание на то, что виновный далеко не всегда ставит своей целью наступление общественно опасных последствий — скажем, аварий-

ную ситуацию вследствие некачественного ремонта либо срыв государственных функций на муниципальном уровне. Тем не менее, обладая необходимыми компетенциями и властными полномочиями, такое лицо в силу своего статуса обязано прогнозировать возможные негативные последствия собственных действий. С учётом этого в анализируемых составах, по его мнению, не исключается ситуация, когда субъект сознательно допускает наступление вредных последствий либо относится к ним с безразличием, что свидетельствует о более широком психологическом содержании субъективной стороны, нежели традиционно признаваемый прямой умысел [10].

Результаты

Проведённый анализ позволяет констатировать, что институт ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств, несмотря на свою относительную новизну, уже сформировал устойчивый массив доктринальных подходов и правоприменительных позиций. Вместе с тем сохраняется ряд системных проблем: от терминологической асимметрии между Бюджетным и Уголовным кодексами (категории «использование» и «расходование») до дискуссионного характера субъектного состава, где особую остроту приобретает вопрос о статусе главного бухгалтера, чьи административно-хозяйственные функции, вопреки мнению отдельных авторов, вполне могут быть приравнены к должностным полномочиям. Судебная практика, подтверждая формальную конструкцию состава, последовательно исходит из того, что преступление считается оконченным с момента списания средств, а размер нецелевого расходования определяется только суммой, фактически израсходованной с нарушением целевого назначения, что делает необходимым законодательное признание частичного нецелевого использования.

Кроме того, количественные пороги крупного и особо крупного размера, оставаясь неизменными длительное время, рискуют утратить связь с реальной экономической динамикой, что актуализирует потребность в их периодической индексации либо привязке к объективным экономическим индикаторам. Также требуют пересмотра отдельные элементы субъективной стороны: указание на корыстную или личную заинтересованность в качестве обязательного мотива не только усложняет доказывание, но и не охватывает всех случаев нецелевого расходования, где мотивация может носить иной характер, а потому данное требование видится избыточным и подлежащим исключению из диспозиции нормы.

В итоге, несмотря на наличие устоявшейся судебной практики и разъяснений высшей судебной инстанции, вопросы квалификации ст. 285¹ УК РФ, её отграничения от смежных составов (ст. 285, 286 УК РФ), а также высокая латентность таких посягательств свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как законодательной техники, так и механизмов выявления и расследования данных преступлений. Представляется, что устранение выявленных пробелов и коллизий потребует комплексного подхода, включающего как уточнение нормативных дефиниций, так и систематизацию правоприменительной практики, что позволит повысить эффективность уголовно-правовой охраны публичных финансовых интересов и обеспечить единообразие подходов при привлечении виновных к ответственности.

Литература

- Волженкин Б.В. Модельный Уголовный кодекс и его влияние на формирование уголовного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств / Б.В. Волженкин // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: Сб. науч. ст. / Под ред. Л.Л. Кругликова, Н.Ф. Кузнецовой. — М.: ЛексЭст, 2002. — С. 7-31.
- Ахмедханова, С. Т. Анализ уголовно-правовых признаков нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / С. Т. Ахмедханова // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 12(216). — С. 201-204. — DOI 10.47643/1815-1329_2022_12_201. — EDN DQFSYS.
- Бойков Д.А. Нецелевое расходование бюджетных средств: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бойков Дмитрий Александрович. — М., 2005. — 150 с.
- Фазылов, Р. О юридической ответственности за неэффективное использование бюджетных средств / Р. Фазылов // Закон и право. — 2007. — № 1. — С. 44-48. — EDN HYNCSF.

- Минеев, В. А. Разграничение нецелевого использования бюджетных средств и нецелевого расходования бюджетных средств: административный и уголовно-правовой аспекты / В. А. Минеев // Бизнес в законе. — 2008. — № 3. — С. 55-56. — EDN JWSLPT.
- Попов, С. В. О некоторых аспектах уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и проблемных вопросах оперативных подразделений, связанных с выявлением и раскрытием преступлений данной категории / С. В. Попов // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 16 октября 2020 года / Редколлегия: А.А. Сафронов [и др.]. — Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2021. — С. 183-190. — EDN EGOYOL.
- Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 182 с.
- Карагина, Д. О. Конструирование санкций за квалифицированные составы нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / Д. О. Карагина // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18, № 7(152). — С. 124-133. — DOI 10.17803/1994-1471.2023.152.7.124-133. — EDN WQMXXL.
- Егорова, И. М. К вопросу о квалификации нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / И. М. Егорова, В. А. Цветкова // НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ: сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 мая 2023 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. — С. 215-218. — EDN SVYWIG.
- Козлова, Е. Л. Нецелевое расходование бюджетных средств: уголовно-правовая характеристика объективных признаков преступления / Е. Л. Козлова, Е. Д. Барина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2026. — № 1(83). — С. 18-24. — EDN IUXXNG.

Criminal law characteristics of misuse of budgetary funds

Guseva T.N.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

This article presents the findings of a study on the criminal-law nature of the offence qualified under Article 285¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. It examines the relationship between the budgetary-law and criminal-law interpretations of the misuse of budgetary funds, the formal structure of the offence, as well as the attributes of the object, subject matter, and objective side of the incriminated act. Special emphasis is placed on the problematic aspects of prosecuting executives of commercial entities that act as recipients of state subsidies under this provision. The article also aims to analyse the existing legal mechanisms and to formulate proposals for improving legislation in the sphere of protecting budgetary funds from their improper use by public officials. Notably, the legislator has adopted a formal construction of the offence: the consequences of the socially dangerous conduct lie outside the mandatory elements of the objective side, with the focus shifted to the very procedure for disposing of budgetary resources.

Keywords: Article 285¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, budget-related crime, budgetary funds, mechanism of crime commission, subjects of crime, abuse of official powers, Budget Code of the Russian Federation.

References

1. Volzhenkin B.V. *Model Criminal Code and Its Influence on the Formation of Criminal Legislation of the Member States of the Commonwealth of Independent States* / B.V. Volzhenkin // *New Criminal Legislation of the CIS and Baltic States: Collection of Scientific Articles* / Ed. by L.L. Kruglikov, N.F. Kuznetsova. — Moscow: LexEst, 2002. — P. 7-31.
2. Akhmedkhanova S.T. *Analysis of Criminal Law Elements of Misuse of Budgetary Funds and Funds of State Extra-budgetary Funds* / S.T. Akhmedkhanova // *Agrarian and Land Law*. — 2022. — No. 12(216). — P. 201-204. — DOI: 10.47643/1815-1329_2022_12_201. — EDN: DQFSYS.
3. Boykov D.A. *Misuse of Budgetary Funds: Criminological and Criminal Law Aspects*: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.08 / Boykov Dmitry Aleksandrovich. — Moscow, 2005. — 150 p.
4. Fazylov R. *On Legal Liability for Inefficient Use of Budgetary Funds* / R. Fazylov // *Law and Legislation*. — 2007. — No. 1. — P. 44-48. — EDN: HYNCSF.
5. Mineev V.A. *Distinction between Misuse of Budgetary Funds and Misuse of Budgetary Funds: Administrative and Criminal Law Aspects* / V.A. Mineev // *Business in Law*. — 2008. — No. 3. — P. 55-56. — EDN: JWSLPT.
6. Popov S.V. *On Some Aspects of Criminal Liability for Misuse of Budgetary Funds and Problematic Issues of Operational Units Related to Detection and Investigation of Crimes of This Category* / S.V. Popov // *Current Issues of Theory and Practice of Operational Investigative Activities: Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, October 16, 2020* / Editorial board: A.A. Safronov et al. — Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. — P. 183-190. — EDN: EGOYOL.

7. Antonov A.D. *Theoretical Foundations of Criminalisation and Decriminalisation*: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow, 2021. – 182 p.
8. Karagina D.O. *Construction of Sanctions for Qualified Types of Misuse of Budgetary Funds and Funds of State Extra-budgetary Funds* / D.O. Karagina // *Current Problems of Russian Law*. – 2023. – Vol. 18, No. 7(152). – P. 124-133. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.152.7.124-133. – EDN: WQMXQL.
9. Egorova I.M., Tsvetkova V.A. *On the Issue of Qualification of Misuse of Budgetary Funds and Funds of State Extra-budgetary Funds* / I.M. Egorova, V.A. Tsvetkova // *Scientific Research of Young Scientists: Collection of Articles of the XXIII International Scientific and Practical Conference*, Penza, May 12, 2023. – Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. – P. 215-218. – EDN: SVYWIG.
10. Kozlova E.L., Barinova E.D. *Misuse of Budgetary Funds: Criminal Law Characteristics of the Objective Elements of the Crime* / E.L. Kozlova, E.D. Barinova // *Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2026. – No. 1(83). – P. 18-24. – EDN: IUXDNG.

Криминологическая характеристика ответственности за клевету и оскорбление

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Российской криминологической ассоциации, Аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru,

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, Директор Крымского юридического института (филиала), Университет прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности, Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, tr0507@ya.ru

В статье освещается вопрос об ответственности за клевету и оскорбление. *Актуальность обусловлена тем, что данная проблема является неотъемлемой частью современной жизни, которая ежедневно оказывает чаще всего негативное влияние на общественные настроения. Целью исследования является подробное рассмотрение неправомерного использования личной информации в различных ситуациях, в том числе и на информационно-политической арене. Также разбираются меры ответственности за такие действия и некоторая проблематика, связанная с этим. Отдельно этот вопрос необходимо разобрать со стороны СМИ, ведь большинство из средств массовой информации имеют влияние на общественность, что и является основой для такого рода правонарушений. Анализируются некоторые возможные варианты развития и решения этой проблемы через призму криминологического механизма исследований.*

Ключевые слова: клевета, оскорбление, ответственность, СМИ, преступление, коррупция, правонарушение.

Кажется, общество пересытилось ложно трактуемой свободой слова признаками переизбытка встревожены многие накушавшиеся злоупотреблениями свободной прессы не определяющие границы возможного на информационно-политическом ринге, а самые одиозные не умилили пыл и не стали сдержаннее при пользовании «компрометом» (ограничений для них как не было, так и нет), значит исследования требуют продолжения.

Сложившаяся ситуация для большинства граждан неприятна, тех кого она устраивает не прочь сохранить информационный беспредел, т.к. это очень мощный рычаг воздействия на доверчивую часть граждан и лишится его не хотят модераторы на главных телеканалах и в газетах, чтобы не ослаблять свое воздействие социально-экономическую ситуацию в стране, компенсировать невыразительность социальных гарантий, выбросом грязных инсинуаций в экономической сфере [1]. Многие масс-медиа, не желающие потерять существенную статью дохода, - «компрометное обслуживание», увеличивают информационную активность, а менеджеры PR-агентств не скрывают заинтересованности в том, чтобы им было все дозволено и подводят под это требование своего рода, теоретический фундамент. Используемая ими технология, считают они, это допустимый ход предвыборной борьбы, современный вариант знаменитой максимы «цель оправдывает средства», что проповедуется это не в узком кругу профессионалов, а в массовых изданиях. Такой прагматичный подход не всем подходит и среди мастеров медиа, и тем более читателей и зрителей, а кредит доверия граждан тает и все чаще они обращаются с просьбой защитить «гласность» от прессы. Мониторинг свидетельствует о том, что количество конфликтов, где пресса выступает в качестве нарушителя, превысило количество конфликтов, где СМИ – потерпевшая сторона, статистика неутешительна. Отсутствие реальных моральных авторитетов в настоящем, а не в прошлом, недоверие и даже ненависть друг к другу, трактуемые как рыночная конкуренция, невозможность саморегулирования, выработки профессиональных правил игры приводит к реальным угрозам для СМИ в будущем, насущные проблемы их выживания в настоящем. Вероятный исход существующего положения представляется как возникающая ненависть к властям и недовольство граждан объединяться в критическую массу и вопреки демократической теории наденут на СМИ административный регламент цензуры с написанными на нем моральными лозунгами. Интересно то, что ожидания преспокойно уживаются у большинства обратившихся к исследуемой теме с неприятием серьезных попыток исправить, осовременить и улучшить закон о СМИ. Получается порочный замкнутый круг: общество, во всяком случае прогрессивная его часть, негодует, теоретически и практики СМИ уже на реальном опыте убедились в неудавшихся попытках саморегулирования и выработки профессиональных правил игры. Возможность использовать правовые средства против распоясавшихся «теле и газетных, интернет киллеров», поднимают громкий крик об угрозе цензуры свободной прессы.

Разговор о степени свободы отечественных СМИ «риторический», так как доказать независимость СМИ от их владельцев еще более сложная задача, исследуем другой вопрос – какие, кроме правовых, возможны пути решения защиты гласности от нарушений неприкосновенности частной жизни, их активно ищут, и не все из того, что приносят исследования нравятся сторонникам или критикам. Когда отсутствует регламент применения закона, используются «доморощенные» средства, когда обнаруживается что у человека имеется что-то затаенное, интимное, сугубо личное, оберегаемое от посторонних ушей и глаз, оно касается физических и психических особенностей, привычек, интересов, связей и добиваются неплохих политических, экономических и административных результатов. Проникновение в личные тайны всегда неприятно для тех, кто их оберегает и очень неприятна и желательна их огласка, когда их выискивают через «замочную скважину» или открыто, с помощью откровенной слежки, фотографирования, подслушивания разговоров. Берегущие свои тайны и просто личную жизнь предпринимают всяческие меры для того, чтобы уйти от контроля, но слежка распространена, так как стала товаром, вытекающим из «теневой» жизни и

есть спрос на них. А если есть спрос на них, он предполагает и предположения и как следствие – погоня за информацией, которая хорошо оплачивается [2]. Собрание сведений о личной жизни гражданина и их распространение без его согласия являются общественно опасными, так как причиняют вред чести и достоинству человека, его спокойствию и даже свободе. Для предупреждения этих действий введена статья 137 УК РФ предусматривающая ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, где предметом этого преступления являются сведения, составляющие тайну личной и семейной жизни (Сведения – известие, сообщение, а тайна – нечто скрываемое от других, секрет. Тайна о личной жизни предполагает сведения о чертах характера, о болезнях, о сексуальных отклонениях, физических недостатках, о недостойном поведении. Действие состоит в сообщении и распространении указанных сведений о чем-то и сосредоточить в одном досье. Это осуществляется путем подслушивания разговоров, в том числе и с помощью технических средств, хищения документов и т.д. Распространение предполагает предание полученных сведений огласке в публичных выступлениях и в СМИ. Публичное выступление – рассказ публике на собрании, на улице в СМИ. Произведение – издание в виде книги, брошюры, листовки, рисунка. Распространение сведений в средствах массовой информации – их огласка через журналы, газеты, телевидение, интернет и т.д.).

Для рассматриваемого преступления обязательным является собрание и распространение соответствующих сведений без согласия лица, т.е. собрание и распространение соответствующих сведений носят незаконный характер. Указание в норме на незаконный характер таких действий связан тем, что законодатель в отдельных случаях разрешает их. На основании статьи 60 УК РФ при назначении наказания учитывается личность виновного, т.е. психофизические и социальные свойства человека. Сбор и использование сведений о лице, подозреваемом в совершении преступления, разрешается и Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности. Обязательным признаком состава ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни являются последствия (вред правам и законным интересам граждан). Одним из законных интересов является честь, достоинство, доброе имя, престиж, душевное спокойствие и комфорт, а оглашение сведений, являющихся личной тайной, причиняется вред указанным благам (причиняет неприятности, вред правам потерпевшего при оглашении каких-то сведений). Преступление совершается только с прямым умыслом, где мотивами являются корысть и личная заинтересованность (Корысть – стремление лица к получению выгоды имущественного характера и руководствуется он, собирая сведения, по найму или для продажи). Кто заказал собрание сведений, составляющих личную или семейную тайну, подлежит ответственности как соучастник данного преступления. Собрание указанных сведений возможно и для шантажа, в том числе и корыстного, который образует состав вымогательства, предусмотренного статьей 163 УК РФ. Такие действия квалифицируются по статье 137 и статьям 30 и 163 УК РФ. Иная личная заинтересованность может состоять в стремлении устроить претендента на вакантную должность, дискредитировать соперника, отомстить обидчику, навредить недоброжелателю и т.п.

Субъектом преступления может быть любое лицо, достигшее 16 лет, и наказывается штрафом, либо обязательными работами, либо исправительными работами, либо лишением свободы и более строгую ответственность за те же действия, если они совершены лицом с использованием его служебного положения. Если виновный является должностным лицом, перечисленные действия содержат состав преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ (злоупотребление должностным положением), это преступление карается строже, чем преступление, предусмотренное в ч. 2 ст. 137 УК РФ. На основании статьи 1100 ГК РФ с виновного в преступлении, предусмотренном статьей 137 УК РФ, по иску потерпевшего судом может быть взыскана компенсация морального вреда, возникшего в результате распространения сведений, подрывающих честь, достоинство и деловую репутацию пострадавшего. Размер компенсации определяется судом с учетом рекомендаций, указанных в части статьи 1100 ГК РФ, и требований истца. Компенсацию морального вреда традиционно относят к чисто гражданским правоотношениям. В судебной практике возникают вопросы о допустимости компенсации морального вреда в тех случаях, когда законом для данных правоотношений это прямо не предусмотрено (н-р по делам о восстановлении на работе) суды отказывают возместить моральный вред,

ссылаясь на трудовой кодекс, не предоставляющий это работникам. Применение этого института к трудовым отношениям встречается лишь эпизодически и выглядит почти экзотикой.

На требование о компенсации морального вреда исковая давность не распространяется, поскольку они вытекают из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ. Действующее законодательство одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда считает вину нарушителя, исключение составляют случаи, прямо предусмотренные законом. Отсутствие в законодательстве прямого указания на возможность компенсации нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не может претендовать на возмещение морального вреда [3]. Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств применения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего. Суд имеет право рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации нравственных или физических страданий, поскольку действующее законодательство ответственность за моральный вред не ставит в прямую зависимость от наличия имущественного ущерба, она может применяться и самостоятельно. Сегодня подавляющее большинство поступающих в судебные органы заявлений по разногласиям, возникающим в сфере регулирования законодательством о труде, сопровождается требованиями о компенсации морального вреда и эти требования часто удовлетворяются.

Не обуздываемый никакими нормами журналистский беспредел на практике оборачивается неправовыми средствами борьбы с ним [4]. Ни СМИ, ни законодателям, ни обществу нельзя разглашествовать о первородстве свободы слова в ряду других ценностей, среди которых право на человеческое достоинство, на возможность ограждать себя от пошлости, грязи, клеветы и вранья. Под видом свободы слова воспевающих прелести журналистской вседозволенности исследования показывают, что мы стоим перед выбором – добиться умной и приемлемой для СМИ корректировки базового законодательства о них или смириться с тем, что в ход идут нормы из смежных разделов права, третьего не дано. Вторжение на территорию СМИ с регулирующими рычагами оказывается для них крайне болезненным (распространение на СМИ действия закона об акционерных обществах), он покончил с такими вольностями, как право журналистам выбирать главных редакторов и членов редколлегии, были нужны юридические гарантии, но закон о СМИ их не обеспечил [5]. Реально существующая дилемма – «осовременить» базовое законодательство о СМИ, или согласиться с тем, что вместо устаревших положений применяются нормы смежных областей права (гражданского, административного, уголовного). СМИ заинтересованы в том, чтобы развитие было по первому пути, свободу ей обеспечит только закон и сделает ее независимой от олигархов и чиновников, пока существующие пробелы в федеральном законодательстве позволяют, особенно в субъектах, превращать СМИ в свои пропагандистские, рейтинговые отделы. Пока законодатель и СМИ противостоят назревшим правовым переменам, не осознают, что перемены эти нужны и той, и другой стороне, а главное обществу, уставшему от ангажированной и бесцеремонной прессы, которая живет в соответствии с рекламой, приносящей гонорар и в нынешнем состоянии не обеспечивает и не подталкивает СМИ к объективности и сдержанности, не ограждает от диктата извне. У политиков, собственников СМИ спрос существует на ангажированных идеологических бойцов с их вперед проплаченной правдой, т.к. законы сегодня никак этому не противодействуют, вот только не хотят этого граждане.

Умаление чести и достоинства человека причиняет ему моральный вред, является источником страданий и переживаний. Именно поэтому оно признано преступным и названо в УК РФ оскорблением. Оскорбление как действие, как признак состава преступления названо в шести статьях УК РФ, находящихся в разных главах (ст. 107, 113, 130, 297, 319, 336). В статье 110 УК РФ термина «оскорбление» нет. Вместо него названо содержание оскорбления, чем нарушен единый подход к определению признака состава. Определение оскорбления приведено в статье 130 УК РФ (им считается унижение чести и достоинства другого лица в неприличной форме), в смысловом значении честь – общественно-моральная оценка человека и его самооценка как члена общества, коллектива, семьи. Достоинство человека – совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также сознание ценности этих свойств и уважения к себе. Унижение человека – отрицательная

оценка, наиболее затрагивающая самолюбие человека и понижающая представление о нем у других лиц. Обязательным признаком оскорбления является неприличная форма унижения, то есть в действии, не принятом в обществе, грубо противоречащем нормам нравственности. Чаще всего это выражается в криминальной лексике, непристойных жестах, может состоять в демонстративном рукоприкладстве, отсутствие неприличной формы унижения исключает состав преступления и уголовную ответственность. Оскорбление, предусмотренное статьей 130 УК РФ, посягает на честь и достоинство лица, совершается оно с прямым умыслом любым лицом. Если оскорбление высказано в публичном выступлении или в СМИ, оно причиняет более существенный вред чести и достоинству и влечет уголовное наказание. Кроме основного состава оскорбления, предусмотренного ст. 130 УК РФ, имеются и специальные составы, в ст. 297, 319, 336 УК РФ, для «особых» потерпевших и, по норме законодателя, разные объекты преступления.

В составе ст. 297 УК РФ, потерпевшим названы участники судебного разбирательства – секретарь судебного заседания, адвокат, прокурор и отдельно (ч. 2 ст. 297 УК РФ) судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, статьей 319 УК РФ, потерпевшим назван представитель власти – депутаты всех рангов, работник правоохранительных органов, чиновники, статьей 336 УК РФ, потерпевшим является военнослужащий, воинский начальник при исполнении ими или в связи с исполнением обязанностей военной службы, в составе преступления предусмотренного статьей 319 УК РФ, обязательным признаком названа публичность оскорбления, то есть в присутствии третьих лиц. Если оскорбление перечисленных лиц имело место не в связи с исполнением служебных обязанностей потерпевшего и не публично, то оно не становится специальным и квалифицируется по статье 130 УК РФ. Из рассматриваемых норм УК РФ видно, что законодатель неодинаково (хотя и не очень существенно) защищает честь и достоинство людей. Неодинаковость зависит от личности потерпевшего. Оскорбление судьи и военачальника наказывается строже, чем оскорбление простого гражданина, хотя оскорбление имеет цель причинить страдание человеку, страдают все одинаково и страдания затрагивают сферу чувств, которые принадлежат человеку, а не должности. В связи с этим установление законодателем неодинаковой ответственности за оскорбление в зависимости от его социального положения потерпевшего, объективно и психологически вызывает мягко говоря возмущение. Установление неодинаковой защиты чести и достоинства противоречит и статье 19 Конституции РФ, которая декларирует равенство прав человека и гражданина. Честь и достоинство – блага, входящие в неотчуждаемые права человека. Разная защита чести и достоинства есть не что иное, как нарушение статьи 19 Конституции РФ, хотя здоровье, половую свободу УК РФ защищает одинаково независимо от пола, возраста, национальной, социальной принадлежности. Установление неодинаковой защиты чести и достоинства не справедлива и не должна укладываться в существующую тенденцию законодателя, в связи с чем было бы целесообразным в статьи УК РФ 297, 319, 336 внести изменения или исключить из УК РФ.

В трех статьях УК (107, 110, 113) оскорблением выступает поводом для самоубийства и возникновения аффекта и последующих преступлений. При этом в составах преступлений, предусмотренных статьями 107, 113 УК РФ, оскорбление должно быть тяжким. В законе нет определения тяжкого оскорбления, т.е. оно становится оценочной категорией, зависимой от усмотрения суда, что противоречит ст. 14 УК РФ. В то же время в указанных статьях назван ряд поводов возникновения аффекта, в том числе и аморальное поведение потерпевшего и каждый из этих поводов признается равнозначным.

Если законодатель такие поводы возникновения аффекта, как насилие и оскорбление, являются аморальными, то следовало бы

перечень поводов возникновения аффекта ограничить общественно опасным и аморальным поведением потерпевшего.

Литература

1. Глава Хакасии выиграл иск у пресс-секретаря «Роснефти» : [Электронный ресурс] // Право.ru. — 2019. — 16 мая. — URL: <https://pravo.ru/news/211538/#1> (дата обращения: 08.10.2024).
2. Вынесен обвинительный приговор в отношении частного детектива за соби́рание сведений, составляющих налоговую тайну : [Электронный ресурс] // Прокуратура города Москвы. — 2022. — 16 июня. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_77/mass-media/news/archive/e7918314/#1 (дата обращения: 08.10.2024).
3. О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/ (дата обращения: 08.10.2024).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 янв. 2019 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна» : [Электронный ресурс] // Конституционный Суд Российской Федерации. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/KSRFDecision/14422> (дата обращения: 08.10.2024).
5. Егоркина М. С. Пределы свободы массовой информации в законодательстве Российской Федерации // Молодой ученый. — 2024. — № 47 (546). — С. 175—178. — URL: <https://moluch.ru/archive/546/119533> (дата обращения: 08.10.2024).

Criminological characteristics of liability for defamation and insult Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

Ural State Law University, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the issue of liability for defamation and insult. The relevance is determined by the fact that this problem is an integral part of modern life, which most often has a negative impact on public sentiment on a daily basis. The purpose of the study is a detailed examination of the unlawful use of personal information in various situations, including on the information and political arena. The measures of liability for such actions and some related issues are also analyzed. This issue needs particular examination from the perspective of the mass media, since most media outlets have an influence on the public, which serves as the basis for this type of offense. Some possible scenarios for the development and resolution of this problem are analyzed through the prism of criminological research mechanisms.

Keywords: defamation, insult, liability, mass media, crime, corruption, offense.

References

1. Head of Khakassia Wins Lawsuit Against Rosneft Press Secretary [Electronic resource] // Pravo.ru. — 2019. — May 16. — URL: <https://pravo.ru/news/211538/#1> (accessed: 08.10.2024).
2. Conviction Issued Against Private Detective for Collecting Information Constituting Tax Secrets [Electronic resource] // Prosecutor's Office of the City of Moscow. — 2022. — June 16. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_77/mass-media/news/archive/e7918314/#1 (accessed: 08.10.2024).
3. On Certain Issues of the Application of Legislation on Compensation for Moral Harm: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of December 20, 1994 // ConsultantPlus. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/ (accessed: 08.10.2024).
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P of January 17, 2019 "On the Case of Reviewing the Constitutionality of Article 19.1 of the Law of the Russian Federation 'On Mass Media' in Connection with the Complaint of Citizen E.G. Finkel'shtein" [Electronic resource] // Constitutional Court of the Russian Federation. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/KSRFDecision/14422> (accessed: 08.10.2024).
5. Egorkina M. S. Limits of Freedom of Mass Information in the Legislation of the Russian Federation // Molodoy ucheny [Young Scientist]. — 2024. — No. 47 (546). — Pp. 175—178. — URL: <https://moluch.ru/archive/546/119533> (accessed: 08.10.2024).

Технологии подмены личности как обстоятельство, отягчающее наказание: где проходит предел

Малютин Егор Андреевич

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), thefortshok@mail.ru

Автором рассматривается проект федерального закона № 1288702-8 о дополнении части 1 статьи 63 УК РФ пунктом «х» об использовании сгенерированных аудиовизуальных материалов при совершении преступления. Он сопоставлен с пунктом «ф» той же статьи и с отзывами Правительства и Верховного Суда РФ. Обоснована двухуровневая модель: общее отягчающее обстоятельство ограничено случаями затруднения идентификации виновного, обман синтетическим образом закреплён как квалифицирующий признак. Даны редакции норм.

Ключевые слова: технологии подмены личности, синтетический образ, отягчающие обстоятельства, статья 63 УК РФ, квалифицирующий признак, мошенничество.

В середине июля 2026 года группа депутатов и сенаторов внесла в Государственную Думу проект федерального закона № 1288702-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Идея изложена предельно компактно: закрытый перечень обстоятельств, отягчающих наказание, дополняется пунктом «х» [13]. Под него подпадает совершение преступления с использованием видеозаписи, аудиозаписи, изображения или иных аудиовизуальных материалов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта либо иных технических средств обработки информации. Условие одно: такие материалы должны воспроизводить или имитировать высказывания и действия лица, фактически им не совершённые, либо демонстрировать человека, личность которого сгенерирована техническими средствами.

Отзывы поступили быстро и оказались сдержанными. Правительство РФ указало, что в отраслевом законодательстве использование технологий подмены личности не урегулировано, а потому перенос соответствующего термина в уголовный закон без корреспондирующих норм материального права несёт риск формирования некорректной практики. Верховный Суд РФ сослался на малое количество уголовных дел, в которых применялись технологии искусственного интеллекта, и заметил, что целесообразнее закреплять такой признак не в перечне отягчающих обстоятельств, а в качестве квалифицирующего либо составообразующего признака отдельных преступлений, прежде всего мошенничества. Отдельно отмечено, что предложенная формулировка не содержит признаков, позволяющих рассматривать само использование материала как неправомерное [13; 15].

Спор, таким образом, идёт не о том, нужна ли дифференциация ответственности, а о юридической технике. Именно этот слой меня и интересует.

Сразу оговорюсь, что похожую конструкцию вносить уже пытались. Осенью 2024 года предлагалось дополнить квалифицирующим признаком об использовании изображения, голоса и биометрических персональных данных сразу несколько статей: 128.1, 158, 159, 159.6, 163, 165 УК РФ. Тогда Правительство РФ и Верховный Суд РФ также дали отрицательные заключения, причём аргументация во многом повторяет нынешнюю [12; 16].

Дискуссия в науке к этому времени уже сложилась. Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева предлагают собственное определение дипфейка и обосновывают необходимость его нормативного закрепления [6]. И. Н. Мосечкин, разбирая фальсификацию биометрических данных, приходит к выводу о недостаточности гражданско-правового и административного инструментария и конструирует новый состав по образцу статьи 327 УК РФ [10]. М. А. Желудков и А. П. Алексеева отмечают, что часть 6 статьи 272.1 УК РФ охватывает оборот лишь подлинных персональных данных и не распространяется на сгенерированные образы [8]. И. С. Мочалкина, напротив, полагает достаточным дополнить статьи 158 и 159 УК РФ квалифицирующими признаками [9, с. 192]. Разброс позиций здесь показателен: единого мнения нет ни о месте нормы, ни даже о том, требуется ли она.

Повторное внесение инициативы в ином виде само по себе показательно: проблема признана, а способ её решения не найден. За тот же период законодатель успел ввести в Уголовный кодекс и полноценный новый состав: Федеральным законом от 30 ноября 2024 года № 421-ФЗ была установлена статья 272.1 об ответственности за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные, включая данные биометрические [4]. Реакция на технологии, стало быть, не сводится к одному инструменту.

Между тем нужный прецедент уже встроен в саму статью 63 УК РФ. Федеральным законом от 31 июля 2025 года № 282-ФЗ её часть 1 была дополнена пунктом «ф», признающим отягчающим обстоятельством совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам и информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Норма действует с 1 сентября 2025 года [3; 11].

Обратим внимание на хронологию. Законодатель признал технологический признак отягчающим обстоятельством, а спустя не-

сколько месяцев Верховный Суд РФ в отзыве на новый законопроект сослался на то, что подобных дел пока мало и что подобный признак лучше размещать в конкретных составах. Прямого противоречия здесь нет, поскольку Суд высказывался о конкретной редакции и о конкретном месте закрепления, но логика отзыва неминуемо задаёт и действующий пункт «ф». Получается, что один технологический признак уже признан допустимым элементом статьи 63 УК РФ, а другой, технологически устроенный ровно так же, вызывает возражения.

Замечу, что пункт «ф» уязвим ровно по тем основаниям, которые Суд вменяет новому законопроекту. Использование программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам (например: VPN) само по себе не запрещено, норма не требует устанавливать ни цели применения средства, ни его связи с содеянным. Значит, проблема не в самой идее технологического отягчающего обстоятельства, а в отсутствии критерия, который отделял бы значимое использование технологии от случайного.

Доктрина давно выработала требования к обстоятельствам, включаемым в часть 1 статьи 63 УК РФ [1]. Перечень закрыт, такие обстоятельства не образуют новых составов и не позволяют выйти за верхний предел санкции, их задача иная: сузить пределы судебного усмотрения при назначении наказания внутри уже установленных границ. Отсюда и признаки, которым должен отвечать пункт перечня. Обстоятельство должно быть типичным, способным сопровождать преступления разных категорий и повышать общественную опасность содеянного независимо от того, какой именно состав нарушен.

Ключевой водораздел проходит между способом и условием. Если признак характеризует способ совершения деяния, то есть входит в объективную сторону, его место в Особенной части. Если же признак описывает обстановку, которая повышает опасность деяния, не будучи элементом состава, он может появиться в статье 63 УК РФ. Часть 3 статьи 63 УК РФ прямо запрещает учитывать при назначении наказания обстоятельство, которое уже предусмотрено соответствующей статьёй Особенной части в качестве признака преступления, что служит нормативным выражением того же правила.

Технология подмены личности ломает эту дихотомию, поскольку способна работать одновременно в двух регистрах.

Первый регистр: синтетический образ выступает орудием обмана. Голос, воспроизводящий речь руководителя, побуждает сотрудника перечислить деньги; сгенерированное лицо проходит биометрическую проверку в банковском приложении. Здесь технология есть способ совершения преступления, причём способ, прямо названный в диспозиции: мошенничество совершается обманом или злоупотреблением доверием. Такой признак принадлежит Особенной части, а сопутствующие ему деяния в сфере компьютерной информации при необходимости оцениваются по совокупности, на что прямо указывает пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 51 [5].

Второй регистр: синтетический образ затрудняет установление виновного. Преступник действует не от своего имени, а от имени другого человека либо от имени лица, которого в природе не существует. Это обстоятельство не входит ни в объективную сторону мошенничества, ни в объективную сторону вымогательства, но оно одинаково повышает опасность самых разных посягательств: растёт латентность, удлинняется путь от деяния до установления исполнителя, размывается доказательственная база.

Вот здесь и проходит граница. Первый регистр не может быть отягчающим обстоятельством, поскольку поглощается способом. Второй может, поскольку составом не охватывается. Конкуренции между уровнями при таком делении не возникает, и правило части 3 статьи 63 УК РФ не нарушается.

Предложенный в законопроекте пункт «х» этого различия не проводит. Из его текста следует, что отягчающим признаётся любой факт использования сгенерированного материала при совершении любого преступления. Именно на это и указал Верховный Суд РФ, отметив отсутствие признака неправомерности [13; 15]. Замечание справедливо: в редакции проекта признак срабатывает и тогда, когда технология в содеянном никак не участвовала, а лишь присутствовала.

Ссылку на отсутствие отраслевого определения технологий подмены личности нельзя игнорировать, но и переоценивать её не

стоит. Уголовный закон вполне способен обойтись описанием признаков вместо дефиниции, и законопроект, собственно, этим путём идёт: он не употребляет слово «дипфейк», а перечисляет свойства материала. Беда в том, что перечень вышел слишком широким и лишенным целевой направленности.

Если связать признак с функцией материала, потребность в отраслевом термине отпадает вовсе. Суду не потребуется решать, является ли конкретный файл дипфейком в смысле какого-либо федерального закона; ему потребуется установить, имитировал ли материал высказывания или внешность конкретного человека и было ли это сделано для введения потерпевшего в заблуждение либо для оказания на него давления. Обе задачи решаются в рамках обычного доказывания с привлечением специалиста.

Из сказанного вытекает конструкция, которая, на мой взгляд, снимает и возражение Правительства РФ, и возражение Верховного Суда РФ, не отказываясь от самой идеи законопроекта.

На первом уровне сохраняется общее отягчающее обстоятельство, но с явным функциональным ограничением. Предлагаемая редакция пункта «х» части 1 статьи 63 УК РФ:

х) совершение преступления под видом другого лица с использованием видеозаписи, аудиозаписи, изображения (в том числе электронного) или иных аудиовизуальных материалов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта либо иных технических средств обработки информации и воспроизводящих или имитирующих высказывания, действия либо внешность лица, фактически им не совершённые или ему не принадлежащие, если это использовалось для введения потерпевшего или иных лиц в заблуждение либо для сокрытия личности виновного.

Формула «если это использовалось» отсекает случаи, когда технология присутствовала, но на механизм преступления не влияла. Упоминание сокрытия личности выводит на уровень общих отягчающих обстоятельств тот самый второй регистр, который составами не охватывается.

На втором уровне признак обмана закрепляется в конкретных статьях Особенной части. Применительно к части 3 статьи 159 УК РФ соответствующее дополнение выглядело бы так:

Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершённые с использованием видеозаписи, аудиозаписи, изображения (в том числе электронного) или иных аудиовизуальных материалов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта либо иных технических средств обработки информации и имитирующих высказывания, действия либо внешность потерпевшего или иного лица, -

Обращу внимание на одну техническую деталь. Квалифицирующие обстоятельства в частях 3 и 4 статьи 159 УК РФ буквенными пунктами не обозначены и соединены между собой союзом «а равно» либо «либо», поэтому новому признаку не требуется самостоятельной санкции: применяется санкция соответствующей части. Новый признак при таком устройстве нормы вводится присоединением к тексту части, и именно это, а не размер наказания, составляет основную законодательную трудность.

Аналогичный признак логично предусмотреть в статье 159.6 УК РФ, где синтетический образ используется для преодоления средств аутентификации, в статье 163 УК РФ, где сгенерированный компрометирующий материал служит средством принуждения, и в статье 128.1 УК РФ, где синтетический материал придаёт заведомо ложным сведениям вид достоверных. В каждом из этих случаев технология выступает именно способом, и только способом, что и определяет место закрепления.

Третий элемент модели негативный, но важный: при вменении квалифицирующего признака одноимённое обстоятельство из статьи 63 УК РФ учёту не подлежит. Это прямое следствие части 3 статьи 63 УК РФ, и его стоит прямо разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48, а не оставлять на усмотрение судов [2].

Сторонники сохранения status quo обычно рассуждают так: обман уже является признаком мошенничества, и не имеет значения, чем именно потерпевшего ввели в заблуждение. Кража остаётся кражей независимо от того, подобрал ли вор ключ или воспользовался чужой картой. Логика не лишена силы, и для значительной части ситуаций её достаточно.

Она даёт сбой в одном месте. Обычные средства обмана оставляют после себя след, привязанный к исполнителю: поддельный документ, чужую сим-карту, украденный аккаунт. На этом, по сути, и

строится позиция М. А. Ефремовой, которая, исследуя цифровую идентичность как объект охраны, приходит к выводу о достаточности действующих норм. Особенной части для оценки большинства подобных деяний и предлагает сосредоточить усилия на совокупности мер [7]. Применительно к хищению данных как таковому с такой оценкой можно согласиться.

С синтетическим образом положение иное. Он привязан не к исполнителю, а к лицу, чья личность воспроизводится. Потерпевший опознаёт не преступника, а своего руководителя, родственника, сотрудника банка. Это меняет не степень обмана, а саму возможность установления виновного и, как следствие, тяжесть последствий для того, чьё имя использовано: он становится первым подозреваемым в собственном деле.

Второй момент касается соразмерности. Квалифицированный состав решает задачу, когда речь идёт о преступлениях, где такой состав предусмотрен. Он ничего не даёт для посягательств, где способ обмана в диспозиции нет вовсе, и для преступлений, совершённых против неопределённого круга лиц с использованием одного сгенерированного образа многократно. Общий перечень отягчающих обстоятельств закрывает именно эту брешь, поскольку действует поверх всех составов.

Наконец, замечание о единичности практики [13] фактически верно, и строить законодательное решение на статистике, которой нет, было бы легкомысленно. Но инфраструктура для таких деяний уже криминализована и уже нагружена делами. С 1 сентября 2025 года действуют статьи 274.3, 274.4 и 274.5 УК РФ, введённые тем же Федеральным законом № 282-ФЗ: первая отвечает за незаконное использование абонентских терминалов пропуска трафика и виртуальных телефонных станций, вторая за организацию передачи абонентских номеров, третья за оборот сведений, необходимых для регистрации и авторизации в сети «Интернет» [3; 14]. Следственная практика по части 3 статьи 274.3 УК РФ уже формируется, фигурантами выступают в том числе лица, обеспечивавшие техническое обслуживание оборудования для подмены номеров [14]. Синтетический образ в этой цепочке следующий шаг, а не экзотика: он надстраивается поверх уже работающей инфраструктуры подмены идентификатор.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько положений.

Первое. Идея дифференцировать ответственность за преступления, совершённые с использованием технологий подмены личности, обоснована, однако механизм универсального отягчающего обстоятельства в редакции проекта № 1288702-8 этой задаче не отвечает: признак не связан с функцией технологии и потому охватывает деяния, опасность которых не повышена.

Второе. Действующий пункт «ф» части 1 статьи 63 УК РФ подтверждает принципиальную допустимость технологического признака в закрытом перечне, но воспроизводит тот же дефект и сам нуждается в корректировке по функциональному критерию.

Третье. Разграничение уровней должно строиться на функции: технология как способ обмана или принуждения относится к Особенной части, технология как средство затруднения идентификации виновного к статье 63 УК РФ.

Четвёртое. Предложенные редакции пункта «х» части 1 статьи 63 УК РФ и квалифицирующего признака в статье 159 УК РФ устраняют оба возражения, высказанных Правительством РФ и Верховным Судом РФ, поскольку не требуют отраслевой дефиниции и ограничивают применение признака случаями неправомерного использования материала.

Пятое. Закрепление признака должно сопровождаться разъяснением Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости двойного учёта одного и того же обстоятельства на уровне квалифицирующего признака и на уровне статьи 63 УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (в действующей редакции).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024.

5. О судебной практике по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 51.

6. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4. С. 42–55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005.

7. Ефремова М. А. Цифровая идентичность: проблемы уголовно-правовой охраны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). С. 124–129. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-124-129.

8. Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищённости биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-159-169.

9. Мочалкина И. С. Криминологическое противодействие экономическим преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5 (129). С. 189–196. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.189-196.

10. Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 1. С. 95–110. DOI: 10.21638/spbu14.2025.107.

11. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ: обзор документа // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1837829/> (дата обращения: 02.09.2026).

12. Дипфейки: изменения в УК РФ // Интеллект-Сервис: юридическая фирма. 07.10.2024. URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/dipfeyki_izmeneniya_v_uk_rf/ (дата обращения: 02.09.2026).

13. Дипфейки при совершении преступлений могут признать отягчающим обстоятельством: о проекте федерального закона № 1288702-8 и отзывах Правительства РФ и Верховного Суда РФ // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. 16.07.2026. URL: <https://www.garant.ru/news/2168210/> (дата обращения: 02.09.2026).

14. Следственный комитет завершил расследование дела о сим-боксах для телефонных мошенников // Российская газета. 05.08.2026. URL: <https://rg.ru/2026-08-05/sk-zakonchil-rassledovanie-dela-o-sim-boksah-dlia-telefonnyh-moshennikov.html> (дата обращения: 02.09.2026).

15. В Думу внесён законопроект, по которому дипфейки при совершении преступлений станут отягчающим обстоятельством // Российская газета. 19.07.2026. URL: <https://rg.ru/2026-07-19/osobaia-poddelka.html> (дата обращения: 02.09.2026).

16. Уголовный кодекс предлагают дополнить нормами об использовании дипфейков: об отзывах Правительства РФ и Верховного Суда РФ на законопроект 2024 года // РАПСИ: агентство правовой и судебной информации. 16.09.2024. URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240916/310242023.html (дата обращения: 02.09.2026).

Identity-swapping technologies as an aggravating circumstance: where to draw the line

Malyutin E.A.

Russian State University for the Humanities (RSUH)

The article examines draft federal law No. 1288702-8, which proposes to add item «kh» to part 1 of article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation on the use of AI-generated audiovisual materials in committing a crime. The initiative is compared with the existing item «f» of part 1 of article 63 and with the official opinions of the Government and the Supreme Court of the Russian Federation. A two-level model is substantiated: the general aggravating circumstance is limited to cases where identification of the offender is impeded, while deception by a synthetic image is fixed as a qualifying element of individual offences. The author's wording of the norms is given.

Keywords: identity-spoofing technologies, synthetic image, aggravating circumstances, article 63 of the Criminal Code, qualifying element, fraud.

References

1. Uголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 no. 63-FZ] (as amended on 04.08.2026). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
2. O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 № 48 [On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 no. 48] (as currently amended). (In Russ.)
3. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 31.07.2025 № 282-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2025 no. 282-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2025. (In Russ.)
4. O vnesenii izmenenij v Uголовный кодекс Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.11.2024 № 421-FZ [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.11.2024 no. 421-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2024. (In Russ.)
5. O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyakh v sfere kompyuternoj informacii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.12.2022 № 51 [On judicial practice in cases of crimes in the field of computer information: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 no. 51]. (In Russ.)
6. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Uголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации [Criminal-law and forensic aspects of countering the dissemination and use of deepfakes in the Russian Federation]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* [Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow]. 2023, no. 4, pp. 42–55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005. (In Russ.)
7. Efremova M.A. Tsifrovaya identichnost': problemy uголовно-pravovoj okhrany [Digital identity: problems of criminal-law protection]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and Order: History, Theory, Practice]. 2025, no. 3 (46), pp. 124–129. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-124-129. (In Russ.)
8. Zheludkov M.A., Alekseeva A.P. Obespechenie zashchishchennosti biometricheskikh personal'nykh dannykh ot ispol'zovaniya v kriminal'nykh tselyakh [Ensuring the security of biometric personal data against use for criminal purposes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2025, no. 2 (106), pp. 159–169. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-159-169. (In Russ.)
9. Mochalkina I.S. Kriminologicheskoe protivodejstvie ekonomicheskim prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologij [Criminological counteraction to economic crimes committed with the use of information and telecommunication technologies]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Bulletin]. 2025, no. 5 (129), pp. 189–196. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.189-196. (In Russ.)
10. Mosechkin I.N. Dipfejk-tehnologii i biometricheskie dannye: napravleniya uголовно-правовogo regulirovaniya [Deepfake technologies and biometric data: directions of criminal-law regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of St. Petersburg University. Law]. 2025, vol. 16, no. 1, pp. 95–110. DOI: 10.21638/spbu14.2025.107. (In Russ.)
11. Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2025 g. № 282-FZ: obzor dokumenta [Federal Law of July 31, 2025 no. 282-FZ: document review]. GARANT.RU: informatsionno-pravovoj portal [GARANT.RU: legal information portal]. Available at: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1837829/> (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
12. Dipfejki: izmeneniya v UK RF [Deepfakes: amendments to the Criminal Code of the Russian Federation]. *Intellect-Servis: yuridicheskaya firma* [Intellect-Service: law firm]. 07.10.2024. Available at: https://www.intellectpro.ru/press/works/dipfejki_izmeneniya_v_uk_rf/ (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
13. Dipfejki pri sovershenii prestuplenij mogut priznat' otyagchayushchim obstayatel'stvom: o proekte federal'nogo zakona № 1288702-8 i otzyvakh Pravitel'stva RF i Verkhovnogo Suda RF [Deepfakes in the commission of crimes may be recognized as an aggravating circumstance: on draft federal law no. 1288702-8 and the opinions of the Government of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation]. GARANT.RU: informatsionno-pravovoj portal [GARANT.RU: legal information portal]. 16.07.2026. Available at: <https://www.garant.ru/news/2168210/> (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
14. Sledstvennyj komitet zavershil rassledovanie dela o sim-boksakh dlya telefonnykh moshennikov [The Investigative Committee has completed the investigation of the case concerning SIM boxes used by telephone fraudsters]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette]. 05.08.2026. Available at: <https://rg.ru/2026-08-05/sk-zakonchil-rassledovanie-dela-o-sim-boksah-dlia-telefonnyh-moshennikov.html> (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
15. V Dumu vnesyon zakonoproekt, po kotoromu dipfejki pri sovershenii prestuplenij stanut otyagchayushchim obstayatel'stvom [A bill has been submitted to the State Duma under which deepfakes used in the commission of crimes will become an aggravating circumstance]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette]. 19.07.2026. Available at: <https://rg.ru/2026-07-19/osobaia-poddelka.html> (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
16. Uголовный кодекс предлагayut dopolnit' normami ob ispol'zovanii dipfejkov: ob otzyvakh Pravitel'stva RF i Verkhovnogo Suda RF na zakonoproekt 2024 goda [The Criminal Code is proposed to be supplemented with norms on the use of deepfakes: on the opinions of the Government of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the 2024 draft law]. *RAPSI: agentstvo pravovoj i sudebnoj informacii* [RAPSI: Russian Legal and Judicial Information Agency]. 16.09.2024. Available at: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240916/310242023.html (accessed 02.09.2026). (In Russ.)

О совершенствовании названия главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации

Мосечкин Илья Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, юридический институт, Вятский государственный университет, usr09858@vyatsu.ru

Статья посвящена анализу названия главы 28 УК РФ в контексте соответствия родовому и видовому объектам посягательств, а также содержанию включенных в нее статей. Для структурных элементов уголовного закона наиболее типичной является словесная конструкция «преступления против», однако глава 28 УК РФ является одним из немногочисленных исключений. Автор доказывает, что указание на сферу компьютерной информации в большей степени характеризует специфику соответствующих преступлений и место их совершения, чем объект. В статье также обосновывается, что категория «компьютерная информация» является устаревшей и не такой точной, по сравнению с категорией «цифровая информация». Не соответствует действующее название главы 28 УК РФ и ее содержанию, которое существенно расширилось после введения статей 272.3-272.4 УК РФ, посвященных противодействию преступлениям не только против безопасности цифровой информации, но и связи. В многочисленных работах ученых прогнозируется дальнейшая криминализация общественно опасных деяний, в том числе связанных с искусственным интеллектом. На основе проведенного исследования автор предлагает сменить название главы 28 УК РФ «Преступления против безопасности цифровой информации, искусственного интеллекта и связи».

Ключевые слова: компьютерная информация, цифровая информация, безопасность, искусственный интеллект, связь, название, ЭВМ.

Введение

В последнее время сформировалась тенденция к повышению частоты внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. В частности, в 2019 году поправки вносились 12 федеральными законами, в 2020 году – их число составило 13, в 2022 году – 11, в 2023 году – 13, а в 2024 году – 20. Таким образом, система уголовного законодательства находится практически в непрерывном реформировании. К динамике вносимых изменений можно относиться как положительно, так и отрицательно, однако вызвана она вполне конкретными причинами, к которым относятся, например: развитие регулируемых общественных отношений, коррекция выявленных судебно-следственной практикой недостатков, внутриаполитическими и внешнеполитическими реалиями.

Положения об ответственности за совершение компьютерных преступлений в данном контексте исключением не являются. В первоначальной редакции УК РФ и на протяжении множества лет после его принятия глава 28 содержала всего 3 статьи, которые охватывали наиболее типичные преступления. Однако научно-технический прогресс привел к повсеместному распространению технологий и переосмыслению отношения к ним в обществе. Новые угрозы обусловили появление новых правовых средств защиты. По объективным причинам была установлена ответственность за посягательства на критическую информационную инфраструктуру, за нарушение ряда правил, связанных с установкой и модернизацией технических средств противодействия угрозам функциональности сети «Интернет», за незаконный оборот персональных данных. 2025 год стал примечательным в контексте введения в УК РФ сразу нескольких статей, регулирующих ответственность за нарушения в сфере связи. Таким образом, некогда небольшая по количеству составов преступлений глава 28 УК РФ существенно расширилась. Исследование настоящей темы базируется на гипотезе о несоответствии названия главы 28 УК РФ как видовому объекту посягательств, закрепленных в ст. 272-274.5 УК РФ, так и содержанию данных статей. Научное предположение построено в том числе на встречающихся в научной литературе доводах о некорректном названии, расположении главы в структуре уголовного закона и выделении самостоятельного раздела о компьютерных преступлениях.

Основная часть

Соотношение названия главы 28 УК РФ с объектом преступления

Сущность объекта преступления не является предметом данного исследования, поэтому в ходе анализа научной литературы были отобраны источники, авторы которых придерживаются как ценностной концепции, так и концепции общественных отношений. В доктрине принято полагать, что основой систематизации Особенной части УК РФ послужили родовая и видовая объекты посягательств [3, с. 41]. Исходя из этого сформулированы названия разделов и глав, определена последовательность статей. Обычно законодатель прямо указывает на объект посредством словесной конструкции «преступления против». Таким образом в законе отражены, например, общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье, обеспечивающие правосудие и другие. Однако избранный законодателем подход содержит исключения. К ним относятся главы 22, 26 и 28 УК РФ, в заголовках которых словесная конструкция «преступления против» не используется. Возможно, отчасти из-за указанной выше особенности названия в науке уголовного права не сложилось однозначного понимания видового объекта рассматриваемых в настоящем исследовании преступлений. Большинство авторов так или иначе связывают видовой объект с компьютерной информацией, а именно с интересами в области безопасности ее создания, использования и распространения. Такой вывод по итогам анализа ряда теоретических трудов сделал К. Н. Евдокимов [5, с. 305]. В пользу состояния защищенности (иными словами, в пользу безопасности) компьютерной информации и нормального функционирования средств автоматизированной обработки приводит аргументы Е. А. Рускевич [10, с. 216]. В учебных пособиях по дисци-

плине «Уголовное право» под видовым объектом, как правило, понимают общественные отношения в сфере безопасности компьютерной информации или нечто схожее по смыслу [13; 14].

Представляется, что авторы формулировали подходы к определению видового объекта в значительной мере исходя из названия главы 28 УК РФ и толкования воли законодателя. С одной стороны, структурные части уголовного закона и их названия являются достаточно стабильными. С другой стороны, сфера компьютерной информации, в отличие от других сфер, включающих интересы личности, экономические отношения, защиту государства, является достаточно новой и слабо изученной. Название «Преступления в сфере компьютерной информации» глава 28 УК РФ получила в период, характеризующийся качественно и количественно иным состоянием киберпреступности. С тех пор изменились не только виды преступлений и распространенность информации в электронном виде, но также охраняемые общественные отношения и восприятие обществом технологий. Кроме персональных компьютеров информация теперь обращается повсеместно: в смартфонах, часах, электрочайниках, электровесах и других гаджетах. В обиход прочно вошел термин «цифровизация», а не «компьютеризация», что нашло отражение даже в наименовании Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. В уголовном праве такая терминология не используется, хотя изменение подхода к пониманию сущности технологий наблюдается: более десяти лет назад из составов преступления исключили признаки «ЭВМ», «система ЭВМ» и «программа для ЭВМ» как несоответствующие новым реалиям.

В гражданском праве, как наиболее гибкой отрасли, прямо закреплены такие категории, как «цифровые права» и «цифровая форма». Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» оперирует понятием «цифровой рубль» [20]. Стоит отметить также наличие Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ, который носит название «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [21]. Трудовое законодательство предусматривает ведение электронного документооборота на цифровой платформе «Работа в России» [12]. Антимонопольное законодательство запрещает отдельные действия, совершаемые хозяйствующим субъектом, который владеет цифровой платформой [19]. Перечисленные нормативные правовые источники наглядно характеризуют наметившуюся тенденцию в использовании терминологии, хотя существует и множество других.

Таким образом, в современной юридической технике наблюдается переход к термину «цифровой» вместо термина «компьютерный» и, как представляется, такой переход должен быть осуществлен в уголовном праве, поскольку это предоставит возможность наилучшим образом описать объект посягательства и признаки отдельных составов преступлений. В литературе необходимость перехода уже обсуждалась, сформулированы аргументированные доводы в его пользу. Так, И. Р. Бегишев и И. И. Бикеев убедительно доказывают целесообразность изменения названия главы 28 УК РФ на «Преступления в сфере обращения цифровой информации», что позволит учесть сущность цифровой формы информации и дополнительно охватить ряд составов преступлений. Метко отмечается, что с позиции русского языка, «если обращаемая в компьютере информация является компьютерной, то обращаемая информация в принтере будет называться принтерной, в сканере – сканерной», и такой подход, естественно, был бы неточным [9, с. 33]. Несмотря на высокую значимость проведенного исследования, следует отметить, что проводилось оно на нормативной базе, содержание которой существенно изменилось. Появились новые статьи, регулирующие ответственность за совершение преступлений против безопасности связи, что не полностью укладывается в рамки категории «цифровая информация». Поскольку законодатель расширил круг объектов, на которые посягают сгруппированные в главе 28 УК РФ преступления, возникла необходимость скорректировать название, распространив его на новые охраняемые общественные отношения – в области безопасности связи.

Не вполне удачным в названии главы видится указание именно на сферу. «Сфера» – это область или пределы распространения чего-нибудь [11]. Таким образом, законодатель скорее указывает на место совершения преступления (компьютерная среда, виртуальная среда, киберпространство), чем на объект, которому причиня-

ется вред. В действительности же любого потерпевшего значительно больше волнует не сама сохранность компьютерной информации, а последствия, которые могут наступить вследствие ее нарушения: утрата недописанной книги, памятных фотографий, ухудшение работы организации, дисциплинарное взыскание и т.п. Такие последствия не обязательно наступают из-за совершения предусмотренных главой 28 УК РФ преступлений, но существует их риск, ставящий под угрозу безопасность, как более комплексное явление.

Указание на сферу компьютерной информации в целом малоинформативно в силу возможности чрезмерно расширительного толкования и соотношения с преступлениями, которые могут в ней совершаться. Компьютерную составляющую имеют, например, доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ) и сбыт наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ). Все указанные деяния имеют и «реальную» составляющую – их исполнение подразумевает действия за пределами сети «Интернет». Однако круг деликтов, совершаемых исключительно в киберпространстве, остается крайне широким. В частности, азартные игры часто проводятся с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и электронных денежных средств (ст. 171.2 УК РФ). Осуществление неправомерных операций с использованием электронного средства платежа (ч. 4 и ч. 6 ст. 187 УК РФ) происходит, как правило, в ходе использования программ дистанционного банковского обслуживания. Кроме перечисленных, существуют и другие преступления, совершение которых возможно исключительно в пределах киберпространства. Законодатель довольно логично разместил описание соответствующих составов в других статьях, исходя из непосредственного объекта посягательства: порядка проведения азартных игр, собственности, порядка безналичных расчетов и иных. Киберпространство в таких преступлениях выступает в роли места или, грубо говоря, способа, но безопасности компьютерной информации вред не причиняется или причиняется факультативно. Таким образом, статьи главы 28 УК РФ охватывают преступления не в силу особой сферы их осуществления, а в силу их посягательства на схожие объекты, которые связаны с общественной безопасностью и общественным порядком, если исходить из расположения статей в соответствующем разделе IX. Следовательно, логичным было бы указать в названии главы на нарушение безопасности компьютерной (цифровой) информации, поскольку без нее общественная безопасность в современных условиях не существует.

Представители науки уголовного права аргументировали несколько отличающихся друг от друга позиций, суть которых заключается в признании безопасности в качестве объекта киберпреступлений. В частности, С.Э. Ахьядов утверждает, что анализ статей 272-274.2 УК РФ позволяет сделать вывод об информационной безопасности как основном объекте и общественных отношениях в области информации и компьютерных технологий как родовом (видовом) объекте [2, с. 472]. Зарубежный опыт регулирования, особенно в странах постсоветского пространства, говорит о поддержке данной позиции. Например, согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь, раздел XII и глава 31 именуется одинаковым образом – «Преступления против компьютерной безопасности» [16]. Причем сам круг преступлений весьма схож с отечественным. Среди объектов охраны компьютерную, информационную или иную разновидность безопасности называют уголовные законы Республики Таджикистан [17], Республики Армения [15]. Хотя зарубежный опыт заслуживает внимания и анализа на предмет возможного заимствования в отечественное законодательство, для полноценного вывода об изменении названия недостаточно изучить только объект посягательства. Необходимо также остановиться на содержании главы с учетом последних дополнений.

Соотношение названия главы 28 УК РФ с ее содержанием

Как уже отмечалось ранее, в последние годы глава 28 УК РФ претерпела ряд изменений. По поводу введения ст. 274.1 УК РФ Д. С. Мирный справедливо отмечает факт постановки под охрану принципиально нового объекта, выходящего за рамки компьютерной информации. Текущая редакция ст. 274.1 УК РФ запрещает посягательства не только на безопасность цифровых данных, содержащихся в критической информационной инфраструктуре, но и «на нормальное функционирование систем» [7].

Введение в УК РФ ст. 272.1 УК РФ было обусловлено необходимостью защиты персональных данных, неосторожные и умышлен-

ные утечки которых все чаще стали иметь место в условиях цифровизации. Однако поскольку при незаконном обороте таких данных всегда нарушаются права и свободы конкретных физических лиц, а не общества в целом или даже значительной ее части, А. А. Шутова задается вопросом, каким образом возникает угроза общественной безопасности, которая является родовым объектом? Автор приходит к выводу о необходимости выделения в самостоятельный раздел положений, содержащих запреты уголовно наказуемых деяний в сфере компьютерной информации [22, с. 123].

Изменение подхода к безопасности информационной сферы привело к внедрению технических средств противодействия различным угрозам. За нарушение правил их установки, эксплуатации и модернизации, а также за нарушение требований к пропуску трафика предусмотрена административная (статьи 13.42 и 13.42.1 КоАП РФ) и уголовная (ст. 274.2 УК РФ) ответственность. Данные преступления не протекают полностью в сфере компьютерной информации и не всегда посягают на ее безопасность, поскольку, во-первых, запрещают ненадлежащие действия или бездействие должностных лиц или индивидуальных предпринимателей по поводу правил централизованного управления техническими средствами, а во-вторых, касаются также трансляции телеканалов и (или) радиоканалов в части взаимодействия с сетями связи общего пользования. Так, например, к административной ответственности по ч. 3 ст. 13.42 КоАП РФ (что является одним из условий для дальнейшего привлечения к уголовной ответственности) было привлечено ООО «СпецТелеком-Юг». Мировым судьей было установлено, что ООО «СпецТелеком-Юг» при оказании телематических услуги связи, вопреки установленным правилам, после получения обращения из радиочастотной службы не направило в службу заявление о необходимом для установки количестве технических средств контроля. ООО «СпецТелеком-Юг» было признано виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 13.42 КоАП РФ с назначением штрафа в размере 300000 рублей [8].

В июле 2025 года глава 28 УК РФ пополнилась сразу 3 статьями, направленными на противодействие массовым звонкам, незаконному обороту абонентских номеров, а также данных (логинов, паролей), используемых для регистрации и авторизации пользователей. Меры по совершенствованию закона были призваны усилить кибербезопасность и ликвидировать отдельные правовые пробелы. Особенно это справедливо для области авторизации на информационных ресурсах сети «Интернет», так как оборот личных данных опасен сам по себе, а если такие данные позволяют войти в учетную запись другого человека с целью совершения преступления, то характер и степень общественной опасности возрастают. Однако в меньшей степени к сфере компьютерной информации относится уголовно-правовой запрет деятельности по передаче абонентских номеров (ст. 274.4 УК РФ). Основным нормативным актом, к которому отсылает диспозиция бланкетного характера, является Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», регулирующий деятельность операторов, особенности оказания услуг, основания передачи абонентского номера третьим лицам. Верным видится замечание М. В. Ульянова о том, что принятие последних изменений говорит об осознании законодателем нарастания угроз информационной безопасности и нацеленности норм, закрепленных в гл. 28 УК РФ, на обеспечение уголовно-правовой охраны информационной среды, средств коммуникации и связи [18, с. 105]. Думается, что безопасность связи при криминализации имела более высокий приоритет, нежели безопасность компьютерной информации в целом. Расположение новой ст. 274.4 в УК РФ вполне логично, но лишь при условии расширения названия главы 28 УК РФ и, соответственно, правильного указания на круг общественных отношений, подлежащих охране.

При корректировке уголовного закона целесообразно учитывать не только текущее содержание и текущий уровень развития общества – следует дать реалистичный прогноз о будущих угрозах. Как отмечает Н. Ш. Козаев, содержания главы 28 УК РФ недостаточно для охвата всего спектра противоправных деяний, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, поэтому целесообразно закрепить в законе новые составы преступлений, отражающие современные реалии [6, с. 147]. Отдельные исследователи доказывают, что обвинительные приговоры по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием искусственного интеллекта, перестали быть редкими [4, с. 104]. Анализ

научных статей, посвященных противодействию высокотехнологичным преступлениям, позволяет говорить о высоковероятной криминализации в будущем общественно опасных деяний, связанных с искусственным интеллектом. Нейронные сети стремительно ворвались в привычный уклад жизни общества, а их интеграция произошла в медицине, транспортной, развлекательной и других сферах. К сожалению, интеллектуальные системы широко используются в криминальных целях. По соответствующему запросу программы генерируют порнографический, клеветнический и дискредитирующий контент, отстаивают интересы государств, участвующих в вооруженных конфликтах против России. Зарубежные исследователи сообщают о значительном росте числа фишинговых рассылок с использованием искусственного интеллекта, который позволяет создать убедительные персонализированные атаки, создавать копии известных сайтов [25, с. 47]. Полицейская служба Европейского союза выявила организованную группу, специализирующуюся на отмывании денежных средств, добытых преступным путем. Соучастники использовали интеллектуальную систему, которая дробила и структурировала финансовые операции, осуществляла их в нескольких юрисдикциях, чтобы избежать обнаружения органами власти [24, с. 249].

Современные нейросети, внедренные в различные процессы деятельности, не полностью автономны, поэтому не исключается ошибка человека при принятии какого-либо вредоносного решения. Однако не существует и гарантий безошибочного обучения полностью автономных программ в будущем, а ведь такие ошибки способны привести к неверной постановке диагнозов, авариям, гибели людей. Упущения в защите искусственного интеллекта могут повлечь нанесение ущерба со стороны третьих лиц. Так, уязвимость в работе одной из программ позволила виновным лицам получить несанкционированный доступ к личной информации. Искусственный интеллект по запросу составлял сводки переписок с доступом к личным сообщениям. Взломщики использовали технику под названием «инъекция с подсказкой», обманули программу, и заставили ее отразить информацию из сообщений других граждан [25, с. 48]. Изложенное позволяет говорить о будущем потенциале криминализации не только умышленных, но и неосторожных деяний, связанных с использованием искусственного интеллекта, но это будет зависеть от распространенности внедрения программ и риска наступления вредных последствий.

Кроме того, в настоящее время в противоправных целях на системы искусственного интеллекта осуществляются атаки, не отвечающие признакам, описанным в статьях 272 или 273 УК РФ. Используя уязвимости нейронных сетей, отдельные лица внедряют ложную информацию разными способами, то есть обманывают программы (такие атаки, получившие название «состязательные», внедряют поврежденные сегменты в процесс обучения программы, что приводит к принятию неверных, ошибочных или общественно опасных решений) [23]. В России подобные уязвимости неоднократно выявлялись «Лабораторией Касперского» [1]. Использование несовершенств и уязвимостей искусственного интеллекта создает риск причинения вреда жизни и здоровью человека, собственности, экономической деятельности, общественной безопасности, деятельности государства. В то же время некоторые виновные лица иногда преследуют цель причинить ущерб именно системе, руководствуясь мотивами ненависти и вражды. Иными словами, объектом посягательств в их представлении являются роботы и их программное обеспечение [26, с. 4]. Таким образом, уголовно-правовая охрана искусственного интеллекта и робототехники с соответствующим расширением главы 28 УК РФ – вопрос не столь отдаленного времени.

Выводы

Думается, название главы 28 УК РФ частично устарело и не соответствует требованию языковой стандартизированности закона. Последние изменения в других отраслях нормативно-правового регулирования указывают на термин «цифровая информация», как наиболее предпочтительный и точный. Указание на сферу компьютерной информации в значительной мере относится к месту совершения преступления и специфике, но не к объекту посягательства, который обычно выделяется посредством употребления словесной конструкции «преступления против».

Не соответствует действующее название главы 28 УК РФ и ее содержанию, которое существенно расширилось после введения

статей 274.2-274.6 УК РФ, посвященных противодействию преступлениям не столько против безопасности цифровой информации, сколько против связи. Многие из правоведов прогнозируют дальнейшую криминализацию общественно опасных деяний, связанных с искусственным интеллектом. Последний играет в жизни людей столь важную роль, что нарушение его функционирования способно породить тяжкие последствия. Таким образом, название главы 28 УК РФ предлагается скорректировать. Оптимальная формулировка, думается, выглядит следующим образом: «Преступления против безопасности цифровой информации, искусственного интеллекта и связи». Предложенное название позволит надлежаще учесть объекты посягательств, а также охватить содержание статей, как текущих, так и прогнозируемых в обозримом будущем.

Литература

1. «Лаборатория Касперского» помогла устранить критические уязвимости в менеджере паролей для бизнеса // URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-pomogla-ustranit-kriticheskie-uyazvimosti-v-menedzhere-parolej-dlya-biznesa> (дата обращения 14.08.2026).
2. Ахъядов Э. С. М. Основные характеристики преступлений, совершаемых в сфере обращения цифровой информации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 471-474.
3. Безверхов А. Г., Голенко Д. В. О соотношении Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. 2024. № 4 (117). С. 39-48.
4. Евдокимов К. Н. К вопросу совершенствования российского уголовного законодательства в контексте противодействия криминальному использованию технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 6 (104). С. 102-108.
5. Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 557 с.
6. Козаев Н. Ш. Киберпреступность в современном мире: тенденции, вызовы и стратегии противодействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 146-153.
7. Мирный Д. С. О соотношении объекта преступлений, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ, и объекта охраны законодательства в сфере безопасности критической информационно-инфраструктуры // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 193-197.
8. Постановление по делу об административном правонарушении Мирового судьи судебного участка № 409 Красносельского района гор. Москвы от 09.09.2021 г. по делу № 5-760/2021 // URL: <https://mos-sud.ru/409> (дата обращения 14.08.2026).
9. Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 300 с.
10. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 521 с.
11. Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegov.ru/word.php?wordid=31156> (дата обращения 14.08.2026).
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
13. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. Н. В. Иванцовой. – Йошкар-ола: Марийский гос. ун-т, 2024. 1068 с.
14. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2014. 784 с.
15. Уголовный кодекс Республики Армения от 27.05.2021 № ЗР-199 // Официальные ведомости Республики Армения». 2021.
16. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275 3 // Ведомасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 24. Ст. 420.
17. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. 1998 г. № 9. Ст. 68–70.
18. Ульянов М. В. Преступления в сфере компьютерной информации: возможности уголовно-правового воздействия и предупреждения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 102-108.
19. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
20. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
21. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5017.
22. Шутова А. А. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 166. № 6. С. 122-134.
23. Blauth T. F., Gstrein O. J., Zwitter A. Artificial intelligence crime: An overview of malicious use and abuse of AI // IEEE Access. 2022. Vol. 10. P. 77110-77122.
24. Hasan Z., Marisna D. S. Artificial Intelligence: Making crime easier in the world of finance? // AL-ARBAH: Journal of Islamic Finance and Banking. 2024. Vol. 6. I. 2. P. 223-256.
25. Jain B. AI: A New Terror Unleashed // LawFoyer International Journal of Doctrinal Legal Research. 2025. Vol. 3. P. 47-68.
26. Oravec J. A. Rage against robots: Emotional and motivational dimensions of anti-robot attacks, robot sabotage, and robot bullying // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 189. P. 1-8.

On improving the title of chapter 28 of the criminal code of the russian federation Mosechkin I.I.N.

Vyatka State University

This article analyzes the title of Chapter 28 of the Russian Criminal Code in terms of its correspondence to the generic and specific objects of offenses, as well as the content of the articles included within it. The verbal construction "crimes against" is most typical for the structural elements of criminal law, but Chapter 28 of the Russian Criminal Code is one of the few exceptions. The author argues that the reference to the field of computer information better characterizes the specifics of the relevant crimes and the location of their commission than the object. The article also argues that the category "computer information" is outdated and less precise than the category "digital information." The current title of Chapter 28 of the Russian Criminal Code is inconsistent with its content, which was significantly expanded following the introduction of Articles 272.3-272.4 of the Russian Criminal Code, which address crimes against not only the security of digital information but also communications. Numerous scholarly studies predict the further criminalization of socially dangerous acts, including those related to artificial intelligence. Based on the research conducted, the author proposes changing the title of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, "Crimes against the security of digital information, artificial intelligence, and communications."

Keywords: computer information; digital information; security; artificial intelligence; communication; name; computer.

References

1. Kaspersky Lab helped fix critical vulnerabilities in a business password manager // URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-pomogla-ustranit-kriticheskie-uyazvimosti-v-menedzhere-parolej-dlya-biznesa> (accessed 14.08.2026). (in Russ.).
2. Akhyadov E. S. M. Key characteristics of crimes committed in the field of digital information circulation // Law and State: Theory and Practice. 2025. No 1. P. 471-474. (in Russ.).
3. Bezverkhov A. G., Golenko D. V. (2024). On the relationship between the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. No 4. P. 39-48. (in Russ.).
4. Evdokimov K. N. On the issue of improving Russian criminal legislation in the context of countering the criminal use of artificial intelligence technologies // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No 6. P. 102-108. (in Russ.).
5. Evdokimov K. N. Combating Computer Crime: Theory, Legislation, and Practice. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 2021. 557 p. (in Russ.).
6. Kozhev N. Sh. Cybercrime in the modern world: trends, challenges and counteraction strategies // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No 11. P. 146-153. (in Russ.).
7. Mirnyy D. S. On the relationship of the object of crimes provided for in article 274.1 of the RF criminal code and the object of protection of legislation in the field of security of critical information infrastructure // Civil Service and Personnel. 2024. No 3. P. 193-197 (in Russ.).
8. Resolution on the case of an administrative offense of the Justice of the Peace of Judicial District No. 409 of the Krasnoselsky District of Moscow dated September 9, 2021, in case No. 5-760/2021 // URL: <https://mos-sud.ru/409> (accessed 14.08.2026).
9. Begishev I. R., Bikeev I. I. Crimes in the field of digital information circulation. Kazan, 2020. (in Russ.).

10. Ruskevich Ye. A. Differentiation of responsibility for crimes committed using information and communication technologies and problems of their qualification Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 2020. 521 p. (in Russ.).
11. Ozhegov's Explanatory Dictionary // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31156> (accessed 14.08.2026). (in Russ.).
12. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No 1 (Ch. 1). Art. 3. (in Russ.).
13. Ivancova N. V. Criminal Law of Russia. Special Section: A Textbook for Bachelor's Degrees. Yoshkar-Ola, 2024. (in Russ.).
14. Rarog A. I. Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook. Moscow, 2014. (in Russ.).
15. Ulyanov M. V. (2022). Crimes in the sphere of computer information: possibilities of criminal legal impact and prevention // LEGAL ORDER: History, Theory, Practice. 2022. No 4 (35). P. 102-108. (in Russ.).
16. Criminal Code of the Republic of Armenia dated May 27, 2021 No. 3P-199 // Official Gazette of the Republic of Armenia. 2021.
17. Criminal Code of the Republic of Belarus dated 07/09/1999 No. 275 Z // Vedamastsi Natsyanalnaga immediately of the Republic of Belarus. 1999. No 24. Art. 420.
18. Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998 No. 574 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 1998 r. No 9. Art. 68–70.
19. Shutova A. A. Novelties in Russian Criminal Law on Liability for Personal Data Breaches // Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2024. Vol. 166. No 6. P. 122-134. (in Russ.).
20. Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ "On the Protection of Competition" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No 31 (Ch. 1). Art. 3434. (in Russ.).
21. Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" // Collection of Legislation PФ. 2011. No. 27. Art. 3872. (in Russ.).
22. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No 31 (Ch. 1). Art. 5017. (in Russ.).
23. Blauth T. F., Gstrein O. J., Zwitter A. Artificial intelligence crime: An overview of malicious use and abuse of AI // IEEE Access. 2022. No 10. P. 77110-77122.
24. Hasan Z., Marisna D. S. Artificial Intelligence: Making crime easier in the world of finance? // AL-ARBAH: Journal of Islamic Finance and Banking. 2024. Vol. 6. No 2. P. 223-256.
25. Jain B. AI: A New Terror Unleashed // LawFoyer International Journal of Doctrinal Legal Research. 2025. No 3. P. 47-68.
26. Oravec J. A. Rage against robots: Emotional and motivational dimensions of anti-robot attacks, robot sabotage, and robot bullying // Technological Forecasting and Social Change. 2023. No 189. P. 1-8.

Гибридные угрозы как фактор трансформации современной преступности: уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия

Савельева Ирина Владимировна

канд. псих. наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, I_Saveljeva@bsuedu.ru

Статья посвящена теме трансформации современной преступности в Российской Федерации под влиянием гибридных угроз. Особое внимание уделяется изменению криминальной детерминации, при которой преступность приобретает черты инструмента межгосударственного противоборства, а классические институты уголовного права (соучастие, вина, квалифицирующие признаки) оказываются недостаточно эффективными в условиях «серых зон». Цель исследования – разработка теоретической модели совершенствования уголовно-правового и криминологического инструментария противодействия преступлениям, совершаемым в контексте гибридных конфликтов. Методы включают диалектический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический анализ и метод экспертных оценок. Результаты: выявлены три системных тренда – технологизация и дистанционность посягательств (массовое применение БПЛА, кибератаки), вовлечение уязвимых категорий населения (эффект «прокси-акторов») и сращивание информационно-психологического воздействия с уголовно-наказуемыми деяниями. Обоснован феномен «правоприменительного паралича» при квалификации деяний в условиях внешнего дистанционного управления. Выводы: предложен комплекс законодательных изменений (дополнение ст. 63 УК РФ новымиотягчающими обстоятельствами, расширение ст. 281 УК РФ) и разработка постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также организационно-профилактические меры.

Ключевые слова: гибридные угрозы; трансформация преступности; диверсия; беспилотные летательные аппараты; информационно-психологическое воздействие; уголовно-правовая квалификация; правоприменительный паралич; прокси-акторы; серая зона; противодействие.

Введение

Современный этап развития государственно-правовой системы Российской Федерации характеризуется беспрецедентным усложнением характера внешних и внутренних вызовов безопасности. Одним из наиболее деструктивных факторов выступает феномен гибридных угроз. Несмотря на закрепление данного понятия в стратегических документах (включая его фиксацию в качестве большого вызова в Стратегии научно-технологического развития РФ [7]), отсутствие единой легальной дефиниции создает правоприменительные риски. Это вынуждает правоохранительные органы действовать в условиях правовой неопределенности, опираясь на разрозненные положения Стратегии национальной безопасности 2021 года, касающиеся защиты информационного суверенитета и противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию [8].

Существующие институты Общей части УК РФ демонстрируют недостаточную эффективность при квалификации деяний, детерминированных гибридным воздействием. Организованная преступность и экстремистские формирования все чаще выступают в качестве прокси-акторов, реализуя цели иностранных государств через внутреннюю криминальную среду. Транснациональные криминальные сети интегрируются в механизмы гибридной войны, предоставляя свои инфраструктурные и логистические возможности государственным субъектам для дестабилизации обстановки.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере обеспечения национальной безопасности от криминальных проявлений гибридных конфликтов. Предметом исследования являются уголовно-правовые и криминологические аспекты трансформации современной преступности под влиянием гибридных угроз. Целью работы является разработка теоретической модели совершенствования уголовно-правового и криминологического инструментария противодействия преступлениям, совершаемым в контексте гибридных конфликтов.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил диалектический подход в сочетании с системным методом анализа социально-правовых явлений. Применялись формально-юридический метод для толкования норм УК РФ, сравнительно-правовой метод при анализе доктрины НАТО и ЕС, а также статистический анализ данных официальной ведомственной отчетности МВД России за период 2020–2025 гг. (с учетом предварительных данных за 2026 г.). Специфика предмета потребовала обращения к методу экспертных оценок для верификации гипотезы о возникновении «правоприменительного паралича».

Эмпирическую базу составили: официальные статистические данные МВД России за 2020–2026 гг.; данные Минобороны России о количестве сбитых БПЛА; обобщенные судебные решения по делам о диверсиях и террористических актах; материалы аналитических докладов и экспертные оценки, представленные в открытых источниках.

Литературный обзор. Принципиальным для криминологического анализа представляется разграничение гибридной угрозы как потенциального вызова и гибридной войны как процесса практической реализации деструктивных механизмов.

Формирование современного понимания гибридных угроз прошло несколько этапов, отражающих смещение акцентов с сугубо военно-стратегических аспектов на правовые и криминологические измерения. Впервые термин получил концептуальное оформление в работах Ф. Хоффмана (2007), который охарактеризовал гибридные угрозы как «смесь смертоносности межгосударственного конфликта с фанатичным и продолжительным пылом ведения войны нестандартными средствами» [14], включающую обычные вооружения, нерегулярную тактику, терроризм и преступное поведение. На институциональном уровне дефиниция была закреплена в документах НАТО, где под гибридными угрозами понимаются «угрозы, исходящие от противников с возможностью одновременного адаптивного использования обычных и нетрадиционных средств для достижения

своих целей» [11]. Европейская комиссия и институты ЕС определили их как меры с использованием дипломатических, военных, экономических и технологических тактик для дестабилизации политического противника [1].

В российской науке гибридная война определяется как «война нового типа, проводимая без признаков открытого нападения и внешней агрессии, без применения обычных вооружений, совершаемая группой лиц без объявления начала своих действий» [4], а гибридные угрозы – как «проведение комплексных мероприятий, сочетающих в себе элементы военного и невоенного воздействия на противника и направленных на дезорганизацию и дестабилизацию ситуации на его территории без явного вмешательства» [6, с.207]. Г. Б. Романовский отмечает, что во многих официальных документах проводится прямая связь гибридных угроз с гибридной войной, включающей различные асимметричные действия, не пересекающие порог классического вооруженного конфликта [10]. К таковым относятся: разжигание очагов напряженности; экономическое и информационное давление; кибератаки; формирование военной инфраструктуры в приграничной зоне; использование транснациональной организованной преступности; распространение экстремистской и террористической идеологии [10].

Центральной теоретической конструкцией, позволяющей осмыслить феномен гибридных угроз в криминологическом ключе, выступает понятие «серой зоны». По справедливому замечанию А. В. Федорова, гибридные угрозы функционируют именно в «серых зонах», где трудно установить факт агрессии и своевременно отреагировать классическими средствами [13]. Эти зоны характеризуются тем, что действия находятся ниже порога вооруженного конфликта (не подпадают под международное гуманитарное право), но одновременно выходят за рамки обычных правонарушений, поскольку имеют системный, целенаправленный характер и внешнее управление. Следствием становится невозможность адекватной квалификации содеянного либо необоснованное смягчение наказания, так как действующий УК РФ не содержит специальных норм оценки гибридных посягательств. В такой ситуации классические институты уголовного права (соучастие, вина, квалифицирующие признаки) утрачивают эффективность при квалификации деяний, совершаемых под внешним управлением, что порождает «правоприменительный паралич» и требует институциональных изменений.

Результаты. Период 2022–2026 гг. характеризуется устойчивой корреляцией между внешнеполитической напряженностью и изменением структуры преступности. На фоне общего снижения числа регистрируемых преступлений (в 2025 году – на 12% по киберпреступности; за 5 месяцев 2026 года – на 31,2% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года) наблюдается рост тяжких и особо тяжких деяний: 537 тыс. (2022), 589,1 тыс. (2023), 617,3 тыс. (2024) – рекордный показатель за последние 14 лет. За первый квартал 2026 года зафиксировано снижение таких преступлений на 20,4% [9]. Эта парадоксальная динамика свидетельствует не об улучшении криминогенной обстановки, а о переходе преступности в более латентные и технологичные формы, что полностью согласуется с логикой гибридного противоборства.

Анализ официальной статистики МВД России за 2024–2026 годы позволяет выявить специфические тренды, которые могут служить индикаторами гибридного воздействия на криминогенную обстановку.

Тренд 1. Технологизация и дистанционность преступных посягательств. Гибридные угрозы радикально меняют инструментарий преступной деятельности: физический контакт между субъектом и объектом посягательства становится исключением, а не правилом. Наиболее ярким проявлением этого тренда является массовое применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и вредоносного программного обеспечения для достижения криминальных целей: от использования БПЛА в целях контрабанды (в том числе наркотических средств), совершения диверсий и террористических актов до заказных убийств с применением FPV-дронов.

По данным Минобороны России, количество сбитых БПЛА над территорией РФ выросло с 300–500 единиц в 2023 году до 7 345 в 2024 и рекордных 27 400 в 2025 году; за первый квартал 2026 года, по оценочным данным, уничтожено около 13 000 беспилотников. Атаки зафиксированы в 49 регионах, включая удаленные территории (Татарстан – до 1 300 км от границы, Башкортостан – до 1 400 км, Тюменская область – около 2 000 км, Иркутская область – до 4

700 км) [12]. При этом эволюция тактик – переход от одиночных запусков к массированным налетам, применение систем наведения на оптоволоконке, устойчивых к средствам радиоэлектронной борьбы, – свидетельствует о качественном скачке в милитаризации общеуголовных методов.

Содержащееся в п. 5 ст. 32 Воздушного кодекса РФ («воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта») [3] легальное определение БПЛА ориентировано на гражданскую авиацию и не учитывает полностью автономные системы с элементами искусственного интеллекта, что создает серьезные сложности для правоприменительной практики при квалификации деяний по ст. 281 (диверсия), ст. 205 (террористический акт) и ст. 271.1 УК РФ (нарушение правил использования воздушного пространства). Дополнительную сложность представляет квалификация кибератак на управление дронами: существующие нормы главы 28 УК РФ не охватывают всей специфики перехвата управления, что требует квалификации по совокупности преступлений. Дискуссионным остается вопрос об отнесении БПЛА к предметам хищения или угона (ст. 166 УК РФ) – в отсутствие судебного толкования правоприменитель вынужден действовать в условиях неопределенности.

Тренд 2. Вовлечение уязвимых категорий населения (эффект «прокси-акторов»). Второй системный тренд – замещение профессиональных агентов иностранных спецслужб лицами из социально незащищенных, возрастно-уязвимых и маргинальных групп, действующими за незначительное вознаграждение и не осознающими в полной мере политического контекста своих действий.

Число осужденных по ст. 281 УК РФ (диверсия) выросло с 1 человека в 2022 году до 9 в 2023, 48 в 2024 и еще 48 за первое полугодие 2025 года. Доля несовершеннолетних, осужденных за террористические преступления и диверсии, выросла с 26 (2022) до 41 (2024) человека. Характерно, что в подавляющем большинстве случаев вербовка осуществляется дистанционно через интернет-мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Signal и др.) [2] неустановленными лицами, находящимися за пределами РФ, а мотивация исполнителей носит корыстный, а не идеологический характер [5]. С началом специальной военной операции на различных интернет-площадках и в Telegram-каналах резко возросло количество объявлений о «быстром заработке», целевой аудиторией которых являются прежде всего молодежь и представители пожилого поколения.

Центральной проблема квалификации диверсионных преступлений – доказывание обязательного признака субъективной стороны, предусмотренного ч. 1 ст. 281 УК РФ, а именно специальной цели подрыва экономической безопасности и обороноспособности государства. При корыстной мотивации исполнителя (получение денежного вознаграждения) и отсутствии у него идеологической приверженности установить данную цель крайне затруднительно. Это влечет переквалификацию на другие составы – умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ) или террористический акт – что не отражает действительной общественной опасности деяния, совершенного под внешним управлением. Дополнительная сложность связана с доказыванием соучастия (ст. 32–36 УК РФ) при дистанционном руководстве: рядовой исполнитель не знает организатора и не осознает конечных целей, что делает невозможным квалификацию как организованной группы. Проблема усугубляется использованием подставных лиц и анонимных платежных систем для финансирования, что делает реальных заказчиков недостижимыми для российского правосудия.

Тренд 3. Сращивание информационно-психологического воздействия с уголовно-наказуемыми деяниями. Третий тренд заключается в том, что информационно-психологическое воздействие (ИПВ) перестает быть вспомогательным элементом гибридной стратегии и становится самостоятельным инструментом дестабилизации, формирующим мотивационную готовность населения к деструктивным действиям и создающим благоприятный фон для совершения конкретных преступлений.

Парадоксальное снижение регистрируемой киберпреступности (на 12% в 2025 году; на 31,2% за 5 месяцев 2026 года) не свидетельствует о реальном улучшении безопасности, а объясняется переходом криминальных методов в «серые зоны» – использование деструктивного контента, не подпадающего под формальные признаки экстремизма, но системно подрывающего доверие к государственным институтам. Одновременно наблюдается рост числа зарегистрированных терактов, что указывает на усиление информацион-

ной составляющей: подготовка теракта часто сопровождается масштабным информационным сопровождением в соцсетях с целью деморализации населения. В структуре преступлений экстремистской направленности преобладают деяния, совершенные с использованием интернет-платформ и мессенджеров.

Наиболее острая проблема – разграничение уголовно наказуемой дезинформации по ст. 207.3 УК РФ (публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ) и реализации конституционного права на свободу слова (ст. 29 Конституции РФ). Отсутствие критериев отграничения вынуждает правоприменителя оценивать субъективную сторону – наличие специальной цели дестабилизации общественно-политической обстановки, что чрезвычайно сложно доказать в отсутствие прямых доказательств связи с внешним источником. Аналогичная проблема возникает при конкуренции ст. 280 УК РФ (публичные призывы к экстремистской деятельности) и ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды). Одно информационное сообщение может содержать признаки обоих составов, и квалификация зависит от направленности умысла: если цель – инициировать немедленные действия – применяется ст. 280; если цель – формирование долгосрочной агрессии – ст. 282. Однако в условиях гибридного воздействия, растянутого во времени, установление такой направленности представляет значительную методологическую проблему для следствия. Не менее сложным является отграничение организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) от организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) при использовании криминальных сетей в качестве прокси-акторов, где внешнее управление маскируется под корыстную мотивацию.

Выявленные тренды свидетельствуют о том, что гибридные угрозы трансформируют современную преступность не столько через появление новых составов, сколько через изменение самой логики криминальной детерминации, классические институты уголовного права – соучастие, вина, объективная сторона, квалифицирующие признаки – оказываются недостаточно эффективными при квалификации деяний, совершаемых в условиях гибридного противоборства. Преступность перестает быть исключительно внутренней социальной патологией и приобретает черты инструмента геополитического давления: организованная преступность и террористические структуры все чаще выступают прокси-акторами в межгосударственных конфликтах.

С учетом изложенного, уголовно-правовые риски целесообразно классифицировать по трем группам, каждая из которых требует специфических подходов к противодействию:

1. Преступления экстремистской направленности (ст. 280–282.3 УК РФ) – где ИПВ выступает не просто способом совершения, а инструментом формирования мотивационной готовности к деструктивным действиям; их объективная сторона сконструирована как формальный состав, что делает их идеальным оружием дистанционного воздействия.

2. Общеуголовные преступления, совершенные под информационно-психологическим воздействием (ст. 110, 128.1, 303 УК РФ и др.) – где ИПВ является средством достижения цели, а также специальные составы, такие как ст. 207.3 УК РФ, используемые для системной дискредитации государственных институтов.

3. Компьютерные преступления (глава 28 УК РФ) – выступающие технологической инфраструктурой гибридных угроз, где неправомерный доступ и создание вредоносных программ являются этапом подготовки информационно-психологических операций или физических атак.

Основная сложность противодействия заключается не в пробелах законодательства как таковых, а в конкуренции смежных составов и отсутствии механизмов учета внешнего управления при квалификации деяний. Разрешение этих проблем требует пересмотра институтов соучастия, вины и объективного вменения, а также разработки специальных критериев для ситуаций, где исполнитель действует под информационно-психологическим контролем извне. Именно это состояние – когда правоприменитель не может адекватно квалифицировать содеянное из-за невозможности вписать его в существующие нормы – мы определяем как «правоприменительный паралич» в условиях «серой зоны».

Обсуждение. Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о возникновении «правоприменительного паралича» в «серых зонах» гибридного противоборства. Выявленные тренды – технологизация, вовлечение уязвимых категорий и сращивание с ИПВ

– не являются изолированными, а образуют взаимосвязанную систему, где каждый элемент усиливает действие другого. Так, дистанционное управление через мессенджеры (тренд 2) становится возможным благодаря технологической платформе (тренд 1), а информационное сопровождение (тренд 3) создает легитимизирующий фон для рекрутинга исполнителей.

Сравнение с зарубежными исследованиями показывает, что аналогичные процессы фиксируются и в других государствах, сталкивающихся с гибридными угрозами. Однако российская специфика заключается в масштабном вовлечении несовершеннолетних и социально незащищенных слоев, что связано с высокой цифровой грамотностью молодежи и одновременно низкой правовой осведомленностью, а также с экономической уязвимостью значительной части населения. В отличие от классических террористических организаций, где мотивация преимущественно идеологическая, в российских реалиях доминирует корыстный мотив, что существенно осложняет квалификацию по ст. 281 УК РФ, требующей доказывания специальной цели.

Ограничения исследования связаны с отсутствием полных статистических данных за 2026 год, а также с закрытостью части материалов по делам о диверсиях и терроризме. В перспективе необходимо проведение эмпирических исследований среди сотрудников правоохранительных органов для выявления типичных проблем квалификации, а также анализ судебных решений на предмет единообразия практики.

Теоретическая значимость работы заключается в введении понятия «правоприменительный паралич» и обосновании необходимости пересмотра институтов Общей части УК РФ применительно к гибридным угрозам. Практическая ценность состоит в разработке конкретных законодательных изменений и предложений для Пленума Верховного Суда РФ, которые могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Гибридные угрозы выступают системным криминогенным фактором, трансформирующим современную преступность не через появление новых составов, а через изменение логики криминальной детерминации. Преступность перестает быть исключительно внутренней социальной патологией и приобретает черты инструмента геополитического давления, а организованные преступные группы и террористические структуры все чаще выполняют функции прокси-акторов в межгосударственном противоборстве.

2. Выявлены три системных тренда трансформации преступности под влиянием гибридных угроз:

- технологизация и дистанционность преступных посягательств (массовое применение БПЛА, вредоносного ПО, кибератак);
- вовлечение уязвимых категорий населения (эффект «прокси-акторов») с корыстной, а не идеологической мотивацией;
- сращивание информационно-психологического воздействия с уголовно-наказуемыми деяниями, при котором ИПВ становится самостоятельным инструментом дестабилизации.

3. Эмпирически подтверждена корреляция между внешнеполитической динамикой 2022–2026 гг. и изменением структуры преступности. На фоне общего снижения регистрируемой преступности наблюдается устойчивый рост тяжких и особо тяжких деяний, диверсионно-террористической активности и вовлечения несовершеннолетних. Приграничные регионы, и прежде всего Белгородская область, выступают в качестве естественных криминологических полигонов, где эффекты гибридного воздействия проявляются наиболее отчетливо и где фиксируется рост латентной преступности, не находящей адекватной уголовно-правовой оценки.

4. Классические институты уголовного права – соучастие, вина, объективная сторона, квалифицирующие признаки – демонстрируют недостаточную эффективность при квалификации деяний, совершаемых в условиях внешнего дистанционного управления. Отсутствие механизмов учета такого управления порождает «правоприменительный паралич» в «серых зонах», когда деяние объективно обладает высокой общественной опасностью, но не может быть квалифицировано в полном объеме из-за невозможности доказать специальную цель, установить организатора или разграничить смежные составы.

5. Разрешение выявленных проблем требует не столько введения новых составов преступлений, сколько пересмотра подходов к квалификации в условиях гибридного противоборства. Необходимы:

- законодательное закрепление отягчающих обстоятельств, учитывающих технологические способы совершения преступлений;
- расширение диспозиций существующих норм для охвата кибердиверсий и иных форм дистанционного воздействия;
- судебное толкование ключевых институтов Общей части УК РФ применительно к «серым зонам»;
- совершенствование профилактической работы с уязвимыми категориями населения и реабилитация ветеранов боевых действий.

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер, направленных на повышение эффективности противодействия преступности, детерминированной гибридными угрозами.

1. Изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации

1. Дополнить статью 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» новым пунктом:

«т) совершение преступления с использованием беспилотных летательных аппаратов, роботизированных систем или иных автономных устройств, а равно с использованием программно-аппаратных средств, обеспечивающих дистанционное управление такими устройствами».

Данная норма позволит суду учитывать повышенную общественную опасность деяний, совершенных с использованием высокотехнологичных средств, без необходимости введения квалифицирующих признаков в каждую статью Особенной части УК РФ, что соответствует принципу экономии уголовной репрессии.

2. Дополнить статью 63 УК РФ новым пунктом:

«у) совершение преступления по заданию иностранного государства, международной организации или их представителей, а равно по указанию лиц, действующих в их интересах».

Данное отягчающее обстоятельство позволит дифференцировать ответственность исполнителей, действующих под внешним управлением, и учесть межгосударственный характер угрозы без необходимости доказывания идеологической мотивации.

3. Изложить часть 1 статьи 281 УК РФ в следующей редакции:

«1. Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, критической информационной инфраструктуры, а также иных объектов, имеющих стратегическое значение для экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, а равно совершение указанных действий дистанционно, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, программно-аппаратных средств или беспилотных летательных аппаратов, – наказывается...».

Расширение предмета преступления за счет критической информационной инфраструктуры и включение дистанционных способов совершения (кибердиверсий, атаки с использованием БПЛА) устраняет пробел, выявленный в ходе анализа правоприменительной практики.

4. Внести изменения в статью 281.1 УК РФ, исключив из диспозиции альтернативные действия, не имеющие самостоятельного криминообразующего значения, и уточнив критерии пособничества.

Существующая конструкция ст. 281.1 УК РФ «перегружена» альтернативными действиями, что создает сложности в доказывании и разграничении с общей нормой о пособничестве (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Целесообразно сократить число альтернативных деяний до системообразующих (склонение, вербовка, финансирование) и дать легальное определение «содействия» через критерии осведомленности о диверсионном характере деятельности.

II. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Предлагается разработать и принять постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах квалификации преступлений, совершаемых в условиях гибридного противоборства» (либо включить соответствующие разъяснения в уже существующие постановления по смежным категориям дел).

В указанном постановлении целесообразно отразить следующие позиции:

1. О квалификации диверсионных преступлений, совершенных с использованием БПЛА. Разъяснить, что применение беспилотных летательных аппаратов для поражения объектов, перечисленных в

ст. 281 УК РФ, квалифицируется как диверсия при доказанности специальной цели, независимо от способа доставки поражающего элемента. При этом само управление БПЛА не требует дополнительной квалификации по ст. 271.1 УК РФ, если оно охватывалось умыслом на диверсию (по принципу поглощения).

2. О доказательственном значении специальной цели при диверсии. Разъяснить, что специальная цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности может устанавливаться не только на основании прямых доказательств (инструктаж, переписка с куратором), но и на основании совокупности косвенных признаков: выбор объекта, способ его повреждения, связь с внешними источниками финансирования, политический контекст, – при этом корыстная мотивация исполнителя не исключает наличия указанной цели, если он осознавал или должен был осознавать, что его действия направлены на подрыв безопасности государства.

3. Об особенностях соучастия при дистанционном управлении. Разъяснить, что при совершении преступления по заданию неустановленного лица, находящегося за пределами РФ, исполнитель может нести ответственность как за оконченное преступление (при наличии всех признаков состава), а организатор (куратор) – подлежит уголовному преследованию по правилам ч. 3 ст. 33 УК РФ, если его личность установлена; при невозможности установления организатора квалификация действий исполнителя не исключается.

4. О разграничении ст. 280 и 282 УК РФ в условиях информационно-психологического воздействия. Дать критерии разграничения: если контент содержит прямые призывы к конкретным действиям (поджоги, насилие, блокировка дорог) – квалифицировать по ст. 280 УК РФ; если контент направлен на формирование негативных установок в отношении социальной группы без прямых призывов к действиям – по ст. 282 УК РФ; при наличии обоих признаков – по совокупности.

5. Об отнесении БПЛА к предметам преступлений. Разъяснить, что беспилотный летательный аппарат, имеющий стоимость и обладающий признаками движимого имущества, может быть предметом хищения (ст. 158–162 УК РФ) и угона (ст. 166 УК РФ) при условии, что он не является средством совершения более тяжкого преступления; при использовании БПЛА для совершения диверсии или теракта квалификация по ст. 166 УК РФ не требуется.

III. Организационные и профилактические меры. Помимо законодательных изменений, в статье может быть отражен краткий перечень мер, не требующих изменения УК, но повышающих эффективность противодействия:

- Усиление контроля за оборотом комплектующих БПЛА (внешение изменений в подзаконные акты о лицензировании импорта и продажи компонентов, создание единой базы данных о лицах, прошедших обучение управлению БПЛА в зоне боевых действий).
- Профилактическая работа с населением (разработка и внедрение образовательных программ для школ и вузов о методах вербовки через интернет-мессенджеры, создание горячих линий для сообщения о попытках вовлечения в диверсионную деятельность).
- Реабилитация ветеранов боевых действий (разработка государственной программы психологической и социальной адаптации для военнослужащих, возвращающихся из зоны СВО, включая их трудоустройство и вовлечение в гражданские профессии, связанные с управлением БПЛА (например, в аграрном секторе, мониторинге инфраструктуры), что позволит легализовать полученные навыки и снизить криминогенные риски).

Комплекс предложенных мер — от изменений в Общей и Особенной частях УК РФ до судебного толкования и организационных решений — направлен на преодоление «правоприменительного паралича» в «серых зонах» и адаптацию уголовно-правовой системы к новым реалиям гибридного противоборства. Только синтез законодательных, правоприменительных и криминологических подходов позволит снизить уровень угроз, связанных с гибридными формами противостояния, и предотвратить их дальнейшую трансформацию в еще более опасные формы.

Литература

1. Безопасная Европа: Противодействие гибридным угрозам // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/node/46393_ru (дата обращения: 15.06.2026).

2. В ФСБ раскрыли, как Telegram и WhatsApp стали ловушкой для россиян // News.ru. 23.08.2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.ru/russia/fsb-ukraina-pytaetsya-vovlech-rossiyan-v-diversi-cherez-telegram-i-whatsapp/> (дата обращения: 20.06.2026).

3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1996 г. № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 12. – Ст. 1383.

4. Голоскоков Л. В. Уголовное право и гибридные войны // Журнал прикладных исследований. – 2020. – № 4. – С. 52–57.

5. Дозорцева Е. Г., Бадмаева В. Д., Кастальская-Бороздина А. А., Федонкина А. А., Чибисова И. А. Клинико-психологические характеристики подростков, совершивших диверсионные действия. // *Психология и право*, 16(1). – 2026. – С. 83–101.

6. Зеленова Д. А., Романов С. А. Гибридные угрозы и национальная безопасность Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. – 2025. – № 6. – С. 207–209.

7. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – Т. 1373, № 145. – С. Ст. 1373.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – Т. 5351, № 400. – С. Ст. 5351.

9. Официальный сайт МВД РФ. Раздел: Статистика и аналитика. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistic/> (дата обращения 11.07.2026).

10. Романовский Г. Б. Право, гибридные угрозы и борьба с терроризмом // *Академический юридический журнал*. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 21–29.

11. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept-ru.pdf> (дата обращения: 11.07.2026).

12. Удары ВСУ по объектам России. Аналитический бюллетень. // КЦПН: Аналитический центр. – 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kcpn.info/articles/strike-vsu/?ysclid=msc6c7csry952292738> (дата обращения: 11.07.2026).

13. Федоров А.В. Гибридные угрозы – новый вызов или жупел постдемократии? (западный дискурс) // *Полилог/Polylogos*. – 2022. – Т. 6. – № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polylogos-journal.ru/s258770110023746-2-1/> (дата обращения: 11.07.2026).

14. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. – 2007. – 72 p.

Hybrid threats as a factor in the transformation of modern crime: criminal law and criminological aspects of counteraction

Savel'eva I.V.

Belgorod State National Research University

The article is devoted to the topic of the transformation of modern crime in the Russian

Federation under the influence of hybrid threats. Special attention is paid to the change in criminal determination, in which crime acquires the features of an instrument of interstate confrontation, and classical institutions of criminal law (complicity, guilt, qualifying signs) are not effective enough in the conditions of «gray zones». The purpose of the study is to develop a theoretical model for improving the criminal law and criminological tools for countering crimes committed in the context of hybrid conflicts. The methods include dialectical, systematic, formal-legal, comparative-legal, statistical analysis and the method of expert assessments. Results: three systemic trends have been identified – the technologization and remoteness of attacks (mass use of UAVs, cyber attacks), the involvement of vulnerable groups of the population (the effect of «proxy actors») and the merging of information and psychological effects with criminally punishable acts. The phenomenon of «law enforcement paralysis» in the qualification of acts under conditions of external remote control is substantiated. Conclusions: a set of legislative amendments has been proposed (addition of new aggravating circumstances to Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, extension of art. 281 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the development of a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as organizational and preventive measures.

Keywords: hybrid threats, crime transformation, sabotage, unmanned aerial vehicles, informational and psychological impact, criminal law qualification, law enforcement paralysis, proxy actors, gray zone, counteraction.

References

1. Secure Europe: Countering hybrid threats. // [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.eeas.europa.eu/node/46393_ru. (date of appeal: 06/15/2026).
2. The FSB revealed how Telegram and WhatsApp became a trap for Russians // News.ru. 08/23/2025. // [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://news.ru/russia/fsb-ukraina-pytaetsya-vovlech-rossiyan-v-diversi-cherez-telegram-i-whatsapp/>. (date of reference: 06/20/2026).
3. The Air Code of the Russian Federation dated March 19, 1996, No. 60-FZ (as amended on 11/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – Т. 1383, № 60. – P. Ст. 1383.
4. Goloskokov L.V. Criminal law and hybrid wars // *Journal of Applied Research*. – 2020. – № 4. – P. 52–57.
5. Dozortseva E. G., Badmaeva V. D. Kastalskaya-Borozdina A. A., Fedonkina A. A., Chibisova I. A. Clinical and psychological characteristics of adolescents who committed acts of sabotage // *Psychology and Law*, 16(1). – 2026. – P. 83–101.
6. Zelenova D. A., Romanov S. A. Hybrid threats and national security of the Russian Federation // *Law and the State: theory and practice*. – 2025. – № 6. – P. 207–209.
7. On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 145 dated February 28, 2024 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – Т. 1373, № 145. – P. C. 1373.
8. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 02, 2021 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – Т. 5351, № 400. – P. C. 5351.
9. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Chapter: Statistics and analytics. / [Electronic resource]. Access mode: RL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistic/> (date of reference: 07/11/2026).
10. Romanovsky G.B. Law, hybrid threats and the fight against terrorism // *Academic Law Journal*. – 2022. – № 1. – P. 21–29.
11. The NATO Strategic Concept of 2022. Adopted by the heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid on June 29, 2022. // [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept-ru.pdf>. (date of reference: 07/11/2026).
12. Attacks by the Ukrainian Armed Forces on Russian targets. / Analytical bulletin. / KTSPN: Analytical Center. 2026. // [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://kcpn.info/articles/strike-vsu/?ysclid=msc6c7csry952292738> (date of reference: 07/11/2026).
13. Fedorov A.V. Hybrid threats – a new challenge or the bogey of post-democracy? (Western discourse) // *Polylogos/Polylogos*. – 2022. – № 4. // [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110023746-2-1/> (date of reference: 07/11/2026).
14. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. – 2007. – 72 p.

Уголовно-процессуальная медиация в России: пределы институционализации и доказательственные гарантии в сравнении с моделью Республики Казахстан

Герасимова Лариса Александровна

преподаватель, кафедра «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность», Юридический институт, РУТ (МИИТ), gerasimova0707@yandex.ru

Актуальность. Российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство придает юридическое значение примирению с потерпевшим и заглаживанию причиненного преступлением вреда, однако самостоятельной уголовно-процессуальной процедуры медиации не предусматривает. Одновременно развитие судебной практики 2025–2026 гг. свидетельствует об усилении значения восстановительного поведения лица как при освобождении от уголовной ответственности, так и при назначении наказания. В Республике Казахстан медиация, напротив, непосредственно институционализирована в уголовном процессе, а медиатору предоставлен специальный уголовно-процессуальный статус.

Цель исследования состоит в определении пределов возможного использования казахстанского опыта при формировании российской модели уголовно-процессуальной медиации.

Методы. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и функциональный методы исследования.

Результаты. Установлено, что различие российского и казахстанского регулирования состоит не только в наличии либо отсутствии процессуального статуса медиатора. Казахстанская модель включает взаимосвязанные гарантии допуска медиатора к процедуре, конфиденциального общения со сторонами, ограничения доказательственного использования сведений, полученных в ходе медиации, и специальное уголовно-правовое значение достигнутого примирения. Вместе с тем обязательная модель освобождения от уголовной ответственности, предусмотренная частью первой статьи 68 УК Республики Казахстан, не должна механически заимствоваться российским законодательством.

Научная новизна заключается в обосновании двухконтурной модели уголовно-процессуальной медиации, предполагающей организационное и информационное разграничение восстановительной процедуры и публичного производства по уголовному делу. Предлагается установление «доказательственного барьера» между ними, исключающего использование в доказывании виновности факта обращения к медиации, согласия либо отказа от нее, содержания переговоров, предложений о способах заглаживания вреда и неподписанных проектов соглашений. Обосновывается необходимость различать три возможных результата медиации: полное примирение, частичный восстановительный результат и недостижение соглашения, каждому из которых должно соответствовать самостоятельное процессуальное значение.

Выводы. Институционализация медиации в российском уголовном процессе возможна при сохранении публичной природы уголовного преследования и исключительной компетенции государственных органов по вопросам доказанности обвинения, квалификации преступления и принятия итогового процессуального решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, медиация, медиатор, примирение с потерпевшим, восстановительное правосудие, заглаживание вреда, прекращение уголовного дела, доказательства, свидетельский иммунитет, конфиденциальность.

Проблема внедрения медиации в российское уголовное судопроизводство уже не может рассматриваться исключительно в плоскости вопроса о допустимости примирительных процедур. Российский уголовный процесс давно придает правовое значение примирению обвиняемого с потерпевшим, возмещению ущерба и иному заглаживанию причиненного преступлением вреда. Статьи 25 и 25.1 УПК РФ, статьи 76 и 76.2 УК РФ, положения пункта «к» части 1 статьи 61 УК РФ образуют нормативную систему, в рамках которой посткриминальное восстановительное поведение способно влиять как на продолжение уголовного преследования, так и на назначение наказания.

В соответствии со статьей 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности при условии примирения с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда. Процессуальной формой реализации данной нормы выступает статья 25 УПК РФ, предоставляющая суду, следовательно с согласия руководителя следственного органа и дознавателю с согласия прокурора право прекратить уголовное дело при наличии предусмотренных законом условий. Российская конструкция, таким образом, регулирует прежде всего результат примирения, но практически не регламентирует профессиональную процедуру его достижения.

В научной литературе последних лет проблема получила новый импульс. Медиация рассматривается как форма восстановительного правосудия [13; 19], исследуются перспективы ее нормативной институционализации [14; 16], формулируются предложения о наделении медиатора самостоятельным процессуальным статусом. Одновременно высказывается и противоположная позиция: введение медиации способно привести к неоправданной диспозитивизации публичного уголовного процесса и фактической подмене обязанности государства осуществлять уголовное преследование урегулированием интересов частных лиц [22].

Особое значение имеет опубликованный в 2025 г. и введенный в научный оборот в начале 2026 г. сравнительный анализ законодательства России и государств СНГ, в котором уже предложено закрепить процессуальный статус медиатора и его свидетельский иммунитет [14].

Однако современная исследовательская проблема находится глубже. Она заключается в определении границы между восстановительной коммуникацией и уголовно-процессуальным доказыванием, а также в установлении допустимого объема проникновения частной процедуры урегулирования конфликта в публичную сферу уголовного преследования.

Настоящее исследование основывается на гипотезе о том, что российскому уголовному процессу требуется не простое заимствование фигуры медиатора, а создание особой двухконтурной процессуальной конструкции, в которой медиация и производство по уголовному делу взаимодействуют, но не сливаются друг с другом.

Действующее российское законодательство содержит несколько правовых механизмов, учитывающих восстановительное поведение лица.

Наиболее очевидным является прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. Статья 25 УПК РФ устанавливает его процессуальный порядок, тогда как материально-правовые условия определены статьей 76 УК РФ. Освобождение имеет факультативный характер: законодатель использует конструкции «может быть освобождено» и «вправе прекратить».

Это обстоятельство принципиально отличает российскую модель от конструкции, закрепленной в части первой статьи 68 УК Республики Казахстан.

Однако дискреционный характер полномочия российского суда не означает возможности произвольного отказа в прекращении уголовного дела. Показательно кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 февраля 2026 г. № 25-УД25-14-К4. Нижестоящие суды ссылались на характер и степень общественной опасности преступления и особенности

объекта посягательства. Верховный Суд признал такую аргументацию недостаточной, поскольку решение не содержало указания на конкретные обстоятельства, действительно препятствующие применению статьи 76 УК РФ. При установлении выполнения всех предусмотренных законом условий судебные решения были отменены, а уголовное дело прекращено.

Данная правовая позиция не превращает статью 25 УПК РФ в императивное основание прекращения уголовного дела. Вместе с тем она демонстрирует тенденцию к установлению правовых пределов судебного усмотрения: отказ в применении примирительного основания должен быть предметно и индивидуально мотивирован, а не основываться на абстрактной ссылке на публичную опасность преступления.

Другим актуальным обстоятельством стало изменение в декабре 2025 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Новый пункт 30¹ относит к действиям, направленным на заглаживание вреда потерпевшему, оказание ему помощи в ходе предварительного расследования или судебного производства, например оплату лечения, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных преступлением прав и законных интересов.

Тем самым восстановительное поведение лица в российской системе обладает правовым значением не только тогда, когда дело прекращается. Оно может учитываться и при назначении наказания.

Именно это обстоятельство позволяет поставить под сомнение распространенное представление о том, что уголовно-процессуальная медиация необходима исключительно как технология реализации статьи 25 УПК РФ. Если сводить ее назначение только к получению заявления потерпевшего о примирении, медиатор неизбежно превращается в технического посредника при оформлении нереабилитирующего прекращения уголовного дела.

Восстановительная процедура потенциально имеет самостоятельную ценность и при продолжении уголовного преследования.

Вместе с тем Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» уголовное судопроизводство непосредственно в сферу своего регулирования не включает. В статье 1 закона перечислены гражданские, административные и иные публичные, предпринимательские, трудовые и семейные правоотношения; применение закона к иным отношениям возможно лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Не знает фигуры медиатора и УПК РФ. Он не отнесен к участникам уголовного судопроизводства, отсутствуют нормы о его допуске, полномочиях, конфиденциальном общении со сторонами, порядке взаимодействия с органом расследования и процессуальном значении медиативного соглашения.

Еще более существенна доказательственная проблема. Часть 3 статьи 56 УПК РФ предусматривает специальный свидетельский иммунитет для ряда субъектов, однако медиатор к ним не относится. Для сравнения: российский арбитражный процесс прямо исключает допрос посредников, включая медиаторов, об обстоятельствах, ставших им известными в связи с участием в примирительной процедуре.

Следовательно, действующее российское право характеризуется нормативной асимметрией: последствия восстановительного поведения урегулированы, а процесс его профессионального формирования уголовно-процессуальной формы не имеет.

Особый интерес представляет опыт Республики Казахстан вследствие близости правовых систем и принципиально иного законодательного решения вопроса об уголовной медиации.

При этом требуется терминологическая точность. Пункт 24 статьи 7 УПК Республики Казахстан относит медиатора к категории «иных лиц, участвующих в уголовном процессе» наряду с секретарем судебного заседания, переводчиком, свидетелем, понятым, экспертом и специалистом. В то же время пункт 25 этой статьи, содержащий специальное легальное определение «участников уголовного процесса», медиатора не называет.

Следовательно, применительно к казахстанскому законодательству юридически более корректно говорить не о медиаторе как об «участнике уголовного процесса» в узком терминологическом смысле статьи 7 УПК Республики Казахстан, а о самостоятельном ином лице, участвующем в уголовном процессе и обладающем специальным процессуальным статусом.

Данный статус закреплён в статье 85 УПК Республики Казахстан.

Медиатор определяется как независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами для проведения медиации. Ему предоставлено право знакомиться с информацией, предоставляемой органом, ведущим уголовный процесс, сторонам медиации, а также с данными об участниках процесса, являющихся сторонами медиации. Медиатор вправе встречаться с ними наедине и конфиденциально и содействовать заключению соглашения о достижении примирения.

Важным является ограниченный характер информационного доступа: медиатор не приобретает самостоятельного права исследования уголовного дела и не превращается в дополнительного субъекта доказывания. Его информационная компетенция производна от объема информации, доступной сторонам медиации.

С согласия сторон процедура может проводиться начиная с момента регистрации заявления или сообщения об уголовном правонарушении и на последующих стадиях уголовного процесса до вступления приговора в законную силу.

Таким образом, казахстанский медиатор включен в процесс функционально, но не приобретает полномочий стороны обвинения, стороны защиты или государственного органа. Он не устанавливает виновность, не определяет квалификацию, не осуществляет уголовное преследование и не принимает решение о прекращении дела.

Такое нормативное решение представляется концептуально значимым: процессуализация медиации не означает процессуализацию медиатором разрешения уголовно-правового конфликта в целом.

Наиболее ценный для российского уголовного процесса элемент казахстанской модели связан не столько с наделением медиатора статусом, сколько с созданием правовых гарантий отделения медиации от доказывания.

Закон Республики Казахстан «О медиации» устанавливает, что факт участия в медиации, проводимой в ходе уголовного судопроизводства, не может служить доказательством признания вины лицом, являющимся стороной процедуры.

Законодательство также обеспечивает конфиденциальность сведений, полученных медиатором в ходе осуществления профессиональной деятельности, и ограничивает возможность его допроса об обстоятельствах медиации.

Эти правила затрагивают фундаментальную проблему, которая практически не решается простым предоставлением медиатору свидетельского иммунитета.

Представим ситуацию, когда подозреваемый, не признавая юридическую квалификацию содеянного либо отдельные обстоятельства предъявленного ему обвинения, готов обсудить с потерпевшим возникший вред и способы его устранения. Содержательная медиация требует возможности говорить о произошедшем, выражать сожаление, предлагать компенсацию, объяснять свое поведение и обсуждать действия, которые способны восстановить положение потерпевшего.

Если подобные высказывания потенциально могут впоследствии использоваться стороной обвинения как сведения о признании фактических обстоятельств преступления, рациональное процессуальное поведение обвиняемого будет состоять в отказе от открытой коммуникации.

Поэтому свидетельский иммунитет медиатора сам по себе недостаточен.

Информация может проникнуть в уголовное дело только через его допрос, но и:

- через показания другой стороны процедуры;
- путем представления переписки;
- посредством истребования проектов соглашения;
- через рабочие записи медиатора;
- посредством вопросов о содержании переговоров;
- путем истолкования самого обращения к медиации как косвенного подтверждения принятия обвиняемым ответственности.

Именно поэтому необходим не только персональный иммунитет медиатора, но и предметный доказательственный иммунитет самой процедуры.

Вторая особенность казахстанского законодательства заключается в более тесной связи медиации с уголовно-правовым институтом примирения.

Согласно части первой статьи 68 УК Республики Казахстан лицо, совершившее уголовный проступок или преступление небольшой либо средней тяжести, не связанное с причинением смерти, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим или заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладило причиненный вред.

Таким образом, при наличии установленных законом условий речь идет об императивном основании освобождения.

Верховный Суд Республики Казахстан дополнительно разъясняет обязанность органов уголовного процесса информировать лиц о праве на примирение и медиацию, необходимость проверки добровольности волеизъявления потерпевшего и фактического загладивания вреда. При поступлении ходатайства стороны о привлечении медиатора орган досудебного расследования не вправе отказывать в его удовлетворении.

Одновременно законодательство Казахстана устанавливает значительный перечень исключений из примирительного основания, распространяющийся, в частности, на отдельные преступления против несовершеннолетних, коррупционные, террористические и экстремистские преступления, деяния, совершенные в составе преступной группы, а также ряд случаев повторного применения примирения.

Такое сочетание императивности основной нормы и развернутой системы исключений представляет собой важную закономерность. Чем сильнее юридический эффект примирения, тем более тщательно законодатель вынужден определять границы допустимости самой процедуры.

Статья 76 УК РФ построена иначе. Она сохраняет факультативность освобождения даже при выполнении предусмотренных законом условий. Эта модель соответствует более выраженному публичному контролю за прекращением уголовного преследования.

Представляется, что при возможном введении уголовно-процессуальной медиации в России изменение данного подхода необходимо.

Иными словами, из казахстанской системы целесообразно заимствовать право на процедуру и ее гарантии, но не обязательно – автоматизм уголовно-правового результата.

Такое асимметричное заимствование позволило бы сохранить публичные начала российского уголовного процесса: медиатор обеспечивает возможность восстановительной коммуникации, однако государственный орган продолжает самостоятельно определять наличие предусмотренных законом оснований для прекращения дела.

Нами предлагается двухконтурная модель уголовно-процессуальной медиации, в основе которой находится положение о существовании в связи с преступлением как минимум двух взаимосвязанных, но не совпадающих конфликтов.

Первый – публично-правовой конфликт между государством и лицом, предположительно нарушившим уголовно-правовой запрет.

Его предметом являются событие преступления, виновность, уголовно-правовая квалификация, основания уголовной ответственности и пределы государственного принуждения. Данный конфликт не находится в распоряжении потерпевшего и не может быть передан медиатору.

Второй – восстановительный конфликт, возникающий между лицом, которому причинен вред, и предполагаемым причинителем этого вреда.

Его содержание образуют последствия совершенного деяния, материальные и нематериальные потребности потерпевшего, способы восстановления нарушенных интересов, извинение, возвращение имущества, компенсация, содействие лечению и иные формы устранения последствий.

Соответственно должны существовать два процессуальных контура.

Публичный контур, в который входят дознаватель, следователь, прокурор и суд. Здесь осуществляется доказывание, принимаются решения о квалификации и применении уголовного закона.

Восстановительный контур, который образуют потерпевший, подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, их адвокаты в предусмотренных пределах и независимый медиатор.

Связь между двумя контурами необходима, но она должна быть ограниченной и контролируемой.

Из уголовного дела в восстановительный контур могут передаваться сведения, необходимые для осознанного участия в процедуре: сущность подозрения или обвинения, данные о причиненном вреде и та информация, с которой соответствующая сторона уже вправе знакомиться.

В обратном направлении должна поступать только согласованная сторонами информация о результате, но не о содержании переговоров.

Таким результатом могут быть сведения о достигнутом примирении, реально произведенном возмещении, совершенных восстановительных действиях и позиции потерпевшего.

Именно такой информационный режим способен обеспечить совместимость медиации с публичной природой уголовного судопроизводства.

Предлагаемая конструкция требует установления в УПК РФ самостоятельного правила, согласно которому не могут использоваться в качестве доказательств виновности подозреваемого или обвиняемого:

1. предложение о проведении медиации;
2. согласие участвовать в медиации;
3. отказ от участия или прекращение участия;
4. объяснения, заявления и признания фактических обстоятельств, сделанные исключительно в ходе конфиденциальных переговоров;
5. предложение о выплате компенсации или совершении иных восстановительных действий;
6. принесение извинений;
7. проекты условий соглашения, от которых сторона впоследствии отказалась;
8. рабочие записи и материалы медиатора;
9. факт недостижения соглашения.

Названная гарантия существенно отличается от свидетельского иммунитета.

Свидетельский иммунитет отвечает на вопрос о том, можно ли допросить медиатора?

Доказательственный иммунитет процедуры отвечает на более широкий вопрос: может ли вообще содержание медиационной коммуникации использоваться государством для установления виновности?

Представляется, что российской модели необходимы оба механизма.

В части 3 статьи 56 УПК РФ следует прямо закрепить запрет допроса медиатора об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с проведением уголовно-процессуальной медиации.

Одновременно правила о недопустимости доказательств должны исключать обход этого запрета посредством получения тех же сведений из производных источников, образовавшихся исключительно вследствие медиации.

Исключения из конфиденциальности допустимы лишь в случаях, непосредственно предусмотренных федеральным законом, например при получении сведений о реальной непосредственной угрозе жизни лица или подготовке нового тяжкого преступления. Их перечень должен носить исчерпывающий характер.

Медиатора целесообразно включить в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства».

Однако само такое включение не является достаточным.

Процессуальный статус должен включать как минимум следующие права:

- получать информацию о сущности подозрения или обвинения и иных обстоятельствах, необходимых для проведения процедуры, в пределах сведений, доступных соответствующей стороне;
 - проводить совместные и отдельные конфиденциальные встречи;
 - беспрепятственно общаться с участвующими в медиации лицами в пределах установленного законом режима;
 - встречаться с содержащимся под стражей подозреваемым или обвиняемым без присутствия должностных лиц, с соблюдением требований безопасности;
 - получать от сторон сведения и документы, добровольно передаваемые для целей процедуры;
 - оформлять итоговый документ о результатах медиации.
- Одновременно медиатор не должен иметь права:
- собирать доказательства;
 - давать юридическую оценку виновности;

- осуществлять функцию защиты или обвинения;
- склонять обвиняемого к признанию вины;
- обещать прекращение уголовного дела;
- принуждать потерпевшего к принятию компенсации;
- раскрывать содержание конфиденциальных переговоров.

Представляется целесообразным воспринять и казахстанский подход, согласно которому должностное лицо уголовного процесса вправе разъяснить сторонам возможность медиации, однако само не должно выступать субъектом примирительных переговоров.

Следователь не может одновременно сохранять процессуальную функцию расследования и нейтрально посредничать между обвиняемым и потерпевшим.

Существенным недостатком подхода, сводящего уголовную медиацию исключительно к статье 25 УПК РФ, является **сведение ее возможных результатов к двум вариантам: либо примирению сторон, либо недостижению примирения**. Такое понимание неоправданно обедняет восстановительный потенциал процедуры.

Предлагается различать три возможных результата процедуры медиации.

Первый результат – полное примирение. Стороны достигают соглашения, вред фактически заглажен, потерпевший свободно выражает волю на прекращение уголовного дела.

При наличии всех требований статьи 76 УК РФ данный результат образует основание для рассмотрения вопроса о прекращении дела по статье 25 УПК РФ.

Медиативное соглашение при этом не прекращает уголовное дело автоматически. Оно выступает источником сведений о юридически значимых обстоятельствах, подлежащих самостоятельной проверке компетентным органом.

Второй результат – частичный восстановительный эффект. Например, обвиняемый возместил часть ущерба, оплатил лечение, возвратил имущество, принес извинения или совершил иные действия, однако потерпевший не считает конфликт исчерпанным либо формальные условия статьи 76 УК РФ отсутствуют.

Называть такую медиацию неудачной неправильно.

Совершенные восстановительные действия могут иметь значение:

- как обстоятельство, смягчающее наказание;
- при определении вида и размера наказания;
- при разрешении гражданского иска;
- при рассмотрении вопроса о судебном штрафе при наличии самостоятельных условий статей 76.2 УК РФ и 25.1 УПК РФ;
- в производстве по делам несовершеннолетних.

Обновленные в декабре 2025 г. разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о заглаживании вреда дополнительно подтверждают возможность придания таким действиям самостоятельного правового значения.

Третий результат – отсутствие соглашения, когда стороны не достигли согласия либо одна из них прекратила участие. Такой результат должен быть процессуально нейтрален.

Отказ от медиации не может интерпретироваться как отсутствие раскаяния, отрицательная характеристика личности или нежелание возместить ущерб. Недостижение соглашения не должно служить косвенным аргументом в пользу виновности или более строгого наказания.

Пункт 30² постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 в редакции от 23 декабря 2025 г., согласно которому непризнание вины и отсутствие раскаяния не являются отягчающими наказание обстоятельствами, дополнительно свидетельствует о недопустимости негативного процессуального вывода из отказа лица участвовать в восстановительной процедуре.

Следствием предлагаемой конструкции является необходимость отказаться от представления о медиации исключительно как об альтернативе уголовному преследованию. Такое понимание чрезмерно узко. Даже когда характер преступления исключает прекращение уголовного дела в связи с примирением, восстановительная коммуникация в принципе способна решать самостоятельные задачи.

Разумеется, расширение сферы применения медиации не означает расширения сферы освобождения от уголовной ответственности. Здесь вновь проявляется различие двух контуров: процедура может быть шире правового основания прекращения дела.

Именно эта идея позволяет устранить один из наиболее серьезных аргументов против уголовной медиации – предположение, что ее внедрение неизбежно означает приватизацию уголовного преследования.

Но не менее важна обратная проблема – опасность формального понимания добровольности.

Согласие потерпевшего может быть обусловлено экономической, семейной, служебной или иной зависимостью от обвиняемого. Особенно высоки соответствующие риски при систематическом насилии, преступлениях против половой неприкосновенности, преступлениях в отношении детей и иных уязвимых лиц.

Опыт Республики Казахстан показывает характерную тенденцию: институционализация примирения сопровождается законодательным расширением круга ситуаций, в которых освобождение по данному основанию ограничивается или исключается.

Российская модель также должна предусматривать не только позитивные условия проведения процедуры, но и процессуальные фильтры безопасности.

До направления дела на медиацию необходимо оценивать:

- реальную добровольность участия;
- наличие отношений зависимости;
- риски повторного насилия;
- способность потерпевшего свободно выражать свою волю;
- наличие существенного дисбаланса сил между сторонами.

В отдельных категориях дел, в первую очередь по делам, связанным с нарушением половой неприкосновенности, медиация должна либо исключаться, либо проводиться только с дополнительными гарантиями безопасности.

Следовательно, защита потерпевшего в уголовно-процессуальной медиации состоит не в достижении примирения любой ценой, а прежде всего в обеспечении свободного права как согласиться на переговоры, так и отказаться от них.

Резюмируя вышеизложенное, проведенное исследование позволяет сформулировать вывод, что перспективное направление совершенствования российского уголовного процесса заключается не в создании дополнительного механизма «договорного прекращения» уголовных дел, а в институционализации защищенной восстановительной коммуникации, совместимой с публичной природой уголовного судопроизводства.

Именно при таком подходе медиация способна дополнить традиционное уголовное судопроизводство, не подменяя его.

Литература

1. **Уголовный кодекс Российской Федерации** : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 26 июля 2026 г. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.05.2026).

2. **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : ред. от 26 июля 2026 г. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 06.05.2026).

3. **Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)** : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 06.05.2026).

4. **О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности** : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: <https://vsrf.ru/files/14250/> (дата обращения: 06.05.2026).

5. **О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания** : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 : с изм., внесенными постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56, от 18 декабря 2018 г. № 43, от 23 декабря 2025 г. № 40. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 06.05.2026).

6. **О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»** : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 40. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/35291/> (дата обращения: 06.05.2026).

7. **Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2026 г. по делу № 25-УД25-14-К4**. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/kl/practice/stor_pdf/2520944 (дата обращения: 06.05.2026).

8. **Уголовный кодекс Республики Казахстан** : Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 06.05.2026).

9. **Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан** : Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 06.05.2026).

10. **О медиации** : Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401> (дата обращения: 06.05.2026).

11. **О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан** : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 4 : с изм. и доп. по состоянию на 27 ноября 2025 г. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P01000004S_ (дата обращения: 06.05.2026).

12. **Арутюнян, А. А.** Медиация в уголовном процессе / А. А. Арутюнян. — Москва : Инфотропик Медиа, 2013. — 200 с. — ISBN 978-5-9998-0162-3. — URL: <https://infotropic.ru/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse/> (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

13. **Галенников, Л. С.** Медиация как форма восстановительного правосудия / Л. С. Галенников, Ю. В. Деришев. — Текст : электронный // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — Т. 21, № 3. — С. 405–419. — DOI 10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-forma-vosstanovitel'nogo-pravosudiya> (дата обращения: 06.05.2026).

14. **Головачук, О. С.** Перспективы внедрения медиации в российский уголовный процесс на основе комплексного анализа уголовно-процессуального законодательства России и стран СНГ / О. С. Головачук, В. С. Раменская. — Текст : электронный // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — Т. 21, № 4 (82). — С. 93–101. — DOI 10.33184/pravgos-2025.4.10. — URL: <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1372> (дата обращения: 06.05.2026).

15. **Калинина, Е. В.** Научные подходы к вопросу о возможности применения медиации в уголовном судопроизводстве России / Е. В. Калинина. — Текст : электронный // Закон и право. — 2025. — № 7. — С. 160–164. — DOI 10.24412/2073-3313-2025-7-160-164. — URL: https://niion.org/wp-content/uploads/magazines/Zakon_and_pravo/07-25.pdf (дата обращения: 06.05.2026).

16. **Карнозова, Л. М.** Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография / Л. М. Карнозова. — Москва : Проспект, 2024. — 264 с. — ISBN 978-5-392-40101-7. — URL: https://prospekt.org/files/ugolovno-processualnoe_pravo.pdf (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

17. **Карнозова, Л. М.** Дискурсы примирения и проблемы институционализации примирительных процедур по уголовным делам / Л. М. Карнозова. — Текст : электронный // Психология и право. — 2024. — Т. 14, № 2. — С. 239–253. — DOI 10.17759/psylaw.2024140217. —

URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n2/Karnozova (дата обращения: 06.05.2026).

18. **Кузнецова, Н. И.** Процедура медиации как способ разрешения уголовно-экологического конфликта : монография / Н. И. Кузнецова. — Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, 2025. — 104 с. — URL: https://academy-skrf.ru/about_the_university/news/detail.php?ID=3170 (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

19. **Макарова, О. В.** Медиация в уголовном процессе: восстановительное правосудие как новая парадигма разрешения конфликтов / О. В. Макарова. — Текст : электронный // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2025. — № 3 (107). — С. 70–78. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse-vosstanovitelnoe-pravosudie-kak-novaya-paradigma-razresheniya-konfliktov> (дата обращения: 06.05.2026).

20. **Молдобаев, М. Э.** Особенности осуществления примирения (медиации) в уголовном судопроизводстве отдельных зарубежных государств / М. Э. Молдобаев. — Текст : электронный // Российский следователь. — 2024. — № 5. — С. 57–61. — DOI 10.18572/1812-3783-2024-5-57-61. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/6546/osobennosti-osushhestvleniya-primireniya-mediatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-otdelnykh-zarubezhnykh-gosudarstv> (дата обращения: 06.05.2026).

21. **Победин, А. В.** Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства : монография / А. В. Победин. — Москва : Юрлитинформ, 2024. — 328 с. — URL: <https://elibrary.ru/KHOPTO> (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

22. **Химичева, О. В.** Нужна ли медиация в уголовном судопроизводстве? / О. В. Химичева, И. Б. Тутынин. — Текст : электронный // Российский следователь. — 2026. — № 4. — С. 16–20. — DOI 10.18572/1812-3783-2026-4-16-20. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/13503/nuzna-li-mediatsiya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 06.05.2026).

Criminal procedure mediation in Russia: limits of institutionalization and evidentiary safeguards in comparison with the model of the Republic of Kazakhstan
Gerasimova L.A.
RUT (MIIT)

Relevance. Russian criminal and criminal procedure law recognizes reconciliation with the victim and reparation for harm as legally relevant circumstances but does not establish an independent criminal procedure mediation mechanism. At the same time, Russian judicial practice of 2025–2026 demonstrates the increasing importance of restorative conduct both for exemption from criminal liability and for sentencing. In the Republic of Kazakhstan, mediation has been expressly incorporated into criminal proceedings and the mediator has a special procedural status.

Purpose. The study aims to determine the limits within which the Kazakh model may be used in developing a Russian model of criminal procedure mediation.

Methods. The research employs formal legal, comparative legal, systemic and functional methods.

Results. The distinction between Russian and Kazakh regulation is not limited to the presence or absence of a mediator's procedural status. The Kazakh model combines the mediator's participation in criminal proceedings with guarantees of confidential communication, restrictions on the evidentiary use of information obtained during mediation, and specific criminal-law consequences of reconciliation. At the same time, the mandatory exemption from criminal liability provided for by Article 68(1) of the Criminal Code of Kazakhstan should not be mechanically transplanted into Russian law.

Scientific novelty. A two-track model of criminal procedure mediation is proposed, based on the organizational and informational separation of restorative proceedings from public criminal prosecution. An "evidentiary firewall" is suggested to prevent the use of the request for mediation, consent or refusal to participate, statements made during negotiations, settlement proposals and unsigned draft agreements as evidence of guilt. Three possible outcomes of mediation are distinguished: full reconciliation, a partial restorative outcome and failure to reach an agreement, each requiring a different procedural effect.

Conclusion. Mediation may be institutionalized in Russian criminal proceedings only while preserving the public nature of criminal prosecution and the exclusive competence of public authorities to determine the sufficiency of evidence, legal qualification and the final procedural decision.

Keywords: criminal proceedings, mediation, mediator, reconciliation with the victim, restorative justice, reparation for harm, termination of criminal proceedings, evidence, testimonial immunity, confidentiality.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 13 June 1996, as amended on 26 July 2026. ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of 18 December 2001, as amended on 26 July 2026. ConsultantPlus Legal Reference

- System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
3. On Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure): Federal Law No. 193-FZ of 27 July 2010. ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 4. On the Application by Courts of Legislation Governing the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27 June 2013. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: <https://vsrf.ru/files/14250/> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 5. On the Practice of Sentencing by Courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of 22 December 2015, as amended by Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 56 of 29 November 2016, No. 43 of 18 December 2018 and No. 40 of 23 December 2025. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: <https://vsrf.ru/documents/own/8470/> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 6. On Amendments to Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of 22 December 2015 "On the Practice of Sentencing by Courts of the Russian Federation": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 40 of 23 December 2025. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/35291/> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 7. Cassation Ruling of the Judicial Panel for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 February 2026, Case No. 25-UD25-14-K4. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2520944 (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V ZRK of 3 July 2014. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 9. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V ZRK of 4 July 2014. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 10. On Mediation: Law of the Republic of Kazakhstan No. 401-IV of 28 January 2011. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 11. On Judicial Practice in the Application of Article 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 4 of 21 June 2001, as amended and supplemented as of 27 November 2025. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P01000004S_ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 12. Arutyunyan, A. A. *Mediation in Criminal Proceedings*. Moscow: Infotropik Media Publ., 2013. 200 p. ISBN 978-5-9998-0162-3. Available at: <https://istina.cemir-ras.ru/publications/book/3664758/> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 13. Galennikov, L. S., Derishev, Yu. V. Mediation as a Form of Restorative Justice. *Siberian Law Review*. 2024, vol. 21, no. 3, pp. 405–419. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419. Available at: <https://journals.rcsi.science/2658-7602/article/view/348669> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 14. Golovachuk, O. S., Ramenskaya, V. S. Prospects for the Implementation of Mediation in the Russian Criminal Procedure Based on a Comprehensive Analysis of the Criminal Procedure Legislation of Russia and Some CIS Countries. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2025, vol. 21, no. 4 (82), pp. 93–101. DOI: 10.33184/pravgos-2025.4.10. Available at: <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1372> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 15. Kalinina, E. V. Scientific Approaches to the Possibility of Applying Mediation in Russian Criminal Proceedings. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2025, no. 7, pp. 160–164. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-160-164. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-podhody-k-voprosu-o-vozmozhnosti-primeneniya-mediatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 16. Karnozova, L. M. *Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime): Monograph*. Moscow: Prospekt Publ., 2024. 264 p. ISBN 978-5-392-40101-7. Available at: https://prospekt.org/files/ugolovno-processualnoe_pravo.pdf (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 17. Karnozova, L. M. Reconciliation Discourses and Problems of Institutionalization of Reconciliation Procedures in Criminal Cases. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2024, vol. 14, no. 2, pp. 239–253. DOI: 10.17759/psylaw.2024140217. Available at: https://psyjournals.ru/en/journals/psylaw/archive/2024_n2/Karnozova (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 18. Khimicheva, O. V., Tutynin, I. B. Is Mediation Needed in Criminal Proceedings? *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2026, no. 4, pp. 16–20. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-4-16-20. Available at: <https://lawinfo.ru/articles/13503/nuzna-li-mediatsiya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 19. Kuznetsova, N. I. *Mediation Procedure as a Method for Resolving a Criminal-Environmental Conflict: Monograph*. Moscow: Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2025. 104 p. Available at: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/8950/1/kuznecova.pdf (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 20. Makarova, O. V. Mediation in Criminal Proceedings: Restorative Justice as a New Paradigm for Conflict Resolution. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2025, no. 3 (107), pp. 70–78. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse-vosstanovitelnogo-pravosudie-kak-novaya-paradigma-razresheniya-konfliktov> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 21. Moldobaev, M. E. Features of Reconciliation (Mediation) in Criminal Proceedings of Certain Foreign States. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2024, no. 5, pp. 57–61. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-5-57-61. Available at: <https://lawinfo.ru/articles/6546/osobennosti-osushchestvleniya-primireniya-mediatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-otdelnykh-zarubezhnykh-gosudarstv> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
 22. Pobedkin, A. V. *Basic Provisions of the Russian Criminal Procedure Code as a System of Guarantees of the Public Nature of Criminal Proceedings: Monograph*. Moscow: Yurilitinform Publ., 2024. 328 p. ISBN 978-5-4396-2602-1. Available at: <https://urlit-id.ru/Katalog/3209-.html> (accessed 11 August 2026). (In Russ.).

Механизмы отказа в исполнении иностранных арбитражных решений

Петрови́чева Юлия Владимировна

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийская Академия Внешней Торговли при Министерстве экономического развития РФ%; кафедра государственно-правовых дисциплин, РЭУ имени Г.В. Плеханова, jplawyer@yandex.ru,

Григорьев Антон Владимирович

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, РЭУ имени Г.В. Плеханова, grigorev.av@rea.ru

В настоящей статье раскрываются два основных механизма приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на основании международного договора между странами и при отсутствии такового, применяя принцип взаимности (вежливости).

Возникшая сложная геополитическая ситуация привела к неоднозначной судебной практики в области исполнения иностранных арбитражных решений, вынесенных в отношении российских обществ. Основания отказа в исполнении иностранных судебных решений, содержащиеся в Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, выявлены на примерах судебной практики.

Проанализирован публичный порядок как одно из оснований отказа в исполнении иностранных решений. Согласно законодательству России режим санкций стал частью публичного порядка, что привело к отказу в исполнении арбитражных решений, вынесенных европейскими арбитражными центрами, в то время как, США с целью не приводить в исполнение решения в отношении российских юридических лиц принял закон, ограничивающий исполнение иностранных арбитражных решений на их территории.

В заключении отмечаются новые подходы и механизмы, применяемые арбитражными учреждениями при вынесении и исполнении арбитражных решений третейских судов.

Ключевые слова: основания отказа в исполнении иностранных арбитражных решений, публичный порядок, принцип вежливости и взаимности, порядок исполнения иностранных судебных решений, санкции.

Институт исполнения иностранных арбитражных решений должен обеспечивать функционирование внешнеэкономической деятельности, что способствует надлежащему исполнению внешнеторговых контрактов. Особое влияние исполнение иностранных решений оказывает на развитие торговых отношений между зарубежными странами, на взаимодействие различных торговых партнеров, а также в определенной мере на состояние российской экономики. Основания отказа в исполнении иностранных решений рассматривают как основной механизм защиты активов, находящихся за пределами территории России. Вопрос о возврате имущества, финансовых средств в Российскую Федерацию решается при помощи соответствующих механизмов, применяемых при исполнении или отказе в исполнении иностранных арбитражных решений.

Основания отказа в исполнении третейских решений предусмотрены ст. 5 Нью-Йоркской Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений 1958 г. В одной из статей, посвященных рассматриваемой теме, отмечается, что Конвенция о признании и исполнении иностранных решений носит про-арбитражный характер [1]. В результате поведенного анализа автор делает вывод, что без наличия настоящей Конвенции осуществление признания и исполнения иностранных арбитражных решений было бы затруднено. Однако с учетом текущих реалий возникает много вопросов о том, всегда ли исполнение иностранных решений отвечает интересам государства и бизнеса. Может ли исполнение иностранного решения не отвечать требованиям российской экономики, финансовой системе при имеющихся серьезных разногласиях между рядом иностранных государств.

В соответствии с законодательством РФ существует два механизма приведения в исполнение иностранных решений, на основании заключенных международных договоров со другими странами, при отсутствии таковых, при помощи принципа взаимности. Согласно ст. 1189 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК) применение иностранного права возможно судом независимо от того, применяется ли в иностранном государстве к аналогичным отношениям иностранное право России [2].

Наиболее проблемным можно назвать реализацию принципа взаимности при исполнении иностранных арбитражных решений со странами, с которыми международного договора не заключено. Арбитражные учреждения различных стран вынуждены учитывать международную практику, которая сложилась в каждом конкретном государстве. Однако, как следует из судебной практики, отсутствует однозначный вывод о применении принципа взаимности при исполнении арбитражных решений. Суды стали руководствоваться общим правилом, которое еще в 2002 году было сформулировано в Определении Верховного Суда РФ от 07.06.2002 № 5-Г02-64 «принцип взаимности применяют в ситуации, когда российские суды исполняют иностранные судебные решения при соблюдении аналогичных действий признания и приведения в исполнение судебных решений, принятых в России на территории зарубежных государств» [3].

Данное правило не может быть в полной мере реализовано с учетом геополитической ситуации в мире. Введенные санкционные меры со стороны стран ЕС и США, препятствуют приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных на территории европейских государств, как и принятые решения в России на аналогичные действия со стороны зарубежных стран. Как следствие государства сталкиваются с обратным процессом, который разрушительно влияет на их экономическую составляющую.

Для начала обратимся к порядку исполнения иностранных арбитражных решений, содержащихся в международных договорах. Из всех имеющихся международных договоров следует вывод об однообразном или аналогичном подходе, который предполагает процедуру согласования исполнения иностранных арбитражных решений между страной, в которой принимается решение, и страной, в которой такое решение должно быть исполнено. В соответствии с п. 1 ст. 2 Международного Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по граждан-

ским и уголовным делам от 19.06.1992 г. [4] при обращении с заявлениями об исполнении решения суда в государственные учреждения в роли которых выступают министерства юстиции двух государств и Генеральная прокуратура России, и Верховная народная прокуратура КНР.

Помимо международного договора, порядок приведения и исполнения арбитражных решений суда, принятых в КНР, регулируется Законом КНР от 31.08.1994 «Об арбитраже», главой 31 АПК РФ [5]. Необходимо иметь в виду значение Верховного народного суда КНР при приведении в исполнение арбитражных решений народных судов, вступивших в силу 01.03.2018, а также Положение о судебном пересмотре арбитражных дел, вступившее в силу с 01.01.2018.

Для приведения в исполнение иностранного арбитражного решения необходимо их утверждение Верховным народным Судом КНР. В настоящее время только Верховный народный суд КНР уполномочен решить, какое иностранное арбитражное решение подлежит признанию или исполнению, в то время как нижестоящие суды только исполняют такое решение Верховного народного суда КНР.

Обратимся к одному Определению Верховного народного суда Китайской народной республики провинции Чжэцзян от 29.01.2023 № (2022) Чжэ-Минь-Чжун 585 об утверждении мирового соглашения между китайской компанией (далее – взыскатель) и обществом с ограниченной ответственностью (далее – ООО) [6].

Как следует из материалов дела, в ходе апелляционного производства в Верховном народном суде Китайской народной республики провинции Чжэцзян по спору о несоблюдении обязательств из соглашения о сотрудничестве между должником и взыскателем (Компанией) было заключено мировое соглашение, по условиям которого должник обязался выплатить взыскателю 21 000 000 юаней КНР в определенные сроки, предусмотренные судебным решением. Однако по состоянию на дату обращения с настоящим заявлением мировое соглашение не было исполнено ООО (должником) в добровольном порядке.

Китайская компания обратилась в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением о признании и приведении в исполнение Определения Верховного народного суда Китайской народной республики провинции Чжэцзян от 29.01.2023 № (2022) Чжэ-Минь-Чжун 585 об утверждении мирового соглашения между китайской компанией и ООО и выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение мирового соглашения между Взыскателем и должником-ООО.

Основание отказа в исполнении арбитражного решения об утверждении мирового соглашения о взыскании долга, неустойки, связано с нарушением оформления арбитражного решения суда норм международного договора. Представленные заявителем копии документов, не заверены надлежащим образом, различны по содержанию, приведенному в переводах. Заявителем было указано на ошибки в переводах в представленных копиях документов.

Статья 4 Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений предусматривает заверенное должным образом подлинное арбитражное решение, или его копия [7].

Как уже было отмечено при отсутствии международного договора приведения в исполнение иностранных арбитражных решений применяется принцип взаимности, который урегулирован ст. 1198 ГК РФ. Принцип взаимности или вежливости построен на взаимном сотрудничестве государств по признанию прав и интересов частных лиц, а права таких лиц могут определяться не только иностранным правом, но и решением иностранного суда. Суды достаточно свободно применяли настоящий принцип на практике до 2022 г.

В последние несколько лет вопрос об исполнении решений иностранных третейских судов зависит от политических метаморфоз, особенно при применении принципа взаимности, при которых даже самые справедливые решения могут остаться неисполненными.

В одном из интервью партнер ЗАО «Сотби» Варвара Кнутова еще раз подчеркнула, что раньше было достаточно привести любой пример взаимности исполнения судебных актов. Например, для российского суда необходимо уважение решений международных судов. Теперь же требуется доказать взаимность, при этом эксперт разграничил принципы уважения к решениям международного суда и принцип взаимности [8].

При приведении в исполнение решения Калифорнийского суда на территории России, суды потребовали подтвердить, что амери-

канские суды признавали российские решения по аналогичной категории судебных дел в период после 28.02.2022, с момента подписания Указов Президента от 28.02.2022 № 79 и № 95 от 05.03.2022 и утверждения Перечня недружественных государств) т.е. после начала санкционной политики [9].

Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.10.2023г. по делу № А56-49800/2024 принял Определение исполнить решение Земельного суда Штутгарта 27.05.2021 по делу № 31 О 10/20 КfH, по иску Viavi Solutions Deutschland GmbH к ООО «Вилком СПб» о взыскании с ООО Вилком задолженности по заключенному между ними торговому соглашению в сумме 68 411,70 долларов США и проценты по ним в размере 9% пунктов выше базовой ставки с 1 декабря 2017 [10]. Российский суд руководствовался международными принципами взаимности и вежливости. Постановлением Арбитражного Суда Северо-Западного Округа от 01.04.2025 г. Определение суда первой инстанции от 25.10.2024 г. было отменено и дело направлено на новое рассмотрение.

В мотивировочной части решения кассации указано, что внешнеэкономическая деятельность не осуществлялась со стороны российского хозяйствующего субъекта, товары на территорию Российской Федерации не были ввезены, что подтверждено представленными документами, как следствие неоплата со счета российской организации за непоставленные товары в Россию.

Заключительный судебный акт Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 20.06.2025 г. подтвердил отказ в приведении исполнения судебного решения ФРГ, руководствуясь Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430 – р, (Указ Президента Российской Федерации № 95 от 05.03.2022 г.). Германия была включена в перечень иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении российских организаций. В целях соблюдения принципа взаимности и вежливости при исполнении решения суда ФРГ заявителю надо представить доказательства того, что на территории Германии, в отсутствие международного договора, исполняются решения российских судов по аналогичной категории судебных дел за последние три года [11].

В качестве основания отказа приведения в исполнение иностранных решений названы обеспечительные меры. Обращаясь к нормам Конвенции ООН и нормам внутреннего законодательства стран, в частности российского, в целях приостановления или отказа в исполнении иностранных решений прибегают к обеспечительным мерам.

Напомним, что часть 4 статьи 243 АПК РФ при рассмотрении заявления о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений суд ограничен в полномочиях пересматривать их по существу [12]. Однако наряду с этим наделяет стороны комплексом процессуальных прав, таких как заявление ходатайств о назначении и проведении по делам экспертизы, наложении обеспечительных мер. Стороны могут воспользоваться перечисленными процессуальными правами для дальнейшего приведения решений в исполнение.

Применение упомянутых процессуальных мер на практике не всегда приводит к отмене арбитражных решений. Более того в одном из судебных споров, по которому было вынесено судебное решение, заявитель подал ходатайство о наложении обеспечительных мер, ввиду проверки качества товара. Суд оставил настоящее требование без удовлетворения, поскольку Заявитель представил ходатайство о наложении обеспечительных мер по заявлению ООО ГК «Техномет» к китайской компании в виде запрета АО «ЗиО-Подольск» совершать действия по реализации имущества, поставленного по договору от 14.02.2018, до вступления судебного акта в законную силу, указывая в качестве основания на затруднительность исполнения судебного акта и на причинение ущерба.

Требование о наложении обеспечительных мер направлены на предотвращение нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижения негативного воздействия допущенных нарушений, создания условий для надлежащего исполнения судебного акта [13].

Поводом подачи заявления об обеспечительных мерах стало решение Арбитражного суда Московской области об обращении взыскания на трубы, что делает невозможным провести проверку их качества (трубы имели дефекты, ненадлежащие по ассортименту). Арбитражный суд г. Москвы, отказывая в удовлетворении обеспечительных мер, руководствовался п. 4 ст. 238 АПК РФ, согласно кото-

рой суд вправе исследовать доказательства в обосновании заявленных требований и возражений, но не вправе пересматривать решение третейского суда по существу [14].

Банкротство организаций – должников еще один механизм отказа в приведении в исполнение иностранных арбитражных решений на территории России. При наличии имеющегося судебного решения о признании и приведении арбитражного решения коммерческого арбитражного суда, кредитор с целью включения своего требования в реестр требований в деле о банкротстве должник должен представить в суд документы (в том числе, в оригиналах), обосновывающие размер требования, не только судебные решения, а именно первичные документы, которые в судах имеют большую значимость [15].

В качестве примера конкурсный кредитор при обжаловании судебных актов по заявлению о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража, должен представить суду заново на утверждение документы, поскольку «вопрос о защите интересов третьих лиц подлежит судебному контролю как элемент публичного порядка государства исполнения» [16].

Начиная с 2022 г. законодательство Украины предусматривает, что в процедуре банкротства, требования кредиторов, являющихся российскими юридическими лицами, по вынесенным решениям коммерческих судов, включенные в реестр, не подлежат исполнению на территории Украины. На основании п. 5 ст. 4 Закона Украины № 2116-IX от 03.03.2022 г. «Об основных принципах принудительного изъятия в Украине объектов права собственности Российской Федерации и ее резидентов» Арбитражный Суд г. Москвы отказал в принудительном исполнении решения МКАС при ТПП РФ к российскому акционерному обществу о взыскании долговых обязательств с акционерного общества (Украина) [17].

В судебной практике достаточно часто фигурирует ликвидация организаций как способ избежать исполнения иностранных решений. В исследованном решении Арбитражного суда города Москвы от 03.06.2025 г. по иску ПАО Сбербанк к Ответчику SIB (Cyprus) Limited (СИБ (Сайпрус) Лимитед) о взыскании задолженности по кредитной сделке, заключенной в рамках Соглашения об общих условиях проведения двусторонних сделок № 105 от 16.09.2011, в размере 191 259 624,31 долларов США, суд удовлетворил требование о возврате денежных средств [18].

Сбербанк учредил стопроцентное дочернее общество SIB ПАО Сбербанк, которое получило лицензию, выданную Кипрской комиссией по ценным бумагам и биржам (Cyprus Securities and Exchange Commission), на осуществление инвестиционной деятельности.

В решении отмечается, что в связи с геополитической ситуацией, компания SIB (Cyprus) будучи подсанкционной компанией, имеющей ограничительные меры, не может осуществлять поставленные задачи на территории Кипра как недружественного государства, поэтому принимает решение о ликвидации, отказавшись добровольно от лицензии (т.е. прекратило деятельность).

В заключении остановимся на применении публичного порядка как основании отказа в исполнении решения, предусмотренного Нью-Йоркской Конвенцией об исполнении иностранных судебных решений.

Законодатель не дает легального определения публичного порядка. Определение публичного порядка Российской Федерации основано на фундаментальных правовых принципах, которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью [19]. В качестве отказа в исполнении судебных решений как противоречащие публичному порядку, являются санкции. В российском законодательстве отсутствует официальное определение санкций. Суды Российской Федерации толкуют санкции как незаконные и лишенные международно-правовых оснований действия на территории Российской Федерации через категорию публичного порядка в качестве продолжения государственной политики, направленной на непризнание и отрицание легитимности санкций западных стран против России.

Санкционные меры и в противовес им контрсанкционные меры, накладываемые Российской Федерацией в ответ на санкционный режим Европейского Союза, составляют часть публичного порядка и являются основанием отказа в исполнении иностранных судебных решений на территории России.

В деле по спору, вытекающему из договора купли-продажи акций, заключенного между акционерами - итальянцами и Акционер-

ным обществом «Хромпик» - российским юридическим лицом, во исполнении арбитражной оговорки о рассмотрении спора в Арбитражном центре при Торговой палате Люксембурга, было принято решение о привлечении к ответственности о взыскании денежных средств в солидарном порядке наряду с российским юридическим лицом и компании Мидюрал Индастриал Груп Лимитед. Однако предъявленное требование Заявителя о приведении в исполнение решения суда Арбитражного центра при Торговой палате Люксембурга на территории России было отклонено Арбитражным судом г. Москвы.

Суд кассационной инстанции, оставляя Определение первой инстанции без удовлетворения, мотивирует отказ в исполнении иностранного решения неравным положением сторон в арбитраже из-за введенных санкций в отношении России. Российское юридическое лицо «Хромпик», с 2023 года вошел в группу компаний ПО «Поллипласт»-системообразующего предприятия Российской Федерации оборонно-промышленного комплекса. Такое исполнение в виде взыскания финансовых средств с хозяйствующего субъекта может привести к причинению ущерба крупному предприятию российской промышленности. Суд прокомментировал действия как не соответствующие интересам российской стороны, как частным, так и публичным интересам [21].

Противоположным решением стало дело, которое было приведено в исполнение, по которому в результате заключенного договора поставки угля, Заказчик т.е. компания POSCO не оплатила поставленную продукцию. Компания мотивировала свой отказ возможными санкциями против нее. Арбитражный суда г. Москвы обосновал приведение в исполнение решения суда совершением заказчиком недобросовестных действий, выразившихся в проведении реорганизации хозяйственного общества т.е. передачи стопроцентной доли российской компании незадолго до принятия решения трибуналом Международной торговой палатой [22]. Настоящее обстоятельство не могло быть оценено судом как действие, противоречащее публичному порядку РФ.

Санкционная политика влияет на бизнес-процессы особенно во внешнеэкономической деятельности, невозможность исполнения договоров с иностранными контрагентами приводит к парализации коммерческой деятельности со странами ЕС и США, в свою очередь влияет на азиатские контракты, которые также попадают в зону ограничений со стороны европейских партнеров. Как следствие мы находимся в положении, когда решения европейских арбитражных центров практически становятся неисполнимыми как на территории России, так и решения российских арбитражных коммерческих судов в странах ЕС и США. При этом аналогичная ситуация сложилась с исполнением иностранных арбитражных решений, вынесенных государствами, с которыми у России отсутствует международный договор о порядке приведения в исполнение арбитражных решений, т.е. на основании принципа взаимности. Как результат суды не готовы руководствоваться принципом взаимности.

Один из специалистов в области международного частного права доцент Е.А. Абросимова в своей статье делает обоснованный вывод, что судам не следует отказывать в применении иностранного права лишь на основании того, что его нормы происходят из «недружественного государства», так как это способно подорвать основы и саму суть международного частного права [23].

По мнению практикующих специалистов, суды рассматривают санкции в качестве оснований отказа в исполнении иностранных судебных решений при расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, форс-мажорных обстоятельств, иностранного происхождения контрагента, контр-санкционных мер и применении антиисковых запретов в отношении лиц, находящиеся под санкциями, при наличии определенных к тому доказательств [24]. Отмечается также, что практика наложения таких мер неоднородна, зависит от конкретных обстоятельств.

На основании проведенных исследований можно прийти к заключению и придать санкциям некое индивидуальное основание, которое будет расцениваться арбитражными институтами как основание отказа или наоборот, приведение в исполнение иностранных арбитражных решений.

Современный российский подход использует концепцию противоречия публичному порядку при отказе исполнения иностранных арбитражных решений, вынесенных европейскими арбитражными институтами в реализации их в указанных юрисдикциях, аналогично, согласно санкционной политики США, был разработан законопроект

«Закон 2025 о защите американцев от российских судебных разбирательств», который предусматривает отказ в исполнении иностранных судебных решений на своей территории, вынесенных в отношении субъектов гражданского оборота, находящихся под санкциями [25]. Основная задача принятого закона состоит в защите американских компаний от взысканий за рубежом за неисполнение договоров из-за санкций. Такой подход приводит к нарушению принципа справедливости, с одной стороны, с другой стороны, парализует исполнение уже существующих арбитражных соглашений.

За последние несколько лет изменился подход к назначению арбитров, стали отдавать предпочтение арбитрам из Средней Азии, Африки. Меняется содержание третейских соглашений, в них стали включать такие арбитражные институты как Дубайский Арбитражный центр, Гонконгский международный арбитражный центр, Сингапурский международный центр и другие, которые быстро набрали популярность. В связи с ограничениями в передвижениях из-за политической ситуации ставится вопрос о возможности изменения места арбитража, которое может быть изменено только при чрезвычайных ситуациях, военных конфликтах.

Литература

1. Лосев Л.С. «Особенности признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений» // *Universum: экономика и юриспруденция: электронный научный журнал* 2022 г. 12 (99), URLC. интернет ресурс // <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/14653>;
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001, № 49, ст. 4552.;
3. Определение Верховного Суда РФ от 07.06.2002 N 5-Г02-64 «Судам общей юрисдикции подведомственны дела по ходатайствам заинтересованных лиц о признании и исполнении на территории России решений иностранных судов независимо от наличия или отсутствия соответствующего международного соглашения или договора» // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;
4. Международный Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19.06.1992 г. // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;
5. Закон КНР от 31.08.1994 «Об арбитраже» // интернет-ресурс <http://www.gov.cn/archive/lawregulations/>;
6. Определение Верховного народного суда Китайской народной республики провинции Чжэцзян от 29.01.2023 № (2022) Чжэ-Минь-Чжун 585; // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;
7. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. // интернет-ресурс <https://www.newyorkconvention.org/russian>;
8. Интервью с партнером ЗАО «Сотби» Варварой Кнутовой // интернет-ресурс <https://www.pravo.ru/story/251809/>;
9. Определение Арбитражного суда города Москвы от 28.04.2023 г. № А40-242631/2022-63-1860 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;
10. Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.10.2023 г. по делу № А56-49800/2024 г. // Официальный интернет-ресурс Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области <http://www.spb.arbitr.ru>;
11. Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 20.07.2025 г. по делу № А56-49800/2024 г. // Официальный интернет-ресурс Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области <http://www.spb.arbitr.ru>;
12. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3012.;
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // «Российская газета», N 123, 07.06.2023, «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 8, август, 2023 // СПС «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;

14. Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.03.2026 по делу № А40-186583/25-107-1378 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;

15. См. пункт 26 Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N 35 (ред. от 23.12.2025) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // «Вестник ВАС РФ», N 8, август, 2012. // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;

16. См. пункт 10 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 11, ноябрь, 2016 (начало), «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 12, декабрь, 2016 (окончание) // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;

17. Определение Арбитражного суда г. Москвы о прекращении производства по делу от 17.04.2026 г. по делу № А40-19396/26-19-173 // Официальный интернет-ресурс Арбитражного суда г. Москвы <http://www.msk.arbitr.ru>;

18. Решение Арбитражного суда города Москвы от 03.06.2025 г. по делу № А40-60369/25-62-411 // Официальный интернет-ресурс Арбитражного суда г. Москвы <http://www.msk.arbitr.ru>;

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // «Российская газета», N 291, 25.12.2019, «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 3, март, 2020 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>;

20. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.03.2026 N Ф09-5930/25 по делу № А60-40234/2025 // Официальный интернет-ресурс Арбитражного суда Уральского округа <http://fasuo.arbitr.ru>;

21. Определение Арбитражного суда города Москвы от 15.05.2026 г. № А40-332538/25-68-2153 // Официальный интернет-ресурс Арбитражного суда г. Москвы <http://www.msk.arbitr.ru>;

22. Е.А. Абросимова, Р. Рзаев «Соотношение санкций, публичного порядка и сверхимперативных норм в международном частном праве. Проблемы правоприменения» // Вестник Арбитражной практики № 2, 2023;

23. М.О. Чокорая, Ю.Ю. Надежин «Тенденции судебной практики в условиях внешнеэкономических ограничений» // Арбитражные споры № 4, 2023;

23. Закон США «Закон 2025 о защите американцев от российских судебных разбирательств» // интернет ресурс <https://www.whitehouse.gov>.

Mechanisms for Refusing Enforcement of Foreign Arbitral Awards Petrovicheva Yu.V., Grigoriev A.V.

Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Plekhanov Russian University of Economics

This article discloses two main mechanisms of the enforcement foreign arbitration awards based on an international treaty between countries and, in the absence of such a treaty, the application of the principle of reciprocity.

The current complex geopolitical situation are applied for the ambiguous judicial practices in the execution of foreign arbitration awards issued against Russian companies. The foundations for refusing to enforce foreign judgments, as set forth in the UN Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments, are identified through examples from judicial practice.

The public order as one of the grounds for refusing to enforce foreign judgments is analyzed.

The public order as one of the foundation to enforce foreign decisions is analyzed. According to Russian legislation, the sanctions regime has become a part of the public order, which has approached to the refusal of the enforcement of an arbitral awards issued by European arbitration institutions, while the United States has issued the law restrict the enforcement of foreign arbitral awards in its territory in order to prevent the enforcement of awards against Russian legal entities.

In conclusion, the article highlights the new approaches and mechanisms are used by arbitration institutions in the issuance and enforcement of arbitral awards and court decisions.

Keywords: Foundations for refusing to execute foreign arbitration awards, public order, the principle of courtesy and reciprocity, the procedure for executing foreign court decisions, sanctions.

References

1. Losev L.S. «Features of recognition and enforcement of foreign arbitral awards» // *Universum: economics and jurisprudence: electronic scientific journal* 2022, 12 (99), URLC. Internet resource // <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/14653>;
2. «Civil Code of the Russian Federation (Part Three)» dated 26.11.2001 No. 146-FZ // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 03.12.2001, No. 49, Art. 4552.;

3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/07/2002 N 5-G02-64 «Courts of general jurisdiction have jurisdiction over cases on petitions of interested parties for the recognition and execution in the territory of Russia of decisions of foreign courts, regardless of the presence or absence of a corresponding international agreement or treaty» // Legal reference system «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>
4. International Treaty between the Russian Federation and the People's Republic of China on Legal Assistance in Civil and Criminal Matters dated June 19, 1992 // Consultant Plus Legal Reference System <https://www.consultant.ru>;
5. Law of the People's Republic of China of August 31, 1994 «On Arbitration» // Internet resource <http://www.gov.cn/archive/lawregulations/>;
6. Determination of the Supreme People's Court of the People's Republic of China, Zhejiang Province, dated January 29, 2023, No. (2022) Zhe-Min-Zhong 585; // Reference legal system «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>;
7. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards of 10 June 1958. // Internet resource [https://www.newyorkconvention.org/russian/](https://www.newyorkconvention.org/russian;);
8. Interview with Varvara Knutova, partner of Sotbi CJSC // Internet resource <https://www.pravo.ru/story/251809/>;
9. Determination of the Arbitration Court of Moscow dated April 28, 2023 No. A40-242631/2022-63-1860 // Reference legal system «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>;
10. Determination of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated October 23, 2023 in case No. A56-49800/2024 // Official Internet resource of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region <http://www.spb.arbitr.ru>;
11. Determination of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region dated July 20, 2025 in case No. A56-49800/2024 // Official Internet resource of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region <http://www.spb.arbitr.ru>;
12. «Arbitration Procedure Code of the Russian Federation» of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) // «Collection of Legislation of the Russian Federation», July 29, 2002, No. 30, Art. 3012.;
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.06.2023 No. 15 «On certain issues of the adoption by courts of measures to secure a claim, interim measures and measures of preliminary protection» // «Rossiyskaya Gazeta», No. 123, 07.06.2023, «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», No. 8, August, 2023 // Reference legal system «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>;
14. Determination of the Arbitration Court of Moscow dated March 18, 2026 in case No. A40-186583/25-107-1378 // Reference legal system «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>;
15. See paragraph 26 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 22, 2012 No. 35 (as amended on December 23, 2025) «On certain procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases» // «Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation», No. 8, August 2012. // Reference legal system «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>;
16. See paragraph 10 of the «Review of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016)» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 13, 2016) // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», No. 11, November 2016 (beginning), «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», No. 12, December 2016 (end) // Reference Legal System «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>;
17. Determination of the Arbitration Court of Moscow on the termination of proceedings in the case dated April 17, 2026, in case No. A40-19396/26-19-173 // Official Internet resource of the Arbitration Court of Moscow <http://www.msk.arbitr.ru>;
18. Decision of the Moscow Arbitration Court dated June 3, 2025 in case No. A40-60369/25-62-411 // Official Internet resource of the Moscow Arbitration Court <http://www.msk.arbitr.ru>;
19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.12.2019 N 53 «On the performance by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration proceedings, international commercial arbitration» // «Rossiyskaya Gazeta», N 291, 25.12.2019, «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», N 3, March, 2020 // Reference legal system «Consultant Plus» <https://www.consultant.ru>;
20. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 04.03.2026 N F09-5930/25 in case No. A60-40234/2025 // Official Internet resource of the Arbitration Court of the Ural District <http://fasuo.arbitr.ru>;
21. Determination of the Arbitration Court of Moscow dated May 15, 2026 No. A40-332538/25-68-2153 // Official Internet resource of the Arbitration Court of Moscow <http://www.msk.arbitr.ru>;
22. E.A. Abrosimova, R. Rzaev «The Relationship between Sanctions, Public Policy, and Supererogatory Mandatory Rules in International Private Law. Problems of Law Enforcement» // Bulletin of Arbitration Practice, No. 2, 2023; E.A. Abrosimova, R. Rzaev «The Relationship between Sanctions, Public Order and Supererogatory Norms in Private International Law. Problems of Law Enforcement» // Bulletin of Arbitration Practice No. 2, 2023;
23. M.O. Chokoraya, Yu.Yu. Nadezhda «Trends in judicial practice in the context of foreign economic restrictions» // Arbitration Disputes No. 4, 2023;
24. US Law «Protecting Americans from Russian Litigation Act 2025» // Internet resource <https://www.whitehouse.gov>.

Локализация данных в Китае, Индии и России: модели реализации концепции цифрового суверенитета

Крестинина Екатерина Владимировна

магистрант, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, ekkrestinina@gmail.com

В статье выполнен сравнительно-правовой анализ трёх моделей реализации требования о локализации данных, основного юридического инструмента, посредством которого концепция цифрового суверенитета получает нормативное воплощение, в практике Китая, Индии и России в 2024–2026 гг. Автор исходит из того, что при общей идеологической направленности на укрепление цифрового суверенитета названные правовые порядки воплощают принципиально различные регулятивные философии: государствоцентричную китайскую модель, субъектоцентричную индийскую модель и гибридную российскую модель, построенную на концепции первичной обработки. Показано, что российское регулирование занимает промежуточное положение на шкале интенсивности локализационных требований и наиболее тесно связано с проблематикой трансграничного коммерческого оборота в условиях односторонних ограничительных мер. На основе сравнительно-правовой доктрины и литературы по международному частному праву обосновывается вывод о том, что сверхимперативный характер (*lois de police*) норм о локализации порождает нарастающие коллизии с принципами свободы договора и автономии воли сторон в трансграничной торговле, а совмещение локализационных режимов с режимом односторонних ограничительных мер эти коллизии усиливает. Сформулированы предложения *de lege ferenda*, касающиеся выработки специальных коллизионных подходов и модельных договорных условий о трансграничной обработке данных.

Ключевые слова: локализация данных, цифровой суверенитет, трансграничная передача данных, персональные данные, PIPL, DPDP Act, Федеральный закон № 152-ФЗ, экстерриториальное действие, сверхимперативные нормы, автономия воли сторон.

Введение

За последнее десятилетие концепция цифрового суверенитета прошла путь от политико-доктринального тезиса до самостоятельного правового принципа. Базовым инструментом её нормативного воплощения выступает требование о локализации данных — императивное предписание, обязывающее операторов хранить и (или) обрабатывать персональные данные в пределах национальной территории и осуществлять трансграничную передачу лишь при соблюдении специальных условий и под контролем уполномоченного регулятора.

Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу трёх моделей реализации указанного требования — китайской, индийской и российской. Каждая из них демонстрирует принципиально различный регулятивный подход на общем идеологическом фоне укрепления цифрового суверенитета. Актуальность исследования определяется тем, что в 2024–2026 гг. все три правовые порядки пережили существенное обновление нормативной базы: в Китае вступило в силу Положение об управлении безопасностью сетевых данных, в Индии были приняты подзаконные акты к Закону о защите цифровых персональных данных, в России изменилась редакция части 5 статьи 18 Федерального закона № 152-ФЗ и появилась уголовная ответственность за нарушения, связанные с трансграничной передачей.

Российская модель, занимающая промежуточное положение на шкале интенсивности локализационных требований и наиболее непосредственно связанная с проблематикой трансграничного коммерческого оборота в условиях односторонних ограничительных мер, рассматривается в работе как концептуально наиболее значимая для целей международного частного и коммерческого права.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты трёх юрисдикций в редакциях, действующих по состоянию на 2026 г., а также акты уполномоченных регуляторов — Государственной канцелярии по вопросам киберпространства КНР, Министерства электроники и информационных технологий Индии, Резервного банка Индии и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Анализ по каждой юрисдикции построен по единой схеме: источники регулирования, нормативное содержание режима, актуальная регулятивная динамика и ключевые проблемы правоприменения. Такая унификация структуры обеспечивает функциональную сопоставимость выводов.

Методологическую основу работы образуют сравнительно-правовой метод (в его функциональном варианте, позволяющем сопоставлять разнородные по юридической технике режимы по решаемой ими регулятивной задаче), формально-юридический метод толкования нормативных предписаний и метод правового моделирования, применяемый при формулировании предложений *de lege ferenda*.

В юридической науке требование о локализации анализировалось как в критическом, так и в сравнительно-правовом ключе. А. Чандер и У. П. Ле охарактеризовали глобальное распространение локализационных предписаний как форму «информационного национализма», фрагментирующего интернет и возлагающего значительные издержки на трансграничный оборот, тогда как К. Кунер поместил такие меры в более широкий контекст права трансграничных потоков данных. Г. Гринлиф в наиболее полном сравнительном исследовании азиатского законодательства о приватности выстроил соответствующие режимы по оси «торговля — права человека», что позволяет уловить напряжение между охранительной и суверенной функциями локализации. Опираясь на эту литературу, настоящая работа рассматривает локализацию не только как приём защиты данных, но и как инструмент цифрового суверенитета, сверхимперативная природа которого порождает самостоятельные проблемы международного частного права — проблемы, которые сравнительные исследования, сосредоточенные преимущественно на конструкции регулирования, до сих пор затрагивали лишь попутно.

Результаты и обсуждение

1. Китайская модель: строгий централизованный режим

1.1. Источники регулирования и категоризация данных

Правовой каркас локализации в КНР образуют три закона: Закон о кибербезопасности (Cybersecurity Law, CSL) 2017 г., Закон о безопасности данных (Data Security Law, DSL) и Закон о защите персональной информации (Personal Information Protection Law, PIPL), оба 2021 г. Они дополняются актами Государственной канцелярии по вопросам киберпространства (Cyberspace Administration of China, CAC) и Положением об управлении безопасностью сетевых данных, вступившим в силу 1 января 2025 г.

Архитектура регулирования опирается на иерархическую категоризацию данных. Закон о безопасности данных и национальный стандарт GB/T 43697-2024 различают «обычные», «важные» и «ключевые» данные. С 1 января 2025 г. количественный порог отнесения массива персональных данных к «важным» повышен с одного до десяти миллионов субъектов данных. Особый статус имеют операторы критической информационной инфраструктуры (CIIО): согласно статье 37 CSL они обязаны хранить персональные и важные данные, сформированные на территории КНР, на серверах внутри страны, а трансграничная передача допускается только после положительного заключения по итогам государственной оценки безопасности.

1.2. Механизмы трансграничной передачи и экстерриториальное действие

Трансграничная передача регулируется тремя механизмами: государственной оценкой безопасности, проводимой CAC, китайскими стандартными договорными условиями и сертификацией. Государственная оценка безопасности обязательна при передаче важных данных, при передаче персональных данных более чем одного миллиона субъектов либо чувствительных персональных данных более чем десяти тысяч субъектов за календарный год; в остальных случаях доступны стандартные договорные условия или сертификация. Экстерриториальный охват режима значителен: пункт 2 статьи 3 PIPL распространяет действие закона на обработку данных лиц, находящихся в КНР, осуществляемую за пределами страны, если её целью является предложение таким лицам товаров или услуг либо анализ их поведения; такие операторы обязаны назначить представителя в Китае. Статья 36 DSL — «блокирующая» норма — запрещает передачу данных, хранящихся в КНР, иностранным судебным или правоохранительным органам без разрешения китайских властей.

Регулятивная динамика 2024–2025 гг. отражает курс на тонкую настройку режима. Положения о содействии трансграничным потокам данных и их регулировании от 22 марта 2024 г. ввели изъятия: из-под действия обязательного режима выведены передачи в целях исполнения договора, управления персоналом и в чрезвычайных ситуациях. Зоны свободной торговли Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Хайнаня и Чжэцзяна получили право принимать «негативные перечни», за пределами которых данные могут передаваться свободно.

1.3. Промежуточный вывод

Китайская модель является государствоцентричной: данные рассматриваются как стратегический ресурс, находящийся под непосредственным государственным контролем, а защита данных подчинена соображениям национальной и экономической безопасности и инструментализирована ими; в сравнительной литературе этот режим выступает парадигмальным случаем. Основные его проблемы сосредоточены в трёх плоскостях: нормативная неопределённость категории «важных данных» при отсутствии единого федерального каталога; широкая дискреция CAC при проведении оценок безопасности, основанных на политической оценке риска; коллизия между блокирующей нормой статьи 36 DSL и обязанностями по раскрытию информации в иностранных юрисдикциях, создающая для транснациональных корпораций ситуации правовой ловушки.

2. Индийская модель: гибкий режим после принятия DPDP Act 2023

2.1. Эволюция и структура режима

Индийский подход претерпел наиболее длительную эволюцию. Проект Закона о защите персональных данных 2019 г. содержал жёсткие требования о локализации, включая обязанность хранить копию всех персональных данных в Индии и запрет трансграничной передачи «критических» персональных данных; этот проект был отозван в 2022 г. Закон о защите цифровых персональных данных

(Digital Personal Data Protection Act, DPDP Act), принятый в августе 2023 г., закрепил противоположный подход. Его окончательная операционализация состоялась 13 ноября 2025 г., когда Министерство электроники и информационных технологий приняло Правила о защите цифровых персональных данных, предусматривающие поэтапное введение в действие в течение двенадцати — восемнадцати месяцев. В сравнительной литературе этот разворот трактуется как отказ Индии от жёсткой локализации в пользу позиции, благоприятствующей торговле, — хотя, как показано ниже, отраслевые предписания сохраняют значительные анклавы строгой локализации.

Закон построен на концепции доверительного управляющего данными (data fiduciary). Особую категорию значимых доверительных управляющих (Significant Data Fiduciaries) по статье 10 образуют лица, на которых правительство возлагает повышенные требования с учётом объёма обрабатываемых данных и сопутствующих рисков; такие лица обязаны назначить находящегося в Индии специалиста по защите данных, проводить оценку воздействия и обеспечивать независимый аудит.

2.2. Трансграничная передача: механизм негативного перечня

Центральной нормой режима трансграничной передачи является статья 16 DPDP Act во взаимосвязи с правилом 15 Правил. Индийский законодатель избрал механизм «негативного перечня» вместо ранее обсуждавшегося «позитивного перечня». Передача за пределы Индии разрешена по умолчанию, за исключением государств, специально включённых центральным правительством в перечень ограничений. По состоянию на настоящее время такой перечень не сформирован, что фактически означает свободу трансграничной передачи при соблюдении общих требований правомерности обработки и наличия согласия субъекта данных. Пункт 2 статьи 16 сохраняет действие более высокого уровня защиты или более строгих ограничений передачи, установленных иными индийскими законами, вследствие чего общий режим не вытесняет отраслевую локализацию.

2.3. Сохраняющаяся отраслевая локализация

Вместе с тем отраслевая локализация выражена отчётливо. Директива Резервного банка Индии 2018 г. требует хранить все платёжные данные исключительно внутри страны; в сфере телекоммуникаций действует требование о хранении биллинговой информации в Индии; отдельные ограничения применяются в сфере государственных закупок и здравоохранения. Таким образом, в целом либеральный режим DPDP Act сосуществует с жёсткими отраслевыми императивами.

2.4. Промежуточный вывод

Индийская модель тяготеет к субъектоцентричной парадигме: общий режим построен вокруг согласия и подотчётности доверительного управляющего, а локализация применяется избирательно. Её основные проблемы — широкие изъятия для государственных органов по статье 17 DPDP Act, обосновываемые интересами суверенитета и безопасности и критикуемые как размывающие общий режим; отнесение «негативного перечня» к компетенции центрального правительства без детальных процедурных гарантий, что превращает его в потенциальный инструмент политически мотивированных ограничений; фрагментация между общим и отраслевыми режимами, поскольку соблюдение DPDP Act не освобождает оператора от требований Резервного банка и иных отраслевых регуляторов.

3. Российская модель: требование первичной обработки на территории Российской Федерации

3.1. Доктринальный и нормативный контекст

Российский режим сформирован на основе Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» в редакции Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ. Его центральной нормой является часть 5 статьи 18: операторы обязаны обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение) и извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории России. Российское регулирование действует не через количественные пороги или категории важности, а через саму природу действий, охватываемых понятием первичной обработки.

3.2. Концепция первичной обработки

Концепция первичной обработки означает, что закон не запрещает трансграничную передачу как таковую, но требует, чтобы первичный сбор и запись данных граждан России осуществлялись в национальных базах данных. Как отмечает А. И. Савельев в вступительном комментарии к закону, обязанность локализации привязана к перечисленным операциям первичного сбора и записи, а не к факту передачи, вследствие чего передача остаётся самостоятельной операцией, подчинённой отдельным правилам; иностранные сервисы, следовательно, могут использоваться лишь в качестве второго держателя, но не как точка первичной записи. Именно эта конструкция послужила основанием для блокировки сервиса LinkedIn в 2016 г. и для последующих ограничений работы ряда иностранных платформ. Она же порождает устойчивый вопрос толкования, обострившийся после рассматриваемой ниже поправки июля 2025 г.: не означает ли прямой запрет первичного сбора за рубежом фактического запрета на использование иностранной инфраструктуры на любой стадии обработки.

3.3. Последовательное ужесточение и криминализация

Регулирование последовательно ужесточалось. С марта 2023 г., после внесения изменений в статью 12 Закона № 152-ФЗ, операторы обязаны уведомить Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и получить её разрешение до начала трансграничной передачи, за исключением передачи в государства, обеспечивающие, по оценке регулятора, адекватный уровень защиты; уведомление рассматривается в течение десяти рабочих дней. С 1 июля 2025 г. вступила в силу изменённая редакция части 5 статьи 18, прямо запрещающая первичный сбор персональных данных граждан России за пределами Российской Федерации, что исключает использование иностранной облачной инфраструктуры в качестве точки первичной записи.

Существенно изменилась система ответственности. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ дополнил Уголовный кодекс статьёй 272.1, действующей с 11 декабря 2024 г. и устанавливающей уголовную ответственность за неправомерное использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные. Особое значение имеет часть 4 статьи 272.1, предусматривающая повышенную ответственность — до десяти лет лишения свободы — за деяния, связанные с трансграничной передачей таких данных. С 30 мая 2025 г. вступила в силу новая редакция статьи 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, существенно увеличившая административные штрафы и введшая оборотные штрафы за повторные нарушения. Переход к уголовной и оборотной ответственности отражает доктринальное переосмысление локализации как вопроса информационной безопасности и защиты критической информационной инфраструктуры, а не только неприкосновенности частной жизни.

3.4. Пересечение с режимом односторонних ограничительных мер

Особое значение для международного частного и коммерческого права российская модель приобретает в точке наложения локализационного режима на режим односторонних ограничительных мер. Российские компании, действующие на европейском рынке, оказываются одновременно подчинены двум режимам — Закону № 152-ФЗ и Общему регламенту ЕС по защите данных, — логика которых различна, а по отдельным вопросам прямо противоположна. Введение санкций и контрсанкций после 2022 г. резко сократило число юрисдикций, между которыми возможно свободное обращение данных, и одновременно усилило императивный характер национальных локализационных требований. Тем самым требования локализации перестают быть исключительно инструментом защиты прав субъектов данных и становятся элементом более широкой архитектуры экономического суверенитета.

3.5. Открытые вопросы и риски

Проблемы российской модели обусловлены рядом обстоятельств. Концепция первичной обработки технически плохо совместима с архитектурой современных облачных сервисов, использующих географически распределённые центры обработки данных. Криминализация нарушений, связанных с трансграничной передачей, существенно повышает риски для участников международного торгового оборота. Наконец, сокращение после 2022 г. числа стран, признаваемых обеспечивающими адекватный уровень защиты, непосредственно влияет на условия международного коммерческого

оборота, поскольку сужает каналы, по которым данные могут правомерно перемещаться при исполнении трансграничных договоров.

Обсуждение: сравнительный анализ и проблема международного частного права

Сопоставление трёх юрисдикций позволяет выстроить условную шкалу интенсивности локализационных требований: Китай — Россия — Индия. Китайская модель государственноцентрична: данные рассматриваются как стратегический ресурс под непосредственным государственным контролем. Российская модель сочетает элементы суверенноцентричного и субъектоцентричного подходов: первичная обработка провозглашается гарантией прав граждан Российской Федерации и одновременно служит инструментом государственного контроля за информационными потоками. Индийская модель тяготеет к субъектоцентричной парадигме с избирательным применением локализации. Вместе с тем все три режима обладают общими структурными признаками: каждый предусматривает экстерриториальное действие (статья 3 PIPL, DPDP Act, Закон № 152-ФЗ), доминирующего регулятора с широкой дискрецией и ограниченный судебный контроль за его решениями.

Ключевая проблема, возникающая на пересечении названных режимов с международным коммерческим оборотом, состоит в их потенциальном конфликте с принципами свободы договора и автономии воли сторон. Стандартные условия международных коммерческих контрактов — о применимом праве, компетентном форуме, языке и месте исполнения — не учитывают локализационных императивов. В терминологии международного частного права такие императивы действуют как сверхимперативные нормы (*lois de police*): согласно статье 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации, это нормы, которые вследствие указания в них самих или ввиду их особого значения для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. Поскольку нормы о локализации применяются независимо от избранного сторонами права, контрагент, действующий на нескольких рынках, вынужден выстраивать множественные и потенциально конфликтующие режимы обработки; использование стандартных договорных условий, разработанных для одного правового порядка, не освобождает его от предписаний, выработанных в другом. Это наложение становится особенно острым, когда локализационные режимы накладываются на режим односторонних ограничительных мер, который сам по себе нередко характеризуется как совокупность сверхимперативных норм.

Заключение

Развитие регулирования в 2024–2026 гг. позволяет сформулировать четыре вывода.

Во-первых, локализация данных является одним из наиболее зрелых инструментов реализации концепции цифрового суверенитета, однако формы её воплощения существенно различаются — от жёсткого централизованного китайского контроля через промежуточную российскую модель, основанную на концепции первичной обработки, к избирательному индийскому отраслевому регулированию. Общим знаменателем всех трёх режимов выступает признание данных самостоятельным объектом правового регулирования, обладающим территориальной привязкой.

Во-вторых, сверхимперативный характер норм о локализации порождает коллизии со свободой договора и автономией воли сторон, которые международное частное право до сих пор не восприняло в полной мере. Это требует выработки специальных коллизионных подходов, рассматривающих требования локализации в качестве сверхимперативных норм и учитывающих их кумулятивное применение в нескольких юрисдикциях, с тем чтобы снизить риск правовой ловушки для транснациональных операторов.

В-третьих, стандартные договорные конструкции нуждаются в адаптации. *De lege ferenda* следует разработать модельные условия о трансграничной обработке данных, которые прямо распределяли бы риск локализации, предусматривали операционное перенаправление потоков при включении юрисдикции в перечень ограничений и интегрировали механизмы «доверенного держателя данных» и локального обработчика в качестве архитектуры по умолчанию, а не ситуативного обходного решения.

В-четвёртых, российский режим нуждается в уточнении, позволяющем согласовать концепцию первичной обработки с реально-стью распределённой облачной инфраструктуры, а национальные требования — с расширяющимся режимом односторонних ограни-чительных мер. Пересечение локализации и санкций превращает локализацию из инструмента защиты данных в элемент экономиче-ского суверенитета; именно этот аспект, по мнению автора, заслу-живает дальнейшего углублённого изучения.

Литература

1. Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности (2017); Закон Китайской Народной Республики о безопасности дан-ных (2021); Закон Китайской Народной Республики о защите персо-нальной информации (2021).
2. Положение об управлении безопасностью сетевых данных (Государственный совет КНР, сентябрь 2024 г.; вступило в силу 1 января 2025 г.); Национальный стандарт GB/T 43697-2024.
3. Положения о содействии трансграничным потокам данных и их регулировании (Государственная канцелярия по вопросам кибер-пространства КНР, 22 марта 2024 г.).
4. Закон о защите цифровых персональных данных № 22 от 2023 г. (Индия); Правила о защите цифровых персональных данных 2025 г. (Министерство электроники и информационных технологий Ин-дии, приняты 13 ноября 2025 г.).
5. Директива Резервного банка Индии о хранении данных пла-тёжных систем от 6 апреля 2018 г.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья (статья 1192 — нормы непосредственного применения).
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персо-нальных данных» (статья 12; часть 5 статьи 18) в редакции Феде-рального закона от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ.
8. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ (о допол-нении Уголовного кодекса Российской Федерации статьёй 272.1).
9. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ (о внесе-нии изменений в статью 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).
10. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. (Общий регламент по защите данных).
11. Chander A., Lê U. P. Data Nationalism // *Emory Law Journal*. 2015. Vol. 64. No. 3. Pp. 677–739.
12. Greenleaf G. *Asian Data Privacy Laws: Trade and Human Rights Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 618 p.
13. Hon W. K. *Data Localization Laws and Policy: The EU Data Protection International Transfers Restriction Through a Cloud Computing Lens*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. 448 p.
14. Kuner C. *Transborder Data Flows and Data Privacy Law*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 288 p.
15. Yakovleva S. *Personal Data Transfers in International Trade and EU Law: A Tale of Two “Necessities”* // *The Journal of World Investment & Trade*. 2020. Vol. 21. No. 6. Pp. 881–919.
16. Савельев А. И. Научно-практический постатейный коммен-тарий к Федеральному закону «О персональных данных». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2025. 720 с.
17. Государство, общество и личность: пути преодоления вызо-вов и угроз в информационной сфере: монография / под ред. Л. К. Терещенко. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 296 с.

Data localization in China, India and Russia: models for implementing the concept of digital sovereignty

Krestinina E.V.

MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)

This paper offers a comparative analysis of three models for implementing the requirement of data localization — the principal legal instrument through which the concept of digital sovereignty is operationalized — in the practice of China, India and Russia in 2024–2026. It argues that, despite a shared ideological orientation toward strengthening digital sovereignty, the three jurisdictions embody fundamentally different regulatory philosophies: a state-centric Chinese model, a subject-centric Indian model, and a hybrid Russian model built on the concept of primary processing. The Russian regime occupies an intermediate position on the spectrum of localization intensity and is most directly connected to the problems of cross-border commerce under unilateral restrictive measures. Drawing on the comparative and private-international-law literature, the paper further argues that the overriding-mandatory (*lois de police*) character of localization norms generates growing conflicts with the principles of freedom of contract and party autonomy in cross-border commerce, and that these conflicts are amplified by the expanding regime of unilateral restrictive measures. The paper concludes with *de lege ferenda* proposals concerning the development of special conflict-of-laws approaches and model contractual clauses on cross-border data processing.

Keywords: data localization, digital sovereignty, cross-border data transfer, personal data, PIPL, DPDP Act, Federal Law No. 152-FZ, extraterritorial effect, overriding mandatory provisions, party autonomy.

References

1. Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2017); Data Security Law of the People's Republic of China (2021); Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (2021).
2. Regulation on Network Data Security Management (State Council of the PRC, September 2024; effective 1 January 2025); National Standard GB/T 43697-2024.
3. Provisions on Promoting and Regulating Cross-Border Data Flows (Cyberspace Administration of China, 22 March 2024).
4. Digital Personal Data Protection Act, No. 22 of 2023 (India); Digital Personal Data Protection Rules, 2025 (MeitY, notified 13 November 2025).
5. Reserve Bank of India, Directive on Storage of Payment System Data of 6 April 2018.
6. Civil Code of the Russian Federation, Part Three (Article 1192, overriding mandatory provisions) (in Russian).
7. Federal Law of the Russian Federation No. 152-FZ of 27 July 2006 “On Personal Data” (Article 12; part 5 of Article 18), as amended by Federal Law No. 242-FZ of 21 July 2014 (in Russian).
8. Federal Law No. 421-FZ of 30 November 2024 (introducing Article 272.1 into the Criminal Code of the Russian Federation) (in Russian).
9. Federal Law No. 420-FZ of 30 November 2024 (amending Article 13.11 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation) (in Russian).
10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation).
11. Chander A., Lê U. P. Data Nationalism // *Emory Law Journal*. 2015. Vol. 64. No. 3. Pp. 677–739.
12. Greenleaf G. *Asian Data Privacy Laws: Trade and Human Rights Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 618 p.
13. Hon W. K. *Data Localization Laws and Policy: The EU Data Protection International Transfers Restriction Through a Cloud Computing Lens*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. 448 p.
14. Kuner C. *Transborder Data Flows and Data Privacy Law*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 288 p.
15. Yakovleva S. *Personal Data Transfers in International Trade and EU Law: A Tale of Two “Necessities”* // *The Journal of World Investment & Trade*. 2020. Vol. 21. No. 6. Pp. 881–919.
16. Savelyev A. I. Scientific and Practical Article-by-Article Commentary to the Federal Law “On Personal Data”. 3rd ed., rev. and enl. Moscow: Statut, 2025. 720 p. (in Russian).
17. Government, Society and the Individual: Ways of Overcoming Challenges and Threats in the Information Sphere: monograph / ed. by L. K. Tereshchenko. Moscow: Infotropic Media, 2024. 296 p. (in Russian).

Формирование единого киберпространства ЕАЭС: проблемы и перспективы

Лабоськин Михаил Алексеевич

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры таможенного администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, laboskin-ma@ranepa.ru

В статье представлен анализ процесса формирования единого киберпространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте истечения срока действия цифровой повестки до 2025 года. На основе анализа нормативно-правовых актов, статистических данных и научной литературы выявлены основные проблемы институционально-правового, технологического и кибербезопасностного характера, препятствующие созданию единого цифрового пространства. Установлено, что отсутствие наднациональных полномочий в сфере цифровой экономики, несинхронизированность национальных стратегий цифровизации, незавершенность работы над Соглашением об обороте данных и отстающее от требований настоящего момента законодательство государств-членов ЕАЭС о киберпреступности являются структурными барьерами интеграции. Предложены направления решения указанных проблем, включая подписание в дополнение к Договору о ЕАЭС Протокола о формировании единого цифрового пространства, Соглашения об обороте данных, Стратегии информационной безопасности ЕАЭС и гармонизацию уголовного законодательства государств-членов.

Ключевые слова: ЕАЭС, киберпространство, цифровая повестка, кибербезопасность, трансграничный оборот данных, электронная подпись, киберпреступность, цифровая интеграция, регулятивные песочницы, информационная безопасность.

Введение

Формирование цифровой повестки и единого цифрового киберпространства ЕАЭС является стратегическим приоритетом интеграционного объединения. В октябре 2017 года Высший Евразийский экономический совет утвердил Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года (Цифровая повестка-2025), определив три ключевых этапа: моделирование процессов цифровой трансформации (до 2019 года), формирование институтов цифровой экономики (до 2022 года) и реализацию проектов цифровых экосистем (до 2025 года) [1].

Ожидаемый экономический эффект от реализации Цифровой повестки-2025 оценивался как прирост совокупного ВВП государств-членов на 11 % от общего ожидаемого роста к 2025 году, рост занятости в отрасли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на 66,4 % и дополнительный прирост экспорта ИКТ-услуг до 74 % [1][2]. Однако к моменту завершения срока действия Цифровой повестки-2025 сформировалась существенная диспропорция между стратегическими целями и фактическими результатами. Доля цифровой экономики в совокупном ВВП ЕАЭС по данным на 2020-2024 гг. не достигла целевых 20 %: в Беларуси она составила 7,0 %, в России – около 3,6 %, в Армении – 3,8%, в Казахстане – 0,3 %, в Кыргызстане – 0,0026% [3][4].

Необходимость обеспечения кибербезопасности актуализирует размер совокупного ущерба от киберпреступности мировой экономике, который в 2025 году мог достичь 10,5 трлн долл. США [5].

Целью настоящей статьи является систематизация основных проблем формирования единого киберпространства ЕАЭС и разработка предложений по их решению.

Материалы и методы

Исследование опирается на комплекс источников, включающий:

- нормативно-правовые акты ЕАЭС: Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12, Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках ЕАЭС, Решение Коллегии ЕЭК от 22 августа 2023 г. № 120, Рекомендация Коллегии ЕЭК от 12 марта 2019 г. № 9 [1][6][7];

- статистические данные Евразийской экономической комиссии, Всемирного банка, правоохранительных органов государств-членов ЕАЭС [2][4][8][9];

- научные публикации в рецензируемых журналах, аналитические доклады и научно-исследовательские работы [3][5][10][11][12].

Методологическую основу составили сравнительно-правовой анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере кибербезопасности и цифрового регулирования, системный подход к оценке интеграционных процессов, контент-анализ нормативных документов и статистический анализ данных о киберпреступности и цифровом развитии.

Литературный обзор

Проблематика цифрового пространства ЕАЭС активно исследуется с момента провозглашения Цифровой повестки-2025.

Т.С. Саркисяном отмечается, что цифровая повестка ЕАЭС была «лучшей интеграционной практикой» и отличалась от ограничивающего подхода ЕС и фактического отсутствия общей повестки в АСЕАН или Меркосур, однако 2025 год существенно отличается от 2017 года – года её утверждения, прежде всего из-за рынка искусственного интеллекта (ИИ) [3]. Автор подчёркивает, что отсутствие реакции на новую технологическую реальность ведёт к риску дезинтеграции: «разрозненные стандарты ИИ могут перестать функционировать» как элемент общего рынка [3].

Е.В. Коровникова рассматривает формирование цифрового пространства ЕАЭС в контексте геополитической и геоэкономической напряжённости, выделяя такие препятствия, как отсутствие вопросов цифровой повестки в Договоре о ЕАЭС, разный уровень цифрового развития и недостаточное регулирование в области персональных данных и цифровых финансовых услуг [5]. Автор отмечает, что «процесс цифровизации в рамках Союза в настоящее

время существенно затормозился» вследствие санкционного давления и геополитических факторов.

В работе О.В. Москаленко и М.С. Абрашкина систематизированы национальные стратегии цифровой трансформации и выявлены различия в уровне цифровизации: Россия и Беларусь демонстрируют более высокий уровень цифровой готовности, тогда как Казахстан и Кыргызстан сталкиваются с «недостаточной вовлечённостью профильных министерств в мероприятия по цифровой интеграции ЕАЭС», а Армения – с проблемами синхронизации национальной стратегии с общими целями Союза [10].

Проблемы кибербезопасности исследуются в ряде работ. Анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области борьбы с киберпреступностью показал, что «уголовные кодексы не охватывают все виды киберпреступлений» – в частности, не учитываются криптовалютные мошенничества и атаки на критическую инфраструктуру [6]. Базовым нормативным актом остаётся Соглашение государств-участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. [6].

А.Г. Белобородко подчёркивает, что «около 70 % киберпреступлений во всём мире направлено против кредитно-финансовых организаций», что делает киберпреступность одним из ключевых операционных рисков для интеграции финансовых рынков ЕАЭС [7].

Отчёт Positive Technologies за 2024-2025 гг. фиксирует, что на организации государств-участников СНГ пришлось 14-18 % всех успешных кибератак в мире, при этом на долю Российской Федерации пришлось 72 % всех успешных атак в регионе, в Республики Беларусь – 9 %, Республики Казахстан – 7 % [9].

В Республике Беларусь зафиксирована высокая доля атак на государственные учреждения (18 %), в Республике Казахстан в 52 % случаев атаки приводили к утечке конфиденциальной информации [9].

В исследовании персональных данных в государствах-членах ЕАЭС указывается, что «в странах ЕАЭС отсутствует единый региональный документ, регламентирующий вопросы использования персональных данных», а регулирование находится в ведении национального законодателя [11].

И.П. Коцорко, исследуя проблему «регулятивных песочниц» как инструмента тестирования цифровых инноваций в рамках ЕАЭС, отмечает, что «концепция применения специальных режимов («регулятивных песочниц») была утверждена Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г. № 17, однако практическая реализация задержалась: разработанные проекты соглашений остались на стадии НИР [13].

Таким образом, анализ литературы показывает, что формирование единого киберпространства ЕАЭС исследуется преимущественно фрагментарно – в разрезе отдельных проблем (кибербезопасность, оборот данных, электронная подпись), тогда как комплексная оценка состояния киберпространства на момент истечения срока Цифровой повестки-2025 года требует систематизации.

Результаты

1. Достигнутый уровень цифрового пространства ЕАЭС

К 2025 году в рамках ЕАЭС реализован ряд институциональных и технологических инициатив:

- взаимное признание электронной подписи. Федеральным законом от 27 ноября 2023 г. № 552-ФЗ ратифицирован Протокол о внесении изменений в Договор о ЕАЭС, устанавливающий взаимное признание электронных подписей для участия в госзакупках на пространстве ЕАЭС [14];

- решением Коллегии ЕЭК от 22 августа 2023 г. № 120 утверждены Правила признания электронной подписи в трансграничном электронном документообороте с использованием службы доверенной третьей стороны [6];

- в Российской Федерации в соответствии с Постановлениями Правительства РФ от 24 июля 2025 № 1092 и от 31 июля 2025 г. № 1139 разворачиваются государственные информационные системы «Интеграционный шлюз» и «Доверенная третья сторона» для обеспечения межгосударственного информационного обмена [14];

- стандартизация информационной безопасности. Рекомендацией Коллегии ЕЭК от 12 марта 2019 г. № 9 утверждён перечень из 107 стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности, применяемых в рамках цифровой повестки ЕАЭС, охва-

тывающих разработку средств защиты информации, криптографическую защиту, сетевую безопасность и идентификацию субъектов [15];

- цифровая прослеживаемость товаров и механизмы маркировки внедряются на пространстве ЕАЭС, обеспечивая контроль за движением продукции [1][10];

- интегрированная информационная система (ИИС) ЕАЭС обеспечивает обмен сведениями в сфере таможенного регулирования, ветеринарного и фитосанитарного контроля, обращения лекарственных средств [14].

2. Нереализованные инициативы

Ряд основных элементов архитектуры единого киберпространства к концу 2025 года не был завершён:

- Соглашение об обороте данных в ЕАЭС не принято, хотя проект документа, включающий 7 разделов и 36 статей, был разработан ЕЭК [12]. Соглашение должно было закрепить свободу оборота данных наряду со свободой движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [12][11];

- система «регулятивных песочниц» ЕАЭС не создана в полноценном трансграничном формате. Концепция применения специальных режимов была утверждена в 2018 году, однако «разработанные проекты правовых актов, включая проект Соглашения о применении специальных режимов и проект Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС, остались на стадии научно-исследовательских работ» [13];

- протокол о внесении изменений в Договор о ЕАЭС в части цифрового пространства не принят, что сохраняет структурное ограничение – цифровая экономика и информационная безопасность не входят в компетенцию ЕАЭС по Договору о ЕАЭС [5][10].

3. Состояние кибербезопасности

По данным Positive Technologies, в первой половине 2025 года количество успешных кибератак на организации в странах-участниках СНГ превысило показатель за аналогичный период 2024 года на 20 %. Максимальному числу атак подверглись промышленность (15 %), государственные учреждения (13 %), IT-компании и телекоммуникации (по 7%) [9]. Доля успешных атак с применением вредоносного программного обеспечения выросла с 54 % до 67 %, с использованием социальной инженерии – с 48 % до 59 % [9].

Законодательство о киберпреступности в государствах-членах ЕАЭС характеризуется несинхронизированностью и устареванием. Уголовный кодекс Республики Беларусь «не содержит достаточного количества статей, охватывающих все виды киберпреступлений» и не учитывает криптовалютные мошенничества и атаки на критическую инфраструктуру [6]. Базовым документом остаётся Соглашение СНГ от 20 ноября 2013 г., которое «страны-участницы ЕАЭС всё ещё руководствуются при составлении новых актов» [6].

4. *Различия в уровне цифрового развития.* Сохраняющиеся диспропорции в вкладе цифровой экономики в ВВП государств-членов ЕАЭС создают фундаментальные трудности для гармонизации цифрового регулирования и интеграции цифровых сервисов.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют выделить четыре блока основных проблем формирования единого киберпространства ЕАЭС:

- *институционально-правовые барьеры.* Отсутствие наднациональных полномочий ЕЭК в сфере цифровой экономики и информационной безопасности является корневым ограничением. Евразийская экономическая комиссия де-юре не может принимать обязательные решения в этих сферах, а государства-члены самостоятельно разрабатывают национальные стратегии [5][10]. Национальные законы о локализации персональных данных (в РФ, Республике Беларусь) жёстко ограничивают трансграничную передачу данных, блокируя межгосударственные проекты [11][12]. Это превращает регулятивные «песочницы» из инструмента интеграции в инструмент конкуренции юрисдикций;

- *технологические зависимости.* Высокая зависимость всех государств-членов ЕАЭС от иностранных цифровых платформ и технологий создаёт риски для стабильности цифровой инфраструктуры [10]. Неравномерное развитие национальной цифровой инфраструктуры (широкополосные сети, дата-центры, облачные платформы) усугубляется различиями в уровнях цифрового развития. Отсутствие совместимых национальных стандартов ИИ грозит дезинтеграцией общих рынков: «разрозненные стандарты ИИ могут перестать функционировать» [3];

– *кибербезопасность и киберугрозы*. Рост киберпреступности в государствах-членах ЕАЭС принимает угрожающие масштабы. Ущерб мировой экономике от киберпреступности оценивается от 0,7 до 3 трлн долл. США [16], при этом около 70% киберпреступлений направлено против кредитно-финансовых организаций [7]. Законодательство о киберпреступности устарело и не синхронизировано между странами: уголовные кодексы не охватывают криптовалютные мошенничества, атаки на критическую инфраструктуру [6]. Отсутствует единый координирующий орган и мониторинговый центр по кибербезопасности ЕАЭС [5][6];

– *управленческие и координационные проблемы*. Недостаточная вовлеченность профильных министерств Казахстана и Кыргызстана, проблемы синхронизации стратегии Армении и неполное использование ИИС ЕАЭС замедляют реализацию цифровых инициатив [10].

Для решения выявленных проблем предлагаются следующие направления:

– принятие Протокола о формировании единого цифрового пространства к Договору о ЕАЭС – закрепление наднациональных полномочий в сфере оборота данных, цифровых сервисов и информационной безопасности [5][10][12].

Принятие Соглашения об обороте данных в ЕАЭС – единые правила трансграничной передачи персональных и неперсональных данных с балансом суверенитета и свободы движения, с категоризацией данных на свободные, государственные и требующие обезличивания [12][11];

– создание системы «регулятивных песочниц» ЕАЭС – наднациональный режим тестирования цифровых технологий с трансграничным статусом, как предусмотрено Концепцией 2018 года [13];

– разработка Стратегии информационной безопасности ЕАЭС – на основе цифровой повестки с закреплением общих правил и стандартов, а также созданием единого координирующего органа и мониторингового центра [5][6];

– гармонизация уголовного законодательства о киберпреступности – приведение к современным вызовам (криптомошенничество, атаки на критическую инфраструктуру) с обновлением Соглашения СНГ от 20 ноября 2013 года [6][16];

– совместимые (не единые) национальные стандарты ИИ – обеспечение интероперабельности без ущерба суверенитету, как предлагает Саркисян: «не общие стандарты, а схожие, сообщающиеся друг с другом» [3];

Заключение

Единое киберпространство ЕАЭС – объективная необходимость сохранения субъектности государств-членов ЕАЭС в условиях глобальной цифровой конкуренции. Опыт реализации цифровой повестки 2017-2025 годов показал, что проектный подход без институциональной базы приводит к фрагментации: «регулятивные песочницы» очерчиваются национальными границами, данные не пересекают пределов государств-членов, а национальные законы становятся барьером для интеграции.

Новый цикл планирования (до 2030 года) требует следующих фундаментальных шагов: принятия Протокола о едином цифровом пространстве к Договору о ЕАЭС, Соглашения об обороте данных и Стратегии информационной безопасности ЕАЭС. Без этого любые цифровые инициативы будут точечными проектами, а не элементами единого пространства. Параллельно необходимо решить задачу гармонизации уголовного законодательства в сфере киберпреступности и создания совместимых стандартов ИИ, без чего единое киберпространство останется уязвимым как перед внешними киберугрозами, так и перед внутренней технологической дезинтеграцией.

Литература

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (дата обращения: 27.08.2026).

2. World Bank. EAEU Overview. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации.

3. Саркисян Т.С. Вне времени, хотя в пространстве // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23. – № 1. – С. 73-86.

4. Евразийская экономическая комиссия. Цифровая экономика. Статистика Евразийского экономического союза 2020-2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/digital/statistical_compilations/digital_economy.php (дата обращения: 27.08.2026)

5. Коровникова Н.А. Особенности формирования цифрового пространства (опыт ЕАЭС) // Социальные новации и социальные науки: [электронный журнал]. – 2022. – № 2. – С. 155-169.

6. Ключанова Т. М., Виниченко А. Т., Христинченко К. Ю. Анализ законодательства стран ЕАЭС в области борьбы с киберпреступностью // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 83-90.

7. Белобородко А.Г. Кибербезопасность как один из ключевых факторов интеграции фондового рынка ЕАЭС // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Сборник научных трудов. Вып. 15. – Минск. – 2022. – С. 23-29.

8. Смирнова И. Цифровая интеграция: как в Евразийском союзе борются с киберпреступностью [Электронный ресурс]. – URL: <https://eurasia.expert/kak-v-evraziyskom-soyuze-boryutsya-s-kiBERprESTUpnostyu/> (дата обращения: 25.08.2026).

9. Positive Technologies. Ландшафт киберугроз СНГ: H2 2024 – Q3 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/cis-cyberthreat-landscape-h2-2024-q3-2025/> (дата обращения: 25.08.2026).

10. Москаленко О.В., Абрашкин М.С. Цифровая интеграция стран ЕАЭС: проблемы и направления развития // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2025. – № 2(94). – С. 84-87.

11. Шебанова Н.А. Охрана персональных данных в государствах-членах ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729251/> (дата обращения: 25.08.2026)

12. Евразийская экономическая комиссия. Аннотация НИР по разработке механизма трансграничного оборота данных в ЕАЭС. 2023.

13. Коцюрко И.П. Экспериментальные правовые режимы как инструмент модернизации регулирования цифровых инноваций в условиях евразийской интеграции // European and Asian Law Review. – 2025. – Т. 8. – № 2. – С. 31-40. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_2_31.

14. Электронные подписи к документам стран ЕАЭС получат официальный статус [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/03/10/1096924-elektronnie-podpisi-k-dokumentam-stran-eaes-poluchat-ofitsialnii-status> (дата обращения: 25.08.2026)

15. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12.03.2019 № 9 «О перечне стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности, применяемых в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/553889469> (дата обращения: 25.08.2026)

16. Бушуев А.Л. Киберпреступность и преступления в сфере информационных технологий как угроза экономической безопасности стран-членов ЕАЭС // Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск. – 2021. – С. 81-86.

Formation of a unified cyberspace of the eaeu: problems and prospects Laboskin M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
The article presents an analysis of the process of forming a unified cyberspace for the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of the expiration of the digital agenda until 2025. Based on an analysis of regulatory legal acts, statistical data, and scientific literature, the main problems of an institutional, legal, technological, and cybersecurity nature that hinder the creation of a unified digital space have been identified. It has been established that the lack of supranational powers in the field of the digital economy, the lack of synchronization between national digitalization strategies, the incomplete work on the Agreement on Data Circulation, and the legislation of EAEU member states on cybercrime that lags behind current requirements are structural barriers to integration. Directions for addressing these problems have been proposed, including the signing of a Protocol on the Formation of a Unified Digital Space, an Agreement on Data Circulation, and an Information Security Strategy in addition to the EAEU Treaty.

Keywords: EAEU, cyberspace, digital agenda, cybersecurity, cross-border data circulation, electronic signature, cybercrime, digital integration, regulatory sandboxes, information security.

References

1. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated October 11, 2017, No. 12 «On the Main Directions for Implementing the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025» [Electronic resource]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (accessed: August 27, 2026).
2. World Bank. EAEU Overview. The Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025: Prospects and Recommendations.
3. Sarkisyan T. S. Beyond Time, Yet Within Space // *Russia in Global Affairs*. — 2025. — Vol. 23, No. 1. — Pp. 73–86.
4. Eurasian Economic Commission. Digital Economy. Statistics of the Eurasian Economic Union, 2020–2024 [Electronic resource]. — URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/digital/statistical_compilations/digital_economy.php (accessed: August 27, 2026).
5. Korovnikova N. A. Specifics of Forming the Digital Space (The EAEU Experience) // *Social Innovations and Social Sciences: [electronic journal]*. — 2022. — No. 2. — Pp. 155–169.
6. Klyukanova T. M., Vinichenko A. T., Khristinchenko K. Yu. Analysis of the Legislation of the EAEU Countries in the Field of Combating Cybercrime // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. — 2024. — Vol. 18, No. 3. — Pp. 83–90.
7. Beloborodko A. G. Cybersecurity as a Key Factor in the Integration of the EAEU Stock Market // *Scientific Works of the Belarusian State Economic University. Collection of Scientific Papers. Issue 15*. — Minsk. — 2022. — Pp. 23–29.
8. Smirnova I. Digital Integration: How the Eurasian Union Combats Cybercrime [Electronic resource]. — URL: <https://eurasia.expert/kak-v-evraziyskom-soyuzeboryutsya-s-kiberprestupnostyui/> (accessed: August 25, 2026).
9. Positive Technologies. CIS Cyber Threat Landscape: H2 2024 – Q3 2025 [Electronic resource]. — URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/cis-cyberthreat-landscape-h2-2024-q3-2025/> (accessed: August 25, 2026).
10. Moskalenko O. V., Abrashkin M. S. Digital Integration of the EAEU Countries: Problems and Development Directions // *Scientific Notes of the St. Petersburg Branch named after V. B. Bobkov of the Russian Customs Academy*. — 2025. — No. 2(94). — Pp. 84–87.
11. Shebanova N. A. Protection of Personal Data in the EAEU Member States [Electronic resource]. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729251/> (accessed: August 25, 2026).
12. Eurasian Economic Commission. Abstract of the Research Project on the Development of a Mechanism for Cross-Border Data Flow in the EAEU. 2023.
13. Kotsyurko I. P. Experimental Legal Regimes as a Tool for Modernizing the Regulation of Digital Innovations in the Context of Eurasian Integration // *European and Asian Law Review*. — 2025. — Vol. 8, No. 2. — Pp. 31–40. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_2_31.
14. Electronic Signatures for Documents in the EAEU Countries Will Receive Official Status [Electronic resource]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/03/10/1096924-elektronnie-podpisi-k-dokumentam-stran-eaes-poluchat-ofitsialnii-status> (accessed: August 25, 2026).
15. Recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission dated March 12, 2019, No. 9 «On the List of Standards and Recommendations in the Field of Information Security Used in the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union» [Electronic resource]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/553889469> (accessed: August 25, 2026).
16. Bushuev A. L. Cybercrime and Crimes in the Field of Information Technology as a Threat to the Economic Security of the EAEU Member States // *Current Problems of the EAEU Development in the Context of Modern Global Changes. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. — Irkutsk. — 2021. — Pp. 81–86.

Понятие неопределённого процессуального статуса участников уголовного судопроизводства в контексте структурного анализа процессуального статуса

Лебин Василий Витальевич

Аспирант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Qwerty5L@mail.ru

В статье анализируется проблема участия в уголовном судопроизводстве лиц, процессуальный статус которых в УПК РФ не закреплён исчерпывающе и однозначно, что обуславливает фрагментарность их правовых возможностей и уязвимость законных интересов. Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического осмысления феномена «неопределённого процессуального статуса» и выработки критериев его выявления как предпосылки для повышения эффективности гарантий прав.

Результаты. Уточнена структура уголовно-процессуального статуса и обосновано, что неопределённость статуса проявляется в неполноте либо несогласованности нормативного закрепления одного или нескольких указанных элементов. Сформулировано авторское определение категории «неопределённый процессуальный статус», раскрыты причины её возникновения и правовые последствия для реализации и защиты законных интересов лиц, вовлечённых в процесс «вне статуса». Предложена классификация соответствующих групп участников и показаны типовые ситуации, в которых объём их защиты фактически зависит от усмотрения должностных лиц, что повышает риск произвольных ограничений прав.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный статус, неопределённый статус, процессуальные права и обязанности, законные интересы, правовые гарантии, правосубъектность.

Введение

Оптимальное нормативное закрепление статуса каждого участника уголовного процесса во многом предопределяет достижение целей и решение задач уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный статус определяет правовое положение лица в уголовном процессе, представляя собой совокупность принадлежащих ему прав, обязанностей и других элементов, установленных уголовно-процессуальным законом. В науке уголовного процесса понятия «правовой статус» и «правовое положение» участника признаются равнозначными. Каждый участник, вступая в уголовно-процессуальные отношения, помимо общего правового статуса личности, приобретает специальный статус, определяемый Конституцией РФ и нормами уголовно-процессуального права.

В теории предложены различные дефиниции статуса участника процесса. Так, В.М. Корнуков определял уголовно-процессуальный статус как «закреплённое нормами уголовно-процессуального права положение гражданина в уголовном судопроизводстве, в котором выражается типичность процессуального положения всех участвующих в деле лиц, проявляющаяся в признаках гражданства, правоспособности, дееспособности, а также в правах, законных интересах, обязанностях, гарантиях их осуществления и ответственности» [1, с. 58]. По мнению Л.Д. Кокорева, статус участника включает совокупность процессуальных прав и обязанностей, законных интересов, процессуальной право- и дееспособности, а также систему правовых гарантий [2, с. 47]. Иными словами, структура статуса охватывает весь спектр возможного поведения участника – от предоставленных прав (свобод) до возложенных обязанностей и ответственности, при наличии необходимых предпосылок правосубъектности.

Ключевым ориентиром для определения статуса служит процессуальная функция участника в судопроизводстве. Выполняемая роль (функция) – например, функция обвинения, защиты, правосудия или содействия правосудию – предопределяет объём его полномочий и характер обязанностей. В зависимости от функции закон ставит перед субъектом определённые задачи и наделяет соответствующими полномочиями. Задачи участника процесса представляют собой цели и обязанности, вытекающие из его функции и направляющие деятельность данного лица. Хотя УПК РФ напрямую не устанавливает индивидуальные задачи для каждого вида участников, их содержание выводится из общего назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и норм, регламентирующих деятельность конкретных субъектов. Как отмечал М.С. Строгович, «каждое процессуальное лицо выполняет в уголовном судопроизводстве строго определённую функцию, соответствующую его правовому положению», и именно из выполняемой функции вытекает содержание задач, стоящих перед ним [4, с. 58]. В развитие этой мысли В.М. Корнуков подчёркивал, что задачи участников определяются не произвольно, а вытекают из назначения уголовного процесса и закреплены в его общих целях [1, с. 58]. Например, следователь призван всесторонне, полно и объективно расследовать преступление, тогда как защитник обязан обеспечивать реализацию права подозреваемого или обвиняемого на защиту. Правильно выбранная и нормативно закреплённая процессуальная задача придаёт смысл действиям участника и определяет допустимые пределы его активности. Как отмечает О.В. Гладышева, именно функциональная направленность деятельности «придаёт смысл действиям участника, определяет их логику и допустимые пределы», обязывая соотносить с поставленной задачей все свои процессуальные действия [5, с. 126-127].

В действующем законодательстве прослеживается преемственность советской модели распределения ролей. УПК РФ, формулируя назначение уголовного судопроизводства, связывает объём прав и обязанностей участников с их процессуальными ролями и целями производства. Структура раздела II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» выстроена по функциональному принципу: главы 5–8 разграничивают суд, сторону обвинения, сторону защиты и иных участников, институционально увязывая функцию с соответствующими полномочиями. Аналогичный подход содержал

УПК РСФСР 1960 г. (гл. 3 «Участники процесса, их права и обязанности» в сочетании со ст. 2 «Задачи уголовного судопроизводства»), откуда также выводилась функциональная направленность деятельности субъектов. Таким образом, уголовно-процессуальный статус участника исторически и логически строится вокруг выполняемой функции и вытекающих из нее задач.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на практике процессуальное положение далеко не всех лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, соответствует полной модели статусных элементов. Законодатель, стремясь не усложнять УПК чрезмерным перечнем фигур, не всегда напрямую закрепляет статус каждого вовлеченного лица. В результате образуется категория участников с *неопределённым процессуальным статусом*, чьи права, обязанности и гарантии нормативно очерчены не полностью. Отсутствие четкого статуса таких лиц порождает риски ущемления их прав и законных интересов, что противоречит задачам уголовного судопроизводства и принципам справедливости. Таким образом, цель работы состоит в формулировании понятия «неопределённый процессуальный статус участника уголовного судопроизводства», выявлении его структурных элементов и анализе причин возникновения и последствий данного явления. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть общетеоретическое понятие и структуру уголовно-процессуального статуса участника; определить, каких именно элементов лишены отдельные категории участников с неопределённым статусом; классифицировать группы таких участников и охарактеризовать проблемы, возникающие вследствие неполноты их правового положения.

Методы

Исследование основано на общенаучном диалектическом методе познания социальных явлений в их развитии и взаимосвязи, а также на специальных методах юридической науки. Применены формально-юридический метод и системный подход к структуре правового положения личности. Использован сравнительно-правовой и историко-правовой методы при сопоставлении советской и современной модели законодательства, что позволило выявить преемственность и пробелы в правовом регулировании статуса отдельных участников. Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и иные законодательные акты, а также положения УПК РСФСР в части регламентации статуса участников. Теоретическую базу работы сформировали труды отечественных ученых-процессуалистов, в частности работы В.М. Корнукова, Л.Д. Кокорева, М.С. Строговича, О.В. Гладышевой, М.Н. Марченко, Л.Н. Масленниковой, Л.А. Морозовой, А.А. Самохвалова, О.А. Зелениной, Г.Н. Ветровой, И.В. Смольковой и др., посвященные проблемам правового статуса участников уголовного судопроизводства. При работе с научными источниками применялся метод сравнительного анализа различных точек зрения и дефиниций, что способствовало формированию авторского определения изучаемого понятия.

Результаты

Уголовно-процессуальный статус участника процесса представляет собой систему нескольких взаимосвязанных элементов, определяющих его положение. К числу основных элементов статуса относятся: **правосубъектность, процессуальные права (свободы), законные интересы, процессуальные обязанности, гарантии прав и процессуальная ответственность**. Совокупность этих компонентов в идеале присуща каждому полноправному участнику уголовного судопроизводства.

Правосубъектность (уголовно-процессуальная де- и правоспособность) является исходным условием участия лица в процессе. Только обладающее правосубъектностью лицо может приобрести процессуальный статус участника. Так, в научной статье А.И. Петровой приводится мнение ученого М.Н. Марченко, который справедливо отмечал, что «только законом может устанавливаться и признаваться то особое юридическое качество, которое позволяет лицу или организации стать субъектом права» [7]. Данный элемент включает две составляющие: **процессуальную правоспособность** – способность лица быть носителем предусмотренных законом процессуальных прав и обязанностей, и **процессуальную дееспособность** – способность самостоятельно осуществлять эти права, исполнять обязанности и нести ответственность за их неисполнение.

Правоспособность в уголовном процессе в общем случае возникает с момента рождения и прекращается со смертью лица (по аналогии с гражданско-правовым статусом). Специальный процессуальный статус (например, обвиняемого, потерпевшего и др.) появляется при наступлении установленных УПК условий – таких как вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого либо о признании потерпевшим. Объем процессуальной правоспособности зависит от характера интереса и роли участника. К примеру, подзрелеваемый приобретает статус лишь при достижении возраста, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности (как правило 16 лет, в отдельных случаях – 14 лет). Напротив, потерпевший или иное лицо, отстаивающее собственные интересы, обладает общей правоспособностью с рождения, и для их участия в деле возрастного ценза не требуется [7, с. 31].

Процессуальные права и свободы составляют центральный содержательный элемент статуса. Субъективные права участника – это предусмотренные УПК возможности действовать определенным образом в установленных законом процессуальных ситуациях либо воздерживаться от действий [8, с. 87-89]. Процессуальная свобода, по сути, выступает частью тех же прав, выражая возможность выбора варианта поведения в пределах, установленных законом. Как отмечал М.С. Строгович, «свобода личности – это тоже право личности, вид её прав», то есть свобода в уголовном процессе конкретизируется через систему предоставленных законом прав [9, с. 237]. Например, обвиняемый обладает свободой в выборе защитника, потерпевший – решать, подавать или нет гражданский иск, и т.п.. Таким образом, права и свободы участника представляют собой юридически закрепленные варианты допустимого поведения, которыми он может воспользоваться по своему усмотрению [8, с. 87-89].

Законные интересы занимают особое место среди элементов статуса, дополняя субъективные права. Законный интерес понимается как признанное и охраняемое законом стремление участника добиться определённого блага или результата в процессе. Так, Л.Н. Масленникова определяла интерес как «осознанное побуждение действовать или бездействовать, порождаемое конкретной потребностью достичь какого-либо блага» [10, с. 249]. Также О.В. Гладышева считает, что законные интересы в уголовном судопроизводстве – это «*поощряемые законом устремления к достижению определённой цели*» [5, с. 126-127]. Иными словами, законный интерес – это легитимная цель, к которой стремится участник, и которая охраняется государством даже при отсутствии у него конкретного субъективного права на данное благо. Соотношение субъективных прав и законных интересов является дискуссионным вопросом. Многие ученые отмечают, что эти категории близки, но не тождественны: интерес может защищаться государством самостоятельно, помимо конкретного права. С одной стороны, законный интерес можно рассматривать как элемент существующих прав, с другой – как самостоятельное явление. Так, А.А. Самохвалов приходит к выводу, что субъективное право участника реализуется при наличии законного интереса, то есть интерес выступает предпосылкой и способом осуществления принадлежащих гражданину прав и свобод [11, с. 115]. Следовательно, субъективное право является более широким понятием, охватывающим весь набор возможностей, тогда как законный интерес конкретизирует направление реализации права, особенно в тех случаях, когда прямая норма, закрепляющая определенное полномочие, отсутствует [12, с. 44]. В условиях современного уголовного процесса, построенного по разрешительному принципу, объем усмотрения для реализации интересов несколько сужается по сравнению с субъективными правами. Тем не менее, институт законного интереса играет важную роль, позволяя вовлечь в орбиту процессуальной деятельности лиц, чьи права непосредственно законом не урегулированы. Например, право заявлять ходатайства предоставлено не только участникам, перечисленным в главах 6–8 УПК РФ, но и «*иному лицу, чьи права и законные интересы затронуты*» в ходе производства (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). Хотя у такого лица нет специального статуса, закон через категорию интереса фактически наделяет его ограниченными процессуальными возможностями. Аналогично, после смерти обвиняемого его родственники вправе добиваться реабилитации умершего – исходя из своего законного интереса в восстановлении доброго имени покойного; закон прямо предоставляет им такое право, несмотря на то что формально они не являются ни потерпевшими, ни обвиняемыми. Таким образом, концепт законного интереса служит своего рода компенсационным

механизмом, частично восполняющим пробелы статусных правомочий.

Гарантии прав – неотъемлемый элемент статуса, обеспечивающий реализацию прав и законных интересов участников. Уголовно-процессуальные гарантии представляют собой систему законодательно установленных средств и способов, которые обеспечивают достижение задач судопроизводства и осуществление каждым участником своих прав и обязанностей. Ключевым признаком гарантий является их нормативность: это именно закрепленные в законе юридические средства охраны прав. Так, Ижнина Л. П. и Абазалиев И. М. отмечают, что «нормативность — необходимый и наиболее важный признак, предьявляемый к средствам обеспечения прав субъектов уголовного судопроизводства» [13]. По сути, уголовно-процессуальные гарантии – это совокупность норм, которые, с одной стороны, устанавливают и прямо закрепляют права участников, а с другой – предусматривают меры реагирования на их нарушение (санкции, процедуры обжалования и др.) [14, с. 54-58]. Уже сам факт закрепления в законе ключевых прав (например, право обвиняемого на защитника, право заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами дела и пр.) выступает гарантией их соблюдения. Кроме того, к гарантиям относятся нормы о санкциях за нарушение прав и о механизмах процессуального контроля: например, возможность наложения денежного взыскания за неисполнение обязанностей или нарушение порядка заседания (ст. 117–118 УПК РФ), меры воздействия за нарушения порядка в суде (ст. 258 УПК РФ), прокурорский и судебный контроль посредством рассмотрения жалоб (ст. 124–125 УПК РФ). Эти инструменты образуют жесткий каркас для реализации предоставленных участнику прав. В литературе обращается внимание и на обеспечение реальности права на защиту: так, подчеркивается обязанность органов удовлетворять обоснованные ходатайства обвиняемого или защитника как элемент механизма гарантий [12, с. 131, 140]. В целом доктрина исходит из того, что любой предоставленный участнику «позитивный» процессуальный инструмент сам по себе является гарантией, поскольку законодатель не только разрешает соответствующее поведение, но и создает механизм его защиты, принуждая иных субъектов уважать данное право.

Процессуальные обязанности участника являются обязательным компонентом его статуса наряду с правами. Если права предоставляют субъекту свободу действий в интересах достижения целей процесса, то обязанности устанавливают требования к его поведению, за нарушение которых наступают негативные последствия. Обязанности представляют собой предусмотренные законом требования совершать определенные действия или воздерживаться от них – меру должного поведения участника. Права и обязанности тесно взаимосвязаны и корреспондируют друг другу, образуя единый комплекс статуса [7, с. 58, 225-226]. Каждой обязанности одного участника соответствует право другого: реализация права возможна только при надлежащем исполнении встречной обязанности. Так, осуществление потерпевшим права на возмещение ущерба предполагает исполнение обвиняемым обязанности возместить вред при доказанности его вины; право подсудимого на последнее слово корреспондирует обязанности суда предоставить ему эту возможность и выслушать заключительное слово подсудимого. Права и обязанности участников равноправно входят в их статус и не имеют приоритета одного над другим.

Обязанности участников могут быть прямо закреплены нормами УПК РФ либо вытекать из общих принципов и логики процесса. Многие процессуальные обязанности детально регламентированы законом – в частности, обязанность потерпевшего говорить правду (ст. 42 УПК РФ), обязанность свидетеля явиться по вызову и дать показания (ст. 56 УПК РФ), обязанности по соблюдению порядка судебного заседания и т.д. Наряду с прямыми предписаниями, на участников распространяются общие требования добросовестного осуществления своих прав и недопустимости злоупотребления ими (это положение вытекает из принципов уголовного судопроизводства и разъясняется судебной практикой) [15, с. 66]. Таким образом, процессуальную обязанность можно определить как установленную УПК РФ и императивно обязательную для участника совокупность действий (или воздержания от действий), направленных на достижение целей уголовного судопроизводства [16, с. 88]. Невыполнение возложенных обязанностей нарушает нормальный ход правосудия и влечет предусмотренные законом последствия.

Процессуальная ответственность является завершающим элементом статуса, своеобразным «стражем» исполнения обязанностей. Применение мер ответственности гарантирует обязательность модели должного поведения участника. В доктрине дискутируется вопрос о самостоятельном характере уголовно-процессуальной ответственности [17, с. 33-35]. Существенная часть авторов признает ее особым видом юридической ответственности, наступающей именно за нарушение норм УПК РФ. Сущность этой ответственности заключается в том, что она реализуется в рамках уголовно-процессуальной деятельности: выражается либо в понуждении участника исполнить обязанность, либо в применении к нему санкций за неисполнение [18, с. 67-69]. Так, О.А. Зеленина подчеркивает нормативно-правовую обусловленность и основания наступления такой ответственности, а Лифанова Л. Г. описывает ее как гарантию исполнения процессуальных обязанностей всеми субъектами процесса [18, с. 70-73; 19, с. 405]. Формы реализации ответственности в действующем праве проявляются через меры процессуального принуждения, прямо связанные с конкретными обязанностями участника: например, денежное взыскание за уклонение от выполнения обязанностей (ст. 117–118 УПК РФ), принудительный привод при неявке без уважительных причин (ст. 113 УПК РФ), меры воздействия за нарушение порядка судебного заседания (включая удаление подсудимого или отключение его видео-связи при обеспечении права на последнее слово – ст. 258 УПК РФ) [17, с. 73-75]. Эти механизмы рассматриваются как «охранительный» инструмент, призванный обеспечить соблюдение процессуальных обязанностей и тем самым защиту прав участников [17, с. 73-75]. Соответственно, уголовно-процессуальную ответственность можно определить как совокупность установленных УПК РФ мер государственного воздействия (принуждения), применяемых к участнику процесса за неисполнение либо ненадлежащее исполнение им процессуальных обязанностей и выполняющих функцию поддержания дисциплины и достижения целей судопроизводства.

Обозначенные выше элементы в совокупности образуют содержание уголовно-процессуального статуса любого участника уголовного судопроизводства. Если лицо обладает правосубъектностью, реализует предоставленные ему права, свободы и законные интересы, пользуясь предусмотренными законом гарантиями, исполняет возложенные обязанности и несет ответственность за их нарушение – оно является полноправным субъектом процессуальных отношений. Однако, как было отмечено, далеко не все лица, фактически вовлекаемые в уголовный процесс, обладают такой полноценной «моделью» статуса. В уголовно-процессуальной доктрине и законодательстве выделяется ряд категорий участников, у которых тот или иной элемент статуса отсутствует или выражен неполно. Для обозначения таких случаев используется термин «**неопределённый процессуальный статус**» участника уголовного судопроизводства.

Под **неопределённым процессуальным статусом** понимается особое правовое состояние участника уголовного процесса, для которого характерна неполнота либо неопределённость законодательного закрепления структурных элементов его статуса. Иными словами, правовое положение такого лица не образует завершённой системы из правосубъектности, конкретных прав, обязанностей и гарантий, что препятствует ему в полной мере реализовывать и защищать свои права и законные интересы. Проблема неопределённого статуса возникает в тех случаях, когда закон либо вовсе не наделяет лицо специальным положением участника процесса, либо очерчивает его права и обязанности лишь фрагментарно. Таких ситуаций в уголовном судопроизводстве складывается немало, учитывая сложность предусмотреть в УПК абсолютно все роли и случаи участия различных лиц.

Так, И.В. Смолькова выделила несколько групп участников с неопределённым статусом, к таким относятся [20, с. 206-209]:

— Участники, формально указанные в разделе II УПК РФ, но чье правовое положение урегулировано неполно.

— Лица, не перечисленные среди участников в главах 6–8 УПК РФ, но упоминаемые в других нормах как участники отдельных процессуальных действий или отношений.

— Лица, вообще не упомянутые в УПК РФ, но фактически вступающие в процессуальные отношения.

— Лица, которые потенциально могли бы быть участниками процесса, однако действующим правом не предусмотрены.

Выделенные группы показывают, что неопределенный статус – явление разнохарактерное. **Главная объективная причина** его существования заключается в том, что законодатель не в силах исчерпывающе предвидеть все возможные ситуации и роли, возникающие при расследовании и разрешении уголовных дел. Закон фокусируется на ключевых фигурах процесса (органах расследования, суде, основных участниках со стороны обвинения и защиты и пр.), оставляя за рамками ряда эпизодических или побочных участников. Иногда сознательно принимается решение не усложнять текст УПК включением каждой потенциальной фигуры, рассчитывая, что пробелы будут восполняться практикой и гибким толкованием общих норм. Однако, подобная неопределенность статуса влечёт существенные **проблемы** с точки зрения соблюдения прав.

Тем не менее, неопределенность статуса ведёт к ряду проблем. Прежде всего, такие лица нередко лишены процессуальной правосубъектности в строгом смысле: поскольку закон не называет их участниками процесса, формально они не обладают полным объёмом правоспособности и дееспособности в данном уголовном деле. Например, заявитель преступления – любое дееспособное лицо вправе подать заявление о преступлении, но после принятия заявления он не считается участником процесса, а значит, не имеет прав требовать каких-либо процессуальных действий, представлять доказательства, обжаловать отказ в возбуждении дела (хотя последнее право в ряде случаев предоставлено судебной практикой в порядке ст. 125 УПК). Фактически, у заявителя есть лишь фактический интерес – добиваться расследования, но его реализация зависит целиком от воли следователя. Если заявление необоснованно не принимают, заявитель лишён возможности активно повлиять на ситуацию (кроме как жаловаться вышестоящему начальству). Это означает ущемление его права на доступ к правосудию, проистекающего из конституционного права на защиту своих нарушенных интересов.

Во многих случаях у лиц с неопределённым статусом отсутствует определённый набор прав и обязанностей. УПК РФ попросту не закрепляет за ними никаких прав, что ставит их в крайне уязвимое положение. Например, владельца арестованного имущества: законодатель прямо не наделил правами возражать против ареста, участвовать в судебном заседании при рассмотрении вопроса об аресте имущества, представлять доказательства в свою защиту. На практике суды могут учитывать его доводы, но по закону он не заявлен как участник этого производства (ч. 3 ст. 115 УПК РФ называет его «лицом, не являющимся участником судопроизводства»). В результате защита его имущественных интересов оказывается достаточно ограниченной и во многом зависит от усмотрения соответствующих должностных лиц. Аналогично, близкие родственники обвиняемого или потерпевшего, присутствующие при следственных действиях, или иные лица, чьи права затронуты следственными действиями, – их участие предусмотрено законом (напрямую или косвенно), но объём их прав непонятен. Обычно им позволяется присутствовать, но они не могут, к примеру, заявлять отводы, ходатайства, если только не обратиться к общему праву подачи жалобы по ст. 125 УПК РФ.

Отсутствие четких гарантий прав для таких лиц – ещё одна проблема. Поскольку их права не определены, то и механизмы защиты этих прав не разработаны. Если должностное лицо игнорирует их интересы, формально нельзя сослаться на норму закона, требующую учета мнения или соблюдения прав этого лица. Следовательно, контроль и надзор за соблюдением их интересов осложнён. Это противоречит принципу справедливости: права любого, чьи интересы затронуты решением, действием, бездействием, должны быть защищены, иначе доверие к правосудию снижается.

Обобщая, все вышесказанное, можно дать следующее определение термину «неопределенный процессуальный статус» – особое правовое состояние участника уголовного процесса, характеризующееся неполнотой либо отсутствием законодательного закрепления структурных элементов его статуса (правосубъектности, процессуальных прав, обязанностей или гарантий), что препятствует данному лицу в полной мере реализовывать и защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе. Выделение и теоретическое осмысление категории неопределенного статуса позволяет обозначить круг проблемных фигур в уголовном процессе, требующих внимания законодателя и правоприменителя.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что институт уголовно-процессуального статуса нуждается в дальнейшем развитии для учета всех лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. С одной стороны, полностью устранить неопределенность статуса затруднительно – уголовно-процессуальный закон не может предусмотреть абсолютно каждую возможную процессуальную роль без ущерба для его кодификационной стройности. С другой стороны, оставление ряда лиц вне четкого правового поля ведет к рискам нарушения их конституционных прав и подрывает принципы справедливости. В литературе предпринимаются попытки предложить решения – от точечного расширения перечня участников до использования общих категорий, таких как «*иное заинтересованное лицо*», для наделения их базовыми правомочиями. Например, предлагалось внедрить в отечественный процесс фигуру *amicus curiae* – третьей стороны, предоставляющей экспертное мнение суду, – однако пока эти идеи не получили законодательного воплощения [21, с. 39]. На практике частичным компенсатором выступает концепция законного интереса, через которую судами и следственными органами иногда удовлетворяются обращения лиц вне формального статуса (как в случае рассмотрения жалоб заявителей о преступлении или ходатайств иных заинтересованных лиц). Тем не менее, такие подходы не заменяют системного решения.

Обсуждая перспективы, следует признать, что проблема неопределенного статусного положения отражает баланс между принципом процессуальной экономии и необходимостью защиты прав личности. Возможным направлением дальнейших исследований может стать разработка универсальных законодательных критериев для определения минимального набора прав и гарантий для «*иных лиц, интересы которых затрагиваются*» в уголовном процессе. Продолжение научной дискуссии в этом русле позволит выработать рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на устранение выявленных пробелов.

Заключение

В рамках данного исследования сформулировано понятие неопределенного процессуального статуса участников уголовного судопроизводства и проведен анализ его структуры. Установлено, что такой статус характеризуется отсутствием полноты в закреплении ключевых элементов правового положения лица – правосубъектности, процессуальных прав, обязанностей или гарантий. В результате обладатели неопределенного статуса не могут в полной мере реализовать и защитить свои права, оставаясь в за пределами уголовного процесса.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении проблемы неопределенного статуса и предложении авторского определения данной категории. Теоретическая значимость результатов состоит в углублении понятия уголовно-процессуального статуса и раскрытии его границ. Практическая значимость заключается в том, что выводы исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики: законодатель может рассмотреть возможность более четкого регулирования правового положения отдельных «*иных лиц*», либо разработки общих норм о минимальных правах лиц, чьи интересы затрагиваются в процессе.

Таким образом, **неопределенный процессуальный статус** следует рассматривать как негативное явление, свидетельствующее о пробелах в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений. Его наличие требует осторожного подхода со стороны правоприменителя, который должен, по возможности, обеспечивать защиту интересов таких лиц посредством гибкого толкования закона и обращения к принципам справедливости. Дальнейшее исследование обозначенной проблемы и обсуждение возможных путей ее решения будет способствовать укреплению гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Брыляков С.П. Правовой статус личности на стадии возбуждения уголовного дела в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы: понятие и содержание // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (70). С. 58.
2. Кокорев Л.Д. Участники уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. – М., 1987. – с. 38-51.

3. Корнуков В. М. Связь и соотношение общественных и личных интересов в правообеспечительной сфере уголовного судопроизводства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 49–50.

4. Строгович М.С. Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

5. Гладышева О. В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6 (87). с. 126–127.

6. Петрова А. И. К вопросу об уникальности человека как подлинного субъекта права // Право и практика. 2023. № 2. с. 13.

7. Зеленина О.А. Соотношение категорий правоспособности и дееспособности в процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 6. – С. 30–34.

8. Алексеев С.С. Теория права: монография. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1995. – 311 с.

9. Строгович М.С. Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Проблемы общей теории права. – М.: Наука, 1990. – 304 с.

10. Стефанова Е. Ю. Элементы уголовно-процессуального статуса начальника органа дознания // Пробелы в российском законодательстве. 2019. Т. 12, № 3. С. 247–250

11. Самохвалов А.А. Субъективное право и законный интерес в уголовном судопроизводстве: вопросы соотношения и реализации // Вестник экономики, управления и права. – 2024. – Т. 17, № 2. – с. 110-118.

12. Рябokonев С.И. «Законный интерес» как научная проблема уголовного судопроизводства: вопросы терминологии // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 3 (18). – С. 43–46.

13. Ижнина Л. П., Абазалиев И. М. Структурный анализ процессуального положения участника уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 130–135.

14. Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 25. – С. 54–58.

15. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). – 2015. – с. 65-78.

16. Зеленина О.А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». – 2011. – № 1. – С. 81–89.

17. Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. – 1973. – № 9. – С. 33–35.

18. Зеленина О.А. Процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Журнал российского права. – 2012. – № 5 (185). – С. 67–75.

19. Лифанова Л. Г., Гаужаева В. А. Реализация уголовно-процессуальной санкции в правоприменительном процессе // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4(203). – с. 405-407.

20. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 205–210.

21. Лысенко В.В. Институт amicus curiae в теории и практике неправительственных организаций и Европейского Суда по правам человека // Российский судья. – 2008. – № 9. – с. 38-42.

The concept of undefined procedural status of participants in criminal proceedings in the context of structural analysis of procedural status

Lebin V.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the problem of participation in criminal proceedings by individuals whose procedural status is not exhaustively and unambiguously in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which results in a fragmented set of legal possibilities and heightened vulnerability of their legitimate interests. The relevance of the study is determined by the need for a theoretical conceptualization of the phenomenon of an "undefined procedural status" and the development of criteria for identifying it as a prerequisite for improving the effectiveness of rights guarantees.

Results. The structure of procedural status in criminal proceedings is refined, and it is substantiated that status uncertainty manifests itself in the incompleteness or inconsistency of the normative закрепление of one or more of these elements. The author proposes a definition of the category "undefined procedural status," identifies the reasons for its emergence, and outlines the legal consequences for the exercise and protection of the legitimate interests of persons involved in proceedings "outside" a formal status. A classification of relevant groups of participants is presented, and typical situations are demonstrated in which the scope of their protection in practice depends on the discretion of officials, thereby increasing the risk of arbitrary restrictions of rights.

Keywords: Participants in criminal proceedings, criminal procedural status, undefined status, procedural rights and duties, legitimate interests, legal guarantees, legal personality.

References

1. Brylyakov S.P. Legal Status of an Individual at the Stage of Initiation of a Criminal Case in Institutions Executing Sentences of Imprisonment: Concept and Content // Man: Crime and Punishment. 2010. No. 3 (70). P. 58-1.
2. Kornukov V.M. Theoretical and Legal Foundations of the Position of the Individual in Criminal Proceedings: Doctor of Juridical Sciences thesis. Saratov, 1987. 415 p.
3. Kokorev L.D. Participants in Criminal Proceedings. In: Problems of Codification of Criminal Procedure Law. Moscow, 1987. P. 47.
4. Strogovich M.S. Rights of the Individual in a Socialist Society. Ed. by V. N. Kudryavtsev, M. S. Strogovich. Moscow: Nauka, 1981. 272 p.
5. Gladysheva O.V. Theoretical Model of Mechanisms for Ensuring the Rights and Legitimate Interests of the Individual and Citizen in Criminal Proceedings: Doctor of Juridical Sciences thesis abstract. Moscow, 2013. 64 p.
6. Marchenko M.N. Theory of State and Law: textbook. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2008. 592 p.
7. Zelenina O.A. Correlation between legal capacity and active legal capacity in the procedural status of a participant in criminal proceedings. Bulletin of South Ural State University. Series: Law, 2011, no. 6, pp. 30–34.
8. Alekseev S.S. Theory of Law: monograph. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: BEK, 1995. 311 p.
9. Strogovich M.S. Selected Works. In 3 vols. Vol. 1: Problems of the General Theory of Law. Moscow: Nauka, 1990. 304 p.
10. Maslennikova L.N. Public and Dispositive Principles in Russian Criminal Proceedings: Doctor of Juridical Sciences thesis. Moscow, 2000. 555 p.
11. Samokhvalov A.A. Subjective right and legitimate interest in criminal proceedings: issues of correlation and implementation. Bulletin of Economics, Management and Law, 2024, vol. 17, no. 2, p. 115.
12. Ryabokonев S.I. "Legitimate interest" as a scientific problem of criminal proceedings: issues of terminology. Law and Order: History, Theory, Practice, 2018, no. 3 (18), pp. 43–46.
13. Volkolup O.V., Chupilkin, Yu. B. Guarantees of the Rights of Participants in Criminal Proceedings of the Russian Federation: study guide. Krasnodar: Kuban State University, 2005. 160 p.
14. Ovchinnikov Yu.G. System of criminal procedure guarantees. Bulletin of South Ural State University. Series: Law, 2010, no. 25, pp. 54–58.
15. Trubnikova T.V. Abuse of right in criminal proceedings: criteria and limits of state interference. The Russian Judge, 2015, p. 66.
16. Zelenina O.A. On legislative regulation of procedural duties of participants in criminal proceedings. Bulletin of Omsk State University. Series "Law", 2011, no. 1, pp. 81–89.
17. Chechina N.A., Elkind, P.S. On criminal procedural and civil procedural liability. Soviet State and Law, 1973, no. 9, pp. 33–35.
18. Zelenina O.A. Procedural liability in criminal proceedings: content and implementation. Journal of Russian Law, 2012, no. 5 (185), pp. 67–75.
19. Vetrova G.N. Criminal Procedural Liability: Candidate of Juridical Sciences thesis abstract. Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1981, pp. 7–8.
20. Smolkova I.V. Participants in criminal proceedings with an undefined procedural status. Bulletin of Baikal State University, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 205–210.
21. Lysenko V.V. The institute of amicus curiae in the theory and practice of non-governmental organizations and the European Court of Human Rights. The Russian Judge, 2008, no. 9, p. 39.